

ISBN 978-5-6040168-5-5

9 785604 016855

КРЫМСКИЕ ГОТЫ страны Дори (середина III-VII в.)

Целевой конкурсе

Крым в истории, культуре и экономике России

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

КРЫМСКИЕ ГОТЫ СТРАНЫ ДОРИ (середина III-VII в.)

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН
КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE CRIMEA RAS
V. I. VERNADSKY CRIMEAN FEDERAL UNIVERSITY

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

**КРЫМСКИЕ ГОТЫ
СТРАНЫ ДОРИ
(середина III–VII в.)**

A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova

**CRIMEAN GOTHS
IN THE REGION OF DORY
(mid-third to seventh century)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь 2017

Simferopol 2017

ББК 63.3(0)4(6Крм)
УДК 904 (100)»05: 930.85 (477.75)
А379

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №15-31-10123, не подлежит продаже

Рецензенты:

В. В. Майко, доктор исторических наук

А. В. Мастыкова, доктор исторических наук

Айбабин А. И.

А379 Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.) / А. И. Айбабин,
Э. А. Хайрединова ; приложение Д. А. Шалыги. – Симферополь :
ООО «Антиква», 2017. – 366 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-6040168-5-5

В монографии критически рассмотрена дискуссия о местонахождении описанной Прокопием Кесарийским области Дори и города Дороса, а также этноса его населения. Авторы на основе комплексного изучения письменных источников и материалов, выявленной в Юго-Западном Крыму археологической культуры, созданной аланами и готами около середины III века, а также аланами, перекочевавшими в конце IV века, пришли к выводу о локализации Дори между устьем реки Чёрной и южными склонами горы Демерджи.

На обложке: Вид на могильник у села Лучистого и Алуштинскую долину с юго-западного склона горы Демерджи (фото А. И. Айбабина) и реконструкция традиционного женского костюма крымских готов второй половины VI в. по материалам раскопок могильника у села Лучистого (реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

ББК 63.3(0)4(6Крм)
УДК 904 (100)»05: 930.85 (477.75)

ISBN 978-5-6040168-5-5

© А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова,
Д. А. Шалыга, текст, 2017
© Оформление. ООО «Антиква», 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Письменные источники (А. И. Айбабин)	6
Глава 2. История изучения области Дори (А. И. Айбабин)	10
1. История изучения области Дори в последней трети XVIII – начале XX вв.	10
2. Начало накопления археологических материалов	12
3. История изучения области Дори в 1920 – 1953 гг.	14
4. История изучения области Дори после 1953 г.	20
4-1. Археологические исследования раннесредневековых памятников в Юго-Западном Крыму	20
4-2. Дискуссия о локализации области Дори и «длинных стен»	21
4-3. Дискуссия об этногенезе населения области Дори	23
Глава 3. Миграции германцев и алан в Равнинный и Горный Крым в середине III в. (А. И. Айбабин)	26
Глава 4. Археологические памятники германцев и алан второй половины III-IV вв. в Юго-Западном Крыму (А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова)	33
1. Могильники с кремациями	34
2. Могильники с ингумациями	41
Глава 5. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов (А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова)	103
Глава 6. Археологическая культура населения области Дори VI-VII вв. (А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова)	149
1. Археологическая культура населения области Дори в период правления Юстиниана I	149
2. Археологическая культура населения области Дори в последней трети VI-VII вв.	160
Глава 7. Женский костюм с большой пряжкой второй половины VI-VII вв. (Э. А. Хайрединова)	250
1. Основные компоненты женского костюма с большой пряжкой	251
2. Типология костюма	262
3. Особенности костюма	267
Глава 8. Область Дори в VI-VII вв. (А. И. Айбабин)	300
Заключение	309
Приложение. Язык крымских готов (Д. А. Шалыга)	310
Summary	323
Литература	324
Список сокращений	365

Contents

Introduction	5
Chapter 1. Written Sources (<i>A. I. Aibabin</i>)	6
Chapter 2. The History of Researches of the Land of Dory (<i>A. I. Aibabin</i>)	10
1. The History of Researches of the Land of Dory from the Last Third of the Eighteenth to the Early Twentieth Century	10
2. The Beginning of the Accumulation of Archaeological Materials	12
3. The History of Researches of the Land of Dory in 1920–1953	14
4. The History of Researches of the Land of Dory after 1953	20
4-1. Archaeological Researches of the Early Mediaeval Sites in the South-Western Crimea	20
4-2. The Discussion on the Location of the Land of Dory and the “Long Walls”	21
4-3. The Discussion on the Ethnogenesis of the Population of the Land of Dory	23
Chapter 3. The Migration of the Germans and the Alans into the Plain and Mountainous Crimea in the Mid-Third Century (<i>A. I. Aibabin</i>)	26
Chapter 4. Archaeological Sites of the Germans and the Alans from the Second Half of the Third to the Fourth Centuries in the South-Western Crimea (<i>A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova</i>)	33
1. Cremation Cemeteries	34
2. Inhumation Cemeteries	41
Chapter 5. The South-Western Crimea in the Great Migration Period (<i>A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova</i>)	103
Chapter 6. Archaeological Culture of the Population of the Land of Dory in the Sixth and Seventh Centuries (<i>A. I. Aibabin, E. A. Khairedinova</i>)	149
1. Archaeological Culture of the Population of the Land of Dory under Justinian I	149
2. Archaeological Culture of the Population of the Land of Dory in the Last Third of the Sixth and Seventh Centuries	160
Chapter 7. Women’s Costume with a Big Buckle in the Second Half of the Sixth and Seventh Centuries (<i>E. A. Khairedinova</i>)	250
1. Main Components of the Women’s Costume with a Big Buckle	251
2. Typology of the Costume	262
3. Features of the Costume	267
Chapter 8. The Land of Dory in the Sixth and Seventh Centuries (<i>A. I. Aibabin</i>)	300
Conclusion	309
Appendix. Language of the Crimean Goths (<i>D. A. Shalyga</i>)	310
Summary	323
Bibliography	324
Abbreviations	365

Введение

История средневекового Крыма на протяжении многих столетий находится в центре внимания ученых и политиков. В научных трудах активно обсуждаются различные аспекты истории крымских готов и проблема локализации описанной в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского *De Aedificiis* (О постройках) [Procopius. *On Building*, III, VII, 10-17, p. 216-217] готской области Дори и ее главного города Дороса. Византинисты анализировали свидетельства письменных источников об области Дори и о Доросе, археологи исследовали приписываемую ее жителям археологическую культуру, тогда как филологи – германисты изучали язык населения Дори. В последние годы не только в научной литературе, но и в научно-популярной и даже в периодической печати бурно обсуждаются проблемы этногенеза в средневековом Крыму.

Сторонники полярных взглядов либо видели в жителях Дори только готов, либо полностью отрицали их присутствие в Крыму. Объективному изучению различных аспектов истории области Дори в Крыму зачастую мешали приверженцы подчинения исторической науки идеологической целесообразности. Идеологи нацизма локализацией готской области в Крыму обосновывали свои притязания на полуостров. В ответ на это, с конца 1930-х годов советским историкам запретили любое упоминание готов.

Большим интересом научного сообщества к крымским готам пользовались далекие от науки деятели, не гнушавшиеся фальсификациями и изготовлением письменных и эпиграфических «источников», таких, как «Записка готского топарха» и опукский камень с рунами.

Многие авторы для обоснования границ области Дори и расположения Дороса произвольно трактуют тексты упомянутого выше труда Прокопия Кесарийского и других средневековых авторов. Зачастую эти авторы либо вовсе игнорируют всесторонний анализ выявленных в Крыму археологических материалов раннесредневекового периода, либо опираются в своих выводах на отдельные находки.

Для определения местонахождения области Дори и города Дороса, а также этноса его населения необходимо комплексное рассмотрение письменных и археологических источников, характеризующих оставленную ее жителями материальную культуру, запечатленную в погребальной обрядности, в деталях традиционного костюма, в оружии и бытовой утвари.

Глава 1

Письменные источники

А. И. Айбабин

В трудах средневековых авторов содержится довольно скудная информация о готской стране Дори и крепости Дорос.

Авторы VI в. топонимом Дори называли укрепленный город и заселенный готами регион. Топоним впервые упомянут в учебнике Присциана «Грамматические наставления» (*Institutionum Grammaticarum*) [Vasiliev, 1936, p. 41-42]. Родившийся в римской провинции Мавритания, в городе Цезарея Присциан преподавал грамматику в Константинополе в первой трети VI в. [Jones, 1992, p. 991; The Oxford Dictionary, 3, 1991, p. 1720-1721]. По учебнику Присциана грамматику изучали и в XIII-XIV вв. Сохранились манускрипты учебника IX в. Его впервые напечатали в 1470 г. в Венеции (*Priscian latin grammar*). В одном из грамматических упражнений Присциан написал: «Дори ...название Понтийского опидума» «*Dory . . . nomen oppidi Pontici*», в другом — «*hoc Dory . . . nomina civitatum*» [Prisciani Grammatici, S. 195, Libri XVIII, VI,1; S. 283, Libri VII,1]. Несомненно, оба примера заимствованы из какого-то исторического или географического трактата, в котором речь шла о городке Дори, находившемся в понтийском регионе [Айбабин 1999, с. 119; Ajbabin 2011, S. 106].

Единственное довольно пространное описание области Дори дано в сочинении византийского историка Прокопия Кесарийского «О постройках» (*De Aedificiis*), вероятнее всего, написанном в 560 году [Cameron 1985, p. 11; Evans, 1996, p. 313; Dewing, 1940, p. IX-XI]. Перевод рукописи «*De Aedificiis*» на латинский впервые издал Беатус Ренанус в 1531 году в Базеле. Более полную версию текста опубликовал в 1663 году в Париже Клод Мальтре. Его латинский перевод переиздан в 1838 году К. В. Диндорфом в Боннском *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* [Procopius. *De Aedificiis*, 1838; Dewing, 1940, p. XVIII]. В 1913 году текст *De Aedificiis* на греческом и в переводе на латинский Я. Хаури опубликовал в Лейпциге в серии Б. Г. Тейбнера [Procopii. *De aedificiis*, 1913]. Модифицированная версия этой публикации использована в подготовленном Г. Б. Дьюингом переводе *De Aedificiis* на английский язык [Dewing, 1940, p. XVIII].

В напечатанном в 1837 году «Крымском сборнике» П. И. Кеппен процитировал из издания К. Мальтре греческий текст описания области Дори, а также латинский перевод текста и впервые перевел его на русский язык [Кепен, 1837, с. 54-57]. Тот же отрывок «*De Aedificiis*», но по изданию К. В. Диндорфа, перевел на русский В. Г. Васильевский [Васильевский, 1912, с. 371]. В обоих переводах географическая характеристика области Дори не соответствует греческому тексту Прокопия. Точнее перевел географические термины Ю. А. Кулаковский [Кулаковский, 1914, с. 61]. В 1939 году С. П. Кондратьев опубликовал перевод на русский всей книги *De Aedificiis*. Большинство русскоязычных историков цитирует перевод С. П. Кондратьева. Однако его трактовка географических и политических терминов подверглась обоснованной критике [Соломоник, Домбровский, 1968; Иванов, 1987; Сидоренко,

1991]. Поэтому в книге мы цитируем описание области Дори по отличающемуся терминологической точностью переводу Г. Б. Дьюинга.

Прокопий Кесарийский, повествуя о строительной деятельности Юстиниана I на побережье Эвксинского Понта, пишет о восстановлении стен Боспора и Херсона, находящихся за Меотидой, и строительстве там же крепостей Алустон и Горзувиты:

10. *Καὶ μὴν καὶ Βοσπόρου καὶ Χερσῶνος πόλεων, αἵπερ κατὰ τὴν ἐκείνη ἀκτὴν ἐπιθαλασσίδιαι μετὰ λίμνην τε τὴν Μαιώτιδα...* – Moreover, in the case of the coastal cities Bosphorus and Chersón, which lie on the shore there beyond the Maeotic Lake... – Кроме того, что касается прибрежных городов Боспор и Херсон, которые расположены на побережье, там за Меотидским озером... [Procopius. On Buildings, III, VII,10].

11. *ἔνθα δὴ καὶ φρούρια πεποιήται τό τε Ἀλούστου καλούμενον καὶ τὸ ἐν Γορζουβίταις* - In that region he built two fortresses, that called Aloustou and the one among the Gorzoubita - В том регионе он построил две крепости, так называемая Алуста и в Горзувитях [Procopius. On Buildings III, VII,11].

По Прокопию, в том же прибрежном регионе находилась область Дори:

13. *ἔστι δὲ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα, ἵνα δὴ ἐκ παλαιοῦ Γότθοι ὤκηνται οἱ Θεοδερῖχῳ ἐς Ἰταλίαν ἰόντι οὐκ ἐπιστόμενοι, ἀλλ' ἔθελοῦσιν αὐτοῦ μέιναντες, Ῥωμαίων καὶ εἰς ἐμέ εἰσιν ἐνσπονδοὶ ζυνοστρατεύουσι τε αὐτοῖς ἐπὶ πολεμίου τοῦ σφετέρου ἰούσιν, ἠνίκα ἂν βασιλεῖ βυλομένῳ εἴη.* - And there is a certain region along the coast there called Dory, where Goths have lived from ancient times, those namely who had not followed Theoderic when he went into Italy, but remained there of their own accord, and even up to my day they are on terms of alliance with the Romans. And they march with the Romans against their enemies whenever the Emperor so wishes. - И есть некая область здесь вдоль побережья, именуемая Дори, где готы жили с древних времен, а именно те, кто не последовали за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остались здесь по их собственному согласию, и даже в мое время они были в союзных отношениях с римлянами. И они выступают с римлянами против их врагов каждый раз, когда Император так желает [Procopius. On Buildings III, VII,13].

14. *ἐξικνοῦνται δὲ ἐς τρισχίλους, καὶ τὰ τε πολέμια ἔργα εἰσὶν ἄριστοι τὰ τε ἐς τὴν γεωργίαν αὐτουργοὶ δεξιοί, καὶ φιλοξενώτατοι δὲ εἰσὶν ἀνθρώπων ἀπάντων.* - Their number comes to three thousand, and they are both excellent soldiers and skilfull tillers of the soil, and the most hospitable people in the world. - Их число достигает до трех тысяч, и они - и превосходные воины, и искусные земледельцы и самые гостеприимные люди в мире [Procopius. On Buildings III, VII,14].

В трех параграфах Прокопий охарактеризовал страну готов:

15. *αὐτὴ δὲ ἡ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὕψηλῳ κεῖται, οὐ μέντοι οὔτε τραχεῖα οὔτε σκληρὰ ἐστίν, ἀλλ' ἀγαθὴ τε καὶ εὐφορὸς καρπῶν τῶν ἀρίστων.* - The land of Dory itself lies on high ground, yet it is neither rough nor hard, but good soil and productive of the best crops. - Сама страна Дори находится на возвышенности, еще она ни неровна, ни тверда, однако плодородная почва и производящая лучшие зерновые [Procopius. On Buildings III, VII,15].

16. *πόλιν μὲν οὐν ἢ φρούριον οὐδαμῆ τῆς χώρας ὁ βασιλεὺς ἐδείματο ταύτης, κατείργεσθαι περιβόλους τισὶν οὐκ ἀνεχομένων τῶν τῆδε ἀνθρώπων, ἀλλ' ἐν πεδίῳ ἀσμενέστατα ὠκημένων ἀεί.* - However, Emperor built no city or fortress in any part of this land, since the men of the country would not suffer themselves to be confined in any fortified places but always lived most happily in an open plain. - Однако Император не построил ни города или крепости ни в какой части этой земли,

так как люди страны не терпят сами, чтобы быть заключенными в каких-нибудь укрепленных местах, но всегда жили наиболее счастливо на открытой равнине [Procopius. On Buildings III, VII, 16].

17. *ὅπη ποτὲ δὲ τῶν ἐκείνη χωρίον βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιούσιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὴ τεχνίσμασι μακροῖς τὰς εἰσόδους περιβαλὼν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδου φροντίδας ἀνέστειλε Γότθοις.* . . - But wherever the region seemed easily accessible to assailants, he shut off these approaches with long walls and thereby freed the Goths from fear of invasion. So much, then, for this. - Но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением. . .» [Procopius. On Buildings III, VII, 17].

Топоним Дори упомянут в «Космографии» Равеннского Анонима. «Космография» написана, вероятно, священником – ученым книжником в конце VII в. в Равенне. В Ватиканской библиотеке хранится ее самая ранняя рукопись, датированная X в. Текст «Космографии» Равеннского Анонима впервые опубликовал в Париже в 1688 году П. Порхерон [Anonimi Ravennatis de Geographia, 1688], а в 1860 г. в Берлине появилось научное издание М. Пиндера и Г. Партая [Ravennatis anonimi cosmographia, 1860; Бородин, 1982, с. 54-55]. А. В. Подосинов подготовил издание «Космографии» с переводом на русский [Подосинов, 2002]. В «Космографии» Дори внесен в список городов страны Босфорани рядом с Херсоном: «*in qua Bosforiana patria plurimas fuisse civitates legimus, ex quibus aliquantas designare volumus, id est... Ermonassa, ... Boristenida, Olbiapolis, Capolis, Dori, Chersona, Theosiopolis, Careon, Trapezus*». – Мы читали, что в этой стране Босфорании было много городов, мы же хотим перечислить лишь некоторые из них, а именно (Г)ермонасса, . . . Бористенида, Ольбиаболис, Каполис, Дори, Херсона, Теосиополис, Кареон, Трапезус» [Ravennatis anonimi, 1860, p. 172-174; Vasiliev, 1936, p. 42, 66; Подосинов, 2002, с. 193]. А. А. Васильев считал топоним Дори в «Космографии» не достоверным [Ravennatis anonimi cosmographia, 1860, p. 172-174], поскольку данный топоним отсутствует у Иордана в соответствующем разделе, послужившем источником для «Космографии» [Vasiliev, 1936, p. 42, 66]. Сомнение А. А. Васильева вряд ли оправдано. Скорее всего, автор написанной в конце VII в. «Космографии» внес в список известный с VI в. городок Дори.

В исторических сочинениях первых десятилетий IX в. Дорос локализован в соседнем с Херсоном регионе.

В составленной между 814 и 821 годами «Краткой Истории» патриарха Никифора идет речь о том, как в 704 году ссыльный Юстиниан II бежал из Херсона и скрылся «. . . в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов – . . . *εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν*» [Чичуров, 1980, с. 155-163; Nikephoros, p. 100, 101]. Тогда как в написанной в 813-814 годах «Хронографии» Феофан Исповедник сообщал о бегстве в 704 году ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (*Δαρᾶς*) [The Chronicle of Theophanes. . . , p. 520, 527, 528].

Топоним Дорос упомянут и в церковных источниках конца VII–IX вв.

Документы Трулльского Вселенского собора в 692 году подписал епископ «Херсона Дорантского» Георгий: «*Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος*» [Ohme, 1990, S. 151].

В составленной после Седьмого Вселенского Собора между 787 и 805 годами Нотиции №3 (Notitia) свода Жана Даррузеса [Darrouzès, 1981, p. 31, 232; Цукерман, 2010, с. 402-405] росписи епархий Константинопольского патриархата, под номером 37 записана епархия Готии в ранге метрополии с резиденцией в Доросе (*ΑΗ' ἐπαρχία Γοθθίας / ἡ Δόρος μητρόπολις*) [Darrouzès, 1981, p. 241].

В созданном между 815 и 842 годами «Житии Святого Иоанна Готского» упомянута крепость, называемая Дорос (*τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος*) [Auzéry, 2006, p. 78-81; Айбабин, 2006, с. 617-618].

Как мы видим, современник Юстиниана I помещал область Дори в горной местности между Херсоном и Боспором, в том же прибрежном регионе, где император построил крепости Алуста и Горзувиты. В конце VII в. и позднее об области Дори писали как о соседней с Херсоном стране готов. Согласно церковным источникам, до конца VII в. приходы Дори подчинялись епископу Херсона, а во второй половине VIII в. Дорос назван центром Готской епархии и крепостью Готии.

Глава 2

История изучения области Дори

А. И. Айбабин

1. История изучения области Дори в последней трети XVIII – начале XX вв.

Основные гипотезы о местоположении готской области Дори, защищавших ее длинных стен и главного города Дороса сформулированы после публикации рассмотренных письменных источников в многочисленных работах по истории средневекового Крыма последней трети XVIII – начале XX вв.

Первую гипотезу о местонахождении Дори высказал шведский историк И. Э. Тунманн в кратком очерке истории Крыма, написанном незадолго до присоединения Крыма к Российской империи для изданного А. Ф. Бюшингом «Большого землеописания». И. Э. Тунманн, не ссылаясь на источники, поместил «Дори, Дорос или Дорас» в Инкермане [Tunmann, 1784, S. 341].

Там же локализовал Дорос в сочинении «История о Таврии» могилевский архиепископ С. Богуш-Сестренцевич [Bohusz-Siestrzeńcewicz, 1800; Богуш-Сестренцевич, 1806, I, с. 29,30], побывавший в Крыму в 1873 г. [Попов, Ганчар, 2012, с. 135]. Однако С. Богуш-Сестренцевич, сославшись на труд Прокопия, утверждал, что населявшие горную страну Дори готы-тетракситы построили свою столицу на горе Мангуп [Богуш-Сестренцевич, 1806, I, с. 276, 277]. Согласно Н. М. Карамзину, готская страна Дори находилась в Юго-Западном Крыму [Карамзин, 1818, т. 1, прим. 86].

Вторую гипотезу предложил работавший на полуострове с 1827 г. российский ученый П. И. Кепен. В 1833 г. он по поручению графа М. С. Воронцова обследовал средневековые крепости и монастыри в Горном Крыму и на Южном берегу, осуществил их топографическую съемку и нанес на карту. В опубликованной в 1837 г. книге П. И. Кепен, сопоставив результаты полевых работ с данным Прокопием описанием области Дори [Procopius. On Building, III, VII, 10-17, p. 216-217], называл область Дори Готией и помещал ее на Южном берегу, а в Готии – упомянутую в «Бревиарии» Никифора крепость Дорос [Nikerphoros, 1990, p. 100, 101, §42, 6-8). С «длинными стенами» он отождествлял остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды Крымских гор. По утверждению П. И. Кепена, в 547 г. или около 400 г. Византия подчинила Дори – Готию [Кепен, 1837, с. 53-61]. П. И. Кепен отмечал, что мнение И. Э. Тунманна о местоположении Дороса и Феодоро в Инкермане не подтверждено ссылками на достоверные источники [Кепен, 1837, с. 237-239].

Третью гипотезу высказал посетивший Крым в 1831-33 гг. швейцарский археолог Ф. Дюбуа де Монпере в повествовании о путешествии. В разделах об истории пещерных городов Горного Крыма он использовал как упомянутые выше труды Прокопия и Никифора, так и сочинения Страбона, Константина Багрянородного, Гийома Рубрука и других. По утверждению Ф. Дюбуа де Монпере, готы завоевали Крым во II в., ассимилируясь с аланами и уцелевшими тавроскифами. В 376 г. гунны вытеснили готов в Крымские горы [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 222, 223]. По словам Ф. Дюбуа де Монпере,

описанная Прокопием страна Дори находилась в горах между Севастополем и Симферополем в долинах рек Черная, Бельбек, Кача и Салгир, тогда как «длинными стенами» Юстиниана I являлись крепости, защищавшие ущелья, через которые реки текут в степи. В топонимах этих крепостей присутствует слово Кермен: Инкерман, Черкес-кермен (Эски-Кермен), Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Мангуш, Керменчик и другие [Dubois de Montpréaux, 1843, p. 224-226]. Опираясь на свидетельства средневековых авторов и эпиграфики, он отождествлял готский Дорос с находившимся на плато Мангуп средневековым Феодоро [Dubois de Montpréaux, 1843, p. 257-258].

В последней трети XIX в. повышенный интерес к истории крымских готов стимулировался полемикой о трактовании фрагмента анонимной записки, названной академиком А. А. Куником «Записка готского топарха» [Куник, 1874, с. 61]. Ее в 1819 году опубликовал французский византист К. Б. Газе в качестве объяснительного примечания к изданной по поручению и на средства русского канцлера графа Н. П. Румянцева «Истории» Льва Диакона [Leonis Diaconi, 1819, p. 254-259; Медведев, 2003, с. 160]. К. Б. Газе утверждал, что в отрывке идет речь о захвате Владимиром Корсуня в 988 г. Многие авторы видели в описанных в записке варваров крымских готов и поэтому в своих трудах обращались к проблемам истории готской страны Дори. И. И. Шевченко [Sevčenko, 1971, p. 117-188] и И. П. Медведев [Медведев, 2003, с. 160-172] убедительно доказали изготовление записки его первым издателем К. Б. Газе. Однако и в наше время не утратили своей актуальности выводы и суждения о стране Дори, высказанные не сомневающимися в подлинности «Записки готского или греческого топарха» видными историками Ф. К. Бруном, А. А. Куником, В. Г. Васильевским и др.

По мнению Ф. К. Бруна наименование области Дори происходит от армянского названия области тавров. Из рассказа о бегстве Юстиниана II из Херсона в крепость Дорос, Ф. К. Брун делал вывод о том, что крепость называли также как и страну Дори [Брун, 1880, с. 210-212]. Он полагал, что город Дори, помещенный Равенским географом между Калиполисом и Херсоном, тождественен с крепостью Дорос и расположенным на Мангупе Феодоро [Brun, 1866, p. 65-66; Брун, 1880, с. 210-212, 215, 232]. По его словам, во времена Прокопия приморская страна Дори находилась между Херсоном и Боспором, а точнее, как аргументировал Г. Караулов – неподалеку от Южного Берега, но не на южном, а на северном склоне Крымских гор [Караулов, 1871, с. 3-24; Брун, 1880, с. 210]. К концу VII в. территория Дори расширилась до Херсонеса включительно, а к 1333 г. Дори, наряду с Гераклейским полуостровом и всем Южным берегом между Балаклавой и Алуштой, вошли в Готию [Брун, 1880, с. 210, 212]. Выводы Ф. К. Бруна о местонахождении Дори и Дороса поддержали В. В. Латышев [Латышев, 1896, с. 48-49] и Ю. А. Кулаковский [Кулаковский, 1898, с. 179-182].

А. А. Куник, следуя текстам Прокопия, жития Св. Иоанна Готского и другим цитированным выше источникам, так же как и Ф. К. Брун помещал приморскую область Дори между Херсоном и Боспором, а город Дорос считал столицей Дори – Готии. По мнению А. А. Куника, со второй половины VII в. страну именовали Готскими климатами [Куник, 1874, с. 77-80].

По словам В. Г. Васильевского, Прокопий довольно определено обозначил географическое положение страны Дори, именовавшейся Готией и Готскими Климатами. Она простиралась по южному берегу Крыма от Балаклавы до Судака, а внутри полуострова ограничивалась Чатырдагом и другими горами, окаймляющими южный берег полуострова [Васильевский, 1912, с. 371-372].

По предположению С. П. Шестакова, описанную Прокопием область Дори, включавшую Мангуп и Ай-Тодор, создал император Зенон. Он предоставил го-

там горную территорию на берегу моря, находящуюся восточнее Херсона, для занятий земледелием и охраны Херсона [Шестаков, 1908, с. 8-9].

2. Начало накопления археологических материалов

Раскопки П. Дюбрюса в Керчи положили начало накоплению археологических артефактов, дающих представление о приписываемой готам материальной культуре. В 1817 г. он на склоне горы Митридат в Керчи впервые раскрыл захоронения раннесредневекового времени.

О большом интересе к Керченским древностям в Западной Европе свидетельствует организация командованием союзными войсками по сути грабительских раскопок в оккупированной в ходе Крымской войны Керчи. Служивший в английских войсках шотландец врач Д. Макферсон с октября 1855 г. до июня 1856 г. раскапывал Пантикапей. В составе коллекции, переданной Д. Макферсоном в Британский музей, имеются и пальчатые фибулы, характерные для готского женского костюма [Mcpherson, 1857, Tab. V].

После завершения Крымской войны с 1867 г. на некрополе на склоне г. Митридат копал директор Керченского музея А. Е. Люценко (в 1867, 1869, 1875, 1876 гг.) [Бич, 1969, с. 299-303], а в 1890, 1894 и 1895 гг. – киевский византист профессор Ю. А. Кулаковский [Кулаковский, 1891].

Жозеф де Бай

Находки из Керченского некрополя, поступившие в Российские и иностранные музеи, либо попавшие в руки антикваров и частных коллекционеров привлекли внимание французского специалиста по древностям раннесредневековых варваров Ж. де Бая [Baue, 1892, p. 4-6]. Основываясь на изучении этих находок, еще до начала масштабных раскопок некрополей на Госпитальной улице в Керчи и в Юго-Западном Крыму, Ж. де Бай выделил главные элементы готского женского костюма: пальчатые фибулы, пряжки с прямоугольным щитком и 14-гранные серьги [Baue, 1891, p. 3-6]. Отметив присутствие этих элементов в костюме других германцев, Ж. де Бай, считавший керченские находки более древними, утверждал, что именно готы стали «импортерами» названных вещей на Запад [Baue, 1891, p. 6-7]. Правда знаток германских фибул Б. Салин аргументировано предположил, что керченские пальчатые фибулы всех типов изготовлялись по образцам из Придунавья [Salin, 1904, S. 32]. Характерной чертой готских вещей Ж. де Бай считал орнаментальный мотив в виде головы хищной птицы с загнутым клювом [Baue, 1888, p. 4-5; Baue, 1899, p. 15-18]. К готским древностям Ж. де Бай относил и вещи с инкрустацией эпохи переселения народов [Baue, 1892, Pl. 3].

В 1902-1909 гг. директор Керченского музея В. В. Шкорпил провел масштабные раскопки некрополя на склоне горы Митридат на Госпитальной улице и в выходящих на нее переулках. В ходе раскопок В. В. Шкорпила были выявлены неразграбленные позднеантичные и раннесредневековые погребения [Шкорпил, 1907, с. 1-66; Шкорпил, 1909, с. 1-50; Шкорпил, 1909а, с. 51-98; Шкорпил, 1910, с. 12-47). Однако печатные отчеты об этих раскопках лишены иллюстраций, а описание найденных пряжек, фибул и серег сведено к констатации их принадлежности к «готскому» стилю (Шкорпил 1907, с. 6, 8, 40, 43, 46, 58; Шкорпил, 1909, с. 3, 4, 6, 18, 25; Шкорпил, 1909а, с. 52, 67; Шкорпил, 1910, с. 32-33). В. В. Шкорпил счи-

тал готскими обнаруженные в склепах 1904 г. на Госпитальной улице полихромные изделия эпохи Великого переселения народов, а также пальчатые фибулы и большие пряжки второй половины VI-VII вв. и датировал их по монетам III-IV вв. [Шкорпил, 1907, с. 1, 2, 8].

В Юго-Западном Крыму археологический поиск оставленной готами материальной культуры в 1853 году начал граф А. С. Уваров. На плато Мангуп он раскрыл несколько скальных гробниц перед оборонительной стеной цитадели, которую принял за дворец прежних владельцев города [Уваров, 1910, с. 14; Тиханова, 1953а, с. 334; Герцен, 1990, с. 93].

В 1890 г. Ф. А. Браун обратился в Императорскую археологическую комиссию с запиской о необходимости поисков археологических следов готов в Крымской Готии на Мангупе, в Сюйрени, в деревне Бия-сала и Партените [Тихонов, 2016, с. 336]. Правда, из-за недостатка времени он провел раскопки только на Мангупе. Опубликованные в Отчетах археологической комиссии материалы раскопок Ф. А. Брауна, несмотря на низкое качество методики и документации, важны для понимания истории Магупа. Он дал первое краткое описание оборонительных сооружений на плато и открыл октогональный храм на мысу Тешкли-Бурун и базилику в северной части плато [Тиханова, 1953а, с. 334, 335; Герцен 1983, с. 91]. По утверждению Ф. А. Брауна, найденная в кладке башни надпись с упоминанием крепости Феодоро «решает в пользу Мангупа» вопрос о локализации Феодоро [ОАК, 1893, с. 20].

В последней четверти XIX в. археологическая культура готов впервые была выявлена на Южном берегу. В 1879 г. художник Д. М. Струков нашел раннесредневековые могилы близ средневековой крепости Гурзуфа [Струков, 1879]. В 1889 г. А. Н. Харузин раскрыл на этом некрополе свыше двадцати могил и обнаружил близ Гурзуфа могильники Бал-Гота, в урочище Гугуш и в имении Суук-Су [Харузин, 1890, с. 5-6]. На опубликованной таблице находок представлены фрагменты трех орлиноголовых пряжек с территории Гурзуфского могильника. Определавший по просьбе А. Н. Харузина находки археолог В. И. Сизов назвал орлиноголовые пряжки «изделиями готского (также меровингского) типа» и отнес к IV-V вв. [Харузин, 1890, с. 99, табл. IV, 1,2,9]. А. Н. Харузин полагал, что обследованные им некрополи принадлежали готам области Дори, называвшейся в IX в. Готией. Цитируя данное Прокопием описание области Дори, А. Н. Харузин поместил ее между Гурзуфом, Партенитами и Алуштой. По его мнению, Юстиниан I построил крепости для защиты Дори [Харузин, 1890, с. 99-100].

В 1899-1902 гг. в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) и Одесское общество истории и древностей (ООИД) поступили вещи из разрушенных некрополей, а также найденные на территории Кореиза и Кекенеиза [Репников, 1906, с. 1-2; Айбабин, 1990, с. 5].

В начале XX в. ИАК организовал в Юго-Западном Крыму широкомасштабные научные раскопки раннесредневековых могильников. По поручению и на средства ИАК в 1903-1905 и 1907 гг. Н. И. Репников раскопал 200 погребальных сооружений в Суук-Су, зачистил отдельные погребения в Бал-Готе и Узень-Баше, а также зафиксировал несколько находок из полностью разрушенных могильников в Артеке и Кореизе [Репников, 1906, с. 1-80; Репников, 1907, с. 101-148; Репников, 1909, с. 105-111]. Благодаря находкам византийских монет в неразграбленных погребениях, а также публикации материалов раскопок на высоком научном уровне, с подробным описанием всех комплексов инвентаря, могильник Суук-Су достаточно долго оставался единственным эталоном для обоснования хронологии раннесредневековых древностей не только Крыма, но и варваров Центральной и Западной Европы. Н. И. Репников отметил, что погребения выяв-

лены в двух слоях. Нижний слой с интересующими нас находками он датировал по монетам V-VII вв. [Репников, 1906, с. 32].

В 1912-14 гг. ИАК поддержала раскопки директора Херсонесского музея Р. Х. Лепера на Мангупе, искавшего на плато готские могилы [Лепер, 1913, с. 75]. В докладе о раскопках на Мангупе, прочитанном на заседании Таврической ученой архивной комиссии в 1912 г., Р. Х. Лепер выделил в истории Мангупа готский период [Протоколы, 1913, с. 268]. В докладе о результатах раскопок на плато, прозвучавшем на заседании Таврической ученой архивной комиссии в 1913 г., Р. Х. Лепер посетовал на то, что ему не удалось найти предметы, «относящиеся к готской эпохе» [Протоколы, 1914, с. 300]. К сожалению, Р. Х. Лепер не составлял описи находок, не вел полевых дневников и не подготовил отчетов о раскопках на плато [Тиханова, 1953а, с. 335-336].

В результате раскопок в Крыму историки получили возможность работать с новыми археологическими источниками. Многие исследователи обратили внимание на сходство найденных в Керчи и на Южном берегу орлиноголовых пряжек и фибул с соответствующими вещами из захоронений германцев, известных в Западной Европе и Скандинавии. Поскольку письменные данные о присутствии готов в Крыму не вызывали у историков сомнения, то этническая интерпретация находок имевших близкие соответствия в древностях готов на западе не обсуждалась. У исследователей некрополей и у историков не возникло сомнения по поводу их готской принадлежности. Поэтому первые, открытые в Крыму могильники, были связаны с готами письменных источников [Ваге, 1888, р. 2-3; Ваге, 1908, р. 3-43; Salin, 1904, S. 32, 124-129, 193; Репников, 1906; Репников, 1907; Репников, 1909; Götze, 1907, S. 12-20, 30-34].

Во время Первой Мировой войны и Гражданской войны археологические исследования в Крыму прекратились. Сложившейся ситуацией хотели воспользоваться некоторые германские историки и политики, убедившие во время оккупации Украины немецкими войсками в 1917-18 гг. главнокомандующего фельдмаршала Эйхгорна в необходимости провести раскопки в стране Крымских готов. Убийство Эйхгорна и революция в Германии прервали подготовку раскопок [Тихонов, 2016, с. 343].

3. История изучения области Дори в 1920 – 1953 гг.

*Александр Александрович
Васильев*

Новый этап в изучении истории крымских готов начался после изгнания из Крыма в ноябре 1920 г. белогвардейцев.

В 1921 г. профессор Петроградского университета, председатель РАИМКа А. А. Васильев опубликовал первую часть фундаментального очерка «Готы в Крыму» [Васильев, 1921, с. 265-344]. В 1925 г. он выехал в официальную командировку в Берлин и Париж. По протекции М. И. Ростовцева А. А. Васильев получил приглашение на год на работу в Висконсинском университете в Мэдисоне и в 1928 г. решил остаться в США. В связи с этим А. А. Васильева исключили из Академии Наук и остановили публикацию третьей части «Готов в Крыму». В Мэдисоне А. А. Васильев переработал рукопись книги, дополнил ссылками на новую литературу и анализом материалов раскопок на Эски-Кермене, перевел ее на английский язык и издал

в 1936 г. [Vasiliev, 1936]. «The Goths in the Crimea» - образец обобщающей работы, где ясно, с использованием традиционных исторических методов, с большим количеством ссылок на византийские и восточные письменные источники, а также на доступные археологические материалы и исследования дана характеристика истории полуострова и крымских готов с середины III до середины XVIII вв. Несмотря на сотрясавшие СССР политические и идеологические катаклизмы, многие отечественные обобщающие исторические труды по средневековому Крыму опираются на разработанную А. А. Васильевым концепцию истории полуострова. По понятным причинам русскоязычные историки предпочитают пользоваться опубликованными в СССР главами. На Западе «The Goths in the Crimea» и поныне является самой востребованной книгой по истории Крыма.

А. А. Васильев утверждал, что Прокопий назвал занятую горными готами область (*χώρα*) по имени существовавшего уже в конце V в. и упомянутого в «Грамматике» Присциана города Дори. По предположению А. А. Васильева, именно эта область в «Космографии» в перечне крымской и боспорской топонимии названа страной Гето Гиторум (*Getho Githorum*): “...*nec non Getho Githorum, Sugdabon, Fanaguron, paludis Maeotidon* – а также Гето Гиторум, Сугдабон, Фанагурон, болота Меотиды” [Vasiliev, 1936, p. 176]. Согласно А. А. Васильеву, область занимала южное побережье между Балаклавой и Сугдеей, ограничиваясь крымскими горами Чатыр-Дагом, массивом Мангупа и др. [Васильев, 1921, с. 46,47; Vasiliev, 1936, p. 42]. В первом русскоязычном издании «Готов в Крыму» исследователь отождествлял Дорос с Мангупом, а область Дори – с Готией, Готскими Климатами, Феодоро [Васильев, 1921, с. 45-49]. По словам А. А. Васильева, рассказ Прокопия о строительстве в Крыму по повелению Юстиниана крепостей и защищающих горные проходы длинных стен указывает на создание своего рода *limes Tauricus* [Васильев, 1927, с. 181-182].

В 1921 г. возобновилось изучение готских «пещерных» городов. В 1921-27 гг. городище на плато Эски-Кермен обследовал археолог, заместитель директора Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнст, сделавший топографическую съемку, обмеры и фотографии сохранившихся средневековых сооружений. Он также собрал на плато керамику. Н. Л. Эрнст предположил, что пещерный город основали в XII в. византийцы – выходцы из Малой Азии, мигрировавшие на территорию готского Мангупского княжества [Эрнст, 1929, с. 22, 41-43].

В 1928 г. на плато Эски-Кермен начала системные раскопки руководимая Н. И. Репниковым экспедиция ГАИМКа, Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ). По утверждению Н. И. Репникова, он выявил на плато остатки значительного для средневековья готского города с улицами, домами, общественными зданиями и водопроводом. Открытием готского города заинтересовались историк академик С. В. Платонов и немецкие историки, пожелавшие принять участие в раскопках столицы готов. В 1929 г. при содействии С. В. Платонова на плато продолжила исследования экспедиция Н. И. Репникова. В августе 1929 г. С. В. Платонов, А. И. Маркевич, И. Э. Грабарь, Л. А. Мацулевич осмотрели Эски-Кермен, а в сентябре пещерный город посетила группа немецких историков. Совместные раскопки не состоялись из-за ареста С. В. Платонова, обвинённого в шпионаже в пользу Германии [Тункина, 2008, с. 249-250]. В 1930, 1932 и 1933 гг. раскопками руководил Ф. И. Шмит. Н. И. Репникова в марте 1931 г. арестовали сотрудники ОГПУ, но в мае выпустили на свободу [Тункина, 2008, с. 251] и именно он вел раскопки на плато в 1931, 1936 и 1937 гг. В 1933 г. могильник изучался совместно с Пенсильванским университетом США.

С конца 1920-х гг. в СССР в историческую науку внедрялась разработанная академиком Н. Я. Марром теория стадийного развития языков или яфетическая теория, которую высокопоставленные советские и партийные руководители считали марксистской. По мнению директора ГАИМКа Н. Я. Марра, «Готский вопрос являлся одним из основных в истории Восточной Европы» [Равдоникас, 1932, с. 2]. Задача пересмотра «готского вопроса в русле теории стадийности» была поставлена перед созданной в конце 1930 г. в ГАИМКе готской группой под руководством приверженца марксистской археологии В. И. Равдоникаса [Равдоникас, 1932, с. 2]. В состав группы вошли сотрудники Эски-Керменской экспедиции Н. И. Репников, Ф. И. Шмит, Е. В. Веймарн, а также Н. Я. Марр, Л. А. Мацулевич, А. А. Спицын, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Н. В. Малицкий и др. [Тункина, 2008, с. 251]. На заседаниях группы обсуждались доклады по найденным на Эски-Кермене материалам.

В 1932 г. был опубликован названный «Готским сборником» том ИГАИМКа, содержащий материалы раскопок экспедиции в 1928-1930 гг. В первой и самой большой статье «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья» В. И. Равдоникас сформулировал новую, основанную на методологии диалектического материализма и теории стадийности развития концепцию этногенеза готов в Крыму и Северном Причерноморье. В. И. Равдоникас доказывал, что автохтонная готская народность сформировалась в результате последовательной смены киммерийской, тавро-скифской и сармато-аланской стадий [Равдоникас, 1932, с. 5-98]. Разработанная В. И. Равдоникасом концепция автохтонного развития готского этноса в Крыму доминировала многие десятилетия в трудах по истории народов Крыма.

*Николай Иванович
Репников*

В статьях Н. И. Репникова город на плато Эски-Кермен по керамике датирован V-XII вв. По его утверждению, облицовка оборонительных стен Эски-Кермена аналогична участкам куртин и башни Херсонеса, возведенным при императоре Зеноне. Н. И. Репников по аналогиям из Суук-Су без детального анализа отнес все находки с некрополя на склоне плато Эски-Кермен к V-VII вв. и априори считал их готскими – как найденные в области «крымских готов» [Репников, 1932а, с. 178-179]. Он не сомневался в том, что описанная Прокопием готская область Дори – своего рода *limes Tauricus* – не могла не иметь административного укрепленного центра. Однако поскольку на Мангупе не выявлены слои ранее X в. и фрагмент плиты с именем Юстиниана обнаружен в базилике в могиле генуэзского периода [Протоколы, 1914, с. 298], то на плато нельзя локализовать город Дори. Как считал Н. И. Репников, именно на Эски-Кермене находился сооруженный готами в конце V в. город Дорос – столица области Дори, а в 962 г. - резиденция готского топарха [Репников, 1932а, с. 116-117, 130, 136, 137, 144, 149-150; Репников, 1932б, с. 181-211; Репников, 1935, с. 18-42]. С этим суждением Н. И. Репникова согласились А. А. Васильев в «The Goths in the Crimea» [Vasiliev, 1936, p. 72, 73] и Г. В. Вернадский [Vernadsky, 1943; Вернадский, 2000, с. 206-207]. Как полагал Н. И. Репников, после разрушения хазарами в 962 г. укреплений Эски-Кермена, резиденцию правителя крымских готов перенесли на гору Мангуп. Топархом Готии А. А. Васильев и

Н. И. Репников, также как и многие другие, именовали византийского чиновника, которого считали автором так называемой «Записки греческого (или готского) топарха». Напомним, что она является фальшивкой [Ševčenko, 1971, p. 117-188; Медведев, 2003, с. 160-172].

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х г. в Юго-Западном Крыму проводились раскопки некрополей позднеримского и раннесредневекового времени. Н. Л. Эрнст в 1926 г. зачистил два склепа на могильнике Узень-Баш, а в 1927 г. – три склепа на могильнике, выявленном на границе третьей горной гряды и степи в Нейзаце [Высотская, Махнева, 1983, с. 73; Айбабин, 1990, с. 6]. В 1932 и 1935 гг. В. Д. Блаватский исследовал близ римской крепости Харакс первый на Южном берегу некрополь с трупосожжениями, который, по его мнению, оставлен потомками обитателей *canabae* - членов семей легионеров [Блаватский, 1951, с. 262-274].

После 1932 г. готскую группу, очевидно, расформировали, а ее участники подверглись репрессиям [Тункина, 2008, с. 251]. В 1933 г. как германские шпионы были арестованы руководитель Эски-Керменской экспедиции Ф. И. Шмит, расстрелянный в 1937 г., и Н. В. Малицкий, умерший в 1938 г. в лагере. В 1937 г. после проведения раскопок эски-керменскую экспедицию закрыли. В научном архиве ИИМКа в г. Санкт-Петербург хранятся только полевые материалы, тогда как отчет о работах отсутствует. В 1938 г. в Симферополе по аналогичному обвинению арестовали и отправили в лагерь Н. Л. Эрнста.

Однако одновременно с репрессиями продолжалось изучение крымских готов. В 1938 г. экспедиция Севастопольского музея краеведения и ИИМКа (до 1937 г. ГАИМК) под научным руководством А. Л. Якобсона, М. А. Тихановой и Е. В. Веймарна на плато Мангуп возобновила раскопки базилики, исследовала дворец, оборонительные сооружения и могильник [Тиханова, 1953б, с. 336-337]. В прочитанном в 1936 г. в ГАИМКе, но опубликованном в 1940 г. докладе «Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Мангупская базилика» А. Л. Якобсон назвал принадлежавшую готам область «Крымской Готией раннего средневековья V-VII вв.» и позиционировал ее в том же горном регионе, что и В. Г. Васильевский и А. А. Васильев. А. Л. Якобсон высказался против предложения Н. И. Репникова о «перемещении географических названий на исторической карте Крыма». По мнению А. Л. Якобсона, крепости на плато Эски-Кермен и Мангуп возвели при императоре Зеноне в конце V в., которые он вслед за А. А. Васильевым считал укреплениями византийской *limes Tauricus*. По материалам раскопок А. Л. Якобсон датировал сооружение базилики на Мангупе временем Юстиниана I [Якобсон, 1940, с. 205-225]. Правда, вряд ли можно согласиться с утверждением А. Л. Якобсона о ктиторском характере надписи с именем Юстиниана. Эту плиту использовали вторично и могли принести откуда угодно.

В 1940-х гг. С. Ф. Стржелецкий начал раскопки Инкерманского могильника [Стржелецкий, 1947, с. 283 – 302].

После вероломного нападения нацистской Германии на СССР готскую тематику взяли на вооружение нацистские идеологи и пропагандисты для поиска исторических доказательств «прав» Германии на Крым. А. Гитлер и идеолог нацизма А. Розенберг планировали очистить Крым от негерманского населения и включить полуостров в состав Германии. Во исполнение планов Гитлера и Розенберга в июле 1942 года была организована поездка немецких офицеров на готское городище Мангуп [Романько, 2016, с. 554-556]. В 1942 г. вышло несколько пропагандистских и научных публикаций о крымских готах. В научных публикациях компилировались статьи и выводы Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса из «Готского сборника». Нацистские археологи вслед за авто-

рами сборника и А. А. Васильевым локализовали Готию в горном Крыму и на южном берегу, а столицу страны крепость Дорос - на Эски-Кермене [Тоерфер, 1942, S. 195-200]. Как считал Гитлер, поскольку готы жили на полуострове и в XVI столетии, то Крым необходимо переименовать в «Готенланд» [Романько, 2016, с. 555].

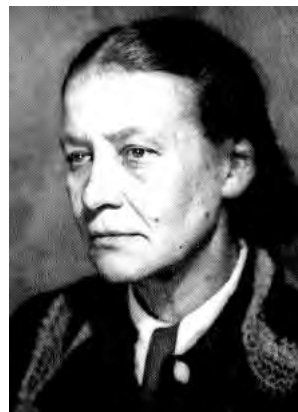

*Александр
Леопольдович
Якобсон*

В СССР в начале войны врагами государства объявили всех живших в стране немцев. В августе 1941 г. во исполнение Директивы Ставки Верховного главнокомандования о «немедленной зачистке территории полуострова от местных жителей – немцев и других антисоветских элементов» депортировали 51000 немцев. В том же году были прекращены любые исследования готов в Крыму. А. Л. Якобсон в редких статьях о крепостях страны Дори вынужден был обходиться без этнонима готы [Якобсон, 1948, с. 55-63] или критиковать А. А. Васильева за «тенденциозное извращение» истории горного Крыма, рассматриваемой как история готов [Якобсон, 1950, с. 18].

Спустя год после победы в Великой Отечественной войне вновь начались в основном охранные раскопки в Юго-Западном Крыму. Заместитель директора «Музея пещерных городов» П. П. Бабенчиков в 1947 г. обнаружил раннесредневековый могильник в селе Баштановка. В 1946 - 1947 гг. он вел археологические раскопки раннесредневекового могильника у юго-западного склона Чуфут-Кале. В 1948 г. эти работы продолжил Е. В. Веймарн, в 1952 и в 1954-1962 гг. – В. В. Кропоткин [Кропоткин, 1958, с. 210; Кропоткин, 1965, с. 108]. В 1948, 1950 и 1952 гг. Е. В. Веймарн руководил раскопками Инкерманского могильника [Веймарн, 1963, с. 15], а в 1950 г. В. П. Бабенчиков исследовал единственный биригуальный могильник с трупположениями и кремациями у села Чернореченское (ныне Хмельницкое) [Бабенчиков, 1963, с. 90]. Еще один могильник, аналогичный некрополю Суук-Су, в 1951-1953 гг. раскапывался у подножья высоты «Сахарная Головка» в Инкерманской долине [Борисова, 1959, с. 169]. Исследователи открытых в низовьях реки Черная в Инкермане могильников отметили сходство вновь выявленных кремаций с трупосожжениями черняховской культуры, которые в то время приписывали славянам. Е. В. Веймарн и С. Ф. Стрежелецкий в статье, опубликованной в 1952 г. высказали мнение о принадлежности найденных в Черноречье кремаций славянам, мигрировавшим в Крым около III в. н. [Веймарн, Стрежелецкий, 1952, с. 94].

В начале 1950-х годов И. В. Сталин, стремясь задним числом оправдать преступную депортацию народов из Крыма, Кавказа и других регионов, так же как и политику государственного антисемитизма, поставил задачи перед Политбюро ВКПб и Академией Наук найти историческое и идеологическое обоснование изменению государственной национальной политики. Новая концепция исторической науки в СССР должна была основана на решительном отказе от теории Н. Я. Марра о стадийности развития языков. И. В. Сталин подверг ее жесточайшей критике в статье «Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании», опубликованной 20 июня 1950 года в газете «Правда».

*Мария Александровна
Тиханова*

В Крыму идеологический запрос на создание новой «правильной» истории Крыма исполнил П. Н. Надинский, бывший крупный партийным работником из-за тяжелой болезни, не смотря на отсутствие высшего образования, ставший историком. В 1951 г. появилась первая часть его «Очерков по истории Крыма» [Надинский, 1951]. П. Н. Надинский не успел учесть указание «вождя» об отказе от марризма и утверждал об автохтонности в Крыму происходивших от скифов славян. Он приписал им и кремации из Черноречья. Этот вывод П. Н. Надинский позаимствовал из докладов и отчетов о раскопках Е. В. Веймарна и С. Ф. Стрежелецкого. Не обремененный знанием источников и научной литературы П. Н. Надинский трактовал историю готов, оперируя пропагандистскими штампами и ругательствами. По Надинскому «...группу наемников-готов, осевшую в Крыму и полностью растворившуюся среди местного (тавроскифского) населения, немецкие буржуазные историки и их подпевалы пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить «народом», якобы «оплодотворившим» своей готской культурой население Крыма» [Надинский, 1951, с. 43].

23-25 мая 1952 г. в Симферополе состоялась объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН, посвященная проблемам истории Крыма. Сессия должна была своим научным авторитетом закрепить результаты преступной депортации из Крыма в 1941 и 1944 гг. немцев, крымских татар, греков, болгар и армян. В своих докладах Б. Д. Греков, В. Д. Блаватский, П. Н. Шульц, Б. А. Рыбаков, С. А. Секиринский и др. единодушно критиковали теорию Н. Я. Марра и его последователей и осудили буржуазную трактовку, представлявшую Крым тавро-скифским, греческим, готским, татарским. Б. А. Рыбаков поддержал идею Е. В. Веймарна и С. Ф. Стрежелецкого о принадлежности славянам кремаций из Инкермана и приписал славянам могильник Суук-Су. Выступавшие «громил» буржуазную историографию, которая с целью оправдания агрессии германских империалистов против СССР «объявила готов создателями никогда не существовавшего «готского государства» в Причерноморье и Крыму». В поддержке этой фальсификации обвиняли некоторых советских археологов. Выступавшие утверждали, что готы составляли в III-VI вв. лишь незначительную и притом довольно быстро ассимилировавшуюся часть пришлого населения Крыма и никогда не играли сколько-нибудь существенной роли в его истории [Греков, Бромлей, 1952, с. 72-74]. В «Решении» сессии были поставлены конкретные задачи дальнейшего познания этнической истории Крыма: «...На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов как варианты реакционной нормандской теории. Широко и всесторонне изучать историю проникновения славян и славянские поселения в Крыму. . . Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма. » [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 211, 212].

Б. Д. Греков, Ю. В. Бромлей и др. в своих статьях поддержали решения сессии. А. П. Смирнов в статье 1953 г., повторил упомянутые выше аргументы «о раннем» появлении славян на полуострове [Смирнов, 1953]. В 1953 г. решения сессии также руководствовались В. В. Кропоткин и М. А. Тиханова. Они утверждали, что нет оснований считать готскими могильники Суук-Су, Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Артек. В. В. Кропоткин в защищенной в 1953 г. диссертации и в опубликованном в 1959 г. ее разделе сопоставлял конструкцию раннесредневековых склепов и могил с соответствующими погребальными сооружениями позднеантичных некрополей. По его словам, склепы и могилы характерны для тавров и скифов, а подбойные могилы – для сармато-алан. В VI-VIII вв. с распространением христианства в Юго-Западном Крыму тавро-скифы и сарматы перестали хоронить в склепах и подбойных могилах и начали хоронить в плитовых и

каменных гробницах [Кропоткин, 1953, с. 5-7; Кропоткин, 1959, с. 190-192]. По М. А. Тихановой, в середине III в. небольшие отряды готов и боранов вторглись в юго-западную часть нагорья и на южный берег, где смешались с тавро-скифами и аланами Яйлы и южного берега. Именно это этнически неоднородное население Прокопий называл готами области Дори [Тиханова, 1953, с. 322-324]. Однако В. В. Кропоткин и М. А. Тиханова, отрицая какую-либо связь кремаций из Харакса и с Черной речки со славянами, готами и черняховской культурой, приписывали их местным тавро-скифам [Тиханова, 1953, с. 322-323; Кропоткин, 1953, с. 13-14; Кропоткин, 1959, с. 185, 194].

4. История изучения области Дори после 1953 г.

Спустя непродолжительное время после смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 г., в СССР в культуре и науке начался период некоего ослабления партийного контроля, получивший названия «Оттепель». Во всяком случае, историков уже не обязывали следовать указаниям «вождя» и их не арестовывали за игнорирование решений крымской сессии.

Развернувшиеся в 1950-х – первом десятилетии 2000 гг. археологические исследования в Юго-Западном Крыму раннесредневековых могильников, крепостей и монастырей дали новые материалы, имеющие существенное значения для обоснования хронологии и изучения так называемых «пещерных городов», понимания этногенетических процессов в регионе и определения границ области Дори. На протяжении всего рассматриваемого периода не прекращаются дискуссии по этим проблемам.

4-1. Археологические исследования раннесредневековых памятников в Юго-Западном Крыму

С середины 1950-х гг. в регионе выявлено около тридцати новых некрополей [Айбабин, 1987, с. 166; Айбабин, 1990, с. 6; Айбабин, 2015, рис. 1]. Среди них наиболее интересны могильники, на которых раскопаны большие участки. В 1959-1960 гг. на территории карьера близ Скалистого под руководством Е. В. Веймарна удалось исследовать значительную часть могильника конца IV-IX вв.: 749 склепов (из них 12 начатых, но незаконченных), 37 подбойных и 8 грунтовых могил. Необходимо отметить, что в условиях напряженной работы на новостройке, отдельные погребальные сооружения могли быть пропущены. Около 300 склепов и могил было уничтожено в ходе строительства до прибытия экспедиции. Образовавшиеся «белые пятна» хорошо видны на плане могильника в его центральной и восточной частях. Поскольку исследование всей площади могильника велось в очень сжатые сроки, погребения не всегда фиксировались должным образом. По той же причине в полевой описи вместо описания вещей дан их перечень. К сожалению, могильник оказался разграбленным и сильно разрушенным в средневековье, а значит, в большинстве погребальных сооружениях не удалось зафиксировать местонахождение вещей *in situ*. Грабителями не потревожены только 10 склепов и подбойная могила. Если суммировать количество раскопанных склепов и могил с количеством уничтоженных погребальных сооружений, то выясняется, что на могильнике находилось 1150-1200 погребальных сооружений. Ценность памятника заключается в том, что он является единственным, столь полно исследованным в Крыму могильником. Многочисленные находки полезны для выяснения хронологии синхронных крымских памятников

и являются источником для экономической, социальной и этнической истории полуострова в раннее средневековье [Веймарн, Айбабин, 1993].

На могильнике у села Лучистое (Алуштинский горсовет) в 1982-1984, 1986, 1991, 1993-2007 и 2015 гг. авторы книги исследовали 300 склепов и могил. Некрополь, образующий единый археологический комплекс с крепостью Фуна, является уникальным историческим памятником. Полученные в процессе раскопок непрерывно существовавшего в V-XVIII вв. некрополя археологические материалы позволили изучать историю средневекового населения Юго-Западного Крыма на протяжении столь длительного периода. В склепах впервые зачищены многослойные захоронения и зафиксирована их стратиграфия. Могильник служит эталоном для разработки хронологии не только средневековых древностей Крыма, но и Восточной Европы [Айбабин, Хайрединова, 2008; Айбабин, Хайрединова, 2014].

Для познания раннего этапа этногенеза населения области Дори важны практически полностью раскопанные И. Н. Храпуновым могильники близ Дружного [Храпунов, 2002] и в Нейзаце [Храпунов, 2011, с. 13–113], исследованный под руководством А. Г. Герцена могильник Алмалык-Дере у подножия плато Мангуп [Maćzyńska, Gercen, Ivanova, u. a. 2016], а также обнаруженный В. Л. Мыщом на склоне Чатыр-Дага новый некрополь с кремациями [Мыщ и др., 2006].

В последние десятилетия масштабные раскопки производились на территории трех «пещерных городов», априори названных крепостями, построенными Юстинианом I. С 1961 г. раскопки на плато Бакла вела экспедиция Д. Л. Талиса [Талис, 1974, с. 98-102], а в 1974-1980 гг. – В. Е. Рудакова [Рудаков, 1981]. В 1967 г. экспедиция Е. В. Веймарна возобновила раскопки на Мангупе. С 1975 г. работой экспедиции руководит А. Г. Герцен. В 1984 г. В. А. Сидоренко раскрыл под Мангупом участок оборонительной стены, перегораживающую 150-ти метровую балку Каралез (Сторожевая) [Сидоренко, 1991, с. 114-115]. На склоне плато Эски-Кермен экспедиция под руководством А. И. Айбабина в 1978 – 1982 гг. продолжила изучение могильника. В 2003-2008, 2013, 2015 и 2017 гг. на плато исследовались оборонительные стены и квартал на главной улице [Ajbabın 2013, S. 170-171]. В результате археологических раскопок на названных городищах, равно как на Чуфут-Кале [Веймарн, 1968, рис. 21,3,5-7; Айбабин, 1999, с. 145], Сюрени [Талис, 1974, с. 97, 109-110], Тепе-Кермене [Талис, 1976, с. 98-104] выявлены материалы, уточняющие их назначение и хронологию.

Археологические свидетельства достоверности свидетельства Прокопия о деятельности Юстиниана I в Крыму получены в процессе охранных работ экспедиций О. И. Домбровского в Гурзуфе и В. Л. Мыща в Алуште. В названных городах обнаружены строительные остатки укреплений времени Юстиниана I [Домбровский, 1974, с. 9-13, рис. 4; 6; Мыщ, 1992, с. 172-174].

4-2. Дискуссия о локализации области Дори и «длинных стен»

Уже в 1953 г. М. А. Тиханова в статьях об итогах раскопок на Мангупе, опираясь на текст Прокопия, локализовала область Дори на морском побережье и в нагорье – на отрогах Чатыр-Дага и второй гряды Крымских гор, а Дорос – на плато Мангуп. Она, вопреки однозначному утверждению Прокопия, вслед за А. А. Васильевым и А. Л. Якобсоном приписала Юстиниану I создание в области Дори «таврического лимеса» и строительство многочисленных крепостей. По утверждению М. А. Тихановой, длинными стенами Прокопия можно считать цепь горных укреплений, крепостей, возведенных на второй гряде Крымских гор и за-

крывших горные проходы. Крепости нагорья Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Инкерман, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла образовывали две линии защиты Херсона [Тиханова, 1953, с. 323-325]. А. Л. Якобсон также видел в «длинных стенах» крепости Сюрень, Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Каламиту и Чуфут-Кале [Якобсон, 1954, с. 150; Якобсон, 1964, с. 11].

Довольно вольно обращались с текстом Прокопия и критики М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона. Как справедливо отметил Е. В. Веймарн, согласно Прокопию, Юстиниан в горах не строил крепостей. М. А. Тиханова и А. Л. Якобсон включили в список и разновременные крепости, и монастыри Шулдан, Качи-Кальен и Чилтера [Веймарн, 1958, с. 72-73]. Согласно Е. В. Веймарну, пещерные города крепости Каламита (Инкерман), Эски-Кермен, Тешкли-бурун (Мангуп), Сюрень, Кыз-Кермен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла возвели в VI в местные обитатели нагорий – потомки тавров и скифов и сармато-аланы [Веймарн, 1958а, с. 52-53; Веймарн, 1980, с. 26].

Э. И. Соломоник и О. И. Домбровский нашли в тексте Прокопия достаточно указаний на локализацию области Дори на Южном берегу. исследователи отождествляли с «длинными стенами» остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды [Соломоник, Домбровский, 1968, с. 17-21, 33-44]. С ними согласился Е. В. Веймарн. Он считал «длинными стенами» обнаруженные на перевалах на северном краю плоскогорья первой гряды низкие ограды, сложенные без раствора из необработанных камней [Веймарн, 1980, с. 19-26]. Правда по Прокопию император построил оборонительные стены, а не ограды из необработанных камней [Procopius. On Buildings, III, VII, 15-17]. Л. В. Фирсов опроверг доводы Э. И. Соломоник и О. И. Домбровского и предположил, что страна Дори находилась в Юго-Западном Крыму, в Крымском нагорье между Главной грядой гор и невысокими квестами Внешней гряды [Фирсов, 1979, с. 107-113]. Л. В. Фирсов обследовал находящиеся на перевалах Главной гряды фундаменты стен. Рядом с ними найдена только керамика IX-X вв. и более поздняя. Сами стены обработаны лицевым панцирем к Южному Берегу и прикрывали перевалы от нападения со стороны побережья [Фирсов, 1979, с. 106-113].

А. К. Амброз в защищенной в 1974 г. докторской диссертации, в главе, опубликованной в 1995 г., ссылаясь на Прокопия, помещал готскую «страну Дори» в Юго-Западном Крыму. По его словам, Дори на западе отделена горами от Херсона, на северо-востоке соприкасается с горно-лесным массивом верховьев Альмы и Салгира, на юге сужается до южного бережья с Гурзуфом и Алуштой. На ведущим к ним перевалах надо искать длинные стены. На периферии Дори Византия построила крепость Эски-Кермен для защиты подступов к Херсону [Амброз, 1974; Амброз, 1994/1995, с. 64, 65].

Д. Л. Талис разделил известные ему в Юго-Западном Крыму крепости на три группы. Он полагал, что византийцы соорудили крепости первой группы в конце V в. на плато Эски-Кермен и Мангуп, крепости второй группы на плато Кыз-Кермен в VIII-IX вв., на горе Сюрень и плато Тепе-Кермен во второй половине XI – первой четверти XII в., тогда как одну из крепостей третьей группы на плато Бакла во второй половине V в. построили местные жители, а крепость Каламита, видимо, византийцы соорудили в раннее средневековье [Талис, 1974, с. 89-113]. По предположению А. Г. Герцена, крепости в горах византийцы построили в дополнение к длинным стенам в последнее десятилетие правления Юстиниана I для защиты от вторжений со стороны степей [Герцен, 2003, с. 98].

В. А. Сидоренко назвал Доросом Инкерманскую генуэзскую крепость Каламита [Сидоренко, 1991, с. 117]. Однако на ее территории отсутствуют какие-либо находки и строительные остатки, оппидума времени Присциана или

Дороса VI-VIII вв. Да и расположена она на границе хоры Херсона и области Дори, а не «... в готской земле», где Дорос помещал Никифор. Территорию Дори В. А. Сидоренко ограничил долиной реки Черной, где жили «исконные» обитатели этой области, оставившие Чернореченский и Терновский могильники [Сидоренко, 1991, с. 115]. Отметим, что названные могильники ничем не отличаются от других одновременных некрополей Юго-Западного Крыма.

В некоторых новых публикациях страну Дори предложили локализовать в восточной или юго-восточной части полуострова. Не видим смысла дискутировать с теми сторонниками этой идеи, чьи измышления появились после публикации камня с рунами, якобы найденного на Опуке. Как убедительно доказали Д. А. Шалыга и Н. Ф. Федосеев, надпись является недавно изготовленной фальшивкой [Шалыга, 2000, с. 205-207; Федосеев, 2010, с. 127-128]. В статье В. Г. Зубарева и С. В. Ярцева [Зубарев, Ярцев, 2007] предлагается расширить граница страны Дори от Херсонеса до Узунларского вала. Авторы статьи произвольно трактуют приведенное выше единственное описание страны Дори. Для обоснования новых границ Дори авторы привлекают не письменные тексты сочинений Присциана, Иордана и Равенского анонима, а заимствованный из книги И. С. Пиоро [Пиоро, 1990, с. 62, 63] весьма вольный пересказ изложенной А. А. Васильевым информации названных источников о Дори, городах и портах Крыма [Васильев, 1921, с. 312-313].

4-3. Дискуссия об этногенезе населения области Дори

В исследованиях проблем этногенеза раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма со второй половины 1950-х гг. намечилось два направления: приверженность автохтонной теории и выявление роли миграций.

Сторонники первого направления активно отстаивали ведущую роль тавроскифов в Юго-Западном Крыму после III в.

Е. В. Веймарн высказал гипотезу о бегстве скифо-сарматов во второй половине III-V вв. от кочевников из низовьев маленьких речушек Альма, Кача и Бельбек на 5-20 км вверх по их течению в занятое потомками тавров нагорье, где возникли могильники беглецов «Сахарная головка», Скалистое, Чуфут-Кале и др. [Веймарн, 1958а, с. 52-53; Веймарн, 1980, с. 26]. А. Л. Якобсон в новых монографиях повторял мнение М. А. Тихановой о сармато-аланах, слившихся с аборигенами тавро-скифами и остатками готских дружин [Якобсон, 1959, с. 23; Якобсон, 1964, с. 9; Якобсон, 1970, с. 193, 194]. Эта концепция изложена и в «Археологии УССР» [Баранов, 1986, с. 233-237].

В. В. Кропоткин в статьях о раскопках на могильнике Чуфут-Кале уже не упоминает тавров. Он, основываясь на анализ погребальных обрядов и инвентаря женских захоронений, сделал вывод о принадлежности раннесредневековых некрополей Горного Крыма оттесненным гуннами в горы остготам, которые «смешались» с местными скифо-сарматами [Кропоткин, 1958, с. 211; Кропоткин, 1965, с. 115]. По утверждению Т. Н. Высотской, склепы могильников Суук-Су и Эски-Кермена типичны для скифов, а подбойные могилы – для сармат [Высотская, 1972, с. 90-92].

А. К. Амброз в результате анализа орлиноголовых пряжек и пальчатых и двухпластинчатых фибул из Суук-Су доказал происхождение деталей женского костюма из германских областей в Подунавье и Италии [Амброз, 1968, с. 20, 23]. Он приписывал избежавшим истребления в середине III в. скифам выявленные в регионе раннесредневековые склепы и подбойные могилы. По его мнению, на могильниках в Суук-Су, на склонах Эски-Кермена и Чуфут-Кале зафиксирован

скифский погребальный обряд и готский костюм. По словам А. К. Амброза, местные скифы и сарматы смешались в процессе ассимиляции с пришлыми готами, усвоив их язык и обычаи [Амброз, 1974; Амброз, 1994/1995, с. 39-40, 68]. По А. К. Амброзу, известные в Юго-Западном Крыму кремации местное сельское население в конце III в. заимствовало из античного Херсонеса [Амброз, 1994, с. 39]. В городе кремация практиковалась в эллинистический и римский периоды. К середине III в. жители города отказываются от нее. В более позднее время на его некрополе зафиксирован лишь один случай использования кремации [Зубарь, 1982, с. 57, 58; Айбабин, 1987, с. 188, рис. 2, 64,66]. Однако, известные там погребения с трупосожжением по конструкции и деталям обряда отличаются от горнокрымских. То есть кремация не могла распространиться в Юго-Западном Крыму после середины III в. из Херсонеса [Айбабин, 1999, с. 26].

В. М. Зубарь повторил гипотезу Е. В. Веймарна о бегстве местного населения в горы на несколько километров вдоль маленьких речушек [Зубарь, 1994, с. 119-121, рис. 50, 51].

В утверждениях о происхождении от скифов, тавров или тавро-скифов населения области Дори заметны отзвуки влияния автохтонной теории Н. Я. Марра и игнорирование миграций в истории племен и народов. В рассмотренных работах позднеантичные и раннесредневековые склепы и могилы априори рассматриваются как однотипные погребальные сооружения, в которых зафиксирован одинаковый погребальный обряд. Этнонимы «тавры» и «тавроскифы» упомянуты в нескольких надписях I - второй половины II вв. н. э. с Боспора и Херсонеса [Соломоник, 1962; Храпунов, 1995, с. 10] и в средневековых сочинениях [Айбабин, 1999, с. 13]. Однако, в Крыму не выявлена таврская археологическая культура того же периода [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 213]. Таврские могильники из каменных ящиков функционировали в VI-V вв. до н. э., а наиболее поздние таврские памятники относятся к IV-III вв. до н. э. [Храпунов, 1993, с. 6, 7]. Таврам приписывали некоторые укрепления на Южном Берегу полуострова. Новые исследования не подтвердили их принадлежность таврам. Крепость Харакс оказалась римской, а укрепления на Аю-Даге, Кастеле и другие возникли в эпоху средневековья. В последние века до н. э. тавры уже были ассимилированы скифами. Поэтому авторы той эпохи жителей крымских предгорий именовали тавроскифами [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 213]. Следуя утвердившейся литературной традиции данный этноним употребляли и в более позднее время.

С наступлением «Оттепели» в исторической науке появились статьи, аргументировавшие несостоятельность гипотез о ранних славянах в Крыму и проживании антов на южном берегу. М. В. Левченко, посоветовал Б. А. Рыбакову внимательно прочитать Прокопия [Левченко, 1956, с. 22].

Как сказано выше, в конце XIX – 30-х гг. XX вв. историки не сомневались в миграции готов на территорию области Дори. После длительного перерыва в 1960 гг. возобновилось изучение миграционных процессов в Юго-Западном Крыму в позднеримское и раннесредневековое время.

В 1960-70 гг. многие советские археологи по-новому атрибутировали этнос племен, создавших черняховскую культуру. Обнаруженные в Северном-Причерноморье на некрополях захоронения с кремациями характерны для германцев – носителей восточнопоморско-мозовецкой, вельбаркской и пшеворской культур [Артамонов, 1962, с. 47-49; Артамонов, 1967, с. 42, 43, 47-49; Кухаренко, 1965, с. 101; Тиханова, 1970, с. 90,94; Никитина, 1974, с. 61-66, 81-90]. И. С. Пиоро и В. В. Кропоткин, опираясь на новую атрибуцию этнической принадлежности кремаций черняховской культуры, сопоставили трупосожжения из

Харакса и Чернореченского могильника с черняховскими и пшеворскими [Пиоро, 1973, с. 92-99; Кропоткин, 1978, с. 148-149].

Один из авторов книги уточнил хронологию названных кремаций из Крыма и связал их появление на полуострове с расселением германцев около середины III в. [Айбабин, 1984, с. 105-118; Айбабин, 1987, с. 187-188]. М. М. Казанский полагал, что кремации Чернореченского некрополя близки вельбарским, тогда как кремации из Харакса подобны известным в Норвегии [Kazanski, 2002, p. 409-413; Казанский, 2006, с. 26-32]. Авторы публикации о могильнике Чатыр-Даг считали погребенных на могильнике мужчинами мигрантами из Норвегии, а женщин – представительницами местного населения или иных народов Северного Причерноморья [Мыц и др., 2006, с. 186-187]. Эта идея абсолютно фантастическая. Принимая во внимание длительный период функционирования могильника с середины III – до середины V вв. [Айбабин, 2015, с. 317, 318], стоит только пожалеть мужчин из Чатыр-Дага, вынужденных по воле авторов публикации постоянно искать себе жен по всему Крыму и за его пределами.

М. И. Артамонов назвал алано-готами местное население, оставившее могильники с ингумациями в склепах и подбойных могилах типа Суук-Су [Артамонов, 1962, с. 194-195]. По предположению Т. М. Минаевой, сходство конструкции северокавказских аланских и крымских склепов позволяет говорить об их принадлежности аланам [Минева, 1971, с. 159-162]. По мнению И. И. Лободы, зачищенные в Озерном и Инкермане склепы и подбойные могилы по конструкции и зафиксированным в них деталям погребального обряда характерны для сармат [Лобода, 1977, с. 251-252].

Один из авторов книги, основываясь на сравнительном анализе конструкции позднескифских и раннесредневековых погребальных сооружений, выявил очевидные различия деталей конструкции склепов и подбойных могил и обряда захоронения в них. Раскопанные в Юго-Западном Крыму склепы подбойные могилы второй половины III-IV вв. по конструкции типичны для северокавказских алан. В упомянутых крымских погребальных сооружениях найдены темноглиняные сосуды, близкие изготовлявшимся аланами Северного Кавказа и Боспорского царства. Приведенные факты указывают на миграции алан из названных регионов в Юго-Западный Крым около середины III в. и в конце IV в. [Айбабин, 1984, с. 118, 119; Айбабин, 1990, с. 65, 66; Айбабин, 1999, с. 16-23, 71]. В ответ на критику этой гипотезы [Мошкова, Малашев, 1999, с. 195-197], И. Н. Храпунов, заметил, что появление в Крыму склепов новой конструкции можно объяснить только миграцией населения с Северного Кавказа [Храпунов, 2004, с. 138-139; 2016, с. 124].

Авторы монографии попытались на основании анализа всех источников обосновать местонахождение страны Дори и определить ее границы, осветить политическую историю населявших страну Дори крымских готов, проследить этногенез ее населения, охарактеризовать оставленную им археологическую культуру и воссоздать их повседневную жизнь.

Глава 3

Миграции германцев и алан в Равнинный и Горный Крым в середине III в.

А. И. Айбабин

Сведения письменных источников о германских и аланских миграциях в середине III-IV вв. в Равнинный и Горный Крым крайне немногочисленны. К середине III в. н. э. территория Крымского полуострова, также как и в предшествующий период, была разделена между позднескифским царством, занимавшим плодородные земли в низовьях маленьких речушек Черная, Бельбек, Кача и Альма и возвышенности Третьей гряды Крымских гор, Херсонесом и Боспорским царством, южная граница которого проходила где-то за Феодосией. В 238 г. готы и другие германские племена атаковали границы Римской империи и захватили причерноморский город Истрию. Нападения готов и карпов возобновились в 248 г. [Wolfram, 1990, p. 56-61]. В начале 250-х годов германцы захватили Северное и Северо-Восточное Причерноморье (рис. 17).

Римляне, заботясь об укреплении Дунайской границы, изменили военную политику в Крыму. Они вывели свои гарнизоны из Горного Крыма [Ростовцев, 1900, с. 157]. В 40-е гг. III в. Позднескифское государство лишилось военной поддержки римской Империи. Новой ситуацией воспользовались германцы. Возникшие в регионе миграции коренным образом изменили политическую и этническую ситуацию в Крыму.

До середины III в. Боспорское царство находилось под опекой Рима [Ростовцев, 1918, с. 162; Цветаева, 1979, с. 7, 9, 19-20; Айбабин, 1999, с. 26, 29; Горончаровский, 2003, с. 180-192; Иванчик, 2013, с. 75]. По предположению М. И. Ростовцева, в первой половине III в., в результате мирного проникновения алан и сармат на Боспор, государство значительно иранизировалось. Многие жители, в том числе и правители, носили сарматскую и аланскую одежду и имели иранские имена [Rostovzeff, 1936, p. 96, 97]. На эпиграфических памятниках рубежа II-III вв. количество иранских имен составляет около 20% [Шелов, 1978, с. 90-93; Масленников, 1990, с. 110, рис. 7]. Со II в. на территории царства распространились Т-образные в плане склепы, выкопанные с длинным дромосом (входной ямой), более узким коридором и погребальной камерой, характерные для алан Северного Кавказа и Прикубанья [Сорокина, 1957, с. 44-45; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 53-54, Табл. 65-68; Айбабин, 1999, с. 18, 22, 23, рис. 7,2; Ajbabin, 2011, S. 14, 16, 18, Abb. 7,2]. Многочисленные однотипные склепы открыты на северном склоне горы Митридат на городском некрополе столицы царства [Цветаева, 1959, рис. 3]. Некоторые найденные на Боспоре лепные сосуды подобны аланским, обнаруженным в низовьях Дона и Прикубанья [Кругликова, 1954, с. 113; Кастанаян, 1981, с. 122, 123, 131-133].

Согласно Иосифу Флавию, Дионисию Периегету и Лукиану Самосатскому, аланы уже с I в. н. э. были соседями азиатского Боспора и кочевали между нижним течением Волги и Дона, а также в северном и восточном Приазовье, вплоть до среднего течения реки Кубань [Латышев, 1890, с. 484; Кулаковский, 2000, с. 65-66; Ростовцев, 1925, с. 79, 80, 106-108; Wachrach, 1973, p. 11]. Географ II в.

Клавдий Птолемей помещал близ Меотиды алан, у поворота реки Танаис – танаитов [Латышев, 1890, с. 31], а по берегам Киммерийского Боспора – боспорян [Латышев, 1890, с. 239]. В Гермонассе найдено надгробие 208 г. Ирака, занимавшего пост главного аланского переводчика [КБН, №1053]. Аланская община играла видную роль в Танаисе [Даншин, 1990, с. 52-53]. По данным антропологических материалов, аланы во II-III вв. не смешивались с жившими в городе другими этническими группами [Герасимова, 1971, с. 140]. Аммиан Марцелин в описании вторжения в Причерноморье и Приазовье гуннов утверждал, что аланы обычно называются танаитами [Аммиан Марцелин. Кн. XXXI, 1,3]. Очевидно танаитами именовали алан, обитавших в низовьях реки Танаис.

Приазовские аланы кочевали вплоть до третьей четверти IV в. Их образ жизни ярко описан Аммианом Марцелином: «Аланы . . . как номады перекочевывають на огромные пространства . . . У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве . . . живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям . . . Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их, наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми» [Аммиан Марцелин. Кн. XXXI, 2, 17-25].

По мнению М. И. Ростовцева, в 240-250-е гг. аланы «вошли в состав гото-аланского царства в Северном Причерноморье», в бассейне Днепра и участвовали в большинстве походов готов против империи, в результате которых были разрушены Ольвия и Танаис, а Пантикапей превратился в гото-сарматский город [Rostovzeff, 1936, p. 97]. Ю. А. Кулаковский, Б. С. Бахрах и др. полагают, что аланские отряды в начале 240-х годов вместе с германцами нападали на дунайские провинции [Кулаковский, 2000, с. 69; Bachrach, 1973, p. 15]. Не все свидетельства о столкновениях римлян с аланами достоверны. Например, так называемые «Писатели истории Августов» рассказывают о гибели императора Гордиана III в 242 г. в бою с аланами близ Филиппополя [Histoire Auguste. Les Trois Gordiens, XXXIV, 4]. Правда, по Зосиму, Гордиан III умер в 244 г. [Zosime, Histoire nouvelle. I, IX,1].

Согласно Иордану, готы обосновались в граничащей с Понтом Скифии и около Меотиды (в регионе, где кочевали аланы): «первое расселение (готов) было в Скифской земле, около Мэтийского болота; . . . третье – на Понтийском море, снова в Скифии» [Иордан, 1997, с. 66, 68]. Правда, рассказывая о победе правившего во второй половине IV в. короля Германариха над герулами, Иордан поместил их в том же регионе, где и готов: «вышеуказанное племя (герулы) жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют «ele», и поэтому именовалось елурами» [Иордан, 1997, с. 84]. В тексте Иордана нет более конкретной локализации занятой готами и герулами территории и каких-либо сведений о дате их появления в Приазовье. О дате весьма затруднительно судить и по рассказам о столкновениях римлян с германцами. Готов называли меотийцами (Meotidas) в сочинении, приписываемом «Писателям истории Августов» (лат. *Scriptores Historiae Augustae*), в описании борьбы Аврелиана (270-275 гг.) с меотийцами [Histoire Auguste. Divus Aurelianus, XVI, 3, XVII, 2.]. Зосим в рассказе о сражениях с готами Филиппа Араба (244-249 гг.) и Деция Траяна (249-251 гг.) писал о переправе готов через Танаид и гибели Деция в сражении у Танаида [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXIII]. Однако в этом фрагменте Зосим по ошибке назвал Танаидом реку Истр, поскольку Деций погиб у Абритта (современный Разград в Болгарии) [Wolfram, 1990, p. 59].

По сведениям нарративных источников, нападения германцев на города Боспорского царства и морские рейды на города в Малой Азии начались в 250-е годы. Современник походов епископ Неокесарии Понтийской Григорий

Тавматург в каноническом послании о последствиях одного из морских рейдов назвал его участников готами и борадами – Βοράδοι [Gregorii Thaumaturgi. Epistola canonica. Canon V, 1037, 1038]. Очевидно, у него дан искаженный или иной вариант известного по Зосиму этнонима – бораны [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXXI, 1]. Сочинение защитника Афин от нападения готов в 267 г. Публия Геренния Дексиппа утрачено. Исследователи готских походов убеждены в том, что фрагменты труда Дексиппа использовали авторы Истории Августов (IV в.), Зосим (вторая половина V в.), Георгий Синкелл (рубеж VIII-IX вв.) и Иоанн Зонара (первая половина XII в.) в созданных в более поздний период описаниях готских походов [Васильевский, 1912, с. 352-353; Schwarcz, 1992, S. 47; Хайрединова, 1994/1995, с. 518]. Ф. Пашу во введении к современному изданию текста Зосима показал отсутствие в его труде заимствований из Дексиппа [Raschoud, 1971, p. LXI].

По скудной и противоречивой информации упомянутых источников сложно датировать описанные в них события. Зачастую для обоснования абсолютной хронологии этих событий и времени правления боспорских царей используют нумизматические материалы. Однако среди нумизматов не прекращается дискуссия не только о датах чеканки монет царей, правивших во второй половине III – IV вв., но и о количестве правителей с именем Рискупорид [Сидоренко, 2011, с. 459, 460]. Мы придерживаемся разработанной В. А. Анохиным хронологии чеканки монет боспорских царей второй половины III – IV вв. [Анохин, 1986, с. 122-133]. Для понимания истории Боспорского царства в рассматриваемый период важны и материалы археологических исследований на его территории.

В нарративных источниках изложены две версии первого похода германцев на Боспор. В «Анналах» автора XII в. Зонары, компилировавшего Дексиппа, сообщается о части «скифов» (германцев), которые после грабежей в Италии, Македонии и Греции при Трибониане Галле и Волузиане (252-253 гг.) по суше достигли Боспора и, переправившись через Меотиду, разорили хору каких-то городов [Zonaras Ioannes. An. XII, 21]. Он умалчивает о конечном пункте похода. Согласно же Зосиму, при Трибониане Галле и Волузиане германцы опустошили Азию от Эфеса, Капподокии вплоть до Питиунта [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXVIII, 1]. По Зосиму, первый поход на Боспор состоялся при Валериане (253-259 гг.), когда жившие в бассейне Истра (Дунай) бораны, готы, карпы и уругунды напали на Иллирик и Италию. Тогда же бораны попытались переправиться в Азию на судах, взятых у жителей Боспора. Зосим писал: «Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну, то вследствие дружбы с Римлянами, . . . они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах» [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXXI, 1.2]. Зосим скифами называл готов или боранов, а Георгий Синкелл – готов [The Chronography, 2002, p. 539, 547]. Принято считать, что Зосим рассказывает об отстранении от власти представителя правящей боспорской династии [Васильевский, 1912, с. 353; Gajdukevič, 1971, S. 470; Schwarcz, 1992, S. 49] Рискупорида IV (242/243–276/277 гг.) [Анохин, 1986, с. 122] и захвата власти «недостойными». Узурпатору приписывают монеты 253/254–254/255 гг. [Анохин, 1986, с. 122] с именем царя Фарсанза [Gajdukevič, 1971, S. 470; Блаватский, 1985, с. 245; Schwarcz, 1992, S. 49; Хайрединова, 1994, с. 519], не известного по эпиграфическим данным. По мнению Н. А. Фроловой и других, Рискупорид IV и Фарсанз были соправителями [Фролова, 1980, с. 67; Яценко, 1997, с. 157; Казанский, 2016, с. 137]. Однако В. А. Анохин доказал чеканку монет обоих правителей на единственном монетном дворе Пантикапея [Анохин, 1986, с. 122-123].

Историки, опираясь на рассказ Зосима, не пришли к единому мнению о дате первого набега готов на Боспор и Пителиунт (рис. 17, I). По Зосиму, бораны после высадки на Азиатском берегу Понта отпустили домой боспорские корабли с экипажами и принялись опустошать побережье. Под Пителиунтом начальник гарнизона города Суксесиан разгромил боранов и вынудил их бежать. Валериан отозвал Суксесиана из Пителиунта и отправился с ним под Антиохию для ее восстановления [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXXII, 1-3]. По словам В. Г. Васильевского, поскольку Суксесиану поручили восстановить Антиохию, разрушенную персами в 255 г., то первый набег готов на Боспор и Пителиунт следует отнести к 256 г. [Васильевский, 1912, с. 354]. М. Саламон, ссылаясь на упоминание в надписи из Малой Азии о пребывании Валериана в Антиохии 18 января 255 г., отнес прибытие императора в город к 254 г. [Salamon, 1971, p. 119]. По утверждению В. В. Лаврова, тогда же из Пителиунта был отозван Суксесиан, а значит и первый поход готов состоялся в 254 г. [Лавров, 1995, с. 115]. Издатели надписи Ж. Робер и Л. Робер отмечали отсутствие в ее тексте информации о продолжительности и причинах визита императора в Антиохию [Robert, 1958, p. 311, № 438]. В. Г. Васильевский обратил внимание на конкретную задачу Суксесиана в Антиохии. Очевидно, Суксесиан не мог восстанавливать в 254 г. разрушенный в 255 г. город. Следуя цитированному выше фрагменту Зосима, первый поход готов через Боспор можно синхронизировать с последним годом правления узурпатора Фарсанза – 255 г. Предложенной дате не противоречат результаты раскопок Т. И. Макаровой 1964 г. в г. Керчи. Она зачистила слой большого пожара, уничтожившего монетный двор. На полу одного из его помещений собраны монеты Фарзанса 253-254 гг. (по определению В. К. Голенко) [Голенко, 1970, с. 88] или 254 г. (по Н. А. Фроловой) [Фролова, 1980, с. 66-67], или 254/255 г. (по В. А. Анохину). Как отметила Т. И. Макарова, образовавшийся в процессе того же пожара слой заполнял и яму № 3, входившую в этот производственный комплекс, а не перerezавшую помещение в поздний период, как полагал В. К. Голенко. Из нее извлекли монету Рискупорида IV 254-256 гг. [Голенко, 1970, с. 88]. Поскольку в слое нет более поздних монет, то можно приурочить пожар к 254-256 гг. и согласиться с выводом Т. И. Макаровой о его связи с нападением германцев [Макарова, 1991, с. 139-140]. Вероятно, напуганный Фарсанз, стремясь остановить разрушение города Боспора, предоставил боранам морские суда с боспорскими экипажами.

В 256 г. германцы совершают повторный рейд на боспорских судах, уже более успешный, на римские города в Восточном Причерноморье Фасис, Пителиунт, Трапезунт и прилегающую область (рис. 17, II) [Zosime, Histoire nouvelle. I, XXXII, 2-3, XXXIII; Gajdukevič, 1971, S. 462]. По мнению Х. Вольфрама, об этом походе идет речь и в каноническом послании Григория Тавматурга [Gregorii Thaumaturgi, Epistola canonica. Canon V, 1037, 1038; Wolfram, 1990, p. 62-63].

В последний год правления Галлиена в 268 г. с берегов Меотиды [The Chronography, 2002, An. XII, 717; Zonaras Ioannes. An. XII, 26] начался самый большой морской поход германцев (рис. 17, III) [Васильевский, 1912, с. 358-359; Wolfram, 1990, p. 65; Schwarcz, 1992, S. 52], в котором участвовали примеотидские готы и герулы [Zosime, Histoire nouvelle. I. LXII, p. 38-39; Histoire Auguste. Gallieni, V, 6, p. 814, Claudii, VI, 2 p. 939; Иордан, 1997, с. 82].

Не исключено, что германцы до начала похода разрушили боспорский порт Танаис. Д. Б. Шелов, учитывая дату самой поздней надписи из Танаиса (244 г.) и отсутствие в слое пожара монет, чеканенных с 247 г., относил разгром города к 245-246 гг. и приписывал его герулам, локализованным у Меотиды Иорданом [Шелов, 1972, с. 300-303; Иордан, 1997, с. 84]. Слой пожара выявлен на горо-

дище и на участках, раскопанных после выхода книги Д. Б. Шелова. В сгоревших помещениях обнаружено оружие, типичное для германцев Центральной Европы, в том числе умбон, относимый к 160/180–260/270 гг. [Казанский, 2016, с. 138-139]. Основываясь на находке в названном слое монеты Рискупорида 250 г., А. И. Анисимов датировал пожар 251-254 гг. и приписал нападение на город боранам [Анисимов, 1989, с. 129, 130]. В письменных же источниках их упоминали только в связи набегами на Дунае и морскими рейдами на Питиунт. В. Ф. Гайдукевич полагал, что германцы начали поход с захвата кораблей на Боспоре и разрушения крепости Илурат и других городов и поселений на Керченском полуострове [Gajdukevič, 1971, S. 472]. Он датировал разгром Илурата по статуре Рискупорида V(IV) 264 г. с пола помещения 27 и по отнесенным к III в. амфорам с полов других построек [Гайдукевич, 1958, с. 54, 76, 77, 145]. Однако в описанных В. Ф. Гайдукевичем слоях пожара на Мирмекии, в Тиритаке, Илурате, а также в Китее, Зеноновом Херсонесе и Семёновке содержались фрагменты керамики и стекла IV в. Скорее всего, малые города и поселения европейского Боспора германцев не интересовали [Айбабин, 1999, с. 37].

Из Меотиды германцы на множестве судов направились к сборному пункту в устье Тире, откуда прорвались через пролив Боспор в Пропонтиду (Мраморное море) и в Эгейское море (рис. 17, III) [Аммиан Марцелин. Кн. XXXI, 5, 15]. В «Истории Августов» говорится о переходе «скифов» через «Эвксин» (Черное море) к Истру после гибели в 267 г. правителя Пальмиры Одента [Histoire Auguste, Gallieni Duo, XIII, 2, 4, 6, P. 823, 825; Tyranni Triginta, XV, 5, P. 887]. Вероятно, к Тире их флот проплыл вдоль Южного берега Крыма и оставленного римлянами Херсонеса (рис. 17, III). Перерезав морские коммуникации, германцы, конечно же, нанесли сильный урон экономике Боспора [Айбабин, 1999, с. 36-37].

В 276 г. через Меотиду вновь переправились «скифы» (по Зосиму) [Zosime, Histoire nouvelle. I, LXIII] или «меотидские варвары» (по историкам Августов и Зонаре) [Histoire Auguste, Tacitus, XIII, 1-3, p. 1051; Zonaras Ioannes. An. XII, 28], названные в житии святого Афиногена Педахтойского готами [Maraval, 1990, N 75, p. 6, 13, 16, 17, 31, 35], и напали на провинции Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию (рис. 17, IV). Римскими войсками, отражавшими нападение, руководил император Тацит, получивший в результате успешных действий титул победителя готов [Schwarcz, 1992, S. 56, 57; Хайрединова, 1994/1995, с. 522-523]. Летом 276 г. после смерти Тацита во время похода, императором стал его брат Флориан. Он возглавил войска, изгонявшие германцев из Киликии [Zosime, Histoire nouvelle. I, LXIII, LXIV, p. 54, 55; Histoire Auguste, Tacitus, XIII, 1-3; XIV, 1-3, p. 1051]. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский, ссылаясь на Зосима, утверждали, что римский флот на обратном пути у берегов Боспора Киммерийского уничтожил боспорские корабли [Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 287]. Правда, Зосим писал лишь о победе Флориана над скифами и Боспором близ главного города Киликии Тарса, расположенного в 20 км от Средиземного моря, но ни слова – о потоплении каких-либо кораблей [Zosime, Histoire nouvelle. I, LXIV]. Вероятно, разгром измотанных римлянами германцев завершил боспорский царь Тейран [Gajdukevič, 1971, S. 474]. Его монеты регулярно чеканились в 275/276–278/279 гг. [Анохин, 1986, с. 122]. Очевидно, в честь этого события в столице царства был сооружен памятник. В надписи на его мраморной базе сообщается о победе царя Тиберия Юлия Тейрана над не названными врагами [Ростовцев, 1913, с. 29; IOSPE II, № 29; КБН, с. 38-41, № 36].

Историки по-разному объясняют миграцию в регион алан. По мнению М. И. Ростовцева, Ю. А. Кулаковского, Б. С. Бахраха и др., в середине III в. аланы

в союзе с готами участвовали в большинстве их походов [Rostovzeff, 1936, p. 97; Кулаковский, 2000, с. 69; Bachrach, 1973, p. 15].

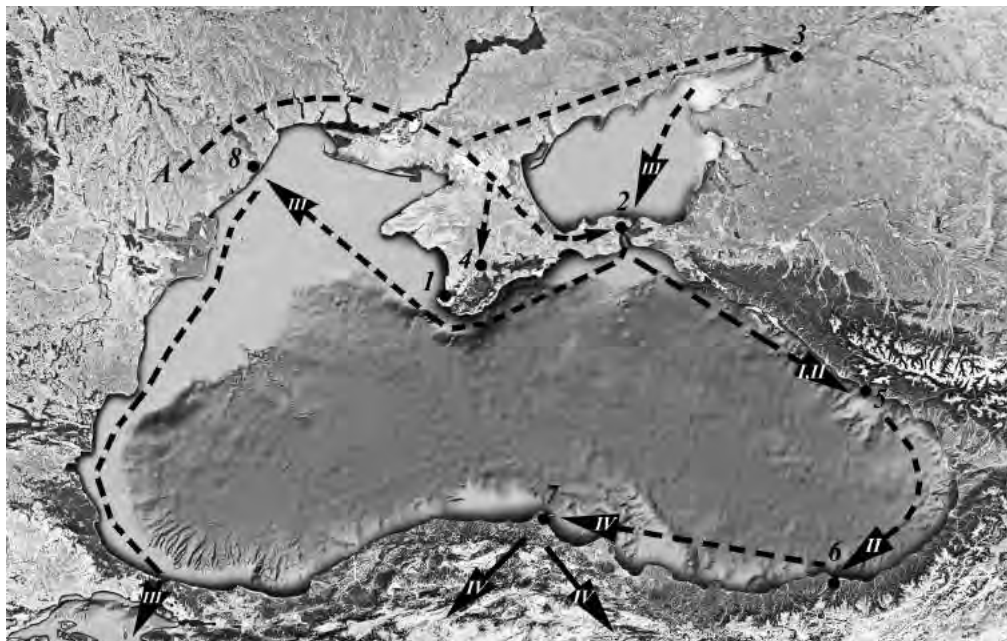
По предположению Ю. А. Кулаковского, готы около середины III в. захватили аланские кочевья в Подонье и Приазовье и вынудили последних мигрировать в Горный Крым [Кулаковский, 2000, с. 70-73]. Недавно найденный в Пантикапее фрагмент энкомия фиксирует проникновение алан в соседний с Херсонесом регион и в более ранний период. Однако надпись не проясняет причины и длительность нахождения алан близ Херсонеса. Ю. Г. Виноградов, С. Ю. Сапрыкин и В. Н. Парфенов датировали надпись временем Савромата I (93/4–123/4 гг.) [Виноградов, Шестаков, 2005, с. 42-44; Сапрыкин, 2005, с. 45-51; Сапрыкин, Парфенов, 2012, с. 163-182], а А. И. Иванчик – Савромата III (229/30–231/2 гг.) или, возможно, заключительными годам правления Савромата I [Иванчик, 2013, с. 62-64]. Поздняя датировка вряд ли приемлема, поскольку в энкомии названы тавры, информация о которых в письменных источниках исчезает после I в. [Храпунов, 2016, с. 120].

Ф. К. Брун и В. Г. Васильевский видели бесспорное подтверждение пребывания алан в Крыму в начале III в. в приписке на полях созданного в XIII в. Судакского Синаксаря об основании крепости Сугдея в 212 г. [*Νυσταζοπούλου*, 1965. № 61, 62]. Они, опираясь на происхождение его имени от иранского Sugā – чистый, святой или осетинского sugār – святой, приписывают сооружение города аланам [Брун, 1880, с. 122-123; Васильевский, 1915, с. CLXVII-CLXX]. Ю. А. Кулаковский сомневался в достоверности приписок. Содержащаяся в приписках дата не нашла подтверждения и в материалах археологических раскопок в Судак. Очевидно, город возник в конце VII в. [Айбабин, 1999, с. 194].

Об аланах в Крыму знал и писавший о Феодосии автор «Анонимного перипла»: «опустевший город, имевший гавань ... и это был древний элинский город. Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардаба, то есть семибожный» [Латышев, 1890, с. 284]. По утверждению А. Диллера, перипл можно датировать по использованному в тексте топонимам, появившимся в письменных источниках во второй половине VI в. [Diller, 1952, p. 112-113]. С ним согласилась М. В. Скржинская [Скржинская, 1980, с. 115]. По мнению М. В. Агбунова, сочинение, известное как «Анонимный перипл» и обычно датируемое V веком, является расширенной редакцией перипла, составленного Аррианом во II в., и основное его содержание восходит ко II веку, а византийский переписчик добавил некоторые современные ему названия [Агбунов, 1987, с. 10-14]. Отметим, что анонимный автор внес в текст Арриана правку, отражающую реальность VI в. В перипле не случайно сказано о запустении города. Античную Феодосию разрушили в IV в. Скорее всего, автор пояснил, как крымские варвары-аланы называли известный с античного времени пункт на побережье [Айбабин, 1999, с. 79].

В 276 г. после победы Тейрана над варварами на полуострове начался относительно спокойный период. В результате миграции аланских и германских племен около середины III в. в Юго-Западном Крыму на ранее незаселенных местах появились новые поселения и могильники.

*Рис. 17. Походы германцев в Крым и с территории Боспорского царства.
А – вторжение готов и боранов в Юго-Западный Крым; 1 – Херсонес;
2 – Боспор; 3 – Танаис; 4 – Неаполь Скифский; 5 – Питуинт; 6 – Траpezунт;
7 – Синоп; 8 – Тира; I – первый поход готов и боранов через Боспор
к Питуинту в 255 г.; II – второй поход готов и боранов из города Боспор на Питуинт,
Траpezунт и прилегающую область в 256 г.; III – третий поход готов из устья
Танаиса в устье Тира и через пролив Боспор в Пропонтиду (Мраморное море)
и в Эгейское море в 268 г.; IV – четвертый поход готов от Меотиды
в провинции Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию в 276 г.*

Глава 4

Археологические памятники германцев и алан второй половины III–IV вв. в Юго-Западном Крыму

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

Рассказы византийского историка второй половины V в. Зосима [Zosime, *Histoire nouvelle*. I, XXXI] и автора XII в. Зонары [Zonaras, *An.* XII, 21] о переправе германцев с европейского берега пролива на азиатский дают основание говорить о нападении германцев на Боспор между 252 и 259 гг. с территории равнинного Крыма (рис. 17) [Айбабин, 1999, с. 32–33, 36]. Их миграцию в регион маркируют и археологические находки.

Первоначально готы и бораны вторглись в Северо-Западный Крым, где оставались на территории оставленного скифами в конце I – начале II вв. Южно-Донузлавского укрепленного поселения. Там в верхнем слое найден германский умбон, аналогичный обнаруженным в Польше и Скандинавии в погребениях германцев [Šćukin, 1993, p. 326, fig. 5,8; Казанский, 2006, с. 28], отнесенным к 220/230–260/270 гг. [Godlowsky, 1992, S. 12, 13, pl. II, 21,44,46; XI,27; XVIII,29; XXII,26,29b]. Скорее всего, во время вторжения и был зарыт в землю клад, найденный в долине реки Кача у села Долинное (рис. 1, 17), состоящий из серебряных римских монет антонианов и дакийской карпской фибулы. Чеканенная в 251 году позднейшая монета клада [Herssen, 1995, p. 178–179] фиксирует вероятную дату описанных событий – первый год правления Трибониана Галла и Волузиана (252 г.) [Айбабин, 1999, с. 36].

Достигнувшие Третьей гряды Крымских гор германцы уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения, разрушив в Предгорном Крыму его столицу Неаполь, городища Усть-Альма, Алма-Кермен и поселения. В верхнем слое Неаполя обнаружены десятки скелетов и поврежденных черепов не погребенных людей, погибших во время нападения. Не менее красноречивая картина прослежена при раскопках верхнего горизонта на городища Алма-Кермен [Высотская, 1972, с. 60, 61, 187; Высотская, 1979, с. 200–202; Храпунов, 2016, с. 122]. После погрома на этих городищах, а так же на позднескифских городищах в Кермен-Кыре, Джалман и Добром жизнедеятельность не возобновилась [Пуздровский и др., 2001, с. 36]. Данные укрепления являлись последним препятствием для проникновения германцев в оставленный римскими войсками Юго-Западный Крым. Только в низовьях реки Бельбек и на склонах Второй гряды Крымских гор в долине реки Бодрак сохранилось прежнее сарматское население. Во второй половине III в. продолжали погребать на могильниках Бельбек I, II, III, Скалистое III [Айбабин, 1999, с. 26, 36].

Материалы многолетних археологических раскопок в Горном Крыму дополняют скудную информацию упомянутых выше письменных источников о миграционной активности алан и германцев в регионе. В отображенное в приведенных выше источниках время в незаселенных во II – первой половине III вв. районах Горного Крыма, а именно на границе хоры Херсонеса в низовьях рек Черная и Бельбек, у склонов Третьей гряды, на Южном берегу, появилась новая археологическая культура, представленная поселениями и некрополями с труположениями и кремациями. Комплексное изучение свойственных этой культуре

погребальной обрядности, деталей традиционного костюма, оружия и бытовой утвари позволило обосновать дату ее возникновения, проследить ее эволюцию, а также обосновать этническую принадлежность ее носителей.

1. Могильники с кремациями

Некрополи с кремациями обнаружены на юго-восточном склоне горы Чатыр-Даг (рис. 1, 1), на мысе Ай-Тодор близ заброшенной римлянами крепости Харакс (рис. 1, 2), в Партените (рис. 1, 3) и на Черной речке (рис. 1, 4) [Айбабин, 1999, с. 244-246].

В настоящее время опубликована информация о почти 130-и захоронениях с трупосожжениями, раскопанных на некрополях, возникших в середине III в. Наиболее полно изучен могильник на юго-восточном склоне горы Чатыр-Даг, на территории которого раскопано два участка с 55-ю погребениями (рис. 18; 19) [Мыц и др., 2006]. Два участка с 37-ю могилами открыто на мысе Ай-Тодор, на могильнике Харакс [Блаватский, 1951; Орлов, 1987]. В верхней части Чернореченского могильника расчищен участок с 33-мя кремациями в отдельных ямах, а также найдены две урны с сожженными костями, стоявшие в подбойных могилах – в каменном закладе (могила 78) и около головы погребенного (могила 59) [Бабенчиков, 1963, с. 90-91, 119-121, рис. 1]. Анализ погребального инвентаря позволил датировать погребения с кремациями второй половиной III – первой половиной V вв. [Айбабин, 2015, с. 317-318]

Погребения с кремациями представлены семью вариантами: 1 – урны с прахом стоят в каменных ящиках (рис. 21, 1,2); 2 – урны с прахом стоят в ямах, перекрытых бутовыми камнями; 3 – урны с прахом стоят в ямах с бортами, выложенными камнями (рис. 20, 3; 23, 1,2); 4 – урны с прахом установлены в маленьких засыпанных грунтом ямах (рис. 21, 3; 22, 2-4); 5 – урны с прахом помещены в склеп или в подбойную могилу с трупоположениями; 6 – жженые кости компактно сложены в небольшую яму, засыпанную землей (рис. 20, 1); 7 – жженые кости сложены в ямку, забросанную камнями (рис. 20, 2).

Могилы с кремациями имели овальную или прямоугольную форму и небольшие размеры. Длина их не превышает 1,1 м, ширина – не более 0,9 м. На мысе Ай-Тодор и на юго-восточном склоне Чатыр-Дага могилы выкапывались на небольшую глубину, до 0,3-1,0 м, в земле, заполнявшей расселины в материковой скале. Кремация всегда совершалась на стороне. Сожженный прах покойного чаще всего помещали в амфоры (рис. 22-24), реже – в высокие, широкогорлые краснолаковые двуручные кувшины (рис. 25, 2) или в лепные кувшины и горшки из темно-серой глины с лощеной поверхностью (рис. 27, 1). На дно могилы амфоры укладывались набок, горлом на юго-восток, иногда – на юго-запад (рис. 21, 1; 22, 2-4; 23, 2), а кувшины или горшки ставились вертикально (рис. 21, 3; 23, 1). В некоторых могилах содержалось по две урны (рис. 20, 3). Горло урн закрывалось краснолаковой миской, глиняным сосудом или фрагментом керамики, иногда — плоским камешком.

В качестве урн использовались крупные светлоглиняные амфоры высотой 0,6-0,8 м типов Зеест 90 (Riley MR 18) (рис. 24, 3) [Зеест, 1960, с. 117, рис. 90; Riley, 1979, p. 205-206, fig. 40; 87, 288,289] и Robinson M273 (рис. 24, 4) [Robinson, 1959, pl. 29, M273], понтийские красноглиняные амфоры типа Зеест 75 (рис. 24, 2) [Зеест, 1960, с. 113, рис. 75, а,б], красноглиняные с коническим туловом типов Кеау ХХІХ (рис. 24, 6) [Кеау, 1984, p. 225, 227, fig. 26,1; 95,1] и Зеест 1026 (рис. 22, 1,4; 24, 7) [Зеест, 1960, с. 121, табл. XL, 1026], а также красноглиняные амфоры с цилиндрическим туловом (рис. 23, 3,4; 24, 5).

Амфоры типа Зеест 90 (Riley MR18) с воронковидным венчиком, коническим горлом, невысоким цилиндрическим туловом и стержневидной ножкой, помимо Черной Речки (рис. 24, 3) и Чатыр-Дага [Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. V, 1; XVI, 2; Мыц и др., 1997, с. 218-219, рис. 120] найдены на Боспоре, в Ольвии, в Тире и в Кнососе – в слоях II-III вв. [Зеест, 1960, с. 117; Hayes, 1983, p. 147, fig. 46, 49], в Паннонии – в слоях конца II – начала III вв. [Kelemen, 1993, p. 45-47, fig. 1, 2], в Ливии – в слое середины III в. [Riley, 1979, p. 205-206] и на Афинской Агоре – в слое пожара 267 г. [Riley, 1979, p. 205-206, fig. 40; 87, 288,289]. Понтийские красноглиняные амфоры типа Зеест 75 с маленьким венчиком и с широким коническим горлом (рис. 24, 2) из Западного и Северного Причерноморья обычно относятся к концу II – первой половине III вв. [Зеест, 1960, с. 117; Абрамова, 1993, с. 47, рис. 54, 6,16-18] или к III в. [Scorpan, 1997, fig. 25, 3]. На территории могильника Чатыр-Даг однотипные амфоры лежали с амфорами типа Зеест 90 [Мыц и др., 1997, с. 218-219, рис. 121, 122], а на Кнососе – в слое середины III в. [Hayes, 1983, p. 153, 166, fig. 25, A78,A79]. На поселении в Семеновке амфоры типа Зеест 75 выявлены в слое пожара в помещении 32 с монетами III в., в том числе – с медным денарием Рискупорида V 263-265 гг. [Кругликова, 1970, с. 36-38, рис. 30]. Светлоглиняные амфоры типа Robinson M273 с коротким широким горлом, маленькими ручками и желобчатым туловом, расширяющимся к острой ножке (рис. 24, 4) найдены в слое IV в. в Томи, а также в слоях второй половины IV в. в Ятруссе и Афинах [Robinson, 1959, p. 83, pl. 29, M273; Scorpan, 1977, fig. 5,1; Кузманов, 1985, с. 11-12, табл. 33].

Красноглиняные амфоры типа Кеау XXIX с коническим корпусом с острой ножкой с Чатыр-Дага из могилы 2 (рис. 24, 6) и без нее типа Зеест 102б из Харакса из могил 7, 26 (рис. 22, 1,4; 24, 7) аналогичны бытовавшим в Средиземноморье с V в. [Кеау, 1984, p. 225, 227, fig. 26,1; 95,1]. Различные варианты названных амфор встречены в Херсонесе и Западном Причерноморье в комплексах первой половины V в. и в слоях V-VII вв. [Антонова и др., 1971, с. 83-84, рис. 3; Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1, 2; Кузманов, 1985, табл. A63; Романчук, Сазанов, 1991, с. 7]. Красноглиняные амфоры с цилиндрическим туловом с небольшой ножкой из Харакса из могил 3, 8, 15, 29, 33 (рис. 23, 3,4), с Чатыр-Дага из могилы 1 (рис. 24, 5) типологически близки найденной в Лучистом, в склепе 54а первой половины V в. [Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2, 35; 4, 2,9; Айбабин, 1999, табл. XXI, 4; XXVII, 94,95; Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 19, рис. 3, 53, табл. 78, 1; 224, 1]. Однотипные амфоры есть в комплексах первой половины V в. из Суджи [Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1, 5], Херсонеса [Якобсон, 1979, с. 9; Антонова и др., 1971, рис. 8.], Тире [Кравченко, Корпусова, 1975, рис. 3, 1; 6, 2г.]. На некрополе Черная Речка в склепе 11/1989 такая же амфора лежала с вещами V в. [Айбабин, 1999, с. 305, табл. XXI, 1]. В Карфагене фрагменты североафриканских амфор данной формы содержались в слоях последней четверти IV – конца VI вв. [Reasock, 1984, p. 119, 140, fig. 44, 134; 45].

Вместе с кальцинированными костями в амфору часто клались стеклянные стаканы – по одному или даже по три [Блаватский, 1951, с. 269, 272]. Среди них – сосуды с обрезанным верхним краем, цилиндрическим или усечено-коническим туловом с сотовидным орнаментом формы Айсингс 107 (рис. 26, 7) [Isings, 1957, p. 133], либо с синими каплями вариантов Сорокина I-D (рис. 26, 10) и II (рис. 26, 9) [Сорокина, 1971, с. 89, 90, рис. 1,5,8; Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,29; 3,5]. Сосуды с сотовидным орнаментом изготавливались в мастерских Восточного Средиземноморья, в частности – в Сирии, и во второй половине IV – первой половине V вв. распространялись на широкой территории от Средиземноморья до Восточного Причерноморья [Голофаст, 2001, с. 126-127]. В этом же ареале в

конце IV – первой половине V вв. бытовали стеклянные стаканы с синими каплями [Foy, 1995, p. 198-200, pl. 9, 76,77,80-83; Айбабин, Хайрединова 1998, рис. 8, 20; 20, 2; Айбабин 2001, рис. 4, 5,6; Айбабин, Хайрединова, 2001, рис. 5, 6; Голофаст, 2001, с. 123-126; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 46, рис. 24, 16, 21-23]. Считается, что производство стеклянных сосудов с синими каплями возникло на Востоке – в сиро-палестинском регионе, как подражание дорогим сосудам из золота и серебра, украшенным драгоценными камнями [Голофаст, 2001, с. 126].

В могилу с кремацией зачастую ставили столовую посуду – краснолаковые кувшины, чаши, миски и канфары, гончарные кувшины и лепные сосуды (рис. 25-27). Среди краснолаковой посуды преобладают миски на кольцевидном поддоне различных форм: с вертикальным высоким бортиком с нижним краем, нависшим над стенкой (рис. 26, 3), с маленьким закругленным венчиком и ребристой стенкой (рис. 26, 5), с вогнутым бортиком (рис. 26, 6). В нескольких погребениях найдены чашки с вертикальным или наклонным внутрь профилированным бортиком и сужающимся туловом на кольцевидном поддоне (рис. 26, 1,2). Однотипные сосуды широко представлены на памятниках Северного Причерноморья поздне-римского времени [Гущина, 1974, с. 38, табл. XIX, 1-11,13-16; Зубарь, Сорочан, 1986, с. 107, рис. 4, 4; Рыжов, 1986, с. 134, рис. 4, 6; Айбабин, 1999, с. 257, 259-260; Кленина, Созник, 2004, с. 52-54, рис. 18-19].

Краснолаковые кувшины из могил с кремациями, сделанные на кольцевом поддоне с профилированным венчиком, низким воронковидным горлом и грушевидным туловом (рис. 25, 4) и с овальным в сечении венчиком, с высоким воронковидным горлом, широкой профилированной ручкой и шаровидным туловом с рифленой поверхностью (рис. 25, 5,6), аналогичны бытовавшим в Херсонесе в III-IV вв. [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 107, 109, рис. 4,7,10]. На склоне Чатыр-Дага, в могиле 4 найден краснолаковый канфар с усечено-коническим туловом на кольцевом поддоне (рис. 26, 8) [Мыц и др., 2006, с. 39, табл. 8Б, 8]. Сосуды этого типа появляются около середины II в. [Журавлев, 2010, с. 64-65, форма 34, табл. 32-33] и бытуют до конца IV в., о чем свидетельствуют их находки в погребениях этого времени из Калатиса [Preda, 1980, pl. XII, 189; LXXII, 189] и из могильников Юго-Западного Крыма Тас-Тепе, Дружное и Черная Речка [Айбабин, 1999, табл. XIII, 12; Пуздровский и др., 2001, с. 45, рис. 7, 12; Храпунов, 2002, рис. 77, 13; 98, 7].

Гончарный серо-глиняный флакон – бальзамарий из Харакса, из могилы 34 (рис. 26, 4) однотипен унгентариям, найденным в западном Причерноморье в комплексах IV в. [Preda, 1980, p. 29-30, pl. XII, 176, 204; LXIX, 174,176; LXXIII, 204/4, 204/5]. Флаконы для мазей или благонової подобной формы известны в Херсонесе, III-IV и в Совхозе 10, в могиле 68 конца III-IV вв. [Зубарь, Сорочан, 1986, с. 109-110, рис. 5, 5; Стржелецкий и др., 2005, с. 112, 114, табл. XXVII, 24]. Среди гончарной керамики также отметим сероглиняные чашки со слегка отогнутым наружу венчиком и с биконическим туловом на кольцевидном поддоне (рис. 25, 1,7), аналогичные сосудам из памятников черняховской культуры [Айбабин, 1990, с. 17, рис. 2, 23; 6, 10; Магомедов, 2001, с. 47, 231, рис. 29].

Лепная керамика из погребений с кремациями представлена кувшинами, мисками и небольшими горшками и кружками (рис. 27). Преобладают высокие миски с небольшим отогнутым краем и полусферическим туловом (рис. 27, 3-6). Некоторые исследователи сопоставляют форму этих сосудов с керамикой вельбаркской культуры [Мыц и др., 2006, с. 114-116, рис. 5, 1,2,7,8]. Однако аналогичные лепные сосуды известны в Юго-Западном Крыму, в погребениях алан второй половины IV в. из могильника Суворово-I и первой половины V в. из некрополей Алмалык-Дере и у с. Лучистое, в наборах типичной местной лепной посуды

[Пуздровский и др., 2001, с. 47, рис. 9, 9; Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 25, рис. 4, 4-6; Maćczyńska и др., 2016, Taf. 201, 2]. Коричневоглиняный кувшин со сферическим туловом, высоким цилиндрическим горлом с небольшим отогнутым венчиком и вертикальной плоской ручкой (рис. 27, 2) по форме близок сосуду, найденным в могильнике у с. Дружное, в скоплении сосудов около склепа 27 второй половины IV в. [Власов, 1999, с. 341, 366, рис. 10, 7; Храпунов, 2002, с. 216, рис. 116, 3]. Небольшой горшок с невысоким отогнутым венчиком, сферическим туловом с дуговидными налепами, происходящий с Чатыр-Дага, из могилы 55 (рис. 27, 10) относится к группе лепных сосудов, типичных для аланских погребений IV в. Юго-Западного Крыма [Айбабин, 1994/1995, рис. 24, 1; Власов, 1999, с. 331, рис. 3, 2,3,5,7; Пуздровский и др., 2001, с. 50, рис. 12, 13]. Кружки с почти биконическим туловом и небольшой петлевидной ручкой, прикрепленной к верхнему краю венчика (рис. 27, 9) близки сосудам III-IV вв. из могильника Дружное [Власов, 1999, с. 369-370, рис. 13, 4; 14, 2,16,20]. Обратим внимание на происходящий из Харакса, из могилы 15 фрагмент ручки с зооморфным налепом из серой глины (рис. 27, 8). Подобные декоративные элементы, имевшие оберегающее значение, характерны для кувшинов и трехручных горшков из погребений алан III-IV вв. из могильников Нейзац и Дружное [Власов, 1999, рис. 6, 10; 7, 8,10; 9, 11,16; 12, 3; 15, 17; Храпунов, 2011, рис. 10, 1-4; 11, 1-4]. В Хараксе зооморфный налеп лежал в горле амфоры с сожженным прахом покойного [Блаватский, 1951, с. 269]. Возможно, изделие было использовано в качестве амулета.

Керамические сосуды помещались в могилу по одному или набором из нескольких предметов. Так, на склоне Чатыр-Дага, из могилы 4 извлекли краснолаковые кувшин и канфар (рис. 25, 5; 26, 8), а из могилы 49 – кувшин и чашку (рис. 26, 1) [Мыц и др., 2006, с. 39, 78, табл. 8Б, 9,8; 47, 1-3]. Одноручный кувшин и небольшая краснолаковая миска стояли около амфоры с прахом погребенного в могиле 29 некрополя Харакс [Блаватский, 1951, с. 272]. В могиле 55 некрополя Чатыр-Даг рядом с амфорой – урной стоял «сервиз» лепной посуды, включавший кувшин, небольшие горшок и миску (рис. 21, 1; 27, 2,7,10) [Мыц и др., 2006, табл. 51, IV; 52, 1,3,4]. Помимо целых изделий, в заполнении могил попадали небольшие фрагменты битых керамических сосудов. Как уникальную отметим находку бронзовой ойнохой в могиле 18 некрополя Харакс. По сообщению В. Д. Блаватского, она была плохой сохранности, сильно смята и имела следы ремонта, в ходе которого бронзовую ручку заменили железной [Блаватский, 1951, с. 269].

Наряду с керамической посудой в могилы с кремациями складывались орудия труда (рис. 28), оружие (рис. 29; 30), металлические детали костюма (рис. 31) и украшения (рис. 32; 33). Большинство из этих предметов не кремировалось с телом умершего, а укладывалось на дно могилы, рядом с урной или с женными костями покойного.

Происходящие из могил орудия труда – серпы, топоры, рыболовные крючки, позволяют сделать некоторые выводы о занятиях жителей, оставивших могильники с кремациями. Самые многочисленные орудия труда – серпы (рис. 28, 8-10). На склоне Чатыр-Дага они выявлены в могилах 2, 3 и 55 [Мыц и др., 2006, с. 124, рис. 9], а в Хараксе – в могилах 10 и 11 [Блаватский, 1951, с. 266, 269, рис. 11, 2]. Длина серпов – 29,0 см. Все они выкованы из заготовок пакетного железа с дуговидным лезвием, переходящим в черенок, на который крепилась деревянная рукоять. На лезвиях местами сохранились зубцы, выполненные нанесением косях насечек по одной стороне лезвия [Вознесенская, Левада, 1999, с. 257-258].

О значительной роли рыболовного промысла у населения, жившего у моря и оставившего могильник Харакс, свидетельствуют находки бронзовых рыболовных крючков разных размеров, сделанных из круглой в сечении проволоки (рис. 28, 4).

Они выявлены в нескольких могилах наборами по 2-3 экземпляра [Блаватский, 1951, с. 266, 268, рис. 10, 2; Орлов, 1987, с. 118, рис. 6, 4]. Многочисленны находки черешковых однолезвийных ножей с прямой спинкой (рис. 28, 6,7). Их длина не превышала 20,0 см. На черенке некоторых ножей сохранилась железная заклепка, которой скреплялась деревянная рукоять. Для затачивания этих ножей служили небольшие оселки из серого камня (рис. 28, 5). На некоторых из них просверлены круглые отверстия, вероятно, для подвешивания к поясу.

Находки глиняных пряслиц – грузиков для веретен [Блаватский, 1951, с. 272; Мыц и др., 2006, табл. 49, 4; 62, 3], свидетельствуют о производстве пряжи. Небольшие железные и бронзовые иглы (рис. 28, 1) предназначались, скорее всего, для сшивания грубых домотканых тканей. Для сшивания кожаных изделий использовались железные шилья, сделанные из прямоугольного в сечении стержня с заостренной, круглой в сечении рабочей частью (рис. 28, 2,3).

В Хараксе, в могилах 1, 7, 19 [Блаватский, 1951, с. 264, 268-269, рис. 10, 4; 11, 1] и на склоне Чатыр-Дага, в могиле 3 и на древней поверхности «северной» части некрополя найдены топоры. Большинство из них относятся к группе узколезвийных ассиметричных проушных топоров с оттянутым, квадратным в сечении обухом (рис. 29, 6). Такие же топоры найдены в Юго-Западном Крыму в погребениях IV в. из аланских могильников Килен-Балка, Нейзац и Дружное [Контны, Савеля, 2006, рис. 5, 1; Храпунов, 2002, рис. 72, 3; Храпунов, 2011, с. 34-35, рис. 28]. Аналогичные крымским инструменты известны на территории черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 308, 562, рис. 5], а также в Цебельде, в комплексах IV-VII вв. [Воронов, Юшин, 1979, с. 195-196, рис. 9, 25; Воронов, Шинкао, 1982, с. 127, рис. 3, 13-16, тип II] От перечисленных отличается узколезвийный топор-тесло, найденный на склоне Чатыр-Дага, в могиле 3 (рис. 29, 1). Длина топора 19,2 см. Он был откован из пакетного металла, из заготовки, сваренной из полос железа и мягкой стали [Вознесенская, Левада, 1999, с. 256]. Аналогичный топор обнаружен в Прикубанье, в одном из курганов «Золотого кладбища» римского времени [Гущина, Засецкая, 1994, с. 72, 147, Кат. № 467, табл. 48, 467]. Подобные изделия широко распространены на памятниках этого периода. Считается, что они использовались римскими легионерами при постройке походных лагерей [Мыц и др., 2006, с. 123]. Ю. Н. Воронов и Н. К. Шинкао предположили, что такие топоры могли быть орудием камнетеса [Воронов, Шинкао, 1982, с. 128, рис. 3,18]. Возможно топоры из крымских могильников использовались и как инструмент, и как боевое оружие.

В могиле 2 могильника Чатыр-Даг найден двулезвийный меч, преднамеренно согнутый в древности (рис. 29, 3,3а). Его длина – 81,9 см, ширина лезвия – 5,3 см; на узком черенке сделано отверстие для заклепки, при помощи которой крепилась рукоять. Меч откован из кричного железа; заготовка сварена из двух полос металла [Вознесенская, Левада, 1999, с. 253]. Аналогичные длинные мечи с широким лезвием найдены в погребениях IV в. из аланских могильников Озерное и Нейзац [Лобода, 1977, с. 237, рис. 1, 10; 3, К; Храпунов, 2010, с. 535-536, рис. 2,6; 3], а также на памятниках черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 305, 559, рис. 2]. В ареале черняховской культуры отмечен и особый помещения в кремацию преднамеренно поврежденного длинного меча [Магомедов, Левада, 1996, с. 305, 559, рис. 2, 7].

В крымских могильниках с кремациями найдены двулезвийные кинжалы с вырезами на лезвии у пяты клинка (рис. 29, 2) [Блаватский, 1951, с. 268; Мыц и др., 2006, табл. 15А, 1]. Этот тип оружия появился в III в. на Северном Кавказе у алан [Хазанов, 1971, с. 17, табл. XII, 5-7; Абрамова, 1993, с. 162, рис. 65,15-17], с начала IV в. распространился в степях Подонья, Прикубанья и Поволжья

[Soupault, 1996, с. 76], у алан-ских воинов в Восточном и Юго-Западном Крыму [Айбабин, 1999, с. 70-71; Контны, Савеля, 2006, с. 138-144] и на территории черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 305-306]. Кинжал с вырезами на лезвии из Чатыр-Дага откован из заготовки сырцово-железной стали и имеет длину 51,2 см [Вознесенская, Левада, 1999, с. 254].

В двух могилах из Харакса и Чатыр-Дага зафиксированы металлические детали щита – умбон и рукоять (рис. 29, 4,5) [Блаватский, 1951, с. 268; Айбабин, 1999, табл. XVI,8; Мыц и др., 2006, табл. 7, 4,5]. Шлемовидный умбон сделан с широким рантом с круглыми отверстиями от заклепок для крепления на щите; его диаметр – 19,0 см, высота – 7,5 см. Ручка от щита длиной 15,0 см выполнена из узкой вогнутой пластины с расширяющимися концами. По мнению Н. Цилинга, умбоны типа Н-2, подобные найденным на могильниках Харакс и Чатыр-Даг, находились в употреблении до 375 г. [Zieling, 1989, p. 103, 104, 123, 124].

Судя по находкам из погребений с кремациями, самым массовым видом оружия у местного населения было копьё или дротик. На склоне Чатыр-Дага найдено семь наконечников копий и один – в Хараксе (рис. 30, 1-6,8) [Блаватский, 1951, с. 269-270, рис. 10, 3]. Почти все они листовидные, втульчатые, длиной от 18,0 до 42,0 см. Один наконечник пиковидный, с восьмигранной втулкой (рис. 30, 4).

Следует отметить, что оружие и орудия труда в крымских могильниках с кремациями найдены вместе, в одних могилах. Так, на склоне Чатыр-Дага в могиле 2 находились серп, согнутый меч и два наконечника копий (рис. 28, 10; 29, 3; 30, 3), в могиле 3 – топор, серп, умбон и наконечник копья (рис. 28, 9; 29, 1,4,5; 30, 5), в Хараксе в могиле 11 – серп, умбон, ручка щита и кинжал с вырезами у пяты клинка, в могиле 18 – топор и наконечник копья [Блаватский, 1951, с. 268-269, рис. 11, 1]. Технология изготовления кузнечных изделий из Чатыр-Дага была простейшей: они ковались при помощи приемов горячей ручнойковки из цельной заготовки. При изготовлении предметов сложной конфигурации применялась горячая кузнечная сварка однородного металла, а в качестве сырья использовались кричное железо и мягкая сырцовая сталь. Исследователи отмечают сходство специфики кузнечной обработке сырья и общности технологических схем металлообработки кузнечной продукции из Чатыр-Дага и из памятников пшеворской и черняховской культур [Вознесенская, Левада, 1999, с. 258-260].

Специфика погребального обряда не позволяет реконструировать костюм населения, оставившего могильники с кремациями. Находки из погребений дают представление только о типах металлических аксессуаров одежды и украшений, но не позволяют определить их место и назначение в костюме. К функциональным деталям одежды относятся фибулы и пряжки (рис. 31). Фибулы представлены одночленными застёжками варианта¹ 15/II-1 (рис. 31, 2), двучленными вариантами 15/III-1 (рис. 31, 3,4) и 16-2/I-3 (рис. 31, 13), а также перекладчатой с эмалью с высоким массивным пластинчатым приемником (рис. 31, 7) [Мыц и др., 2006, с. 132-133]. Использовались пряжки с овальной или круглой рамкой вариантов 1 и 2 (рис. 31, 5,6,9,11) [Айбабин, 1990, с. 27-28, рис. 2, 3,10; 22, 1,3; Айбабин, 1999, табл. III, 9; XIII, 6; XXVII,17] и типа Келлер А1 (рис. 31, 8,10). Типологический состав пряжек и фибул, выявленный на могильниках с кремациями и на некрополях с ингумациями очень близок, что можно объяснить одинаковым типом одежды и распространением единой моды в регионе. В Хараксе зафиксирован обычай ношения на фибуле перстня (рис. 31, 2; 33,7) [Орлов, 1987, с. 112], характерный для позднескифского населения Юго-Западного Крыма и прослеженный в ряде погребений второй половины III в. на новых аланских некрополях (рис. 51, 1,2).

¹ Варианты фибул даны по классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966].

В могильниках с кремациями найдены украшения, аналогичные происходящим из одновременных некрополей с ингумациями: пластинчатые декоративные детали головного убора (рис. 32, 1), полусферические подвески – колокольчики (рис. 32, 2,10), подвески – лунницы (рис. 32, 5), бусы из стекла, янтаря и египетского фаянса (рис. 32, 3), гривна из ложновитой проволоки (рис. 33, 11), литая бронзовая ажурная подвеска (рис. 32, 14), ведерковедные подвески (рис. 33, 15), подвески из монет с бробитым отверстием для подвешивания (рис. 32, 6-9), браслеты из овального или круглого в сечении стержня со слегка утолщенными концами (рис. 33, 4, 8,10), проволочные браслеты с завязанными концами (рис. 33, 13) и с замком из крючка и петельки (рис. 33, 12), пластинчатые браслеты (рис. 33, 6), перстни – пластинчатые с раздвоенными закрученными концами (рис. 33, 2,3) и с вставкой из геммы (рис. 33, 7), костяная антропоморфная подвеска (рис. 32, 13). В Чатыр-Даге найден пластинчатый щиток шарнирного браслета, выполненный в так называемом догуннском сарматском полихромном стиле (рис. 33, 14) [Амброз, 1989, с. 25-27; Айбабин, 1999, с. 44]. Специфическими являются пластинчатые перстни, скрученные в несколько оборотов и украшенные врезным орнаментом в виде елочки (рис. 33, 1).

В некоторых урнах и могилах лежали кости и зубы животных – овцы, жеребенка, свиньи [Блаватский, 1951, с. 264, 266], что может свидетельствовать о разведении этих животных населением, оставившим могильники с кремациями. Использование лошадей подтверждается находкой железных двусоставных удил с бронзовыми кольцами, вставленными в кольцевидные завершения грызл (рис. 30, 7). Аналогичные удила известны в погребениях IV в. из аланских могильников Юго-Западного Крыма [Айбабин, 1994/1995, рис. 3, 1; Пуздровский и др., 2001, рис. 4, 6; Храпунов, 2002, рис. 72, 4,5; 101, 4; 169, 16; 119, 1; Храпунов, 2011, с. 35, рис. 30, 3].

Три захоронения с кремацией 6-го варианта выявлены на могильнике Бельбек I, а одно 4 варианта — на некрополе Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 124; Гущина, 1974, с. 34, 45, 47, 48, рис. II,5]. По инвентарю они не датируются. Судя по стакану с синими каплями с могильника Бельбек I, последний функционировал до конца IV в. [Гущина, 1974, рис. II,5]. До конца III в. хоронили и на некрополе Скалистое III. Кремация практиковалась в эллинистический и римский периоды в Херсонесе. К середине III в. жители города отказываются от нее. В более позднее время на его некрополе зафиксирован лишь один случай использования кремации [Зубарь, 1982, с. 57, 58]. В каменной гробнице 3/1891 стояла урна, в которой, судя по тексту отчета о раскопках, лежали брошь в виде цикады и фибулы второй половины V в. [Косцюшко-Валожинич, 1891, с. 68.; Айбабин, 1999, табл. XXV, 3,9]. Однако, известные там погребения с трупосожжением по конструкции и деталям обряда отличаются от горнокрымских. То есть кремация не могла распространиться в Юго-Западном Крыму после середины III в. из Херсонеса.

Признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами. На территории некрополей кремация всегда совершалась в стороне от могилы. Выявлены захоронения с прахом в урнах, стоящих в каменных ящиках или в ямах, перекрытых бутышками камнями, или в маленьких засыпанных грунтом ямах. Прах также компактно складывали в небольшую яму, засыпанную землей или забросанную камнями [Айбабин, 1999а, с. 244-245; Аjbabin, 2011, S. 18, 20; Мыц и др., 2006, с. 9-31].

Судя по инвентарю, на этих могильниках хоронили еще и в первой половине V в. [Аjbabin, 2011, S. 20]. Захоронения, открытые на склоне Чатыр-Дага, близ Харакса, в Партените и на Черной речке, аналогичны одновременным германским погребениям, раскопанным в Северном и Восточном Причерноморье на

некрополях черняховской культуры [Магомедов, 1987, с. 42, 46] и в Польше на территории пшеворской и вельбарской культур [Никитина, 1974, с. 61-66, 81-90; Кухаренко, 1980, с. 64, 74, 76]. Могилы с урнами в каменных ящиках или в перекрытых бутовыми камнями ямах, равно как могилы с прахом, сложенным в заброшенную камнями ямку, близки германским захоронениям с кремациями римского периода в Норвегии [Kazanski, 1991, p. 496-497]. Для упомянутых германских кремаций характерны и прослеженные в кремациях из Юго-Западного Крыма многие детали обряда: наличие керамических и стеклянных сосудов, разнообразного инвентаря, остатков пищи и костра, обычай закрывать урны черепками или сосудами, малочисленность оружия и отдельные категории инвентаря: фибулы, ведёрковидные подвески, керамика с биконическим туловом [Никитина, 1985, с. 82-88, табл. II, Па, Ша, XXII-XXIV]. Близ Харакса, на склоне Чатыр-Дага и в Партените в могилах много монет, что является локальной особенностью обряда.

Как мы видим, рассмотренные крымские погребения с кремацией оставлены германцами.

2. Могильники с ингумациями

Вторая группа памятников, возникших в Юго-Западном Крыму около середины III в., представлена некрополями с захоронениями по обряду трупоположения, выявленными в низовьях Черной речки (рис. 1, 4) и в Инкермане (рис. 1, 5) [Айбабин, 1999, с. 36; Ajbabin, 2011, S. 28, 30, Abb. 2,15,19; 13], на склоне Килен-Балки (рис. 1, 6) [Контны, Савеля, 2006, с. 129-160], в Суворово (рис. 1, 11) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 57-77], Тенистом (Тас-Тепе) (рис. 1, 13) [Пуздровский и др., 2001, с. 32-33; Ajbabin, 2011, S. 9, 10, Abb. 3], Красной Заре (рис. 1, 18), Вишневом (рис. 1, 12) [Пуздровский и др., 2001, с. 32-33, рис. 2], Озерном (рис. 1, 7) [Лобода, 1977, с. 236-252], Сувлу-Кая (рис. 1, 9) [Масякин, Волошинов, Неневоля, 2013, с. 31-32], Перевальном (рис. 1, 16) [Пуздровский, 2007, с. 95], Дружном (рис. 1, 15) [Айбабин, 1994/1995, с. 89-98; Ajbabin, 2011, S. 8, Abb. 2,4; Храпунов, 2002], и на плато Мангуп (рис. 1, 8) [Герцен, 1990, с. 114; Айбабин, 1999, с. 14; Ajbabin, 2011, S. 8]. К этой группе памятников следует отнести и некрополи Предгорного Крыма – Нейзац (рис. 1, 14) [Храпунов, 2011, с. 13-59] и Курское (рис. 1, 10) [Труфанов, 2012, с. 34-41], расположенные на пути миграции алан со стороны Боспора в Юго-Западный Крым.

На перечисленных могильниках хоронили в склепах, в подбойных и ямных могилах [Айбабин, 1999, с. 18, 22, рис. 6,3-5; Ajbabin, 2011, S. 14, Abb. 6,3-5].

Все склепы Т-образные в плане, ориентированные камерой на север или северо-восток (рис. 34). Они состоят из прямоугольного или трапециевидного в плане дромоса (входной ямы) и камеры, соединенных небольшим коридорчиком. В тыльном борту дромоса некоторых склепов вырублены ступени (рис. 34, 5; 36, 3; 37). Известны склепы с дромосом, в длинном борту которого сделана ниша – подбой для погребения, закрывавшаяся несколькими плитами (рис. 34, 3). В короткой стенке дромоса выкапывался узкий коридорчик – вход в камеру. Со стороны дромоса вход закрывался одной или несколькими плитами из песчаника. Часто плиты у основания подпирали несколькими небольшими камнями, а щели между плитами и бортами дромоса тщательно заделывали глиной. Камера в плане трапециевидная, квадратная или прямоугольная (рис. 35; 37). Пол камеры склепа на 0,1-1,2 м ниже дромоса. В камерах многих склепов у входа выкопаны одна или две ступени. В стенах камер некоторых склепов высекались небольшие и неглубокие ниши – полки. Обычно делали по одной нише в тыльной стене камеры. В некоторых склепах зафиксированы по две или три ниши

в тыльной стене (рис. 34, 5), либо по нише в трех стенах – боковых и тыльной (рис. 34, 3). На стенах некоторых ниш сохранились следы копоти, а внутри лежали фрагменты стеклянного сосуда [Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 61]. На стенке камеры склепа из Нейзаца были высечены тамгообразные знаки (рис. 36, 1) [Шульц, 1957, с. 86, рис. 14, в; Высотская, Махнева, 1983, с. 73, рис. 4,1], а в Озерном на стене камеры сажей нарисовали тамги и фигурки лошадей (рис. 36, 4-11) [Лобода, 1977, с. 239, 241, рис. 2, 2-9]. Один из знаков похож на тамги царей Боспора, изображенные на монетах III-IV вв. [Соломоник, 1959, с. 164, 165, № 165]. Тамгообразные знаки встречаются и на предметах, найденных в нейзацких склепах, – на бляхе от конской сбруи (рис. 36, 2) и на костяной рукояти складного ножа (рис. 36, 12) [Храпунов, 2011, рис. 103].

В Дружном, Перевальном, Нейзаце, Сувлу-Кая почти во всех камерах склепов находилось от пяти до одиннадцати костяков (рис. 36; 37). Тогда как в Озерном, Суворово, Инкермане и на Черной Речке в склепе хоронили не более четырех человек. Тела умерших укладывали вытянуто на спине, головой на СЗ, ЮВ или ЮЗ, с руками вдоль туловища. Во многих склепах прослежены остатки тлена от деревянных гробовин. В склепах, использовавшихся на протяжении долгого времени, отмечены обычаем смещения более ранних погребений к стенкам камеры или захоронения в два яруса, когда умерших укладывали поверх ранее погребенных [Храпунов, 2002, рис. 62; 63; 66]. В Дружном, Перевальном, Нейзаце и на Черной Речке в дромосах и камерах найдены скелеты или отдельные кости лошадей (рис. 35, 2). На всех перечисленных могильниках в камерах, за головами погребенных стояло большое количество керамической посуды, лежали древесные угольки и остатки на-путственной пищи: кости овец, коров, куриные кости и яйца. (рис. 35; 37).

По конструкции описанные Т-образные склепы отличаются от известных в Крыму скифских склепов I – первой половины III вв. [Айбабин, 1987, с. 192], которые выкопаны или вырублены без коридора между дромосом и камерой [Высотская, 1987, рис. 2,2-7]. Склепы II-III вв. с этим элементом, выявленные на некрополе Неаполя Скифского, очевидно, принадлежали сарматам [Пуздровский, 1994, с. 118, рис. 3,4; 4,1,2]. Склепы с таким коридором по планировке близки катакомбам, известным в Центральном Предкавказье на могильниках Чегем и Нижний Джулат [Кеферов, 1988, с. 72-75. Абрамова, 1993, рис. 2,2; 7,7-10,12,15,17,18. Абрамова, 1995, с. 75; Абрамова, 1997, с. 97-102, рис. 2, 1,6,13; 3, 1; 4, 1,13; 5,1,5,13; 8, 1,9; 9, 9; Габуев, Малашев, 2009, рис. 33, 69,101,118], в нижнем и среднем Прикубанье – со II в. до н. э. [Каминский, 1990, с. 100, рис. 31,1], близ Тимашевска и с первой половины I в. н. э. на «Золотом кладбище» [Гущина, Засецкая, 1994, с. 7], в Средней Азии в среднем течении реки Сыр-Дарья и в Фергане – с I в. н. э. [Берлизов, Каминский, 1993, с. 106-107, табл. VIII, 32]. Как весьма аргументировано показала М. П. Абрамова, с I в. н. э. данный элемент становится типичным для конструкции аланских катакомб Центрального Предкавказья [Абрамова, 1970, с. 94; Абрамова, 1972, рис. 3, 66; 4, 25; 5, 28,67; 8, 7; 9, 12; 10, 10,15,26, 46, 59; Абрамова, 1975, рис. 1, 1; 2, 1,6; 3, 1; 4, 1,6; 6, 1,6,10; 7, 1,9; Абрамова, 1987, рис. 30, 2; Абрамова, 1993, рис. 40, 2; 48, 1,2,4,5]. С конца II – начала III вв. однотипные погребальные сооружения распространяются на европейском и азиатском Боспоре [Кобылина, 1941, с. 77-79, рис. 109; Сорокина, 1957, с. 44-45; Абрамова, 1982, рис. 5,7; Арсеньева и др., 2001, табл. 65, 834], с середины III в. – в междуречье Дона и Сала и в низовье Дона [Безуглов, Захаров, 1988, с. 19-22, рис. 31,1; Безуглов, Копылов, 1989, с. 180-181, рис. 1,1,II,IV], а с IV в. – в Верхнем Прикубанье и Прикаспийском Дагестане [Минаева, 1971, рис. 14,34; Котович, Котович, Магомедов, 1980, рис. 9; Гмыря, 1993, рис. 6, 2;

19, 2,5; 20, 2,3; 25, 2]. Описанные катакомбы и склепы из перечисленных выше регионов обычно связывают с аланами. В крымских Т-образных склепах и в аналогичных по плану катакомбах из Предкавказья выявлены одинаковые элементы погребального обряда: остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене [Савенко, 1984, с. 63-69].

Другой тип погребальных сооружений, характерный для некрополей с ингумациями, это подбойные могилы (рис. 38). Они состоят из прямоугольной или овальной в плане входной ямы и из одного или двух ниш – подбоев для захоронений, выкопанных в боковых бортах входной ямы (рис. 38, 1). Пол подбоя на 0,1-0,3 м ниже уровня дна входной ямы. Обычно подбой закрывали плитами. В подбоях хоронили по одному или по два человека. Некоторые подбойные могилы, как и склепы, использовались на протяжении долгого времени. Так, в Дружном выявлены могилы с двумя подбоями, в каждом из которых захоронили по несколько человек, уложив некоторые тела поверх более ранних погребений (рис. 38, 4). Иногда, для совершения захоронения в уже заполненном подбое, кости более ранних погребений сдвигали внутрь подбоя [Храпунов, 2002, рис. 50-52]. На Черной речке и в Озерном и в подбоях прослежены остатки деревянных колод. Обряд погребения в подбойных могилах и склепах идентичен. Судя по многослойным захоронениям, подбойные могилы, как и склепы, служили семейными усыпальницами. Подбойные могилы по конструкции подобны появившимся на Боспоре со II в. [Цветаева, 1951, с. 73, 74; Шелов, 1972, с. 234; Масленников, 1990, с. 27], а в Юго-Западном Крыму – с I в. н. э. в результате миграции сармат [Гущина, 1974, с. 33; Гущина, 1997, рис. 2-6; Богданова, 1989, с. 22, 23]. Однако ранние могилы отличаются от появившихся в III в. В ранних могилах входные ямы и подбои значительно шире (до 1,0 м и более). У некоторых из них входные ямы были засыпаны камнями [Высотская, 1987, с. 57, 58; Пузровский, 2007, рис. 66, 1-11; 77]. По антропологическим данным для населения, хоронившего в подбойных могилах на могильнике Сувлу-Кая характерны традиции искусственной деформации головы и краниометрические признаки, свойственные носителям позднесарматской культуры низовьев Волги и Дона [Казарницкий, 2016, с. 214, рис. 2].

Наименьшую группу погребальных сооружений составляют простые грунтовые могилы, прямоугольной или овальной в плане формы (рис. 39). Среди них встречаются могилы, сделанные небрежно, с неровными бортами. Некоторые могилы выкопаны с углублением для покойника на дне ямы (с заплечиками). Такие углубления перекрывались досками или плитами. Во многих могилах прослежены остатки гробовины. В основном могилы предназначались для погребения одного человека, хотя известны погребальные сооружения этого типа с двумя захоронениями, совершенными один над другим (рис. 39, 2). В грунтовых могилах зафиксированы наиболее бедные погребения. В них хоронили умерших с небольшим количеством инвентаря, а зачастую, и вообще без него. Однотипные погребальные сооружения использовали сарматы в Поволжье и Южном Приуралье с IV в. до н. э., а в Подонье, на Кубани и в Поднепровье – со II в. до н. э. [Абрамова, 1959, с. 54, 55, 57, 68, 69. Абрамова, 1961, с. 102, 109, 110. Мошкова, 1963, с. 22. Смирнов, 1964, с. 81. Смирнов, 1975, с. 159]. На некрополях Танаиса, Керченского полуострова [Шелов, 1961, с. 84, 85] и в Заветном грунтовые могилы с заплечиками и без них появились с I в. н. э. [Богданова, 1989, с. 21]. Они раскопаны и в Скалистом III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 123]. По погребальному обряду ранние могилы с заплечиками отличаются от распространившихся около середины III в. На некрополях, возникших в Горном Крыму около середины III в. нет типичных для позднескифского некрополя

Заветное захоронений в ямах, закрытых тремя-пятью каменными вымостками, с прослойками земли между ними [Mould, 1996, p. 46-48].

На Черной Речке и в Инкермане найдены два захоронения в скорченном положении. Выказывалось мнение об их принадлежности таврскому этносу [Бабенчиков, 1963, с. 122; Веймарн, 1963, с. 40]. Однако такой способ погребения в первые века н. э. был типичен для сармат Северного Кавказа [Смирнов, 1960, с. 250; Богданова, 1982, с. 36].

На некрополях с ингумациями выявлены захоронения коней. Зачастую животных хоронили в простых грунтовых могилах, куда их аккуратно укладывали на бок или на брюхо, подогнув конечности (рис. 40, 1). Известны и погребения коней в склепах – в дромосе либо в камере, а также в подбойных могилах. Большинство погребений коней безынварны. На некрополе Нейзац в некоторых могилах с конями IV в. прослежены небольшие, заложённые камнями ниши – подбои, в которых лежали детали конской сбруи и керамические сосуды [Мульд, 2016, с. 50-51, рис. 9, 4,8]. Детали конской амуниции часто встречаются в погребальном инвентаре мужских захоронений. Наиболее распространенная находка – железные двусоставные удила с кольцами, вставленными в загнутые концы грызл (рис. 40, 2-4). Они обнаружены в Суворово (рис. 39, 1) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 9, 10; 10, 16], Тас-Тепе [Пуздровский и др., 2001, рис. 4, 6], Дружном (рис. 40, 2-4) [Айбабин, 1994/1995, рис. 3, 1; Храпунов, 2002, рис. 72, 4,5; 101, 4; 169, 16; 119, 1] и Нейзаце [Храпунов, 2011, с. 35, рис. 30, 3]. В Нейзаце найдены многочисленные металлические детали уздечных ремней – пряжки, соединительные кольца, бляхи, наконечники ремней и отлитые в форме голов животных пронизи (рис. 40, 5,6). Детали конской сбруи разнообразны по форме и многие сделаны из серебра. Судя по ним, убранству коня предавалось большое значение. В целом, можно говорить об особой роли коня в жизни населения, оставившие перечисленные могильники второй половины III-IV вв. в Юго-Западном Крыму. Это наблюдение согласуется с приводившимся выше свидетельством Аммиана Марцеллина о том, что аланы заботятся о лошадях и прилагают много усилий по уходу за ними [Аммиан Марцелин. Кн. XXXI, 2, 17-25].

Для изучения этногенеза погребённых в описанных выше Т-образных склепах и могилах Юго-Западного Крыма, важны извлечённые из них темноглиняные лепные сосуды с лощеной поверхностью и нелощёные, подобные бытовавшим у сармат и алан азиатского Боспора, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья (рис. 41-43) [Айбабин, 1999, с. 23; Власов, 1999, с. 352-354; Власов, 2003, с. 98-124]. Лепная керамика – самая многочисленная категория погребального инвентаря. К примеру, в могильнике Дружное, где исследован участок с более 80-ю погребальными сооружениями второй половины III-IV вв., лепные сосуды составили 75% от всех керамических изделий [Власов, 1999, с. 322]. Среди лепной керамики преобладают столовые формы посуды – миски, кувшины и кружки. Миски, в основном, плоскодонные, усечено-конической формы (рис. 42, 12,18,19,21,22), некоторые – вылеплены с полусферическим туловом и отогнутым венчиком (рис. 42, 10). Бытовали миски с небольшими вертикальными петлевидными ручками (рис. 42, 13) или горизонтальными ручками-упорами (рис. 42, 1). Встречаются изделия, копирующие форму краснолаковых мисок с отогнутым бортиком и на кольцевидной подставке (рис. 42, 11,17).

Кувшины сделаны с высоким цилиндрическим горлом и грушевидными, либо биконическим туловом, а кружки – с невысоким отогнутым венчиком и сферическим туловом (рис. 43). Отдельные кувшины вылеплены с высоким, отогнутым венчиком со сливом в передней части (рис. 43, 11,12). Нижняя часть ручки некоторых кувшинов прикреплена при помощи шипа, вставленного в отверстие

стенки тулова (рис. 43, 4,7). Такой способ крепления деталей отмечен на сосудах из памятников ранних алан центральных районов Северного Кавказа [Габуев, Малашев, 2009, рис. 128, 3,12-15]. Для кувшинов и кружек характерен декор в виде врезных зигзагообразных линий и рельефных валиков, размещенных горизонтально в месте соединения горла с туловом или вертикально – по тулову (рис. 43, 5,6,9,13,14). Необычно украшен кувшин из Сувлу-Кая: на плечиках его тулова налеплен волнистый рельефный валик с поперечной насечкой, имитирующий змею (рис. 43, 2).

Кухонная посуда представлена горшками – с высоким отогнутым венчиком и со сферическим, вытянутым или биконическим туловом, с двумя небольшими петлевидными ручками или без них (рис. 41; 42). На многих горшках в верхней части тулова, под венчиком сделаны дуговидные налепы, служившие своеобразными ручками-упорами (рис. 42, 3-7). Некоторые горшки декорированы полусферическими или коническими выступами, расположенными по центру тулова или в его верхней части. Подобно украшенные горшки известны в Восточном Приаралье, на памятниках джетыясарской культуры, среди носителей которой называют и алан [Левина, 1996, с. 188, 258-259, рис. 63; 64; Ил. 216], а также в слоях III в. из Танаиса [Арсеньева, 1969, с. 196, табл. VIII, 3], Илурата, Тиритаки [Кастанаян, 1981, с. 90, табл. XVIII, 6,7; XXX, 3,4] и в погребениях IV – первой половины V вв. из сельских могильников Европейского Боспора [Масленников, 2000, табл. XVII, 4; XVIII, 3; XXI, 3; XXII, 6].

На ручках многих горшков, кувшинов и кружек сделаны налепы в виде стилизованных изображений животных или птиц (рис. 41; 42, 9,14,15; 43, 10,13). В первые века н. э. подобная орнаментация керамики была распространена на широкой территории – от Северного Причерноморья, включая Прикубанье и Кавказ, до Средней Азии, одновременно как у кочевников, так и в оседлой земледельческой среде [Гущина, Засецкая, 1994, с. 26; Левина, 1996, с. 243-250, рис. 80; 163; 165; 166; Ил. 30]. В сарматских курганах I в. н. э. найдены золотые или серебряные сосуды, ручки которых полностью повторяют фигуры различных животных – копытных (лось, конь, кабан), хищников (кошачьи, волк, медведь), зайца или хищных птиц (рис. 41, 1-4) [Королькова, 2003, с. 51-52, рис. 11]. В Нижнем Подонье, в некрополе Кобякова городища выявлены керамические кувшины с зооморфными ручками [Косяненко, 1998, с. 167-177]. Подобные лепные сосуды многочисленны на памятниках Европейского Боспора в комплексах позднеримского времени, где их появление связывают с притоком сарматского населения [Кастанаян, 1951, с. 252]. Считается, что реалистично изображенная фигурка животного, обращенного мордой к устью сосуда, символизировала силу животного-оберега, охраняющего содержимое сосуда от злых духов [Сокровища сарматов, 2008, с. 114, 125, 126, 131, Кат. №29, 41, 43, 45]. Предохранительные функции зооморфных ручек подтверждаются данными этнографии. Так, на Кавказе кувшины с зооморфными ручками использовались вплоть до XIX в. У местного населения существовало представление о том, что такие ручки охраняют содержимое сосуда от воздействия злых сил [Скалон, 1941, с. 183, 206]. К зооморфным элементам следует отнести рельефные прямые и усовидные валики, расходящиеся от прилепов ручки по плечикам сосуда, схематично воспроизводящие задние ноги и хвост животного (рис. 42, 8; 43, 1,8,9,12,14). На некоторых сосудах зооморфное изображение совсем упрощено и передано небольшим полусферическим или коническим налепом на верхней части ручки (рис. 42, 14; 43, 10,13).

Особую группу лепной керамики составляют трехручные горшки с широким отогнутым бортиком и биконическим туловом с декоративной полосой из врез-

ных треугольников в верхней части (рис. 41, 11; 42, 9,15), близкие по форме гончарным вазам черняховской культуры [Власов, 1999, с. 336; Магомедов, 2001, с. 49-50, рис. 36, 1; 38, 5; 39, 2-4]. Ручки некоторых сосудов декорированы в верхней части зооморфными налепами. Обратим внимание на то, что похожие гончарные горшки с двумя зооморфными ручками и врезным декором из треугольников характерны для памятников джетысарской культуры в Восточном Приаралье [Левина, 1996, с. 360, рис. 165, 1; Ил. 306,в]. Такие сосуды, скорее всего, не использовались при приготовлении пищи, а имели культовое назначение.

К культовым предметам относятся и лепные сосуды IV в. из могильника Нейзац, сделанные в форме барана (рис. 44) – животного, считавшегося у скифов, сарматов и аланов символическим воплощением божества Фарна [Istvánovits, 1998, S. 135-171; Храпунов, 2007, с. 167-175]. Бараны изображены с довольно реалистично: тщательно вылеплена голова с закрученными рогами, шерсть передана врезными черточками и штампом в виде кружка или четырехлистника. Сосуды заполнялись жидкостью через круглое отверстие на «спине» барана. Цилиндрическое сливное отверстие сделано на морде животного, на месте «рта». Фрагменты красноангобированных лощенных сосудов с головой барана с закрученными рогами и со сливом на месте рта найдены в Восточном Приаралье, на памятниках джетысарской культуры, в слоях I – рубежа III-IV вв. [Левина, 1996, с. 244, 359, рис. 164, 9].

При всем многообразии форм и наличии индивидуальных изделий, лепная керамика из могильников с ингумациями второй половины III-IV вв. представляет собой цельный комплекс, характеризующийся единой техникой изготовления и своеобразием орнаментальных приемов. Сосуды вылеплены тщательно, у них ровные и тонкие стенки, а поверхность хорошо залощена. Почти у всех изделий, независимо от формы, верхний край плоско срезан. У кувшинов из разных могильников отмечен одинаковый способ крепления ручки с помощью шипа в нижней части. На разных формах керамики встречается одинаковый декор: зооморфные налепы, рельефные заостренные валики (вертикальные и горизонтальные по тулову и усовидные около прилепов ручки), врезной геометрический декор (треугольники, зигзагообразные линии).

Помимо лепной керамики местного производства, в погребения с ингумациями второй половины III-IV вв. ставили привозные амфоры, краснолаковую и сероглиняную гончарную посуду (рис. 45-47).

Амфоры представлены, в основном, светлоглиняными узкогорлыми сосудами типов D и F по Д. Б. Шелову (рис. 45) [Шелов, 1978, с. 18-19, рис. 7; 10]. Амфоры обоих типов происходят из одного производственного центра, предположительно – из Гераклеи Понтийской [Внуков, 2006, с. 16-17, 48-57; Ильяшенко, 2013, с. 107]. Амфоры типа Шелов D (рис. 45, 1) изготавливались в конце II-III вв. [Абрамов, 1993, с. 46-47, тип 6.8-10; Abadie-Reynal, 1999, p. 255-256, fig. 1d]. В Дружном, в подбойной могиле 20 однотипная амфора выявлена вместе с монетой Галлиена 253-268 гг. [Храпунов, 2002, с. 39, рис. 93, 5; 95, 13]. В могильнике Бельево II, в могиле 2 они лежали со стеклянным кувшином второй половины III – первой половины IV в. [Мосберг, 1948, с. 114-115, рис. 3,3; 4,1; Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,5; 3,11], а в черняховском могильнике Оселивка (Черновицкая область) в могиле 86 – с одновременным стеклянным кубком с сотовым орнаментом [Никитина, 1988, с. 97, рис. 48, 5]. Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа Шелов F (рис. 45, 2, 6-11) бытовали на протяжении всего IV в. [Айбабин, 1990, с. 14, рис. 2, 6; 4, 4; Айбабин, 1999, с. 253, табл. XII, 3; Abadie-Reynal, 1999, p. 256, fig. 1f; Магомедов, 2006, с. 52].

Светлоглиняные узкогорлые амфоры обоих типов предназначались для вина, о чем свидетельствуют анализы органических остатков из них и надписи, нанесенные красной краской на горле или верхней части тулова сосудов [Ильяшенко, 2013, с. 107]. Э. И. Соломоник определила, что на амфоре из Дружного, из склепа 1 написано “молодое вино” и теофорное имя (рис. 45, 11). По мнению исследователя, первоначально сосуд с содержимым предназначался для подношения богу (в храм приносили первое молодое вино), а уже потом попал к варварам [Соломоник, 1993, с. 110-113, рис. 4, 32].

Во второй половине IV в. производители маркировали светлоглиняные узкогорлые амфоры стандартными двухстрочными или трехстрочными дипинти, начинавшимися с букв «α» и «π», расположенными друг над другом (рис. 45, 6,8-10). Э. И. Соломоник предположила, что буквами обозначались цена и объем содержимого амфоры, а следующие за ними названия указывали место происхождения или имя торговца [Соломоник, 1993, с. 104-106; Соломоник, 1995, с. 40]. Надпись ΕΥΛΟΓΗ на одной из амфор Инкерманского могильника Э. И. Соломоник интерпретировала как христианскую формулу – благословление и связала его появление на сосуде с распространением нового вероучения в этот период [Соломоник, 1995, с. 42, №10]. По мнению С. М. Ильяшенко, проанализировавшего дипинти группы «α/π» на светлоглиняных узкогорлых амфорах типа Шелов F со всего Северного Причерноморья, таким образом маркировались имена крупных поставщиков вина из Гераклеи Понтийской [Ильяшенко, 2013, с. 126-127, 131-132]. В порты Северного Причерноморья амфоры приходили с уже нанесенными на них именами. Во второй половине III-IV вв. в Юго-Западном Крыму варвары часто ставили амфоры, возможно, наполненные вином, в захоронения – в изголовье или рядом с телом погребенного человека (рис. 37, 28,67; 38, 2).

В погребениях зафиксировано большое разнообразие краснолаковой керамики (рис. 46). Из погребальных сооружений второй половины III в. извлекли краснолаковые миски на кольцевидном поддоне с вертикальным профилированным бортиком (рис. 46, 10-13) [Бабенчиков, 1963, с. 108, табл. IV, 15,19; Айбабин, 1994/1995, рис. 19, 2], с маленьким треугольным в сечении венчиком и ребристой стенкой (рис. 46, 9) [Айбабин, 1994/1995, рис. 19, 1], с наклоненным внутрь бортиком и закругленной стенкой 1 варианта (рис. 46, 8) [Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV,7; Айбабин, 1994/1995, рис. 16, 7; 17, 2; 28, 2], плоскдонные миски с закругленным венчиком (рис. 46, 7) [Бабенчиков, 1963, с. 95, табл. IV,6] и чашки с вертикальным профилированным бортиком (рис. 46, 1) [Высотская, 1972, с. 128, рис. 35, 97; Айбабин, 1994/1995, рис. 13, 16], одноручные кубки с отогнутым бортиком, биконическим туловом и кольцевидным поддоном (рис. 46, 6) [Айбабин, 1994/1995, рис. 26, 2], кувшины на кольцевидном поддоне с ойнохоевидным горлом (рис. 46, 2) [Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. I, 1], с высоким конусовидным горлом и шаровидным туловом (рис. 46, 3) [Бабенчиков, 1963, с. 114, табл. V, 18], с подобным горлом и грушевидным туловом (рис. 46, 17) [Бабенчиков, 1963, с. 110, табл. I,12], с нависшим венчиком, высоким конусовидным горлом и грушевидным туловом с рифленой поверхностью (рис. 46, 4) [Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I,5], с треугольным в сечении венчиком, узким конусовидным горлом и шаровидным туловом на высокой узкой подставке (рис. 46, 16) [Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. I, 8], лагинос с горизонтально отогнутым венчиком, конусовидным горлом и раздутым в средней части и сужающимся ко дну туловом (рис. 46, 14) [Бабенчиков, 1963, с. 107, табл. I, 9], кувшины с горизонтально отогнутым венчиком, коротким широким горлом, с ленточной ручкой и грушевидным туловом (рис. 46, 5) [Бабенчиков, 1963, с. 112, табл. I, 6], кувши-

ны нависшим венчиком, конусовидным горлом, двумя ручками и шаровидным туловом (рис. 46, 15) [Бабенчиков, 1963, с. 106, табл. I, 11].

В захоронениях IV в. выявлены краснолаковые миски с венчиком, выделенным врезной линией, с отогнутым вниз бортиком, с наклоненным внутрь бортиком (рис. 46, 22), с вогнутым бортиком (рис. 46, 20) [Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2, 22; 5, 10], с вертикальным (рис. 46, 21) или горизонтально отогнутым бортиком (рис. 46, 18, 19, 31, 32) [Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2, 24; 5, 2], блюда с горизонтально отогнутым бортиком (рис. 46, 33) [Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2, 11; 5, 8] и типов ARSW формы 50A и 62B (рис. 46, 34, 35) [Hayes, 1972, p. 69-73, fig. 12, 46; Высотская, Махнева, 1983, рис. 5, 4; Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2, 15; 5, 3] и Антиохия 910-2A (рис. 46, 36) [Hayes, 1972, p. 108, 109, 327, fig. 18, 14; 66, 1; Высотская, Махнева, 1983, рис. 6, 7; Айбабин, 1990, с. 16, рис. 2, 30; 5, 7], двуручные канфары 1 варианта (рис. 46, 27, 38), высокие чашки с наклоненным внутрь бортиком (рис. 46, 40) [Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2, 17; 5, 13; Зубарь, Сорочан, 1986, рис. 4, 4], одноручные кубки с отогнутым наружу бортиком и шаровидным туловом (рис. 46, 25), кувшины с овальным в сечении венчиком, с высоким воронковидным горлом, широкой профилированной ручкой и шаровидным туловом с рифленой поверхностью, на кольцевидном поддоне (рис. 46, 26). Особой популярностью пользовались кувшины с валиком на коническом горле, двужелобчатой ручкой, грушевидным туловом на поддоне (рис. 46, 24, 29, 30, 37, 39) [Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2, 19; 4, 6], которые известны в Херсонесе, в комплексах второй половины IV-V вв. [Голофаст, 2001, с. 107, 193, рис. 10]. Краснолаковая керамика привозилась к варварам Юго-Западного Крыма через Херсонес из различных средиземноморских и понтийских центров Восточно-Римской империи [Ajbabin, 2011, S. 219-220].

В ряде погребений IV в. из могильников Юго-Западного Крыма выявлены сероглиняные гончарные сосуды: кувшины с высоким цилиндрическим горлом и биконическим или сферическим туловом (рис. 47, 1, 4, 7), вазы – трехручные и без ручек (рис. 45, 3; 47, 2, 3), биконические чаши и миски (рис. 47, 5-8, 10, 11). На плечиках большинства сосудов нанесен орнамент в виде «елки» или «сетки» из косых пересекающихся линий, в форме треугольников, либо зигзаговидных линий. Описанные сосуды по форме, технике изготовления и орнаментации идентичны керамике, характерной для памятников черняховской культуры [Магомедов, 2001, рис. 29; 33; 35; 37; 43].

Судя по треугольным бронзовым оковкам, сделанным из согнутой пополам пластины и скрепленной заклепкой (рис. 47, 12, 13) [Храпунов, 2002, рис. 75, 2; 80, 5, 6; 155, 11, 14, 15; 193, 2], внутри которых сохранились остатки дерева, в погребениях IV в. присутствовала и деревянная посуда. Остатки плохо сохранившегося деревянного блюда найдены в Озерном, в склепе 2 с инвентарем IV в. [Лобода, 1977, с. 246]. Деревянные чаши с бронзовой пластинчатой окантовкой аналогичной формы, известны в Восточном Приаралье, на памятниках джетьясарской культуры [Левина, 1996, с. 204, 298, рис. 103, 4-12].

В погребениях посуду ставили пустой или с остатками напуганной пищи. В краснолаковых блюдах часто лежат кости овцы или крупного рогатого скота, а в мисках – кости птицы и яйца (рис. 35; 37). В Озерном, в склепе 2, датированном IV в., внутри специальной ниши-полке лежало деревянное блюдо с плодами грецкого и лесного ореха и тремя плодами груши [Лобода, 1977, с. 246]. Особенно много керамики найдено в склепах. Наборы различной посуды ставили стопками вдоль тыльной стены камеры, за головами погребенных. На территории могильников Нейзац и Дружное, рядом с погребальными сооружениями обнаружено несколько десятков небольших круглых в плане ям раз-

ной степени сохранности, заполненных различными керамическими сосудами, сложенными вплотную друг к другу, иногда стопками (рис. 44, 5). По мнению И. Н. Храпунова, исследовавшего названные памятники, в специальные ямы складывали посуду, использованную в тризнах, проходивших на территории некрополя [Храпунов, 2011, с. 22].

Наряду с керамическими сосудами в погребениях второй половины III-IV вв., совершенных по обряду труположения, присутствует привозная стеклянная посуда (рис. 48). Часто в погребения ставили кувшины и стаканы – вместе или по отдельности. Самый распространенный тип стаканов, бытовавших во второй половине III-IV вв. – это выдутые из светло-зеленого стекла сосуды со слегка расширяющимся и закругляющимся книзу туловом на полом кольцевидном поддоне (рис. 48, 3,5,11) [Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2, 2; 3, 1]. Однотипный стакан, украшенный под венчиком навитой стеклянной нитью (рис. 48, 13), найден в могильнике Дружное в склепе 3 вместе с инвентарем IV в. [Храпунов, 2002, рис. 71, 13]. Кувшины сделаны, в основном, из прозрачного голубоватого стекла и представлены разными формами. Сосуды с сильно отогнутым венчиком, над которым выступает завиток ленточной ручки, с грушевидным туловом, украшенным накладной стеклянной нитью, и с вогнутым дном (рис. 48, 15) начали производить во второй половине III в. [Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2, 5; 3, 11;]. Кувшины с валикообразным венчиком, ручкой, выступающей завитком над ним, грушевидным туловом на полом кольцевидном поддоне (рис. 48, 2,4,9,10) происходят из погребений IV в. Некоторые из них декорированы накладной стеклянной нитью, навитой горизонтально на горле или по всему тулову, либо несколькими, расположенными вертикально по всему тулову нитями. Ручки этих сосудов согнуты в верхней части почти под прямым углом. Аналогичные кувшины найдены на некрополе Боспора с инвентарем последней четверти IV – первой половины V вв. [Засецкая, 2008, с. 43, рис. 16, 5, Кат. 52] и на сельских могильниках европейского Боспора с инвентарем V – VII вв. [Масленников, 1997, рис. 33, 1; Масленников, 2000, табл. II, 2]. В погребениях IV в. из Юго-Западного Крыма встречаются колбообразные сосуды с грушевидным туловом с вогнутым дном (рис. 48, 6), привозившихся, скорее всего из Боспора. Многие из них выполнены в технике свободного выдувания и являются продукцией боспорских стеклодувов, производившейся в городе на протяжении IV-VII вв. [Засецкая, 2008, с. 49-61].

Во второй половине IV в. в Юго-Западный Крым из провинций римской империи привозились кубки типа Ковалк / Эггерс 230 из прозрачного оливкового стекла с цилиндрическим корпусом и массивным полусферическим дном, украшенные несколькими рядами шлифованных овалов (рис. 48, 14,19). Сосуды этого типа имели широкое распространение во второй – третьей четверти IV в. в Северо-Восточной Европе и Северо-Западном Причерноморье [Eggers, 1951, S. 62, Taf. 16, Karte 58; Ray, 1972, S. 124, 129-134, 167] и пользовались особой популярностью на памятниках черняховской культуры [Магомедов, 2001, с. 65, рис. 65, 7,8].

В ассортименте стеклянной посуды второй половины IV в. из Юго-Западного Крыма присутствуют полусферические чаши с отогнутым верхним краем и вогнутым дном на полом кольцевидном поддоне (рис. 48, 7,8) [Айбабин, 1990, с. 13, рис. 2,16; 3,8] и привозившиеся из Восточного Средиземноморья кубки с обрезанным верхним краем, цилиндрическим туловом с сотовидным орнаментом формы Айсингс 107 (рис. 48, 17) [Isings, 1957, p. 133; Голофаст, 2001, с. 126-127]. В Суворово, в склепе 54 найден конический остродонный кубок типа Сорокина III первой половины V в., украшенный каплями синего стекла [Сорокина, 1971, с. 90-92, рис. 1, III]. Такие сосуды могли использоваться и как сосуды для питья, и как лампы [Голофаст, 2001, с. 129; Засецкая, 2008, с. 32].

Большинство стеклянных сосудов происходит из погребений IV в. Интересно, что в некоторых погребениях выявлены сервизы стеклянной посуды. Так, в Суворово, в склепе 53 за головой погребенного воина стояли два набора стеклянной посуды: в состав одного входили выполненные и украшенные в едином стиле кувшин и стакан (рис. 48, 9,20), в состав другого – кувшин и две чаши с гладкой поверхностью (рис. 48, 8) [Зайцев, Мордвинцева, 2001, рис. 8, 10-12,14,15]. В Озерном и Дружном также зафиксированы стоявшие у стен камер склепов или в специальных нишах наборы из стеклянных кувшинов и стаканов [Лобода, 1977, с. 247, рис. 3, д,ж; 6, 11; Храпунов, 2002, рис. 4, 31,54; 49, 32,45; 71, 13-17; 164, 1,2].

Во многих мужских захоронениях найдено наступательное вооружение – мечи, кинжалы, наконечники древкового оружия, топоры, а также металлические детали щитов.

Самый распространенный тип оружия – двулезвийные мечи и кинжалы с вырезами у пяты клинка (рис. 49, 6-9). Они относятся к типу 5 мечей и кинжалов без металлического навершия по А. М. Хазанову [Хазанов, 1971, с. 17, табл. XII, 5-7]. Наиболее ранний меч или кинжал данного найден на Северном кавказе, на некрополе Черноречье, в склепе 1 [Абрамова, 1997, рис. 9, 6], с овальными пряжками 1-го варианта, преимущественно бытовавшими во второй половине III в. [Айбабин, 1990, с. 250, табл. XXVII, 49]. Вероятно, такие мечи и кинжалы распространились у алан на Северном Кавказе [Анфимов, 1980, с. 103, рис. 10, 5; Абрамова, 1993, с. 162, рис. 65, 15-17] со второй половины III в., с начала IV в. – в степях Подонья, Прикубанья и Поволжья [Soupault, 1996, с. 76], с середины IV в. – на Керченском полуострове [Корпусова, 1973, рис. 4, 16; Масленников, 1997, рис. 44, 1] и у алан и германцев в Юго-Западном Крыму, о чем свидетельствуют их многочисленные находки в могильниках Дружное [Храпунов, 2002, с. 43], Нейзац [Храпунов, 2011, рис. 26, 3,4], Вишенное [Пуздровский и др., 2001, рис. 9], Килен-Балка [Контны, Савеля, 2006, рис. 2, 1,2; 3, 6; 6, 1; 7, 1; 9], Инкерман [Веймарн, 1963, рис. 8, 10], Суворово [Зайцев, 1997, рис. 62; 63; Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 2, 9; 6, 2; 13, 10], Озерное [Лобода, 1973, рис. 6, 13; 7, 12], Ай-Тодор и Чатыр-Даг [Айбабин, 1999, с. 250], а также на территории черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 305-306].

В могильниках Нейзац, Инкерман, Черная Речка, Озерное и Сувлу-Кая в погребениях IV в. обнаружены длинные двулезвийные мечи (80-110 см) без перекрестья с широким лезвием до 6,0 см типа 3 по А. М. Хазанову или типа 8 по А. С. Скрипкину (рис. 49, 15-17) [Хазанов, 1971, с. 17; Скрипкин, 1990, с. 132-133]. Мечи этого типа типичны для позднесарматской культуры II-IV вв. [Скрипкин, 1990, с. 132-133]. В Юго-Западном Крыму они известны в позднескифских погребениях II первой половины III вв. [Пуздровский, 2007, с. 131-132].

Рядом с мечами часто находят крупные стеклянные, каменные или янтарные бусины (рис. 49, 1; 58, 15), которые, возможно, использовались в качестве навершия на рукоять. Мечи носили на портупее. В погребениях часто рядом с мечами, или под ними находят небольшие портупейные пряжки и кольца с зажимами (рис. 53, 38). При погребении воина кинжалы и мечи с вырезами у пяты клинка укладывались около его головы, а длинные мечи – вдоль тела или ног (рис. 35; 37).

Наконечники копий и дротиков немногочисленны и представлены, в основном, втульчатými изделиями конической формы или с листовидным пером (рис. 49, 2-5). В Дружном, Нейзаце и Килен-балке найдены топоры с ассиметричным лезвием и тупым обухом (рис. 49, 10,11) [Храпунов, 2002, с. 51-52; Храпунов, 2011, с. 32; Контны, Савеля, 2006, рис. 5, 1].

В Озерном, в погребении воина середины IV в. из склепа 2 обнаружены железные детали щита: умбон, рукоять и скобы со следами дерева (рис. 49, 13).

Конусовидный умбон сделан с широким рантом; его диаметр – 22,5 см, высота – 9,0 см (рис. 49, 12). Ручка от щита выполнена из узкой вогнутой пластины с расширяющимися концами с круглыми отверстиями от крепежных гвоздей (рис. 49, 14). По мнению Н. Цилинга, умбоны типа К-2 (рис. 49, 12), подобные найденному в Озерном, находились в употреблении до 375 г. [Zieling, 1989, p. 103, 104, 123, 124]. Воин, похороненный в Озерном, в склепе 2, помимо щита, был вооружен двумя мечами длиной около 50,0 см, двумя кинжалами длиной около 30,0 см. При захоронении воина щит положили за его головой, длинные мечи на портупейных ремнях – вдоль бедер, а кинжалы – по обе стороны от головы [Лобода, 1977, с. 245, рис. 3, б].

Следует отметить, что основная масса оружия происходит из погребений второй половины IV в. Обилие оружия позволяет говорить о том, что в этот период военное дело имело большое значение в жизни населения, оставившего могильники с ингумациями.

Орудия труда из погребений второй половины III-IV вв. не отличаются разнообразием. И в мужских, и в женских захоронениях найдены ножи – универсальные изделия, служившие одновременно орудием труда и своеобразным столовым прибором. Все ножи черешковые, однолезвийные, с прямой спинкой. На черенке многих ножей сохранились остатки деревянной рукояти, которая крепилась при помощи небольшой заклепки (рис. 50, 20, 21). В могильнике Нейзац найдены ножи с костяными рукоятями, составленными из двух пластин, прикрепленных к черенку заклепками – гвоздиками и украшенными врезным циркульным орнаментом (рис. 50, 23). В Дружном, в богатом женском погребении второй половины III в. из подбойной могилы 24 обнаружен нож с серебряным навершием на деревянной рукояти, вложенный в деревянные ножны, обтянутые кожей и окованные серебряными обоймами [Храпунов, 2002, рис. 110, 2, 3]. Для затачивания ножей предназначались небольшие каменные оселки прямоугольной формы (рис. 50, 2, 3). В некоторых оселках сделаны круглые сквозные отверстия для подвешивания на шнурке к поясу (рис. 50, 1). И. И. Гущина и И. П. Засецкая вслед за М. П. Грязновым предположили, что такие оселки имели культово-магическое значение и носились как амулеты. Каменный оселок служил только одному человеку, и после его смерти следовал в могилу за своим владельцем, чтобы и в ином мире выполнять свою оберегающую функцию [Гущина, Засецкая, 1994, с. 35; Грязнов, 1961, с. 139-144].

Во многих мужских захоронениях IV в. выявлены шилья, сделанные из круглого или прямоугольного в сечении стержня с заостренной рабочей частью и с остатками деревянной рукояти на черенке (рис. 50, 11-14). В могильнике Дружное найдено несколько шильев с сохранившейся деревянной рукоятью и остатками шнура, на котором они подвешивались к поясу (рис. 50, 11). В погребениях шилья часто лежат рядом с ножом и оселком. Видимо эти предметы носились вместе на поясе, либо складывались в специальную сумочку, подвешивавшуюся к поясному ремню.

Особый интерес представляет найденный в могильнике Дружное, в погребении второй половины IV в. из склеп 78 набор кузнеца или ювелира, состоящий из железных инструментов – пары щипцов (рис. 50, 7, 8), молотка (рис. 50, 4), небольшой наковальни (рис. 50, 6) и двух точильных камней (рис. 50, 5). Железные щипцы также обнаружены в одном из склепов могильника Нейзац [Храпунов, 2011, рис. 37, 11]. В эпоху переселения народов и раннесредневековое время подобные наборы инструментов известны на Северо-Западе Франции, в Центральной и Северо-Восточной Европе [Werner, 1954, Abb. 7; Decaens и др., 1971, p. 65-66, fig. 18-21; Ошибкина, 1979, с. 75, рис. 2, 4-10; Menghin, 1985,

S. 68-69, Abb. 53; 54; Vona, 1991, S. 171, 261, Abb. 65; Koch, 1997, S. 192, Abb. 199]. В Нижней Нормандии, в меровингском могильнике Эрувилетт, в одной из могил середины VI в. зачищено погребение воина с копьем, топором, длинным мечом и кинжалом, в ногах которого лежал набор инструментов кузнеца – ювелира [Decaens и др., 1971, p. 15-17, fig. 4, 10; 10; 18-21]. Интересно, что в Дружном, в склепе 78 набор инструментов также зафиксирован в захоронении мужчины – воина, о чем свидетельствует находка кинжала (рис. 35, 2В). Видимо мужчины-воины в мирное время занимались ремеслом.

В женских и детских погребениях присутствуют керамические пряслица биконической, усечено-конической или сферической формы с лощенной поверхностью (рис. 50, 15-17, 19,22). Встречаются и пряслица, выточенные из стенок керамических сосудов (рис. 50, 18). В нескольких погребениях второй половины III в. некрополя Черной Речке найдены биконические темно-глиняные пряслица с процарапанными фигурками животных (рис. 50, 9,10). На одном из них представлены идущие один за другим два оленя с ветвистыми рогами (рис. 50, 10а), на другом – олень и животное, определенное В. П. Бабенчиковым как «зайчик, кушающий траву» (рис. 50, 9а) [Бабенчиков, 1963, с. 103, 109, табл. VIII, 7,8]. Керамические пряслица со схематично изображенными животными – лошадьми, оленями, собаками, зайцами известны в погребениях II в. из позднескифских могильников Юго-Западного Крыма [Богданова, 1963, с. 107, рис. 6, 10; Богданова, 1989, табл. XX, 10-11; Богданова и др., 1976, с. 136; Высотская, 1994, с. 91, 184, табл. 39, 28; Ахмедов и др., 2001, с. 180-181, рис. 7, 3]. Возможно, такие пряслица были своего рода амулетами.

Для характеристики костюма населения, оставившего могильники с ингумациями второй половины III-IV вв., показательны найденные в погребениях металлические детали костюма – фибулы (рис. 51; 52) и пряжки (рис. 53; 54), а также разнообразные украшения (рис. 55-59).

Фибулы, застежки для одежды, отличаются богатым ассортиментом. Во второй половине III в. в Юго-Западном Крыму бытовали местные, северопричерноморские фибулы: лучковые подвязные вариантов 15/II-2 (рис. 51, 8), 15/II-3 (рис. 51, 3), 15/II-4 (рис. 51, 4), двучленные лучковые варианта 15/III-1 (рис. 51, 1,2) и прогнутые подвязные варианта 16-2/I-1 (рис. 51, 5,6), крупные пружинные (рис. 51, 7). В могильнике Черная Речка, в подбойной могиле 45 обнаружена ранняя Т-образная шарнирная фибула варианта 19/I-1 (рис. 51, 9), подобная застежкам из Подунавья, датированным Ф. М. Прёттелем 250-280 гг. [Patek, 1942, S. 234; Амброз, 1966, с. 74; Pröttel, 1991, S. 349-350, 352-353, 372, Abb. 1, 1,2; 11]. На этом же некрополе, в погребениях второй половины III в. найдены римские шарнирные фибулы и круглые броши с эмалью [Айбабин, 1999, с. 250, табл. III, 2-6]. В Западной Европе аналогичные броши с эмалью геометрической и круглой форм бытовали в III в. [Exner, 1941, Taf. X,5; Feugère, 1985, p. 364, 372, 396, pl. 151, 1889, T. 26, C. 4; 154, 1941, T. 27, D. 1]. Находки римских застежек с эмалью на некрополе Черная Речка объясняются его близостью к Херсонесу, с которым у варваров Юго-Западного Крыма были налажены торговые отношения.

В IV в. появляются фибулы новых форм: двучленные прогнутые подвязные, аналогичные застежкам, имевшим широкое распространение на памятниках черняховской культуры, варианта 16-2/I-2, (рис. 51, 11,12,15) [Амброз, 1966, с. 64; Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2, 14; 8, 2,3] и более позднего варианта 16-2/I-3 (рис. 51, 14,18); так называемые «воинские» вариантов 17-2 [Амброз, 1966, с. 71, табл. 10, 17; Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2, 7; 8, 9,10] и 17-1/а (рис. 51, 13) [Амброз, 1966, с. 70]. В Инкермане, в подбойной могиле 16 лежала шарнирная Т-образная фибула с кербшнитной резьбой на ножке типа Келлер 4 или Прёттель

3/4 В (рис. 51, 17) [Pröttel, 1991, S. 359, 361-366, Abb. 4a, 3-6; 4b; 6,2]. Эти фибулы относятся к самой массовой группе позднеримских застежек [Feugère, 1985, pl. 162, 2034-2036; pl. 163, 2038-2039]. Их многочисленные находки известны в Херсонесе. Е. Келлер датировал такие фибулы третьей четвертью IV в. [Keller, 1971, S. 38, 39, 41-45, Abb. 11,9-11], а Ф. М. Прёттел отнес к 330-420 гг. [Pröttel, 1991, S. 372, Abb. 11].

Фибулы носили мужчины, женщины и дети. Однако большинство их выявлено в женских погребениях. Судя по расположению в захоронениях, фибулы носили, в основном, по одной, в области правого плеча, либо на груди слева, или в нижней части грудной клетки. Предназначались они для застегивания верхней одежды типа накидки или плаща (рис. 52, 1). Во второй половине III в. к лучковым фибулам подвешивали проволочные кольца – сплошные литые, либо проволочные, с завязанными концами (рис. 51, 1,2; 52, 2). Отмечены случаи использования женщинами застежек, традиционно считающихся принадлежностью мужского костюма. Так, в Инкермане, в одном из женских захоронений зачищена римская шарнирная Т-образная фибула (рис. 51, 17) [Веймарн, 1963, с. 26, могила №19 (16)]. Обычно Т-образные фибулы носили римские чиновники и солдаты [Vàgò, Bóna, 1976, S. 167; Айбабин, 1999, с. 49]. Принадлежность однотипных фибул к мужским аксессуарам задокументирована многочисленным иконографическим материалом [Frova, 1943, fig. 6, 10]. В могильнике Дружное так называемые «воинские» фибулы зафиксированы как в женских захоронениях с бусами (рис. 35, 2D), так и в погребении воина с кинжалом (рис. 35, 2A).

В одной из могил некрополя Нейзац найдена двупластинчатая литая фибула с полукруглой головкой с выступом на завершении и небольшой ромбической ножкой (рис. 51, 16) варианта ИББ [Амброз, 1966, с. 83, рис. 4, 12; Храпунов, 2005, рис. 2, 6]. Аналогичные двупластинчатые застежки найдены в Боспорском некрополе, в склепах с инвентарем первой половины V в. [Айбабин, 1990, с. 18, рис. 2, 42; 9, 2]. В погребении фибула лежала в области правого коленного сустава [Храпунов, 2005, рис. 1, 5]. Возможно, она использовалась в качестве застежки для сумочки. Подобное применение двупластинчатых фибул прослежено по расположению предметов в могиле 168 первой половины V в. из могильника у с. Лучистое [Айбабин, 2002, рис. 6, 1] и в одновременном женском погребении из склепа на некрополе Джурга-Оба в окрестностях Китея [Ermolin, 2012, fig. 3, 7].

Бытовавшие в Юго-Западном Крыму во второй половине III-IV вв. пряжки представлены, в основном, небольшими экземплярами, сделанными из серебра, бронзы или железа. В Черной Речке с фибулами второй половины III в. найдены ажурные пряжка и наконечники ремней, отлитые с изображением сарматских знаков (рис. 53, 7,8) [Бабенчиков, 1963, с. 103-104, табл. VII, 10,11; XV,3,4], аналогии которым известны в Керчи [Шкорпил, 1907, с. 14, рис. 5; Шкорпил, 1910, с. 31-34, рис. 4,5,12] и Херсонесе (с монетой 180-192 гг.) [Отчет за 1890 г., с. 34, 130, рис. 18; Анохин, 1977, с. 154, № 280].

Во второй половине III - первой половине IV вв. носили пряжки 1 варианта с овальной или сегментовидной рамкой с более массивной передней частью и коротким язычком (рис. 53, 1-4,9) [Айбабин, 1990, с. 27, рис. 2, 3; 22, 1; Айбабин, 1999, табл. III, 9; XXVII, 17]. В первой половине IV в. в моду входят застежки варианта 2, сделанные с язычком, острый край которого или не выступает за овальное кольцо, или слегка загнут за него, а тыльная часть – ступенчато срезана (рис. 53, 1—13,16,17,19,21,30,32) [Айбабин, 1990, с. 27-28, рис. 2, 10; 22, 3; Айбабин, 1999, табл. XIII, 6]. Овальные, круглые и сегментовидные пряжки с длинным язычком варианта 3 (рис. 53, 35-37) датированы, с учетом корреляции инвентаря из склепов и могил, последней четвертью IV - первой половиной V вв. [Айбабин, 1990, с. 28, рис. 2, 26; Айбабин, 1999, с. 259-260].

В IV в. также бытовали пряжки с овальной рамкой и прогнутым, заостренным язычком с небольшим квадратным выступом в тыльной части типа Келлер А1 (рис. 53, 15,29). В последней трети IV в. появляются В-образные бронзовые пряжки (рис. 53, 24), аналогичные популярным в римских дунайских провинциях застежкам, датированным Е. Келлером 370-400 гг. [Keller, 1971, Taf. B, 1-4; 34, 9; 55, 4, Abb. 19, 21; Petru, Petru, 1972, tabl. 1, 15,18,20,21-23,26; Preda, 1980, p. 40, pl. XXXV, 364,1,2]. Местные мастера делали подобные по форме пряжки из железа, копируя форму и конструкцию привозных застежек (рис. 53, 22,23,31).

У многих пряжек вариантов 1, 2 и 3 имеется щиток, круглой, овальной или прямоугольной формы, сделанный из пластины, перегнутой пополам вокруг тыльной стороны рамки. Внутри щитка вставлялся кожаный ремень и скреплялся заклепками – гвоздиками. У бесщитковых пряжек ремень фиксировался непосредственно на тыльной стороне рамки. На свободном конце ремня часто крепили длинный пластинчатый наконечник, сделанный с заостренной или закругленной нижней частью (рис. 53, 14,20,27). В первой половине IV в. в Причерноморье распространились наконечники ремня с валиком в нижней части (рис. 53, 18) [Айбабин, 1999, с. 259, табл. XIII, 10].

Пряжки вариантов 1, 2 и 3 были универсальными – ими застегивали пояса, обувные и портупейные ремни. Большие В-образные пряжки использовались только в качестве поясных застежек. В ряде погребений последней четверти IV в. из могильника Дружное выявлены обувные наборы (рис. 53, 25-28; 54, I,III,1,2,5).

Для женского костюма характерны украшения: серьги, бусы, подвески, браслеты и перстни. Выделяется два типа серег, различающиеся конструкцией: 1 – проволочные и 2 – щитковые. Первые сделаны, в основном, из круглой в сечении проволоки в виде кольца с сомкнутыми или заходящими друг за друга концами (рис. 55, 8,9), либо с концами, оформленными в виде застежки из крючка и петельки. Иногда для серег использовали ложновитую проволоку. Некоторые серьги имеют более сложную конструкцию – у них из проволоки, образующей кольцо, скручена петля и декоративный элемент (рис. 55, 7).

Серьги типа 2 состоят из пластинчатого щитка и припаянной к нему проволочной дужки. По форме щитка они представлены двумя вариантами: 1 – каплевидные и 2 – треугольные. Серьги варианта 2-1 с каплевидным щитком отличаются разнообразием. В могильнике Нейзац найдены изделия с гладкими, не декорированными щитками [Храпунов, 2011, рис. 47, 7,8]. В Суворово, в могиле второй половины III в. лежали серебряные серьги с небольшим щитком, украшенным коралловой вставкой в напаянном гнезде [Зайцев, 1997, рис. 58]. В Дружном, в одновременном женском погребении из подбойной могилы 24 обнаружены золотые серьги, щиток которых декорирован крупным, хорошо отшлифованным сердоликом, вставленным в напаянное гнездо и окантованным узкой пластиной с вытисненными радиально расходящимися линиями и тремя сканными проволочками (рис. 52, 3,4). В Черной Речке, в подбойных могилах 2, 3 и 35 второй половины III в., а в Нейзаце и Дружном в склепах IV в. выявлены серебряные серьги с небольшой каменной центральной вставкой, покрытые тонкой позолоченной пластиной со штампованным орнаментом, имитирующим зернь и скань (рис. 52, 3,4; 55, 1-6,10,11). Декоративная пластина скреплялась с щитком гвоздиками с небольшими полусферическими шляпками. По контуру щитка припаивалась ребром узкая пластина, закрывавшая края штампованной пластины и придававшая изделию вид массивного дорогого украшения. В таком же стиле изготовлены шарнирные браслеты из Черной Речки, Дружного и Чатыр-дага (рис. 33, 14; 52, 7-9, 55, 12,13). В Черной Речке, в могиле 35 и в Дружном, в могиле 24 браслеты и серьги составляли единый гарнитур (рис. 52; 55, 3-5,12). В подбойной могиле 3

из Чернореченского могильника вместе с серьгами найден выполненный в таком же стиле щиток шарнирной пряжки [Бабенчиков, 1963, с. 93, табл. VI, 5].

Вставками из крупного шлифованного сердолика и пластиной со штампованным декором или сканной проволочкой украшены серьги из крымских погребений второй половины III в. из могильников Совхоз 10, Бельбек III и Опушки [Гущина, 1974, рис. 4, 4; Стржелецкий и др., 2005, с. 151, 215, рис. 26, 13, табл. 11, 27; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 177] и из захоронений второй половины III – начала IV вв. из Приднепровья, Подонья и Прикубанья [Гущина, 1966, рис. 1, 6; Савовский, 1977, рис. 5, 2; Безуглов, Захаров, 1989, рис. 2, 1; 4, 2]. Сделанные в аналогичном стиле пряжки и детали конской сбруи были распространены во второй половине III – первой половины IV вв. на Северном Кавказе, Нижнем Дону и на Боспоре [Амброз, 1989, с. 25-27; Айбабин, 1994/1995, с. 94-95; Айбабин, 1999, с. 41-44, 250, рис. 17; табл. IV; Казанский, 1994/1995, с. 238-244]. Вещи в этом стиле изготавливали в догуннский период, преимущественно, в мастерских Боспора по римским прототипам [Айбабин, 1999, с. 44].

В могильниках Суворово, Красная Заря, Совхоз 10 и Нейзац найдены золотые серьги варианта 2-2, сделанные с треугольным пластинчатым щитком, украшенным шестью небольшими цилиндрическими гнездами со стеклянными вставками, треугольниками из зерни и напаянными по краю крученными проволочками (рис. 56). К верхней части щитка припаяна проволочная дужка, к нижней – четыре цепочки с пирамидальными подвесками на завершении. В Совхозе 10 серьги найдены вместе с монетой Лициния (306-327 гг.) [Стржелецкий и др., 2005, с. 152, 216, рис. 26, VIII, табл. 12, 14], в Красной Заре – со светлоглиняной узкогорлой амфорой типа F по Шелову с дипинти второй половины IV в. (рис. 56, б), а в Суворово – с круглой пряжкой с длинным язычком варианта 3 последней четверти IV - первой половины V вв. и стеклянным коническим кубком с синими каплями первой половины V в. [Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 2, 6,10]. Видимо названные серьги бытовали в Юго-Западном Крыму во второй половине IV – начале V вв. В отличие от серег варианта 2-1, выявленных *in situ* только в женских погребениях, украшения варианта 2-2 найдены и в погребениях девочек-подростков (Совхоз 10, Красная Заря) (рис. 56, I).

Руки женщины украшали браслетами, кольцами и перстнями. Во второй половине III в. носили пластинчатые браслеты с окончаниями в виде змеиных головок (рис. 57, 10), многочисленные аналогии которым известны на позднескифских памятниках Юго-Западного Крыма [Труфанов, 2001, с. 71-77; Стоянова, 2011, с. 125], либо с корпусом, покрытым врезными пересекающимися линиями (рис. 57, 19). К этому же периоду относятся браслеты из круглого в сечении стержня, концы которых, оформленные в виде крючка и петельки, декорированы спирально навитой проволокой (рис. 57, 21), происходящие из Дружного и Черной Речки. Во второй половине III-IV вв. бытовали пластинчатые шарнирные браслеты с гладким щитком, либо украшенным крупным шлифованным сердоликом (рис. 52, 8,9), а также браслеты из круглого в сечении стержня, с сомкнутыми, утолщенными концами (рис. 57, 9,12,20). Второй половиной IV в. датируется браслет из Дружного, сделанный из овальной в сечении проволоки с заостренными концами (рис. 57, 13). Следует отметить, что большинство браслетов происходит из погребений второй половины III в. В захоронениях IV в. браслеты встречаются не часто. В основном носили по одному браслету, как правило, на правой руке. В богатых женских погребениях из подбойных могил второй половины III в. из Дружного и Черной речки зафиксировано несколько браслетов. В Дружном, в могиле 24 женщину похоронили с двумя браслетами на правой руке и одним – на левой (рис. 52, I), в Черной Речке, в могиле 35 - с тремя браслетами на правой

руке и двумя – на левой [Бабенчиков, 1963, с. 98, рис. 6; Храпунов, Стоянова, 2016, с. 168, 172]. Отметим, что указанная могила из Черной Речки уникальна по количеству украшений. Помимо браслетов, в ней выявлено восемь колец и перстней, из которых пять – украшали левую руку, а три остальных – правую руку погребенной [Бабенчиков, 1963, с. 98, рис. 6].

Во второй половине III-IV вв. пользовались популярностью проволочные кольца и перстни – с завязанными концами (рис. 57, 1) и с проволочными щитками различной формы (рис. 57, 2,3); пластинчатые перстни с раздвоенными, спирально закрученными концами (рис. 57, 4) и с сомкнутыми расширяющимися концами на которые напаяно гнездо со стеклянной вставкой (рис. 57, 15-18); перстни из узкой пластины, скрученной в несколько оборотов с окончанием, оформленным в виде головки змеи (рис. 57, 8), а также литые бронзовые перстни с усечено-конической жуковиной с врезным декором (рис. 57, 5-7).

В захоронениях второй половины III в. найдено несколько гривен из гладкой или ложновитой проволоки (рис. 57, 14), либо из узкой пластины [Стоянова, 2011, рис. 6]. В IV в. в Юго-Западном Крыму это шейное украшение выходит из моды.

В погребениях с ингумациями найдено большое количество бус, выполненных из различных материалов [Хайрединона, 1995, с. 81]. Самые многочисленные – бусы из стекла и египетского фаянса; из различных минералов, горной породы и кости сделаны единичные экземпляры. Ожерелья, набранные из бус, были небольшими и, в основном, однорядными. В ожерельях второй половины III в. наряду со стеклянными, присутствуют бусы из гагата, египетского фаянса, сердолика. Для характеристики ожерелий этого времени показательны находки из Дружного, из подбойной могилы 24. Ожерелье погребенной в ней женщины набрано из гагатовых бус ромбической формы и дополнено сердоликовыми изделиями. В центре размещена треугольная подвеска, также выполненная из гагата (рис. 52, 1). Бусы из гагата и сердолика привозили с Северного Кавказа [Хайрединона, 1995, с. 82]. Ожерелья IV в. составлялись, в основном, из небольших стеклянных бусин. Количество изделий из египетского фаянса и гагата в этот период уменьшается. Появляются сердоликовые 14-гранные уплощенные бусины крупных размеров (рис. 58, 14), характерные для памятников черняховской культуры [Хайрединона, 1995, с. 77, тип 113; Гопкало, 2008, с. 74-75]. Возрастает количество янтарных бус, среди которых особой популярностью пользовались грибовидные или восьмерковидные подвески (рис. 58, 1-6) [Хайрединона, 1995, с. 75-76, тип 108]. Этот тип украшений, типичный для позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, был широко распространен в средневропейском Барбарикуме как в германских, так и в западнобалтских культурах [Мастыкова, 2016, с. 174-175]. У жителей Юго-Западного Крыма грибовидные подвески, скорее всего, считались оберегами, так как большинство из них найдено в детских погребениях [Хайрединона, 1995, с. 79].

В состав ожерелий входили подвески из металла: ведерковидные (рис. 58, 13) и так называемые «топорики Тора», отлитые в виде миниатюрных топориков (рис. 58, 16-19), широко распространенные на территории германских племен в позднеримское время [Магомедов, 2001, с. 71; Гопкало, 2008, с. 63, тип I/3; Стоянова, 2016, с. 130-132]. Популярностью пользовались различные виды подвесок – лунниц (рис. 58, 7-10) [Стоянова, 2016, с. 135-138], которые часто носили наборами из нескольких экземпляров. В качестве подвесок использовались римские монеты – просверленные и с вставленной в отверстие проволочной петелькой (рис. 58, 11,12).

Жители Юго-Западного Крыма во второй половине III-IV вв. использовали амулеты: антропоморфные подвески из кости (рис. 58, 29), литые бронзовые ажурные подвески (рис. 58, 26,28), подвески из раковин моллюска *Cypraea panterina*

с проволочной петелькой для подвешивания, вставленной в отверстие, просверленное в верхней части (рис. 58, 30). В погребениях найдены полусферические подвески – колокольчики с отверстием в верхней части, в которое вставлялся проволочный язычок (рис. 58, 24,25,27). Скорее всего, эти «шумящие» украшения служили оберегами. Прикрепленные к одежде или включенные в состав ожерелий они, по представлению древних, должны были производить шум, отгоняя тем самым злых духов.

В IV в. жительницы Юго-Западного Крыма расшивали одежду золотыми бляшками, штампованными из фольги (рис. 59). Украшать одежду и головные уборы нашивными бляшками с геометрическим и растительным орнаментом и бусами – традиция, характерная для сармато-аланского мира [Rostovtzeff, 1923, p. 150-151]. В богатых женских погребениях среднесарматского периода из Причерноморья, Подонья и Прикубанья почти всегда находят золотые нашивные бляшки [Гущина, Засецкая, 1989, с. 76; Гущина, Засецкая, 1994, с. 13-15]. Ими обычно расшивали горловину платья, ворот и рукава накидки [Ковпаненко, 1980, с. 169-173; 239, с. 55]. Головные уборы знатных сарматок украшали золотыми бляшками или бусами из полудрагоценных камней [Ковпаненко, 1991, с. 221; 471, p. 219]. В позднескифских могильниках Юго-Западного Крыма римского времени также фиксируется обычай обшивания одежды бусами и золотыми бляшками [Богданова, 1989, с. 33, 35; Гущина, 1967, с. 50]. Служившие для украшения одежды золотые бляшки известны в погребениях ранних алан Северного Кавказа [Абрамова, 1987, с. 159; Абрамова, 1997, с. 116, 118, рис. 70, 20] и Восточного Прикаспия [Засецкая, 2001, с. 35; Скалон, 1961, с. 120-121, рис. 4, 3; 6].

В первые века н. э. одежда, расшитая золотыми бляшками, вошла в моду у жителей Боспорского царства. Появление моды на такую одежду исследователи связывают с сарматизацией местного населения [Ростовцев, 1925, с. 243-244], либо с проявлением восточных влияний, проникавших через посредство алаано-сарматских племен, населявших арало-каспийские степи [Гайдукевич, 1949, с. 394-395].

К предметам туалета относятся бронзовые зеркала, костяные гребни и пинцеты. В погребениях второй половины III в. выявлены небольшие круглые зеркала с боковым ушком (рис. 52, 1), относящиеся к типу IX сарматских зеркал по классификации А. М. Хазанова [Хазанов, 1963, с. 65-67, рис. 4]. В Юго-Западном Крыму они появились в начале II в. с территории Северного Кавказа и Прикубанья и особой популярностью пользовались во второй половине II-III вв. [Высотская, 1994, с. 117-118, рис. 35; Пуздровский, 2007, с. 153, рис. 129; 130].

В IV в. в Юго-Западном Крыму распространились зеркала с небольшой петелькой на обороте (рис. 60, 1,2) типа X по классификации А. М. Хазанова [Хазанов, 1963, с. 67-68, рис. 5, 2,5] или типа В – Чми-Бригедио по классификации Й. Вернера для эпохи великого переселения народов [Werner, 1956, Taf. 45]. Считается, что зеркала с петелькой на оборотной стороне появились на рубеже II-III вв. у сармат, в районе Поволжья, в результате заимствования сибирско-китайских форм зеркал и под влиянием орнамента на сарматских зеркалах с боковым ушком [Хазанов, 1963, с. 67-68].

Происходящие из крымских погребений IV в. зеркала этого типа отлиты с ячеистым орнаментом (рис. 60, 1,2). Подобные предметы характерны для материальной культуры алан Северного Кавказа в позднеримское и раннесредневековое время. Символизирующие солнечный диск зеркала были связаны с сармато-аланским огненно-солнечным культом [Кузнецов, 1995, с. 99]. Зеркала с ячейками в один ряд появились у алан Северного Кавказа во второй половине III в. и бытовали вплоть до середины V в. [Абрамова, 1997, с. 31, 80, 81, 88, рис.

16, 7; 51, 5; 52, 14; 59, 3; Амброз, 1989, с. 87, рис. 1, 9; Гмыря, 1993, с. 46, 75, рис. 3, 7; 14, 10].

Зеркало – не только принадлежность туалета, но и предмет, обладавший, по представлению древних, магической силой [Вязьмитина, 1972, с. 136-137]. Возможно поэтому их продолжали носить даже поломанными. В могильнике Дружное, в детском погребении из склепа 66 найден фрагмент центральной части зеркала с петелькой на обороте [Храпунов, 2002, рис. 165, 14]. Скорее всего, он был использован в качестве амулета.

К туалетным принадлежностям относятся и пинцеты, сделанные из узкой бронзовой пластины, согнутой пополам (рис. 60, 4,7,8), найденные в Дружном, Тас-Тепе и Вишневом. Они могли использоваться и как медицинский инструмент.

В могильниках Дружное и Нейзац, в нескольких погребениях IV в. обнаружены костяные трехслойные односторонние гребни (рис. 60, 3,5,9,13). Они состоят из нескольких пластин с зубцами, закрепленных бронзовыми заклепками между двумя роговыми пластинками-накладками, и представлены двумя типами: Томас I – с высокой полукруглой спинкой (рис. 60, 3,5) и Томас III с полукруглым выступом на спинке (рис. 60, 9,13) [Thomas, 1960, S. 77-94, 104-114]. Гребни типа I аналогичны черняховским изделиям варианта IB1 с высокой спинкой в виде правильного полукруга, бытовавшим на протяжении IV в. [Магомедов, 2001, с. 84, рис. 78, 3]. Гребни типа III датируются IV – первыми десятилетиями V вв. Считается, что эта форма появилась на территории черняховской культуры, где зафиксированы мастерские по изготовлению костяных гребней [Магомедов, 2001, с. 84, рис. 78, 7-12].

В некоторых женских погребениях из Дружного, Нейзаца и Суворово найдены остатки небольших деревянных ящичков – шкатулок. В Суворово, в склепе 54 конца IV – начала V вв. сохранились детали двух составных деревянных шкатулок, украшенных резным геометрическим декором (рис. 60, 14) [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62]. Шкатулка из Дружного, из подобной могила 24 второй половины III в. была окована бронзовыми пластинами и инкрустирована на лицевой стороне мелкими костяными треугольными и квадратными пластинами (рис. 60, 6). На передних стенках шкатулок крепился замковый механизм, прикрывавшийся круглой или квадратной пластиной со скважиной для ключа (рис. 60, 10). Зачастую в погребениях сохраняются только металлические детали шкатулок: петли, пластины от обивки, замки и бронзовые ключи (рис. 60, 10-12). Подобные шкатулки, собранные из деревянных дощечек, скрепленных бронзовыми пластинами известны в Восточном Приаралье, на памятниках джетысарской культуры, среди носителей которой называют и алан [Левина, 1996, с. 204, 300, рис. 105]. В них хранили туалетные принадлежности – зеркало, гребень, косметические средства. В шкатулке из Дружного хранились серебряные римские монеты [Храпунов, 2002, рис. 109, 1-3].

Приведенные этнопоказательные признаки (конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения и отдельные категории погребального инвентаря) аргументируют принадлежность рассмотренных погребальных сооружений аланам. Протслеженные в рассматриваемых крымских склепах и подобной могилах элементы погребального обряда: остатки пищи, коллективные захоронения, обычай смещения костей первоначально погребенных к стене – аналогичны зафиксированным в погребальных сооружениях Предкавказья [Айбабин, 1999, с. 23]. Следует отметить, что на Черной речке аланы поселились вместе с германцами и хоронили на одном некрополе. Аланы погребали по обряду трупоположения, а германцы практиковали кремацию.

В Т-образных склепах и могилах Юго-Западного Крыма лежали как типичные для сармат и алан Азиатского Боспора, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья темноглиняные лепные сосуды с дуговидными или коническими налепами, кувшины и горшки с темным лощением и нелощеные, железные листовидные наконечники копий и дротиков с валиком по оси, железные мечи с бронзовым ромбовидным или прямым перекрестием, декорированные вставками из шлифованного сердолика серьги, браслеты и украшения сбруйных ремней, железные детали узды (удила, псалии), так и использовавшиеся аланами и германцами короткие мечи и кинжалы с вырезами у рукояти, металлические пряжки с овальной рамкой 1 и 2 вариантов с язычком со ступенчатым срезом у основания и одночленные подвязные фибулы, а также популярные у германцев янтарные грибовидные бусы, амулеты в виде бронзовых топориков и железных ведеркообразных подвесок, черняховские двучленные подвязные фибулы ранних вариантов и лощеная керамика с биконическим туловом, привезенные из римских провинций и сделанные в Херсоне и на Боспоре амфоры, стеклянные и краснолаковые сосуды [Айбабин, 1999, с. 22-24; Ajbabin, 2011, S. 14, 16, 18].

В результате изучения типологии всех категорий погребального инвентаря и выявления датированных находок установлена дата возникновения германских и почти всех аланских некрополей – около середины III в. [Айбабин, 1999, с. 13, 16, 18, 23, 24, 249-252, Табл. XXVII,1-41; Ajbabin, 2011, S. 7-10, 14, 22, 213-216, Taf. 27,1-41]. Время возникновения на полуострове новых могильников согласуется с приведенной выше информацией письменных источников о миграции германцев и алан на полуостров. Судя по инвентарю из раскопанных в Нейзаце погребальных сооружений, аланы могли поселиться у внешней гряды значительно раньше.

Лишившись бескрайных степных пастбищ, аланы были вынуждены расселиться в предгорье и горах и существенно изменить образ жизни: отказаться от кочевого скотоводства и перейти к оседлости. Несомненно, перечисленные выше новые могильники могли принадлежать только оседлому населению. Правда, пока связанные с ними поселения открыты только на плато Мангуп и на Тас-Тепе [Ajbabin, 2011, S. 8-10, Abb. 3]. Аланы в сравнительно нешироких плодородных речных поймах крымских рек начали переходить к новому типу пастушеско-земледельческой экономики. Весной, летом и в теплые осенние месяцы стада выводили на горные пастбища, а остальное время их содержали возле поселений. Значительно изменился состав стада. Извлеченные из склепов остеологические материалы говорят о развитии птицеводства и овцеводства, о выращивании крупного рогатого скота. О сохранении коневодства свидетельствуют найденные в склепах и в отдельных могилах на Черной речке, в Дружном и Нейзаце захоронения лошадей, а также наличие во многих аланских погребениях железных удиц и металлических деталей от ремней конской сбруи. В течение довольно короткого периода аланы освоили зерноводство.

Обнаруженные в захоронениях германцев и алан второй половины III – IV вв. многочисленные привозные поясные пряжки, фибулы, украшения, краснолаковые сосуды, амфоры и стеклянные сосуды иллюстрируют существование активной торговли местного населения с Боспором и Херсоном, а через гавань последнего и со многими другими городами Восточной Римской Империи.

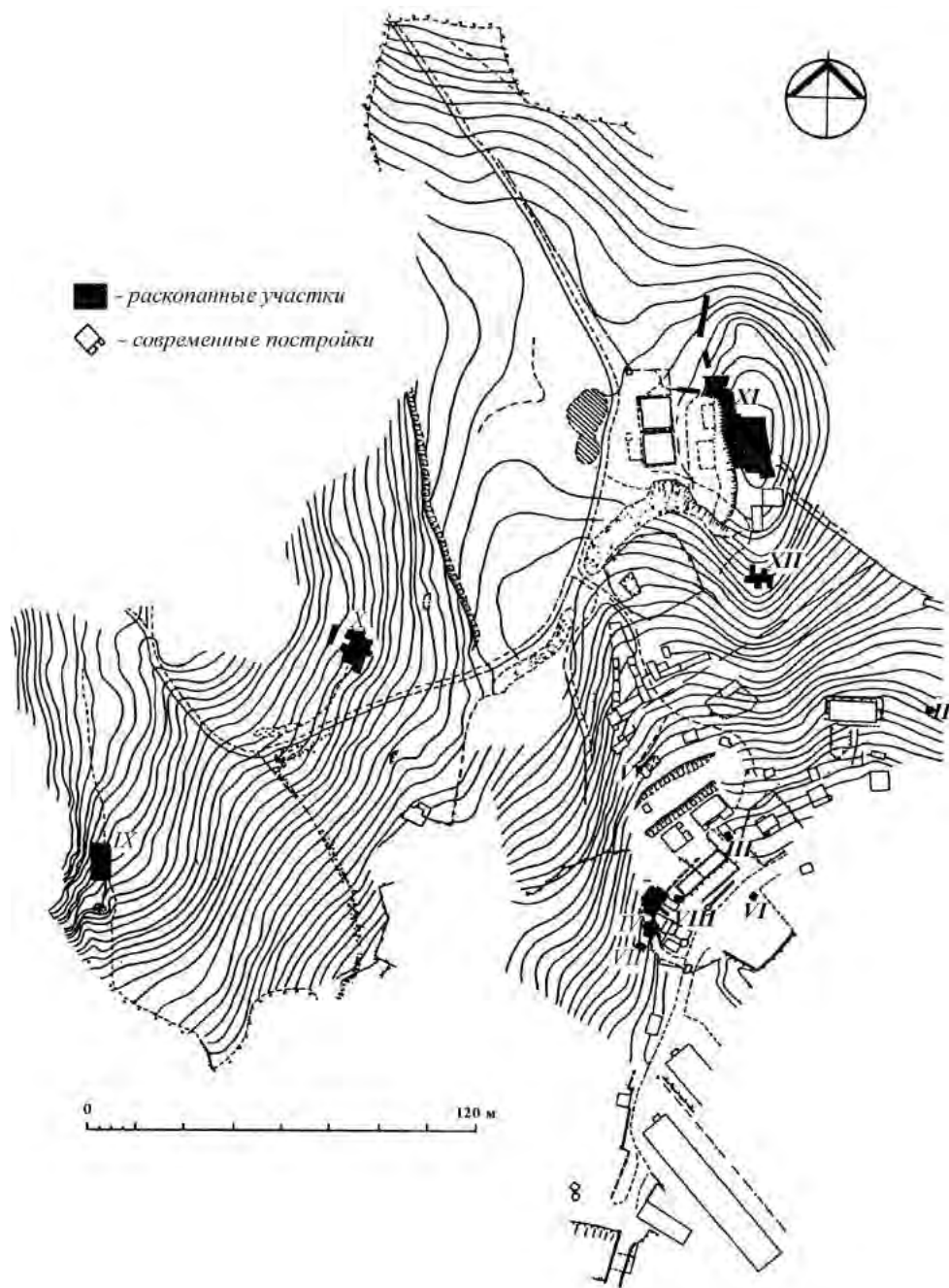

Рис. 18. Могильник Чатыр-Даг.
Ситуационный план с обозначением раскопанных участков.
[по Мыц и др. 2006, с. 32, табл. 1]

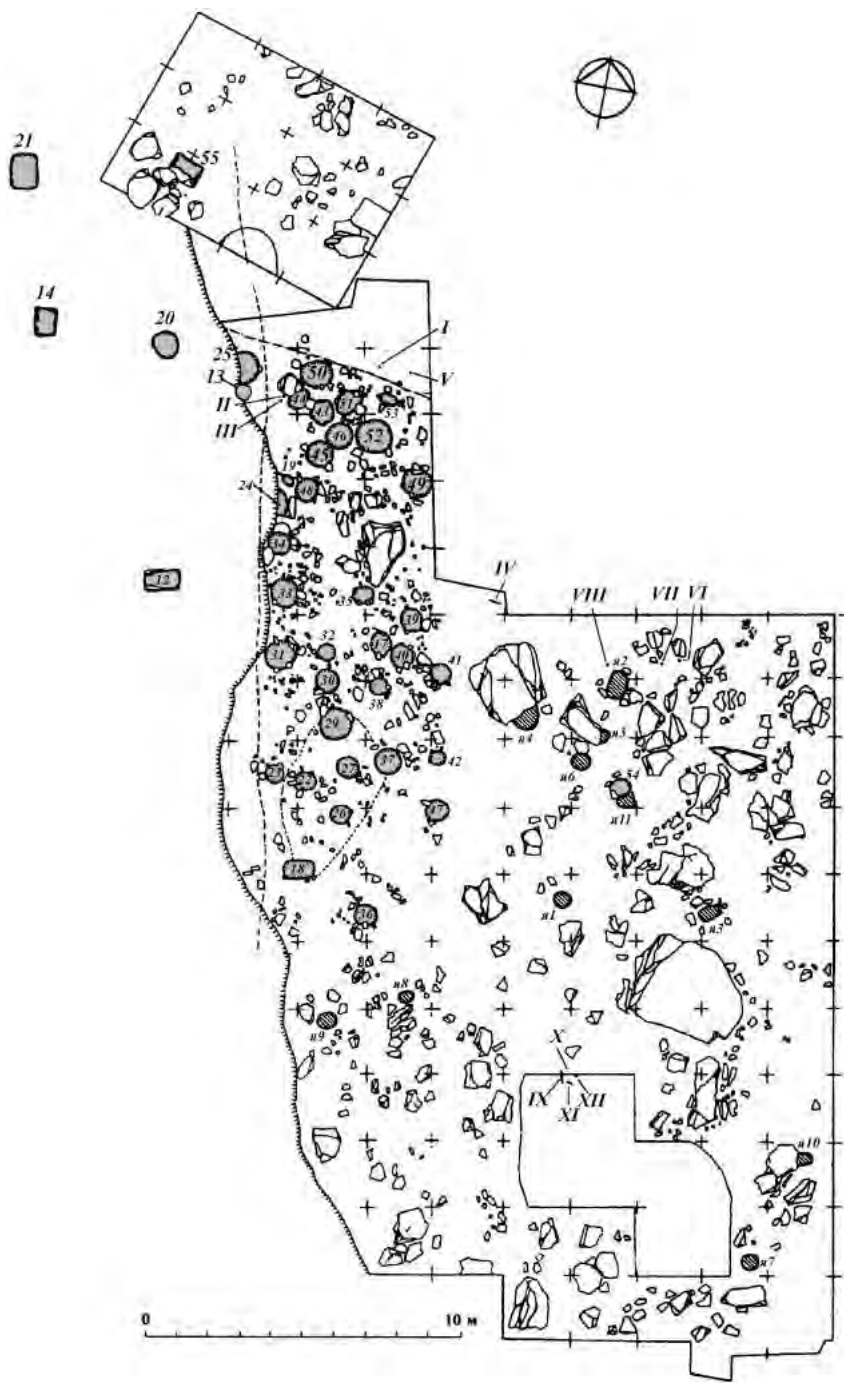

Рис. 19. Могильник Чатыр-Даг, северный участок.
План раскопа IX. [по Мыц и др. 2006, с. 44, табл. 13]

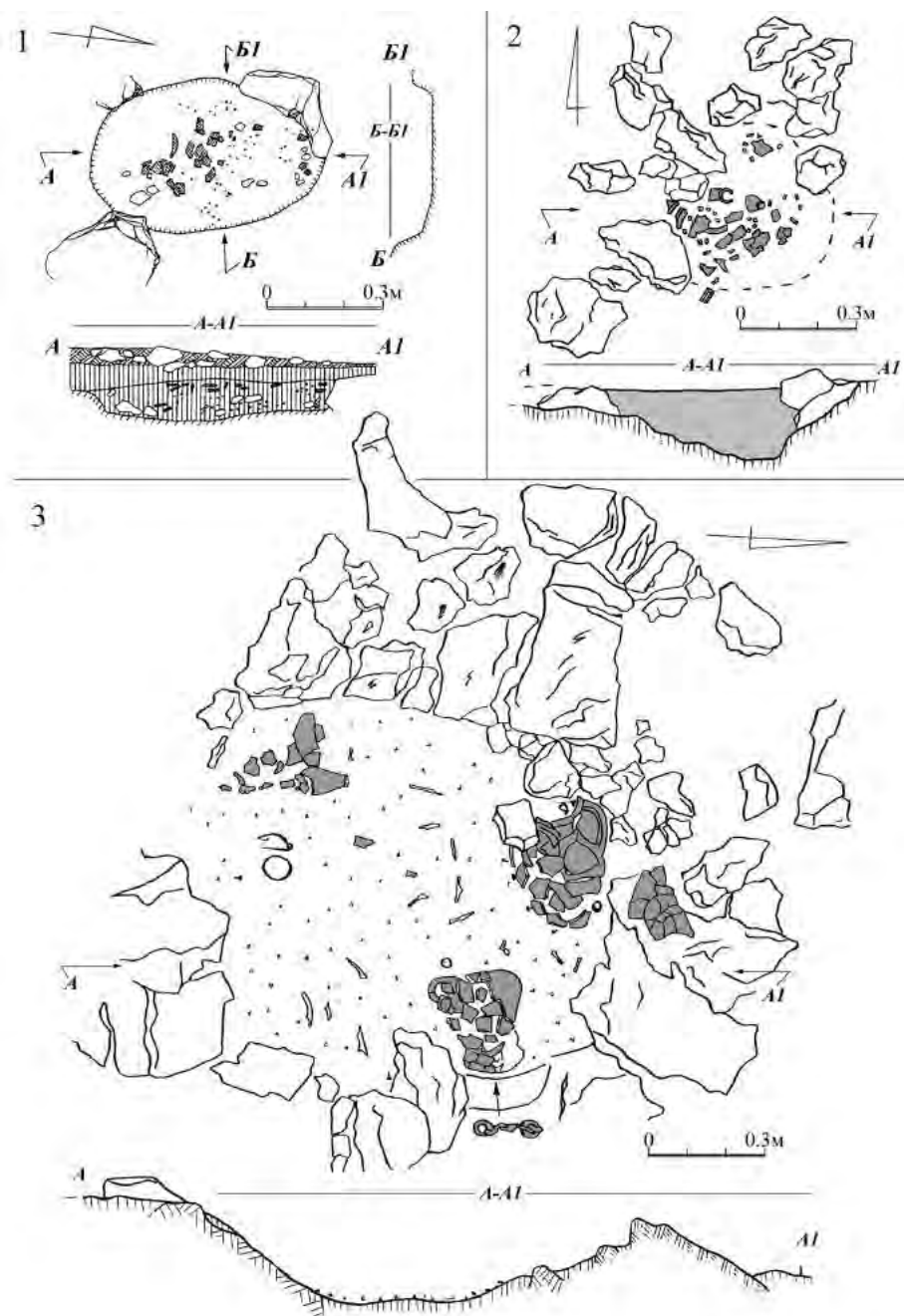

Рис. 20. Могилы с кремациями из некрополей Харакс и Чатыр-Даг.

Планы и разрезы к планам.

1 – Чатыр-Даг, могила 43; 2,3 – Харакс (2 – могила 37; 3 – могила 34).
 [1 – по Мыц и др. 2006, с. 22, табл. 41; 2,3 – по Орлов 1987, с. 110, 122, рис. 2; 8]

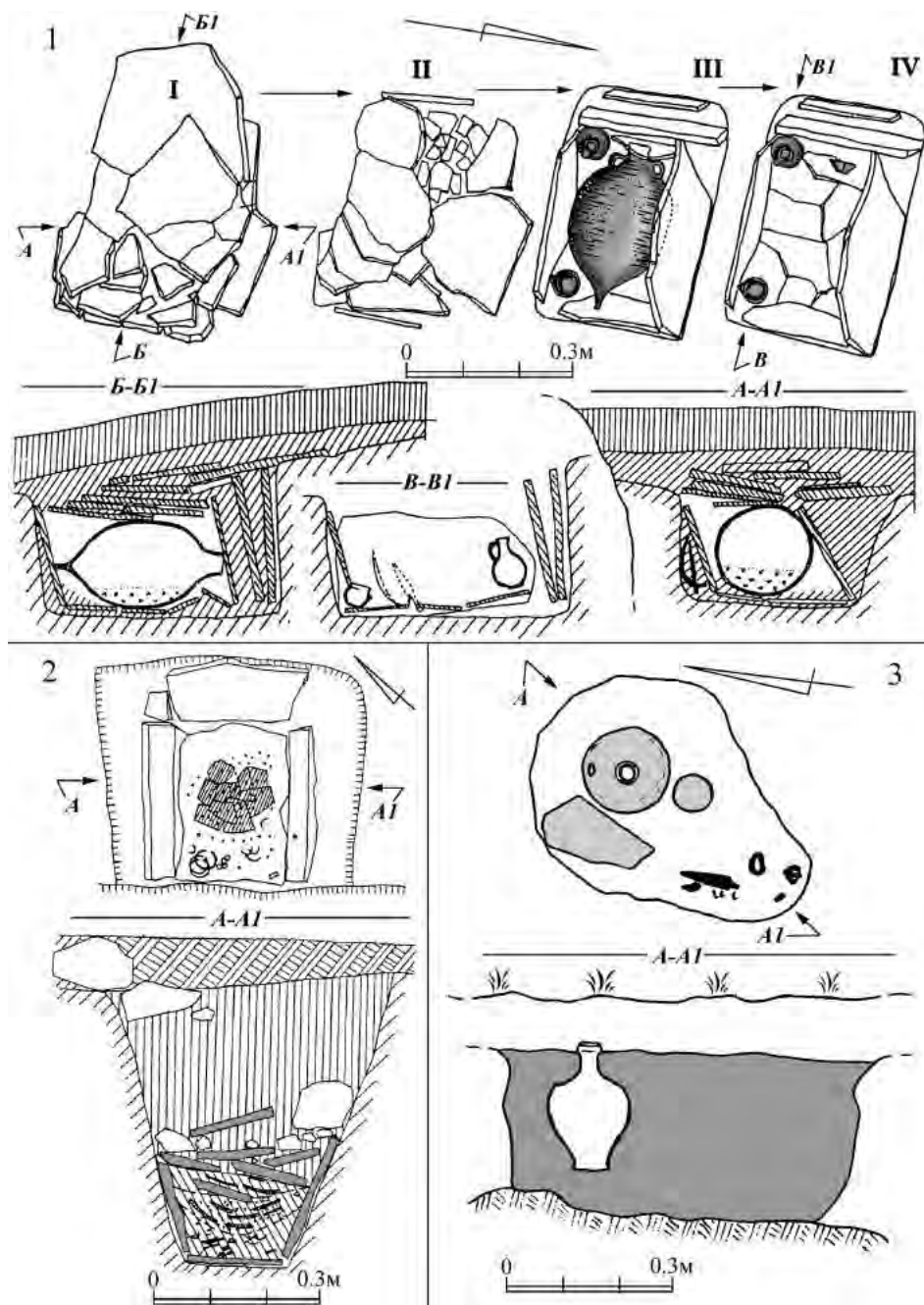

Рис. 21. Могилы с кремациями из некрополей Харакс и Чатыр-Даг.

Планы и разрезы к планам.

1,2 – Чатыр-Даг (1 – могила 55; 2 – могила 13); 3 – Харакс, могила 35.

[1,2 – по Мыц и др. 2006, с. 47, 82, табл. 16; 51; 3 – по Орлов 1987, с. 117, рис. 5]

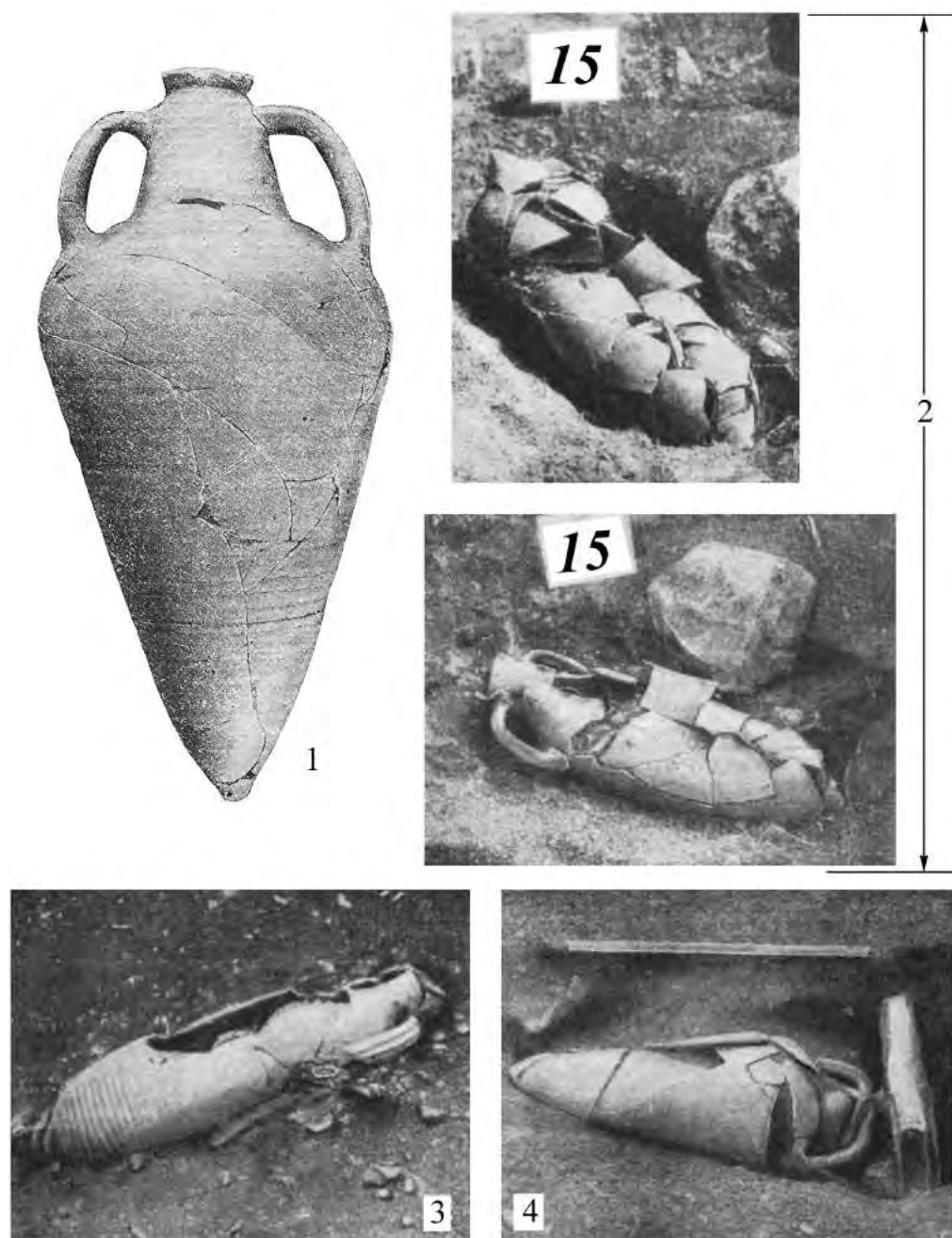

Рис. 22. Могилы с кремациями и амфора – урна из могильника Харакс.
1 – могила 26; 2 – могила 15, начало расчистки и после расчистки; 3 – могила 3;
4 – могила 7. [по Блаватский, 1951, с. 265, 267, 273, рис. 8, 1,2; 9, 5,6; 13, 1]

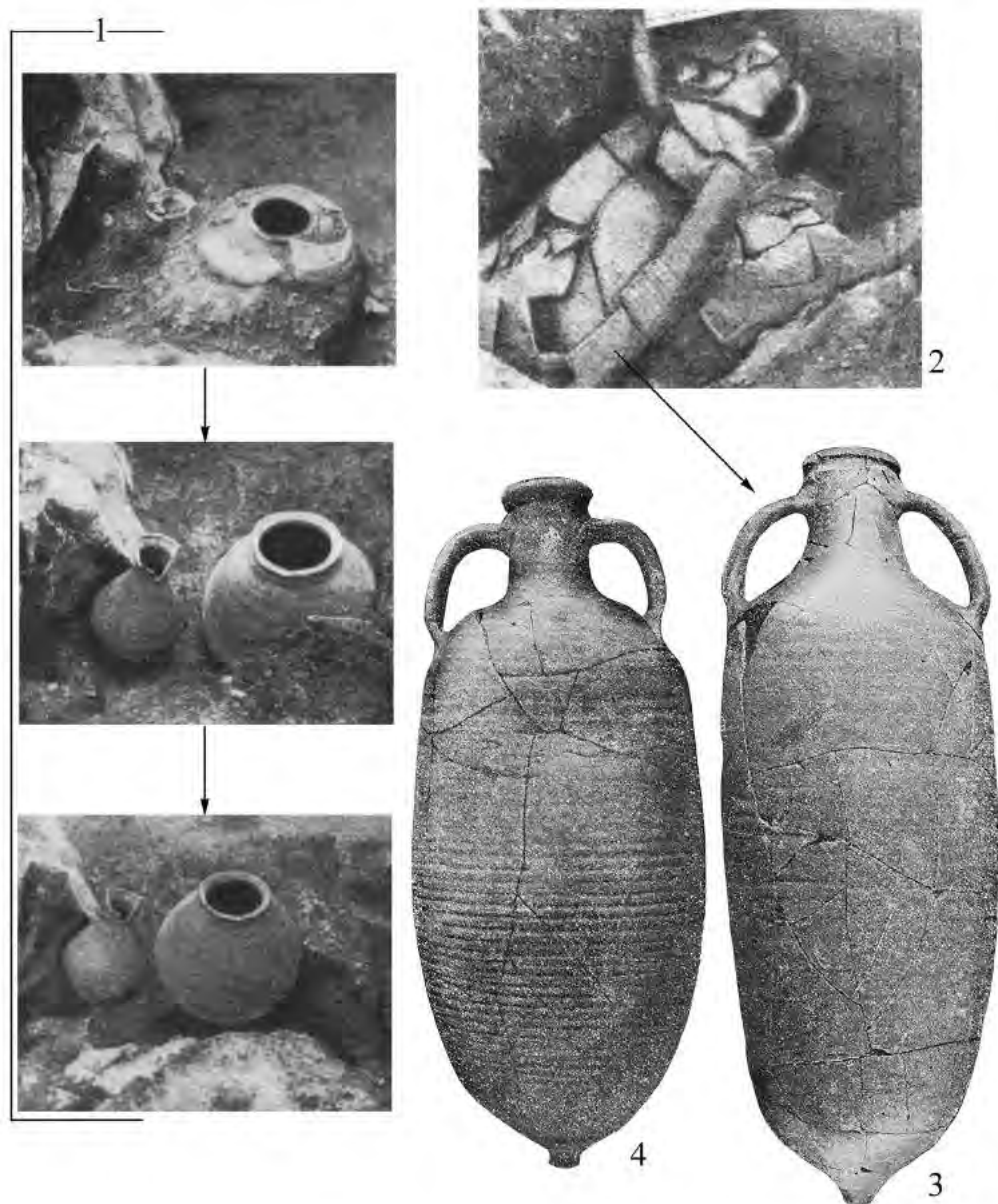

Рис. 23. Могилы с кремациями и амфора – урна из могильника Харакс.
1 – могила 10, в процесса расчистки и после расчистки; 2,3 – могила 29; 4 – могила 33.
[по Блаватский, 1951, с. 267, 271, 273, рис. 9, 2-4; 12, 1; 13, 2,3]

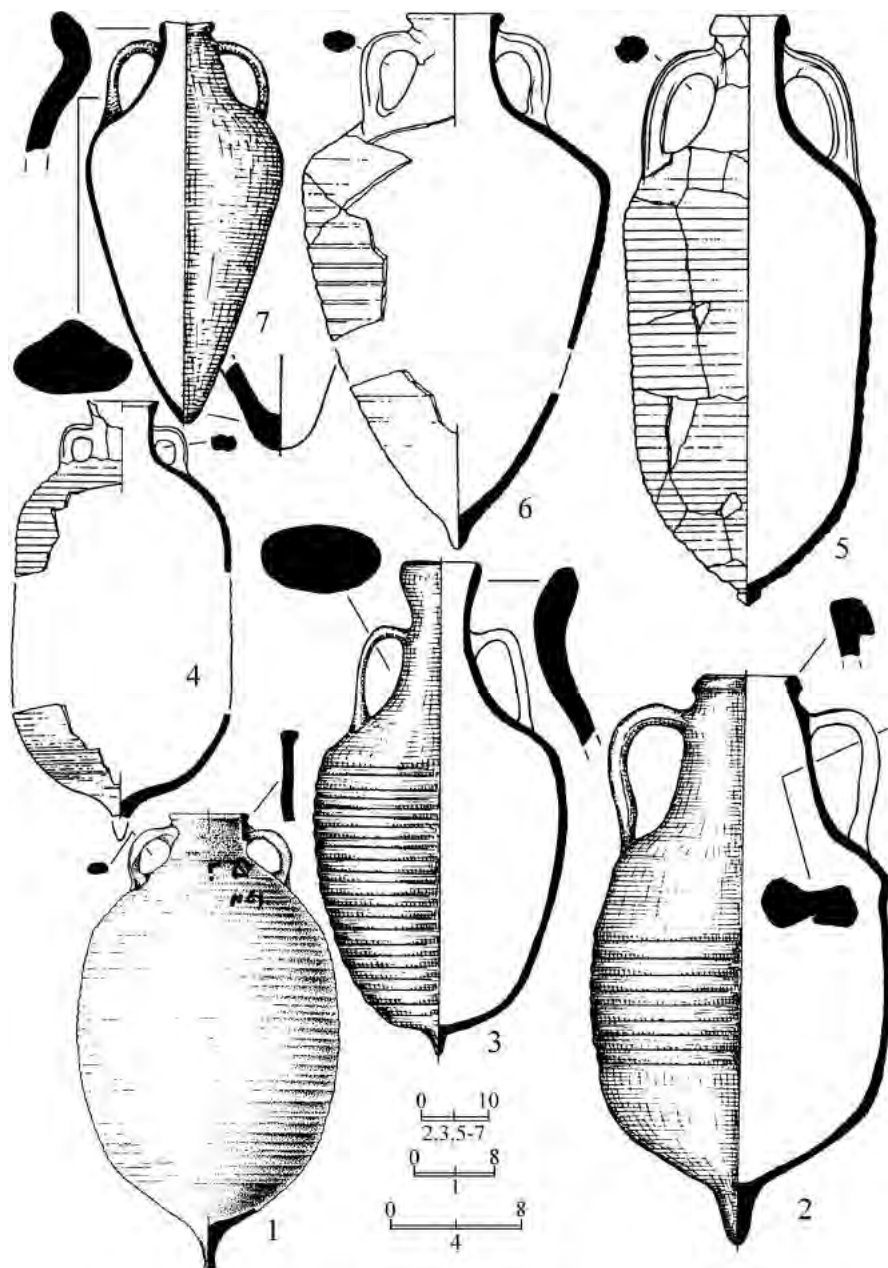

Рис. 24. Амфоры – урны из могил с кремациями.
1,4-6 – Чатыр-Даг (1 – могила 55; 4 – могила 3; 5 – могила 1; 6 – могила 2);
2,3 – Черная Речка (2 – могила 16; 3 – могила 22); 7 – Харакс, могила 26.
[1,4-6 – по Мыц и др., 2006, с. 35, 37, 38, 83, табл. 4, 1; 6, 1; 7, 6; 52, 2; 2,3 – по Бабенчиков,
1963, с. 94, 115, 119, 120, табл. V, 1,2; XVI, 1,2; Айбабин, 1999, с. 294, табл. X, 2,4;
7 – по Блаватский, 1951, с. 273, рис. 13, 1; Айбабин, 1999, с. 305, табл. XXI, 2]

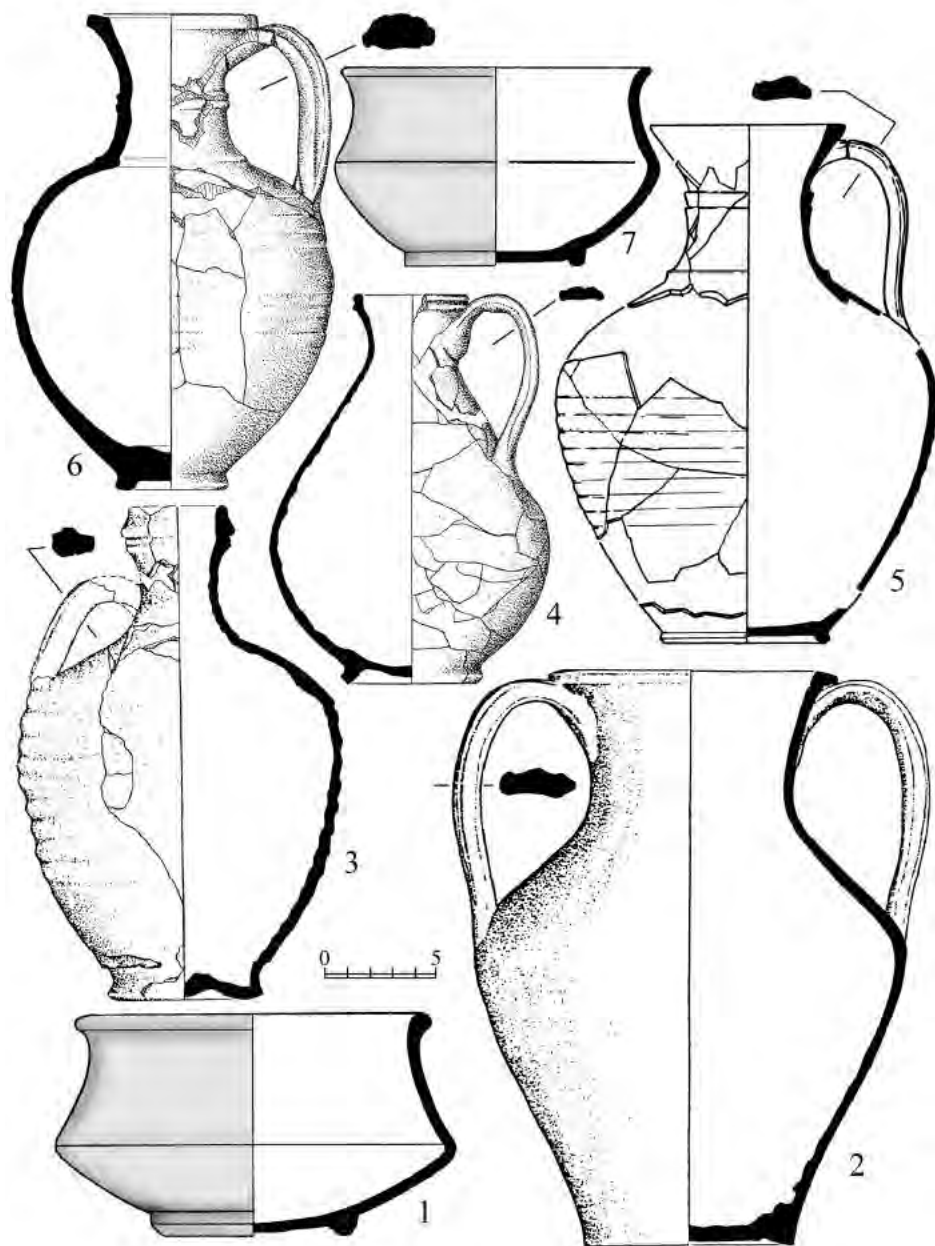

Рис. 25. Краснолаковые кувшины (2,4,5) и гончарная посуда (1,3,6,7) из погребений с кремациями.

1-4,6,7 – Харакс (1 – могила 28; 2 – могила 34; 3 – могила 35; 4 – могила 37; 6 – могила 36; 7 – могила 22); 5 – Чатыр-Даг, могила 4.
[1,7 – по Блаватский, 1951, с. 275, рис. 14, 1,2; 2-4,6 – по Орлов, 1987, с. 111, 118, 120, 124, рис. 3, 3; 6, 1; 7, 1; 10, 1; 5 – Мыц и др., 2006, с. 39, табл. 8Б, 9]

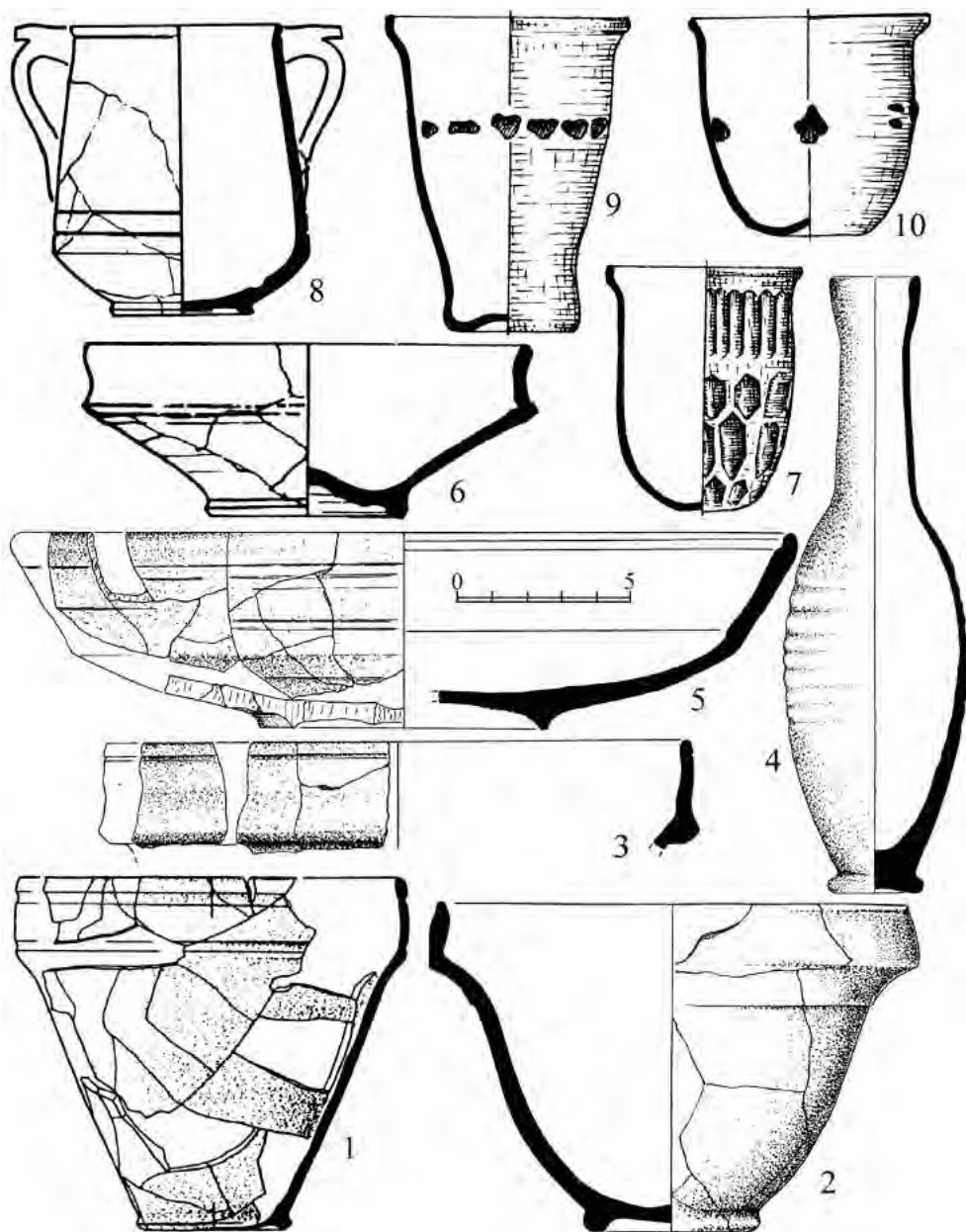

Рис. 26. Краснолаковая (1-3,5,6,8), гончарная (4) и стеклянная (7,9,10) посуда из могил с кремациями.
 1,6,8 – Чатыр-Даг (1 – могила 49; 6 – могила 1; 8 – могила 4);
 2-5,7,9,10 – Харакс (2,3,5 – могила 37; 4 – могила 34; 7 – могила 29; 9,10 – могила 33).
 [1,6,8 – по Мыц и др. 2006, с. 35, 39, 78, табл. 4, 5; 8Б, 8; 47, 3;
 2-5 – по Орлов 1987, с. 114, 124-125, рис. 4, 1; 10, 2; 11, 1,2; 7,9,10 – по Айбабин 1999,
 с. 304-305, табл. XX, 10; XXI, 8,10]

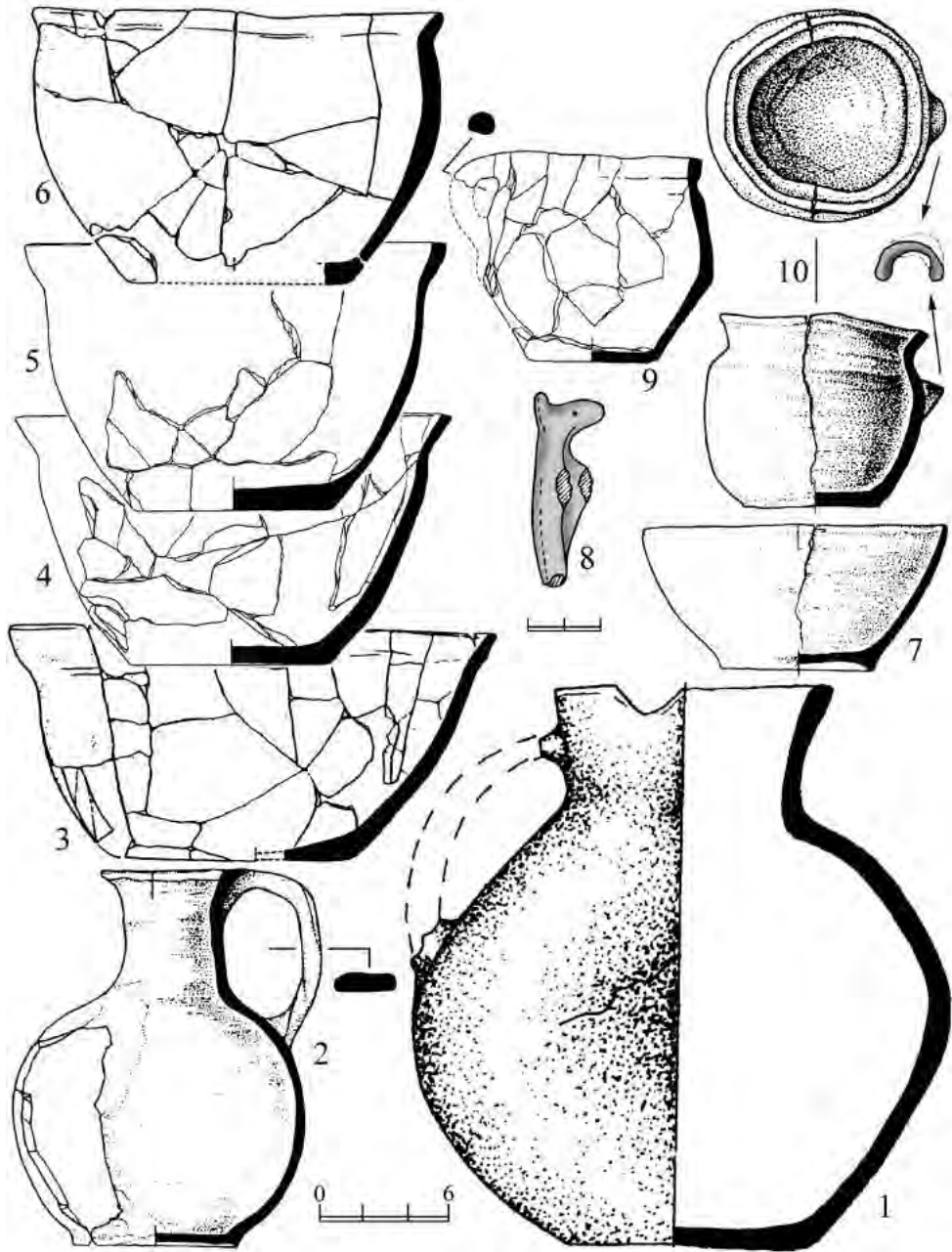

Рис. 27. Лепная керамика из могил с кремациями.

1 – Черная Речка, могила 21; 2-7,9,10 – Чатыр-Даг (2,7,10 – могила 55; 3,6 – могила 28; 4 – могила 44; 5,9 – могила 46); 8 – Харакс, могила 15.
[1 – по Айбабин 1999, с. 295, табл. XI, 5; 2-7,9,10 – по Мыц и др., 2006, с. 73, 75, 83, 92, табл. 42, 5; 44, 5,7; 52, 1,3,4; 61, 3,4; 8 – по Блаватский, 1951, с. 275, рис. 14, 4]

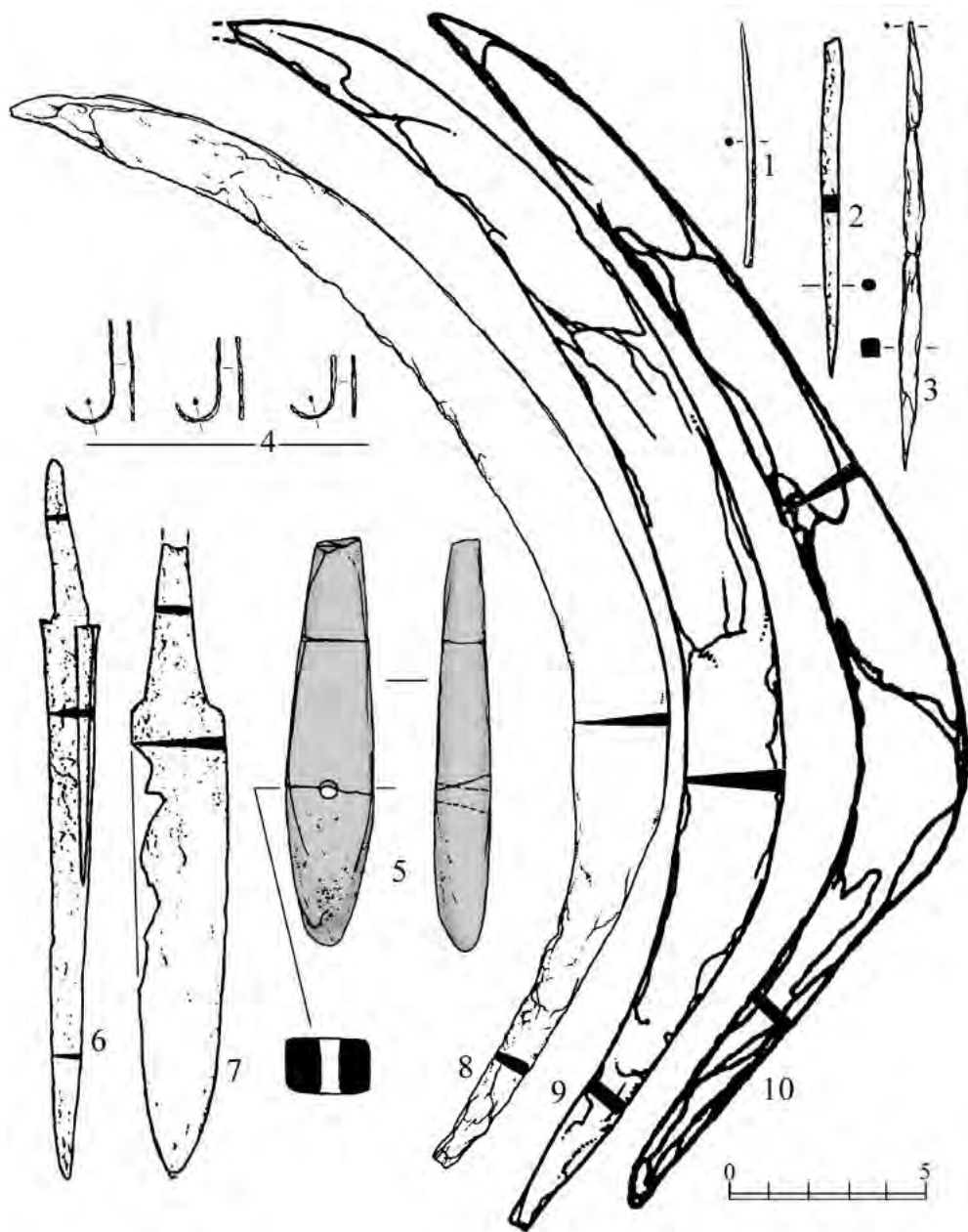

Рис. 28. Орудия труда из могильников Харакс и Чатыр-Даг.

1-3,5-10 – Чатыр-Даг (1- могила 14; 2,6,7 – вещи, найденные на древней поверхности «северной» части некрополя; 3,8 – могила 55; 5 – могила 43; 9 – могила 3; 10 – могила 2); 4 – Харакс, могила 35.
[1-3,5-10 – по Мыц и др., 2006, табл. 6, 5; 7, 3; 15Б, 2-4; 18, 11; 41, 3; 53, 6,8; 4 – по Орлов 1987, с. 118, рис. 6, 4;]

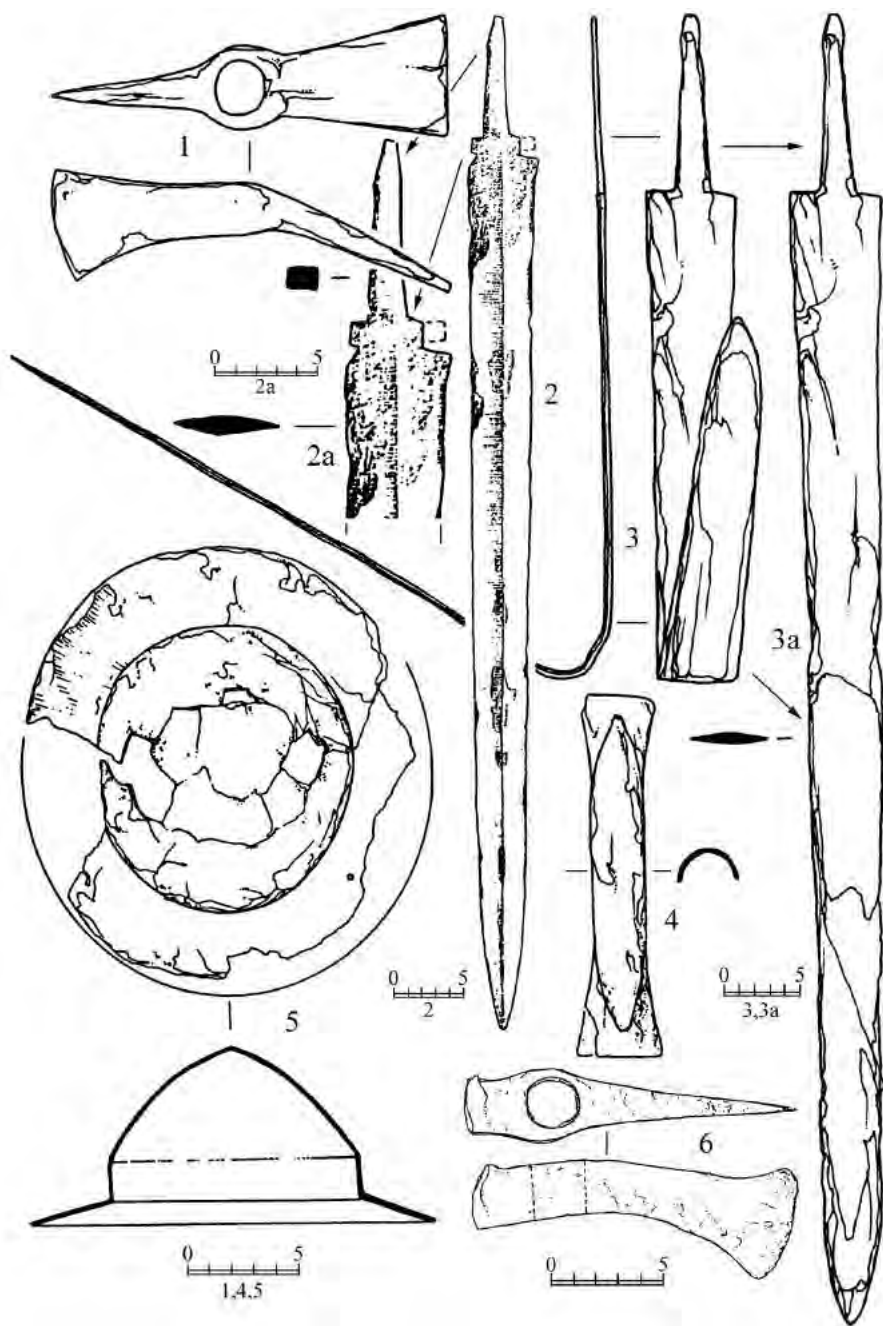

Рис. 29. Оружие и орудия труда из могильника Чатыр-Даг.
 1,4,5 – могила 3; 2 – могила 12; 3 – могила 2;
 6 – находка на древней поверхности «северной» части некрополя.
 [по Мыц и др., 2006, табл. 6, 2; 7, 2,4,5; 15А, 1; 15Б, 9]

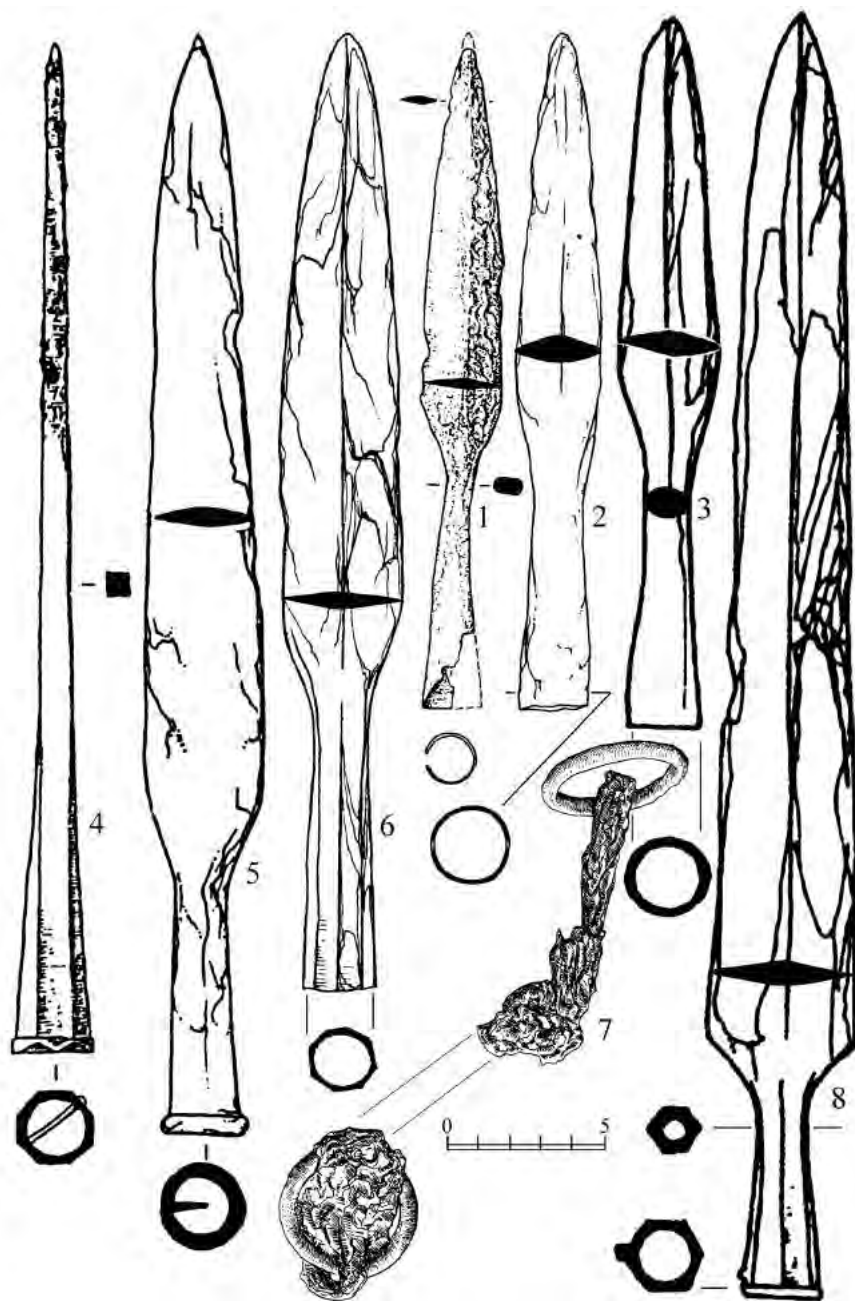

Рис. 30. Наконечники копий и удила из могильников с кремациями.

1-6,8 – Чатыр-Даг (1 – «северная» часть могильника; 2 – могила 55; 3,8 – могила 2; 4 – могила 12; 5 – могила 3; 6 – могила 20); 7 – Харакс, могила 34.
[1-6,8 – по Мыц и др., 2006, табл. 6, 3,4; 7, 1; 15А, 2; 15Б, 5; 23, 1; 53, 10;
7 – по Орлов, 1987, рис. 4, 12]

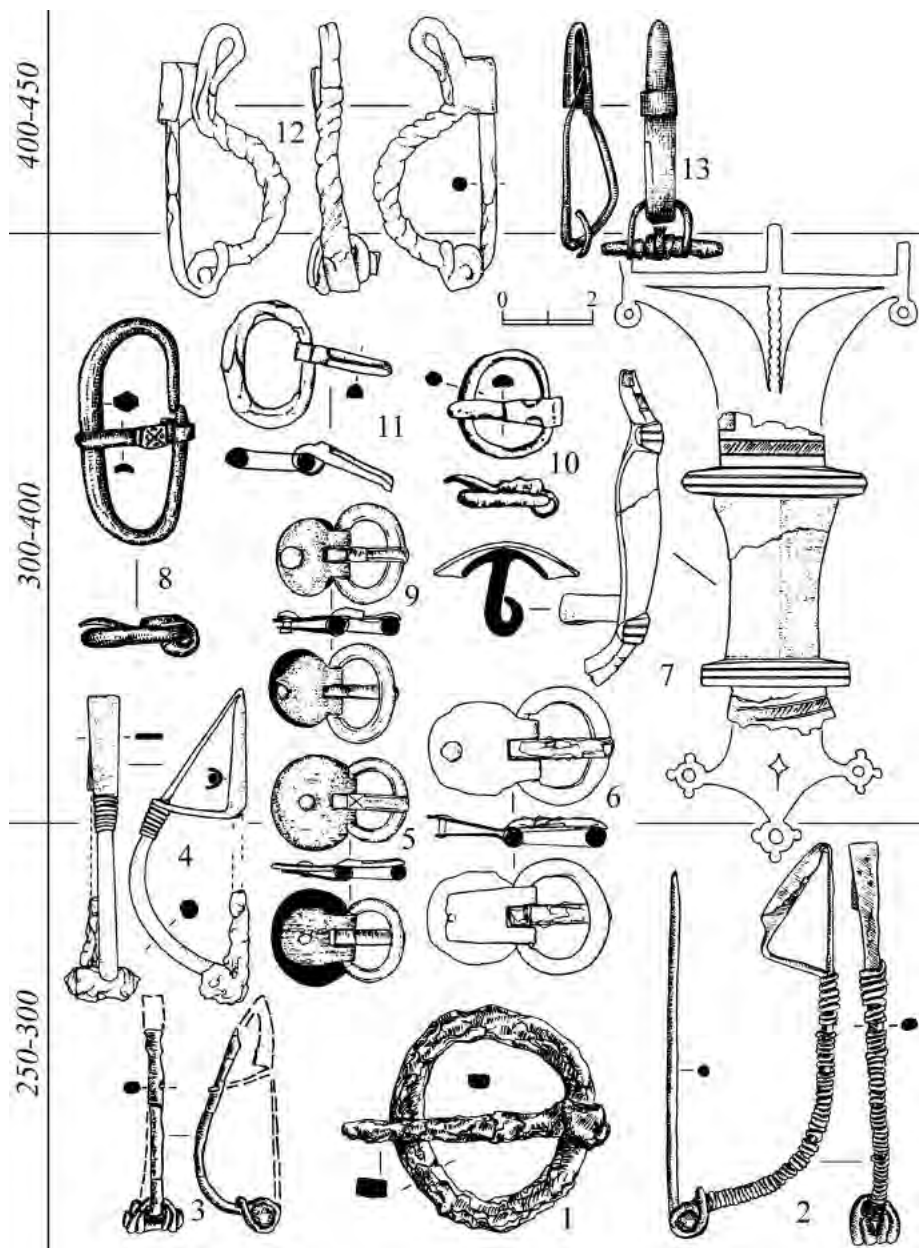

Рис. 31. Фибулы и пряжки из могильников с кремациями.

1-3,8,10,13 – Харакс (1,2 – могила 34; 3 – могила 36; 8,10 – могила 35; 13 – могила 29); 4-7,9,11,12 – Чатыр-Даг (4 – могила 16; 5,9 – могила 14; 6,7 – могила 15; 11 – могила 55; 12 – «северная» часть некрополя).

[1-3,8,10 – по Орлов, 1987, с. 114, 118, 120, рис. 4, 9,10; 6, 6,7; 7, 5; 4-7,9,11,12 – по Мыц и др., 2006, табл. 14А, 5; 17, 3а,б; 19А, 1,3; 19Б, 3; 53, 11; 13 – по Айбабин, 1999, с. 304, табл. XX, 8]

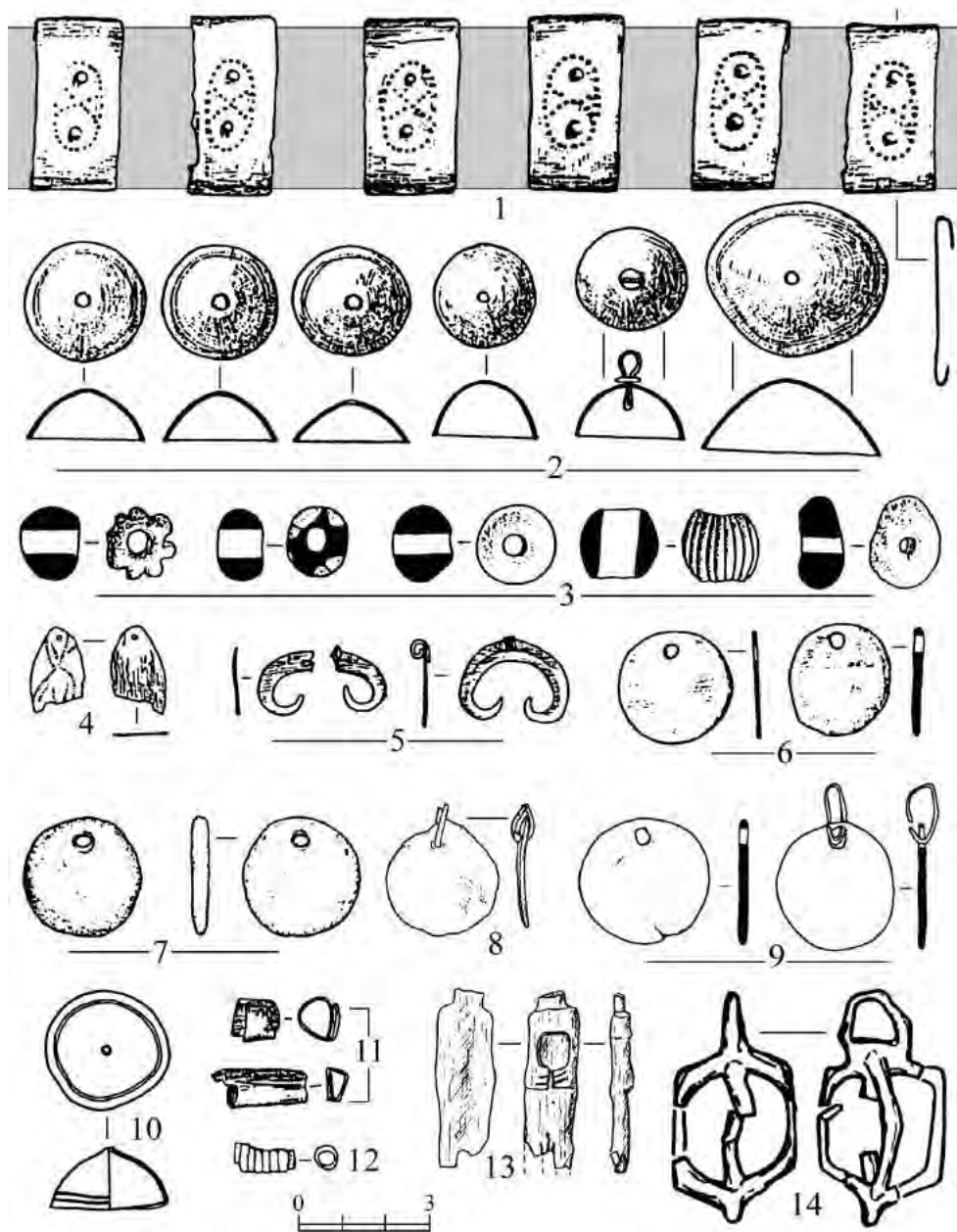

Рис. 32. Украшения из могильников с кремациями.
 1-12,14 – Чатыр-Даг (1-6,11 – могила 14; 7 – могила 44;
 8 – «северная» часть некрополя; 9 – могила 15; 10 – могила 55;
 12 – могила 13; 14 – могила 3); 13 – Харакс, могила 36.
 [1-12,14 – по Мьцц и др., 2006, табл. 8Б, 3; 14А, 1; 16, 2; 17, 1-4; 18, 9,12,13,16;
 19А, 5; 42, 3; 53, 5; 13 – по Орлов, 1987, с. 120, рис. 7, 2]

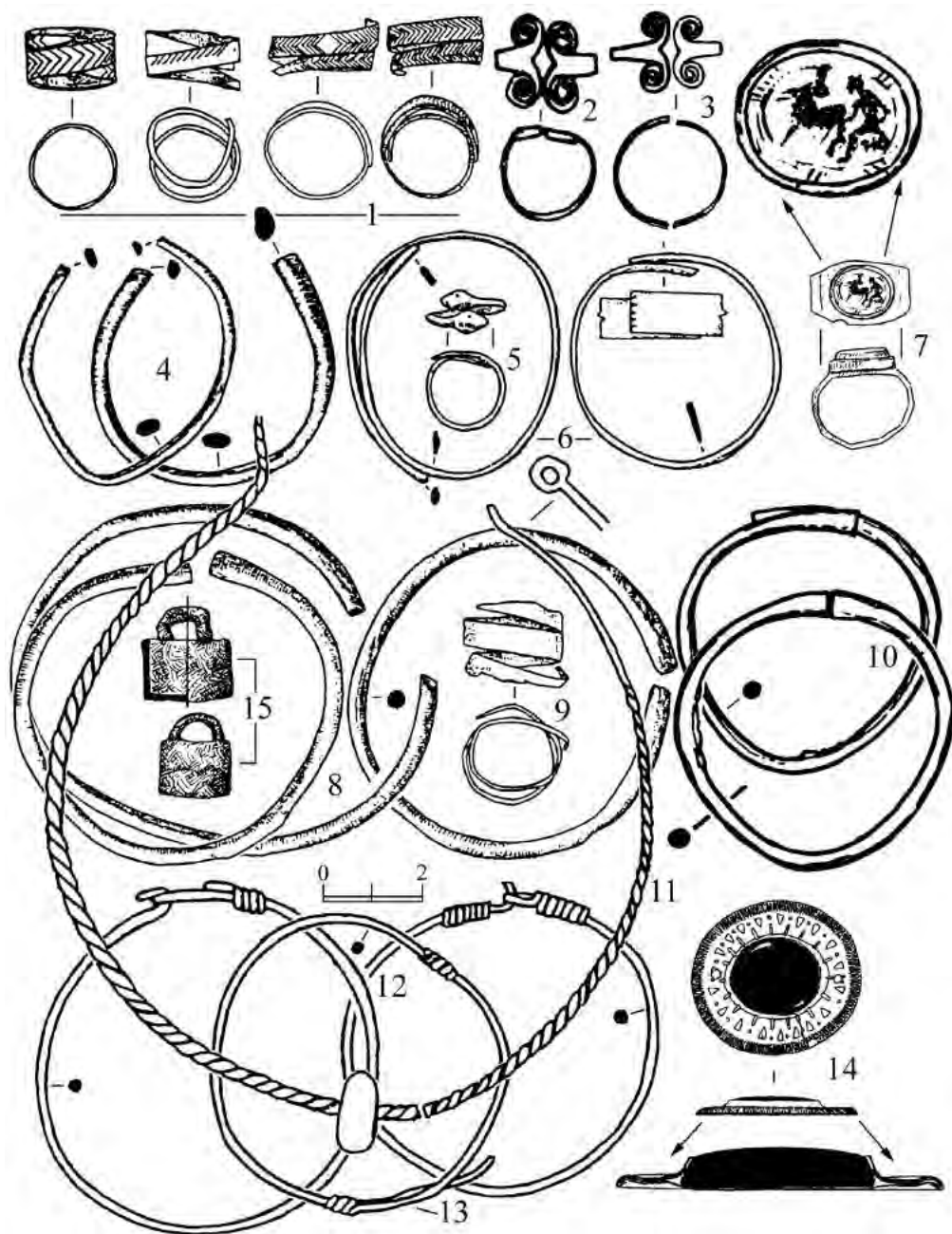

Рис. 33. Украшения из могильников с кремациями.

1-6,8-14 – Чатыр-Даг; 7,15 – Харакс.

[1-6,8-14 – по Мыц и др., 2006; 7 – по Орлов, 1987; 15 – по Айбабин, 1999]

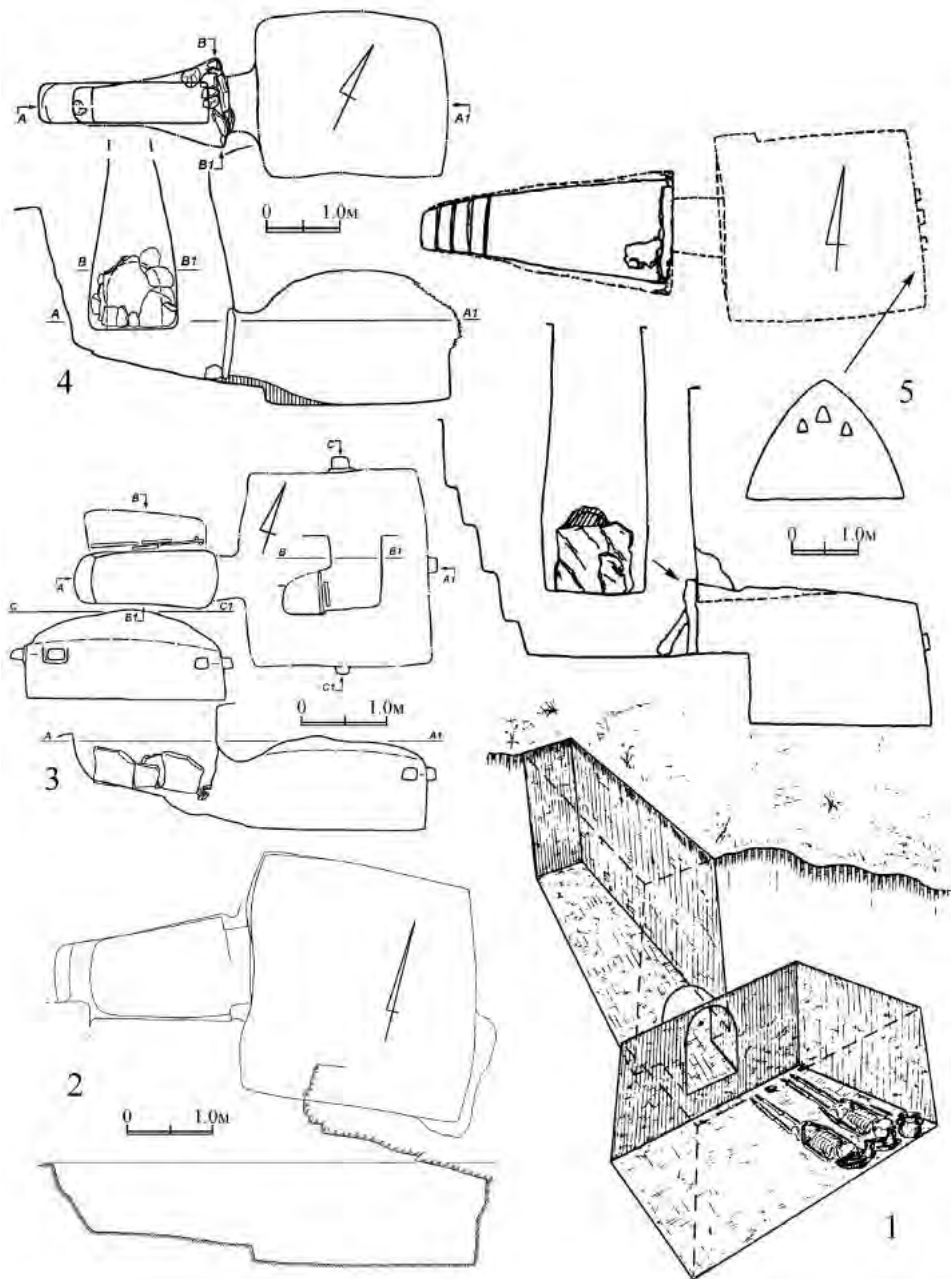

Рис. 34. Склепы из могильников второй половины III-IV вв. Юго-Западного Крыма.

1 – схема конструкции склепа; 2 – Нейзац, склеп 222;

3,4 – Дружное (3 – склеп 8/9; 4 – склеп 87); 5 – Суворово, склеп 52.

[1 – по Mould, 1996, fig. 7, 5; 2 – по Храпунов, 2006, с. 105, рис. 1;

3,4 – по Храпунов, 2002, рис. 9; 66; 5 – по Зайцев, Мордовинцева, 2003, с. 67, рис. 4, 1]

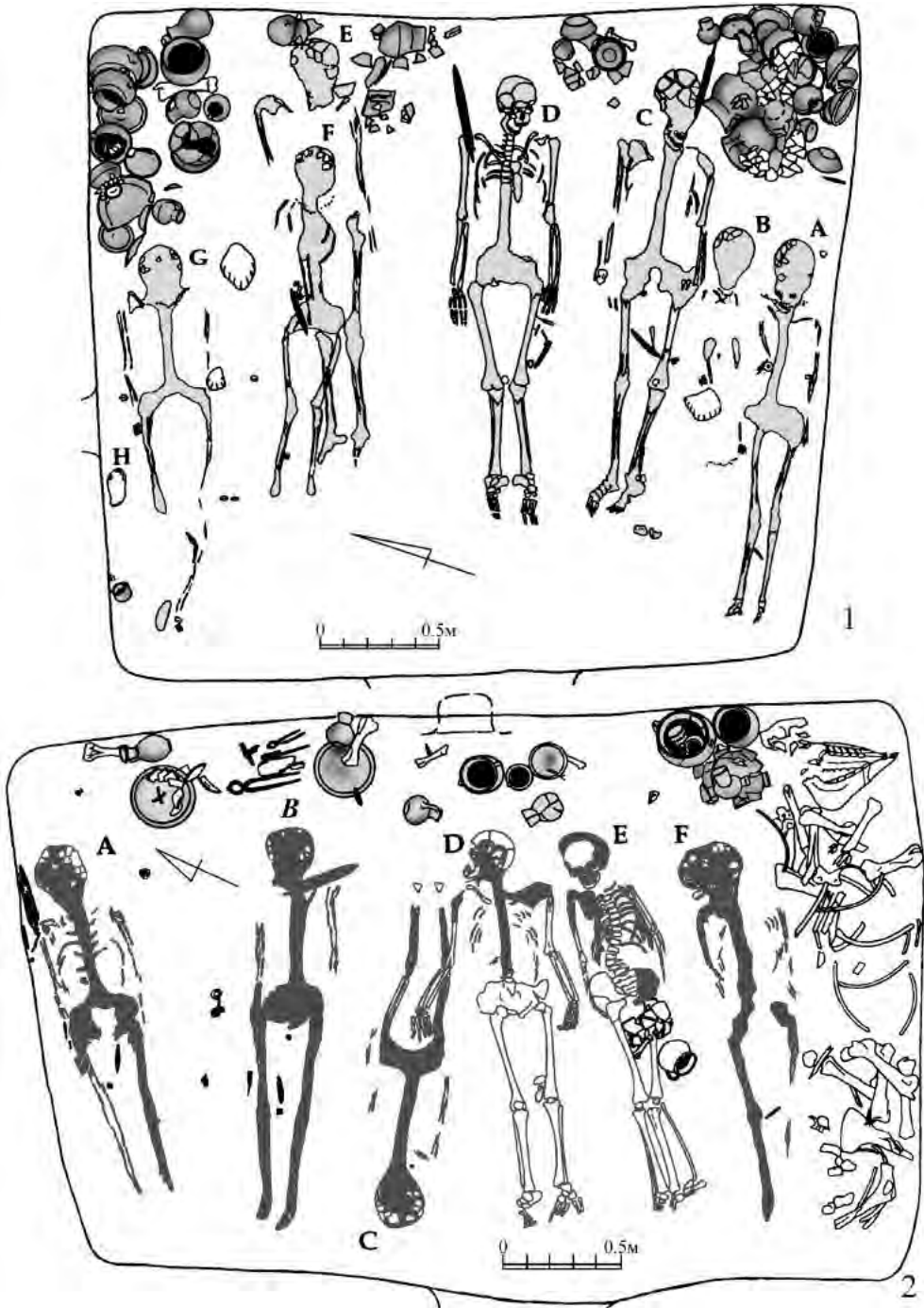

Рис. 35. Камеры склепов с погребениями IV в. из могильника Дружное.
1 – склеп 66; 2 – склеп 78. [по Храпунов, 2002, рис. 49; 58]

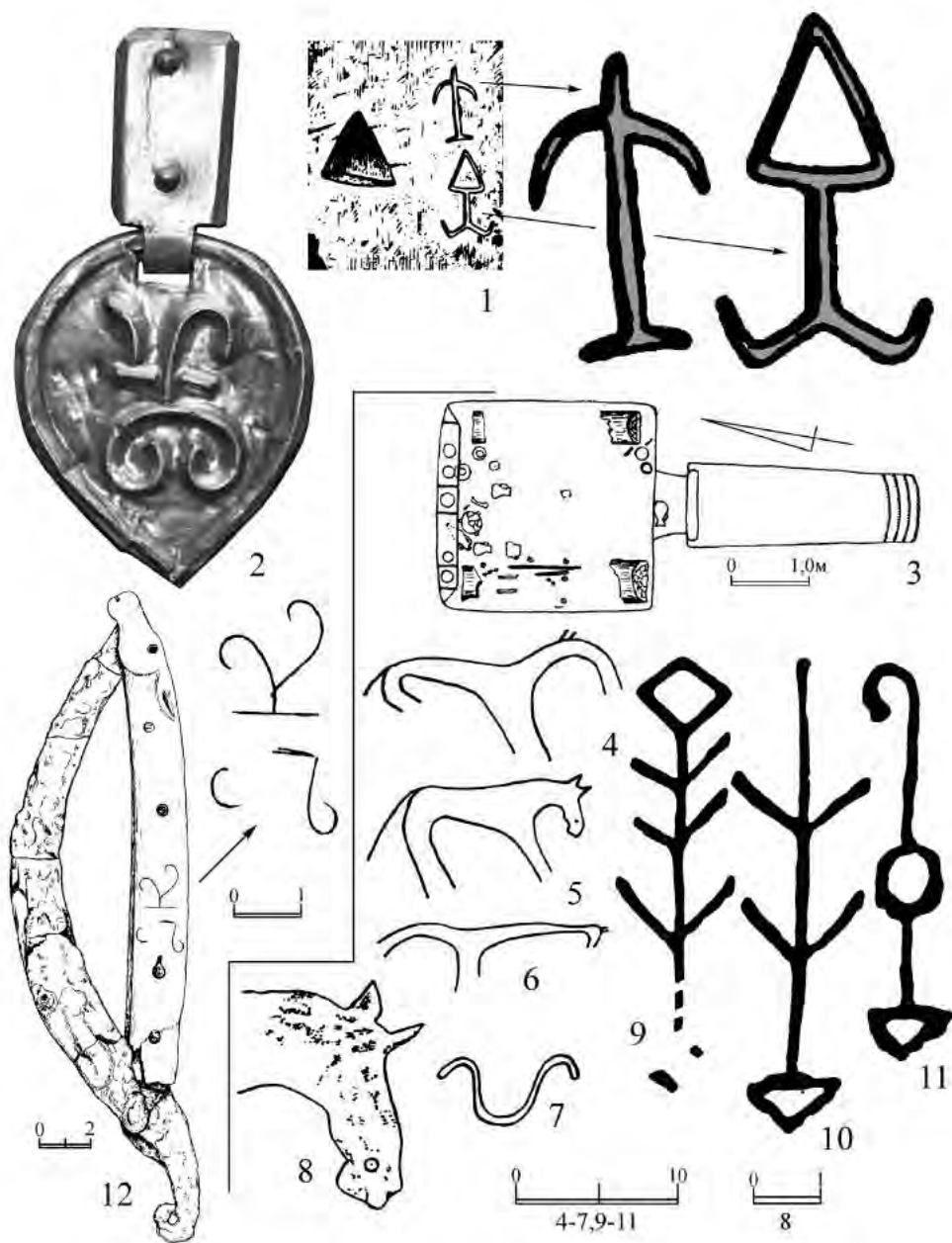

Рис. 36. Тамгообразные знаки и изображения лошадей второй половины III – IV вв. из могильников Нейзац и Озерное. 1,2,12 – Нейзац (1,2 – склеп 1; 12 – могила 194); 3-11 – Озерное, склеп 1; [1 – по Шульц, 1957, с. 86, рис. 14, в; 2 – Центральный музей Тавриды, фото Э. А. Хайрединовой; 3-11 – по Лобода, 1977, с. 238, рис. 2; 12 – по Храпунов, 2011, рис. 39]

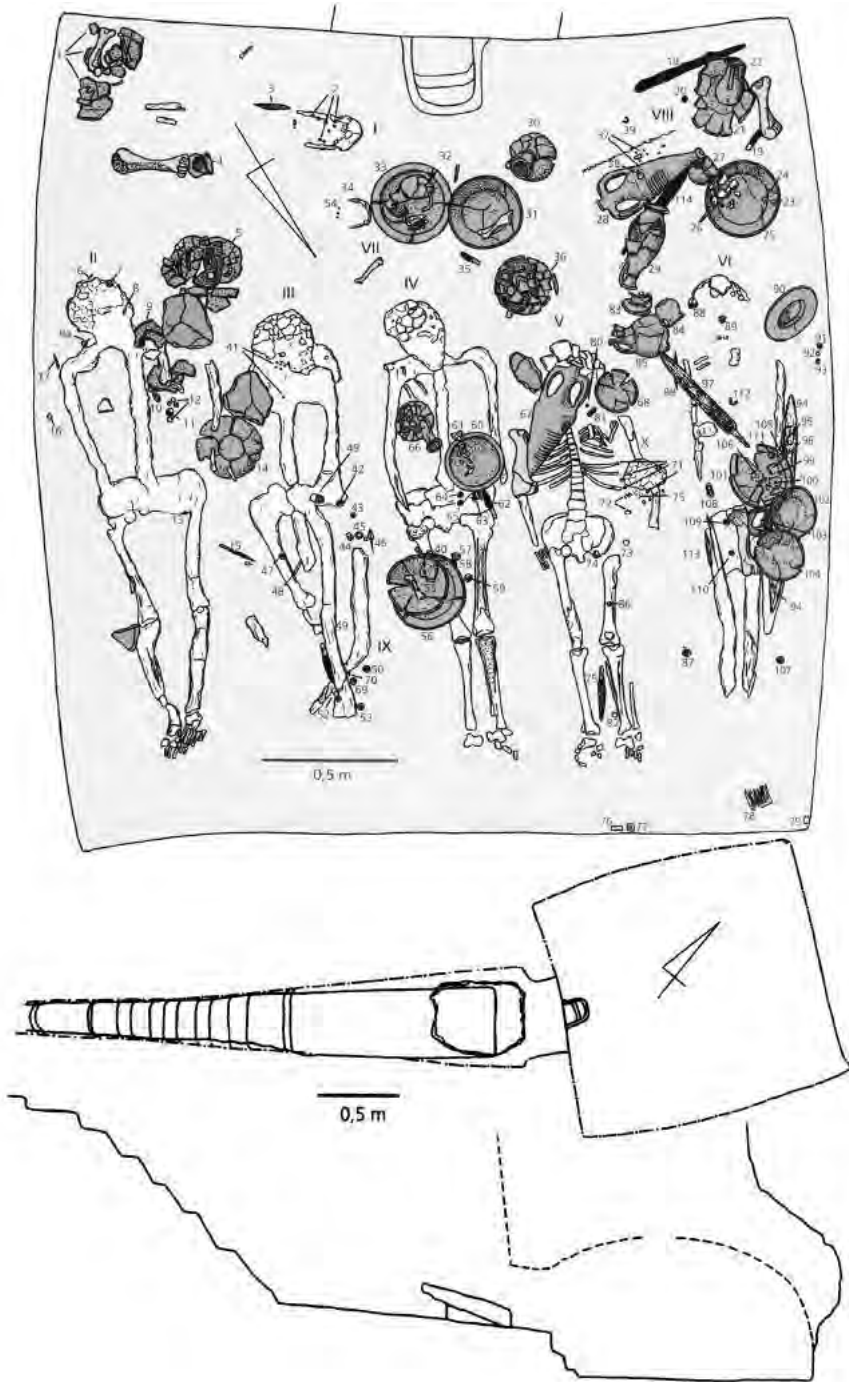

Рис. 37. Могильник Сувду-Кая, склеп 10. Конструкция склепа и план камеры с погребениями [по Masyakin, Voloshinov, Nenevilja, 2013, S. 376, Abb. 7]

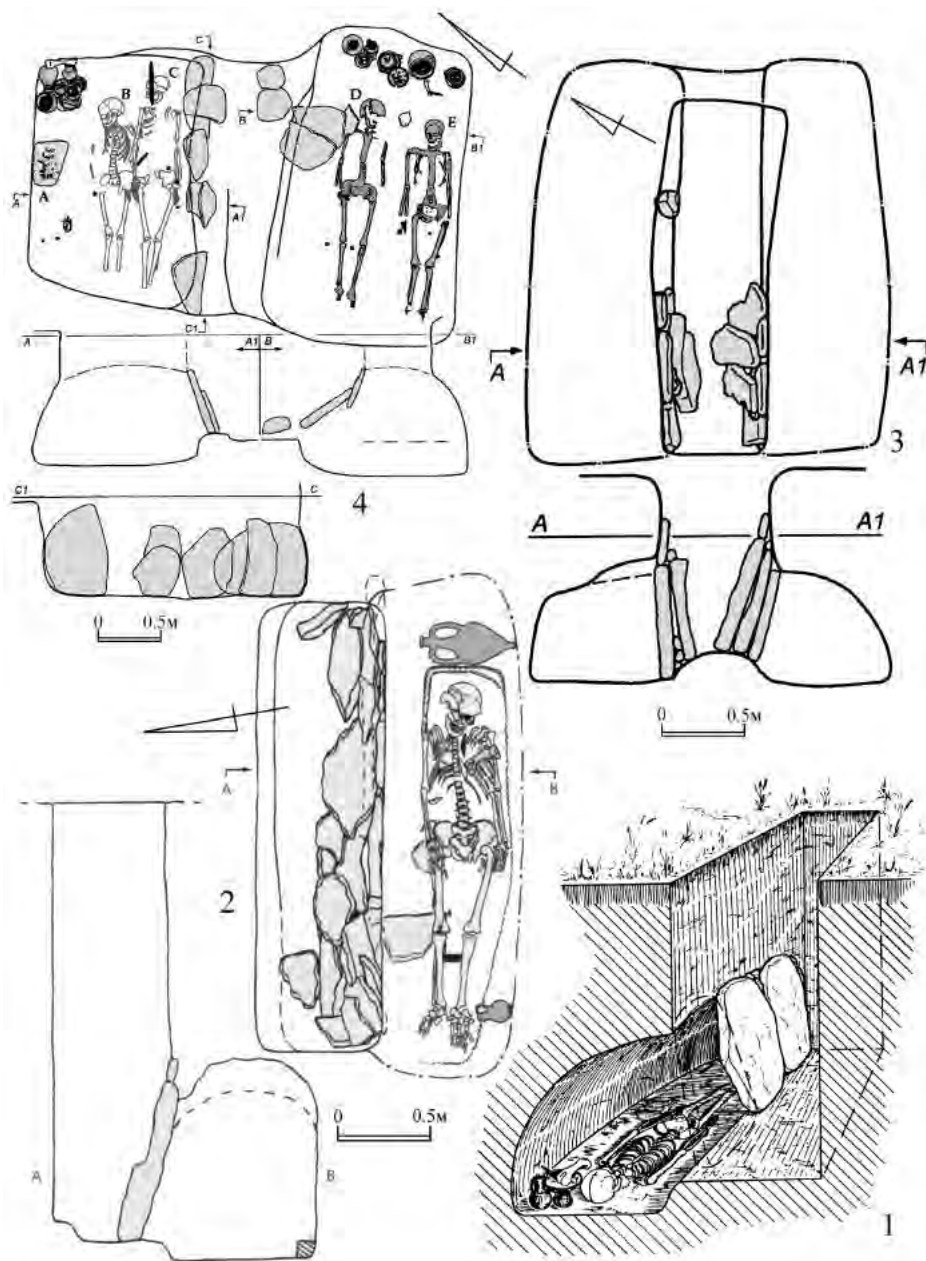

Рис. 38. Подбойные могилы из некрополей второй половины III-IV вв. Юго-Западного Крыма.
 1 – схема конструкции подбойной могилы; 2 – Сувлу-Кая, могила 4;
 3,4 – Дружное (3 – могила 37; 4 – могила 73).
 [1 – по Храпунов, 1999, Abb. 12; 2 – по Masyakin, Voloshinov, Nenevilja, 2013, S. 373, Abb. 2; 3,4 – по Храпунов, 2002, рис. 10, IV; 55]

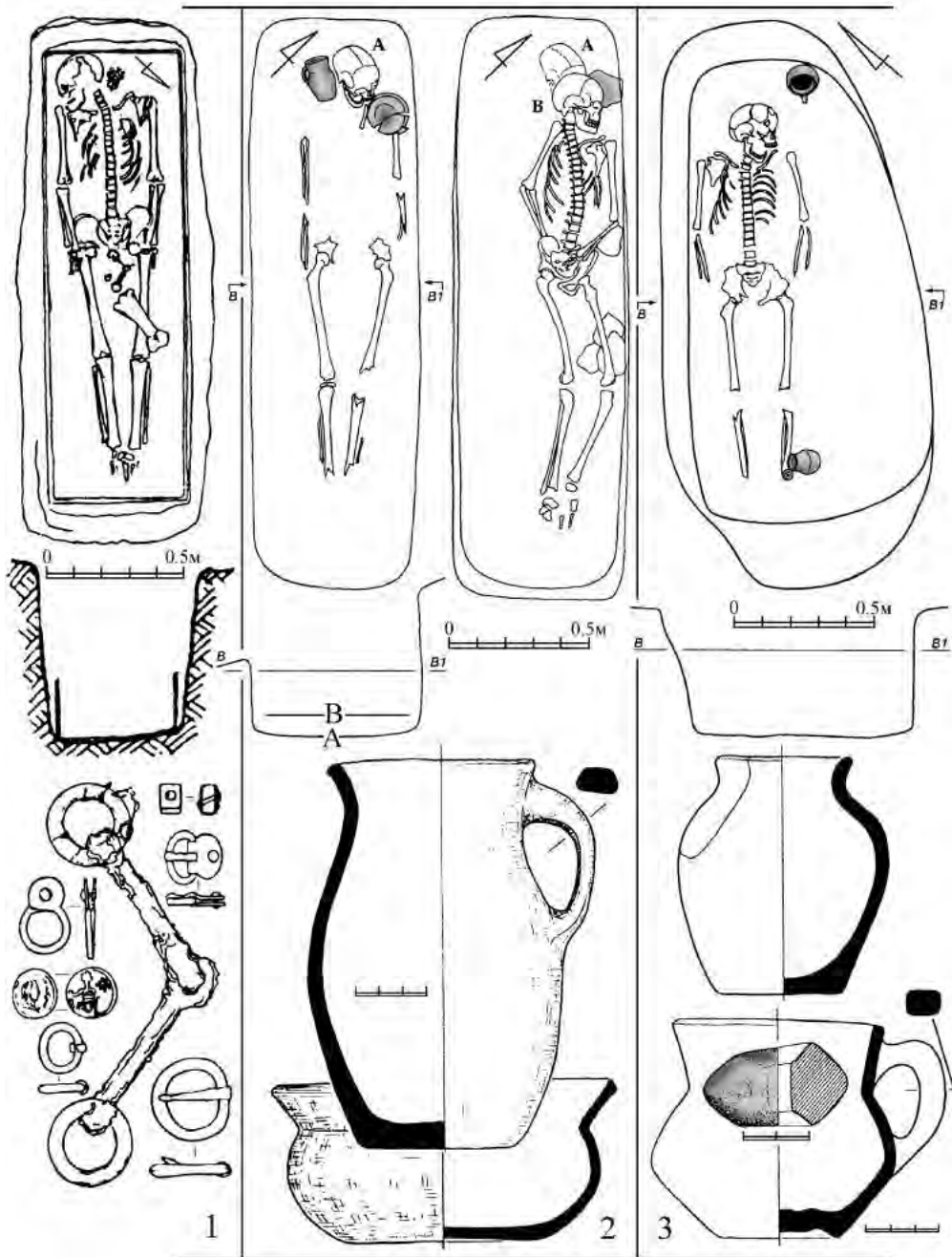

Рис. 39. Грунтовые могилы из некрополей второй половины III-IV вв.
Юго-Западного Крыма.

1 – Суворово, могила 5; 2,3 – Дружное (2 – могила 48; 3 – могила 68).
[1 – по Зайцев, 1997, рис. 58, 5; 2,3 – по Храпунов, 2002, рис. 37; 53; 131, 3,4; 157, 1-3]

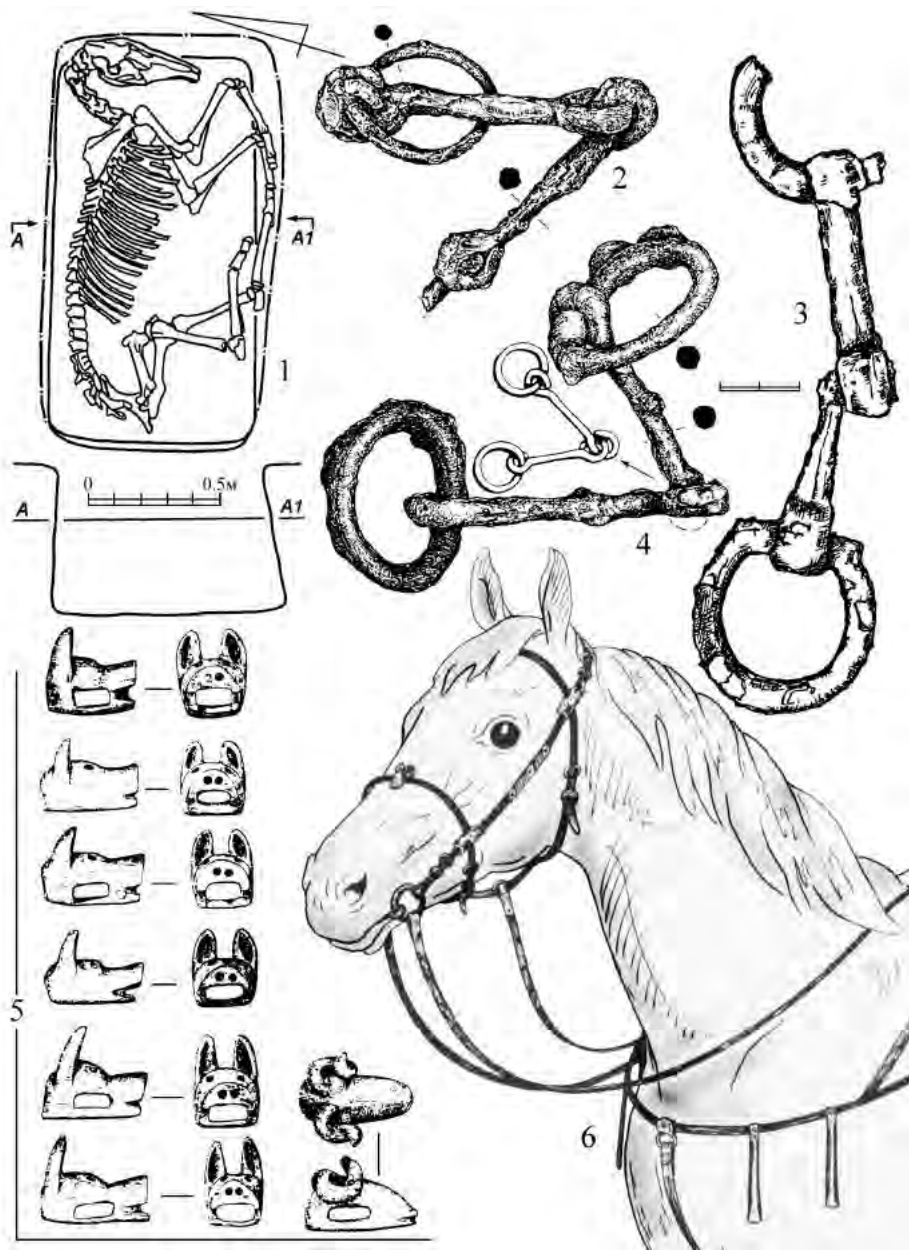

Рис. 40. Погребение коня и детали конской сбруи второй половины III-IV вв. из могильников Дружное и Нейзац.

1-4 – Дружное (1 – могила 71; 2 – склеп 69; 4 – склеп 21; 3 – склеп 1);
 5,6 – Нейзац, склеп 17 (5 – пронизи для сбруйных ремней в виде голов животных;
 6 – реконструкция конской сбруи, автор – С. А. Мульд).

[1,2,4 – по Храпунов, 2002, рис. 44, II; 101, 4; 169, 16; 3 – по Айбабин, 1994/1995,
 рис. 3, 1; 5,6 – по Храпунов, Мульд, 2004, рис. 6; 11]

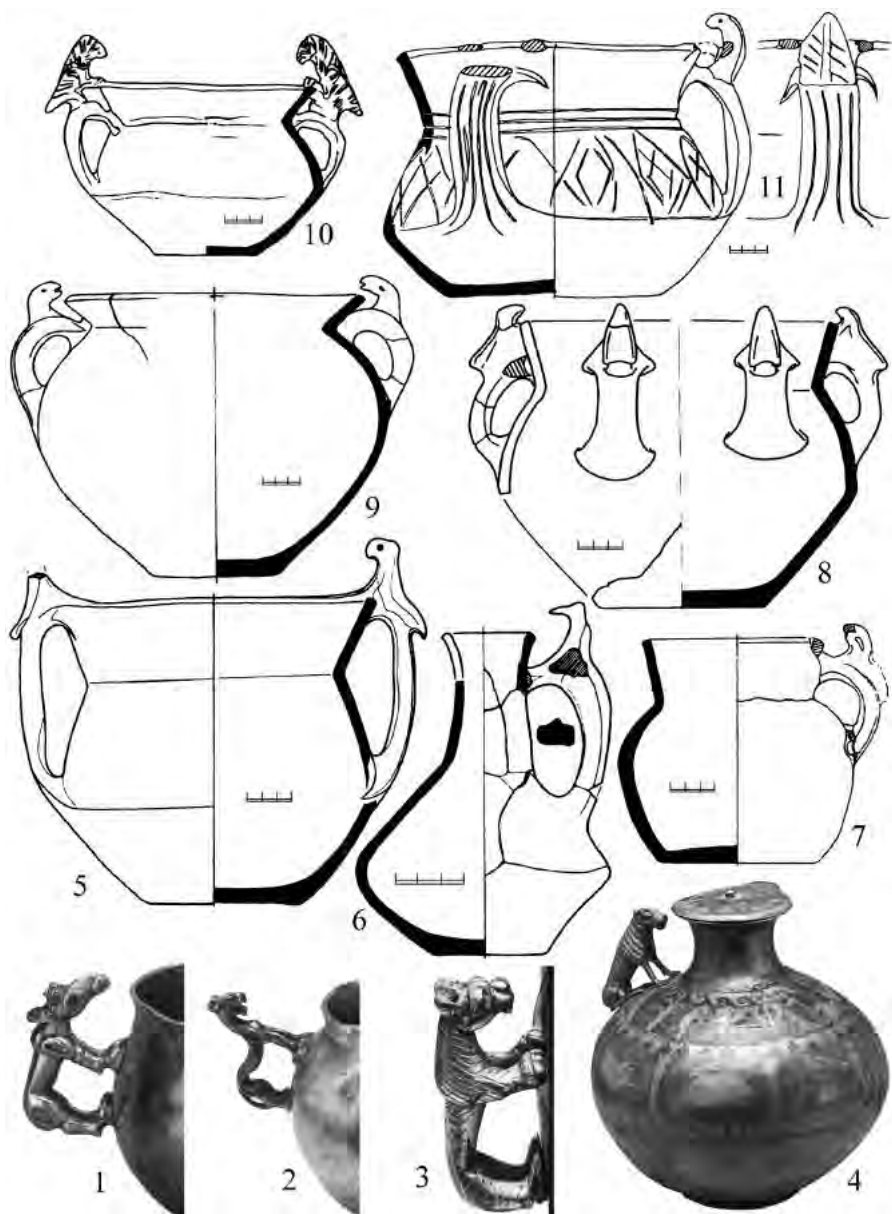

Рис. 41. Сарматские металлические сосуды с ручками в форме животных I в. н. э. (1-4) и лепные сосуды с зооморфными ручками второй половины III-IV вв. из могильников Юго-Западного Крыма (5-11).

1 – курган Хохлач, тайник 4; 2,4 – Высочино VII, курган 28, тайник 2;
 3 – Ново-Александровка-I, курган 11, тризна; 5,6,11 – Дружное (5,11 – склеп 87; 6 – склеп 4);
 7-10 – Нейзац (7 – скопление сосудов VI; 8 – могила 80; 9 – могила 9; 10 – склеп 301)
 [1-4 – по Сокровища сарматов, 2008, Кат. № 29, 41, 43, 45; 5,6,11 – по Храпунов, 2002, рис. 74, 8;
 209, 2; 211, 12; 7-10 – по Храпунов, 2011, рис. 10, 1,3,4; 11, 4]

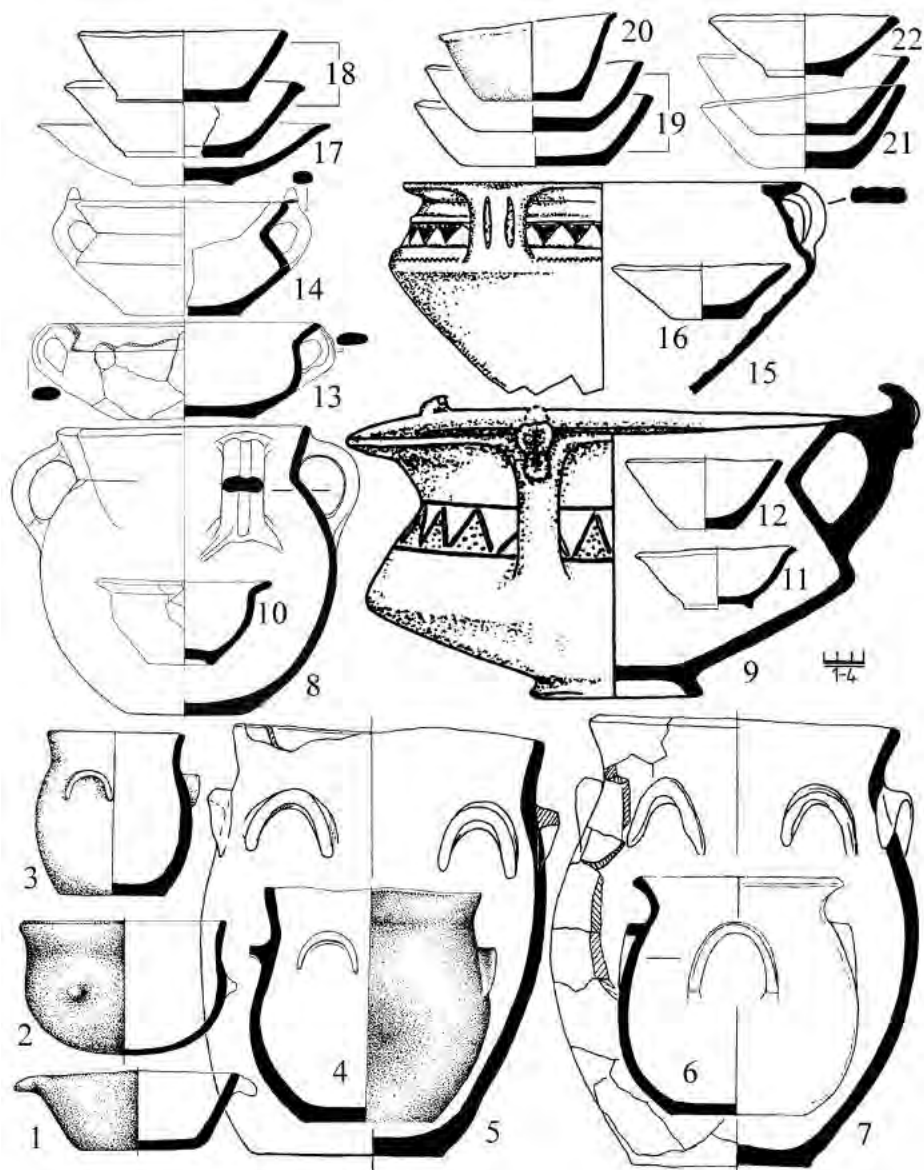

Рис. 42. Лепная керамика второй половины III-IV вв.
из могильников Юго-Западного Крыма.

1,2 – Черная речка (1 – склеп 6; 2 – могила 35); 3 – Вишиное, могила 3;
4,5,7,10-14,16-22 – Дружное (4 – склеп 1; 5,7,17,21 – склеп 87; 10,13,14 – склеп 82;
11,12,18,19,22 – скопление сосудов около склепа 39); 6,20 – Суворово (6 – склеп 53;
20 – склеп 47); 8 – Нейзац, склеп 4; 9,15 – Краснозорье, склеп 22.

[1,2,4 – по Айбабин, 1999, табл. VII, 4,5; XI, 2; 3,20 – по Пуздровский и др., 2001, рис. 9, 9;
12, 13; 5,7,10-14,16-22 – по Храпунов, 2002, рис. 125; 192, 1,3,10; 210, 2,4; 6 – по Зайцев,
Мордвинцева, 2003, рис. 9, 3; 9,15 – по Неневоля, Волошинов, 2001, рис. 5, 1; 6]

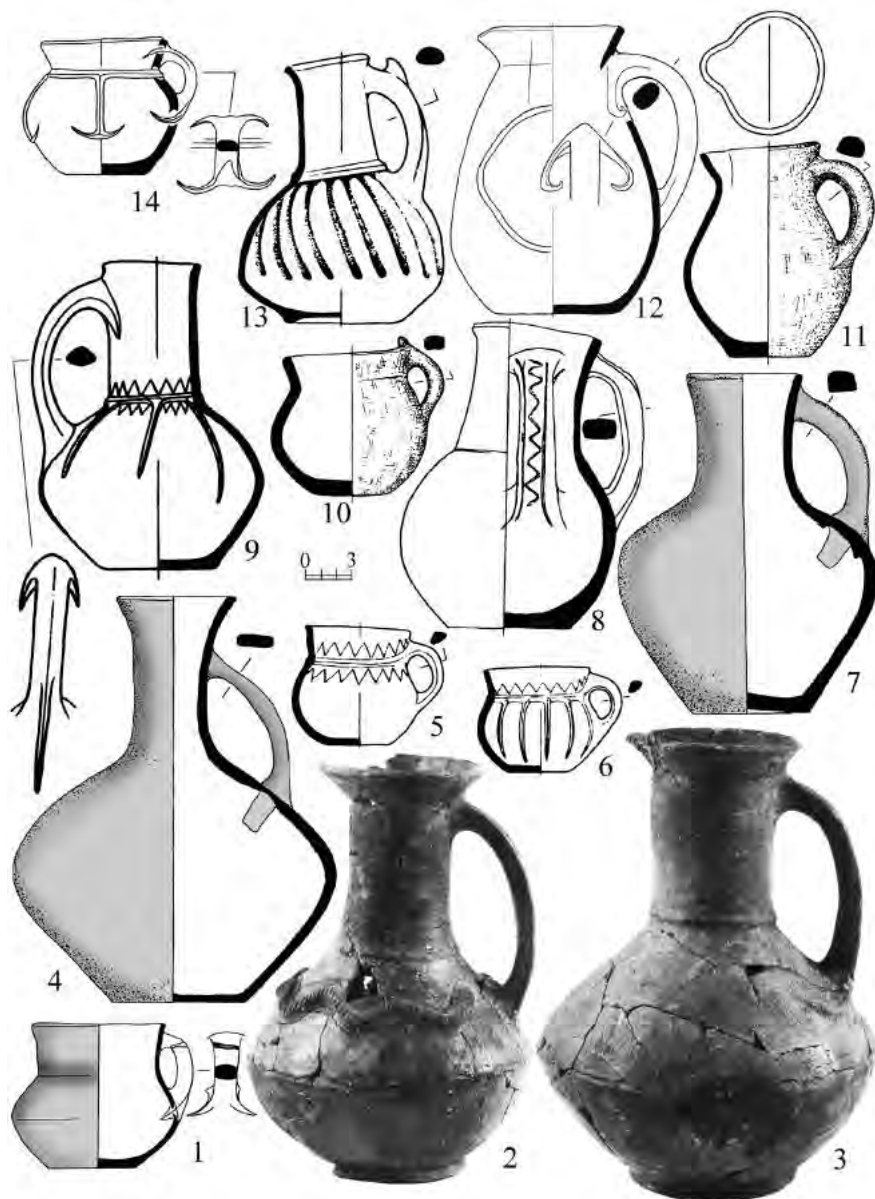

Рис. 43. Лепная керамика из могильников второй половины III-IV вв. Юго-Западного Крыма.

1,8,10,11,13,14 – Дружное (1,14 – склеп 73; 8 – склеп 87; 10,11 – подбойная могила 61; 13 – склеп 58); 2,3 – Сувлу-Кая, склеп 10; 4,7 – Вишинеево, склеп 1; 5,6,9,12 – Нейзац (5,6,9 – яма с сосудами №1; 12 – склеп 4).
 [1,8,10,11,13,14 – по Храпунов, 2002, рис. 136, 4; 150, 3,4; 172, 2,5; 210, 1; 2,3 – по Masyakin, Voloshinov, Neneviĭja, 2013, S. 379; 4,7 – по Пуздровский и др., 2001, рис. 10, 3,9; 5,6,9,12 – по Храпунов, 2011, рис. 11, 5,6,11]

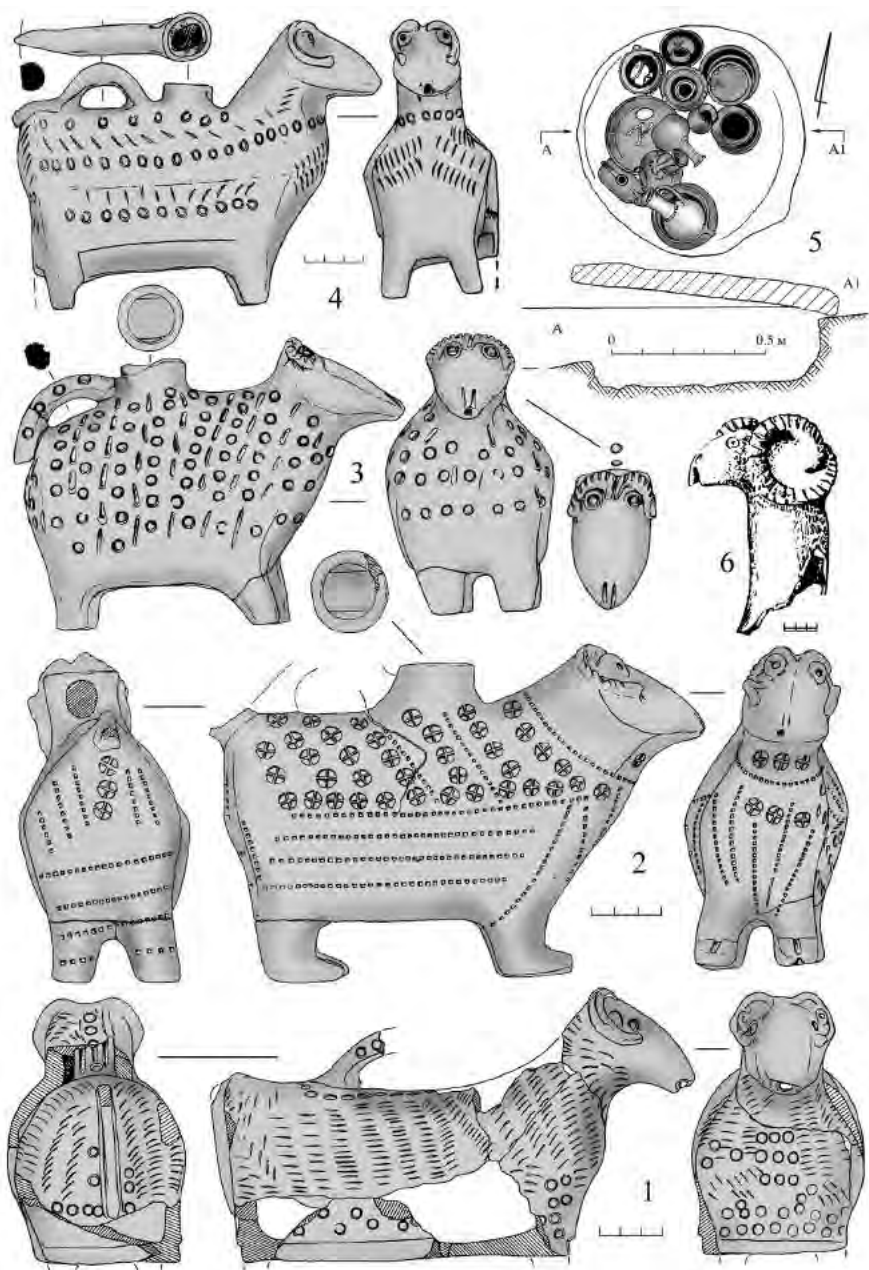

Рис. 44. Лепные сосуды IV в. в виде барана из могильника Нейзац (1-4) и фрагмент подобного сосуда первых веков н. э. из Восточного Приаралья (6).

1-5 – Нейзац (1 – склеп 19; 2 – могила 2; 3 – яма с сосудами 2; 4 – подобная могила 238; 5 – яма с сосудами 2, план и разрез к плану); 6 – Восточное Приаралье, джетыясарская культура, городище Бедаик-асар, раскоп II. [1-5 – по Храпунов, 2007, рис. 4-6; 6 – по Левина, 1996, с. 244, 359, рис. 164, 9]

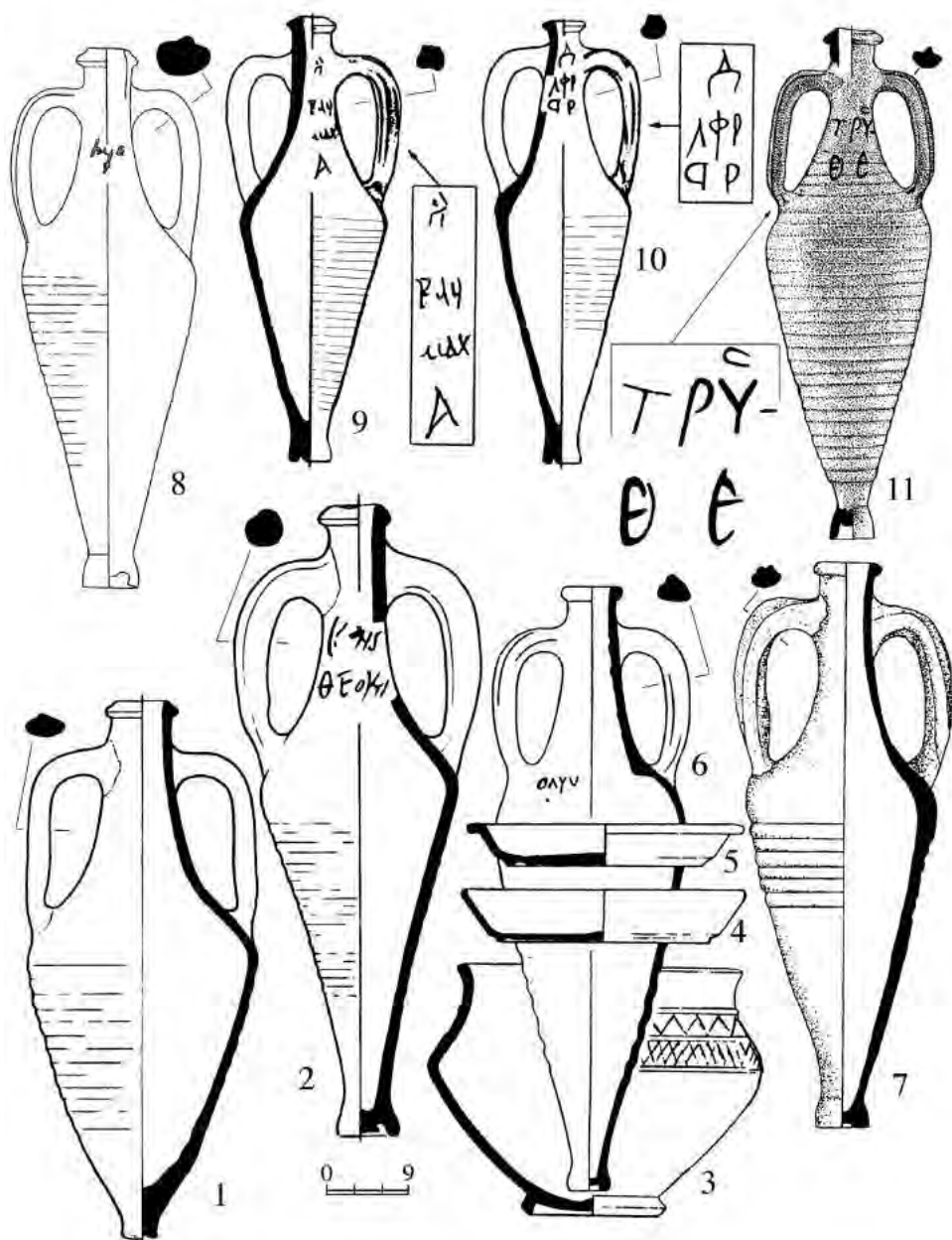

Рис. 45. Амфоры и гончарная посуда из могильников второй половины III-IV вв. с ингумациями из Юго-Западного Крыма. 1,2,9,10,11 – Дружное (1 – склеп 21; 2 – склеп 84; 9,10 – склеп 3; 11 – склеп 1); 3-7 – Суворово (3-6 – склеп 30; 7 – склеп 47); 8 – Тас-Тепе, склеп 6. [1,2,9,10 – по Храпунов, 2002, рис. 70, 11,12; 99, 4; 194, 2; 3-6 – по Зайцев, 1997, рис. 64; 7,8 – по Пуздровский и др., 2001, рис. 6, 2; 11 – по Айбабин 1994/1995, рис. 20]

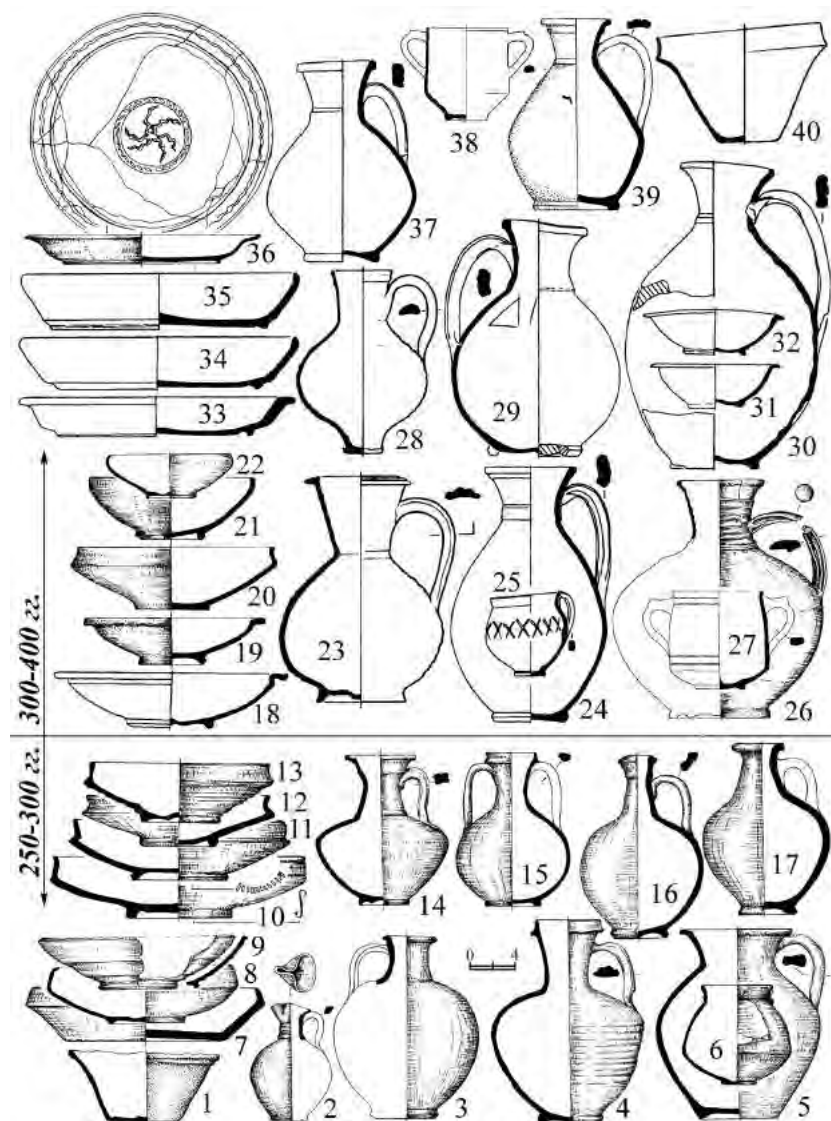

Рис. 46. Краснолаковая керамика из могильников второй половины III-IV вв. с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

- 1,6,8,9,13,18,22,24-26,28-35,37,38,40 – Дружное (1,13,22 – склеп 1; 6,8,9 – могила 2; 18,24,25,29-35,37 – склеп 3; 23,38 – склеп 21; 28 – склеп 18; 40 – склеп 58); 2-5,7,10-12,14-17,19-21,36 – Черная Речка (2 – могила 54; 3,12 – склеп 6; 4 – могила 58; 5 – могила 89; 7 – могила 18; 10 – могила 87; 11 – могила 68; 14 – могила 61; 15 – могила 57; 16,21 – могила 86; 17 – могила 82; 19 – могила 1; 20 – могила 2; 36 – склеп 34/1989); 27 – Тас-Тепе, склеп 10; 39 – Суворово, склеп 47. [1-17,19-22,26,36 – по Айбабин, 1999, табл. V-VIII; XII; XVII; 23-25,28-35, 37,38,40 – по Храпунов, 2002, рис. 69, 1-12; 88, 6; 98, 7; 99, 2; 139, 13; 27,39 – по Пузоровский и др., 2001, рис. 7,12; 9,3]

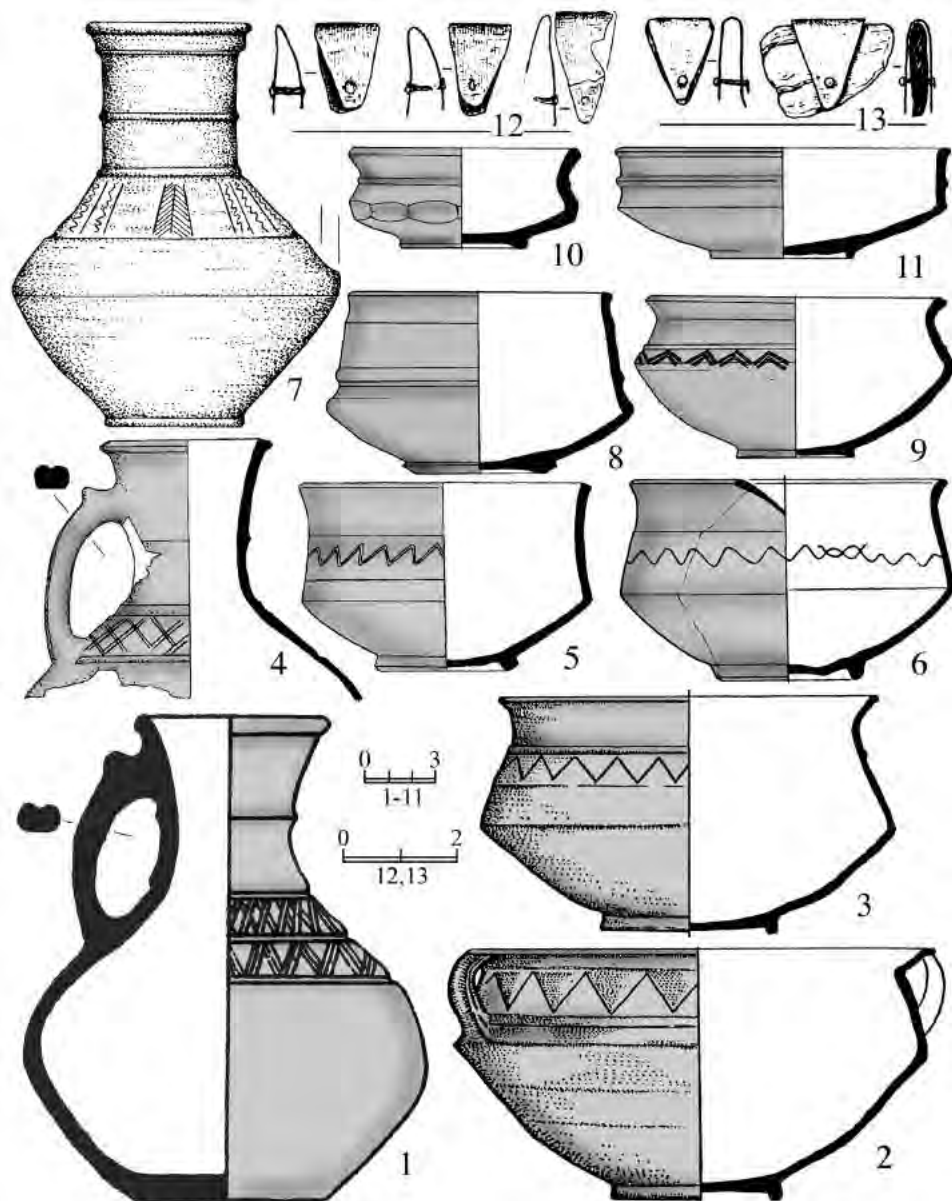

Рис. 47. Сероглиняная керамика (1-11) и бронзовые оковки деревянных сосудов (12,13) из могильников второй половины III-IV вв. с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

1 – Озерное, склеп 1; 2,3 – Инкерман (2 – могила 37); 4 – Красная Заря, могила 37; 5 – Тас-Тепе, склеп 10; 6,12,13 – Дружное (6 – склеп 85; 12 – склеп 64; 13 – склеп 9); 7 – Черная Речка, могила 35; 8-11 – Нейзац.

[1 – по Лобода, 1977, рис. 5, 13; 2,3,7 – по Айбабин, 1990, рис. 6, 1,8,11; 4,5 – по Пуздровский и др., 2001, рис. 2, 21; 7, 1; 6,12,13 – по Храпунов, 2002, рис. 80, 5,6; 155, 11,13,15; 205, 12; 8-11 – по Храпунов, 2011, рис. 18, 4-7]

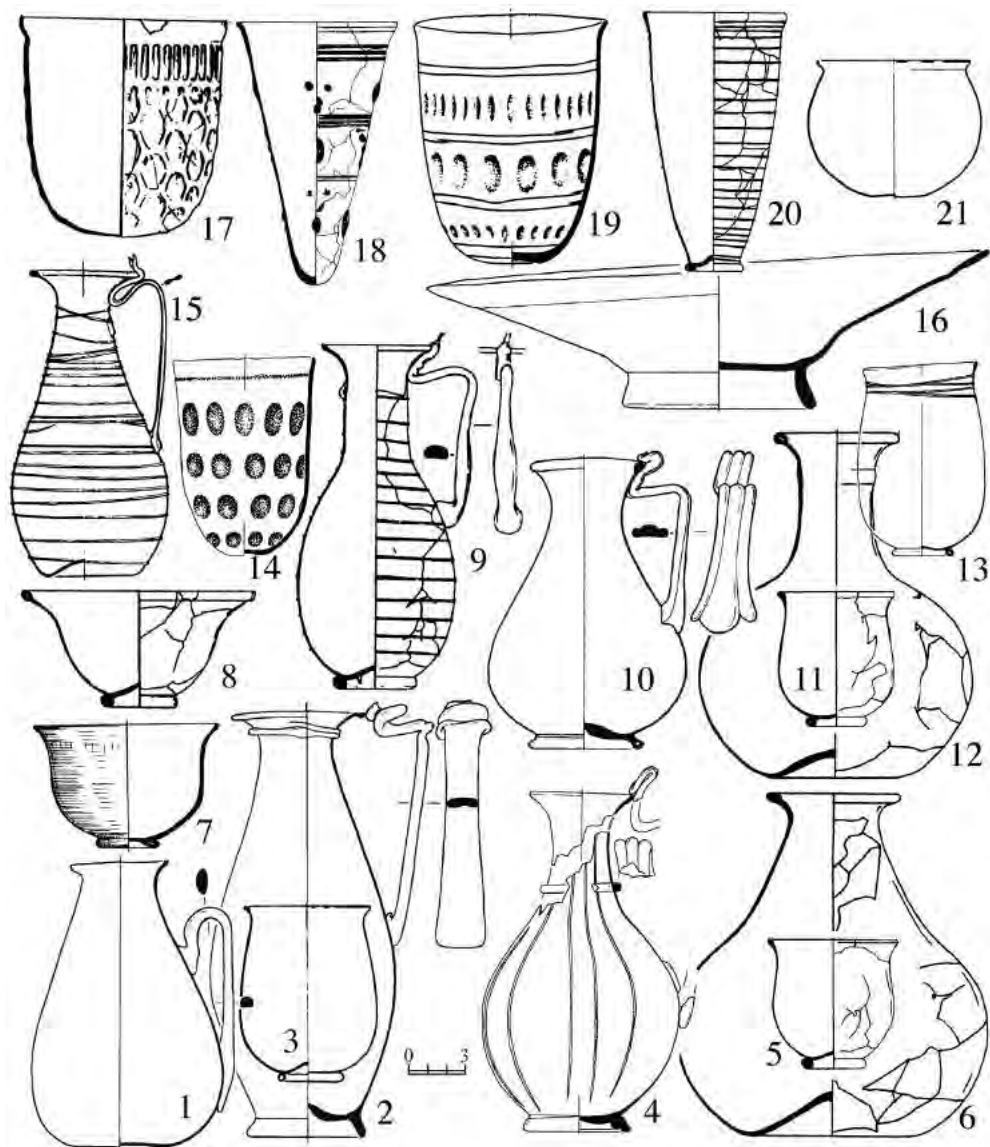

Рис. 48. Стеклянная посуда второй половины III – первой половины V вв. из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

1,2,10,16 – Нейзац, склеп 4; 3,4,13-15,19,21 – Дружное (3,21 – склеп 21; 4,13,14 – склеп 3; 15 – подбойная могила 5; 19 – склеп 78); 5,6,8,9,11,12, 17,18,20 – Суворово (5,6,11,12 – склеп 52; 8,9,20 – склеп 53; 17 – склеп 30; 18 – склеп 54); 7 – Озерное, склеп 1.

[1,2,10,16 – по Храпунов, 2011, рис. 20; 3,4,13-15,19,21 – по Храпунов, 2002, рис. 71, 13-16; 77, 14; 99, 8,9; 181, 5; 5,6,8,9,11,12,18,20 – по Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 5, 7,8,10,11; 8, 11,12,15; 10, 17; 7 – по Айбабин, 1999, табл. XV, 3; 17 – по Зайцев, 1997, рис. 64]

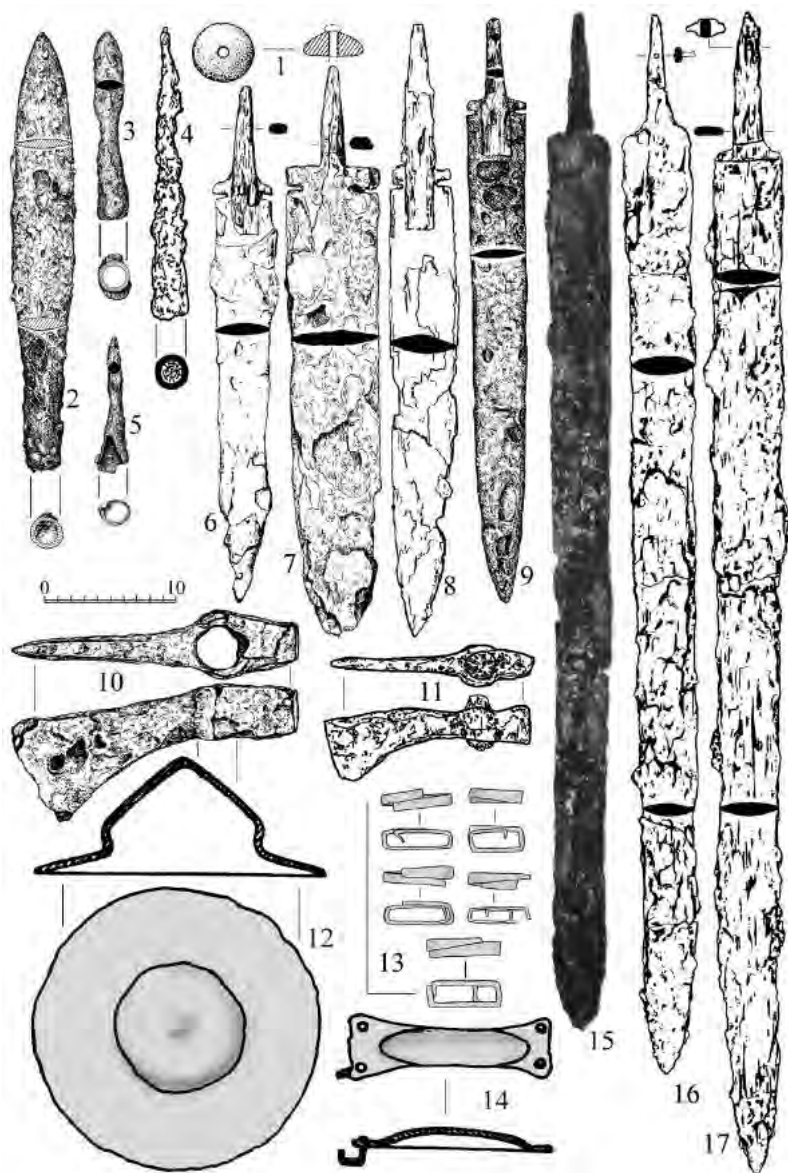

Рис. 49. Оружие второй половины IV в.
из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.
1,2,3,5,7,9,10 – Дружное (1,7,10 – склеп 3; 2,3,5 – склеп 58; 9 – склеп 87);
4,6,11 – Килен-Балка, склеп 3; 8 – Суворово, склеп 30; 12-14 – Озерное, склеп 2;
15 – Сувду-Кая, склеп 10; 16,17 – Нейзац, склеп 275.
[1,2,3,5,7,9,10 – по Храпунов, 2002, рис. 72, 1,3,8; 142, 3,8; 144, 9; 212, 6;
4,6,11 – по Контны, Савеля, 2006, рис. 5,1,2; 7, 1; 8 – по Зайцев, 1997, рис. 64;
12-14 – по Лобода, 1977, рис. 6, 21,22; 7, 1-5; 15 – по Masyakin, Voloshinov, Nenevilja,
2013, S. 377; 16,17 – по Храпунов, 2011, рис. 26, 1,2]

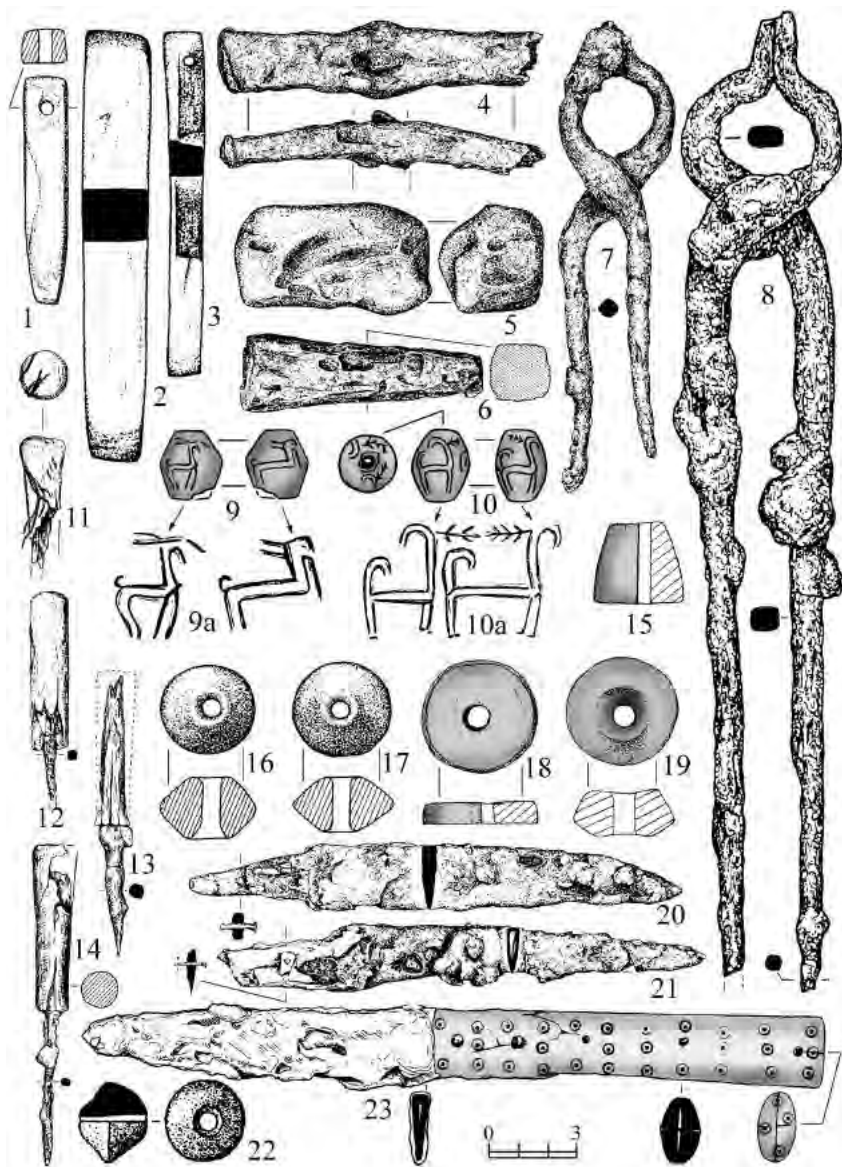

Рис. 50. Орудия труда второй половины III-IV в. из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

1-8, 11-21 – Дружные (1, 16, 17 – склеп 58; 2, 3 – склеп 3; 4-8 – склеп 78; 11, 13, 14 – склеп 21; 15, 18, 19 – подбойная могила 15; 20, 21 – склеп 87); 9, 10 – Черная Речка (9 - подбойная могила 71; 10 – подбойная могила 45); 22 – Тас-Тепе, склеп 6; 23 – Нейзац, могила 308.

[1-8, 11-21 – по Храпунов, 2002, рис. 71, 11, 12; 84, 12, 15, 17; 100, 3, 4, 7; 144, 1, 2, 5; 183; 184, 4; 213, 1, 4; 9, 10 – по Бабенчиков, 1963, табл. VIII, 7, 8; 22 – по Пуздровский и др., 2001, рис. 5, 1; 23 – по Храпунов, 2011, рис. 38, 1]

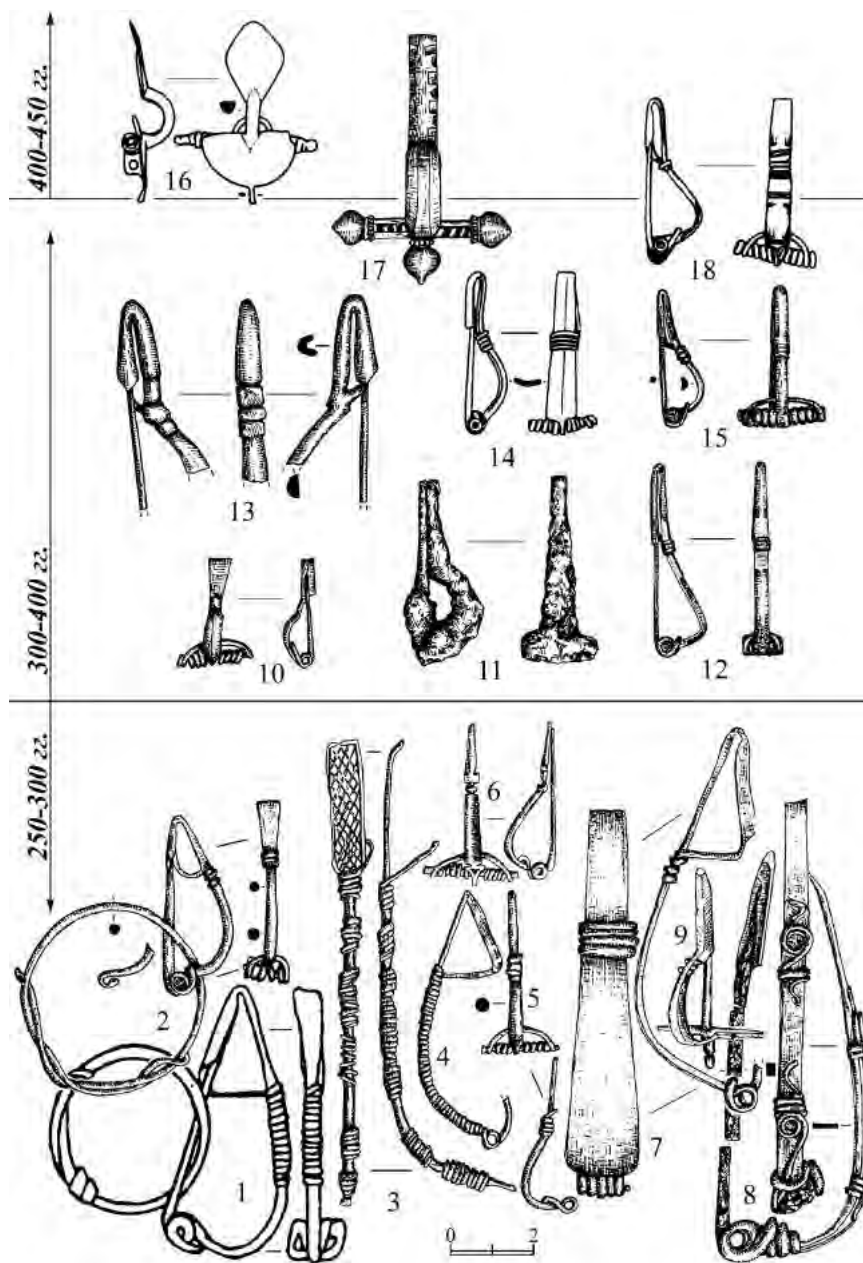

Рис. 51. Фибулы второй половины III – первой половины V вв. из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

1 – Суворово; 2-5,7-9 – Черная Речка; 6,11-13,15 – Дружное; 10,17 – Инкерман; 14,16,18 – Нейзац.

[1 – по Зайцев, 1997; 2-5,7-10,17 – по Айбабин, 1999;

6,11,13 – по Айбабин, 1994/1995; 12,15 – по Храпунов, 2001; 14,16,18 – по Храпунов, 2011]

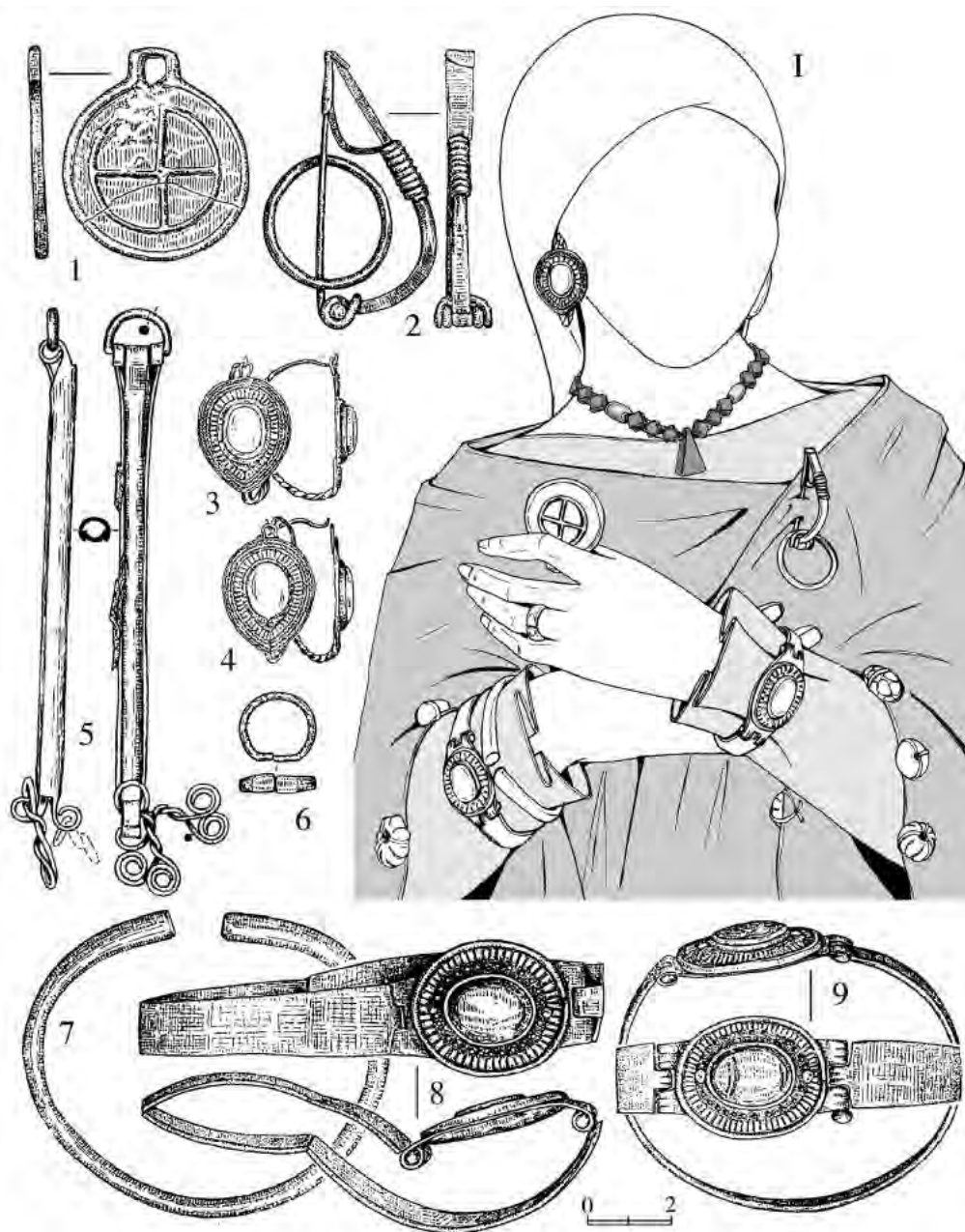

Рис. 52. Могильник Дружное. Подбойная могила 24 второй половины III в.
Погребальный инвентарь (1-9) и реконструкция одеяния погребенной (I).
[1-9 – по Храпунов, 2001, рис. 108; 109; I – реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]

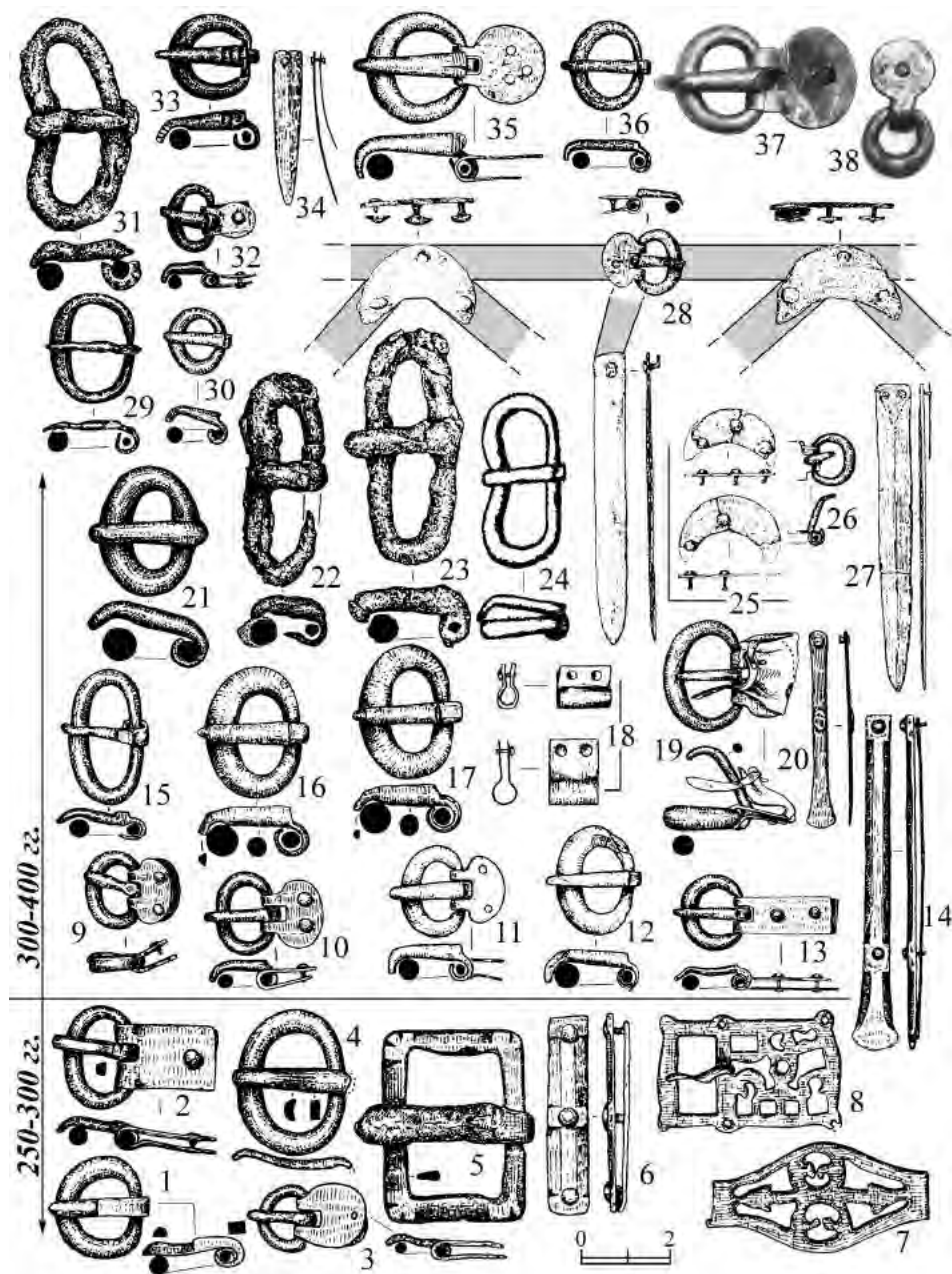

Рис. 53. Пряжки второй половины III – первой половины V вв. из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.
 1-6,9-23,25-36 – Дружное; 7,8 – Черная речка; 24 – Килен-Балка; 37,38 – Сузлу-Кая.
 [1-6,9-23,25-36 – по Храпунов, 2002; 7,8 – по Айбабин, 1999;
 24 – по Контны, Савеля, 2006; 28 – реконструкция Э. А. Хайрединовой;
 37,38 – по Masyakin, Voloshinov, Nenevilja, 2013]

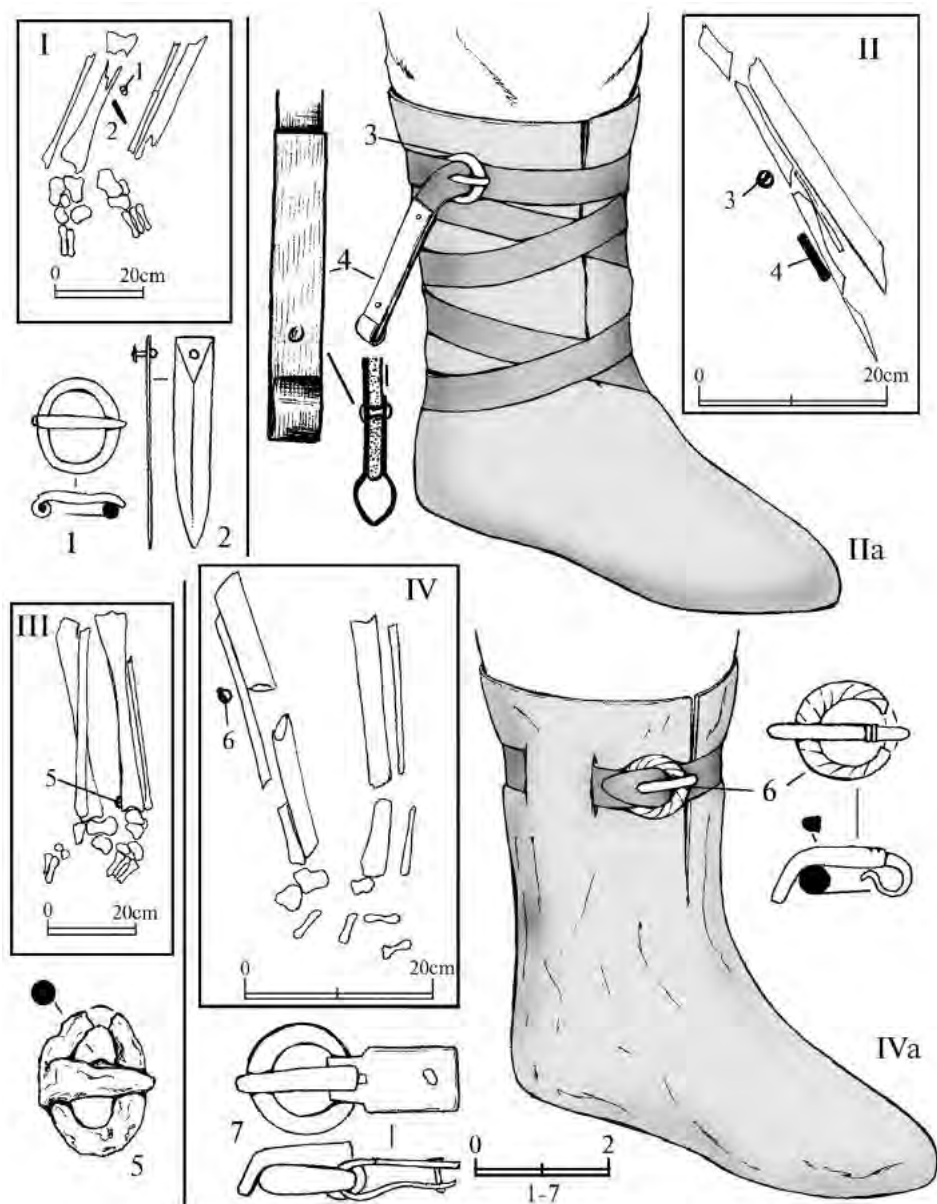

Рис. 54. Металлические детали обуви IV в. (1,2,5) и обувные наборы первой половины V в. (3,4,6,7) из Юго-Западного Крыма.
I-IV – расположение деталей в погребениях;
IIa, IVa – варианты реконструкции обуви; **1,2,5,I,III** – Дружное, склеп 87 (**1,2,I** – погребение С; **5,III** – погребение А); **3,4,6,7,II,IV** – Лучистое (**3,4,II** – склеп 100, костяк 16; **6,IV** – склеп 88, костяк 4; **7** – склеп 54a, костяк 1).
 [1,2,5,I,III – по Храпунов, 2002, рис. 66; 211, 3,4; 213,7;
IIa, IVa – реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]

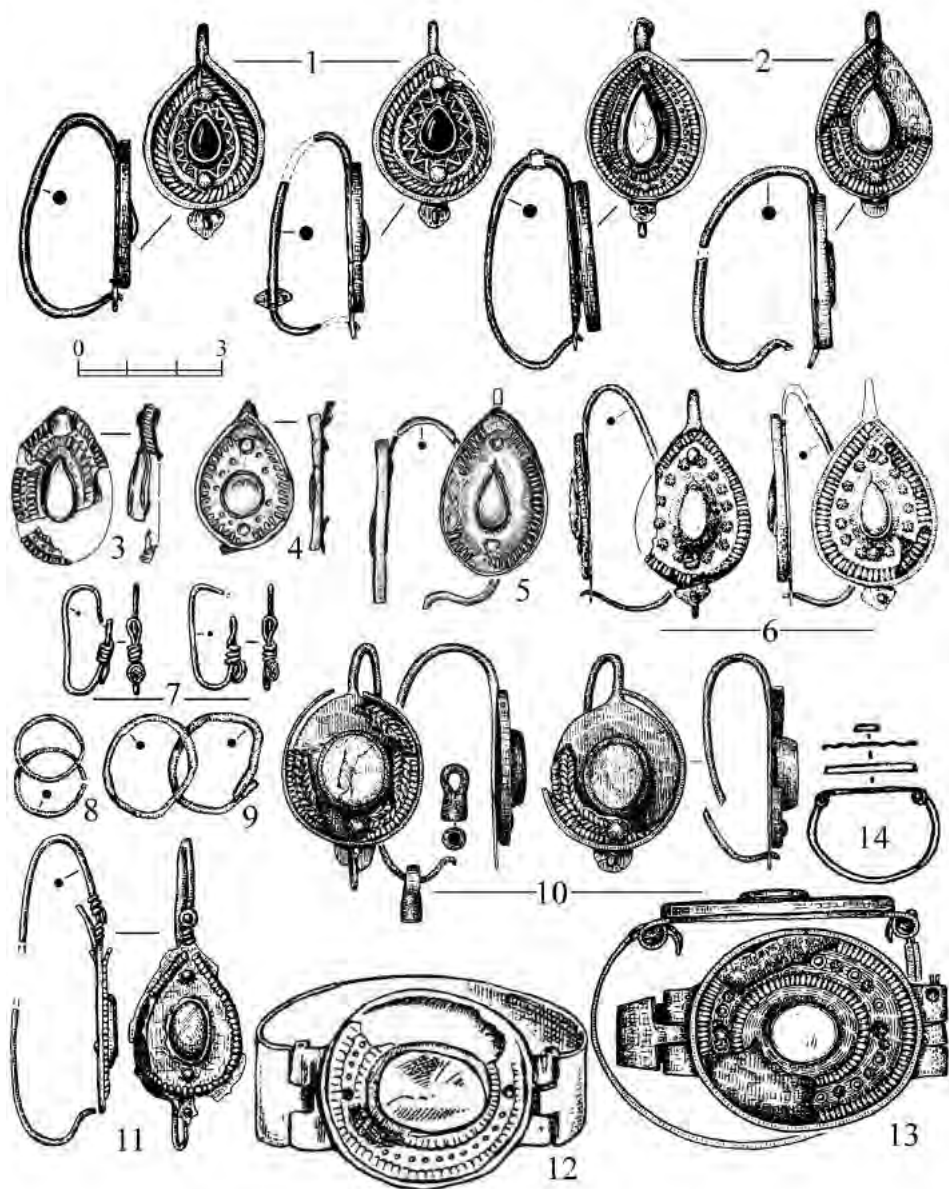

Рис. 55. Серьги и браслеты из могильников с ингумациями второй половины III-IV вв. из Юго-Западного Крыма.
 1,2,6-9,11,13,14 – Дружное (1,2 – склеп 21; 6 – склеп 85; 7 – склеп 9; 8 – склеп 58; 9 – склеп 84; 11 – склеп 1; 13 – склеп 18);
 3-5,12 – Черная Речка, могила 35; 10 – Ней-зац, склеп 4.
 [1,2,6-9,13,14 – по Храпунов, 2002, рис. 80, 2,3; 89, 1; 103, 4,5; 104, 5,6; 143, 28; 200, 30,31; 206, 19,20; 3-5,12 – по Храпунов, Стоянова, 2016; 10 – по Храпунов, 2011, рис. 48, 1,2; 11 – по Айбабин, 1994/1994, рис. 6,1,2]

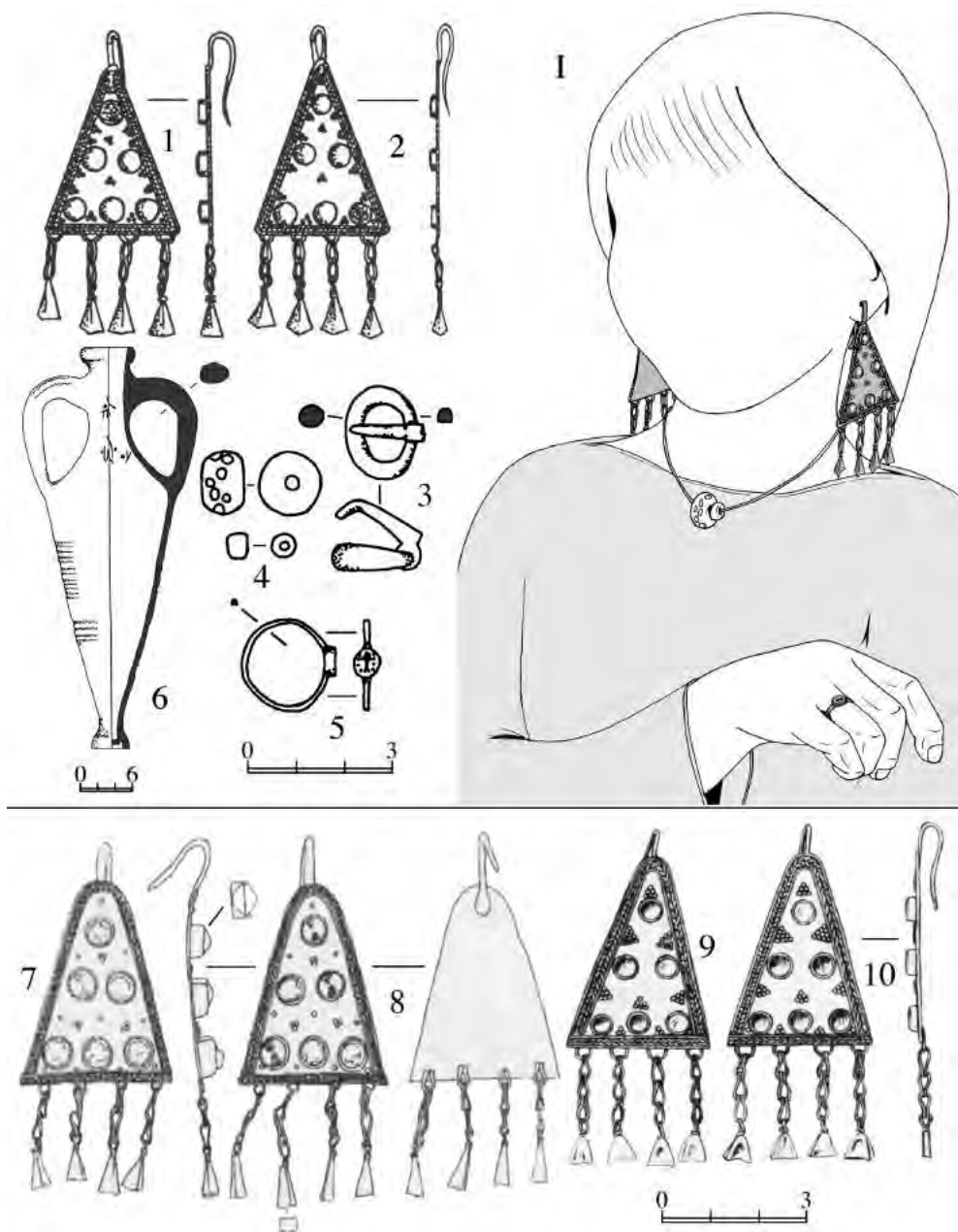

Рис. 56. Золотые серьги с треугольным щитком второй половины IV – начала V вв. из могильников с ингумациями из Юго-Западного Крыма.

1,1-5 – Красная Заря, склеп 22 (1-5 – инвентарь погребения 2; I – реконструкция убора погребенной); 7,8 – Суворово, склеп 51; 9,10 – Нейзац, склеп 275. [1-5 – по Неневоля, Волошинов, 2001, рис. 4; I – реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой; 7,8 – по Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 3, 1,2; 9,10 – по Храпунов, 2011, рис. 48, 5,6]

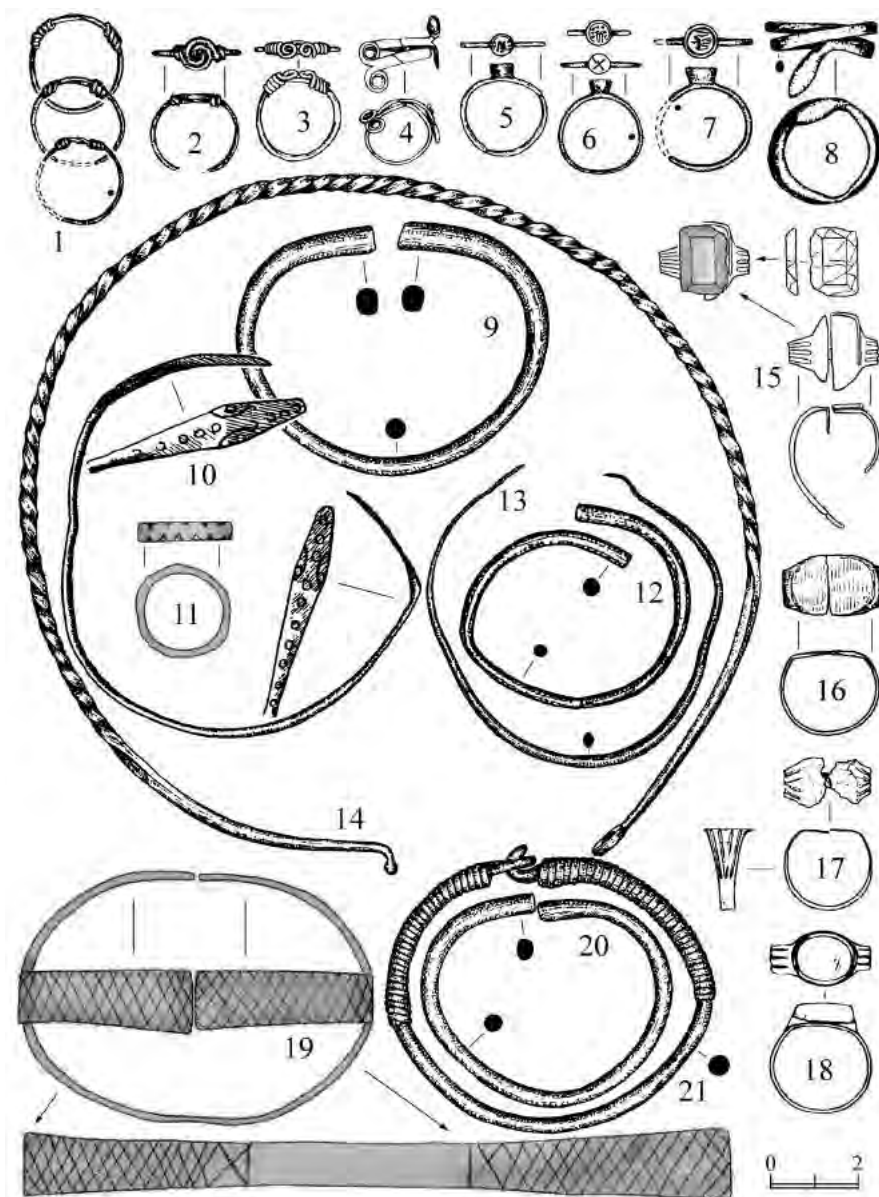

Рис. 57. Украшения из могильников с ингумациями второй половины III-IV вв. из Юго-Западного Крыма.

1-3,5-7,9,10,12-14,16,17,20,21 – Дружное (1,7 – склеп 18; 2 – склеп 69;
 9,12,14,16,20,21 – подбойная могила 20; 13 – склеп 87; 3,5,17 – склеп 4; 6 – склеп 27;
 10 – подбойная могила 2; 13 – склеп 87);
 4,8,15,18 – Нейзац; 11,19 – Черная Речка, могила 35.

[1-3,5-7,9,10,12-14,16,17,20,21 – по Храпунов, 2002, рис. 75, 5,14,44; 92, 9,11;
 95, 3,4,6,10; 114, 32,33,35; 169, 7; 211, 10; 4,8,15,18 – по Храпунов, 2011, рис. 45;
 10 – по Айбабин, 1994/1995, рис. 26, 1; 11,19 – по Храпунов, Стоянова, 2016, рис. 9]

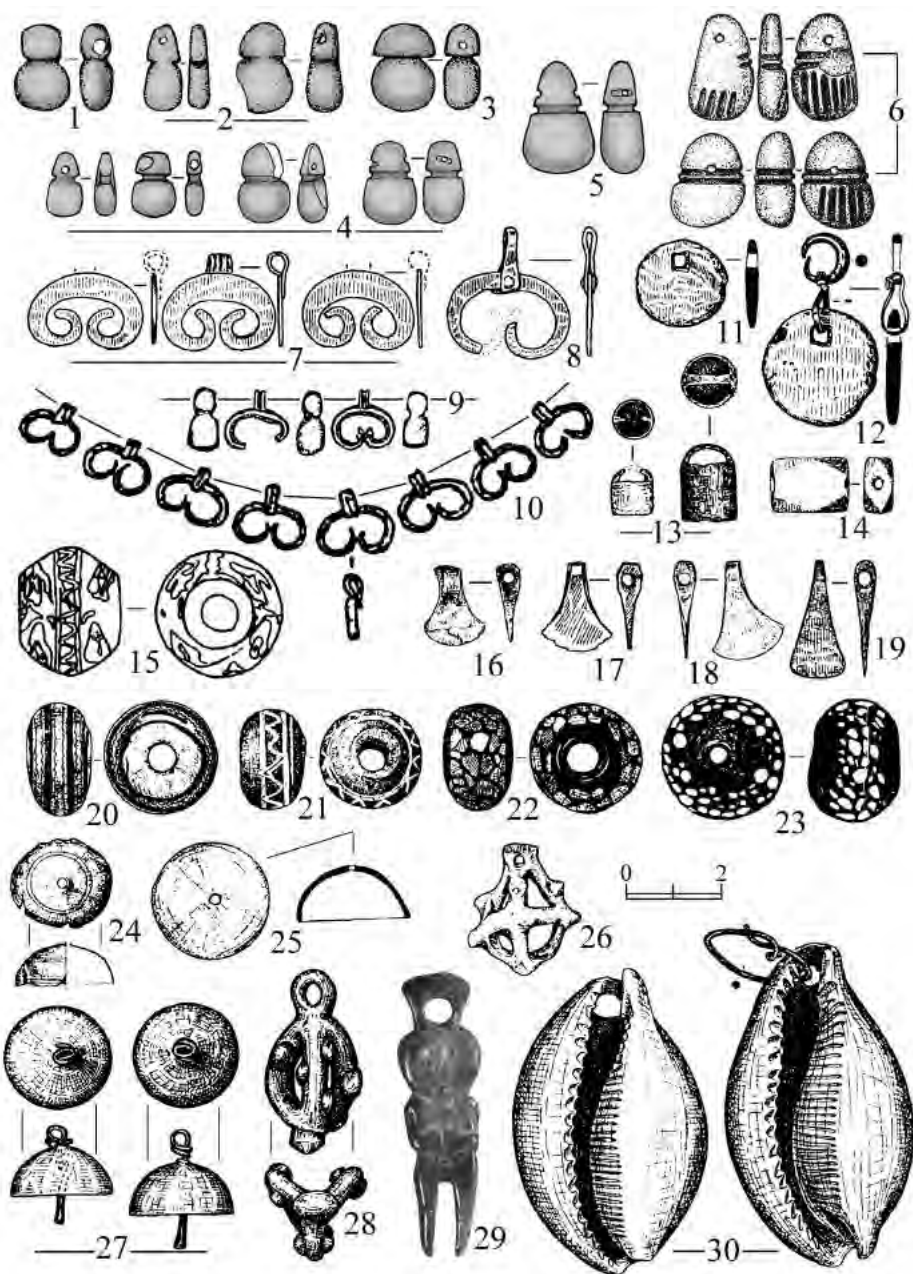

Рис. 58. Бусы и подвески из могильников с ингумациями второй половины III-IV вв. из Юго-Западного Крыма.
 1-3,7-9,11-14,16-27,30 – Дружное; 4-6 – Нейзац; 10 – Красная Заря;
 15 – Суворово; 29 – Черная Речка. [1-3,7-9,11-14,16-27,30 – по Храпунов, 2002;
 4-6 – по Храпунов, 2011; 10 – по Пуздровский и др., 2001;
 15 – по Зайцев, Мордвинцева, 2003; 29 – по Chajredinova, 1995]

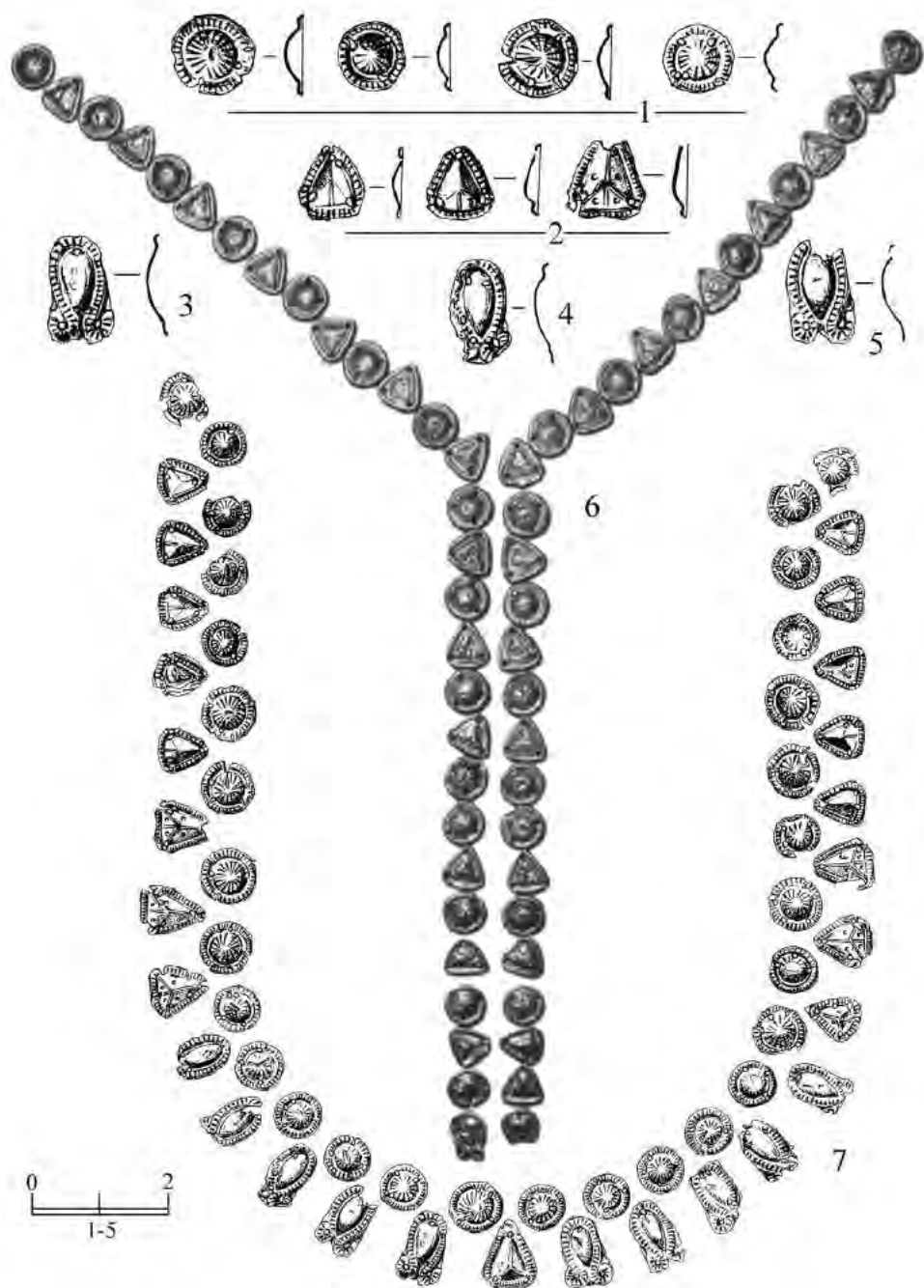

Рис. 59. Нашивные украшения из погребений последней четверти IV – начала V вв. из могильников Нейзац (1-5,7) и Сувлу-Кая (6).

[1-5,7 – по Храпунов, 2016а; 6 - по Masyakin, Voloshinov, Nenevilja, 2013]

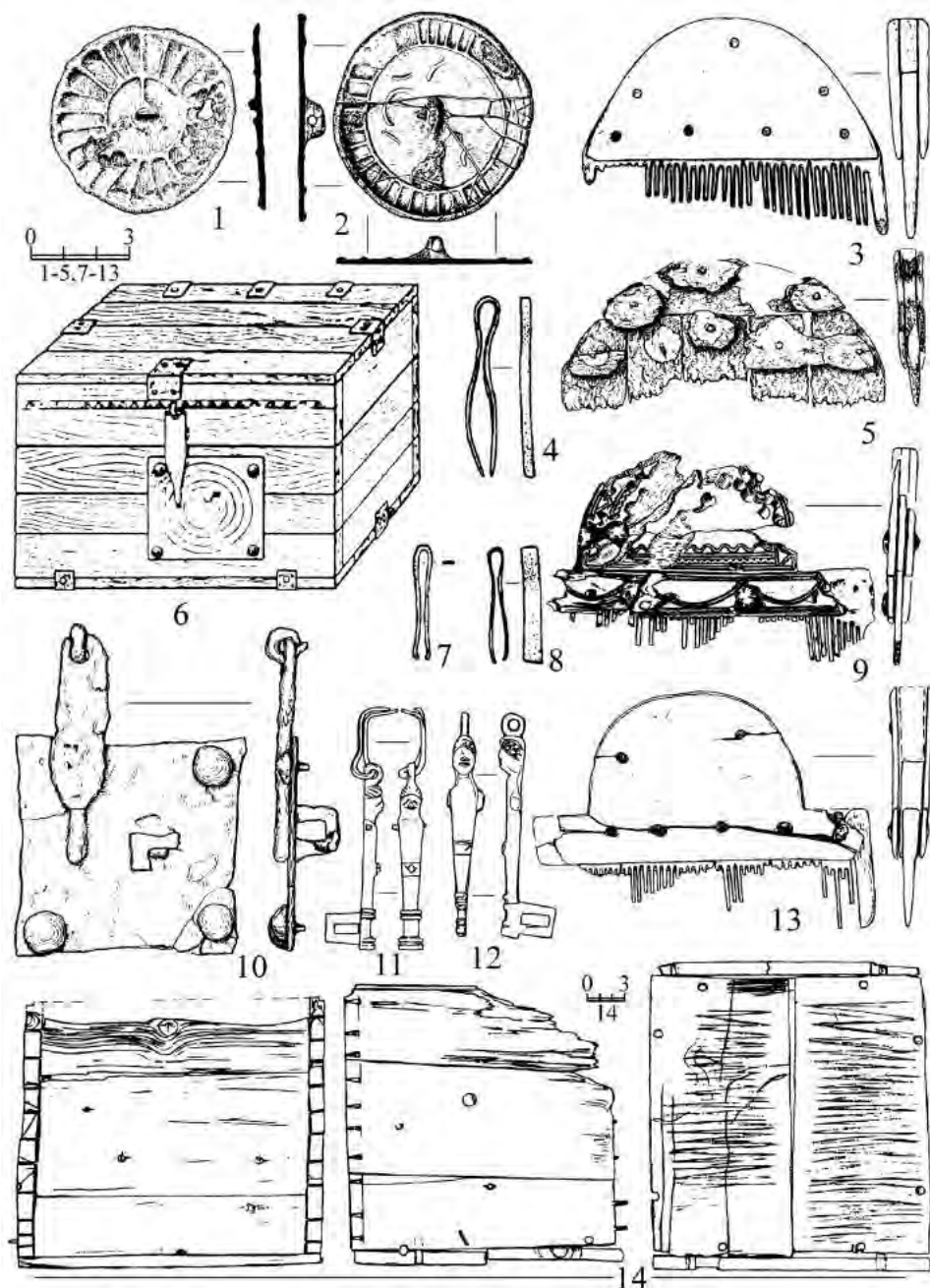

Рис. 60. Туалетные принадлежности, шкатулки и их детали из могильников второй половины III-IV вв. с ингумациями из Юго-Западного Крыма. 1,2,5,6 – Дружное; 3,9-13 – Нейзац; 4,8 – Тас-Тепе; 7 – Вишиное; 14 – Суворово. [1,2,5,6 – по Храпунов, 2002; 3,9-13 – по Храпунов, 2011; 4,7,8 – по Пуздровский и др., 2001; 14 – по Зайцев, Мордвинова, 2003]

Глава 5

Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

В письменных источниках содержится противоречивая информация о вторжении гуннов в Крым. Ермий Созомен в написанном в 444 г. труде [Hermiae Sozomeni, 1859, Cap. XXXVII, 1403-1404], Иордан [Иордан, 1997, с. 85], Прокопий Кесарийский [Procopius. History of the Wars, 1962, Vol. V, Book VIII, V, 7-13] и Агафий Миринейский [Agathias, 1975, Vol. II A, Book 5, 11,2-3] сообщали о том, что во время правления императора Валента, гунны, в погоне за быком или ланью, вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. Согласно Зосиму, гунны переправились из Азии в Европу через занесенный илом из реки Танаис Киммерийский Боспор [Zosime. Histoire nouvelle, p. 280-281, Livre IV, XX,3]. Вероятно Зосим перепутал Таганрогский залив, в который впадает Дон (река Танаис) с Боспорским (Керченским) проливом. Несмотря на отсутствие в приведенных сочинениях сведений о переправе через пролив Боспор Киммерийский и нападении гуннов на боспорские города, почти все исследователи истории Крыма приписывали им разгром Европейского Боспора. По мнению одних историков, через Керченский полуостров мирно прошла незначительная часть направлявшихся на Запад гуннов [Кулаковский, 1914, с. 54, 55; Vasiliev, 1936, p. 24-30]. По предположению других исследователей, продвигаясь к Дунаю гунны разорили и захватили город Боспор, уничтожили города и поселения в Восточном Крыму, а также поселения в окрестностях Херсона. Вскоре Боспор и некоторые соседние малые города начали возрождаться [Якобсон, 1964, с. 7; Gajdukevič, 1971, S. 497-519; Засецкая, 1993, с. 38]. Все эти утверждения опровергают материалы раскопок на Европейском и Азиатском Боспоре.

По Филосторгию, отряды закрепившихся в Подунавье гуннов в самом конце IV в. переправились через реку Танаис и, пройдя Армению и Месопотамию, напали на византийские провинции Каппадокию и Галатию [Thompson, 1948, P. 28; Blockley, 1992, P. 47]. Совершавший паломничество на восток в 395–397 гг. Иероним Стридонский оказался очевидцем вторжения гуннов в Закавказье и Месопотамию, которое описал в двух письмах. По его словам, «от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях Александр дверью запер дикие народы, вырвалась орда гуннов» [Jerome. Select letters, 1933, p. 328–329; Пигулевская, 1941, с. 40]. Сирийский автор Иешу Стилит в хронике начала VI в. писал о разграблении гуннами Сирии в правление Гонория и Аркадия в 395/6 г. [Пигулевская, 1941, с. 39–40]. О переправе через Меотиду направлявшихся в Мидию гуннов рассказывал и Приск Панийский [Blockley, 1983, Priscus, Fr. 11, 595–615]. По сирийским и греческим источникам Н. В. Пигулевская аргументировано приурочила переход гуннов через Меотиду и Кавказские горы в Междуречье и на сиропанонийское побережье к 395 г. [Пигулевская, 1941, с. 40–41].

Уточнение хронологии боспорских некрополей и выявленных в городах и на поселениях слоев пожаров позволило предположить, что в 395 г. на пути к Кавказу одно из гуннских племен напало на Боспор [Айбабин, 1999, с. 73, 77; Ajbabin, 2011, S. 68]. Слой разрушения, синхронный нападению гуннов на сто-

лицу царства в конце IV в., зафиксирован в рыбацком предместье города Боспора у подножья горы Митридат рядом со зданием музея.

Очевидно, гунны не собирались задерживаться в Европейском Боспоре. Вероятно, после похода в 395 г. в Закавказье и Месопотамию утвердившиеся в Северном Причерноморье гунны стали использовать крымские степи для сезонного выпаса скота.

В конце IV– начале V вв. после захвата гуннами крымских равнин и предгорий обитавшие там аланы оставили могильники в Нейзаце (рис. 1, 14), Дружном (рис. 1, 15) и Перевальном (1, 16) и переселились вглубь горного региона [Айбабин, 2015, с. 318]. На рубеже IV–V вв. в речных поймах и на склонах Внутренней гряды возникли новые некрополи: Сахарная Головка (рис. 2, 23), Карши-Баир (рис. 2, 14) [Ушаков, Филиппенко, 2012, с. 252-258], Красный Мак (рис. 2, 13) [Лобода, 1992, с. 210-214; Лобода, 2005, с. 192-251], Каралез (рис. 2, 12), Алмалык-Дере (рис. 2, 10) [Maćczyńska и др., 2011, р. 154-172], Баклинский Овраг (рис. 2, 15, 24), Скалистое (рис. 2, 16) [Айбабин 1999, с. 61, 82], а также на южных склонах Главной гряды – в Лучистом (рис. 2, 22) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 6], Алонии (Ялта) (рис. 2, 20) [Турова, Черныш, 2015, с. 133-146] и Ореанде (рис. 2, 21). Судя по переданным Н. И. Репникову вещам с территории бывших имений Артек (рис. 2, 19) и Суук-Су (рис. 2, 18), на этих некрополях, скорее всего, начали хоронить в тоже время [Айбабин, 1999. С. 14, 16; Ajbabin, 2011, S. 74].

Захоронения на новых некрополях совершенны по обряду ингумации, в основном, в погребальных сооружениях трех типов: в Т-образных в плане склепах (рис. 61-66); в подбойных могилах с нишей в одном или обоих бортах входной ямы (рис. 67); в ямных могилах [Айбабин, 1999, с. 111; Ajbabin, 2005, р. 415; Ajbabin, 2011, S. 96-104]. По конструкции и обряду захоронения рассматриваемые склепы и могилы не отличаются от описанных в четвертой главе погребальных сооружений второй половины III-IV вв. Выделяются две группы склепов. К первой отнесены склепы из Алмалык-Дере и Красного Мака с длинным, узким, трапецевидным в плане дромосом, с вырубленными в тыльном борту с ступеньками (рис. 61, I; 62, I; 63, I) [Лобода, 2005, рис. 3; 7; 8; 10; 13]. Длина дромосов в некоторых склепах достигает 7,0 м. На стенах камер почти всех склепов этой группы вырублены небольшие ниши – полки. Аналогичные склепы со ступенями в тыльном борту дромоса зафиксированы в Юго-Западном Крыму в могильниках Озерное с инвентарем второй половины IV в. (рис. 36, 3) и в Суворово и с находками конца IV – первой половины V в. (рис. 34, 5; 36, 3). Склеп с длинным узким дромосом со ступенями, подобный открытому в Алмалык-дере, раскопан в Сувлук-Кая, вместе с погребениями, относящимися к эпохе Великого переселения народов (рис. 37). В таких же склепах с узкими дромосами со ступенями в V-VI вв. хоронили своих умерших жители сельских поселений в Приазовской части Европейского Боспора [Масленников, 1997, рис. 2; 3; 10; 11; 14; 18; 20; 23; 2530; 35; 3639; 41].

Во вторую группу выделены склепы из Лучистого и Алонии, выкопанные с небольшим, трапецевидным или прямоугольным в плане дромосом (рис. 64; 65, II; 66, I). Лучистинские склепы первой половины V в. (рис. 65, II) по размерам и конструкции близки погребальным сооружениям из могильника Дружное (рис. 34, 4). В заполнении дромоса склепа 282 из Лучистого находился округлый, плоский камень. Возможно, такими камнями, вкопанными в грунт, заполнявший дромос, пытались обозначить место погребального сооружения. Склепы обеих групп были коллективными усыпальницами. В них хоронили по несколько человек. Когда вся площадь склепа была заполнена, для совершения захоронений более ранние погребения аккуратно, вместе с вещами сдвигали в угол или к стен-

кам камеры. Одновременно на могильниках появляются склепы с небольшими камерами, предназначавшимися для одного или для двух человек (рис. 66).

В Т-образных склепах в конце IV-V вв. хоронили аланы, жившие на территории европейского Боспора [Aibabine, 1996, p. 33, 34] и кочевавшие в низовьях реки Дон, в Прикубанье, Дагестане и Центральном Предкавказье [Кузнецов, 1973, с. 64; Абрамова, 1975, рис. 7, 22,26; Котович и др., 1980, рис. 9; Безуглов, 1990, рис. I, 1; Безуглов, 1993, рис. 1, 14; Гмыря, 1993, рис. 12, 1,2]. Со второй половины V в. в Горном Крыму сооружают подобные в плане склепы с более коротким дромосом [Айбабин 1987, с. 190-191, рис. 9, 2].

В первой половине V в. количество подбойных могил на некрополях Юго-Западного Крыма уменьшается. К примеру, на исследованной территории могильника Дружное III-IV вв. подбойных могил найдено больше, чем склепов (29 против 24) [Храпунов, 2002, с. 15]. В Лучистом открыто 15 склепов, относящихся к первой половине V в., и только 2 подбойные могилы. Незначительное количество подбойных могил, в сравнении со склепами, выявлено и на могильнике Алмалык-Дере. В качестве особенностей подбойных могил первой половины V в. можно отметить использование дерева и камня вместо плит для закладов, а также наличие небольших треугольных ниш в стенах подбоя, сделанных наподобие ниш в склепах (рис. 67, I).

Для рассматриваемых погребальных сооружений из Юго-Западного Крыма весомыми этнопоказательными признаками являются находившиеся в них темноголиняная лощеная и нелощеная керамика, оружие, некоторые металлические украшения и детали костюма.

В первой половине V в. в погребения продолжали ставить много различной посуды: лепной, краснолаковой и стеклянной (рис. 68-74), часто с напутственной пищей (рис. 66, II,2). По определению О. П. Журавлева, исследовавшего остеологический материал из раскопок могильника Лучистое в 2001-2002 гг., в склепах и могилах первой половины V в. в сосудах лежали кости домашней овцы, реже – домашней свиньи или быка. Интересно, что в качестве напутственной пищи в погребения клали плечевую часть полувзрослого животного. В склепе 152, рядом с лепными сосудами около стенки камеры лежала раздавленная яичная скорлупа. Посуду ставили за головой погребенного (рис. 66), около плеча или подкладывали под локоть одной из рук (рис. 65, I,II) [Айбабин, Хайрединова, 2001, рис. 4]. В склепе 173 в южном углу камеры склепа стоял сервиз столовой посуды (рис. 68, I; 69, I), включавший десять сосудов: краснолаковые кубок и миску, лепные четыре миски, двуручный кубок, горшок и два кувшина.

Особенным разнообразием отличается лепная посуда. Кувшин с широким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом из Скалистого из склепа 101 характерен для одновременных захоронений в Прикаспийском Дагестане [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 4, 14; Гмыря, 1993, рис. 11, 3,4; 33, 3,4]. Лепные кружки-кувшины с высоким слегка расширенным кверху горлом и прикрепленной к венчику петлевидной ручкой из Алмалык-Дере (рис. 62, 9; 63, 5), Лучистого (рис. 73, 5), из Скалистого из склепа 421 и подбойной могилы 431 [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 74, 9] близки лежавшим в склепах IV в. из Дружного, Озерного [Лобода, 1977, рис. 3, 2; 5, 15,16; 6, 1,6,10] и Заморского [Корпусова, 1973, рис. 6, 8]. Кружки-кувшины с ручкой, прикрепленной ниже венчика, такие же, как из Скалистого из склепа 421 и из Лучистого из склепов 41, 52, 75 (рис. 75, 4), входят в состав комплексов IV - первой половины V в. из Инкермана [Веймарн, 1963, рис. 4, 9], Дружного, Нейзаца [Айбабин, 1999, табл. XI, 4; XIX, 4] и с Боспора [Кастанаян, 1981, табл. XXVIII, 5-7,9]. Лепные горшки со сферическим туловом из Лучистого (рис. 72, 4) и Скалистого из подбойной

могилы 496а [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 92,21] по форме подобны извлеченным из склепов Центрального Предкавказья [Абрамова, 1987, рис. 24, 26; 54, 13; Абрамова, 1993, рис. 56, 21], из Керчи из склепа 154 [Засецкая, 1993, с. 79, табл. 51, 259], Заморского [Корпусова, 1973, рис. 6, 5] и Тиритаки [Гайдукевич, 1952а, с. 114, рис. 139, 4]. Лепные горшки с коническими выступами на тулове того же типа, что и из Лучистого из склепа 54а (рис. 73, 9) встречены на Боспоре, в могильниках на Азовском побережье с инвентарем V – первой половины VI вв. [Масленников, 1997, рис. 53, 3; Масленников, 2000, табл. XVII, 4; XVIII, 3; XXII, 6], а также в Тиритаке, Семёновке и Танаисе [Корпусова, 1973, рис. 6,5]. Лощеный кувшин из склепа 55 (рис. 71, 1) типичен для аланских захоронений IV-V вв. из Дагестана [Гмыря, 1993 с. 231, рис. 6, 24; 33, 5].

Лепной кувшин с зооморфной ручкой из Скалистого из склепа 350 типологически родственен бытовавшим на Боспоре, в Подонье, Прикубанье и Предкавказье [Кастанаян, 1981, с. 74-81, рис. 16,2,6, табл. XXIII,1; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 192, рис. 53, 2; Масленников, 1997, рис. 34, 6; 46, 12; 55, 1; Масленников, 2000, табл. XXV, 2]. На кувшинах из Алмалык-Дере и Красного Мака присутствуют декоративные элементы в виде рельефных прямых и усовидных валиков, расходящиеся от прилепов ручки, схематично воспроизводящие задние ноги и хвост животного (рис. 70, 2,9) [Лобода, 2005, рис. 2, 1,2], аналогичные украшениям на сосудах из аланских могильников Дружное и Нейзац (рис. 42, 8; 43, 1,8,9,12,14) и с сельских некрополей Европейского Боспора [Масленников, 1997, рис. 8, 2; 27, 4; Масленников, 2000, табл. XXI, 1]. Локальной вариацией этого зооморфного мотива, характерной только для лепных кувшинов и кружек из могильника Лучистое, является рельефный налеп в виде завитка под ручкой (рис. 71, 4; 72, 1-3,6; 73, 3,6,10).

На ручке кувшина с биконическим туловом из Алмалык-Дере, из склепа 185/2006 (рис. 70, 2) зооморфное изображение совсем упрощено и передано небольшим коническим налепом на верхней части, наподобие того, как это сделано на сосудах из Дружного и Нейзаца (рис. 42, 14; 43, 10,13) и с территории Европейского Боспора [Масленников, 1997, рис. 29, 1; 31, 3; 34, 4; Масленников, 2000, табл. XXV, 1]. Аналогии лощеным кувшинам со сливом на горле и декором в виде рельефных вертикальных валиков из Красного Мака, из склепа 7 [Лобода, 2005, рис. 9, 2] и Лучистого из склепов 54а, 55 58, 100 и 126 (рис. 71, 4; 72, 6; 73, 3), известны лишь в аланских захоронениях в Дружном и Нейзаце (рис. 43, 9,14).

Лощеный кувшин с биконическим туловом из Лучистого из склепа 52 (рис. 75, 6) по форме близок найденным в могилах первой половины V в. в Танаисе [Безуглов, 1993, с. 121, рис. 1,13] и на Черноморском побережье Северного Кавказа в Сопино [Анфимов, 1980, с. 99, рис. 4, 3]. Кувшины с биконическим туловом многочисленны в погребениях из Скалистого, Алмалык-Дере и Красный Мак (рис. 70) [Лобода, 2005, рис. 12, 4-6]. Лощеный коричневоглиняный кувшин из Лучистого из склепа 88 [Айбабин, 1999, рис. 24, 4] по форме аналогичен сосуду из Заморского [Корпусова 1973, рис. 6,9], а кружка-кувшин с широким отогнутым наружу горлом из коричневой глины из этого же склепа по форме генетически связана с сосудами с боспорского поселения Семёновка [Кругликова, 1966, рис. 32, 6] и из аланских некрополей II - первой половины III вв. из Центрального Предкавказья [Абрамова 1993, рис. 63,13].

Помимо местной лепной керамики, в погребениях первой половины V в. выявлено большое количество разнообразной импортной посуды из красного лака и стекла. Многочисленны краснолаковые блюда типа ARSW / типа 62B (рис. 62, 6; 73, 4,11), бытовавшие в Средиземноморье и Западном Причерноморье в 350-425 гг. [Hayes 1972, p. 108-109, fig. 18, 14]. В Крыму и в Восточном

Причерноморье блюда этой формы существовали долгое время. В Херсоне они известны в комплексе второй четверти VI в. [Романчук, Сазанов, 1991, с. 39, рис. 15, 184, 186), в Лучистом – в погребении 7 второй половины VI в. из склепа 100 [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 12, 1], в Керчи – в слое Д последней четверти VI – третьей четверти VII в. [Айбабин, 1999, с. 139-140, рис. 55, 38; 56, 4], в крепости Цибилеум – в слоях VI в. [Воронов, Бражба, 1987, с. 129, рис. 13, 7]. Распространены краснолаковые блюда типа Антиохия 910-2А без декора или со штампом на дне (рис. 64, 5; 65, 4; 74, 12-14), находившиеся в употреблении в Средиземноморье и Западном Причерноморье в 370-450 гг. [Hayes, 1972, p. 327-329, fig. 66, A]. На Боспоре, в Херсоне и Абхазии блюда обоих типов содержались в комплексах конца IV – последней четверти VI в. [Айбабин, 1990, рис. 2, 30; Воронов, Юшин, 1973, с. 176, 191, рис. 6, 5; Романчук, Сазанов, 1991, с. 12, 13, 35-39, рис. 3, 11; 16, 175].

Краснолаковые миски представлены формами: с горизонтально отогнутым широким бортиком (рис. 61, 3; 64, 1; 74, 2,3); с отогнутым вверх бортиком (рис. 74, 1), подобная датированным концом IV – началом V вв. из Западного Причерноморья [Orait, 1985, S. 157, Abb. 4, 2-6; Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 305, рис. 18, 5]; с загнутым верхним краем (рис. 74, 7), типологически родственная обнаруженным в Крыму с инвентарем второй половины IV в. [Айбабин 1994/1995, с. 96, 120, рис. 17, 2,3; Айбабин, Хайрединова 1998, с. 305, рис. 18, 8]; с закругленным бортиком типа Антиохия 965, 967 (рис. 65, 1; 74, 4,6), датированные Дж. Хейсом концом IV – началом V вв. [Hayes, 1972, p. 325-327, fig. 65, 1]. В Херсоне такие миски содержались в комплексах V – середины VI в. [Романчук, Сазанов, 1991, с. 11, рис. 1, 1,2].

В погребениях первой половины V в. часто встречаются стеклянные стаканы типа Сорокина I-Б (рис. 9, 1; 74, 16, 21-23), близкие сосудам формы 13с из Средиземноморья, выявленным в слоях первой половины V в. [Foу, 1995, p. 198-199; pl. 9, 76,77]. В Лучистом, в склепе 197 найден стеклянный стакан типа Сорокина II (рис. 9, 2; 74, 19) [Айбабин, 1990, рис. 2, 39; 3, 7], подобный сосудам формы 13d из Средиземноморья, зафиксированным в слоях первой половины V в. [Foу, 1995, p. 200; pl. 9, 80-83]. Стеклянный стакан на круглой подставке, украшенный в центральной части тулова каплями синего стекла (рис. 9, 3; 74, 20) из Лучистого, из склепа 88 аналогичен средиземноморской форме 14 из слоев первой половины V в. [Foу, 1995, p. 200; pl. 10,93; 22, 14; Maioli, 1994, p. 247, fig. III, 153]. Стеклянный кувшин из склепа 54а (рис. 9, 4; 73, 7) схож с сосудами, бытовавшими в V в. в Средиземноморье [Sternini, 1995, p. 260, fig. 18, 28].

В Лучистом, в могиле 82 зачищена чаша из прозрачного желтоватого стекла с широким горизонтальным бортиком с накладным волнистым рельефным валиком с вдавлениями (рис. 10, 2; 74, 17), аналогии которой известны на средиземноморских памятниках, в слоях первой половины V в. [Sternini, 1995, p. 248, fig. 6, 33,34; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 24, 17]. К уникальным находкам относится происходящая из склепа 88 стеклянная амфора (рис. 10, 1; 74, 18).

В некоторых склепах и могилах найдены амфоры. Преобладают узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Шелову (рис. 61, 4; 67, 1). В Лучистом, в склепе 54а, в угол камеры поставили высокую красноглиняную амфору, покрытую тонким светлым ангобом, с отбитым венчиком, расширяющимся к тулову высоким горлом и цилиндрическим рифленным туловом, завершающимся маленькой ножкой (рис. 73, 12). Типологически близкие амфоры найдены в Хараксе [Блавадский, 1951, рис. 13, 2; Айбабин, 1990, рис. 2, 35, 4, 2,9]. Подобные сосуды есть в комплексах первой половины V в. Херсонеса [Якобсон, 1979, с. 9; Антонова и др., 1971, рис. 8] и Тиры [Кравченко, Корпусова, 1975, рис. 3,1; 4,5; 6, 2г; 7, 1]. На некрополе Черная

Речка в склепе 11/1989 такая же амфора лежала с вещами V в. В Карфагене фрагменты североафриканских амфор близкой формы содержались в слоях последней четверти IV – конца VI в. [Peacock, 1984, p. 119, 140, fig. 44, 134; 45].

Наряду с керамической и стеклянной использовалась деревянная посуда. В Алмалык-Дере и Лучистом выявлены бронзовые пластинчатые оковки деревянных чаш и кольца для их подвешивания (рис. 67, 2-7).

В первой половине V в. мужчин – воинов хоронили вместе с оружием (рис. 75-82). Железные листовидные наконечники копий и дротиков с валиком по оси, однотипные наконечникам из Лучистого (рис. 75, 5), бытовали в III в. до н. э. – III в. н. э. у сармат и алан в Центральном Предкавказье и Прикубанье [Хазанов, 1971, с. 46, табл. XXIV, 8; Абрамова, 1993, с. 73-74, рис. 24; 25]. С аланами они распространились и на территории черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 308, рис. 6, 7,8].

В Лучистом, в могиле 168 и в склепах 55, 88, 173 (рис. 69, 3; 76, 8; 77, 2), а также в Скалистом, в подбойной могиле 426 [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 180, рис. 75,26] лежали короткие двулезвийные мечи и кинжалы с вырезами на лезвии у пяты клинка типа 5 по А. М. Хазанову, которые, как было сказано выше, с III в. распространились у алан на Северном Кавказе, а с начала IV в. – на широкой территории от Поволжья до низовьев Дуная. В эпоху Великого переселения народов находки этого оружия известны и в Подунавье, где оно, как считается, появилось вместе с аланами [Bona, 1991, S. 90-91, 247-248, Abb. 34]. На Черноморском побережье Кавказа кинжалы с вырезами на лезвии бытовали и в первой половине VI в. [Дмитриев, 1982, с. 104, 106, рис. 10, 25]. В Юго-Западном Крыму в первой половине V в. мечи и кинжалы этого типа клали в захоронения воинов около головы, рукоятью к правому плечу (рис. 76, 8; 77, I), в соответствии с обычаем, распространенным у местных алан с IV в., либо вдоль левого плеча, острием вниз (рис. 79, I). В Лучистом, в склепе 173 кинжал лежал в стороне от погребенного – среди керамических сосудов (рис. 68, I; 69, I3).

В первой половине V в. в вооружении воинов Юго-Западного Крыма появились лук и длинные мечи с перекрестием. В Алмалык-Дере, в склепах 65/1998 и 118/2000 найдены костяные накладки от сложносоставного лука так называемого «гуннского типа» и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел [Зесецкая, 1994, с. 35-36; Maćzyńska и др., 2016, Taf. 38; 93; 94].

Длинные двулезвийные мечи с ромбовидным перекрестием (рис. 81, 1; 82), подобны выделенным А. С. Скрипкиным в тип 7 [Скрипкин, 1990, с. 62, рис. 22, 3,6,7]. Этот тип оружия появился в I в. н. э. у сармат и алан в Средней Азии и Нижнем Поволжье, затем распространился у воинов Боспора, а в эпоху великого переселения народов вместе с аланами – далеко на запад [Хазанов, 1971, с. 21-22; Скрипкин, 1990, с. 130-132; Bona, 1991, Abb. S. 85, 87, 57; 59; 69]. Мечи из Юго-Западного Крыма имеют длину 0,86-1,0 м. Большинство из них сделано с железным ромбическим перекрестием. У меча из Лучистого, из склепа 88 перекрестие отлито из бронзы (рис. 82, 2). Большинство мечей выковано из цельной заготовки вместе с черенком для рукояти. Клинок меча из склепа 88, из погребения 5 вставлен в пропиленную нижнюю часть черенка и укреплен заклепкой (рис. 82, 1). В захоронениях длинные мечи лежали по-разному: вдоль левой ноги погребенного (рис. 80, I), либо вдоль левой или правой руки (рис. 81, 9). В Алмалык-Дере, в склепе 171/2004 меч был аккуратно уложен в небольшой подбой, специально вырубленный по длине оружия в нижней части стенки камеры [Maćzyńska и др., 2016, Taf. 228; 229, 1,2].

В погребениях вместе с мечами найдены пряжки и кольца от портупейных ремней (рис. 80; 82). Судя по иконографическим данным, воины носили длин-

ные мечи с левой стороны на портупейных ремнях, пропущенных через длинную скобу, укрепленную в верхней части ножен [Хайрединова, 1999, с. 205]. Крепление меча на портупейном мече при помощи скобы на ножнах было принято в III-VI вв. в Риме и на Востоке [Амброз, 1994/1995, с. 55]. Находки скоб для ножен меча из различных материалов широко представлены на памятниках эпохи Великого переселения народов [Rostovcev, 1930, p. 340-343; Амброз, 1992, с. 8,26-27; Засецкая, 1993, с. 62, кат. 130, табл. 28,130].

Такой способ ношения длинного меча максимально приспособлен для всадника. Считается, что длинный меч был преимущественно кавалерийским оружием – обоюдоострым и рубящим [Сокольский, 1954, с. 159]. Отметим, что в Лучистом, в склепе 88, в погребении воина с длинным мечем также найдены удила [Айбабин, Хайрединова, 1998, рис. 15, 3,5].

В Лучистом, в склепе 88 и могиле 153 и в Алмалык-Дере, в склепе 171/2004 рядом с лезвием меча лежали крупные бусины из стекла, янтаря (рис. 80, 9; 82, 4а) или халцедона (рис. 81, 4). В представленной реконструкции (рис. 82, I) янтарная бусина изображена как навершие. Однако ее могли использовать в качестве пронизи на темляке. По мнению А. М. Хазанова, бусами, найденными у острия клинка, оформляли конец ножен, а бусы, лежавшие у рукояти меча, служили чем-то вроде подвесок [Хазанов, 1971, с. 25]. В Красном Маке, в одном из склепов найдена железная обкладка ножен меча [Лобода, 2005, рис. 4, 10].

Мужской воинский костюм этого времени характеризуется разнообразием аксессуаров. Воины носили широкие пояса, украшенные фигурными бляшками и застегивавшиеся массивными серебряными пряжками (рис. 80; 83, 3,7,8). Отверстие для язычка на ремне декорировалось специальной луновидной накладкой (рис. 83, 4,9). К поясному ремню крепились металлические петли, к которым подвешивались сумочки с шилом и ножом, либо отдельные ножи (рис. 79; 83, 5,6). Сумочка застегивалась узким ремешком с небольшой пряжкой и наколочником (рис. 79, II; 82, II).

В качестве поясных застежек использовались пряжки с овальной или круглой рамкой вариантов 3 и 5 с гладким язычком, либо отлитым со стилизованным изображением головы животного на завершении (рис. 83) [Айбабин, 1990, с. 27-29]. У бесщитковых пряжек ремень укреплялся на тыльной стороне рамки, а у пряжек со щитком – вставлялся между его верхней и нижней пластинами и скреплялся при помощи заклепки (рис. 83, 9) [Хайрединова, 1999, с. 203, рис. 1]. Для застегивания пояса использовались нестандартные пряжки, сделанные, скорее всего, на заказ. К таким застежкам относится пряжка из склепа 88 могильника Лучистое, рамка которой отлита с закругленной передней частью и рифленой поверхностью, а язычок – с валиками в тыльной части (рис. 80, 1).

Уникальна для Юго-Западного Крыма бронзовая овальная пряжка, найденная в Лучистом, в склепе 173 (рис. 68, 3) [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15-25]. Она отлита со стилизованным изображением смотрящих друг на друга голов животных в тыльной части, украшена кербшитным и пуансонным орнаментом и инкрустирована вставками из синего стекла и нитями белого металла. Длина пряжки 4,4 см; ширина 7,6 см. Аналогичные застежки известны в Германии и Бельгии в комплексах конца IV – первой половины V вв. [Vöme, 1974, S. 288-289, Taf. 22, 9; 74, 1; 90, 8]. Большинство находок этих пряжек сконцентрировано вдоль Рейнско-Дунайской границы Западной Римской империи [Bullinger, 1969, p. 75, 78]. Они были составной частью римского воинского костюма. Происходящая из Лучистого пряжка была использована вторично, так как у нее нет щитка, характерного для всех однотипных застежек, предназначавшихся для широкого ремня. Обнаружена она в погребении аланского воина, захороненного в соответствии

с местными обычаями: в склепе, вместе с лепными сосудами и кинжалом с вырезами на лезвии у пяты клинка. Скорее всего, публикуемую пряжку аланский воин привез из одной из западных провинций Римской империи.

В Лучистом, в могиле 168 похоронили воина в парадном костюме с двумя поясами (рис. 77; 78). Основной, широкий пояс был богато декорирован фигурными бляшками с пуансонным орнаментом; к нему крепилась поясная сумочка. Второй ремень предназначался для ношения кинжала. Поясные наборы с прямоугольными бляшками появились в первой половине III в. в Северной Европе на территории Барбарикума у германцев и западных балтов. В эпоху Великого переселения народов названные пояса распространились в Римских владениях в западной Европе и на захваченных гуннами территориях в Подунавье, Северо-Западном Причерноморье и в других регионах. Пуансонный декор поясного набора характерен для дунайской моды, сложившейся в конце IV – первой половине V вв. в полиэтничной среде понтийско-дунайской варварской военной аристократии [Айбабин, 2002, с. 37-40]. Им принадлежали самые яркие выявленные в Центральной и Восточной Европе комплексы вещей типа Унтерзибенбрунн из могил и кладов, отнесенных Я. Тейралом к 380/400-400/450 гг. [Tejral, 1997, S. 339-340, 351]. Бронзовые, но покрытые толстым слоем серебра бляхи из Лучистого являются более дешевыми изделиями данного типа с довольно небрежно исполненной орнаментацией. Основной ремень застегивался на наконечник (рис. 77, II), следовательно мастер должен был подгонять его длину под размеры заказчика. Скорее всего, названный поясной набор был привезен воином из Подунавья.

В Лучистом, в воинских захоронениях из склепов 52 и 88 выявлены фибулы: бронзовая двучленная подвязная варианта 15/III-1 (рис. 84, 7) и серебряная широкопластинчатая прогнутая подвязная застежка так называемого “готского типа” (рис. 84, 8) [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 299, рис. 3, III,2; 5, 6; 21, 18]. Видимо, воины носили фибулы, которыми скрепляли верхнюю одежду на левой стороне груди. Судя по находке проволочной золотой серьги с сомкнутыми концами из склепа 88 могильника Лучистое, некоторые местные воины носили по одной серьге в ухе [Хайрединова, 1999, с. 206, рис. 9, 7]. Известно, что в эпоху раннего средневековья воины многих народов Евразии носили подобные украшения [Амброз, 1994/1995, с. 43].

В Юго-Западном Крыму в первой половине V в. мужчины носили обувь двух типов: доходившие до центра голени сапоги (рис. 54, II,IV) и невысокие башмаки (рис. 80, II). На ноге они фиксировались при помощи ремешков, ширина которых, судя по размерам щитка и отверстия для ремня в рамках пряжек этого времени, составляла 0,8-1,1 см. Для застегивания ремешков на сапогах использовали обувные наборы, включавшие пряжки и наконечники (рис. 54, Па,IV,IVa). Они лежали около центральной части берцовой кости, что позволяет определить высоту обуви как 14-25 см. Ремешком с пряжкой закреплялся только сапог на правой ноге. На второй ноге обувь, видимо, подвязывалась ремешком без пряжки [Хайрединова, 2003, с. 134-135]. Аналогичную обувь носили аланы в IV в. из Предгорного Крыма (рис. 54, I, III).

Высота второго вида обуви – мягких башмаков – не превышает 8-13 см, поскольку пряжка, которой застегивался ремешок, обычно находится в области лодыжки (рис. 80). Для башмаков предназначались обувные наборы, включавшие только одну пряжку и гарнитуры с пряжкой и распределителями ремней. В первом случае, ремешок, закрепляющий башмаки на ноге, несколько раз обвивался вокруг щиколотки и застегивался пряжкой. При использовании распределителя ремней обувь фиксировалась на ноге при помощи трех ремешков, плотно охватывавших голеностопный сустав и закреплявшихся на пряжке чуть выше

щиколотки (рис. 80, II). Судя по находкам металлических аксессуаров, обувь описанного типа носили в первой половине V в. жители Европейского Боспора и Танаиса [Засецкая, 1993, кат. 219,231,233-235,260-265,291; Арсеньева и др., 2001, с. 81, табл. 22, 310-313; 24, 345,346; Безуглов, 1993, с. 123, рис. 1, 16,19,20].

В эпоху Великого переселения народов для жительниц Юго-Западного Крыма был характерен костюм с наплечной застежкой. Среди последних преобладали дунайские или местные, сделанные по их образцам фибулы: литые двупластинчатые вариантов 21/ААА, 21/ААБ, 21/АБА, 21/АББ и 21/ААА (рис. 84, 18-20; 85, 1-3) и прогнутые со сплошным пластинчатым приемником (рис. 84, 16,17). Одновременно в Юго-Западном Крыму продолжают носить бытовавшие в регионе и ранее прогнутые подвязные фибулы (рис. 84, 6), используют типичные для восточного ареала черняховской культуры двупластинчатые фибулы и производившиеся, вероятно, на Боспоре круглые фибулы – броши с каменными вставками (рис. 7, 3,6,7; 84, 2).

Круглые фибулы – броши происходят из могильников Алмалык-Дере и Лучистое. Щиток фибул выполнен из бронзовой пластины и обтянут с лицевой стороны тонким листом золота с вытисненным орнаментом, имитирующим зернь. На его обороте укреплен игольный аппарат из бронзовой проволоки. Фибулы украшены круглыми выпуклыми или треугольными плоскими вставками из красного камня в гнездах. Идентичная брошь найдена в Керчи, в склепе 154, в погребении 9 [Засецкая, 1993, табл. 50, кат. 246] первой половины V в. [Айбабин, 1999, с. 266, 267]. И. П. Засецкая отнесла ее к боспорской материальной культуре [Засецкая, 1993, с. 78]. В керченском склепе хоронили представитель правящего греко-аланского рода. Видимо, боспорские ювелиры делали броши по заказу местной знати. С Боспора их вывозили и в Юго-Западный Крым. За пределами Крыма такие фибулы – броши не известны. Аналогичные по форме и технике изготовления бляхи с маленькими петельками для пришивания на обороте, распространены в аланских могильниках на Северном Кавказе [Абрамова, 1997, рис. 32, 1; 57, 4,5,10,12; 75, 17-19, 22]. М. П. Абрамова датирует их V в. и по технике изготовления относит к продукции местного, северокавказского производства [Абрамова, 1997, с. 135]. Такие же бляхи найдены в Нейзаце в погребении эпохи переселения народов [Храпунов, Казанский, 2016, рис. 3, 1; 4, 1], в раннесредневековых памятниках кочевников в Ставропольском крае [Засецкая, 1994, табл. 17, 3; Охонько, Отюцкий, 1982, с. 237, рис. 1, 5], а также в погребении хазарки второй половины VII в. из Новопокровки в Восточном Крыму [Айбабин, 1999, с. 173, 176].

Как правило, в первой половине V в. женщины носили по одной фибуле – на левом плече (рис. 88, III), на груди (рис. 86, I), либо на поясе (рис. 87, II). Застегивание одежды одной фибулой на груди или у плеча – традиция, характерная для сармато-аланского костюма [Хайрединова, 2002, с. 75]. Одновременно в женском костюме появляются две фибулы. Обычай носить пару одинаковых фибул на плечах связан с древнегерманскими традициями эпохи переселения народов. Парными фибулами, часто – двупластинчатыми, в IV в. застегивали одежду на плечах носительницы черняховской культуры [Амброз, 1992, с. 20; Магомедов, 2001, с. 76]. В первой половине V в. под влиянием восточногерманских традиций в Среднем Подунавье парные двупластинчатые фибулы становятся частью парадного убора знатных женщин из подвластных гуннам племен [Амброз, 1966, с. 91]. Следуя моде, сложившейся у варваров гуннского союза, жены алан также используют двупластинчатые парные фибулы, о чем свидетельствуют находки из Эрана и Хохфельдена. Характерная для восточногерманского костюма мода на застегивание верхней одежды парными двупластинчатыми фибулами распространяется

и среди греко-аланского населения городов Боспорского царства – [Арсеньева и др., 2001, табл. 40, 487-488; Засецкая, 1993, с. 96-97, табл. 48, 222; 53, 284; 55, 303; Медведев, 2009, рис. 3, 9, 10], а также у алан сельской округи Европейского Боспора [Корпусова, 1973, рис. 12, 14, 16; Масленников, 2000, с. 153].

В Юго-Западном Крыму местное население по-своему воспринимает характерный для Среднего Подунавья обычай ношения парными двупластинчатые фибулы: в пары объединяются две разные, либо однотипные, но отличающиеся размерами и декором плечевые застёжки [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101, 122]. Появившиеся в Юго-Западном Крыму в первой половине V в. дунайские двупластинчатые фибулы предпочитают носить в соответствии с аланской традицией – по одной на левой стороне груди (рис. 88, III). Отметим, что в Юго-Западном Крыму, в отличие от Подунавья и Боспора, где двупластинчатые фибулы не только носили, но и изготавливали парами, застёжки этого типа делали под местный аланский костюм – маленькими и по одной. Здесь пока не найдено парных фибул.

До V в. пояс с пряжкой не был характерен для женского костюма варваров Юго-Западного Крыма. В IV в. пряжки были составной частью костюма восточногерманских женщин. Пряжки зафиксированы в женских погребениях пшеворской и вельбарской культур [Tempelmann-Мączyńska, 1989, S. 65, 77]. Маленькую поясную пряжку вместе с парными фибулами включал в себя женский костюм черняховской культуры [Сымонович, Кравченко, 1983, с. 39; Магомедов, 2001, с. 76]. Во второй половине IV в. в женском восточногерманском костюме наблюдается тенденция к увеличению размеров поясных застёжек: распространяются пряжки с овальной рамкой и щитком со штемпельным орнаментом [Madyda-Legutko, 1986, S. 70, Турен 43,44]. В первой половине V в. у варваров гуннского союза в Среднем Подунавье большая пряжка становится частью женского парадного убора с двумя двупластинчатыми фибулами.

На территории Большой Ялты найдена пряжка первой половины V в., предназначенная для широкого ремня (рис. 85, 4) [Айбабин 1999, с. 64, рис. 22, 3]. Она сделана из высокопробного серебра, весит 288,3 гр. и состоит из гладкой, овальной рамки, литого полого язычка с рельефными изображениями и круглого двупластинчатого щитка. На лицевой поверхности верхней пластины выгравирован сложный декор, сочетающий растительные, зооморфные и антропоморфные изображения [Баранов, 1975, с. 271-272, рис. 1; 2]. Подобные пряжки изготавливали в первой половине V в. в западных римских провинциях по заказам германских вождей [Айбабин, 1990, с. 29; Айбабин, 1999, с. 81; Кухаренко, 1982, с. 240]. Сделанные в этом же стиле большие пряжки первой половины V в. из Эрана [Pilet, 1995, p. 328, 333, fig. 3], Качина [Кухаренко, 1982, с. 240, рис. 2,1] и Замосци связаны с женским парадным убором [Madyda-Legutko, 1986, p. 70,75, Taf. 21, Тур 45].

Ялтинская пряжка была выполнена по индивидуальному заказу и, скорее всего, принадлежала знатной женщине. В рядовых женских погребениях первой половины V в. из могильников Юго-Западного Крыма находки пряжек редки. Единственное женское захоронение с пряжкой этого времени найдено в Скалистом, в склепе 485. Судя по нему, небогатые представительницы населения использовали широко распространенные в Северном Причерноморье пряжки варианта 3, обычные для мужского костюма.

Во второй половине V в. мода меняется. Пряжка становится обязательным элементом женского костюма, увеличивается разнообразие поясных застёжек (рис. 90). Преобладают дунайские или сделанные по их образцам экземпляры: провинциальные В-образные и распространенные у остготов и гепидов застёжки с овальной или круглой рамкой. В наборе с пряжкой женщины носят характер-

ные для дунайских остготов фибулы типов Левице-Прша и Виминациум (рис. 91, 1,5,6). Из Подунавья во второй половине V в. привозили и броши в форме цикад. При этом фибулы носили как парами, что соответствовало восточногерманской моде, так и по одной или по две разных типов – продолжая характерные для аланского костюма первой половины V в. традиции (рис. 91).

В состав костюма с фибулой богатых женщин входили золотые серьги с фигурным, пластинчатым щитком, декорированные сканой провололочкой, сердоликом, или красным камнем и янтарем (рис. 7, 4,5,8; 86, 2,3). Однотипные золотые серьги найдены в Керчи в склепах, открытых 24 июня 1904 г. и в 154/1904, в захоронении 9 [Засецкая, 1993, с. 53, 77, кат. 84, 243; табл. 22, 84; 50, 243] с инвентарем первой половины V в. [Айбабин, 1999, с. 266] и в Китее, в склепе 145 [Ханутина, Хршановский, 2009, рис. 4, 11]. Якобы на Тамани нашли и хранящиеся в коллекции И. Диргардта однотипные серьги, купленные у семьи Мессаксуди [Damm, 1988, S. 125-126, Abb. 73-74]. Идентичные серьги находятся в коллекции А. Л. Бертье-Делагарда в Британском Музее [Andrási, Aibabin, 2008, p. 98, fig. 1]. В сельской округе Европейского Боспора в первой половине V в. наряду с золотыми [Масленников, 2000, с. 187, табл. XII, 18,19] носили однотипные серьги из бронзы или железа со стеклянными вставками [Корпусова, 1973, с. 42, рис. 4, 18; Масленников, 1997, с. 36, 79, рис. 27, 2]. В погребении 21 из некрополя «Сиреневая бухта» золотые серьги сопровождалась индикацией с монеты Грациана (367-375 гг.) [Масленников, 2000, с. 155]. Видимо, описанные серьги производили на Боспоре в первой половине V в. [Айбабин, 1999, с. 68, 312, табл. XXVII, 111; Хайрединова, 2002, с. 61]. За пределами Крыма единственная аналогичная золотая серьга обнаружена среди инвентаря погребения богатой женщины из Эрана (Франция), относимого к горизонту Унтерзибенбрунн [Pilet, 1995, p. 333, fig. 3].

В начале V в. в Юго-Западном Крыму в моду вошли серьги с припаянным к одному из концов проволочного кольца литым многогранником, выполненным в форме куба со скошенными гранями. Этот вид украшения появился на рубеже IV-V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае и распространился у оседлых народов гуннского государства [Амброз, 1980, с. 325; Bierbrauer, 1975, S. 163-164]. В эпоху переселения народов они массово встречаются от Испании до Дагестана [Амброз, 1980, с. 325; Амброз, 1994/1995, с. 54; Дмитриев, 1982, рис. 5, 26; 6, 3,29,50; 8, 6; 9, 1,2; 10, 9; 11, 3,32; 12, 1,2; Bierbrauer, 1975, S. 162-167, Abb. 14]. В Крыму серьги с припаянными, литыми многогранниками бытуют до середины VII в. [Хайрединова, 2015, с. 95-107]. Местные мастера изготовляли их по дунайским образцам, копируя не только форму серег, но и элементы декора. В Крыму, как и в Подунавье производили серьги с витой дужкой [Tejral, 1988, Abb. 40, 7; 46, 3] или с резным декором на многограннике (рис. 91, 2,3) [Шаламон, Баркоци, 1982, рис. 6, 67; 10, 13]. В боковых гранях 14-гранника серег второй половины V в. из некрополя Черная Речка укреплены красные камни полусферической формы (рис. 89, 6).

В V в. жительницы Юго-Западного Крыма украшали одежду и головные уборы нашивными бляшками из золотой фольги и бусами.

В Лучистом, в могиле 82 зачищен набор золотых украшений. От захоронения сохранились следы костного тлена и два скопления золотых предметов. Среди костного тлена собраны перстень и 20 круглых нашивных бляшек, украшавших, видимо, рукава или пояс платья погребенной. Отдельно, в небольшом, круглом в плане углублении лежали золотые две серьги, круглая бляха с петельками для пришивания на обратной стороне, 48 пронизок-трубочек, штампованные нашивные бляшки из тонкого листа – набор сигмовидных из 106 рядовых и 4 концевых,

45 круглых, 34 треугольных, 13 ромбовидных, 12 подвесок-лунниц и 30 коралловых бусин (рис. 8). Описанное скопление предметов относилось к головному убору, так как здесь найдены серьги и сигмовидные бляшки, образующие при нашивке прямую полосу. Вероятно, бляшки и пронизи были нашиты на матерчатую налобную повязку шириной 6,5-7,0 см, длиной не менее 40,0 см (рис. 87, I). В представленной нами реконструкции она дана в развернутом виде (рис. 8). Среднюю часть ленты занимали две полосы из плотно прилежавших друг к другу 53 тонких сигмовидных бляшек, ограниченных приемниками. В центре повязки, между полосами, крепилась круглая бляха с гранатовой вставкой. Вдоль верхнего края полос из сигмовидных бляшек были нашиты 34 треугольные бляшки, а вдоль нижнего - 13 ромбовидных бляшек, свободное пространство между которыми занимали: в верхнем ряду - 12 пронизок-трубочек, в нижнем - 12 подвесок-лунниц и коралловые бусы. Подвески-лунницы были, видимо, пришиты по самому краю матерчатой ленты, на пространстве в 20 см и свисали на лоб. Положение сигмовидных, треугольных и ромбовидных бляшек, подвесок-лунниц и 12 пронизок-трубочек зафиксировано *in situ*. Расположение на повязке остальных предметов в реконструкции представлено произвольно.

Из этой могилы, вероятно, происходят краснолаковая миска с горизонтально отогнутым бортиком и серебряная двучленная прогнутая подвязная фибула варианта 16-2/1-3 (рис. 87, 1). Для обоснования даты могилы важны серьги первой половины V в. (рис. 8, 3) и датированная этим же временем чаша из прозрачного желтоватого стекла с широким горизонтальным бортиком с накладным волнистым рельефным валиком с вдавлениями (рис. 10, 2) [Sternini, 1995, p. 248, fig. 6,33,34].

Нашивки на налобную повязку выполнены из золота 750° пробы и украшены в одном стиле. Основу орнаментальной композиции образуют бляшки, штампованные из тонкой золотой фольги с выпуклой серединой и с имитацией сканой проволоочки по краю. Такие выпуклые, полые изделия создавали видимость массивных вещей при минимальной затрате металла. Вес отдельно взятой бляшки из описанной налобной повязки колеблется от 0,03 до 0,30 гр. в зависимости от типа. Всего на изготовление 262 бляшек было затрачено около 30 гр. золота, однако, в готовом виде диадема производит впечатление довольно массивного изделия. Отверстия на бляшках нанесены иглой в момент пришивания. Бляшки не предназначались для перешивания – тонкая фольга могла порваться. Видимо, все бляшки сделаны в одной мастерской. Ремесленник штамповал из фольги необходимое для создания орнаментальной композиции количество бляшек каждого типа и сразу пришивал их на ткань в определенном порядке. Возможно, подобные налобные повязки делали и по индивидуальному заказу – мастер должен был учесть не только эстетические вкусы заказчицы, но и размер ее головы. Повязка могла попасть в Юго-Западный Крым уже в готовом виде, с нашитыми на ткань или кожу бляшками [Хайрединова, 2002, с. 69-72].

Пронизи и нашивки, подобные описанным из Лучистого из могилы 82, обнаружены в Керчи в 1904 г. в тайнике под порогом входа в камеру склепа 145, в погребении 4 в склепе 165 и в склепах 167-169 и 175, в двух склепах, открытых 24 июня 1904 г. [Засецкая, 1993, с. 42, 55, 83, 87, табл. 12, 23; 25, 95а, 96в, г, д; 53, 287; 57, 319, 323а] и у станицы Синявка близ Танаиса [Каменецкий, Кропоткин, 1962, с. 236-237, рис. 2, 2,4]. Они известны среди находок первой половины V в. в верховьях реки Суджи [Мацулевич, 1934, с. 50-52, рис. 9] и в синхронном погребении из Ираги в горном Дагестане [Абакаров, Давудов, 1993, с. 102, рис. 49, 10, 14, 15, 17]. В Лувре и Музее Метрополитен в Нью-Йорке хранятся наборы из сигмовидных, круглых и треугольных бляшек из Керчи [Rostovtceff, 1923, p. 114-

115, fig. 8-10]. В отличие от боспорских наборов, повязка из Лучистого включала круглую бляшку, декорированную в новом инкрустационном стиле, возникшем у гуннов в Подунавье [Айбабин, 1999, с. 79; Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 298, рис. 13, 10]. Сходные по форме и декору бляшки, служившие для украшения доньев золотых чаш известны в Подунавье [Bona, 1991, S. 75,133, Abb. 26,1, 88; Taf. VII]. Названную бляшку могли привезти из Подунавья или изготовить на Боспоре. В первой половине V в. в городских мастерских по дунайским образцам делали вещи, украшенные в гуннском инкрустационном стиле [Айбабин, 1999, с. 79; Амброз, 1992, с. 72].

Наборы круглых, сигмовидных и треугольных нашивок обнаружены в гуннском Подунавье в могилах в Регей [Bona, 1991, S. 19, 270, Taf. 15] и Унтерзибенбрунне [Kubitschek, 1911, s. 46, 64, Fig. 12b,c,d,e; Kazanski, 1996, fig. 5; Friesinger, Vacha, 1988, S. 54.], а также в Нижней Нормандии, в Эроне [Pilet, 2007, fig. 4.2; pl. 2].

Налобные повязки использовали аланы. В области кочевания аланских племен в составеклада в пещере на восточном берегу озера Батырь на Восточном побережье Каспия (юго-западный Казахстан) найдена налобная повязка (длина 46 см, ширина 3 см) из льняного холста, покрытого красной шелковой тканью с нашитыми в два ряда круглыми бляшками из золотой фольги [Скалон, 1960, с. 120-123, 126, рис. 4,3; 6; Засецкая, 2001, с. 35]. Отметим, что на Северном Кавказе в повязках-диадемах аланы хоронили женщин и в эпоху средневековья. Одна из сохранившихся таких повязок VIII в. из могильника Мошечая Балка выполнена из шелка в виде полосы шириной от 4,0 до 9,5 см. Расширяющуюся в центре надо лбом повязку завязывали на затылке и носили поверх шапки с наосником [Иерусалимская, 1992, с. 17, 44, кат. 13, схема 8,1].

В V в. бляшками одних и тех же типов украшали и головные уборы, и горловины платья. На некрополе Танаиса в могиле 295 в первой половине V в. подвески-лунницы, пронизки-трубочки и ромбовидные бляшки лежали в верхней части грудной клетки погребенной. Видимо, этими бляшками была обшита горловина платья [Гречанова, 1988, с. 61-62, рис. 1Б,4-6; 2,2; Арсеньева и др., 2001, табл. 40, 483-485]. Подобные украшения горловины платья обнаружены в одновременных погребениях на некрополях Китея [Ханутина, Хршановский, 2009, с. 65, рис. 4, 9,10] и Фанагории [Медведев, 2013, рис. 46]. Возможно, к украшению горловины платья следует отнести нашивные украшения из Юго-Западного Крыма – из Алмалык-Дере (рис. 7, 1,2), Красного Мака [Лобода, 2005, рис. 5, 14-16] и Гурзуфа [Damm, 1988, S. 133-134, Kat. Nr. 45, Abb. 93,171-175]. Все наборы – из Китея, Танаиса, Красного Мака и Гурзуфа – близки по количественному составу: в каждом число ромбовидных бляшек и лунниц одинаково, а пронизей – превышает в 2,5-4 раза. Близкое по типологическому составу ожерелье первой половины V в. обнаружено в Южной Испании, в Гранаде-Альбаицин. В. Кузнецов относит испанскую находку к аланам, присутствие которых в названном регионе в первой половине V в. засвидетельствовано письменными источниками [Kuznesov, 2000, p. 6,8,10, fig. 1,17].

Во второй половине V в. в Юго-Западном Крыму горловины платьев расширяли уже по-другому. Для этого использовали прямоугольные золотые нашивные бляшки, спаянные из 4-х трубочек, скрученных из рифленой фольги и более сотни мелких шаровидных бисерин из синего и черного глухого стекла (рис. 89, 1,5). Бляшки нашивали узкой полосой вдоль края горловины, а свободное пространство между ними заполняли стеклянным бисером. Наборы таких нашивных украшений найдены в могильниках Алмалык-Дере [Maćzyńska и др., 2016, Taf. 77; 335-336] и Черная Речка.

На рубеже IV-V вв. аланы переселились в регион, занятый в середине III в. родственными племенами и германцами (рис. 2). В горах аланам, так же как и уже поселившимся соплеменникам, пришлось изменить образ жизни и перейти к пастушеско-земледельческой экономике. Найденные в погребальных сооружениях могильника у с. Лучистое остеологические материалы фиксируют разведение домашней птицы, овец, свиней и выращивание крупного рогатого скота. Находки в погребениях удил позволяют говорить и о разведении лошадей. Новые поселенцы освоили земледелие и виноградарство. Урожай перерабатывался на вновь возникших поселениях. На одном из них, на Загайтанской Скале найдены две пары жерновов диаметром 2,0 м [Савеля, 1994, с. 59].

Находки из региона фиксируют существование контактов населения Юго-Западного Крыма с варварами Северо-Западного Причерноморья, Северной, Западной и Центральной Европы [Айбабин, 2002, с. 42; Айбабин, Пиле, 2002, с. 5, 10]. Клад, найденный на склоне мыса Ай-Тодор, близ могильника Харакс содержал восточноримские и германские монеты, имитирующие западноримские. Самая поздняя монета чеканена в 395-408 гг. в Константинополе. Клад сформировался в Центральной Европе в регионе с типичным «варварским» монетным обращением [Сидоренко 1987, с. 133-135]. Идентичность набора аксессуаров женского костюма из Лучистого, из могилы 82 и из Нижней Нормандии (Эрана), равно как и находка типичной для бассейна Рейна пряжки с псевдокербшнитным декором в склепе 173 могильника Лучистое, дает возможность предполагать участие алан из Горного Крыма в каких-то событиях на Западе империи.

В. А. Сидоренко переиздал фрагмент найденной в 1914 г. в Херсонесе надписи об удостоверении императором Гонорием (395-423 гг.) предоставленного прежде Феодосием I права приплывать в Херсон. По мнению В. А. Сидоренко, в надписи сообщается о подтверждении Гонорием в 408 г. декрета о расселении готов Алариха во Фракии и в Херсоне с приморской областью. То есть, надпись свидетельствует об общности готов федератов Фракии и страны Дори [Сидоренко, 1987, с. 138, 139]. Однако восстановленные фрагменты надписи позволяют, ее датировать только всем периодом правления Гонория - 395 – 423 гг. В ней сказано о праве приплывать, и упомянут город Херсон, а не Херсонес [Храпунов, 2010, 365-372]. В сохранившемся фрагмент текста нет каких-либо сведений о переселении готов – федератов в Херсон или область Дори.

По сообщению Прокопия, после смерти правителя гуннов его сын Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье. Недалеко от Меотиды на перешейке (Керченском полуострове) дорогу им преградили готы. Встретившись, противники заключили соглашение о союзе и вместе переправились на восточный берег Меотиды. Он относит данное событие ко времени, когда вандалы уже утвердились в Ливии (429 г.), а визиготы поселились в Испании [Procopius, History of the wars, Vol. V, book VIII, V,15-22; Васильевский, 1912, с. 373-374; Cameron, 1996, p. 37]. Многие считали, что описанное событие произошло после распада державы Аттилы в 454 г. [Кулаковский, 1914, с. 55; Vasiliev, 1936, p. 39; Артамонов, 1962, с. 86-87]. По мнению А. А. Васильева и А. Л. Якобсона, готы, заключив союз с утигурами, разделились на две части. Одни переселились на Черноморское побережье южнее Тамани, а другие отошли в Горный Крым [Vasiliev, 1936, p. 39, 40, 68; Якобсон, 1964, с. 9].

В некоторых списках сочинения Прокопия «Войны с готами» готы названы «тетракситами», а в других – «трапезитами». По мнению А. А. Васильева, второй этноним более точен и правилен. Он связывает этноним готы-трапезиты с топонимом реально существующей близ Алушты, упомянутой еще у Страбона, Столовой горы Трапезус – Чатыр-Даг [Vasiliev, 1936, p. 64-69]. Иордан

в перечне прибрежных городов восточнее Мирмекия помещает Трапезунт. Е. Ч. Скржинская в комментариях к переводу «Гетики» на русский язык предположила, что Трапезунт основали восточнее полуострова на побережье Северного Кавказа крымские готы – союзники утигуров, перенесших из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус [Иордан, *Getica*, с. 198-199].

Готов горного Крыма Прокопий считал союзниками, подданными Теодориха, то есть остготами, которые по его словам: «...с древних времен» и «не последовали за Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь» [Procopius, *De Aedificiis*, Vol. VII, Book III, VII,13]. Остготы Теодориха вторглись в Италию в 488 г. [Wolfram, 1990, S. 293-296; Barnwell, 1992, p. 134-135].

По словам Прокопия, готы-тетракситы исповедовали христианство. Однако ему не известно, были ли они арианами как другие народы [Procopius. *History of the Wars*, Vol. V. Book VIII, IV,9-11]. В Горном Крыму христианство распространилось из Херсонеса, который был главным экономическим партнером для населявших Юго-Западный Крым готов и алан. Через Херсонес в регион из Византии и других территорий поступали необходимые товары, в том числе керамика, стеклянные сосуды, пряжки, фибулы и другие детали женского и мужского костюмов.

О дате распространения христианства среди варваров Юго-Западного Крыма можно судить по результатам анализа материалов раскопок принадлежавших им некрополей. Христианизация горнокрымских варваров стимулировала активизацию ассимиляционных процессов в регионе. В середине V в. германцы отказались от использования традиционного погребального обряда кремации. Около середины V в. перестали кремировать на Чернореченском некрополе (рис. 2, 4) и были оставлены могильники с кремацией южнобережных готов на склоне Чатыр-Дага и на мысе Ай-Тодор (Харакс) (рис. 2, 1-3) [Айбабин, 1999, с. 81]. Готы переняли у аланских соседей более приемлемый для новой религии погребальный обряд ингумации в склепах.

В немногочисленных раскопанных в Юго-Западном Крыму захоронениях второй половины V в. преобладают характерные для Подунавья бронзовые и железные пряжки, поясные наборы, броши в виде цикад, двупластинчатые фибулы с имитацией кербшнитного орнамента и ранневизантийские поясные наборы с узкими наконечниками с щелью для ремня, пропиленной в верхней части. По наблюдению Э. А. Хайрединовой, в женском костюме варваров Юго-Западного Крыма доминировали остготские аксессуары [Хайрединова, 1999, с. 213-214; Хайрединова, 2002, с. 84].

В V в. в ставших оседлыми аланских общинах способные носить оружие мужчины были воинами. В Лучистом и Скалистом во многих мужских аланских захоронениях данного периода находились мечи, наконечники копий, дротиков и стрел.

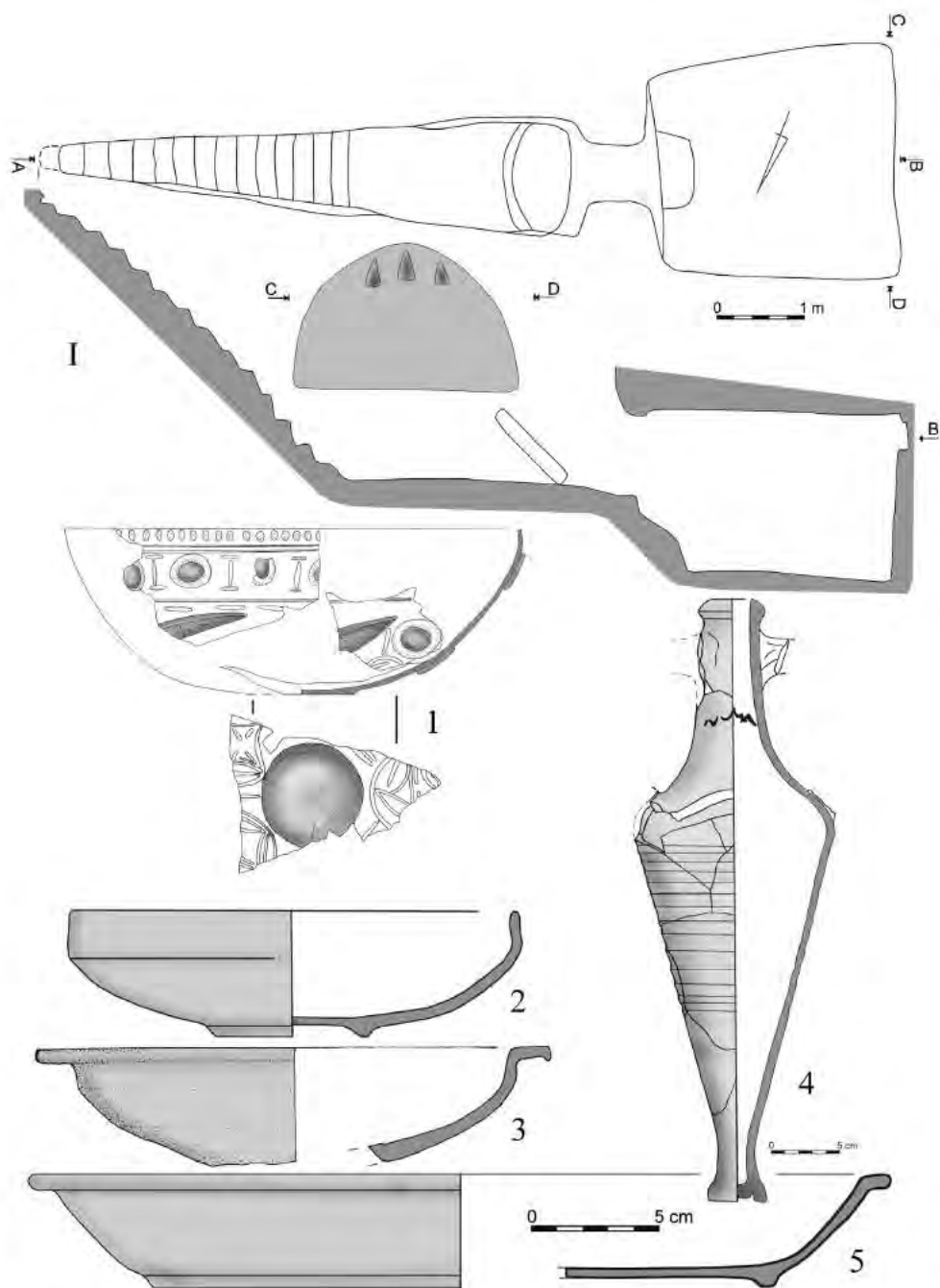

Рис. 61. Могильник Алмалык-Дере. Склеп 2/1996.
I – план, разрезы к плану и фасировка юго-западной стенки камеры с нишей;
1-5 – находки из склепа. [по Мączczyńska и др., 2016, Taf. 1-5; 8]

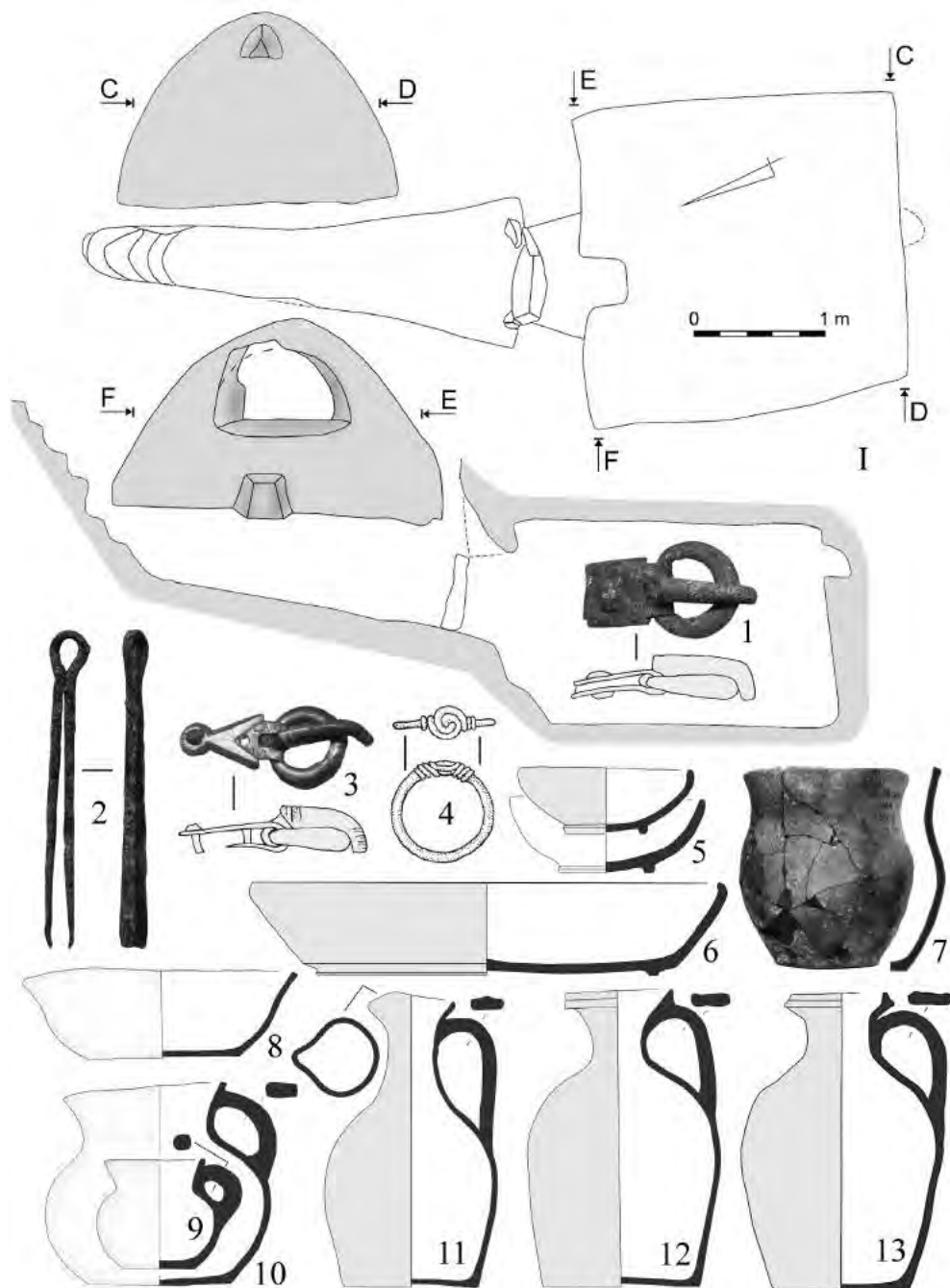

Рис. 62. Могильник Алмалык-Дере. Склеп 158/2003.

I – план, разрезы к плану и фасировки северо-восточной и юго-западной стенок камеры;
1-13 – находки из склепа. [по Мацуйська и др., 2016, Taf. 176; 178, 2-4; 179, 3; 180-184]

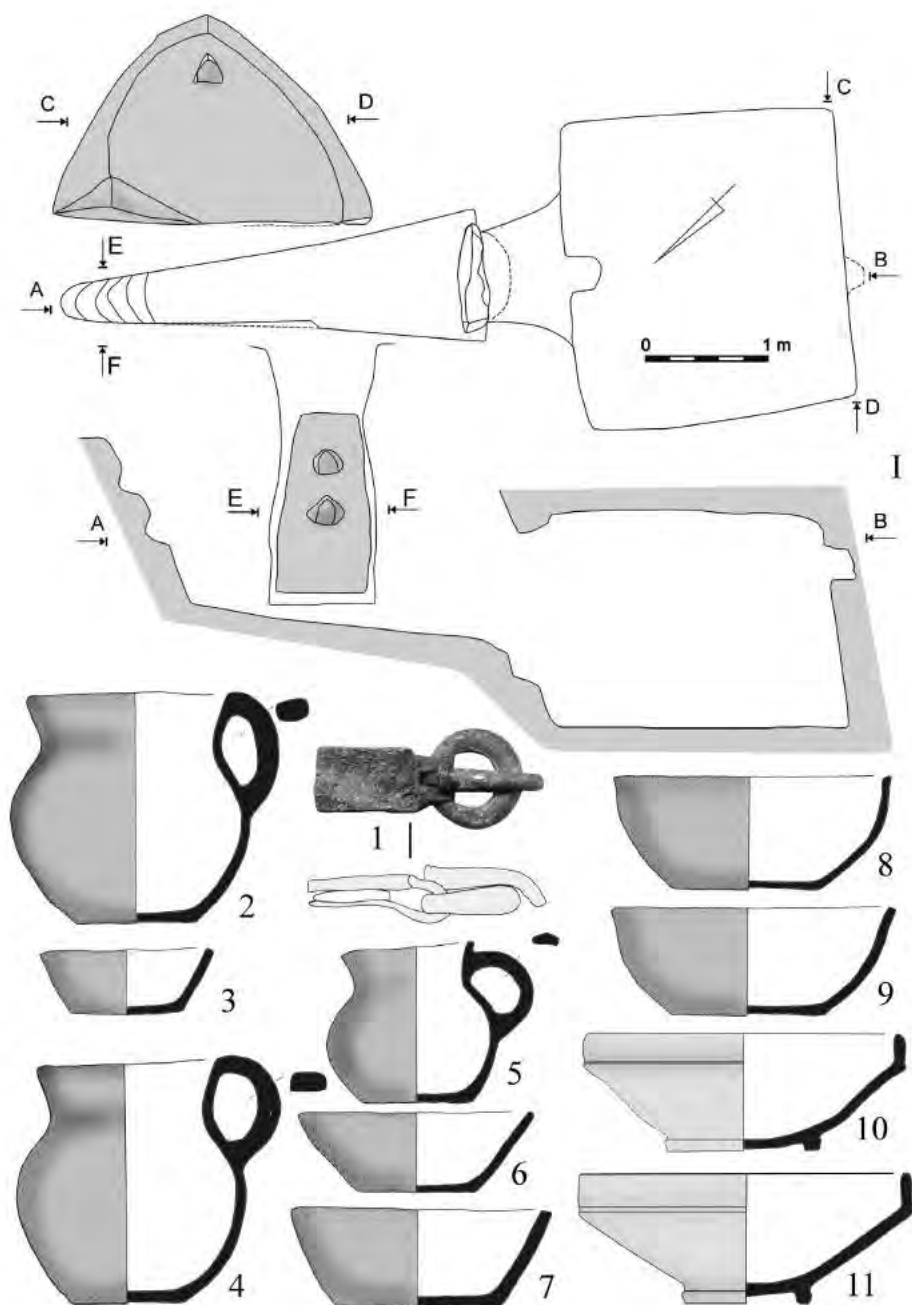

Рис. 63. Могильник Алмалык-Дере. Склеп 160/2003.
I – план, разрезы к плану и фасировки тыльного борта входной ямы
и юго-западной стенки камеры; 1-11 – находки из склепа.
[по Maczyńska и др., 2016, Taf. 191; 192, 2; 194-196]

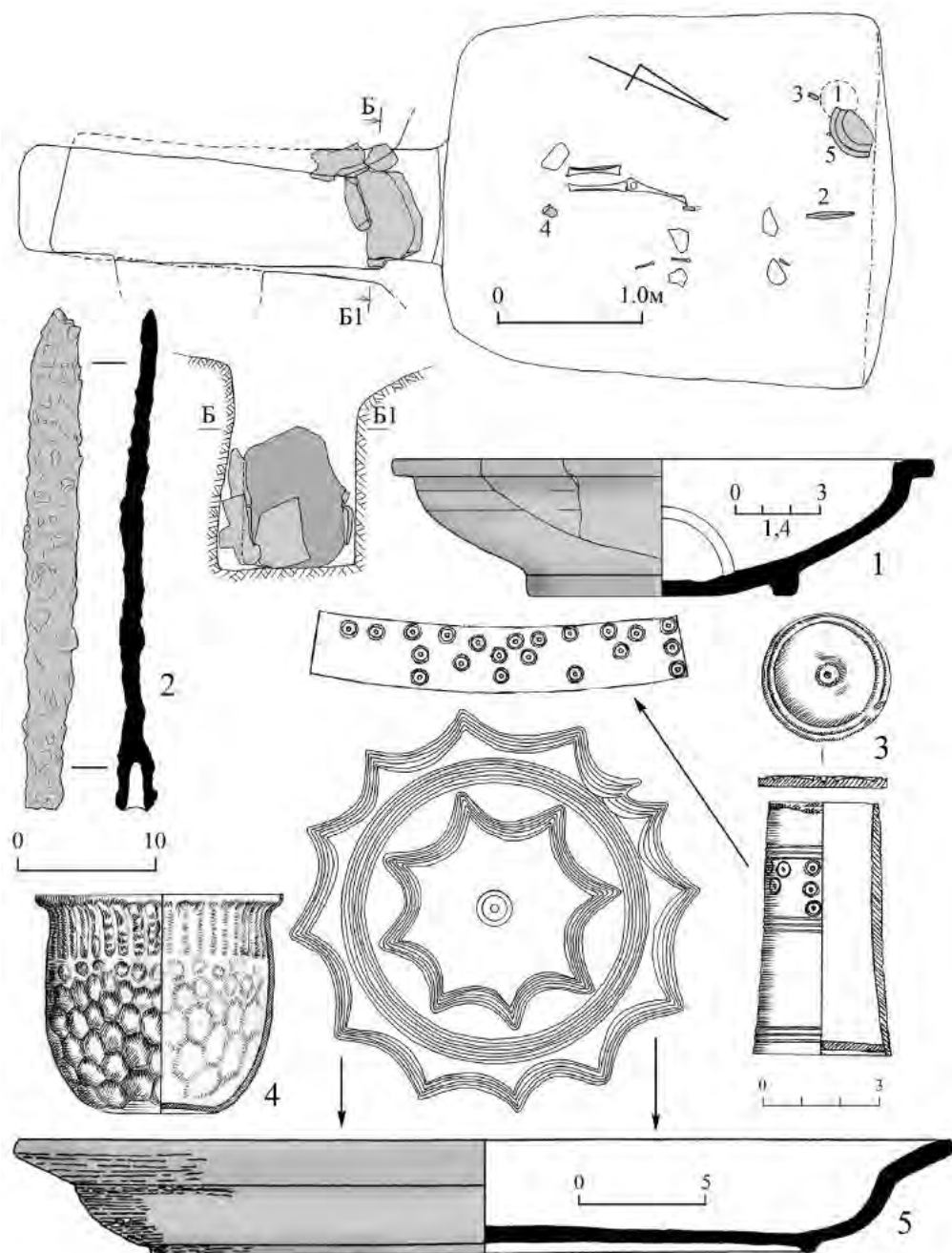

Рис. 64. Могильник Алония. Склеп II.
 I – план склепа и фасировка плитового заклада входа в камеру склепа;
 1-5 – находки из склепа. [по Турова, Черныш, 2015, рис. 15; 16]

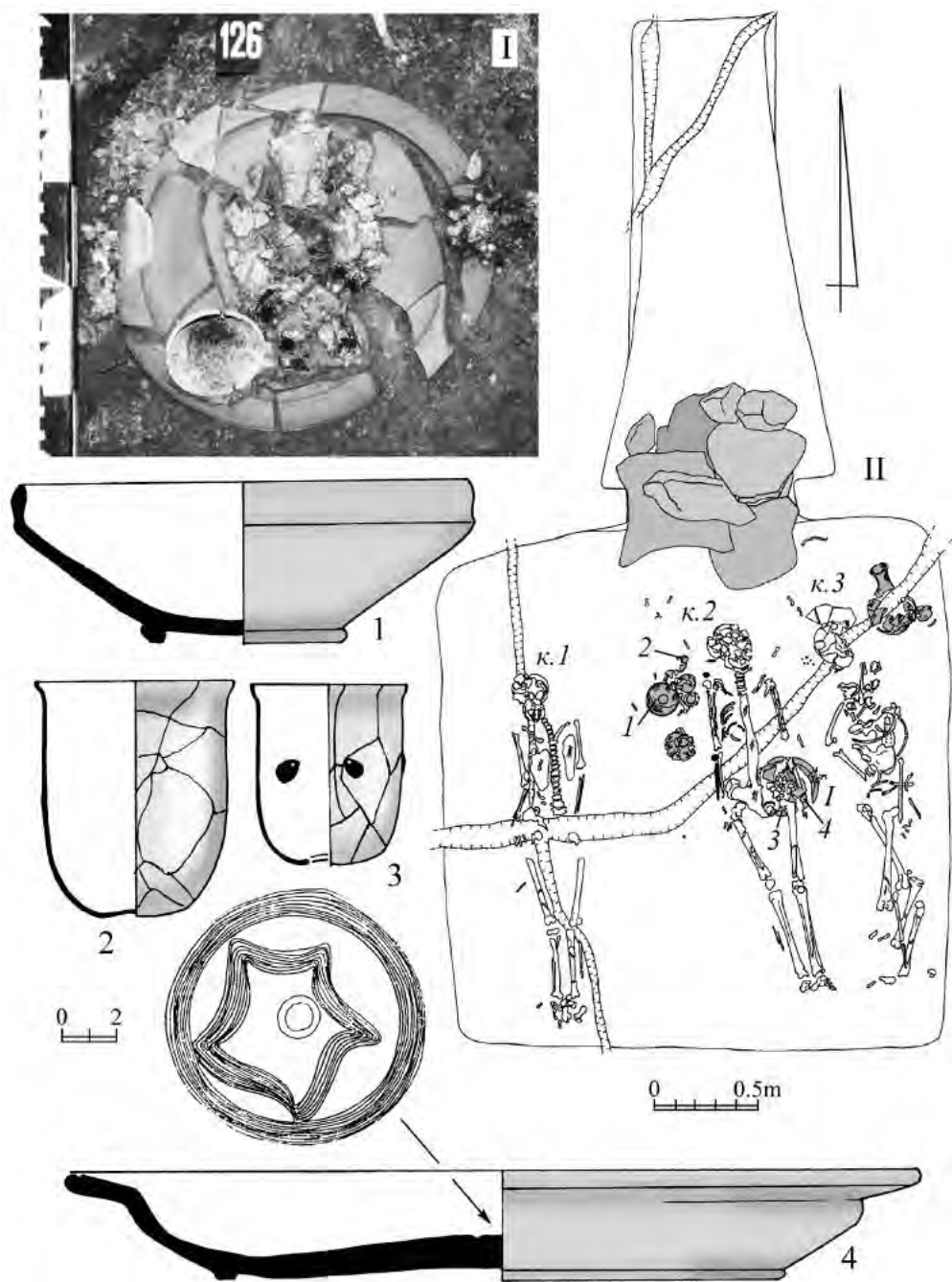

Рис. 65. Могильник у с. Лучистое. Склеп 126.
I – фото сосудов, стоявших около погребения 2, вид с юга;
II – план склепа с погребениями; 1-4 – находки из склепа

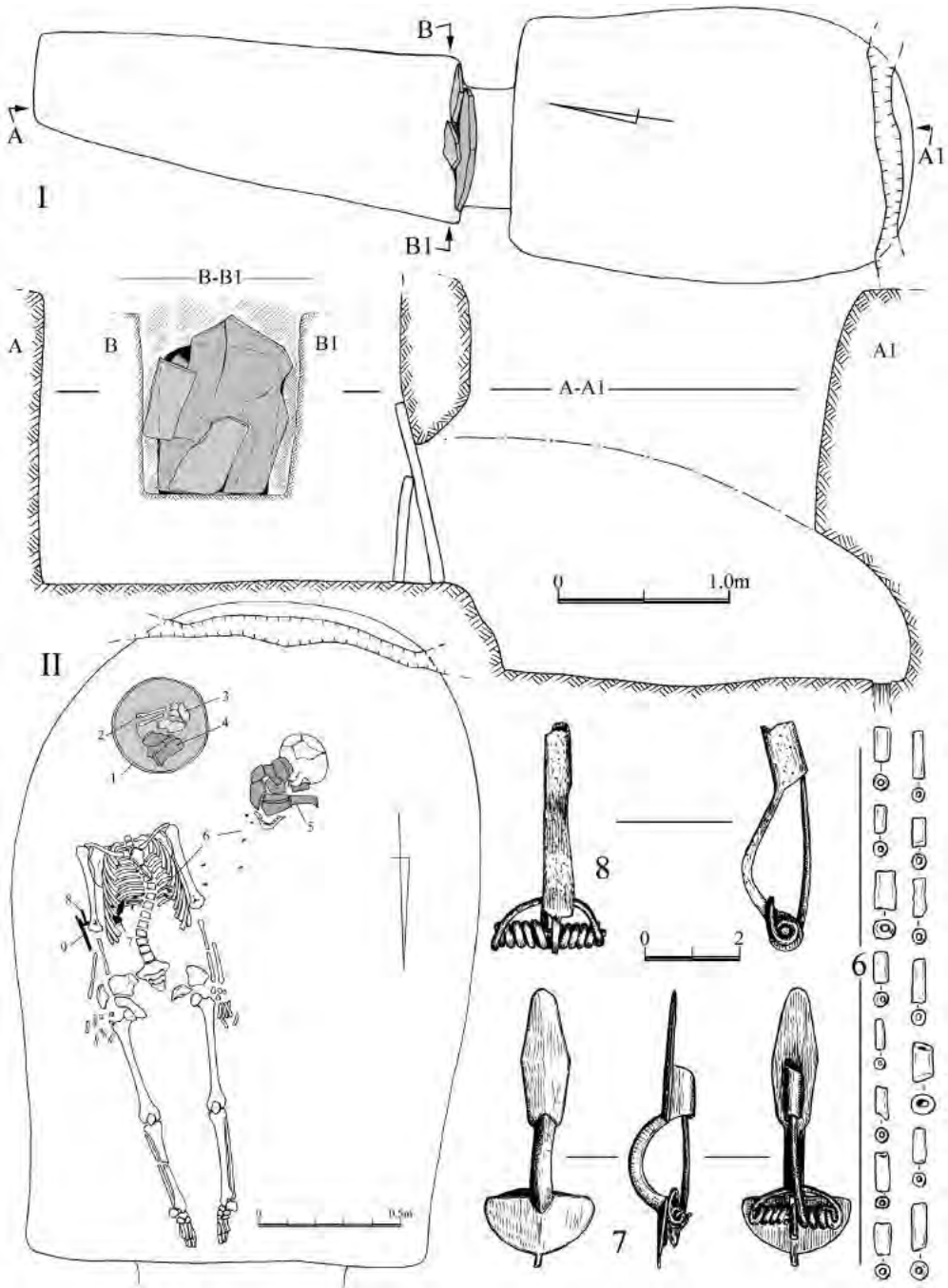

Рис. 66. Могильник у с. Лучистое. Склеп 58.

I – план склепа, разрез к плану и фасировка плитового заклада входа в камеру склепа;
II – план камеры склепа с погребением; **6-8** – находки из склепа

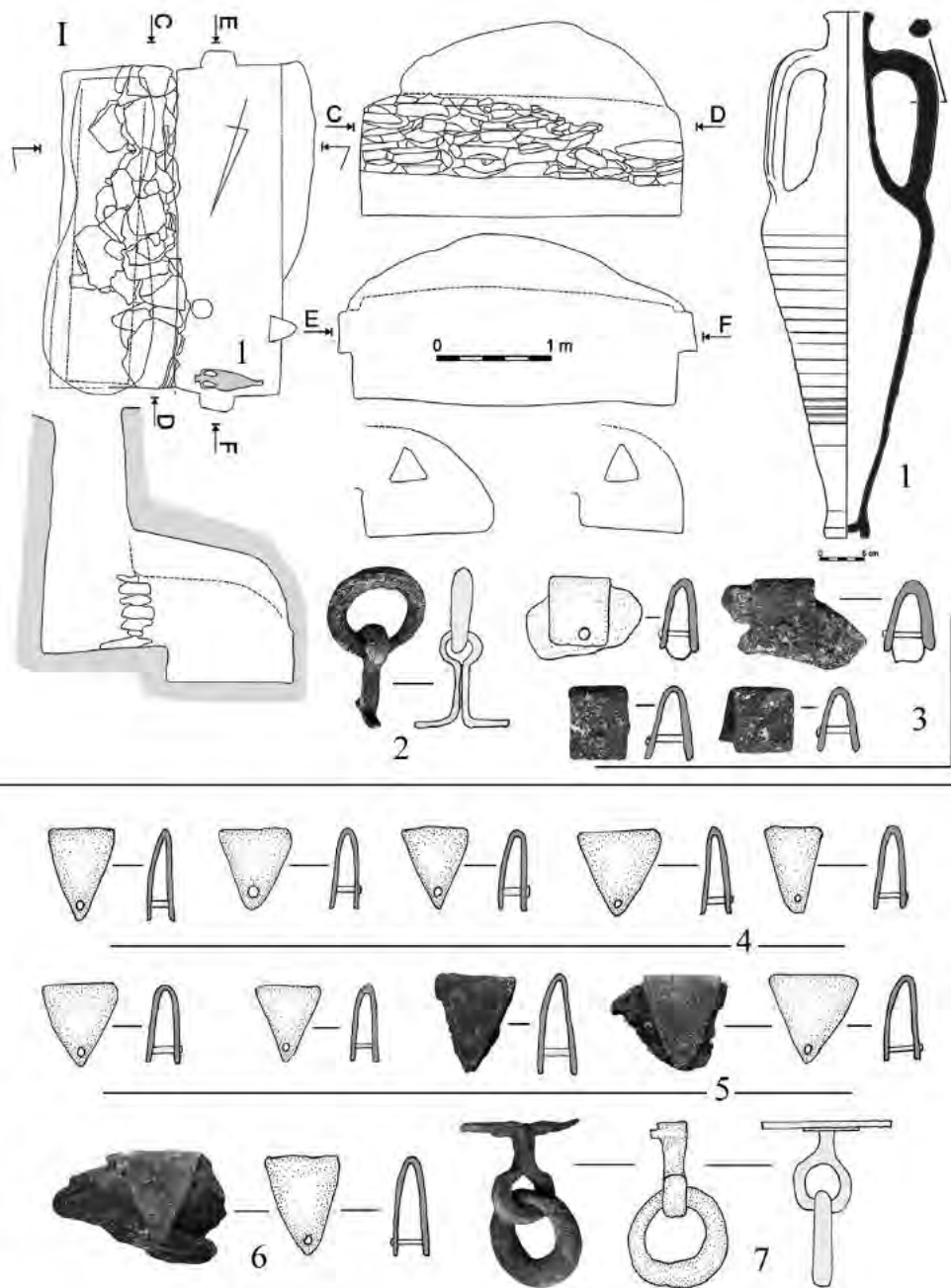

Рис. 67. Могильник Алмалык-Дере. Подбойная могила 7/1999 (1,1-3) и склеп 185/2006 (4-7). 1 – план, разрезы к плану и фасировка каменного заклада подбоя; 1-7 – находки (2-7 – бронзовые оковки и кольца для подвешивания от деревянных чаш). [по Мацэўска і др., 2016, Taf. 62; 63; 64, 2,3; 65, 1; 287; 288, 1]

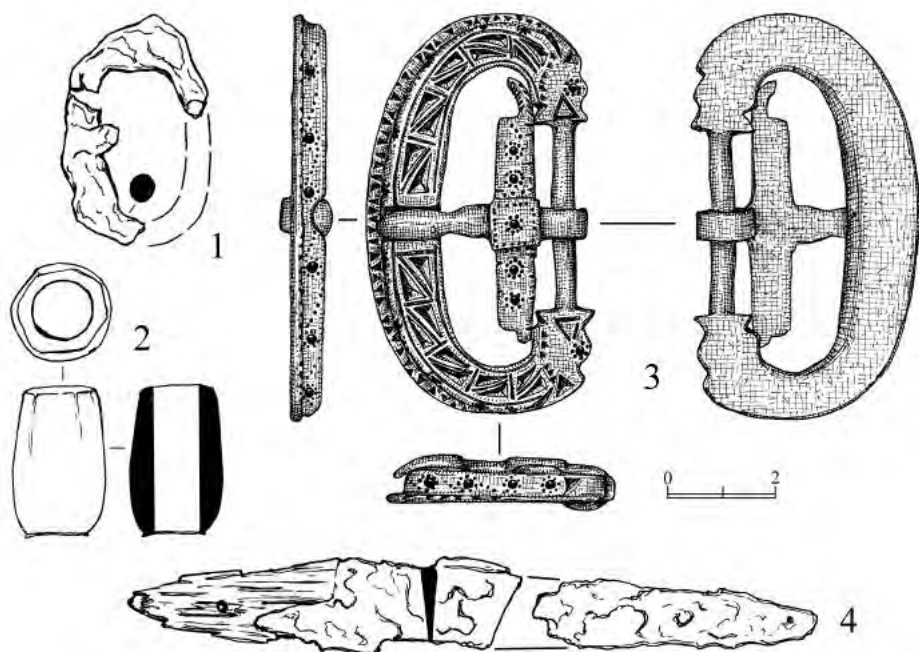

Рис. 68. Могильник у с. Лучистое. Склеп 173.
I – фото камеры склепа, вид с северо-востока; 1-4 – находки из погребения

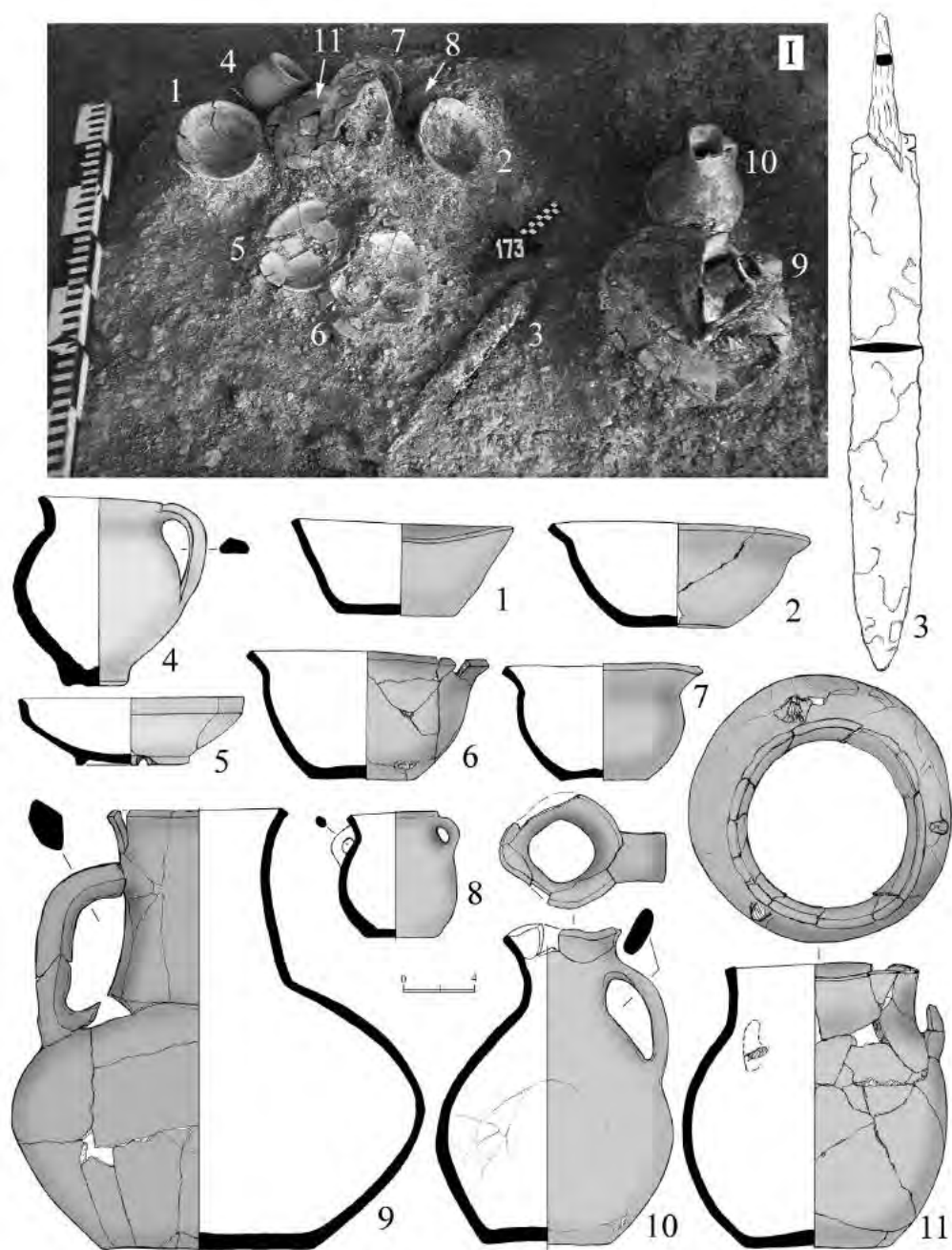

Рис. 69. Могильник у с. Лучистое.

Склеп 173, скопление предметов в южном углу камеры. I – фото предметов *in situ*, вид с северо-запада; 1-11 – находки из южного угла камеры склепа

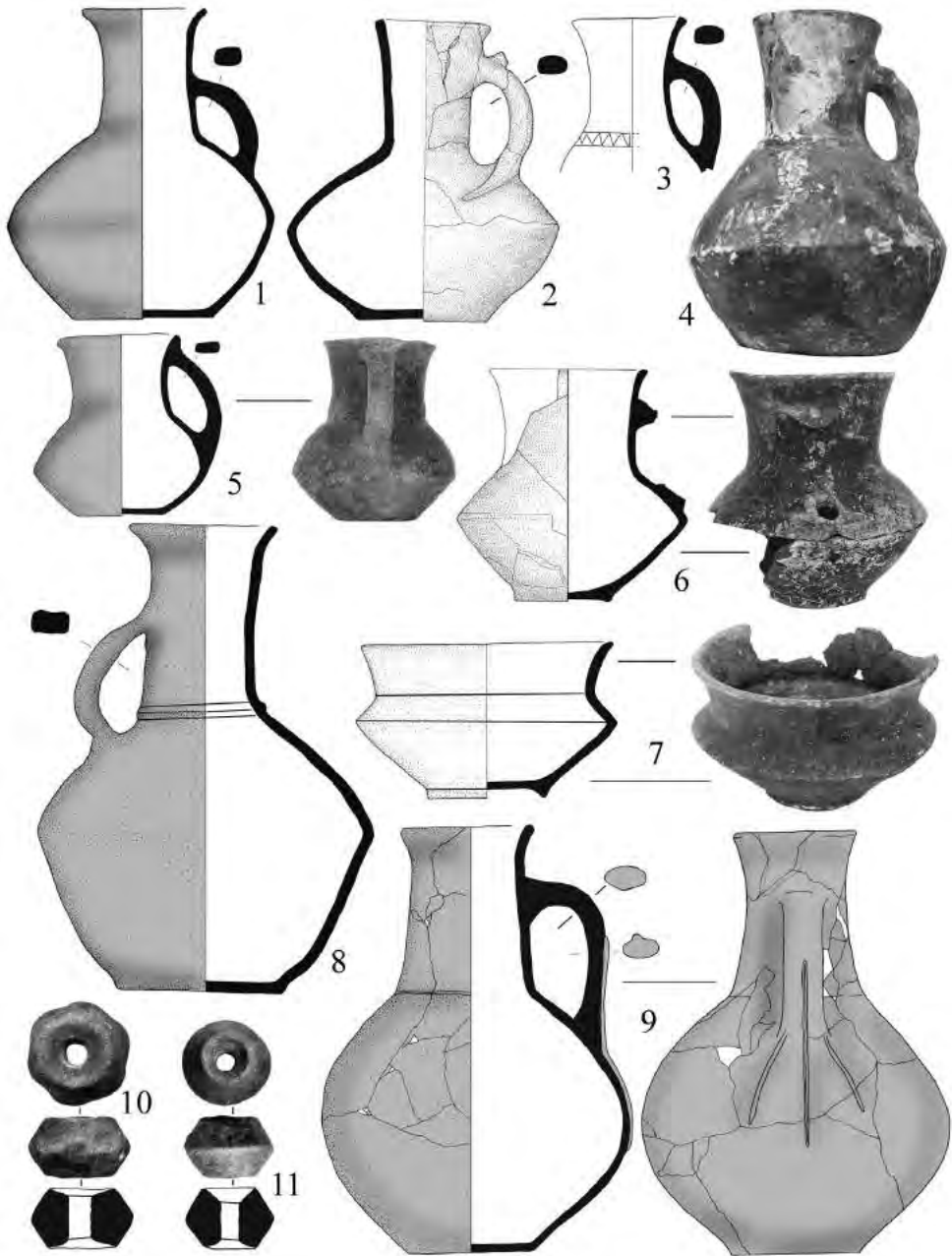

Рис. 70. Могильник Алмалык-Дере. Лепные сосуды (1-9) и керамические пряслица (10,11) из погребений первой половины V в. 1,7,10,11 – склеп 159/2003; 2 – склеп 185/2006; 3,5 – склеп 157/2003; 4 – склеп 6/2001; 6 – склеп 1/2007; 8 – склеп 178/2005; 9 – склеп 190/2007 [по Мацзыўска и др., 2016, Taf. 127, 1; 174, 2,3; 186, 2,3; 188, 2; 190, 2; 242, 3; 282, 3; 304; 331, 2]

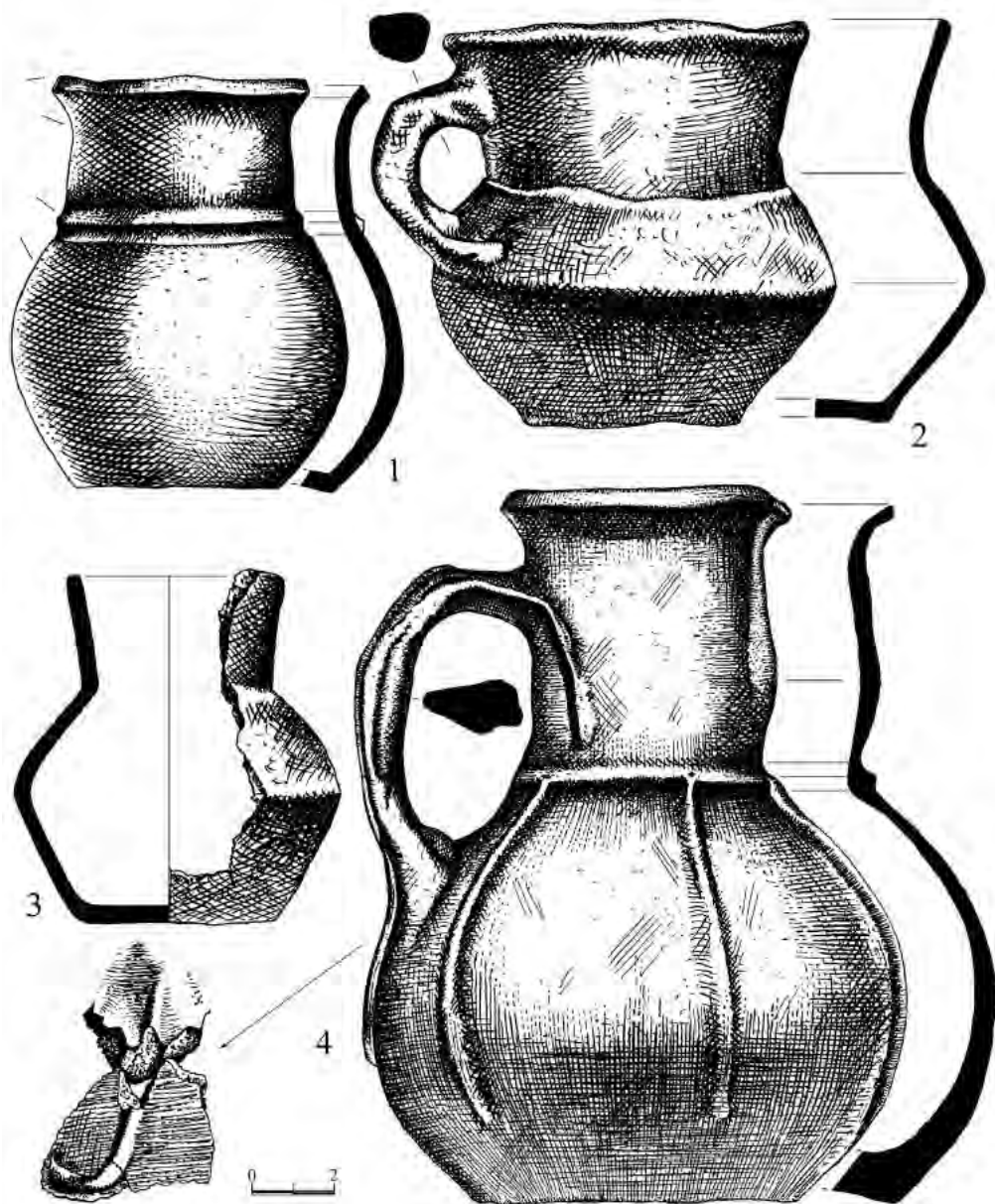

Рис. 71. Могильник у с. Лучистое. Лепные сосуды из склепа 55 первой половины V в.

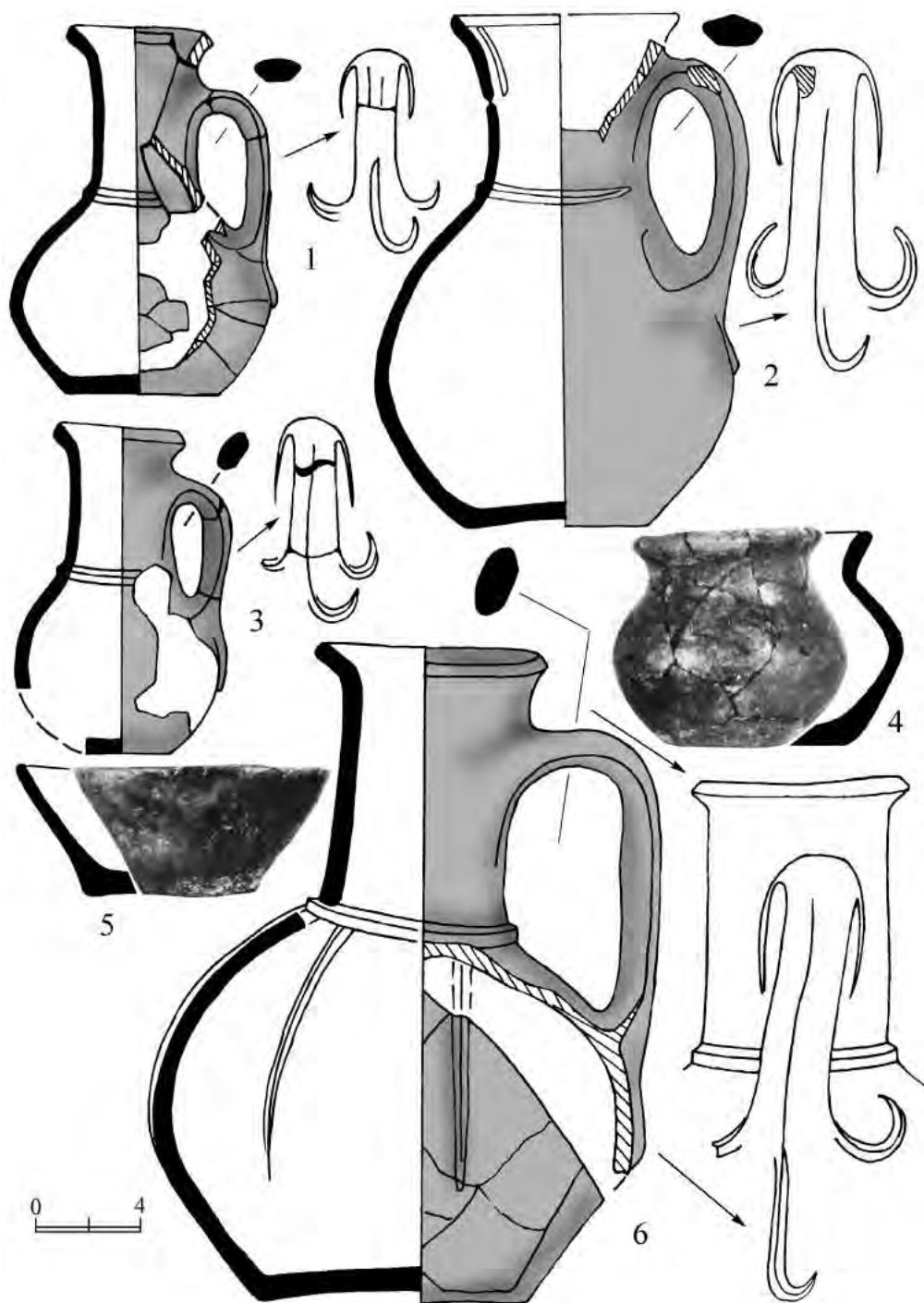

Рис. 72. Могильник у с. Лучистое. Лепные сосуды из склепа 126 первой половины V в.

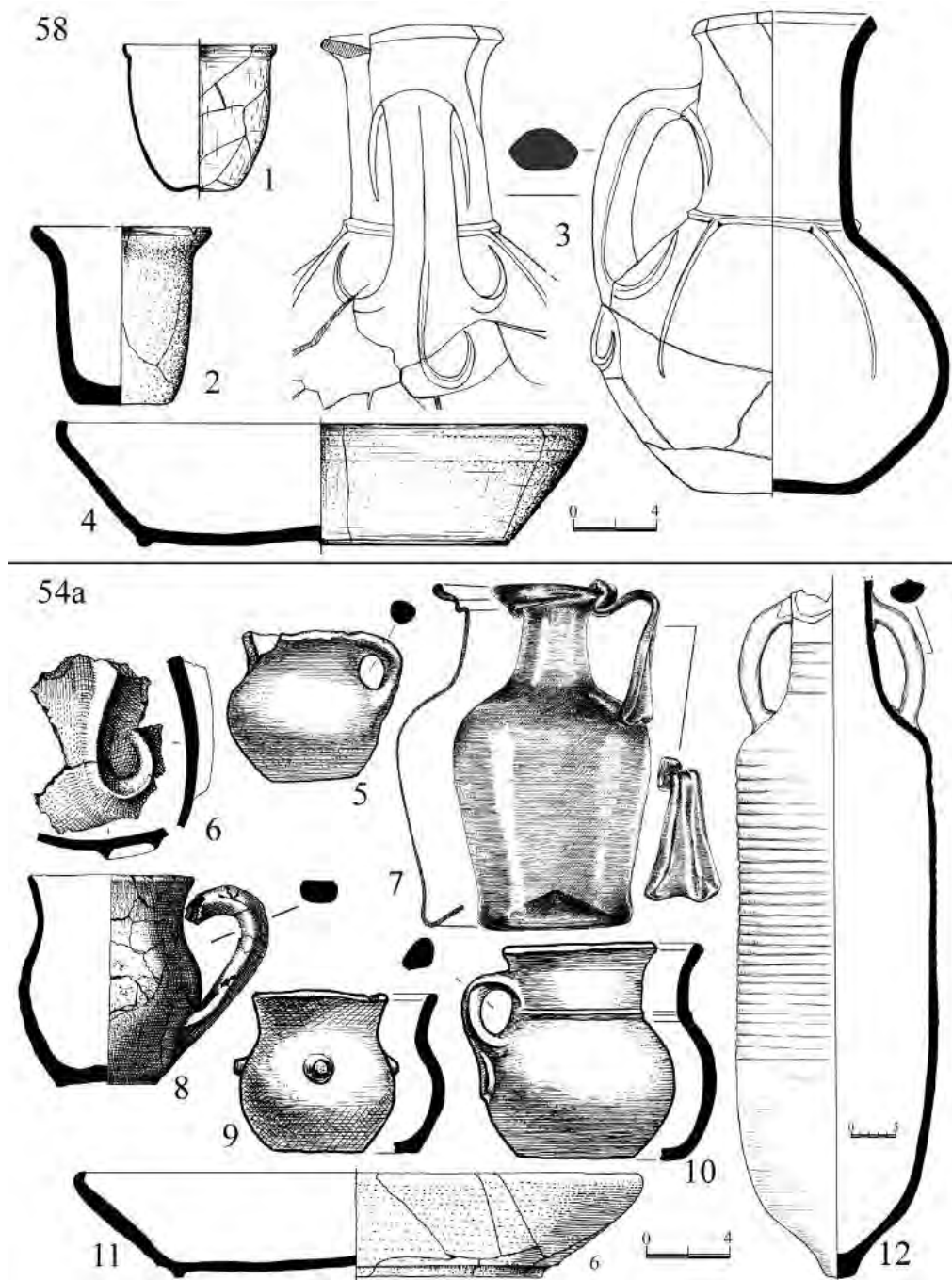

Рис. 73. Могильник у с. Лучистое. Лепная и краснолаковая керамика и стеклянные сосуды из склепов 54а (6-12) и 58 (1-4) первой половины V в.

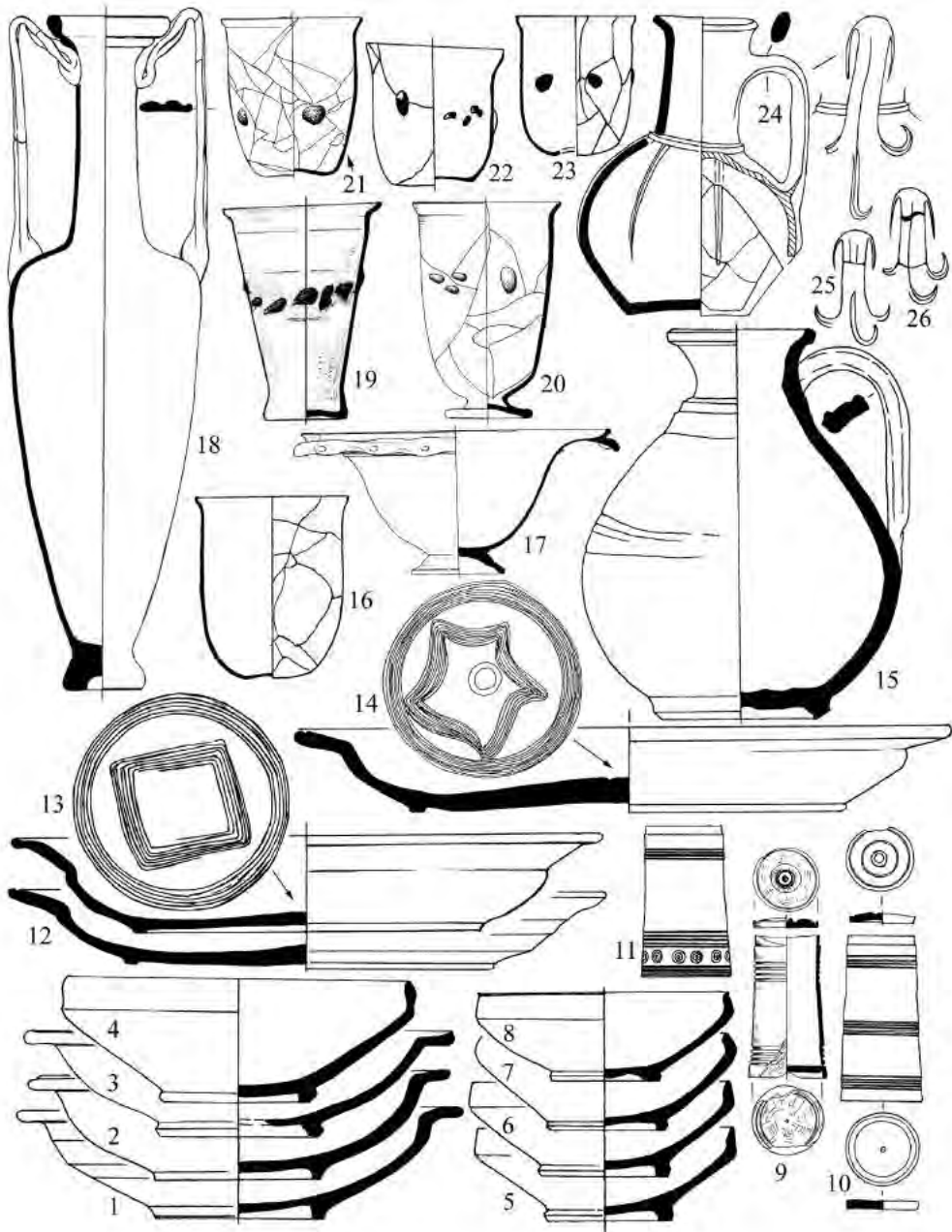

Рис. 74. Могильник у с. Лучистое. Находки из комплексов первой половины V в.
 1,2,5-8,10,11,13,15,18,20,21 – склеп 88; 3,17 – могила 82; 4,14,16,23,24-26 – склеп 126;
 9 – могила 168; 12,22 – склеп 100; 19 – склеп 197

Рис. 75. Могильник у с. Лучистое. Находки из склепа 52 первой половины V в.

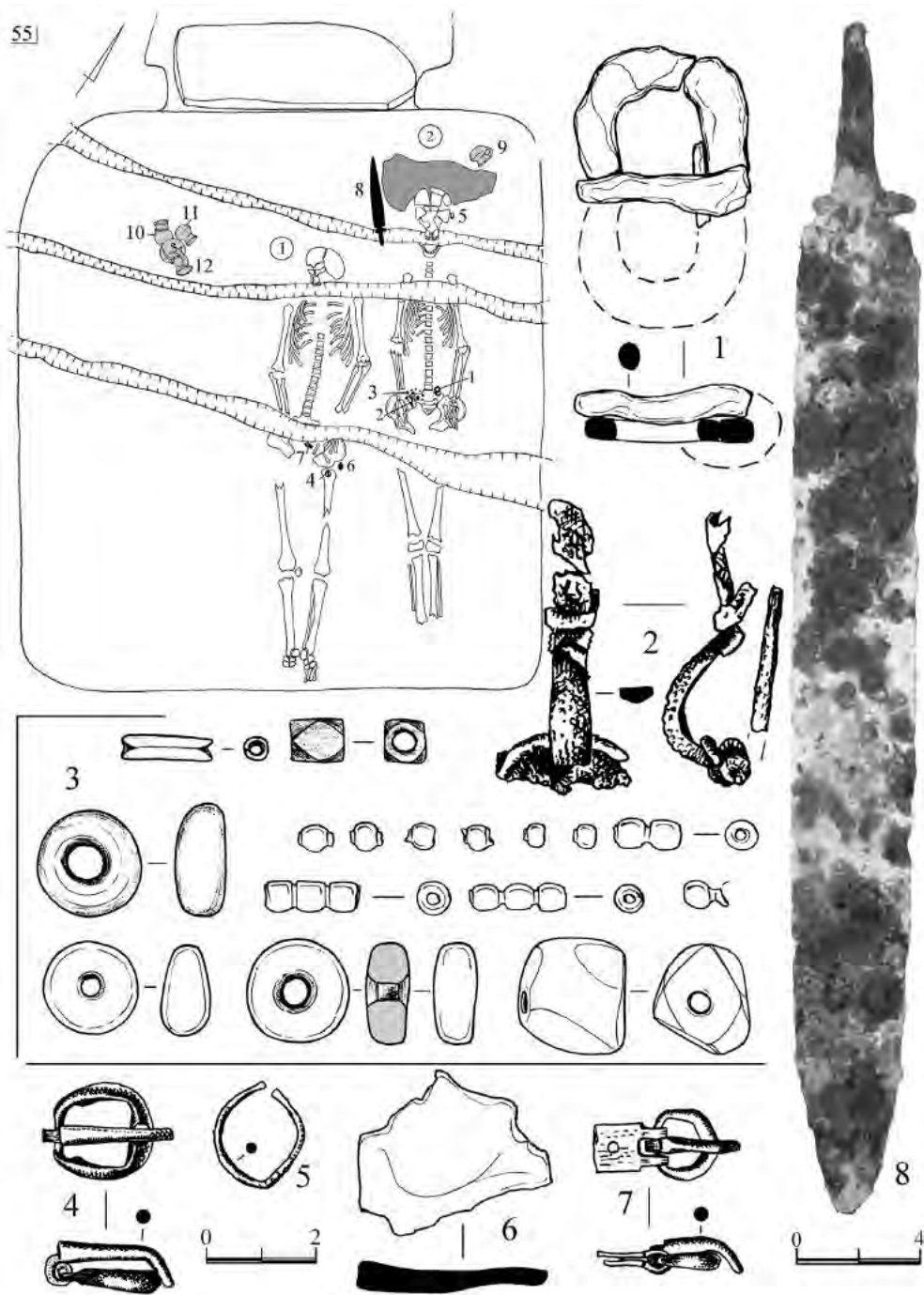

Рис. 76. Могильник у с. Лучистое. Склеп 55.
План камеры склепа с погребениями и находки из захоронений

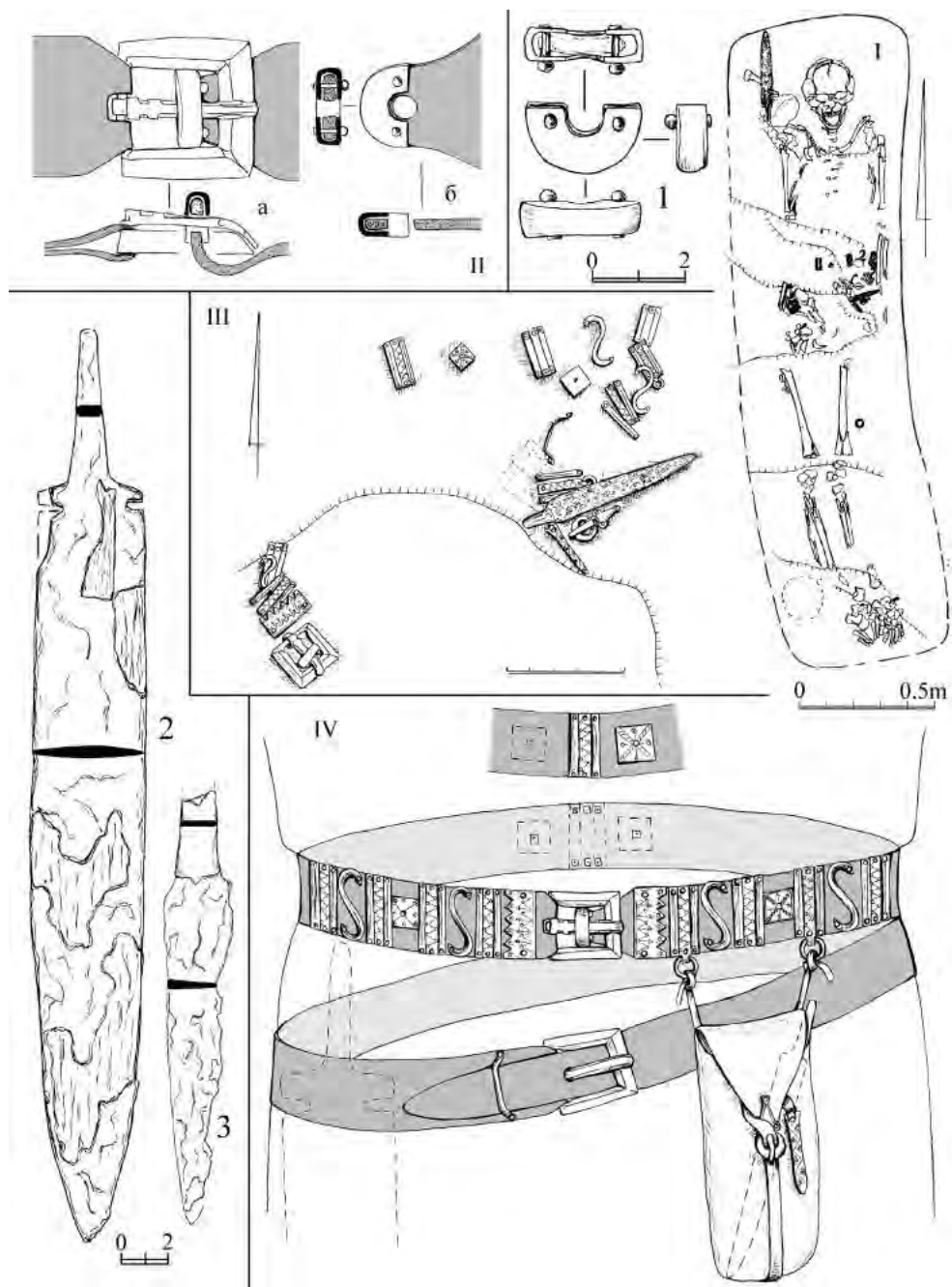

Рис. 77. Могильник у с. Лучистое. Могила 168.

I – план погребения; **II** – схема крепления пряжки и наконечника на ремне;

III – расположение деталей ременной гарнитуры *in situ*;

IV – реконструкция поясного набора погребенного воина; **1-3** – находки из погребения

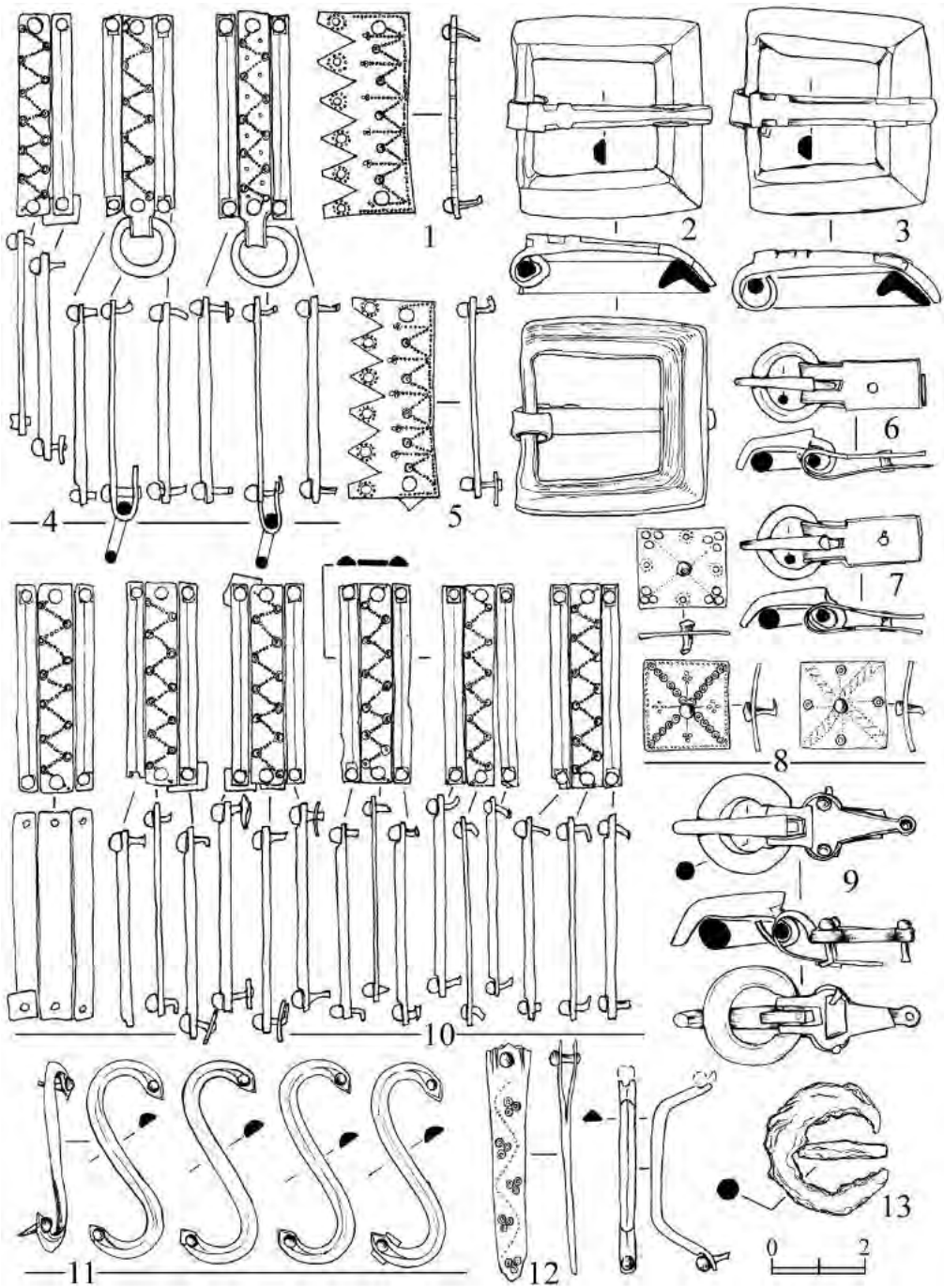

Рис. 78. Могильник у с. Лучистое. Могила 168. Находки из погребения

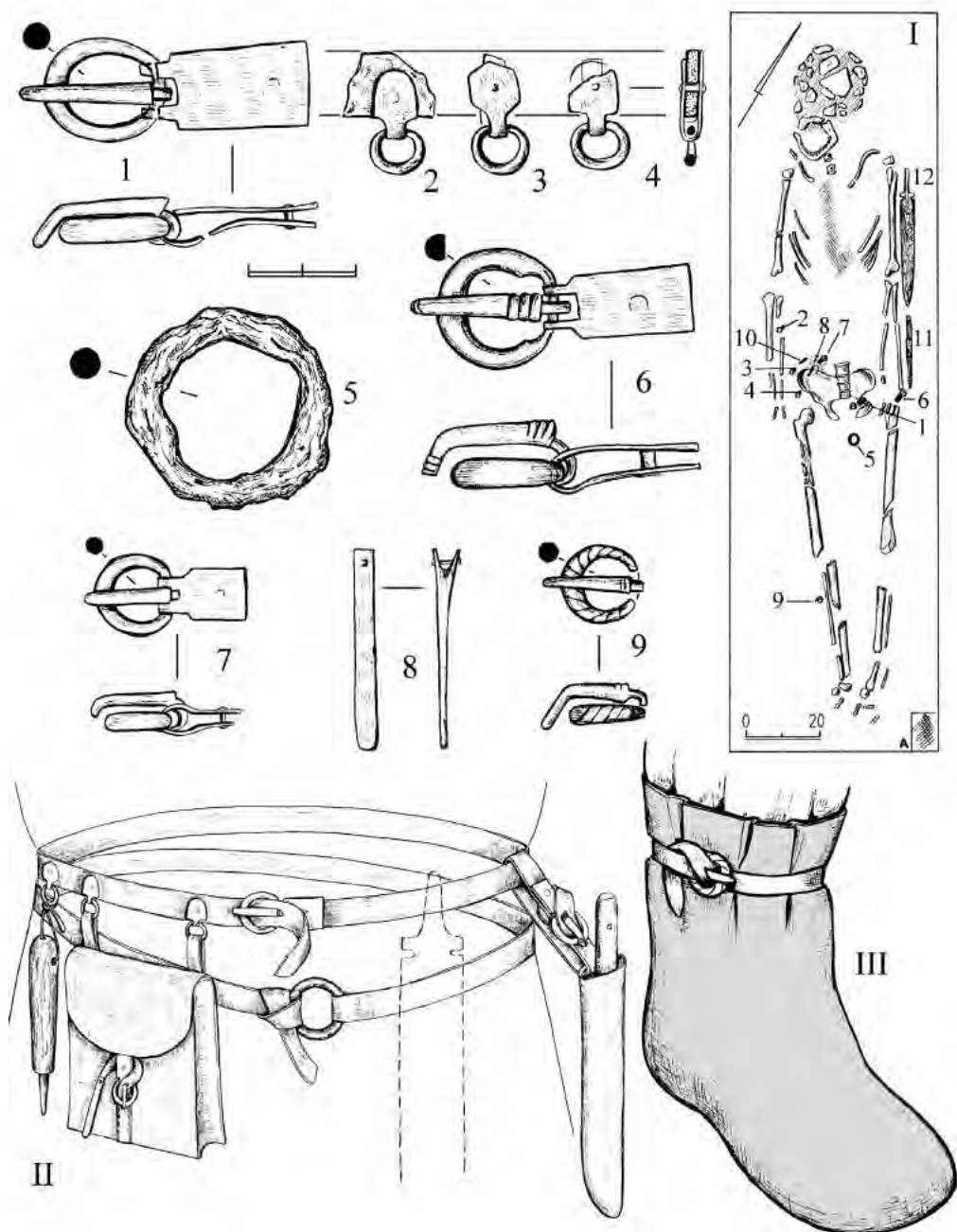

Рис. 79. Могильник у с. Лучистое. Склеп 88, погребение 4. 1-9 – находки из погребения; I – план погребения; II – реконструкция пояса и портупейного ремня погребенного воина; III – реконструкция обуви. (реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

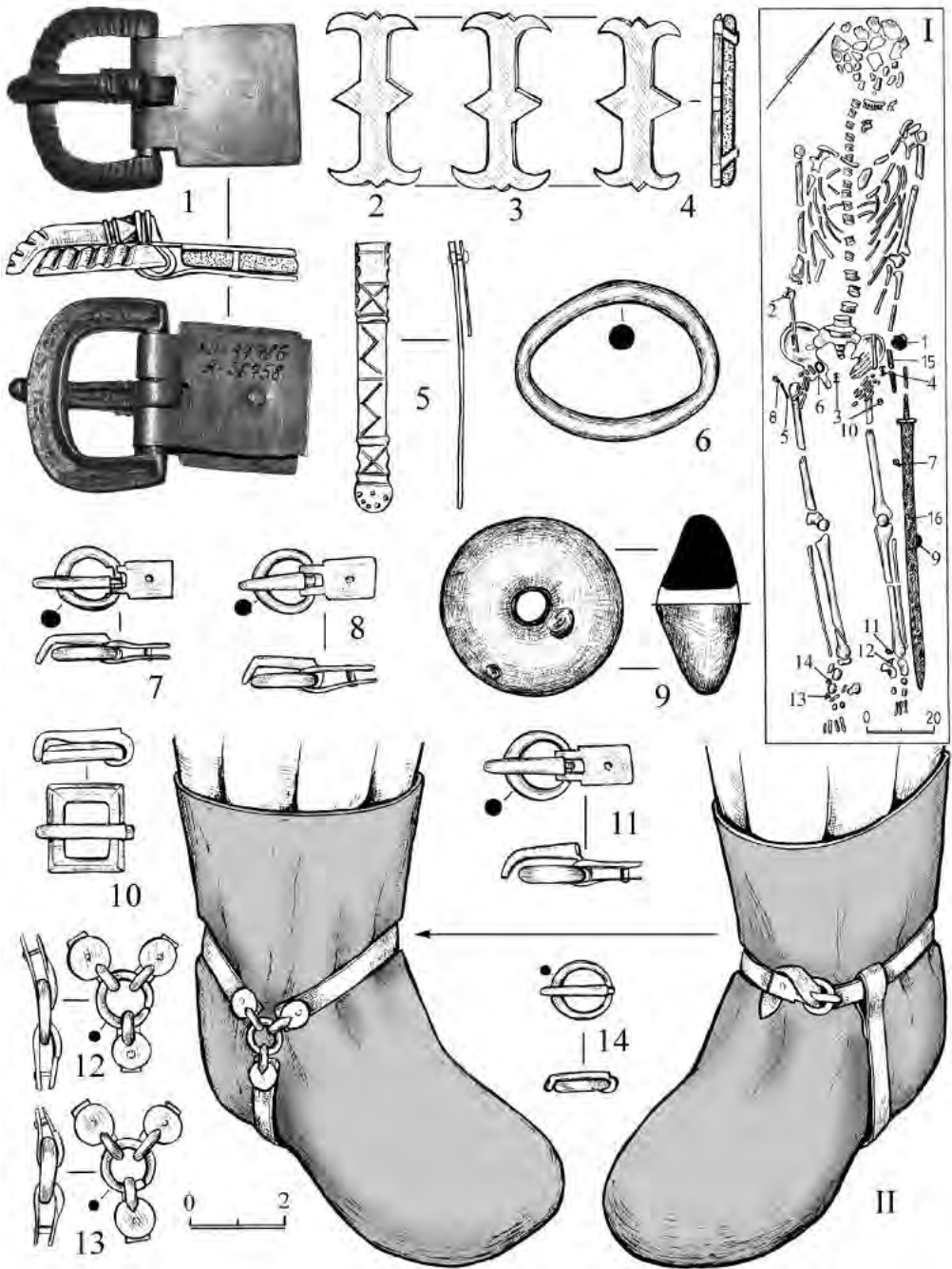

Рис. 80. Могильник у с. Лучистое. Склеп 88, погребение 5.
 1-14 – находки из погребения; I – план погребения; II – реконструкция обуви.
 (реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

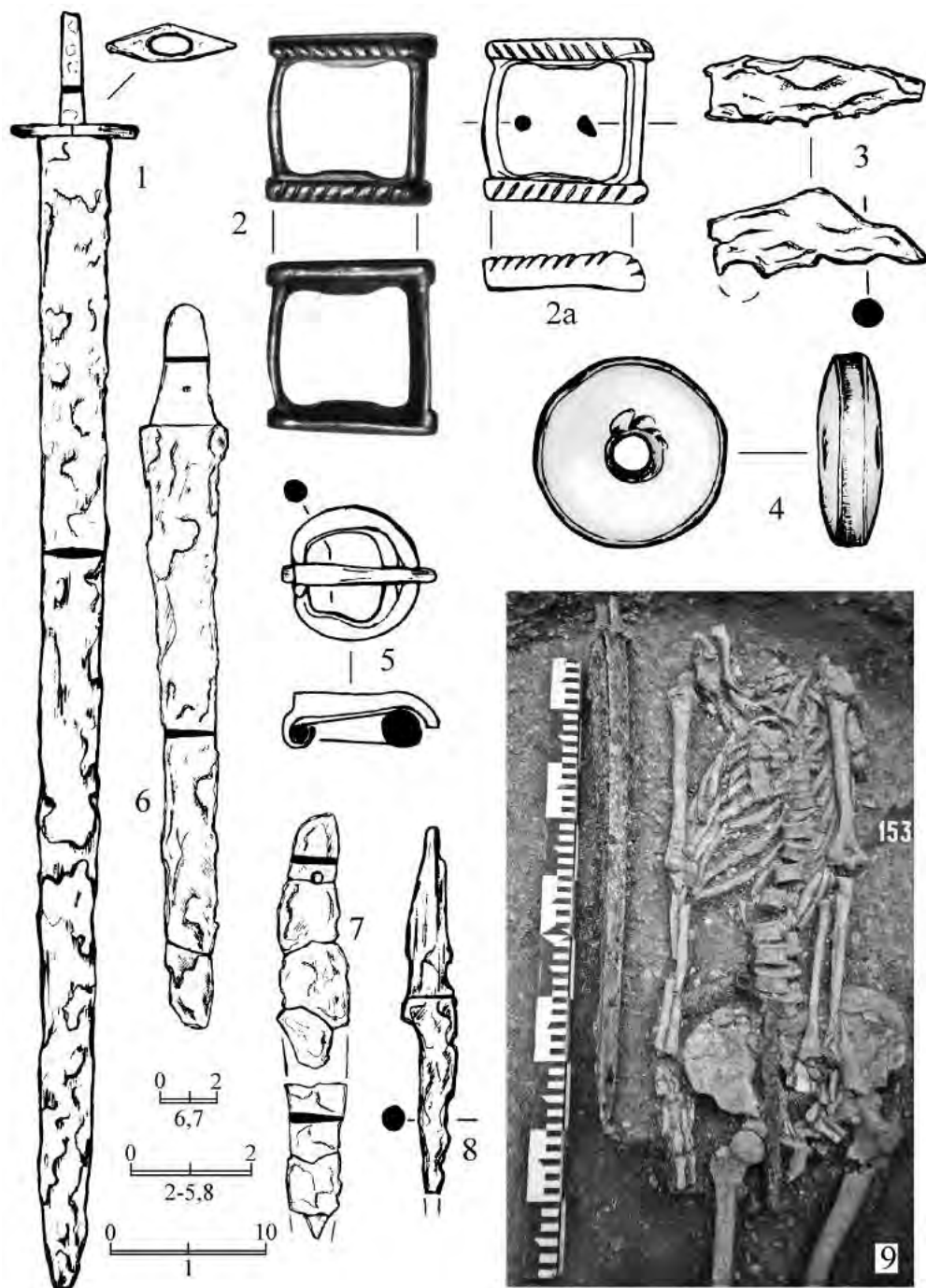

Рис. 81. Могильник у с. Лучистое. Могила 153.
1-8 - находки из погребения; 9 - фото погребения, вид северо-запада

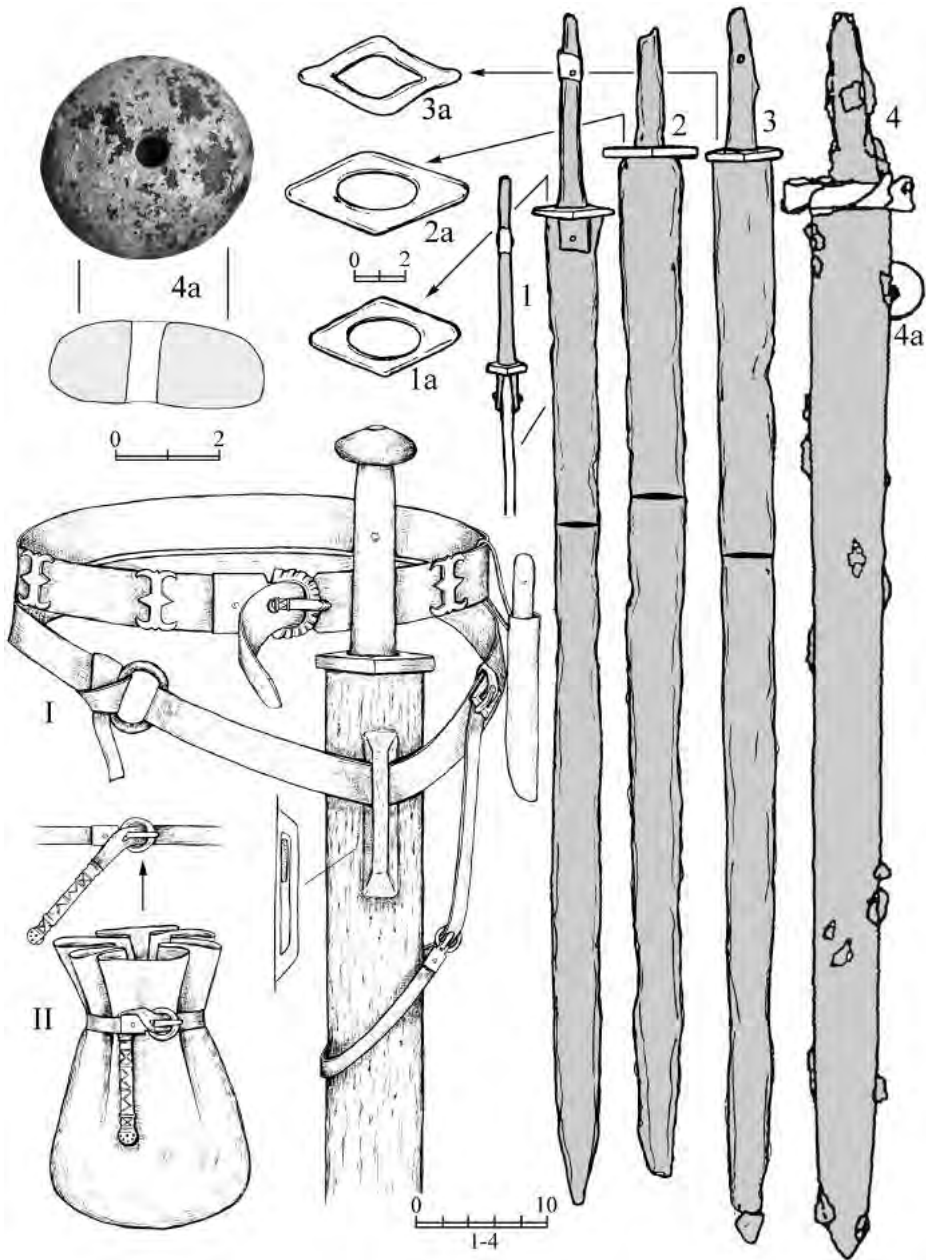

Рис. 82. Длинные мечи с ромбическим перекрестием из погребений первой половины V в. из могильников Юго-Западного Крыма. 1-3 – Лучистое, склеп 88; 4 – Алмалык-Дере, склеп 171/2004 [по Maczyńska и др., 2016, Taf. 229, 1]; I, II – реконструкция воинского поясного набора, портупейного ремня и поясной сумочки по находкам из погребения 5 склепа 88 могильника у с. Лучистое (реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

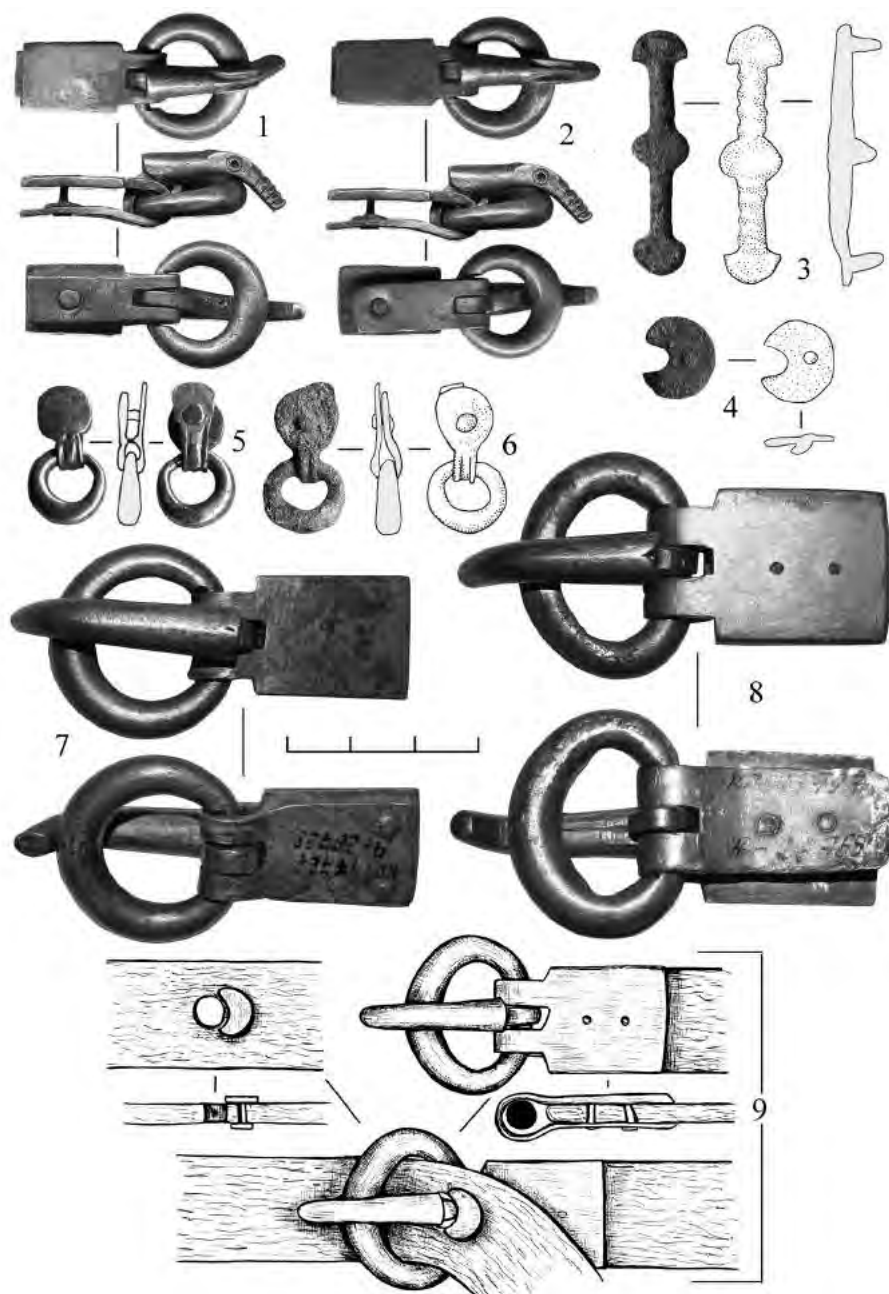

Рис. 83. Пряжки и ременная гарнитура первой половины V в.
из могильников Юго-Западного Крыма.

1-6 – Алмалык-Дере (1,2 – склеп 65/1998; 3,4,6 – склеп 118/2000; 5 – склеп 1/2007)
[по Maczugańska и др., 2016, Taf. 37, 1,2; 91, 5; 92, 1,2; 303, 2]; 7,8 – Лучистое, склеп 88;
9 – схема крепления пряжки и заклепки на ремне (по Э. А. Хайрединовой)

вторая половина V в.

первая половина V в.

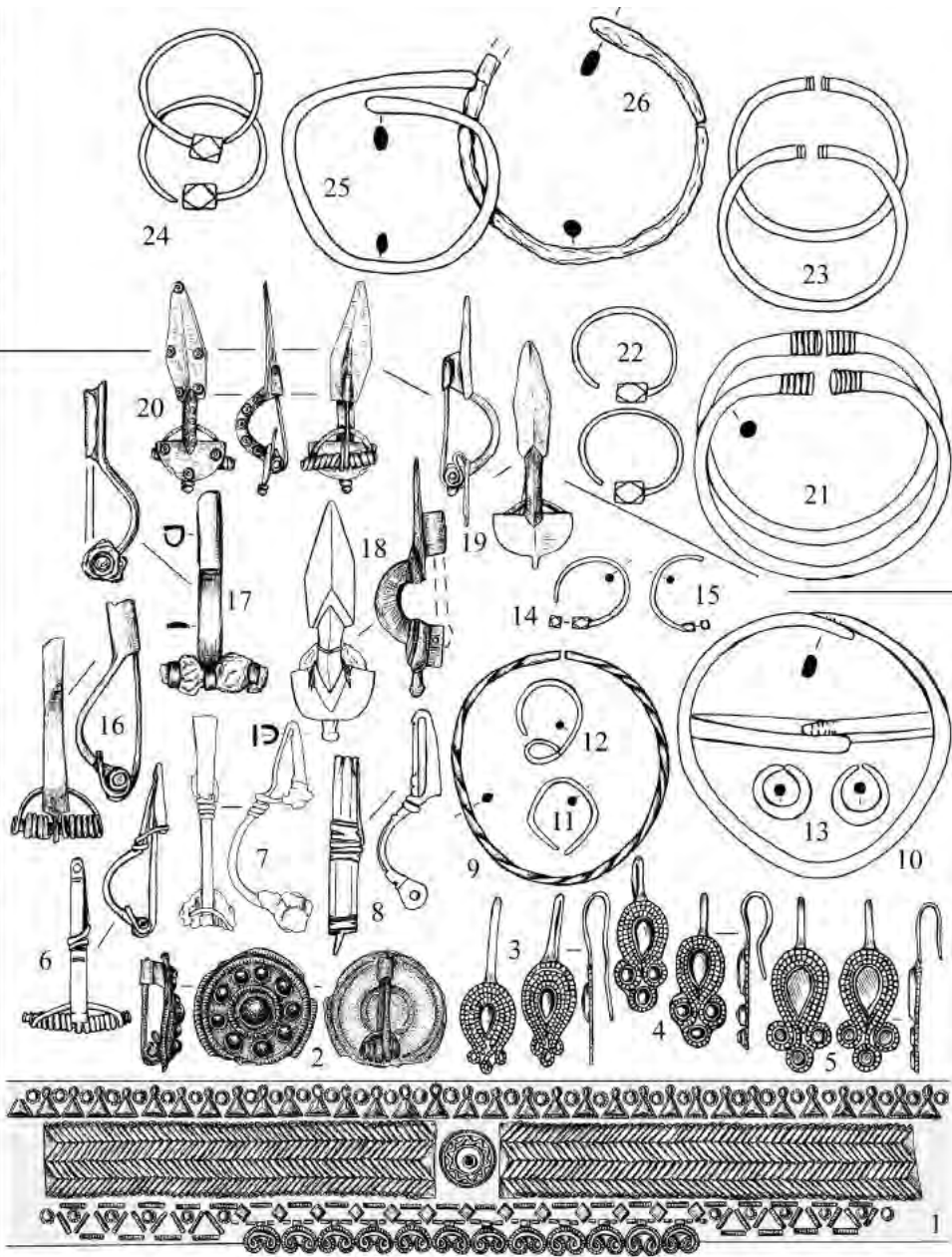

Рис. 84. Фибулы и украшения V в. из могильника у с. Лучистое.
 1,5,6 – могила 82; 2,4 – склеп 126; 3,8 – склеп 88; 7 – склеп 52; 9,12,18 – склеп 100;
 10,13 – склеп 174; 11 – склеп 55; 14 – склеп 41; 15 – склеп 36; 16,19 – склеп 58;
 17 – склеп 156; 20 – могила 168; 21-23 – склеп 75; 24-26 – склеп 66

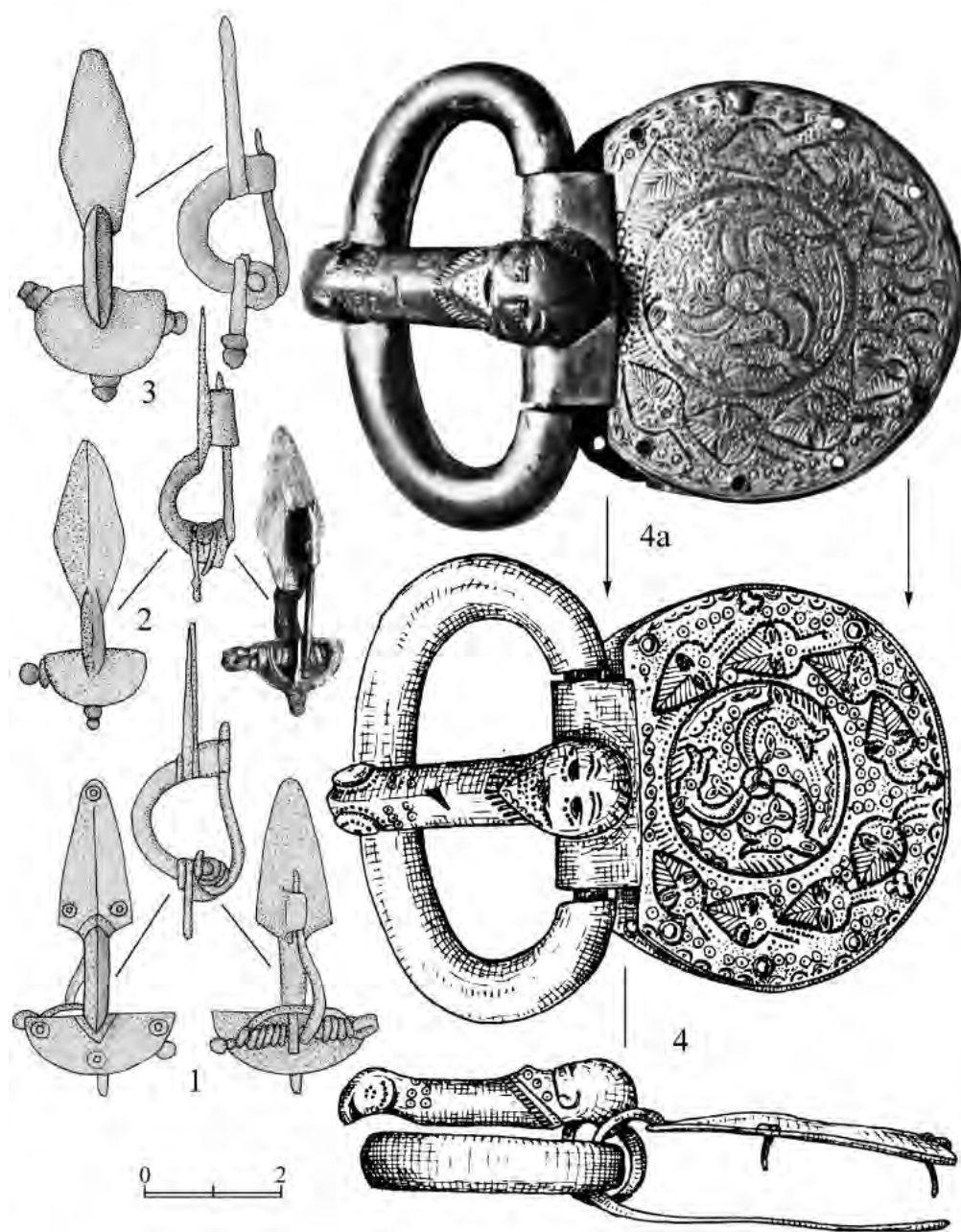

Рис. 85. Детали женского костюма первой половины V в. из Юго-Западного Крыма.
1-3 – Алмалык-Дере (1 – склеп 189/2007; 2 – склеп 65/1998; 3 – склеп 155/2003);
4 – Ялта. [1-3 – по Maczyńska и др., 2016, Taf. 35, 3; 166, 2; 316, 2]

Рис. 86. Могильник у с. Лучистое. Склеп 126, погребение 2 первой половины V в.
1-5 – инвентарь погребения; I, II – реконструкции одежды и украшений погребенной
(реконструкции и рисунок Э. А. Хайрединовой)

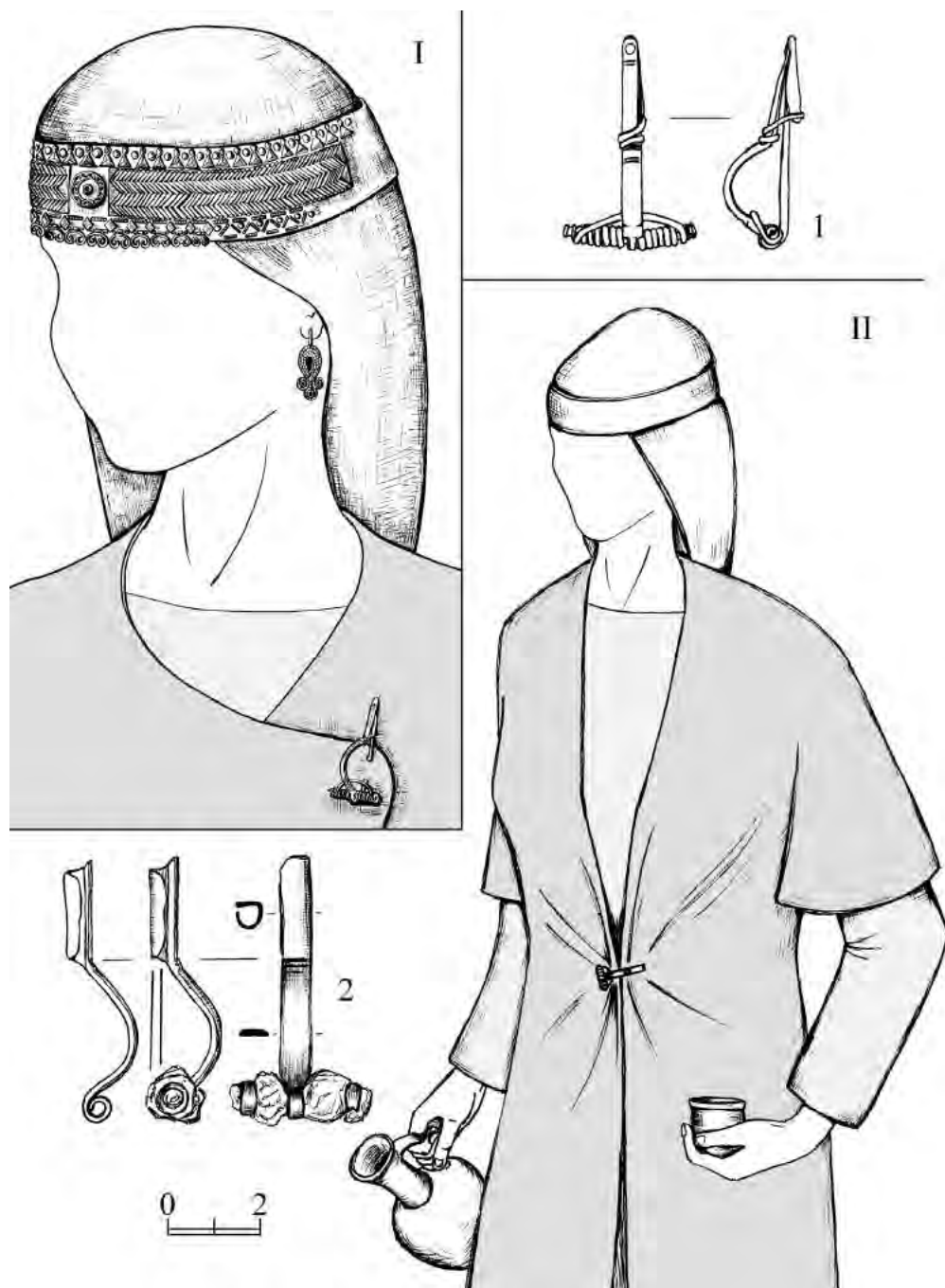

Рис. 87. Могильник у с. Лучистое. Склеп 156 (II,2) и могила 82 (I,1) первой половины V в.
1,2 – фибулы из погребений; I,II – реконструкции одеяний и украшений погребенных
(реконструкции и рисунок Э. А. Хайрединовой)

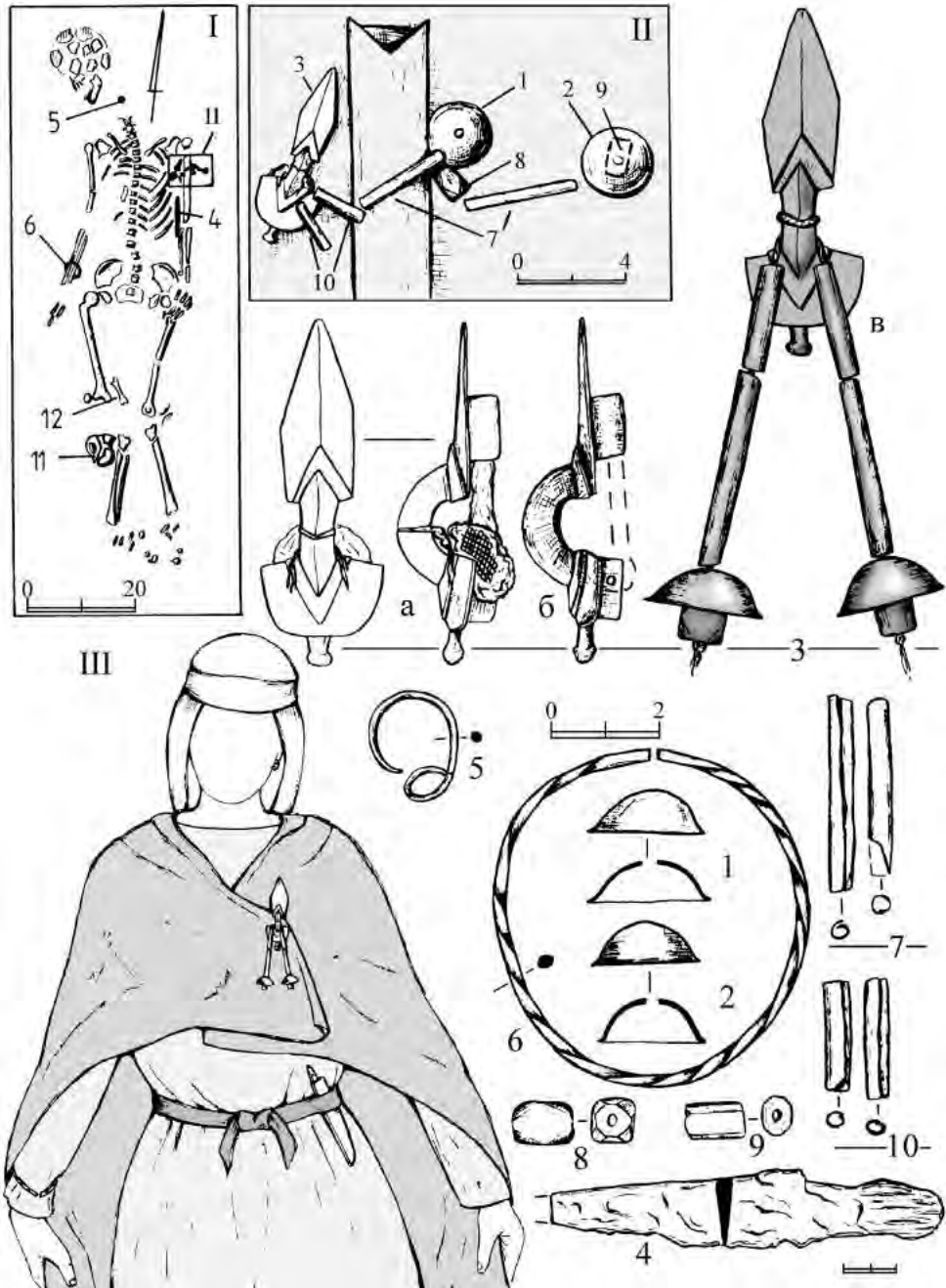

Рис. 88. Могильник у с. Лучистое. Склеп 100, погребение 12 первой половины V в.
 3-10 – инвентарь погребения; 3в – реконструкция украшений фибулы;
 I – план погребения; II – расположение фибулы и украшений в погребении in situ;
 III – реконструкция костюма погребенной (реконструкции и рисунок Э. А. Хайрединовой)

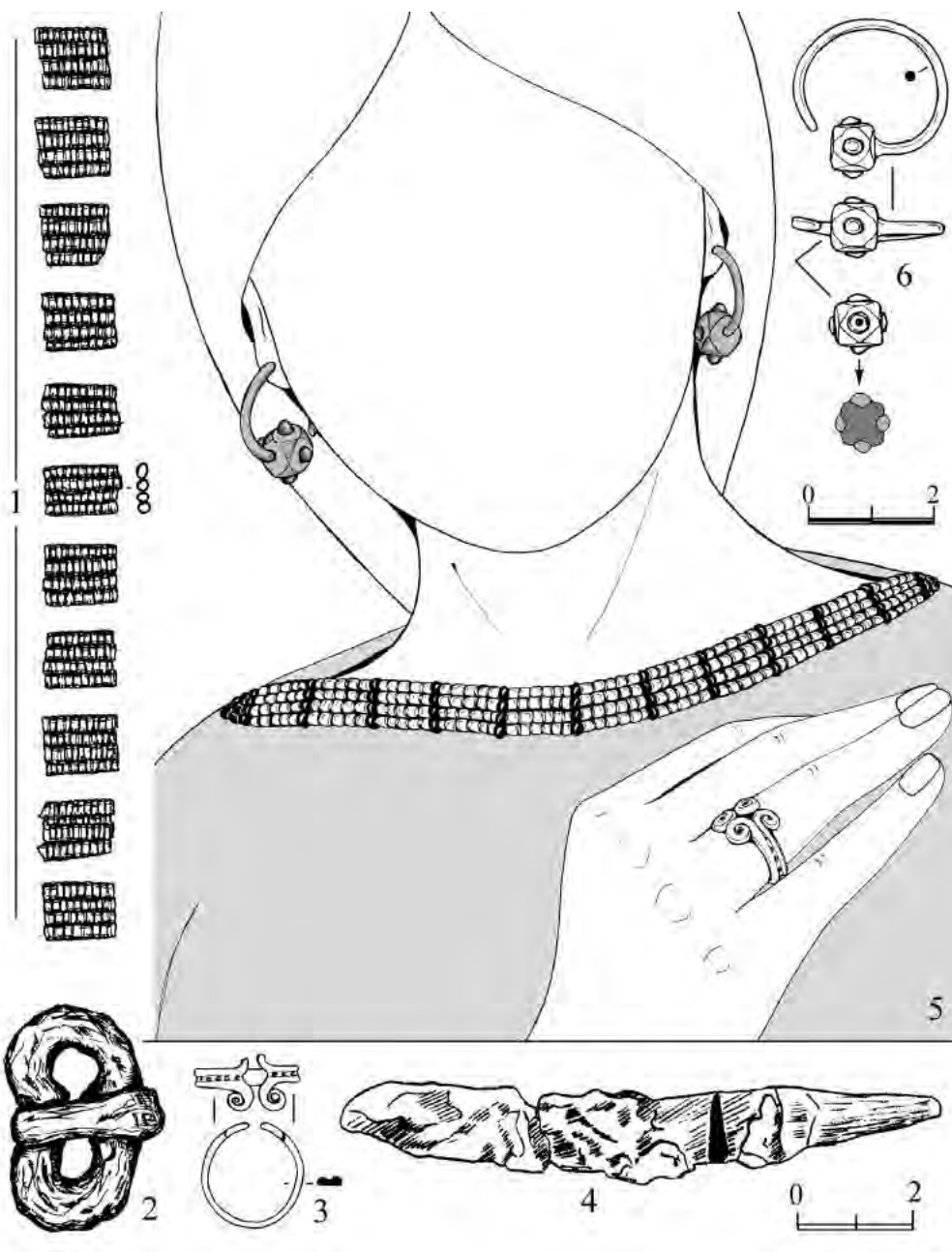

Рис. 89. Могильник Черная Речка.
Женское погребение из склепа II/1989 г. второй половины V в.
1-4,6 – инвентарь погребения; 5 – реконструкции убора погребенной
(реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

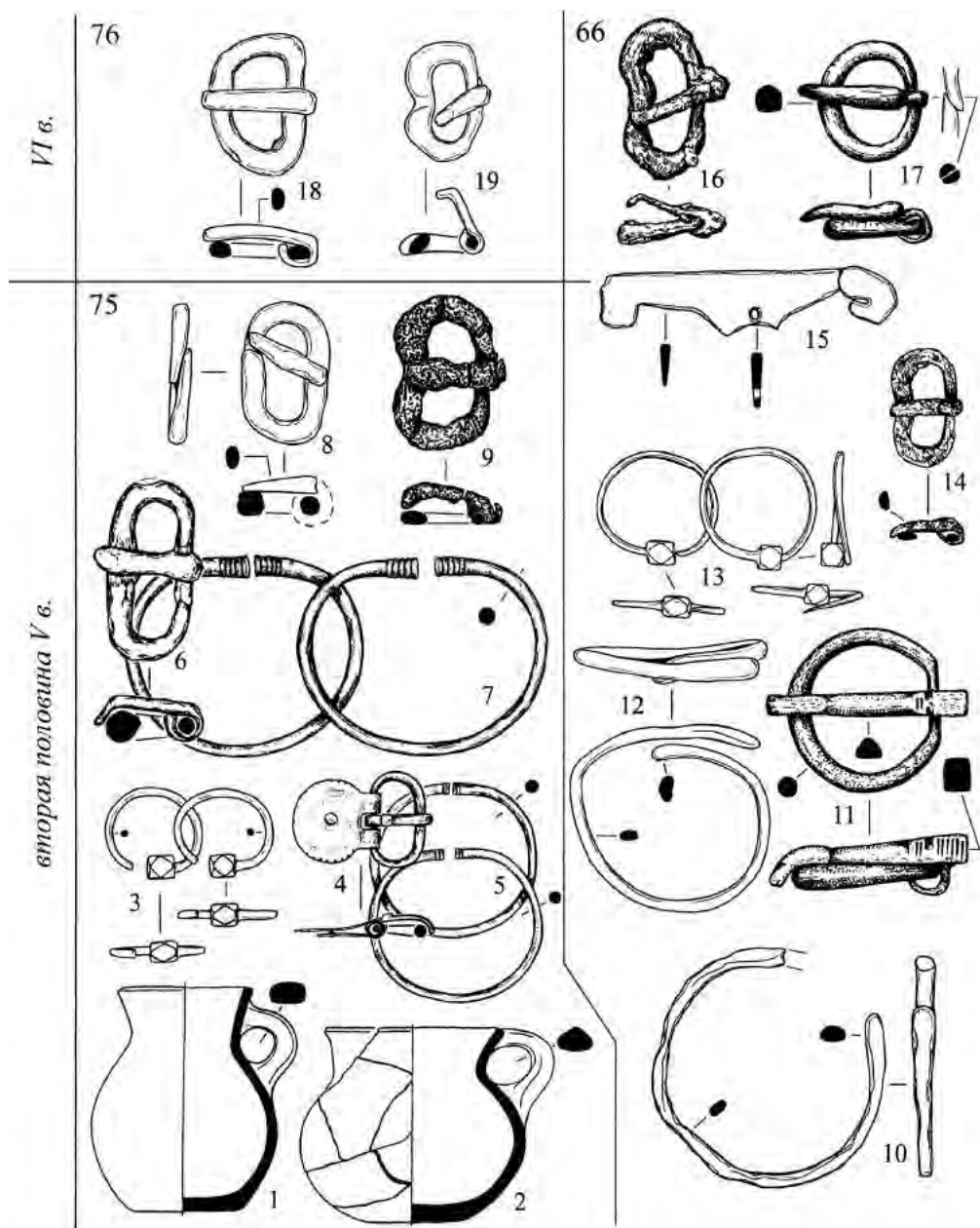

Рис. 90. Могильник у с. Лучистое.

Находки из погребений второй половины V – первой половины VI вв.

1-9 – склеп 75 (1 – погребение 4; 2-5 – погребение 3; 6-7 – погребение 1; 8,9 – погребение 2) 10-17 – склеп 66 (10-13 – погребение 1; 14 – погребение 2; 15-17 – погребение 3); 18,19 – могила 76

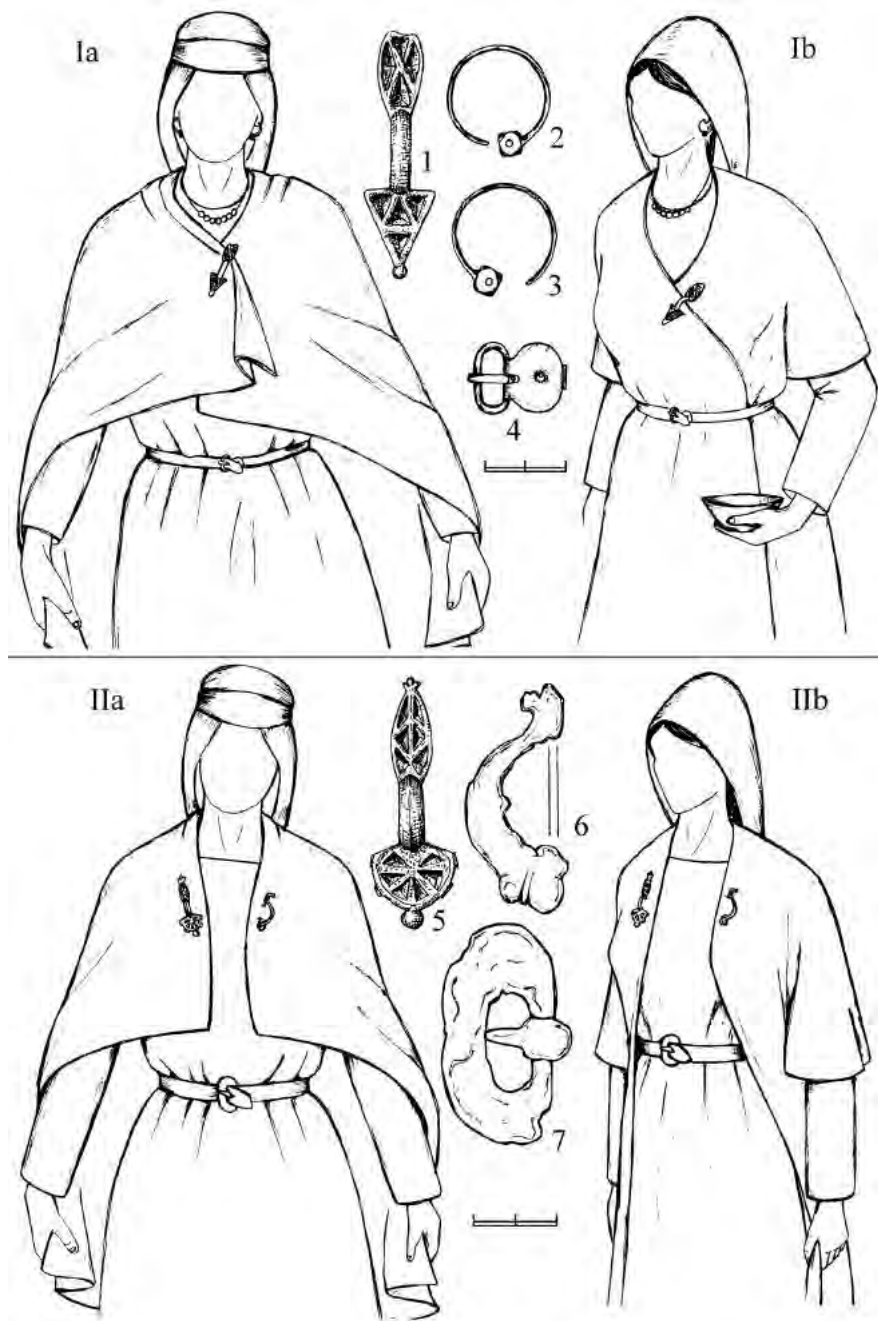

Рис. 91. Детали женского костюма с фибулами и пряжкой второй половины V в. и реконструкции одеяний погребенных. 1-4 – Сахарная Головка, могила 12; 5-8 – Скалистое, склеп 190 (реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой)

Глава 6

Археологическая культура населения области Дори VI-VII вв.

А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова

Выявленные в Юго-Западном Крыму археологические материалы способствуют прояснению истории региона в период правления Юстиниана I и в последней трети VI-VII вв.

1. Археологическая культура населения области Дори в период правления Юстиниана I

В период правления Юстиниана I (527-565 гг.) функционировали возникшие ранее некрополи с ингумацией Чернореченский (рис. 1, 4; 2, 4), Сахарная Головка (рис. 2, 23), Карши-Баир (рис. 2, 14), Красный Мак (рис. 2, 13), Каралез (рис. 2, 12; 92, 2), Алмалык-Дере (рис. 2, 10; 92, 4), Скалистое, Баклинский Овраг (рис. 2, 24), Лучистое (рис. 2, 22), Суук-Су (рис. 2, 18), Артек (рис. 2, 19), Алония (рис. 2, 20), продолжалась жизнедеятельность на плато Мангуп (рис. 2, 8; 92) и Бакла (рис. 2, 15). Одновременно хоронили и на некрополях в Ореанде (рис. 2, 21), Кореизе (рис. 2, 25) и Симеизе (рис. 2, 26). Близ могильников в Гурзуфской котловине и некоторых других обнаружены связанные с ними сельские поселения [Якобсон, 1954а, с. 111, 120, рис. 48, 2-4; 50].

На некрополях доминировали Т-образные в плане склепы с коротким дромосом (рис. 93-100). В тыльном борту дромосов многих склепов из Алмалык-Дере и Красного Мака сделаны ступени или небольшие подрубки для спуска в глубокую яму (рис. 93-95; 97) [Лобода, 2005, рис. 7]. В длинных бортах дромосов некоторых склепов вырублены ниши-подбой для погребений (рис. 94). Вход в камеру склепа закрывался несколькими плитами. В Лучистом и Краши-Баире на плитах прослежены остатки глины, которой замазывали щели между закладом и бортами дромоса [Ушаков, Филиппенко, 2004, с. 307; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 14]. Зачастую плиты у основания подпирались несколькими камнями. На внутренней стороне большой закладной плиты из склепа 205 могильника у с. Лучистое, был высечен небольшой круг. Камеры склепов – прямоугольные или трапециевидные в плане, с коробовым или стрельчатым сводом. В Карши-Баире, в склепе 4 боковые стенки камеры были покрыты вертикальными параллельными бороздами, прорубленными на расстоянии 0,15-0,2 м друг от друга (рис. 100, I). В некоторых склепах, в стенках, противоположных входу сделаны небольшие ниши-полки для посуды (рис. 93; 94; 96; 100). В названный период на могильниках хоронили не только в склепах, но и в подбойных и простых грунтовых могилах (рис. 101, 41; 102, 1). Конструкция этих погребальных сооружений не менялась.

Умерших хоронили вытянуто на спине, с уложенными вдоль туловища руками. В Карши-Баире и Скалистом прослежены остатки дерева от гробовин. В Лучистом, в склепах 122А и 268 под несколькими костяками зафиксирована подсыпка из древесных углей (рис. 103, I). В погребальных сооружениях этого времени отсутствуют остатки напутственной пищи, а количество сосудов, сопровождавших захоронения, значительно уменьшается (рис. 97, I). В погребения практически перестали

ставить лепную посуду. Эти изменения в погребальном обряде, безусловно, связаны с влиянием христианства. На стенах погребальных сооружений появляются символы христианской веры. Так, в Алмалык-Дере, в камере склепа 56/1997 над входом высекли равноконечный крест с расширяющимися концами (рис. 96, IFE).

Следует отметить, что именно в период правления Юстиниана I в склепы на Черной речке, Красном Маке и в Алмалык-Дере помещали амфоры типа LRA 10 из красной глины с примесью слюды с веретенообразным туловом варианта 1 (рис. 104, 6-8; 105, 1) [Riley, 1979, p. 229, 230; Айбабин, 1999, с. 269, 270, рис. 21, 1, табл. XXVII, 158; Лобода, 2005, рис. 7, 1]. Двуручную амфору типа LRA 10 из склепа 64 Чернореченского могильника [Айбабин, 1999, табл. XXVI, 10; XXVIII, 5] И. Б. Зеест причислила к типу 95. Она неверно назвала некрополь и без каких-либо доказательств отнесла инвентарь склепа к IV в. [Зеест, 1960, с. 118, 119, табл. XXXVIII, 95]. В склепе 64 амфора 1 варианта лежала с большой пряжкой с прямоугольным щитком 2 варианта первой половины VI в. (рис. 106, 2) [Айбабин, 1990, с. 30, рис. 2, 71; 24, 4; Айбабин, 1999, табл. XXVIII, 4]. В Стамбуле фрагменты однотипных амфор содержались в слое конца VI – середины VII вв. [Hayes, 1992, p. 66, fig. 22, 9].

В погребениях из Алмалык-Дере (рис. 94, 5; 97, 1; 104, 3,5), Карши-Баира (рис. 100, 4,9; 104, 1,2; 109, 11; 110, 1,2), Черной Речки (рис. 105, 2), Скалистого (рис. 108, 1) и Лучистого (рис. 107, 1) найдены краснолаковые миски типа LRC-3F [Hayes, 1972, p. 335, fig. 69, 37]. Аналогии форме 3F из Греции относят к первой половине VI в. [Hayes, 1972, p. 335; Abadi-Reynal, Sodini, 1992, p. 23, fig. 7, CF105, CF106] и позднему VI в. [Robinson, 1959, p. 116, pl. 33, M350; 71, M350]. В Херсонесе миски этого типа выявлены в комплексах VI – начала VII вв.; особенно многочисленны они в комплексах середины – третьей четверти VI в., в некоторых – с монетами Юстиниана I [Голофаст, 2001, с. 108-111, комплексы 5,9,10; Голофаст, Рыжов, 2013, с. 74, 87, рис. 27, 1-11; 41]. На доньях и стенках многих мисок присутствуют штампы, относящиеся, в основном к поздней хронологической группе III по Дж. Хейсу (470-580 гг.): в форме монограмматического креста с альфой и омегой под расширяющимися боковыми ветвями (рис. 107, 1) или креста с кружками у перекрестия (рис. 100, 9), в виде стилизованных изображений животных – оленя (рис. 104, 5), бегущих зайцев с повернутой назад головой (рис. 109, 11), либо бегущего льва (рис. 94, 5; 108, 1) [Hayes, 1972, p. 346-349, fig. 74, 35; 75, 39; 76, 41a; 78, 66h; 79, 79p]. В склепе 5/1988 фрагмент тарелки [Айбабин, 1999, рис. 24, 4] со с отгиснутым в центре дна штампом в виде креста позднего варианта III группы первой половины VI в. (рис. 105, 4) [Hayes 1972, p. 349, 367-368, fig. 79, f,i,k,n] обнаружен с узкими наконечниками ремней и византийскими трехчастными пряжками с овальной рамкой и граненым язычком. Однотипные пряжки с гладким щитком или с инкрустированным стеклом щитком типичны для первой половины VI в. [Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37, 5-13; Айбабин, 1999, рис. 22, 1,8,6, табл. XXVII, 161,164-166,169,171,69; Айбабин, Хайрединова 2008, рис. 27, 11]. В Алмалык-Дере, в склепе 191/2007 вместе с однотипными пряжками лежало краснолаковое блюдо, украшенное штампами в виде монограмматического креста с двумя круглыми подвесками под перекрестием и в форме ромбов, образованных четырьмя воллтами (рис. 111, 4), относящимися к позднему варианту группы III декоративных мотивов первой половины VI в. [Hayes 1972, p. 349, 352-353, 363-365, fig. 73, 17v,w; 78, 68k].

В Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 190, рис. 71, 4] и в Суук-Су в могиле 193 лежали краснолаковые миски LRC формы 10А [Айбабин, 1999, табл. XXIX, 29], а в склепе 131 и в подбойной могиле 154 некрополя Суук-Су – миски LRC формы 10С [Репников, 1907, с. 106, рис. 10; Hayes, 1972, p. 345, fig. 71, 1-6,14; Айбабин,

1999, табл. XXIX, 30; Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 12, 31-32]. Миски формы 10А Дж. Хэйс датировал второй половиной VI в. [Hayes, 1972, p. 345]. В Лучистом, в склепе 100 в погребении с орлиноголовой пряжкой второй половины VI в. найдена миска формы ARSW 62B [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 12, 1,2].

Вместе с краснолаковой посудой в погребения ставили стеклянные сосуды – чаши, бутылки и кувшины. Бутылки или колбообразные сосуды с воронковидным венчиком с загнутым или оплавленным верхним краем, узким цилиндрическим горлом и сферическим туловом с вогнутым дном из Карши-Баира (рис. 100, 10; 110, 6,7) аналогичны бытовавшим на Боспоре в VI – начале VII вв. [Засецкая, 2008, рис. 20, 12-18]. Фрагменты таких же колбовидных сосудов с воронковидным горлом в Херсонесе найдены в комплексах V-VII вв. [Голофаст, 2001, с. 142-143, подтип 3]. Одновременно с колбообразными сосудами бытовали повторяющие форму их тулова стеклянные кувшины с профилированной ручкой, прикрепленной к верхнему краю венчика или к горлу. Они выявлены в захоронениях первой половины VI в. из Алмалык-Дере (рис. 97, 2), Черной Речки (рис. 105, 3) и середины VI в. – из Карши-Баира (рис. 100, 13).

В VI в. в Юго-Западном Крыму хоронили умерших в прижизненной, зачастую парадной одежде, поэтому находки из погребений позволяют говорить о костюме населения региона.

Основным компонентом мужского костюма был пояс с пряжкой. В Лучистом, в склепе 124, в мужском захоронении первой половины VI в. найден уникальный для Юго-Западного Крыма византийский поясной гарнитур, состоявший из пряжки и наконечника ремня, выполненных из бронзы и покрытых позолотой (рис. 107, 11, 12). Щиток пряжки и наконечник украшены в едином стиле: их поверхность инкрустирована плоскими стеклянными вставками по краям и выпуклой – по центру. Подобные изделия известны на широкой территории от Италии до Восточного Причерноморья [Kazanski, 1994, fig. 5, 11,12,16; 8, 8,9; 10, 13; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 123-129, Typ C15, Abb. 47].

В первой половине VI в. в Юго-Западном Крыму бытовали трехчастные литые пряжки вариантов 1 и 3 [Айбабин, 1990, с. 36-37, рис. 2, 68,69]. Они состоят из овального кольца, трехгранного или сегментовидного в сечении язычка и прямоугольного или овального щитка. Щитки пряжек варианта 1 отлиты с прямоугольным или треугольным выступом, на который при отливке нанесли параллельные линии (рис. 94, 1; 99, 2,3; 105, 6; 108, 4-8; 109, 10; 111; 112, 2,5). Пряжки варианта 3 сделаны с гладким прямоугольным или овальным щитком (рис. 93, 1,3; 94, 2,3; 99, 4,5,8; 105, 10-12; 107, 2-6; 108, 2,3,9).

Скорее всего, пряжки варианта 1 производили в первой половине VI в. в Херсоне по византийским образцам, широко распространенным в Западном и Восточном Причерноморье [Айбабин, 1979, с. 31; Айбабин, 1999, с. 269]. Названные пряжки одновременно использовались как в мужском, так и в женском и детском костюме. В Алмалык-Дере, в склепах 191/2007 и 192/2007 (рис. 99, 2) и в Карши-Баире, в склепе 5 (рис. 112, 2) пряжки варианта 1 лежали в мужских захоронениях; в Скалистом, в подбойной могиле 445 и склепе 495 – на костяках мужчин и мальчиков – подросток [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 111, 126, рис. 79, 22; 90, 30-33; 92, 1-5]; в Карши-Баире, в склепе 3 (рис. 109, 10) – в погребении женщины или девочки-подростка. В Северо-Восточном Причерноморье, в могильнике на р. Дюрсо трехчастные пряжки найдены по одному разу в женском (410) и мужском (291) погребениях [Дмитриев, 1982, с. 83, 89, рис. 5, 39; 8, 1]. Пряжками вариантов 1 и 3 застегивали как пояса, так и обувные ремни [Хайрединова, 2003, с. 126, рис. 1, 11; 6]. Для пояса использовались массивные пряжки (рис. 112, 2), для обуви – застегки небольших размеров (рис. 113; 114).

В погребениях VI в. из Юго-Западного Крыма многочисленны находки металлических деталей обуви. По составу обувные гарнитуры этого времени представлены двумя вариантами: 1 – с пряжкой (рис. 113, I,П); 2 – с пряжкой и наконечником ремня (рис. 114) [Хайрединова, 2003, с. 135, тип 2].

Обувные наборы варианта 1 выявлены лишь в погребениях первой половины VI в. из Алмалык-Дере, Скалистого, Карши-Баира и Лучистого (рис. 107, 5,6; 109, 8,9; 113). Как правило, в наборе использовались две одинаковые трехчастные литые пряжки. Их носили по одной на каждой ноге. В женских погребениях из склепов 3 и 7 могильника Карши-Баир зачищены две разнотипные, отличающиеся размерами пряжки (рис. 109, 8,9; 113, 3,4). Состоящие из пряжек и наконечников ремней наборы варианта 2 происходят из захоронений VI – первой половины VII в. из могильников Алмалык-Дере, Карши-Баир и Лучистое (рис. 95, 2,3,5,6; 99, 4-7; 112, 6-9; 113, 9-14; 114; 115). В этих гарнитурах использованы трехчастные пряжки с проволочными рамкой и язычком и с вырезанным из пластины щитком и пластинчатые наконечники с пропилом для ремня в верхней части. Все наборы стандартные, сделанные одинаковыми на обе ноги. Наконечники, как правило, изготовлены в одном стиле с пластинчатым щитком пряжки.

В названных обувных наборах присутствуют византийские, либо копирующие их форму пряжки. Их носили на мягких башмаках, плотно облегавших ногу. Ремешок, закрепляющий башмаки на ноге, несколько раз обвивался вокруг щиколотки и застегивался на пряжку, а на его свободно свисавший конец фиксировался наконечник (рис. 114, II; 115, IIВ). Для стягивания обуви вокруг щиколотки ремешок могли пропускать через специальные поперечные прорези, сделанные в нижней части воротничка (рис. 113, I,П; 115, IIА). При креплении мягкой обуви на ноге воротничок оставался свободно отогнутым. Для описанного типа обуви употребляли ремни шириной 1,0-1,5 см. Сохранившийся в Лучистом, в подбойной могиле 99 фрагмент обувного ремешка имел ширину 1,4 см (рис. 115, 5) [Хайрединова, 2003, с. 135, рис. 19, 10-12]. Судя по находкам металлических деталей, обувь, аналогичную описанной, носили в VI в. на Боспоре [Масленников, 1997, с. 104, рис. 52, 5,15-17,23-25]. Однотипные обувные наборы известны как в мужских, так и в женских погребениях первой и второй трети VI в. из могильника на р. Дюрсо [Дмитриев, 1982, рис. 5, 13; 6, 51,67; 8, 2; 10, 10,14].

В середине VI в. в Юго-Западном Крыму распространяются геральдические поясные и обувные аксессуары, имеющие элемент в форме гербового щитка (рис. 116-122). В Лучистом, в склепе 64, в мужском погребении обнаружена серебряная цельнолитая пряжка типа «Суцидава» с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком, инкрустированным плоскими вставками из темно-красного стекла (рис. 116, 8,8а) [Айбабин, Хайрединова, 2014, рис. 9, 2, табл. 122, 1; 231, 10]. Пряжка, скорее всего, привезена из Подунавья, где найдены ее многочисленные аналогии на византийских памятниках второй половины VI в. [Айбабин 1990, с. 48, рис. 2, 95; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 146-151, Typ D1, Abb. 54]. В Лучистом, в склепе 64 названной пряжкой застегивался поясной ремень с пластинчатым наконечником, сделанным в виде коробочки с закругленной нижней частью (рис. 116, 9).

В Суук-Су в могиле 54 (рис. 118) и в Лучистом, в склепе 74 (рис. 119; 120) найдены бронзовые литые детали геральдических поясных наборов с прорезным декором. Они предназначались для кожаных поясов со свисающими узкими ремнями, распространившихся с середины VI в. среди варваров – союзников Византии [Амброс, 1981, с. 16]. О конструкции этих поясов можно судить по изображениям воинов на византийских мозаиках (рис. 13, 1), а также по зафиксированному *in situ* расположению в погребениях (рис. 119, I). В наборе из Лучистого основной ремень застегивался металлической В-образной пряжкой (рис. 120, 1). На лице-

вую сторону основного ремня в местах присоединения дополнительных ремешков закрепляли металлические бляшки, сделанные в форме гербового щита, либо имеющие в декоре элемент такой формы, а на концах ремней – наконечники с тем же орнаментом (рис. 13, 2; 118, I; 119, II) [Айбабин, 1990, с. 52; Айбабин, 1999, с. 274, 275, рис. 44]. Поясной набор из Суук-Су (рис. 118) [Айбабин, 1990, рис. 49, 1-22; Айбабин, 1999, табл. XXXI, 1-23] по составу бляшек, их форме и орнаментации аналогичен гарнитуру из византийской крепости Садовско-Кале в Болгарии [Welkov, 1935, Abb. 2, 8,13].

В мужских захоронениях найдено оружие. В погребениях первой половины VI в. из Скалистого, из склепа 495 [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 126, 180-181, рис. 92,18] и Карши-Баира, склепа 5 (рис. 112, 4), а также в захоронениях второй половины VI в. из Лучистого, из склепов 46а, 74 и 104 (рис. 121, 1; 122, 6) лежали однолезвийные палаши [Айбабин, Хайрединова 2014, табл. 31,1, 173,1]. Длина палашей из Лучистого – 66,5, 76,5 и 88,0 см. На черенке палаша из склепа 74 сохранились остатки деревянной рукоятки и железная заклепка (рис. 121, 1а). Рядом лежала железная петля, крепившаяся, скорее всего, к ножнам (рис. 121, 6). В захоронениях середины VI в. из Лучистого, из склепов 122а и 170 обнаружены двулезвийные мечи, длиной 69,2 и 77,0 см с остатками деревянных ножен и рукоятки на лезвии и черенке (рис. 122, 1). В Лучистом мечи и палаши найдены, в основном, вместе с деталями воинских поясных геральдических наборов (рис. 121, 2-5; 122, 2-5).

Мужчины носили на поясе сумочки, застегивавшиеся при помощи небольших пряжек (рис. 119, II; 123, 1) или специальных железных фигурных накладок с петлей для ремня (рис. 123, 2,7). В такие сумочки помещался набор из железного пластинчатого кресала и кремней (рис. 123, 3,4,8,10-12), железное шило с деревянной рукоятью (рис. 123, 5,13) и различные амулеты, к числу которых следует отнести астрагалы и кости птицы с отверстием для подвешивания (рис. 123, 9,14). В некоторых сумочках лежали монеты, а в Суук-Су – еще и рыболовные крючки. Сбоку к поясу мужчины подвешивали ножны с небольшим ножом с деревянной рукоятью (рис. 123, 6).

В Лучистом, в одном из мужских погребений из склепа 46а лежал серп длиной 28,8 см с мелкими зубринами на лезвии (рис. 122, 7). Пока это единственная находка сельскохозяйственного орудия труда в захоронении раннесредневекового времени.

В склепах и могилах второй половины VI в. выявлены византийские подвязные фибулы. Они считаются застежками воинской одежды. Типология и хронология названных фибул рассмотрена в работах З. Вински [Vinski, 1974, с. 38-39], Б. Янковича [Јанковић, 1981, с. 173-175], З. Уенце [Uenze, 1992, S. 150-154, Abb. 5, Taf. 3, 5-6] и других. У многих фибул головка изготовлена с кольцом для подвесок или шнура. В Балканских провинциях Византии рассматриваемые фибулы многочисленны в крепостях, разрушенных в первые десятилетия VII в., где они выявлены в слоях второй половины VI в. и в слоях разрушения [Vinski, 1974, с. 39, Tab. XXXII, 5,12,15; XXXIII, 1-12; Кондић, Поповић, 1977, с. 171, Табл. XIII, 34,39; Ivanišević и др. 2006, p. 18-20, fig. 9,13-24]. Аналогичные фибулы из могильника Суук-Су А. К. Амброз включил в серию 16-4/III [Амброз, 1966, с. 69, табл. 12, 12]. Однотипные фибулы обнаружены в Лучистом в склепе 175, в мужском захоронении с деталями геральдического поясного набора второй половины VI в. (рис. 124, 1-11) [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 55] и в женских погребениях из склепов 122А (рис. 124, 12-13) и 131 (рис. 124, 15) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 57, рис. 16, 14; 17, 18], а также в Суук-Су в склепе 153 [Репников, 1907, с. 116-117, рис. 111] с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва варианта 6 (рис. 124, 17) [Репников, 1906, табл. IX, 6]. В Карши-Баире подобная

фибула лежала на скелете с большой пряжкой с прямоугольным щитком с крестом [Ушаков, Филиппенко 2001, рис. 1, 4,3] варианта 5-1 второй половины VI в. [Айбабин, 1990, с. 31; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52-53,56-57, рис. 15, 4-6], а в Лучистом в склепе 268 – с пряжкой с прямоугольным щитком с крестом варианта 5-2. Большие пряжки с прямоугольным щитком с изображением льва или креста в исследованных в Лучистом многослойных склепах находились в захоронениях второй половины VI – первой половины VII вв. [Хайрединова, 1999а, с. 345; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 27, 54, 56 рис. 15, 15,21,23; 16, 7,16,22,24]. Судя по инвентарю упомянутых захоронений из Суук-Су и Лучистого, фибулы с подвязной ножкой из Крыма одновременны однотипным застежкам из Подунавья [Айбабин, 2009, с. 61]. В Юго-Западном Крыму их носили и мужчины, и женщины.

В женских погребениях VI в. из Юго-Западного Крыма присутствуют функциональные детали одежды – пряжки и фибулы, а также разнообразные украшения.

На некрополях Алмалык-Дере (рис. 98, 4,5), Сахарная Головка, Красный Мак и Карши-Баир (рис. 109, 1,2) обнаружены бронзовые или серебряные броши в форме цикад [Борисова, 1959, с. 180, табл. VI, 6; Лобода, 2005, рис. 3, 13; Ушаков, 2010, рис. 80, 2,3]. Однотипные броши происходят из Херсона и Боспора [Айбабин, 1990, с. 26, рис. 10, 7,11-13]. В Крыму они бытовали во второй половине V – первой половине VI вв. [Айбабин, 1990, рис. 2, 64; Айбабин, 1999, табл. XXVII, 152-154]. Производство застежек этого типа возникло в римских провинциях Подунавья [Vaday, 1989, S. 96]. З. Вински связывал появление изображений цикады на изделиях конца IV в. из Паннонии с возрастанием роли готов и аланов в этом регионе [Vinski, 1957, S. 159]. Во второй трети V в. мода на броши в форме цикад распространилась у народов гуннского союза [Bona, 1991, S. 196]. Однотипные броши известны у меровингов в V – начале VI в. [Kazanski, Perin, 2000, p. 17-26], остготовов Италии в первой половине VI в. [Bierbrauer, 1975, S. 207, Tav. XVIII, 2] и на Черноморском побережье Кавказа в VI в. [Дмитриев, 1982, с. 101]. В Карши-Баире, в склепе 3 в женском захоронении лежали две одинаковые броши в форме цикад [251, с. 558]. В Подунавье их носили женщины и девочки по одной или по две [Bona, 1991, S. 196]. В женском погребении 390 из могильника на р. Дюрсо две броши лежали на плечах [Дмитриев, 1982, с. 102-103].

В первой половине VI в. в качестве поясной застежки женщины использовали литые серебряные трехчастные пряжки варианта 1 с прямоугольным или овальным щитком (рис. 109, 10). Помимо этих, широко распространенных в регионе застежек, известны и уникальные экземпляры. Так, в Сахарной Головке, в могиле 41 обнаружена железная пряжка, состоящая из массивной В-образной рамки, сегментовидного в сечении язычка с прямоугольным выступом на тыльной стороне и овального щитка, скрепленного по бокам четырьмя гвоздиками с небольшими, полусферическими шляпками (рис. 101, 5) [Борисова, 1959, с. 181, табл. IV, 2]. На гладком поле верхней пластины щитка вырезано семь фигурных углублений – гнезд, а на тыльной стороне язычка – одно прямоугольное. Во всех гнездах укреплены плоские вставки из красного камня с подложенными под них кусочками листового золота. Прямой аналогии пряжке из Сахарной Головки не известно. По форме овального щитка и язычка с прямоугольным выступом на тыльной стороне она близка так называемым пряжкам с «почковидным» щитком, бытовавшим на северо-востоке Галлии, в Порейне и Подунавье в первой половине VI в. [Werner, 1966, S. 284, 286, 289, Abb. 1; 4]. Они происходят из могил франков, аламаннов, лонгобардов и гепидов и, как правило, связаны с мужским костюмом [Périn, 1995, p. 279, fig. 12; Werner, 1966, S. 286; Giesler, 1997, S. 211, Abb. 216]. Однако, у пряжек этого типа рамка – овальная. С массивной В-образной рамкой сделана пряжка второй четверти VI в. с прямоугольным

щитком, инкрустированным гранатами и красным стеклом из меровингского некрополя Эрпе из Юго-Западной Франции [Kidd, Ager, 1992, p. 91, 93, cat. 9]. Исползованные на пряжке из Сахарной Головки технология инкрустации (помещение плоских вставок в гнездах, вырезанных на гладкой поверхности металла) и ее форма (сочетание круглого и каплевидных гнезд) характерны для пряжек с прямоугольным щитком типа Коморн-Гюлтлинген-Бинген рубежа V-VI вв., ареал которых практически совпадает с областью распространения пряжек с «почковидным» щитком [Quast, 1993, S. 85-87, Abb. 50; 51]. По предположению Д. Кваста, пряжки названного типа были варварскими подражаниями византийским изделиям, находки которых известны в Малой Азии [Quast, 1993, S. 85-87, Abb. 50, i; 51, 13; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 95-97, Typ C5]. В инкрустации названных пряжек одновременно использованы гранат и цветное стекло. Техника инкрустации плоскими вставками в отдельных углублениях известна и на пряжках из византийского Средиземноморья [Quast, 1993, S. 87; 412, p. 188, fig. 15, 1,3,9,13]. В этом же регионе в первой половине VI в. на изделиях стиля клуазонне появляется использованный в декоре пряжки из Сахарной Головки прием – подкладывание под плоские каменные вставки листового золота [Arrhenius, 1997, p. 66, 68]. Учитывая выше сказанное, происхождение пряжки из Сахарной Головки следует связывать с регионами Западной и Северной Франции и Юго-Западной Германии, где в конце V – первой половине VI вв. у франков и аламанов бытовали пряжки с «почковидным» щитком и была известна инкрустация круглыми и каплевидными плоскими вставками в гнездах, вырезанных на гладкой поверхности металла. Это пока единственная находка такого рода в Юго-Западном Крыму.

В Сахарной Головке, в могиле 41 первой половины VI в. обнаружен набор выполненных в едином стиле серебряных пластинчатых подвесок (рис. 101, 4): одной овальной, двух круглых и двух пельтовидных трехрогих лунниц. Все они сделаны с рифленой цилиндрической петелькой для подвешивания. Пельтовидные подвески из Сахарной Головки типологически близки гладким трехрогим лунницам, бытовавшим в период С2/С3-D (180-420 гг.) на памятниках черняховской культуры и в Северной Европе. Считается, что, прототипами им послужили провинциально-римские фибулы и накладки. Аналогичные подвески известны в Поволжье и Прикамье [Каргопольцев, Бажан, 1993, с. 116-118, рис. 4; 5]. Гладкие трехрогие пельтовидные подвески бытовали и позже, о чем свидетельствуют их находки в богатом женском погребении 430-450 гг. на Верхнем Дону [Мастыкова, Земцов, 2014, с. 204-205, цв. илл. XV, 15] и в захоронении девочки второй половины V в. из некрополя Миттерхоф (Северная Австрия), связываемого с одним из восточногерманских народов [Heinrich, 1970, S. 104, Taf. 2, 3]. По паре идентичных подвесок обнаружено в погребении остготки второй половины V в. из Венгрии [Kiss, 1996, S. 76, Abb. 6, 2,3] и в комплексе первой половины VI в. из сельского некрополя Сиреневая бухта на Европейском Боспоре [Масленников, 2000, с. 188, табл. XII, 33,34]. В склепе 23/11 этого же некрополя трехрогая подвеска лунница с рифленой петелькой для подвешивания использована в украшении ременного гарнитура первой половины VI в. [Масленников, 1997, с. 104, рис. 52, 26]. На памятниках сельской округи Европейского Боспора выявлены аналогии круглым подвескам из Сахарной Головки [Масленников, 2000, с. 188, табл. XIII, 15,28,29]. Сочетание лунниц – пельт с круглыми и прямоугольными подвесками, носившимися в одном ожерелье отмечено для черняховской культуры [Каргопольцев, Бажан, 1993, с. 116; Магомедов, 2001, с. 71].

В VI в. продолжали носить серьги с многогранником различных типов (рис. 96, 4,5; 100, 8; 110, 5). Серьги с надетым на проволочное серебряное кольцо полым многогранником обнаружены в могиле 41 первой половины VI в. из Сахарной

Головки (рис. 101, 1-3). Ромбические грани сделанного из фольги и заполненного пастой многогранника (рис. 101, 3) плакированы листовым золотом и инкрустированы красными и белыми стеклянными вставками [Борисова, 1959, с. 179]. Серьги с напускными многогранниками появились в Подунавье одновременно с литыми [Амброз, 1994/1995, с. 54; Bierbrauer, 1975, S. 162-167; Horedt, 1979, S. 243, Abb. 2, 20,21]. По наблюдению Ф. Бирбрауера, серьги с ажурным, инкрустированным многогранником характерны для богатых варварских могил V-VI вв. из Подунавья и Италии [Bierbrauer, 1975, S. 164, 165, 244-248, Tav. XLVIII, 3; LVII, 2,3; LXXVIII, 6,7; LXXXVI, 2,4]. В Крыму серьги с ажурным многогранником не имели широкого распространения. Они найдены только в упомянутой могиле из Сахарной Головки и в могиле второй половины VI в. из Керчи [Айбабин, 1999, с. 103, рис. 38, 2]. Подобные серьги, происходящие, вероятно, из Керчи хранятся в коллекции И. Диргардта [Damm, 1988, S. 123, Abb. 69, Kat. Nr. 31]. Керченские серьги совершенно идентичны дунайским: их кольца сделаны из перекрученных проволочек, а ажурный кубический многогранник инкрустирован гранатами. Видимо, они, как и серьги из Сахарной Головки привезены из Подунавья.

В VI в. самым популярным украшением для рук становятся браслеты из круглого в сечении, серебряного стержня с утолщенными, сомкнутыми концами. Браслеты этого типа появляются на Среднем Дунае на памятниках горизонта Д2/Д3 (430/440 – 470/480) [Tejral, 1988, s. 270, 271, 284, Abb. 31, 8,12; 33,6; 43, 2]. Они распространены в остготских погребениях периода Д3 (450-480/490) в Подунавье [Bierbrauer, 1975, Tav. LXXXIV,2,3; Stadler, 1988, S. 326, 345, Taf. 52, VII,37. с; Эрдели, 1982, с. 67, рис. 3,4; Kiss, 1994, p. 168-169, Fig. III. 26,f, Cat. n. III. 6] и конца V - начала VI вв. Италии [Bierbrauer, 1975, S. 318-319, Tav. XLII,4]. Такие браслеты носили аламань в второй половине V в. [Quast, 1997, S. 183, 185, Abb. 190, 193; Giesler, 1997, S. 210, 212, Abb. 213, 217] и гепиды в VI в. [Csallany, 1961, S. 217, №166, Taf. CXCV,2; CXCVI,8].

Во второй четверти VI в. в женском costume появились большие пряжки с прямоугольным щитком, предназначавшиеся для широких поясов. К этому времени относятся серебряные застёжки из Черной Речки с отчеканенным растительным орнаментом (рис. 106, 2) и из коллекции И. Диргардта, найденная, якобы, в Гурзуфе – с резными S-видными завитками на щитке (рис. 106, 3). Пряжка из Гурзуфа по форме и декору почти идентична соответствующим изделиям из остготской Италии. Она сделана с пластинчатым кольцом со стилизованными изображениями голов животных на тыльной стороне, декорированным треугольниками с чернью и украшена полусферическими вставками из граната в цилиндрических гнездах. Они, скорее всего, были привезены на полуостров из Италии [Айбабин, 1990, с. 31; Айбабин, 1999, с. 269]. Пряжка из Черной Речки сделаны местными мастерами по привозным из Италии и Подунавья образцам [Айбабин, 1990, с. 30, 203, рис. 2, 71; 24, 4; Айбабин, 1999, с. 64, рис. 22, 4]. С середины VI в. разнообразие пряжек для широких поясов увеличивается: появляются пряжки со штампованным геометрическим декором (рис. 106, 1) с христианской символикой (рис. 98, 1; 99, 1; 100, 11; 124, 17; 125, 1) и с щитком, завершающимся выступом в виде головы орла (рис. 102, 2; 125, 3; 126, 1). На всех упомянутых некрополях во многих одновременных захоронениях выявлены аксессуары типичного женского восточногерманского костюма, которые подробно рассмотрены в главе 7.

С середины VI в. аланы и готы носят пряжки и перстни с христианским декором и монограммами. В ожерельях появляются и индивидуальные предметы христианского культа – кресты (рис. 127) и различные амулеты.

По словам Прокопия, по повелению Юстиниана I на Южном Берегу построили укрепления в Алустане и Горзувитях [Procopius. On Building, III, VII,11] и длинные стены [Procopius. On Buildings III, VII,15-17].

Гурзувитскую крепость П. И. Кеппен локализовал в Гурзуфе на выступающей в море скале Дженебез Кая, на которой сохранились руины генуэзской крепости [Кеппен, 1837, с. 61]. В 1956 – 1966 гг. раскопки в крепости вела экспедиция О. И. Домбровского. По его словам, генуэзскую крепость построили поверх хазарской, которую соорудили над остатками крепости VI-VII вв. [Домбровский, 1974, с. 9-13, рис. 4, 6].

В Алуште в 200 м от берега моря на вершине холма сохранились руины генуэзской крепости. В 1984-1990 гг. в раскопе на холме раскрыты участок оборонительной стены (длина 35 м, ширина 2,8 м, высота до 2,1 м) и стены казармы (рис. 128, a,b). Оборонительная стена сложена из некрупных необработанных камней, положенных в горизонтальные ряды на известняковом растворе. В кладке зафиксировано только несколько больших камней размерами 0,9 x 0,5 x 0,45 м. В. Л. Мыщ отнес ее сооружение ко времени Юстиниана I [Мыщ, 1992, с. 171-175]. Однако во время Юстиниана I и до конца VII в. византийские инженеры строили крепостные стены из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков. Подобные стены в VI-VII вв. в византийцы сооружали на территории империи [Lassus, 1981, p. 13-16, fig. 21, 26-30, 90, 92, 162; Lawrence, 1983, p. 185-209] и своих владений в Крыму [Айбабин, 2007, с. 132, рис. 4-5,7-8]. Описанная В. Л. Мыщом кладка оборонительной стены характерна для византийского фортификационного строительства конца X в. и более позднего периода [Lawrence, 1983, p. 215-217, pl. 19,b]. К внутренней стороне восточной куртины примыкало здание «казармы» из двух помещений (рис. 128, b). Из слоя на уровне полов помещений извлекли как фрагменты византийских краснолаковых мисок (рис. 128, 1-5) [Мыщ, 1992, с. 176, рис. 2-5; Hayes, 1972, p. 333, 335-337, fig. 67, 7, 6, 8,15,16,28], фрагменты амфор типа Газа LRA 3 второй четверти V – VI вв. (рис. 128, 7) [Мыщ, 1992, рис. 7; Hayes 1992, p. 64-65, fig. 22,5] и типа 9 по Дж. Хейсу VI – середины VII вв. (рис. 128, 6) [Мыщ, 1992, рис. 6; Hayes, 1992, p. 66, fig. 22,10-11], так и фрагменты амфоры VIII-IX вв. [Мыщ, 1992, рис 8-10; Якобсон, 1979, рис. 13,1-3]. Очевидно, крепость Юстиниана I разрушили до постройки описанных В. Л. Мыщом сооружений.

Прокопий сообщал о том, что «...везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он (император) преградил эти подступы длинными стенами и таким образом освободил готов от страха перед вторжением...» [Procopius. On Buildings, III, VII,15-17]. С длинными стенами отождествляли остатки каменных стен на перевалах Первой (Главной) гряды [Кеппен, 1837, с. 61; Tomaschek, 1881, S. 15-17; Соломоник, Домбровский, 1968, с. 33-44]. Как отмечалось во второй главе, многие историки, пренебрегая однозначным высказыванием Прокопия о том, что в стране Дори император «не построил ни города или крепости...» [Procopius. On Buildings, III, VII, 16], отождествляли с длинными стенами укрепленные «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальсон, Бакла и другие [Vasiliev, 1936, p. 72,73; Тиханова, 1953, с. 320-324; Якобсон, 1964, с. 11]. А. Г. Герцен, вопреки Прокопию, приписал Юстиниану I сооружение в последнее десятилетие правления в горах крепостей, дополнивших длинные стены [Герцен, 2003, с. 98].

Согласно Г. Б. Дьюингу, *tὰς εἰσόδους* означает «подступы или подходы». По утверждению В. Томашека, «подходами» являлись перевалы и ущелья, позволяющие пройти из глубин полуострова через яйлу на Южный берег [Tomaschek, 1881, S. 15]. По мнению Э. И. Соломоник, термин *tὰς εἰσόδους* означает про-

ходы через ущелья в горах, которые Юстиниан оградил (*περιβαλόν*) длинными стенами (*τειχίσμασι μακροῖς*), обезопасив страну Дори от вторжения [Соломоник, Домбровский, 1968, с. 17-19].

Стена, соответствующая тексту Прокопия, открыта у подножия плато Мангуп в балке Каралез (рис. 92, 1). Она сложена из двух рядов подогнанных друг к другу прямоугольных известняковых блоков (длина 150 м, толщина 2,3-2,4 м, сохранилась на высоту 2,5 м). Пространство между внешней и внутренней облицовками заполнено необработанными камнями, залитыми раствором из извести. Стену венчали зубцы. В центральной части имелись ворота. Эта стена перегораживала балку Каралез. Ее вплотную пристроили к вертикальным известняковым обрывам, возвышающихся над долиной плато. В местах примыкания стены в скале вырублены смотровые площадки с комплексом небольших пещерных помещений. По фрагментам керамики, извлеченной из накопившегося у стены слоя, В. А. Сидоренко датировал ее временем правления Юстиниана I. [Сидоренко, 1991, с. 114-115]. Близ стены на территории раннесредневекового поселения раскрыта большая трехнефная базилика. Ее возвели тогда же, когда и оборонительную стену. Поскольку стена перекрыла русло ливневых потоков, то в VII в. ее и базилику разрушил сель. Вскоре базилику вновь восстановили [Сидоренко, 1991, с. 114-115].

Археологические материалы времени Юстиниана I обнаружены на плато Мангуп (рис. 2, 8; 92) и Бакла (рис. 2, 15). Мангупское плато возвышается на 250-300 м над уровнем подступающих долин (рис. 4, 1). С трех сторон оно ограничено вертикальными обрывами, достигающими на западной стороне высоты 70 м. Северный склон прорезан тремя глубокими ущельями, разделяющими его на четыре мыса. Дороги и тропинки на плато проходят по балкам, в верховьях которых вытекают родники питьевой воды. По словам А. Г. Герцена, строители возвели Главную линию обороны (ГЛЮ), состоявшую из отдельных стен в верховьях балок, пересекавшие ущелья между мысами, и стен, дополнявших естественные обводы плато. Комплекс Главной линии обороны обеспечил защитой максимально возможную площадь плато (общая площадь крепости составила 90 га) [Герцен, 1990, с. 133; 2003, с. 100, 101]. В расселине Демир-Капу (Железные ворота) в находившемся неподалеку от остатков оборонительной стены гроте была изучена его засыпь. В верхнем слое засыпи содержались фрагменты амфор III-VII вв., краснолаковых сосудов, стакана с каплями синего стекла и монета Юстиниана I. По мнению А. Г. Герцена, грот засыпали в процессе возведения оборонительной стены в годы правления Юстиниана I [Герцен, Манаев, 2005, с. 328]. Правда, судя по извлеченной из грота керамике, его могли засыпать и позднее. А. Г. Герцен отнес строительство комплекса укреплений ГЛЮ на Мангупском плато к последним десятилетиям правления Юстиниана I – 50–60-м гг. VI в. [Герцен, 2003, с. 100]. В центре плато была сооружена базилика, с мраморными капителями и мозаичными полами [Герцен, 2003, с. 101; Бармина, 2005, с. 318].

Городище Бакла находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотой 15-20 м, а с юга – обрыв (рис. 4, 2). Площадь городища 0,8 кв. км. С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. В начале V в. на плато возникло неукрепленное поселение. В первой половине VI в. там соорудили винодельню. Вероятно, в конце того же века на вытянутой вдоль обрыва возвышенности с крутыми откосами (ширина – до 60 м, длина – до 200 м) возвели цитадель. Д. Л. Талис выделил на ней два строительных периода. На северо-восточном участке раскрыты остатки первого строительного периода: фундаменты башни и двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня. Ее фундамент лежит на

нивелирующей поверхность скалы глиняной прослойке. Сохранившиеся нижние ряды панцирей фундамента сложены из камней (размером до 1,0x0,8x0,6 м), у которых подтесана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. По предположению Д. Л. Талиса, первую стену цитадели возвели в V в., а в VII в. – разрушили. До ее строительства был ликвидирован и засыпан ранний винодельческий комплекс. За время существования названных сооружений двух строительных периодов образовался слой зеленого цвета. Даты создания и уничтожения винодельни и стены Д. Л. Талис определял по керамике из него [Талис, 1974, с. 112; Талис, 1982, с. 57-62]. Следует обратить внимание на то, что слой возник еще до постройки стены одновременно с винодельней. Д. Л. Талис не разделял его стратиграфически. Из слоя извлекли как изготовлявшиеся с конца IV в. фрагменты краснолаковых чашек (рис. 129, 19), мисок LR-C формы 2 и формы ARSW 62B (рис. 129, 5) V-VI вв. [Hayes, 1972, p. 108-109, 327-329, fig. 18, form 62B, 66; Талис, 1982, с. 63, рис. 5, 5; Айбабин, 1990, с. 16, 17, рис. 2; 30; 5,7; Воронов, Юшин, 1973, с. 176, 191, рис. 6, 5], миску VI в. LR-C формы 3-F (рис. 129, 1) [Талис, 1982, рис. 3, 7; Hayes, 1972, p. 338, fig. 69, 40, form 3F; Hayes, 1992, p. 97, 98, fig. 35, 22-1; Williams, 1989, p. 46-49, fig. 23, 278; Balance и др., 1989, p. 90, 91, fig. 27, 57], донья и фрагменты стенок красноглиняных амфор с воронковидным горлом и с острым выступом на дне (рис. 129, 14,16) типа Якобсон 10 или *Sagachane* 9, или LR 2 по Бенгази, найденных в Ятрусе в слоях C и D V – начала VII вв. [Талис, 1982, рис. 1, 17-19; 4, 4; Böttger, 1982, S. 33, Taf. 17, 220,221; 18, 227,228,537,538] и в других центрах в слоях VI-VII вв. [Якобсон, 1979, с. 14-16, рис. 2, 7, 3, 2; Riley, 1979, p. 217-219, fig. 43, 44; 91, 349-350; Hayes, 1992, p. 66], фрагменты краснолаковых мисок LR 93B (рис. 129, 3,4), известных в слоях второй и третьей четверти VI в. в Карфагене и второй половины VI-VII вв. в Марселе и Херсонесе [Талис, 1982, рис. 5, 8,18; Романчук, 1975, рис. 5, 8; Hayes, 1972, p. 147-148, fig. 27, 19; Bonifay, Pelletier, 1983, fig. 24, 89,90; 26, 124,140; Fulford, 1984, p. 68, 69, fig. 18, 50-3,50-8], обломки стенок светлоглиняных амфор с красными дипинти (рис. 129, 17,18) типа Якобсон 9 или LR 1 по Бенгази, обнаруженных в слоях VI-VII вв. в Средиземноморье [Талис, 1982, рис. 8, 2,3; Якобсон, 1979, с. 13, 14, рис. 2, 6; Riley, 1979, p. 212-215, fig. 41, 42; Riley, 1982, p. 116, fig. 3,1; Peacock, 1984, p. 119, fig. 34, 1,2] и доньев одновременных коричневоглиняных амфор типа Якобсон 7 (рис. 129, 13,15) [Талис, 1982, рис. 4, 1-5; Якобсон, 1979, с. 12, рис. 2, 3], так и кипрскую краснолаковую миску (рис. 129, 2) [Талис, 1982, рис. 3, 4; Sodini, Villeneuve, 1992, p. 207-208, fig. 10, 10] и двуручные красноглиняные кувшины с росписью ангобом [Талис, 1982, рис. 7, 2,6,7; Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2, 154, 4,8] второй половины VIII в., красноглиняные ойнохои VII-IX вв. [Талис, 1982, рис. 7, 3,4,5,8; Böttger, 1982, S. 14-17, Taf. 8-10; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191, 192], амфоры (рис. 129, 11,12) [Талис, 1982, рис. 2, 2; 3, 6], аналогичные обнаруженным в Подунавье, Подонье, в Скалистом в склепе середины VII в. и в Тау-Кипчаке в яме 5 с амфорами как второй половины VII в., так и появившимися в VIII в. [Айбабин, 1999, с. 117], амфоры LR-1 VI-VII вв. (рис. 129, 8,9) [Талис, 1982, рис. 2, 4,5; Abadi-Reynal, Sodini, 1992, p. 55, fig. CC259, CC260.; Johnson, 1988, fig. 7-50,735] и LR-13 (рис. 129, 6,7,10) VII-VIII вв. [Riley, 1979, p. 231, 232, fig. 94, 374,375; Peacock, Williams, 1986, p. 208, 209, fig. 125; Arthur, 1989, p. 87, fig. 7, 8]. Циклы бытования сосудов V-VI вв. и второй половины VII-VIII вв. не совпадают. Рассмотренная керамика свидетельствует о накоплении слоя в период с V по начало VIII вв. Поскольку в слое нет керамики типичной лишь для V и VIII вв., то его хронологические рамки можно сузить до VI – начала VIII вв. По керамике невозможно определить время постройки первой стены цитадели. Если винодель-

ню создали в первой половине VI в., то перекрывшие ее стены вряд ли соорудили ранее конца того же века. Разрушили первую цитадель в начале VIII в. [Айбабин, 1999, с. 117-119, рис. 47; Ajbabin, 2011, S. 104-106].

2. Археологическая культура населения области Дори в последней трети VI-VII вв.

В результате археологических раскопок, проводившихся в последние десятилетия на территории многих «пещерных городов», выявлены материалы, уточняющие их назначение и хронологию. В Горном Крыму раннесредневековые оборонительные сооружения обнаружены не только на упомянутых выше плато Мангуп (рис. 3, 6) и Бакла (рис. 3, 9), но также на плато Эски-Кермен (рис. 3, 4), и, возможно, на плато Чуфут-Кале (рис. 3, 8).

Крепость Эски-Кермен сооружена на плоской вершине окруженной глубокими балками столовой известняковой горы (рис. 5; 130; 131). Северный конец, восточная сторона горы и большая часть ее западной стороны представляют собой почти вертикальные обрывы. На восточном и западном фасадах горы многочисленны выступающие мысы (рис. 132, 2). Некоторые участки западной стороны менее крутые. Южный склон более пологий. Подходящая к нему с юго-запада седловина облегчает подъем на плато. Длина горы с севера на юг – 1040 м, наибольшая ширина – 200 м, высота – до 30 м. При создании обороны умело использовалась топография местности. Фортификационные сооружения защищали и все доступные для подъема на плато более пологие участки склона (рис. 130). Важную роль в оборонительной системе играли пещерные башни и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы (рис. 132; 133). Через бойницы, вырубленные в башнях, контролировалось пространство между ними и подножие плато. Между многими пещерными башнями по краю плато были возведены двухпанцирные оборонительные стены (рис. 130; 131, 2; 133, 2).

По предположению Н. И. Репникова, северная треть плато не застраивалась. Данный участок отгородили стеной от застроенной части (рис. 130, а) [Репников, 1932б, с. 183]. На подъеме на северный край горы сохранились остатки защитных сооружений (рис. 130, 10) [Репников, 1932б, с. 187]. На северном мысу зачищена дозорная площадка. Вырубленный в толще скалы коридор с лестницей с 33 ступенями давал возможность подняться на мыс. Дверь в коридор запиралась брусом. По ходу лестницы вырублены две пещеры. В стене одной из них пробиты амбразура и бойница [Репников 1932б, с. 188-189].

Самый мощный узел обороны создали на наиболее доступном южном краю плато, где от его подножья в скале были высечены три марша широкой подъемной дороги, ведущей к главным воротам (рис. 130, 1,2; 131, 3,5; 132, 1; 134). В скальных мысах, возвышающихся на юго-западном краю плато над дорогой и на юго-восточном краю плато, вырубili фланговые пещерные казематы I и IV, а перед главными воротами – башню. Вдоль края плато над верхним маршем дороги возвели оборонительную стену, а вдоль края верхнего марша и перед главными воротами – протейхизму с двумя калитками. Тем самым этот участок дороги превратили в перибол с двумя воротами. На краю плато напротив главных ворот сохранились вырубленные в скале «постели» надвратной башни, которая функционировала до гибели города. Остатки сложенной из прямоугольных блоков стены башни зачистили в 1929 г. [Репников, 1932а, 123-125; 1935, с. 18-40]. На восточной стороне плато раскрыты пещерные каземат и укрытия для караульных, калитка и высеченная на поверхности скалы лестница, ведущая к

подножию плато. Входы на плато на северном краю и западной стороне были тоже укреплены.

Восточный оборонительный узел состоял из вырубленных на мысах пещерных казематов V и VI (рис. 130, 6; 133). Каземат VI защищал восточную калитку, от которой к подножию плато вела высеченная в скале лестница. Участок края плато между этими казематами и казематом IV защищала оборонительная стена (рис. 133, 2; 135, 1). Один из ее участков раскопан в 2005-2008 гг. (рис. 131, 2). Длина участка раскопа между краем скального мыса с пещерным казематом V до угла стены – 14 м, а длина его продолжения от того же угла к юго-западу – 25 м, ширина – 2,5 м (рис. 136) [Айбабин, 2007, с. 132-135, рис. 2, 3; Ajbabin, 2013, Abb. 7, 11,12]. В раскопе открыты сохранившиеся участки двухпанцирной стены и вырубленные в скале постели (рис. 135). Внешнюю облицовку соорудили из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров, скрепленных раствором из извести и песка. Блоки плотно подогнаны один к другому (рис. 136; 137). Нижние ряды панцирей лежали в вырубленных в скале «постелях». Длина крупных блоков – 2,3 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м, длина малых блоков – 0,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,8 м. Высота стены и количество рядов кладки зависели от рельефа поверхности материковой скалы (рис. 139). Сверху стену перекрыли большими прямоугольными плитами длиной 1,6-1,8 м, шириной 1 м, толщиной 0,5 м. В углу раскопа зафиксирована наибольшая высота облицовки – 3,6 м от уровня материковой скалы. Здесь на постель положили пять рядов блоков. В 2,5 м к юго-западу от угла кладка состояла из четырех рядов блоков (высота стены – 2,4 м). Пространство между панцирями заполнено необработанными камнями и известковым раствором (рис. 136, Б). В юго-западной части раскопа открыты «постели» и нижний ряд кладки.

В засыпи раскопа у внешней стороны стены нашли бронзовую широкопластинчатую подвязную фибулу с резным декором (длина – 7,2 см) (рис. 140, 1). Ее дуговидная спинка украшена желобком с мелкой поперечной насечкой, а прямоугольная часть ножки – крестиками, вписанными в ромб и треугольниками. На круглом завершении ножки изображен орел с крыльями, распростертыми наподобие венца и шестиконечной звездочкой (рис. 140, 1а,б). Фибулу очевидно после продолжительного использования отремонтировали, укрепив на головке железную пружину. По конструкции и технике изготовления фибула подобна описанным выше воинским фибулам серии 16-4/III (рис. 124), но отличается от них круглым завершением ножки. Изображение орла с распростертыми крыльями аналогично имеющимся на византийских печатях VI-VII вв. [Искусство Византии, 1977, Кат. № 251]. По словам В. Н. Залесской, печати с такими орлами, между крыльями которых обычно помещали монограмму владельца, распространились после введения Юстинианом I титула почетного консула. С конца VI в. появились многочисленные подражания консульским регалиям, в том числе так называемые консульские бронзовые печати с орлами и перстни-печати (рис. 140, 3,4) [Залесская, 2002, с. 16]. Как известно, в Византии фибулы являлись не только застежками или украшениями одежды, но довольно часто были знаками отличия, удостоверявшими чин владельца [Беляев, 1929, с. 50]. Однотипная фибула находилась в склепе 337 на некрополе Эски-Кермена (рис. 140, 2). Вероятно, фибулы серии 16-4/III, найденные на Эски-Кермене носили воины.

В культурном слое, накопившемся у внутренней стороны восточной оборонительной стены, обнаружена бронзовая накладная бляха, отлитая в форме фигурки человечка с согнутыми в коленях ногами и руками на коленях, с двумя круглыми отверстиями и двумя резными кружками с точкой в центре для обозначения глаз (рис. 140, 5). Фигурка близка серебряным антропоморфным бляшкам из

клада из Мартыновки [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 25-26]. О времени формирования клада следует судить по вещам из его состава: византийскому сосуду с отгиснутыми штемпелями Юстина II 565-578 и 577 г. [Mango, 1994, p. 36-38], деталям поясных наборов, изготовленным в первой половине VII в. многоглавым антропоморфно-зооморфных фибулам [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 3-5] варианта I-1 [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 30], или днепровской пальчатой фибуле II типа [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 6], аналогичной происходящим из захоронений VII в. из Юго-Западного Крыма [Айбабин, Хайрединова 2008, с. 29-30]. Антропоморфные бляшки весьма отдаленно напоминающие мартыновские найдены в Среднем Поднепровье, Приднестровье [Приходнюк, 1998, рис. 75, 8; 76, 9] и в аланских погребениях VII в. на Северном Кавказе [Ковалевская, 1983, с. 46, рис. 1, 7-8]. Скорее всего, Мартыновский клад могли зарыть в землю в первой половине VII в. Тогда же изготовили и публикуемую бляшку с плато Эски-Кермен.

Внутренняя облицовочная кладка описанного выше участка восточной оборонительной стены изучалась в 2006-2007 гг. Внутренний панцирь, в отличие от внешнего, поставлен не в «постель», а на предварительно очищенную и подготовленную скальную поверхность крутого склона (рис. 138; 139). На примыкающей к стене поверхности склона вырублены дренажные каналы. Щели между нижним рядом внутреннего панциря и скалой забутованы необработанными камнями, широкие щели (шириной 0,15-0,2 м) между торцами верхних камней и склоном мыса с пещерным казематом V замазали раствором из извести и песка (рис. 138). Крупные брызги раствора сохранились на поверхности скалы. В одном из блоков нижнего ряда кладки сделано водопропускное отверстие. Кладка внутреннего панциря аналогична внешнему (рис. 137; 138). Пять рядов панциря соорудили из хорошо обтесанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров на растворе из извести и песка. Блоки плотно подогнаны один к другому. Длина крупных блоков – 1,9 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,6 м, длина малых блоков – 0,8 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,7 м. Сверху стену перекрыли большими прямоугольными плитами длиной 1,6-1,8 м, шириной 1 м, толщиной 0,5 м.

Для выравнивания примыкающей к стене поверхности крутого склона у основания стены подсыпали слои насыщенного песком грунта, а также известнякового и темно-коричневого грунта. В результате вдоль стены была создана горизонтальная площадка шириной в метр. Высота стены с внутренней стороны от поверхности нивелировочного слоя до верхней поверхности плит перекрытия достигала 2,4-2,6 м. На вновь зачищенных плитах перекрытия оборонительной стены не обнаружены какие-либо следы парапета. Поскольку в стене отсутствовали бойницы, то можно предположить, что гарнизон контролировал этот участок склона плато не только из пещерных казематов IV и V, но и с перекрытия стены.

В следующий строительный период на данном участке значительную часть внутренней облицовки засыпали гумусированным грунтом. О времени сооружения оборонительной стены следует судить по керамике из нивелировочной подсыпки, о дате ее засыпки – по керамике из обкладки стены и пола подвала и его заполнения (рис. 141-143).

В верхнем слое нивелировочной подсыпки в грунте насыщенном песком найдены фрагменты амфор типа Зеест 95 [Зеест, 1960, с. 118, 119, табл. XXXVIII, 95] (рис. 142, 14), амфор типа Якобсон 9 или LR 1 (рис. 142, 1,6,11,15), амфор типа Якобсон 1 [Якобсон, 1979, с. 9, рис. 1, 1] и с сужением корпуса типа Якобсон 7 (рис. 142, 12,13) [Якобсон, 1979, с. 12], амфор 5 типа по херсонесской классификации (рис. 142, 2-5,7,17) [Якобсон, 1979, с. 11, рис. 3, 6; 33, с. 85, рис. 6], гончарных кувшинов с воронковидным (рис. 142, 8) и ойнохоевидным горлом (рис. 142, 9,10), красноглиняного кувшина (рис. 142, 18) и лепных сосудов (рис. 142, 16,19,21).

В слое известнякового отгеса нашли фрагменты амфор типа Зеест 95, амфор типа Якобсон 9 или LR 1 (рис. 143, 1), амфор типа Якобсон 1 (рис. 143, 2), амфор 5 типа по херсонесской классификации и лепных сосудов (рис. 143, 3,4).

В нижнем слое нивелировочной подсыпки в темно-коричневом грунте обнаружены фрагменты амфор типа Зеест 95, амфор типа Якобсон 9 или LR 1, амфоры типа Якобсон 1 (рис. 143, 16), амфор 5 типа по херсонесской классификации (рис. 143, 6,7), амфор с сужением корпуса типа Якобсон 7 (рис. 143, 8,9,18), красноглиняных амфор (рис. 143, 5,20), гончарных кувшинов (рис. 143, 10,11,19), краснолаковой миски, покрытой светло-розовым лаком (рис. 143, 17), лепных сосудов (рис. 143, 12-15).

Во всех трех слоях нивелировочной подсыпки найдены фрагменты однотипных амфор. Амфоры типа Зеест 95 использовали на протяжении длительного периода. Такие амфоры содержались в слоях второй половины V-VI вв. в Марселе [Sodini, Villeneuve, 1992, p. 27, fig. 7, L. R. A. 3] и Карфагене [Peacock, 1984, p. 121, fig. 34, 4,5; 35, 14], на Афинской агоре в слоях конца IV и VI вв. [Riley, 1979, p. 229-230, fig. 48; Robinson, 1959, p. 78, 79, 114-116, 119, pl. 17, L50,51; 33, M335; 34, M373], в Западном Причерноморье в слоях V-VI вв. [Scorpan, 1977, p. 272, 273, fig. 8, 5,6], в комплексе первой половины VII в. из Язи Ада [Bass, 1982, p. 183, fig. 8-19, P74], в слое с керамикой VI-VII вв. в Sarachane [Hayes, 1992, p. 63, fig. 22, 9] и в Боспоре в слое пожара начала 660 г. [Aibabin, 2006, p. 33, 35, 60]. Довольно широк и хронологический диапазон бытования амфор типа Якобсон 1,7 и 9 [Якобсон, 1979, с. 9,12,13,14, рис. 1, 1,2,6] или LR 1 [Riley, 1979, p. 212-215, Fig. 41, 42]. Фрагменты однотипных амфор в Херсоне, на Боспоре и в Средиземноморье многочисленны в слоях VI-VII вв. [Aibabin, 2006, P. 43; Riley, 1982, p. 116, Fig. 3,1; Peacock, 1984, p. 119, Fig. 34,1,2; Sodini, Villeneuve, 1992, p. 218]. Фрагменты амфор 5 типа по херсонесской классификации [Якобсон, 1979, с. 11, рис. 3, 6; Антонова и др., 1971, с. 85, рис. 6] находились в употреблении со второй четверти VI по начало VIII вв. [Aibabin, 2006, p. 39, 43; Голофаст, 2001, с. 101].

Для датировки верхнего слоя нивелировочной подсыпки важны фрагменты гончарных ойнохой (рис. 142, 9,10) и кувшина с воронковидным горлом с уплощенной ручкой с пальцевым вдавлением у основания (рис. 142, 8). Однотипные ойнохой встречены в Константинополе в слоях конца VI – VII вв. [Hayes, 1968, p. 208, fig. E, 37-40; 1992, p. 11, fig. 3, 3], на Афинской агоре в слое начала VII в. [Robinson, 1959, pl. 35, N6-11], в Скалистом в склепах первой половины VII – IX вв. [Айбабин, 1993, с. 123, 124, 125, рис. 7, 3,7,16,18; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191-192], в Херсонесе в комплексах конца VI – первой половины XI вв. [Седикова, 1995, с. 172, 173, рис. 7, 1-3]. Кувшины с воронковидным горлом отличаются от ойнохой только формой верхней части горла. Очевидно, оба типа кувшинов находились в употреблении одновременно. Вероятно, рассматриваемый слой насыпали вдоль стены не ранее конца VI в.

В нижнем слое нивелировочной подсыпки самыми поздними являются фрагменты краснолаковой миски, подобной относимым Дж. Хейсом к концу VI – началу VII вв. (рис. 143, 17) [Hayes, 1968, p. 208, fig. E, 55].

Рассмотренный закрытый комплекс керамики позволяет датировать сооружение восточной стены и крепости на плато концом VI в. [Айбабин, 1999, с. 143-146; Айбабин, 2007, с. 132-138; Ajbabin, 2013, S. 191].

Западную сторону плато защищали вырубленные в массивах четырех выступающих мысов пещерные казематы VII, VIII, IX и XI, прямоугольная башня X (размерами 4x4 м), возведенная на поверхности одного из мысов, а также сооруженная по краю склона оборонительная стена. Ее участок между башней X и пещерным казематом XI исследовался в 1929 г. экспедицией Н. И. Репникова.

По конструкции и кладке облицовки западная оборонительная стена аналогична описанной выше восточной стене. Между казематами VIII и IX расположена укрепленная западная калитка [Репников 1932а, с. 129-133].

В крепостях на Эски-Кермене и Бакле были созданы не связанные с домами крупные государственные зерновые склады из многочисленных вырубленных в скале ям, имевших форму пифосов емкостью более 500 л и закрывавшихся каменными крышками. На Эски-Кермене два таких склада вмещали десятки тонн зерна (рис. 144). Вероятно, местные земледельцы свозили в крепости зерно, которым могли выплачивать государственные налоги.

Большая часть площади описанных выше крепостей осталась незастроенной. Во время военных действий там могли найти убежище и жители окрестных поселений.

Новые исследования показали несостоятельность утверждения Е. В. Веймарна об использовании таврских строительных приемов при сооружении крепости на Эски-Кермене, равно как предложенной им реконструкции оборонительных стен [Веймарн, 1958а, с. 15, 18, 27, 28, 52]. Пещерные казематы и южный оборонительный узел характерны для многих ранневизантийских горных крепостей [Айбабин, 1999, с. 143; Lawtence, 1983, p. 185-209; Lauffray, 1983, p. 21, 142, 145, 147, 149, fig. 5; Воронов, Бгажба, 1987, с. 117, 118, рис. 3]. Для позднеримских и византийских крепостей типична и конструкция стен с двумя панцирями из хорошо обтесанных прямоугольных блоков и забутовкой между ними [Foss, Winfield, p. 25-27, 240, fig. 92]. Для многих ранневизантийских горных крепостей типичны пещерные казематы и башни [Айбабин, 2013, S. 176-177]. Крепость сооружена с учетом одного из основных требований позднеримской теории фортификации, которое сформулировал Вегеций: «Города и крепости обладают укреплениями или природными, или созданными человеческой рукой, или теми и другими – что делает их особенно сильными. Можно сказать, что город укреплен природой, если он стоит на возвышенном месте, на обрыве. . . » [Вегеций, 1996, с. 280, IV,1]. Вполне очевидно, что крепость на плато спроектировали и воздвигли по проекту опытного византийского военного инженера.

В масштабных работах при строительстве крепости на плато Эски-Кермен использовалось большое количество местного известняка – наиболее доступного и качественного строительного материала. Блоки и бут для построек выламывались в окрестностях городища, в балках к югу от него и непосредственно на плато – у подножья западной оборонительной стены [Репников, 1932а, с. 131; Репников, 1932б, с. 184, прим. 3 и 4]. На строительство пошел камень, полученный при вырубке в скальном массиве городских ворот и начального участка главной улицы. Наиболее заметные следы добычи каменных блоков зафиксированы на участках между тремя маршами ведущей к главным воротам города подъемной дороги, вырубленной на скальной поверхности юго-западного склона столовой горы (рис. 131, 4; 145, А,4-6).

Один из участков каменоломни, открытой в 30-х годах прошлого века экспедицией Н. И. Репникова, доследовался нами в 2016 г. [Хайрединова, 2017, с. 193-207]. Каменоломня расположена под выступающим мысом (башня или каземат I), на скальной террасе шириной 6,0-8,0 м, ограниченной с востока вертикальным обрывом плато и с запада – нижнем маршем подъемной дороги (рис. 145, А,4; 146; 147). Терраса возвышается над дорогой на 0,6-1,45 м (рис. 146, А). Поверхность скальной террасы плавно понижается на 1,7-1,8 м в направлении с востока на запад.

Прямоугольная в плане каменоломня ориентирована по оси юг – север, с небольшим отклонением к западу (рис. 148; 149). Ее размеры: длина 7,0 м, ширина

по северному борту 5,5 м, по южному – 4,0 м; глубина по восточному и по северному бортам – 0,4-1,0 м, по южному – 0,32-0,7 м. Вдоль северного борта каменоломни, на участке длиной 5,3 м и шириной 1,6-1,8 м видны следы от выломанных шести продольных блоков размерами 0,8x1,5 м. Остальная часть каменоломни разделена вырубленными в поверхности скалы канавками на 6 поперечных полос длиной 3,8-5,6 м и шириной 0,75-0,8 м, ориентированных по оси восток-запад. В северо-восточном и юго-восточном углах, а также в юго-западной части каменоломни оставлены невыбранные блоки.

На исследованном объекте хорошо видна техника древних каменотесов. Каменоломня была открытого типа – выборка камня велась с самой поверхности скалы. Первоначально выбранная для разработки территория была разделена поперечными канавками на семь участков. Один участок распланировали под добычу камня поперек склона, на остальных предполагалось выламывать блоки по склону. Поэтому первый участок был заложен на длину будущего блока, а остальные шесть – на его ширину (рис. 148). Разделительные канавки хорошо видны на поверхности скалы (рис. 146, Б; 147). На юго-западном участке каменоломни, где сохранились невыбранные блоки, глубина канавок достигала 0,32-0,35 м. Видимо их пробивали на глубину, равную толщине блока. Борты канавок сужаются ко дну.

Вырубка камня велась металлическим инструментом, следы которого отчетливо видны на дне и бортах канавок (рис. 150). Скорее всего, это было зубило, сделанное из бруса с уплощенным рабочим концом. Зубило вбивали молотом в известняк под углом 45 градусов. Часто, для расширения разделительных канавок зубило вбивали повторно. В таких случаях на дне канавок оставалось два ряда рубцов от инструмента. После того, как будущий блок был околонтурен, его отламывали от основного массива горизонтальным заклиниванием из-под низу. Следы от металлических клиньев, в виде глубоких борозд, расположенных поперек основания блока, местами сохранились на поверхности скалы. От выломанных блоков на дне каменоломни остался отчетливый след. Судя по высоте бортов, в восточной части каменоломни удалось вырубить два, расположенных один над другим ряда блоков. В западной части, где уровень скалы понижался, было выбрано только по одному блоку. Учитывая площадь и глубину каменоломни легко рассчитать, что всего на участке было добыто около 30 блоков (рис. 148, 2).

Методы добычи камня были одинаковыми по всей Византии [Оустерхаут, 2005, с. 150-151]. Аналогичная техника ломки блоков зафиксирована в ранневизантийских мраморных карьерах на о. Тасос [Kozelj, Wurch-Kozelj, 2005, p. 469-470, fig. 7; Хайрединова, 2017, рис. 9].

По оставшимся на дне каменоломни следам от вырубленного блока можно установить его размеры: длина 1,5-1,6 м, ширина 0,78-0,9 м и толщина 0,32-0,35 м. При этом, легко заметить, что параметры соотносятся как 1:2,5:5, т. е. длина блока почти в пять раз превышает толщину, а ширина равна двум с половиной показателю толщины. Это же соотношение параметров сохранялось и после небольшого уменьшения размеров блока, связанного с его обтесыванием.

Показательно, что размеры вырубавшихся блоков базируются на византийской системе линейных мер. Наименьший параметр блока, его толщина, равен 0,32 м, что сопоставимо с византийской «стопой» - футом [Хайрединова, 2017, с. 195-196]. Размер фута варьировался: римский фут равнялся 29,6 см, греческий – 31,5 см [Schilbach, 1970, S. 16; Оустерхаут, 2005, с. 89]. По мнению Э. Шильбаха, после эпохи Юстиниана устойчивым размером фута становится 31,23 см [Schilbach, 1970, S. 13-16]. Эта цифра была получена исследователем на основе анализа размеров Собора Святой Софии в Константинополе («фут

Святой Софии») [Schilbach, 1970, S. 15]. Ширина блока, в два с половиной раза превышавшая его толщину, сопоставима с византийским шагом, приравненным к 78,08 см. Длина блока, в таком случае, соизмерима с двойным шагом, который равнялся 1,561 м. В византийских письменных источниках, посвященных метрологии, где сопоставляются различные меры длины, простой шаг приравнивается к 2,5 футам, а двойной шаг – к 5-ти футам [Успенский, 1888, с. 277-278, прим. 2]. На примере Северной Африки можно говорить о том, что основные размеры конструктивных элементов крепостных сооружений в византийских провинциях укладывались в систему линейных измерений на основе византийского фута в 31,23 см [Pringle, 1981, p. 134]. Сохранность оборонительных сооружений Эски-Кермена не позволяет определить их точные размеры. На участке восточной оборонительной стены, открытом в 1937 г. и доследованном в 2005-2006 гг., верхние ряды двухпанцирной кладки были перекрыты уложенными поперек известняковыми блоками, размеры которых соответствуют камню, добывавшемуся между маршами подъемной дороги [Айбабин, 2007, рис. 2, I; 3-5; 7; 8; Айбабин 2008, ил. 3-5; 7; 8; Ajbabin, 2013, Abb. 11, I; 12-16]. Известняковыми блоками таких же размеров вымощен пол в нартексе базилики [Шмит 1932, рис. 56; 58]. По наблюдению Ю. Г. Лосицкого, все размеры базилики, возведенной одновременно с оборонительными сооружениями, кратны модулю в 62,5 см, который исследователь привязал к показателю греческого фута в 30,8 см [Паршина, 1988, с. 53, приложение 1]. Совершенно очевидно, что в основе этого модуля заложен удвоенный размер византийского фута в 31,23 см. В постройках позднего этапа существования городища (841 г. – конца XIII в.) блоки больших размеров не использовались. Дома и часовни этого времени строили, в основном, из дикарного камня. Более крупные, подтесанные камни вторичного использования закладывали в углах домов или использовали в обрамлении дверных откосов [Айбабин, Хайрединова 2011, с. 422, рис. 2; 4; Айбабин 2014, с. 242, рис. 8; 10-12; Хайрединова, 2017, с. 196]. Однако размеры этих камней значительно уступают блокам, добывавшимся в каменоломни на городской подъемной дороге.

Добыча камня на исследованном участке каменоломни началась, скорее всего, одновременно с возведением на плато крепости и вырубкой нижнего марша подъемной дороги. Выломанные здесь блоки обтесывались и по подъемной дороге перевозились на плато, где их использовали при строительстве оборонительных стен и базилики. Метод добычи камня, а также размеры блоков, базирующиеся на византийской системе линейных мер, еще раз подтверждают вывод о строительстве крепости на плато Эски-Кермен византийскими инженерами.

На протяжении VII в. крепость расстроили в малый город с раннесредневековым градостроительным обликом: сеткой кварталов правильной прямоугольной формы, главной проезжей улицей, проложенной между главными воротами и центральной площадью (рис. 130, e; 131). На скальной поверхности широкой (до 4,8 м) главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато (рис. 130). Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы ограничены, проулками шириной до 2 м, проложенными на поверхности скалы под прямым углом к широким поперечным улицам. В центре плато, вероятно, одновременно с крепостью возвели большую трехнефную базилику (рис. 151; 152) [Шмит, 1932, с. 213-254]. В процессе раскопок храма не выделен ранний культурный слой. Очевидно, его удалили в результате неоднократных перестроек. В какой-то степени о дате постройки базилики приходится судить по характеру кладки уцелевших участков первоначальных

стен нефов. Они сложены также как стены херсонесских базилик VI-VII в. [Ajbabın, 2013, S. 183].

На юго-восточном склоне плато был выявлен принадлежавший обитателям крепости и городища могильник, на территории которого зачищены многочисленные захоронения, совершенные в первый период жизнедеятельности на городище (рис. 130, d; 131, 6; 153, 3).

На некрополе доминировали Т-образные в плане склепы и подбойные могилы, конструкция которых не отличается от одновременных погребальных сооружений из других могильников Юго-Западного Крыма (рис. 153, 1,2; 154-162). Местонахождение некоторых погребальных сооружений в древности пытались обозначить небольшими плоскими камнями, своего рода «стелами», вкопанными в засыпь дромоса (рис. 153, 1) или входной ямы (рис. 153, 2) [Хайрединоva, 2010, с. 154-155]. Камеры в плане прямоугольные, со скругленными углами, либо неправильной формы, с коробовым или сводчатым потолком. В задней стенке камеры склепа 362, на всю ее высоту сделано углубление с арочной верхней частью (рис. 158, 3). По центру свода камеры склепа 363, по всей его длине выбрана ровная, глубокая борозда, имитирующая конек крыши (рис. 154; 158, 5). Вероятно, в представлении древних склепов являлся своего рода жилищем для умерших, поэтому его камере старались придать форму жилого помещения. Стенки камер большинства склепов выровнены и тщательно заглажены (рис. 158, 3,5). Местами на них видны узкие неглубокие борозды, шириной 5-7 см – следы инструмента, которым работали могильщики (рис. 158, 2,3,6). Следы таких же орудий отмечены и на стенах склепов VII-VIII вв. из могильников у с. Малое Садовое и у с. Аромат [Лобода, 1976, с. 146]. Для выборки камер в глине использовалась, скорее всего, небольшая мотыга или инструмент наподобие современной кирки. После захоронения камеры оставались полыми, их не засыпали землей.

Подбойные могилы предназначались для погребений одного или двух человек (рис. 159; 160; 163). Склепы являлись коллективными семейными усыпальницами [Репников, 1932в, с. 178], в них захоронено по 2-3 взрослых человека, либо 4-5 взрослых с детьми. Умерших хоронили в склепах на полу, ногами к входу, головами на запад и северо-запад (рис. 155), либо в нишах-подбоях, специально вырубленных в бортах дромосов (рис. 156, I) или в стенах камер (рис. 155, I). Западная ориентировка погребенных считается влиянием христианства на погребальный обряд [Амброз, 1994/1995, с. 42]. Иногда тела умерших укладывали на пол, засыпанный древесными углями (рис. 159). По словам Н. И. Репникова, в склепе 65 с находками VII-VIII вв. костяки были «изобильно присыпаны углями, встречались даже отдельные головни» [Репников, 1932в, с. 168]. Древесные угли, которыми посыпали погребенных или из которых состояла подсыпка под ними, встречены также в склепах из Лучистого (рис. 103, I), Чуфут-Кале, Аромата, Скалистого и Сахарной Головки [Лобода, 1976, с. 137-141, 146; Айбабин, 1999, с. 18].

По наблюдениям антропологов, у многих погребенных на раннем участке некрополя Эски-Кермен имелись следы искусственной деформации черепов – циркулярной или лобно-затылочной [Jacobı и др., 2013, S. 353-355; Радочин, 2014, с. 100-101].

В одной из подбойных могил лежал обломок верхней части лепного горшка с углями внутри. Возможно, его использовали в качестве светильника во время совершения обряда захоронения. Аналогичные по назначению фрагменты лепных или гончарных сосудов с остатками древесных углей на внутренней стороне найдены в Лучистом, в погребениях второй половины VI – первой половины VII вв. [Айбабин, Хайрединоva, 2014, с. 117, табл. 181, 2].

Изредка в погребения ставили посуду – лепную кружку или гончарный кувшин, возможно, с напитком. Этот, считающийся языческим обряд в

Юго-Западном Крыму сохраняется вплоть до конца XV в. В Скалистом лепные сосуды в большом количестве найдены в погребениях V-VI вв., а гончарные кувшины и стеклянные стаканы присутствуют во многих склепах VII-IX в. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 190-193]. Керамические сосуды обнаружены также в погребениях VII в. из Чуфут-Кале [Кропоткин, 1958, рис. 2, 4; 4] и VI-VII вв. из Суук-Су [Амброз, 1994/1995, с. 44, 77, рис. 2, 69-79; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 22, рис. 12, 31-33]. В Лучистом керамическая посуда выявлена в погребениях на участках конца IV-X вв. и VIII-XII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 18, рис. 21.1, 39-45; 24; 27, 1; 30, 7,8; 32, 4,16,18,19,22,23; 33, 12; 34, 3,14] и в плитовых могилах около двухапсидного храма XIV-XVI вв. [Айбабина 1991, рис. 8, 1,2].

В мужских погребениях встречены детали воинских геральдических поясных наборов VII в. (рис. 156, 12,13). В захоронении 1 в склепе 273 обнаружен полный поясной набор второй половины VII в., состоявший из отлитых из серебра пряжки, обойницы, пяти геральдических, одной Т-образной и трех двухчастных бляшек, одного длинного широкого и семи узких маленьких наконечников (рис. 162, 1-9). Большой наконечник одевался на основной ремень. Он на 1 мм уже отверстия на рамке пряжки. На дополнительные ремни одевались маленькие наконечники, равные по ширине бляшкам-накладкам (рис. 162, I). Видимо, эти бляшки крепились на местах соединения основного и вспомогательного ремней. Возможно, Т-образную бляшку использовали для застегивания сумки [Khairédinova, 2007, Fig. 5,II]. По составу, форме и гравированному декору деталей этот набор аналогичен золотым и серебряным наборам из Италии и Константинополя [Айбабин, 1990, с. 56, рис. 43,1-20; Айбабин, 1999, 148, рис. 59, 1-2; Paroli, Ricci, 2007, Tav. 35, 2a; 48; 68, 17,18; 159, 90a-d].

В некоторых мужских погребениях VII в. выявлены костяные накладки на поясные сумочки (рис. 160, 7), аналогичные бытовавшим в VI – начала VII вв. в византийских провинциях Подунавья [Uenze 1992, 194-195, Taf. 12, 12-17; Кондић / Поповић 1977, табл. VI, 12; Milinković 2002, 98, 120, Abb. 23, 2; 35, 4,5] и в VII в. на Боспоре (рис. 161, IV,1) [Хайрединова, 2013, рис. 2, 1] и в Северо-Восточном Причерноморье [Тамань, 2003, с. 245, табл. 78, 97]. Судя по находками из захоронений, в поясных сумочках содержались монеты, наборы для разжигания огня, состоявшие из кресала с кремнями, шило и другие мелкие предметы (рис. 160, III; 161) [Хайрединова, 2010, с. 161-163].

В захоронениях женщин выявлены типичные для восточногерманского женского костюма орлиноголовые пряжки и фибулы. В подбойной могиле 315 на лопатках скелета женщины лежали две двухпластинчатые фибулы варианта Пв-3 (рис. 163, 1,2; 164, 1,2) [Айбабин, 1990, с. 19, рис. 12,3] второй половины VI – первой половины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 55], а в области пояса — серебряная позолоченная боспорская орлиноголовая пряжка с шестью вставками из алмадина (рис. 163, 4; 164, 3) [Ajbašin, 2013, Abb. 24, 4; 25]. В склепе 257 в женском захоронении 6 лежали: на височных костях - серебряные серьги (рис. 165, 2,3), в области шеи - ожерелье, состоящее из двух рядов бусин и отлитых из бронзы позолоченных пары листовидных подвесок, пары круглых медальонов, креста и половины солида Ираклия 629-641 гг. (рис. 166), на плечевых костях – пара бронзовых днепровских пальчатых фибул I и II типов (рис. 165, 4,5), на тазовых костях - южнокрамская орлиноголовая пряжка 5 варианта второй половины VII в. (рис. 165, 9) [Айбабин, 1990, с. 33-34], а на зачищенном рядом костяке 4 - бронзовая монета Константина Погоната 668-685 гг. [Айбабин, 1990, с. 32, рис. 35, 1,2]. На некрополе найдены фрагменты и других орлиноголовых пряжек: в склепе 81 – бронзовая рамка боспорской орлиноголовой пряжки (рис. 164, 6) [Айбабин, 1990, с. 32, рис. 35, 1,2], в склепе 363 – фрагмент язычка южнокрымской орлиноголовой

пряжки со вставками из красного камня (рис. 154, 4) [Хайрединова, 2010, с. 160-161, рис. 5, 4], в склепе 380 – пластина от укрепляющего каркаса нижней части щитка (рис. 156, 1). В одном из отчетов Н. И. Репникова сообщается о находке серебряной орлиноголовой пряжки в склепе 113. В склепах 249 и 259 обнаружены пластины, при помощи которых тыльная часть орлиноголового или ромбического щитка большой пряжки крепилась на ремне (рис. 164, 8,9).

На некрополе Эски-Кермена наряду с аксессуарами, типичными для одновременных женских погребений Юго-Западного Крыма, найдены уникальные пальчатые фибулы. Бронзовая фибула из склепа 299 (рис. 164, 7) [Айбабин, 1990, рис. 16, 2] отлита с пятью выступами – пальцами на полукруглой головке и ромбической ножкой с выступами в виде птичьих голов по бокам и треугольным завершением. Мастер, изготовивший фибулу, по-своему интерпретировал декоративные элементы, известные на однотипных керченских и дунайских застежках: завитки на головке переданы схематично, изображение птичьих голов упрощено, а зооморфное завершение ножки заменено треугольным выступом. Необычны и серебряные фибулы из склепа 257 (рис. 164, 4,5): на их головке вырезано стилизованное изображение личины или морды зверя, выступы – пальцы заменены схематизированными изображениями птичьих голов, треугольная ножка имеет фигурное завершение и покрыта рядами поперечных насечек. Выступы в виде птичьих голов всех фибул идентичны, что позволяет говорить об их производстве в одной мастерской.

В захоронениях довольно многочисленны византийские украшения, кресты и пряжки или их копии. Очевидно, из Византии привезли металлические детали ожерелья из захоронения 6 в склепе 257 – крест, парные листовидные подвески и медальоны (рис. 166). Они сделаны из бронзы, покрыты тонким слоем позолоты и являются более дешевым вариантом богатых аксессуаров византийской аристократии, известным по находкам из кладов VII в. [Хайрединова, 2016а, с. 282-287, рис. 3; 4; Хайрединова, 2017, с. 62-73]. Крест относятся к группе византийских изделий VII в., пользовавшихся особой популярностью в Восточном Средиземноморье, о чем свидетельствуют многочисленные находки из Египта, Сирии, Западной Турции (Константинополь, Мерсин), Греции, Кипра и Крита [Ross, 1965, p. 7, 10, 23-24, Cat. Nr. 4B, 6B-D, 19, pl. X; XII; XIV, 19; Искусство Византии, 1977, с. 117-118, кат. №1616; Weitzmann, 1979, p. 298-299, fig. 36; Baldini-Lippolis, 1999, p. 147, Cat. Nr. 2. III. 10a; Yeroulanou, 1999, p. 37, 133, 206, 210, fig. 44, 236, Cat. No. 23; 39; Wamser, 2004, S. 308-310, Kat. Nr. 508, 512, 513; Залеская, 2006, с. 99-100, кат. №137]. В этом же регионе в VII в. были распространены листовидные подвески. Они выявлены в богатых византийских кладах первой трети VII в. из Ламбузы (второй кипрский клад) и Сирии (клад А) [Manière-Lévêque, 1997, p. 91-93, 96 pl. 5, G, H, I] и VII в. из Мерсины. Распространенное у византийцев украшение во второй половине VII в. переняли авары, о чем свидетельствует находка из женского погребения в Озорах - Тотипуште [Garam, 2001, Taf. 18, 5]. Аналогичный эскикерменским медальон найден в составе клада из Кесарии Палестинской конца VI – начала VII вв. [Frova, 1965, p. 236, 238-239, fig. 295-297].

Из погребальных сооружений первого периода могильника Эски-Кермен извлечены и другие кресты (рис. 156, 2-4; 167, 1-5) [Хайрединова, 2007, рис. 2, 3, 4, 10; рис. 7, 1-4], а также перстни с монограммой христианской формулы ΘΩΣ ΖΩΗ - «Свет, Жизнь» (рис. 167, 6), аналогии которым известны в Восточном Средиземноморье [Wamser, 2004, S. 329, Kat. Nr. 644; Айбабин, Хайрединова, 2005, с. 300, рис. 4, 7], или с изображением святого всадника [Репников, 1932в, рис. 40, 1], считавшегося в эпоху раннего средневековья мощным оберегающим средством [Хайрединова, 2014а, с. 162-163; Хайрединова, 2014б, с. 447-448, рис. 2, 2,5; 3, 6-9]. Особенно многочисленны находки византийских цельнолитых и шарнирных пряжек различ-

ных типов (рис. 167, 7-16) [Хайрединова, 2008, с. 161-183]. Преобладают пряжки типа «Сиракузы» с изображением листьев аканфа (рис. 167, 8,9). Византийским импортом является и пряжка из склепа 192 с изображением циркового сюжета на щитке (рис. 167, 16) [Айбабин, 1993а, с. 123, рис. 3, 4,5]. Они аналогичны пряжкам из Турина, отнесенным О. Хессеном к VII в. [Hessen, 1974, S. 554, Abb. 6]. Судя по зафиксированным *in situ* погребениям, византийские пряжки носились в местном костюме, в наборе с восточногерманскими аксессуарами (рис. 168, I).

Материалы, полученные в раскопанных на территории крепостного некрополя погребальных сооружениях второй половины VI-VII вв. убедительно свидетельствуют о том, византийские военные инженеры построили крепость на плато Эски-Кермен для обитавших в ближайшей округе алан и готов. Очевидно, в крепостном гарнизоне служили также офицеры и солдаты византийской армии. Им возможно и принадлежали обнаруженные в крепости и на некрополе воинские фибулы серии 16-4/III, в том числе и с имитацией знака почетного консула. В склепах и могилах обнаружены не только захоронения мужчин, но и многочисленные захоронения детей и женщин [Айбабин, 1999, с. 147]. Воины жили на плато вместе с семьями.

Плато Чуфут-Кале (рис. 3, 8) поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в нее входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западном краях плато, и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Для той же цели служили пещеры у сооруженных в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены постели от снесенной ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает Средняя стена, большая часть которой восстановлена в XVIII в. На ее южном фланге сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного-трех рядов известняковых квадров размером 1,0x0,7 м, похожий на стены византийских крепостей [Якобсон, 1974, с. 110-114, рис. 1]. На плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты амфор VI–IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведенными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смываемый с плато. В образовавшейся сразу же после возникновения стен нижней части слоя обнаружены мелкие обломки одновременной керамики [Веймарн, 1968, рис. 21, 3,5-7; Герцен, Могаричев, 1992, с. 184-185]. Ниже по склону находится могильник [Кропоткин, 1958, с. 210], принадлежавший жителям городища на плато. Вероятно, поселение на плато и некрополь на склоне возникли не ранее конца VI в. Скорее всего, тогда же могли соорудить его первые оборонительные стены [Айбабин, 1999, с. 111, 114; Ajbabin 2011, S. 98, 100-102].

Помимо некрополей около крепостей на плато Мангуп (рис. 3, 6,7; 92, 4,6,7), Эски-Кермен (рис. 3, 4), Чуфут-Кале (рис. 3, 8) и Бакла (рис. 3, 9) в конце VI-VII вв. продолжали хоронить на могильниках Черная Речка (рис. 3, 1), Сахарная Головка (рис. 3, 2), Карши-Баир (рис. 3, 3), Каралез (рис. 3, 5), Лучистое (рис. 3, 12), Суук-Су (рис. 3, 13), Артек (рис. 3, 14), Алония (рис. 3, 15), Ореанда (рис. 3, 16), Кореиз (рис. 3, 17) и Симеиз (рис. 3, 18). В постюстиниановское время также функционировали некрополи Узень-Баш (Скеля) (рис. 3, 19), Бал-Гота (рис. 3, 20), Терновка (рис. 3, 21), Баштановка (рис. 3, 22), Малое Садовое (рис. 3, 23), Аромат (рис. 3, 24), Семидворье (рис. 3, 25). На названных могильниках иссле-

дованы лишь небольшие участки с погребениями VII-VIII вв. Не исключено, что на них начали хоронить и раньше.

По конструкции погребальных сооружений, обряду захоронения в них и инвентарю крепостные могильники не отличаются от других известных в области Дори гото-аланских (рис. 11). Скорее всего, гарнизоны Мангупской и Баклинской крепостей набирали из членов общин, обосновавшихся на плато Мангуп с середины III в., а на Бакле – с VI в. В крепости на плато Эски-Кермен и Чуфут-Кале переселились обитавшие в ближайшей округе общины алан и готов. Прослеживается сильное влияние христианства на местное население. Уже во второй половине VI в. обретает популярность христианская символика. Аланы и готы носят пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты и амулеты с христианской символикой. Особой популярностью пользовались медальоны с изображениями святых всадника и Мины [Хайрединова 2007, с. 151-182; Хайрединова 2014а, с. 147-210, рис. 1-17]. Под влиянием христианства появляются изменения в погребальном обряде. С VII в. на Южном берегу Крыма хоронят не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах, а на Эски-Кермене и в могилах, вырубленных в скале. В Суук-Су зачищена плитовая могила VII в. с высеченным крестом на лицевой стороне головной плиты (рис. 169) [Репников, 1906, с. 4, рис. 21; 22; табл. IV, 30; XII, 8, 12]. Со второй половины VII в. на горнокрымских могильниках устанавливают христианские надгробия. Однако обряд захоронения все еще мало отличался от прежнего [Айбабин, 1999, с. 69].

Бесспорно, все перечисленные памятники принадлежат одной археологической культуре, оставленной смешанным гото-аланским населением.

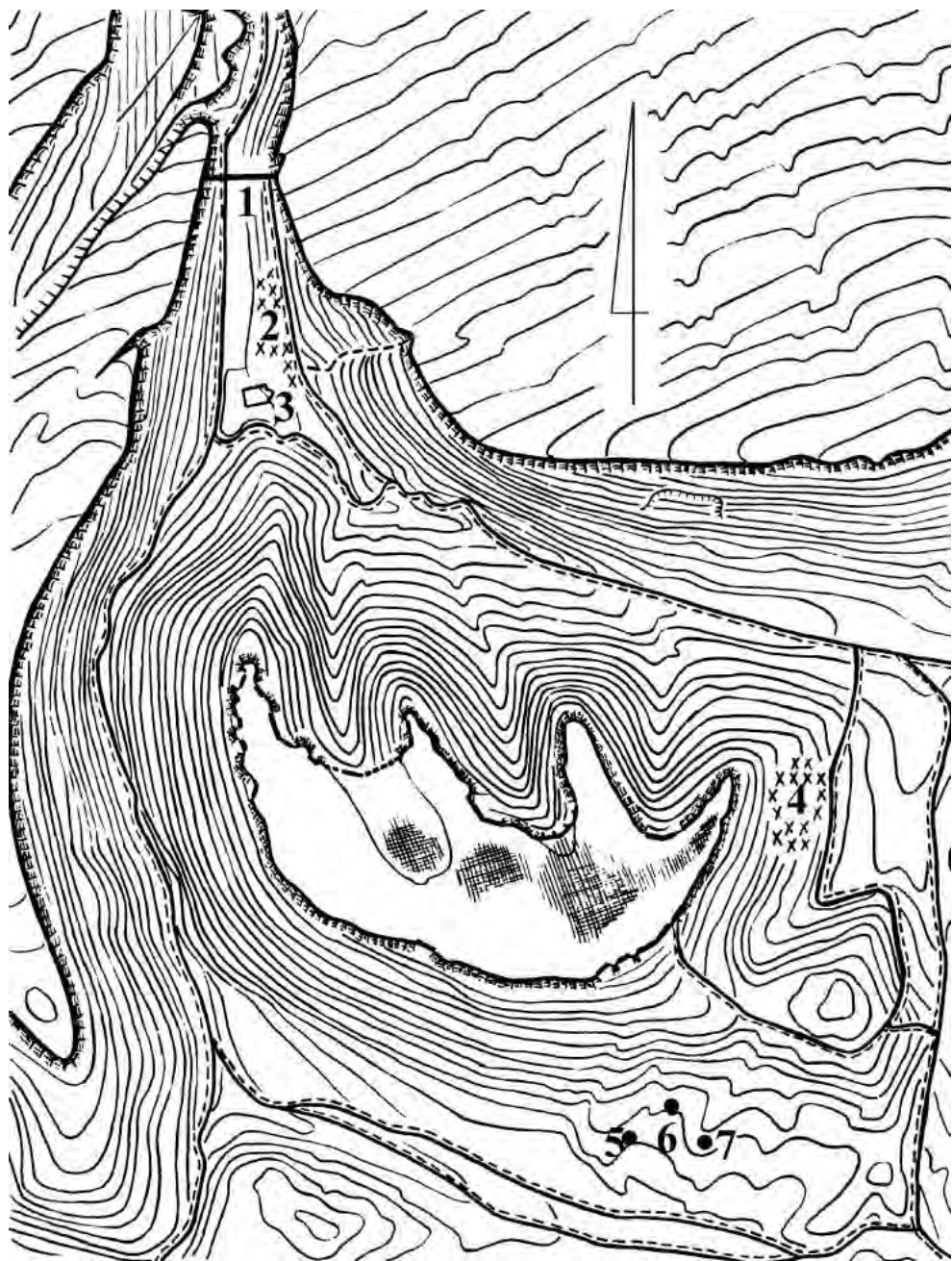

Рис. 92. Округа плато Мангуп.

- 1 – оборонительная стена в балке Каралез; 2 – могильник V-X вв.;
3 – раннесредневековая базилика; 4 – могильник Алмалык-Дере конца IV-VII вв.;
5 – «Базилика Маркевича»; 6,7 – раннесредневековый южный некрополь Мангупа.
[по Айбабин, 1999, с. 121, рис. 48; Gertsen, 2015, p. 26, fig. 1]

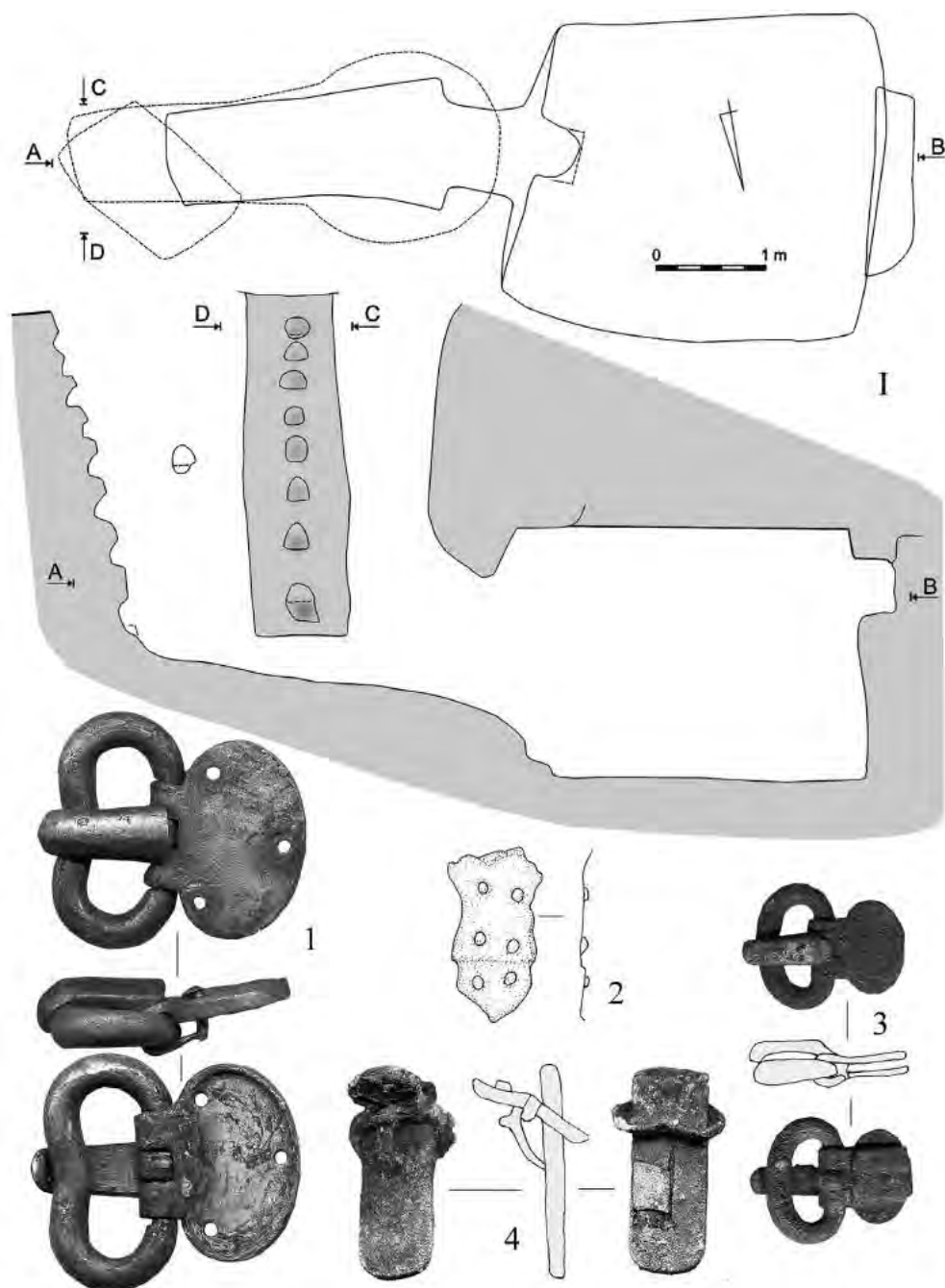

Рис. 93. Мангуп, могильник Алмалык-Дере. Склеп 99/2000.

I – план склепа, разрезы к плану и фасировка тыльного борта дромоса;
 1-4 – находки из заполнения камеры склепа. [по Мацзыńska и др., 2016, Taf. 83; 85, 1,3; 87, 1,2]

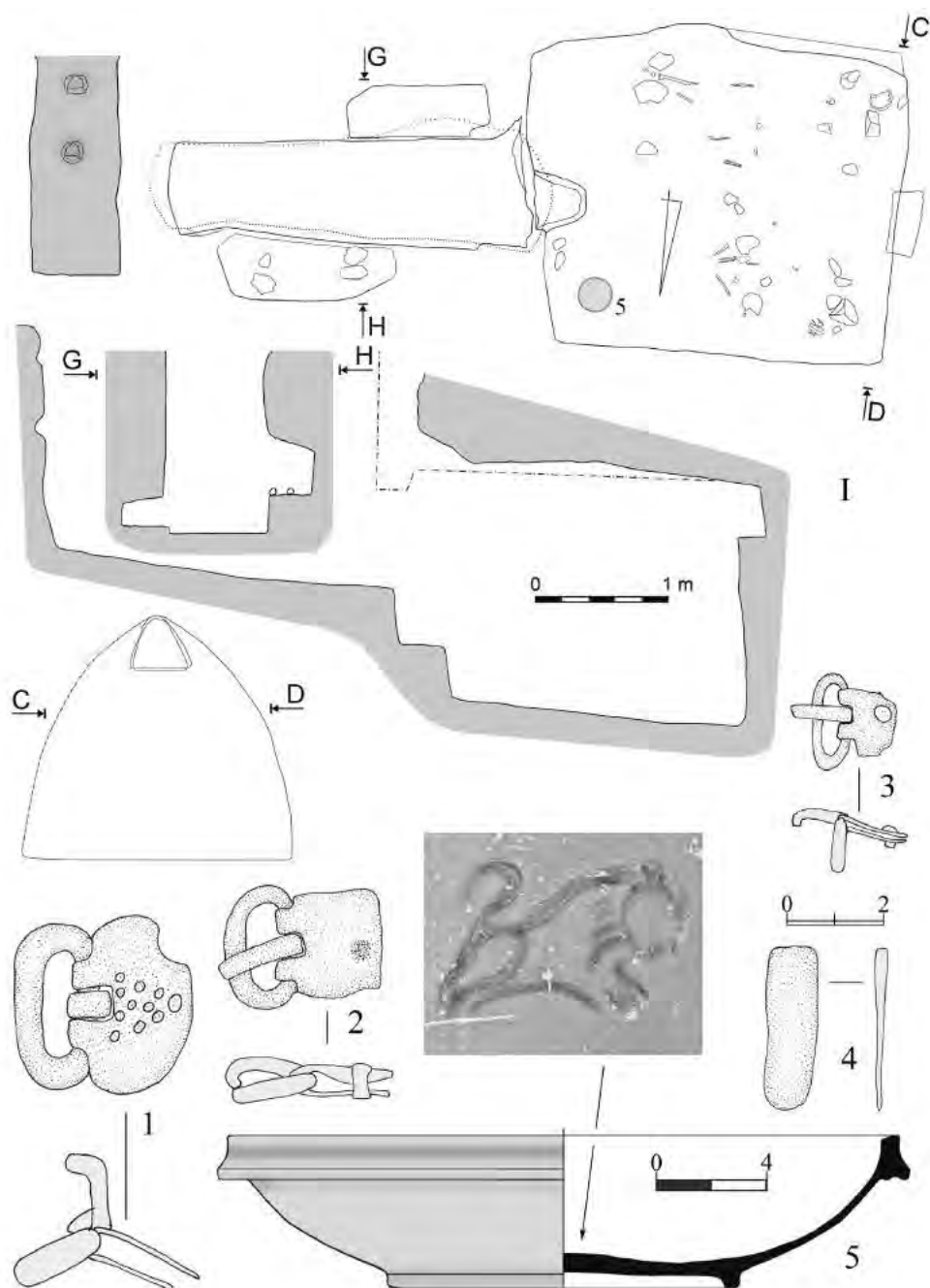

Рис. 94. Мангун, могильник Алмалык-Дере. Склеп 188/2008.
 I – план склепа, разрезы к плану и фасировка тыльного борта дромоса;
 1-5 – находки из склепа. [по Мацзыńska и др., 2016, Taf. 362; 365, 1,2,8; 366, 1,2]

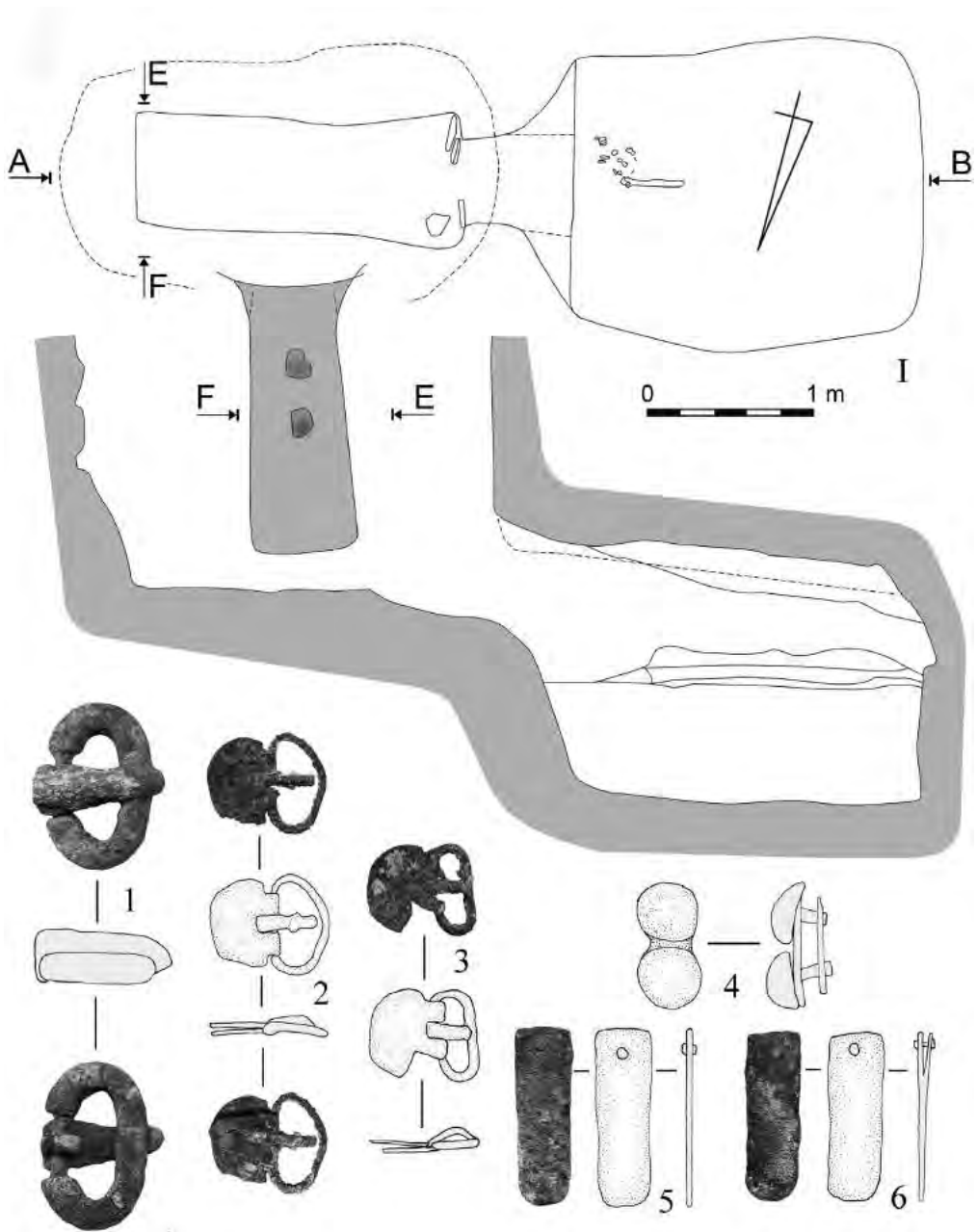

Рис. 95. Мангун, могильник Алмалык-Дере. Склеп 77/1999.
I – план склепа, разрезы к плану и фасировка тыльного борта дромоса;
1-6 – находки из склепа. [по Мацзыńska и др., 2016, Taf. 54; 55]

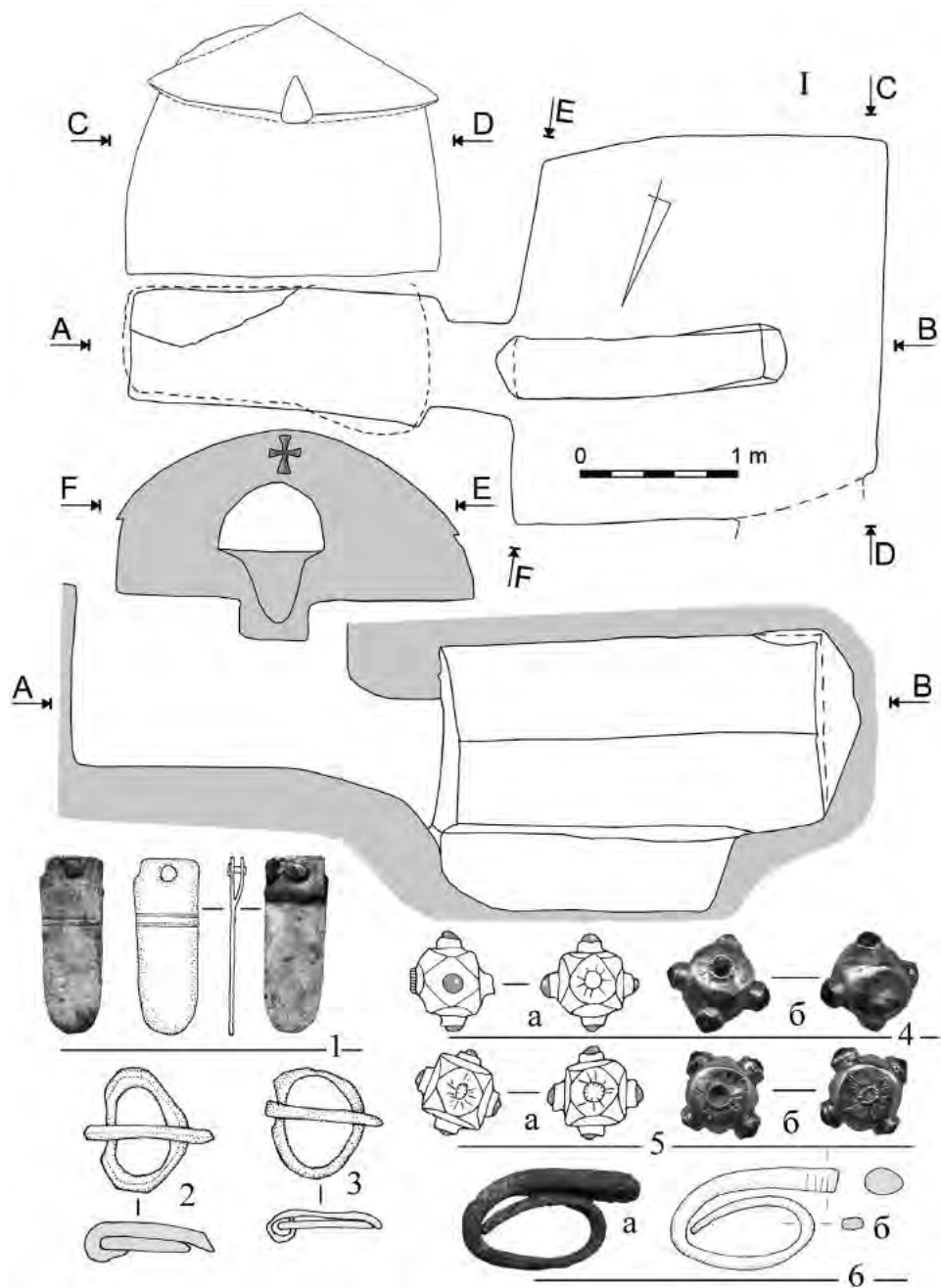

Рис. 96. Мангун, могильник Алмалык-Дере. Склеп 56/1997.
 I – план склепа, разрезы к плану и фасировка северо-восточной стенки камеры с вырубленным крестом над входом; 1-6 – находки из заполнения камеры склепа.
 [по Maczyńska и др., 2016, Taf. 83; 85, 1,3; 87, 1,2]

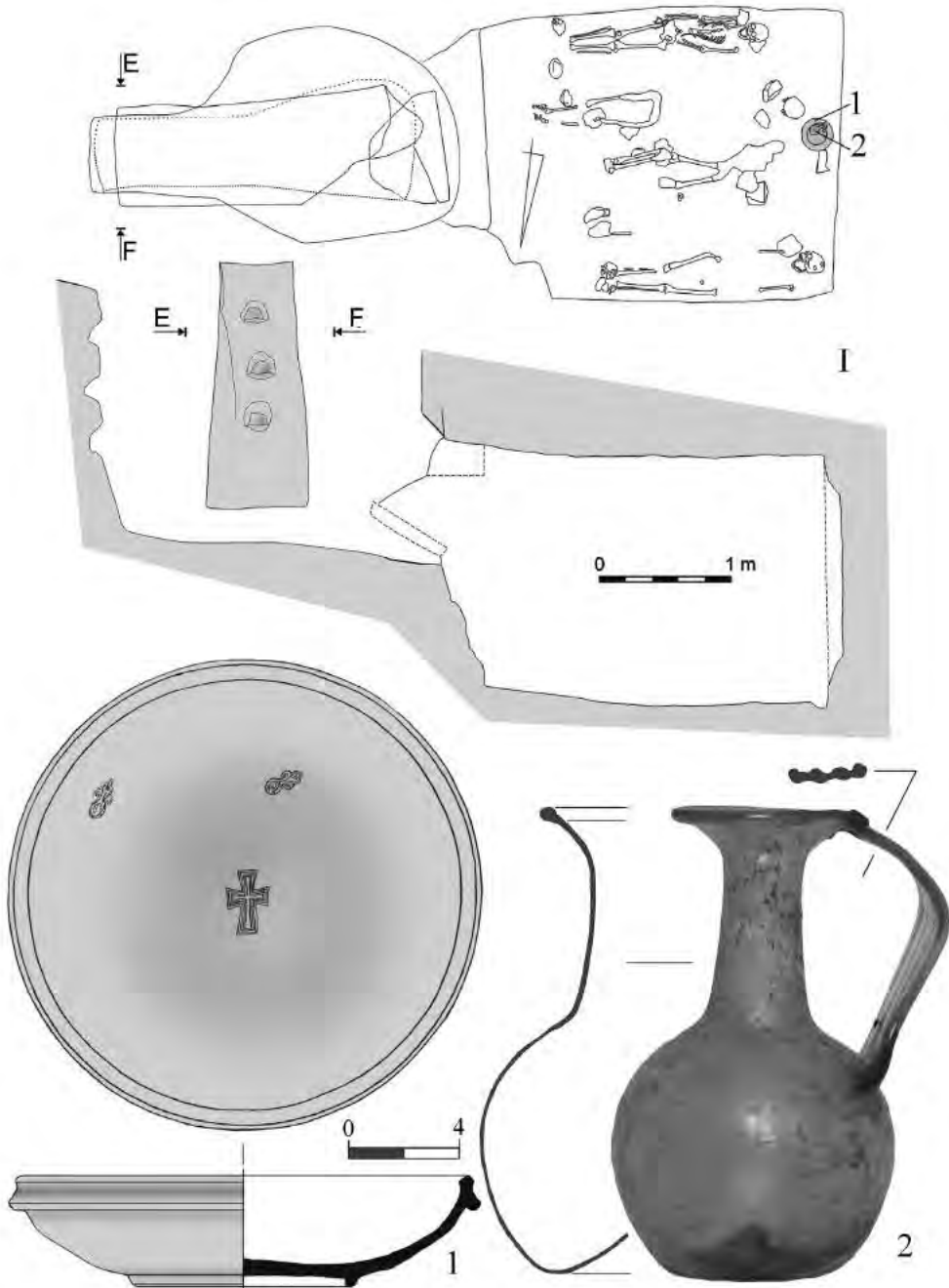

Рис. 97. Мангун, могильник Алмалык-Дере. Склеп 192/2007.
I – план склепа, разрезы к плану и фасировка тыльного борта дромоса;
1-2 – сосуды из погребений. [по Мацзуйска и др., 2016, Taf. 345; 347; 348, 1]

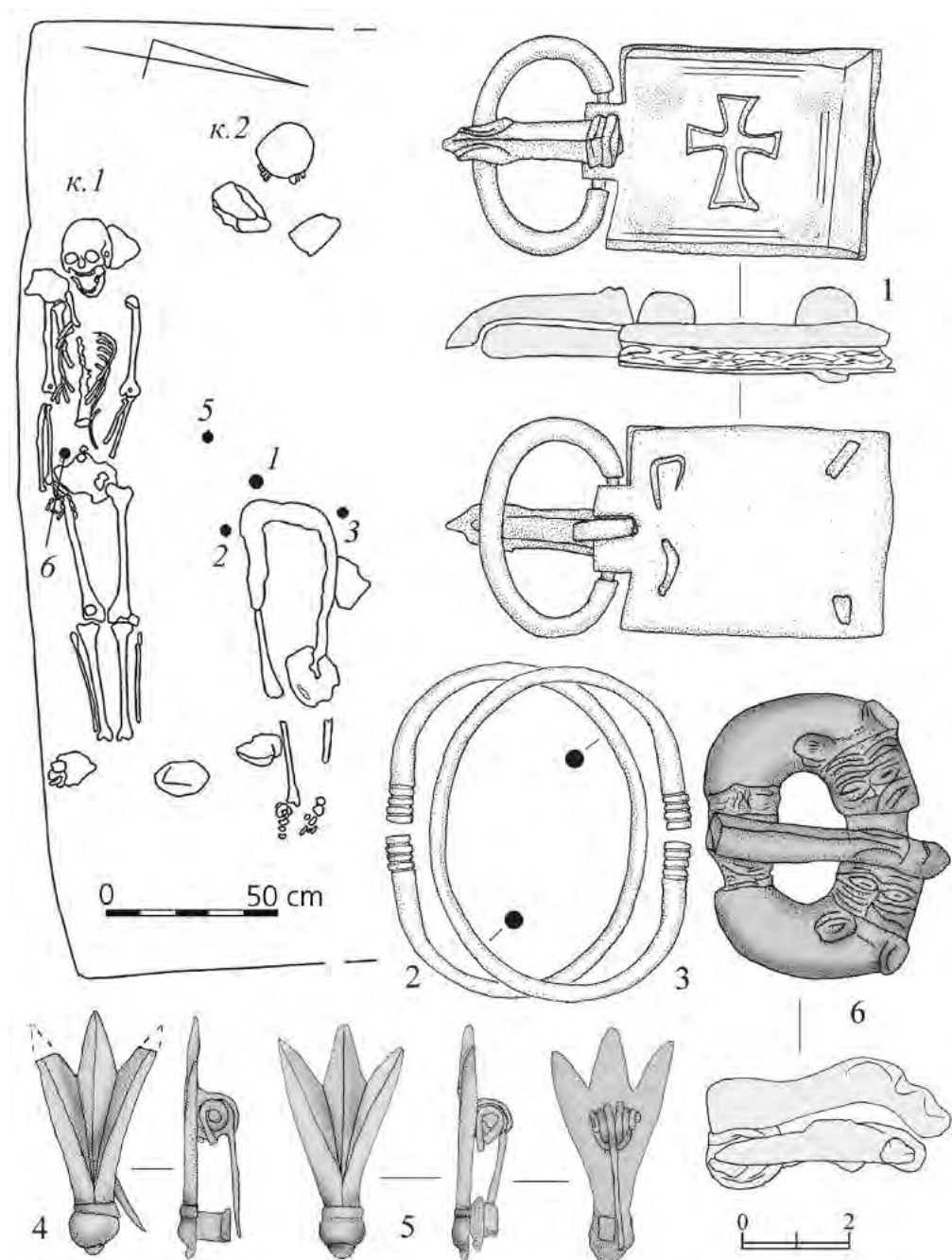

Рис. 98. Мангуп, могильник Алмалык-Дере. Склеп 192/2007, погребения 1 и 2.

1 – план погребений; 1-4 – находки из погребений.

[по Мацэўска і др., 2016, Taf. 346; 348, 2; 349, 4; 350; 351, 1]

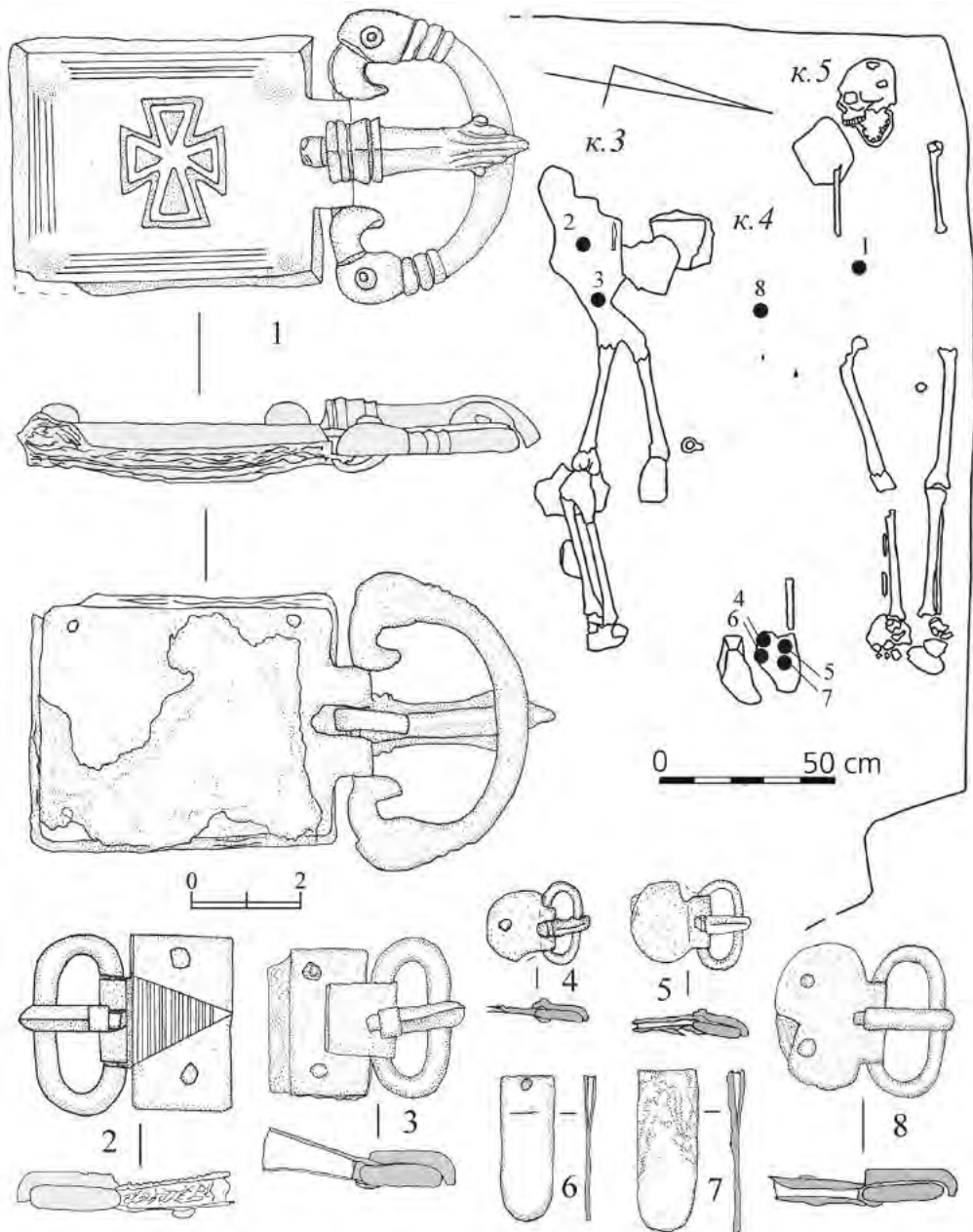

Рис. 99. Мангуп, могильник Алмалык-Дере. Склеп 192/2007, погребения 3-5.
 1 – план погребений; 1-8 – находки из погребений.
 [по Мączyńska и др., 2016, Taf. 346; 351, 2; 352; 353]

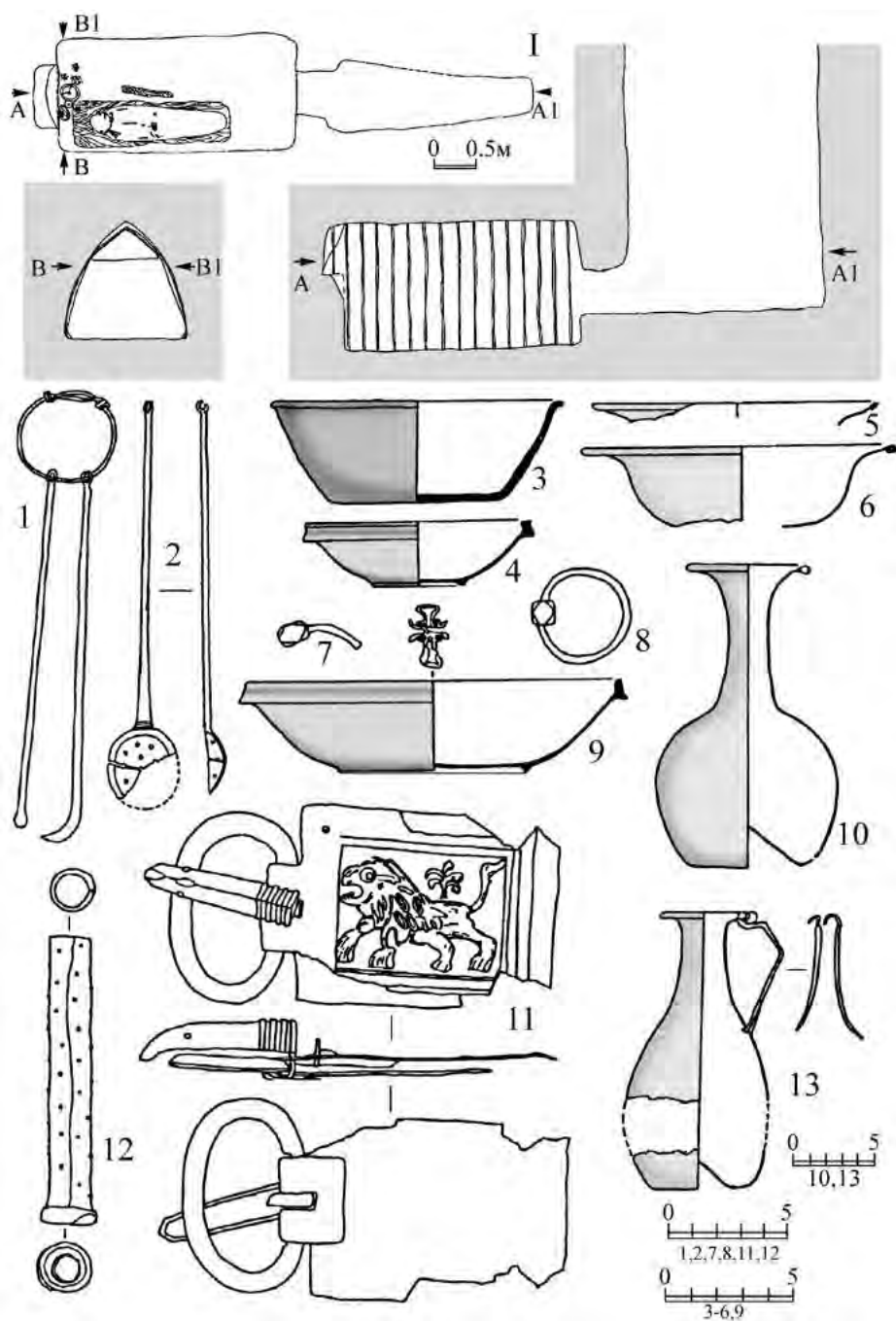

Рис. 100. Могильник Карши-Баир. Склеп 4.
 I – план склепа и разрезы к плану; 1-13 – находки из захоронения.
 [по Ушаков, Филиппенко, 2004, рис. 2]

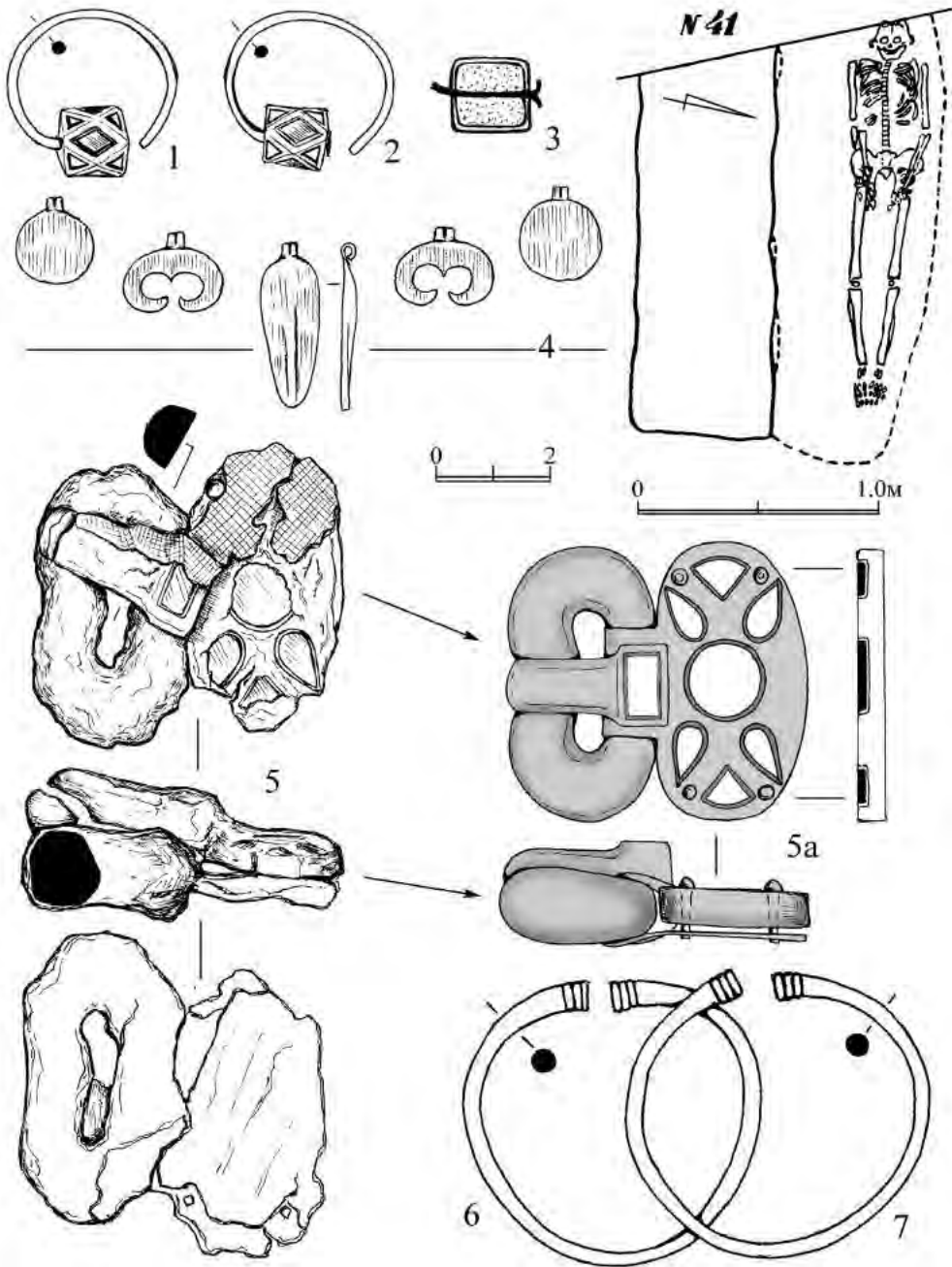

Рис. 101. Могильник Сахарная Головка. Подбойная могила 41.
 №41 – план погребального сооружения; 1-7 – находки из погребения
 (5а – реконструкция пряжки).
 [по Борисова, 1959, табл. I, 41; IV, 2; V, 1,2,8; VI, 1,2; Хайрединова, 2002, рис. 2; 4, 10; 8, 19-21]

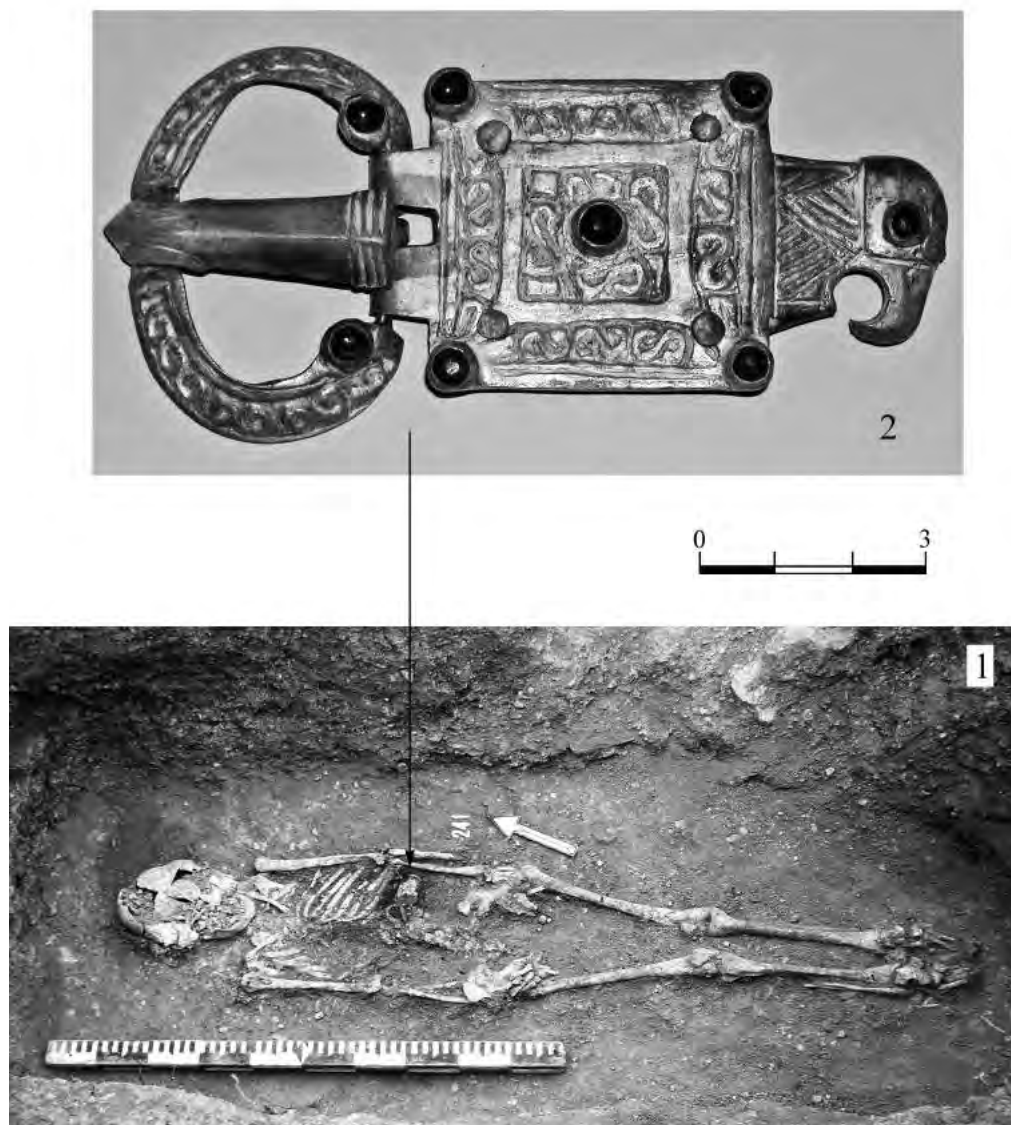

Рис. 102. Могильник у с. Лучистое. Могила 241.
1 – фото могилы, вид с юго-запада ; 2 – орлиноголовая пряжка 1-го варианта
из погребения третьей четверти VI в. [Фото авторов]

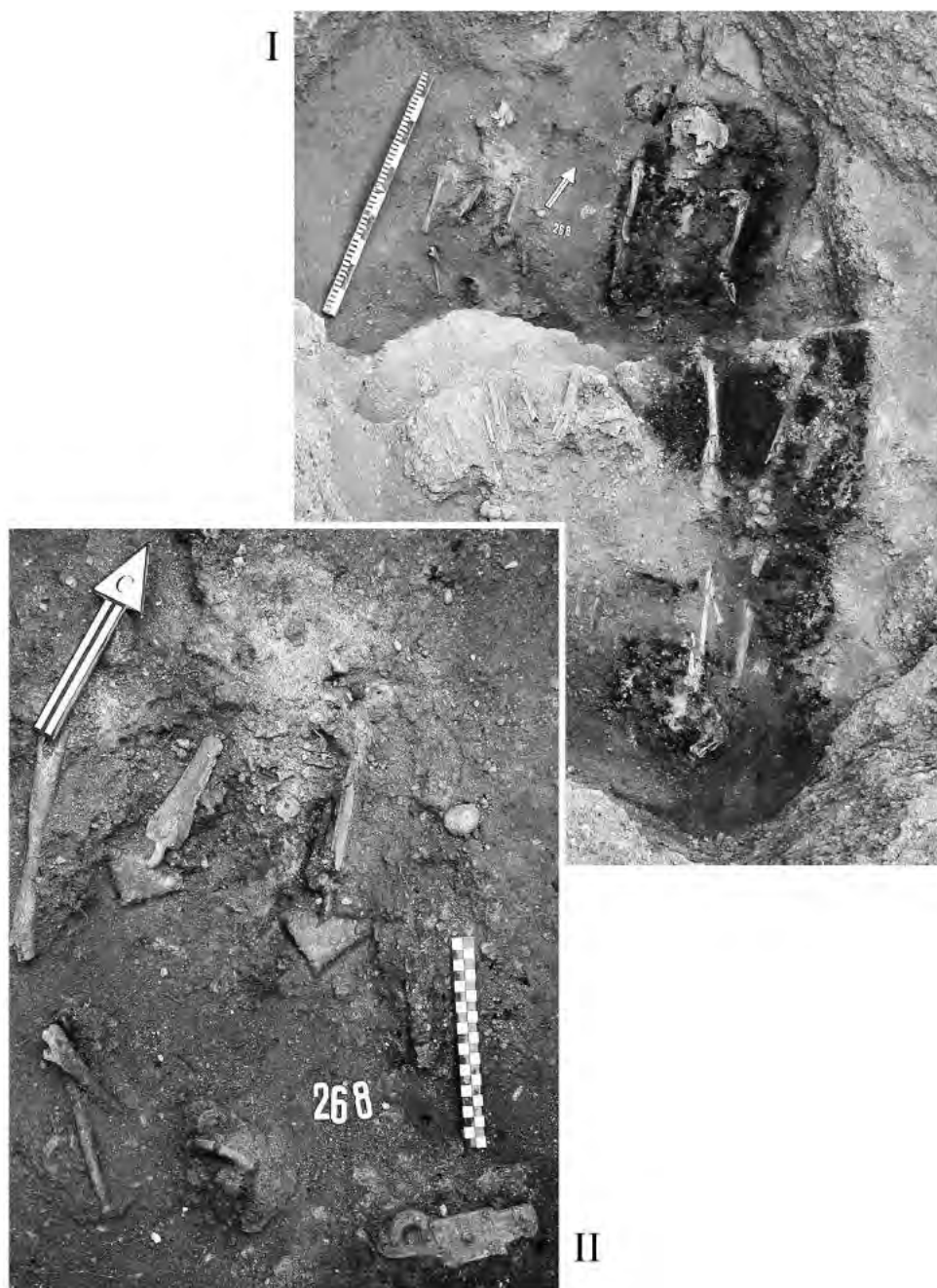

Рис. 103. Могильник у с. Лучистое. Склеп 268, погребения нижнего слоя. I – фото погребений 8 и 9, вид с юго-востока; II – фото женского погребения 8 третьей четверти VI в. с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта и парой двупластинчатых фибул, вид с юго-востока. [Фото авторов]

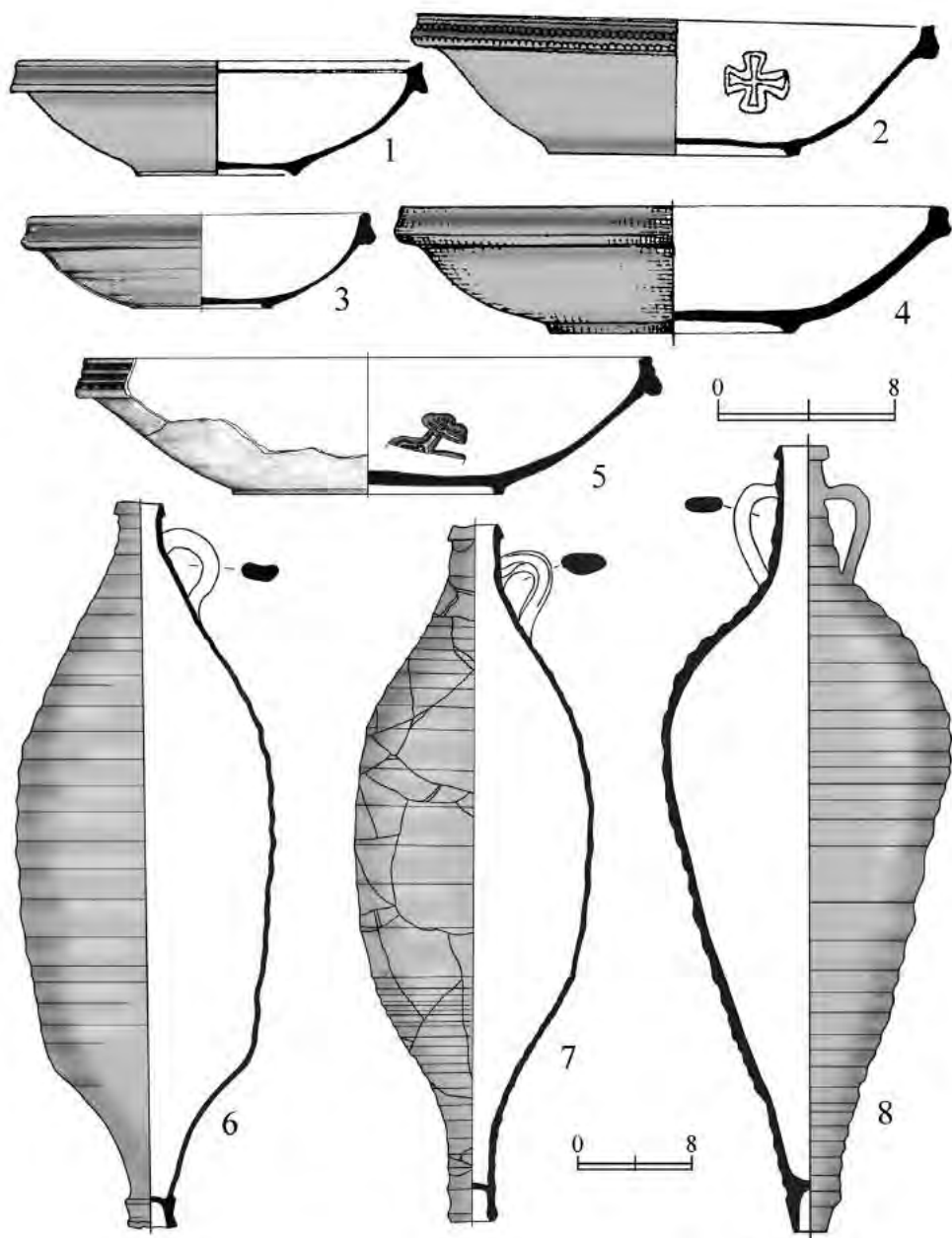

Рис. 104. Краснолаковая керамика и амфоры из погребений VI в. из Юго-Западного Крыма.

1,2 – Карши-Баир (1 – склеп 5; 2 – склеп 7);

3,5-8 – Мангун, могильник Алмалык-Дере; 4 – Бакла, цитадель, «зеленый» слой.

[1,2 – по Ушаков, 2010, рис. 75, 37; Ушаков, Филиппенко, 2001, рис. 2, 4;

3,5-8 – Mączyńska и др., 2016, S. 74, 91, Abb. 3; 20; 4 – по Айбабин, 1999, рис. 47, 1]

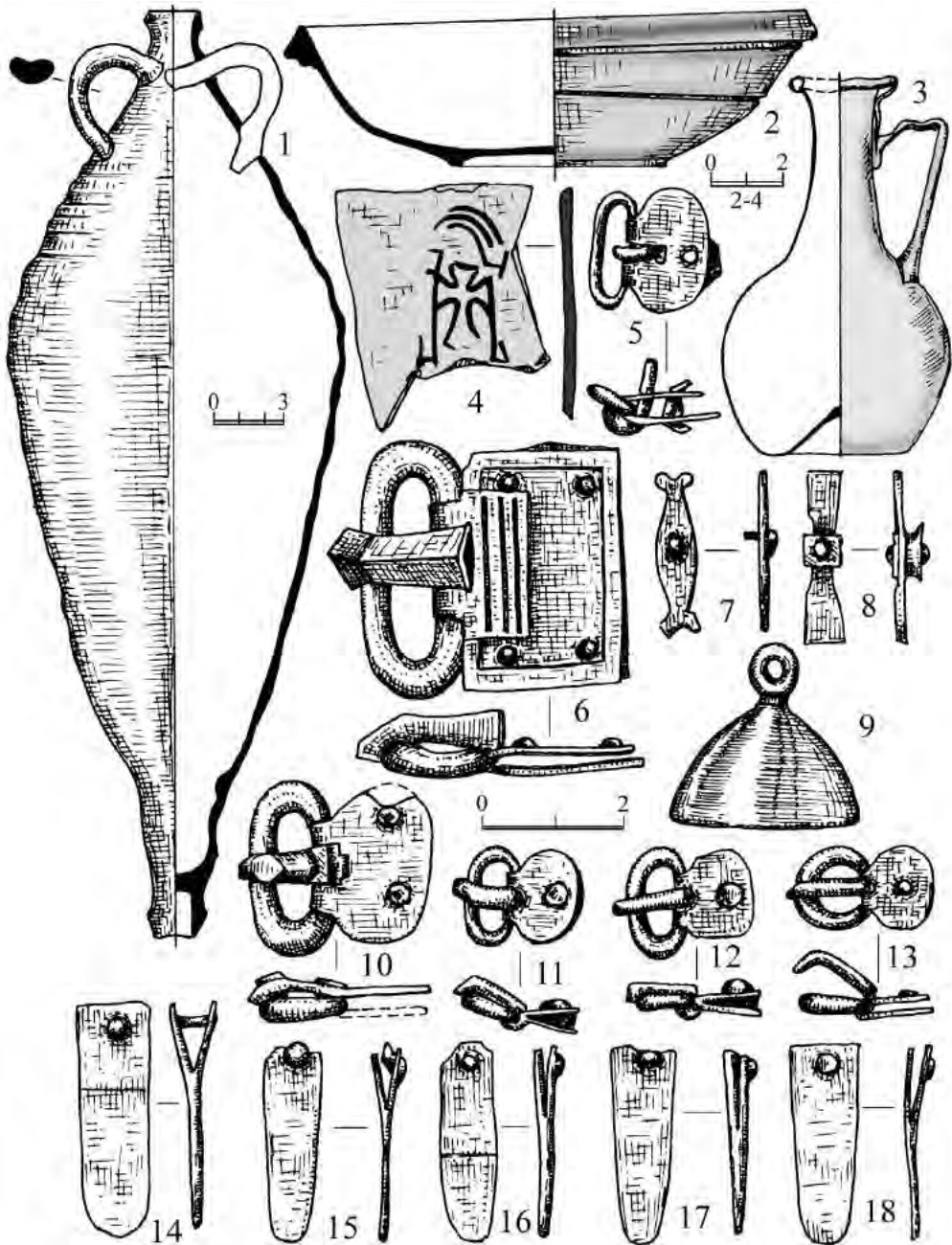

Рис. 105. Могильник Черная Речка. Находки второй половины V-VI вв.
 1 – склеп 12/1989; 2,3,5,9 – могила 3/1988; 4,6-8,10-12,14-18 – склеп 5/1988;
 13 – склеп 11/1988. [по Айбабин, 1999, рис. 21]

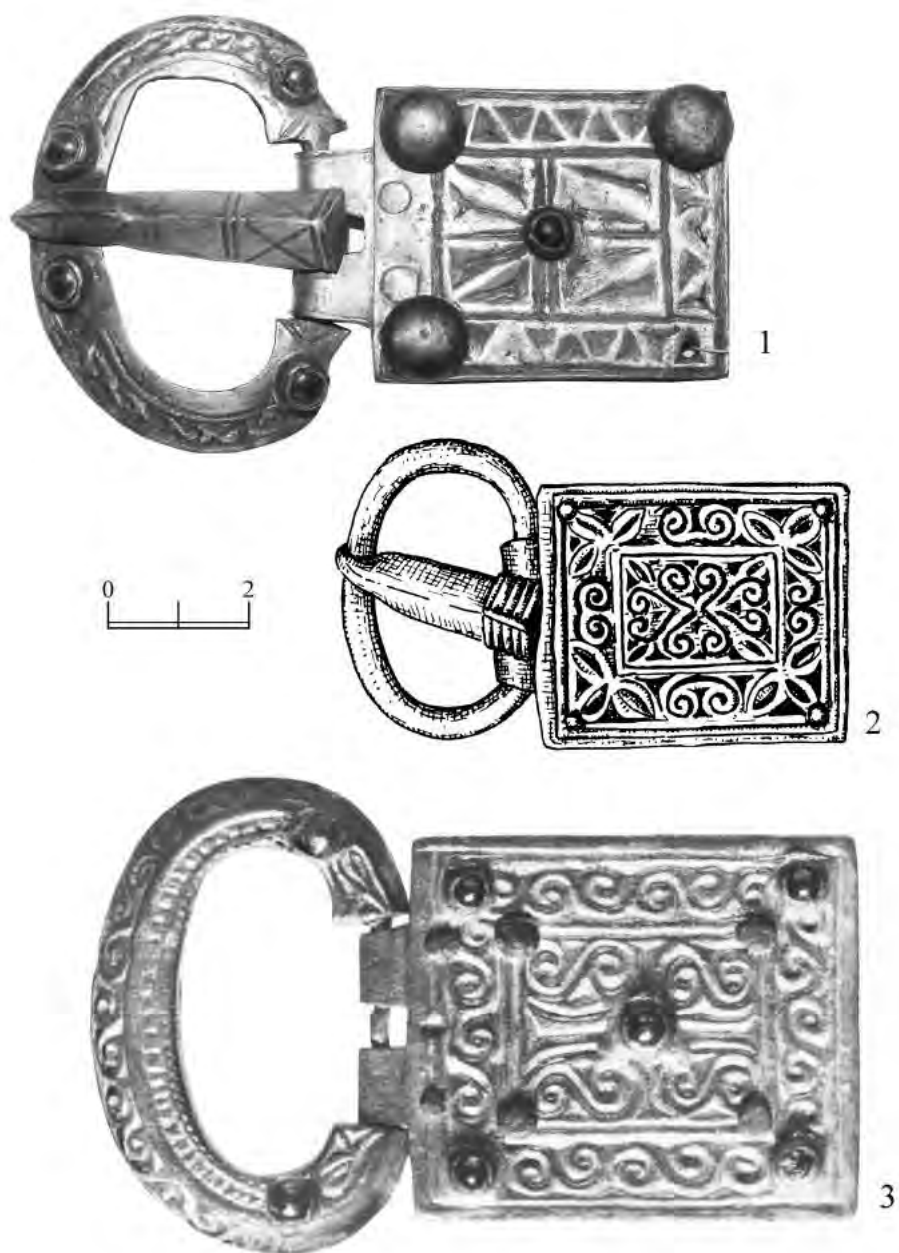

Рис. 106. Большие пряжки с прямоугольным щитком второй четверти (2,3) и второй половины (1) VI в.
1 – Скалистое, склеп 138; 2 – Черная Речка, склеп 64;
3 – Гурзуф, коллекция И. Диргардта

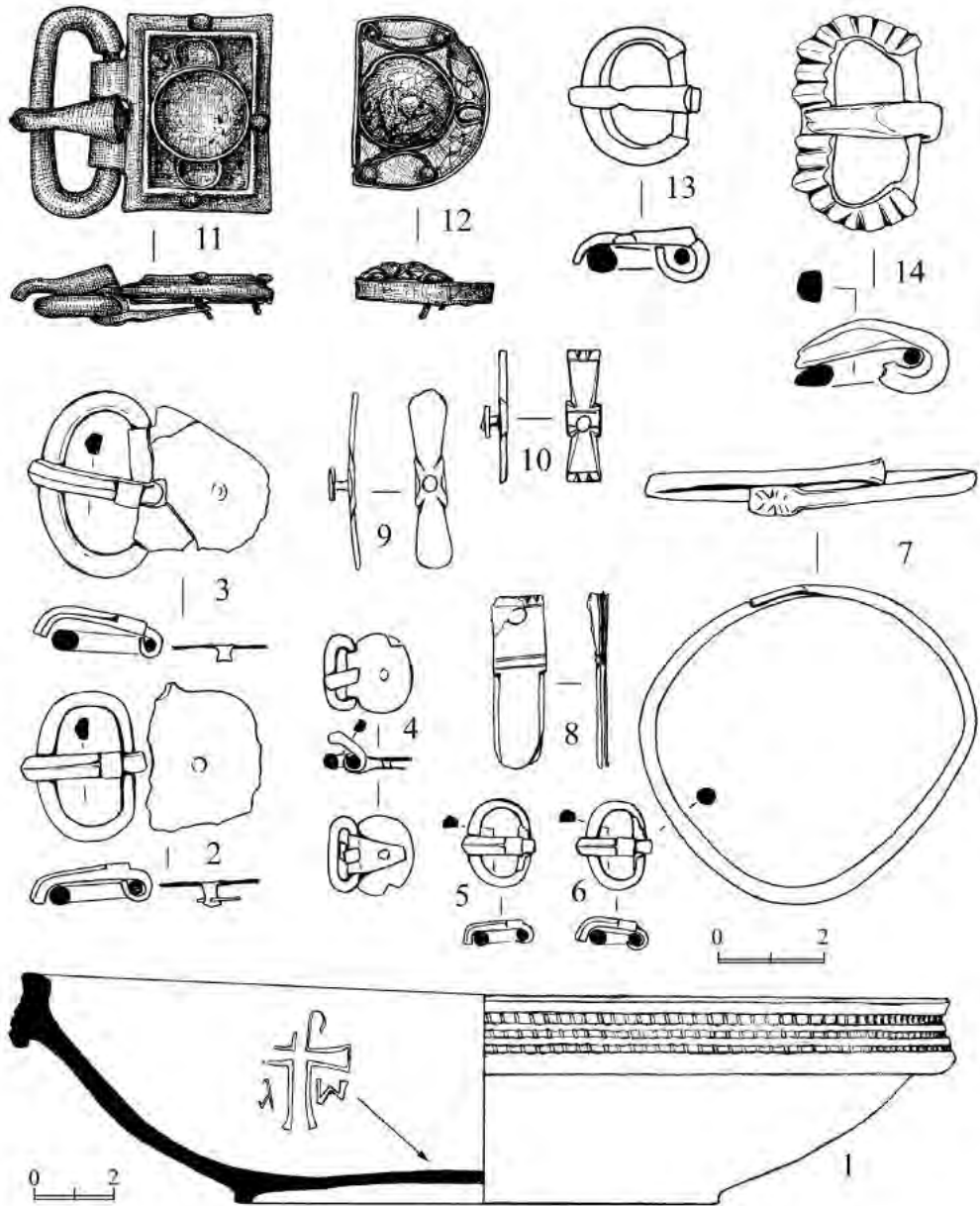

Рис. 107. Могильник у с. Лучистое. Находки из погребений первой половины VI в.
1-10 – склеп 211; 11-13 – склеп 124; 14 – склеп 216

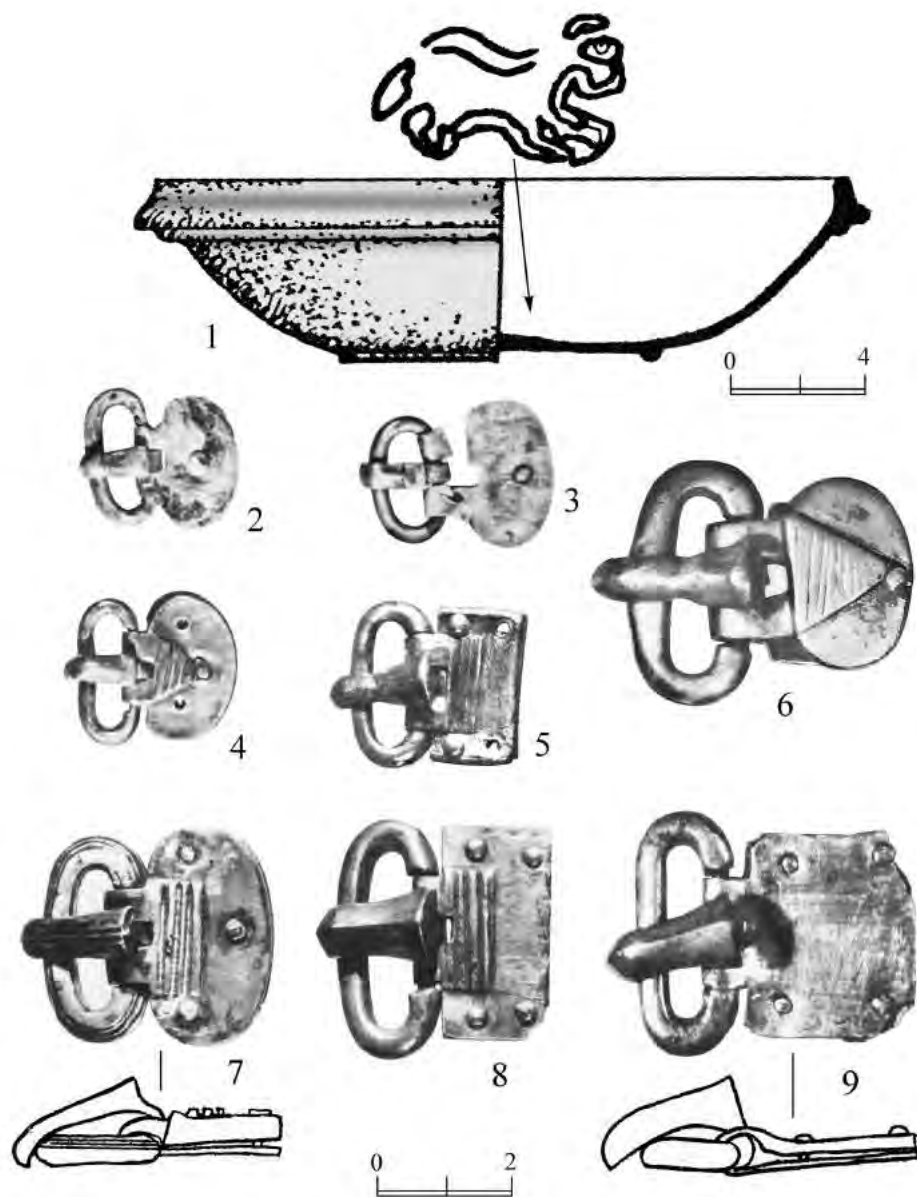

Рис. 108. Могильник Скалистое.
Находки из погребений первой половины VI в. (2-9) и VI в. (1).
1 – склеп 406; 2-5,7-9 – склеп 495; 6 – склеп 445

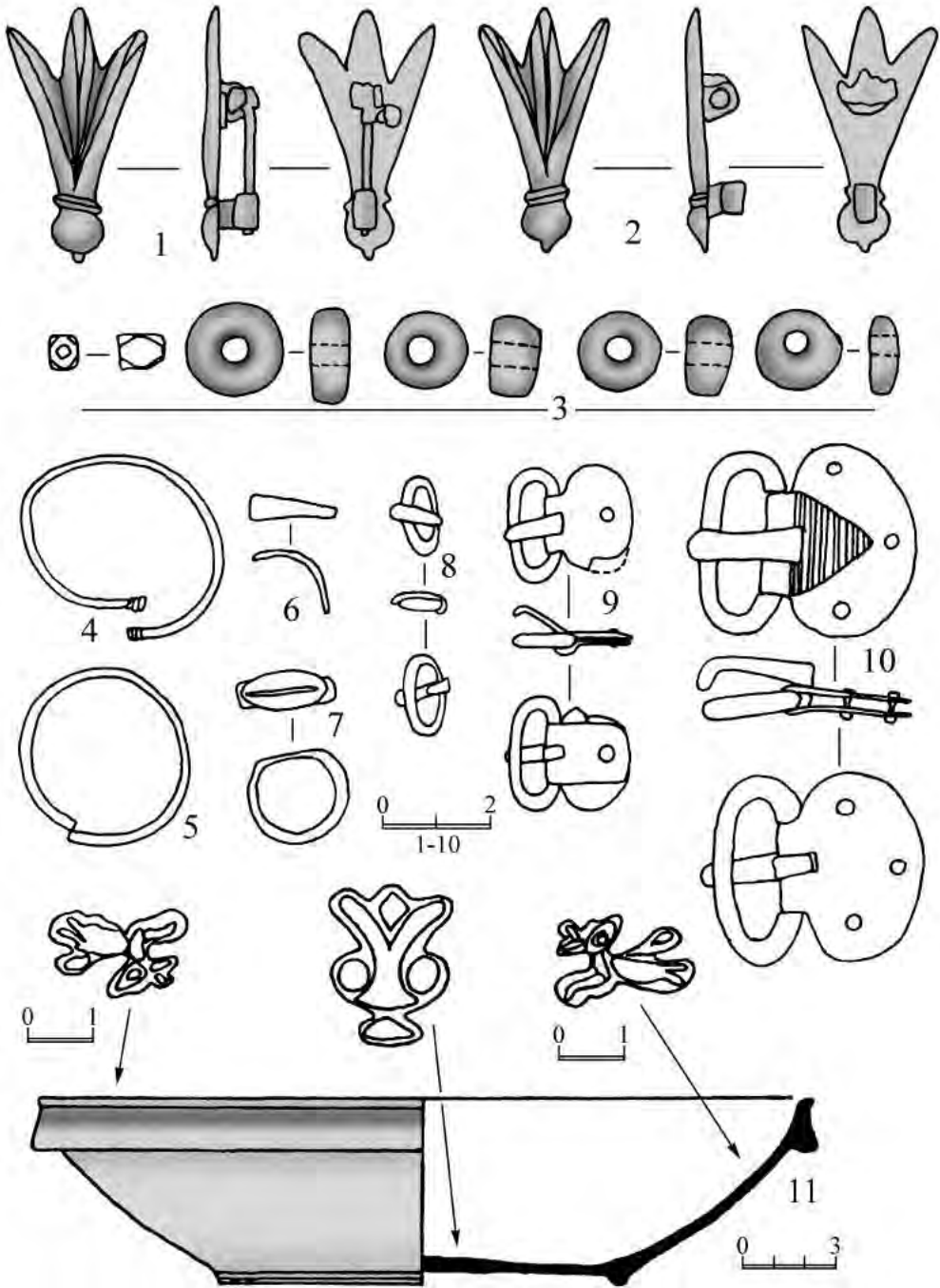

Рис. 109. Могильник Карши-Баир. Скелп 3, находки из погребения 2.
[по Ушаков, 2010, рис. 80, 1-14; 81, 15]

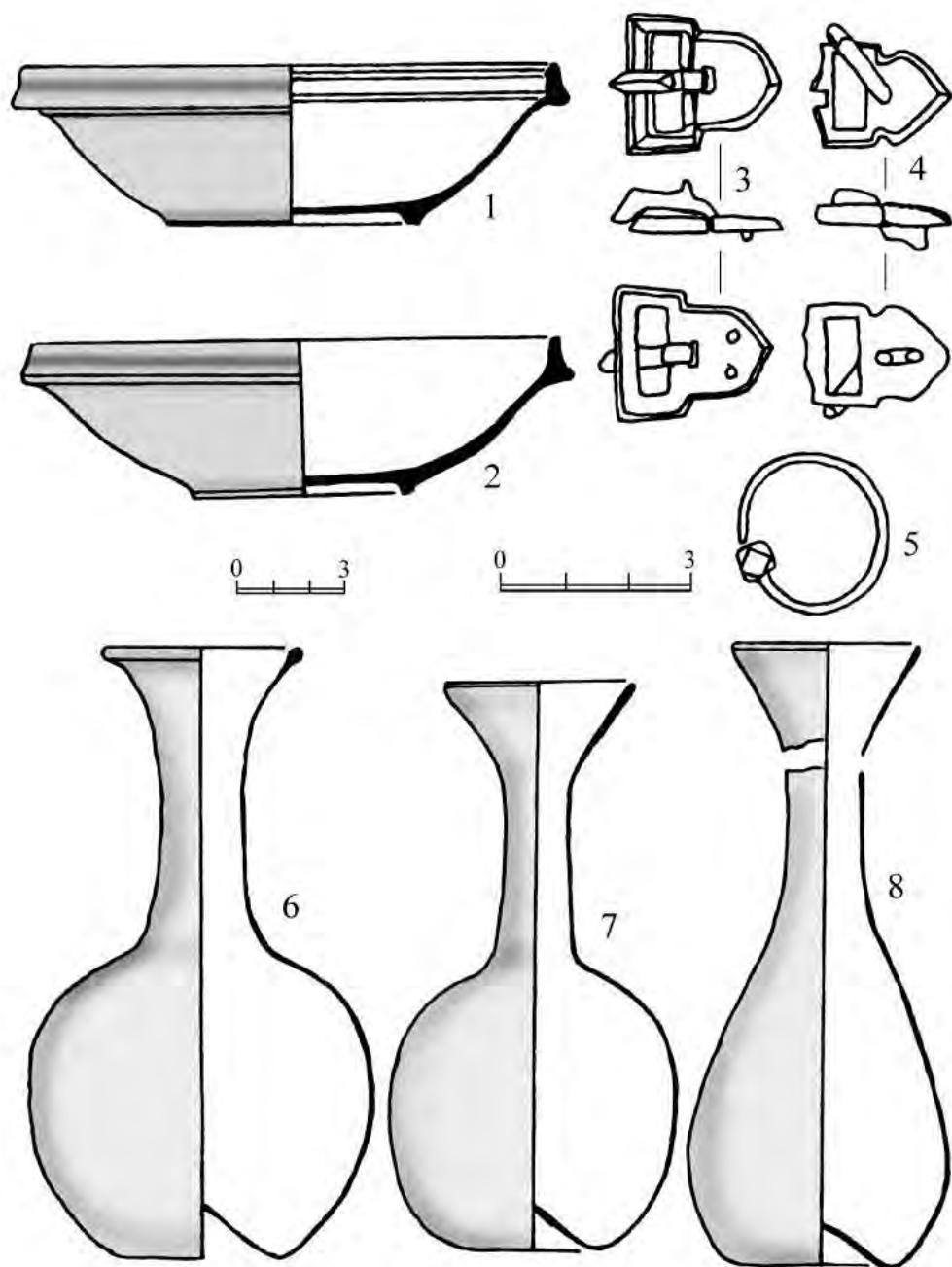

Рис. 110. Могильник Карши-Баир. Подбойная могила 2, находки из погребения.
[по Ушаков, 2010, рис. 83, 5-7,12-16]

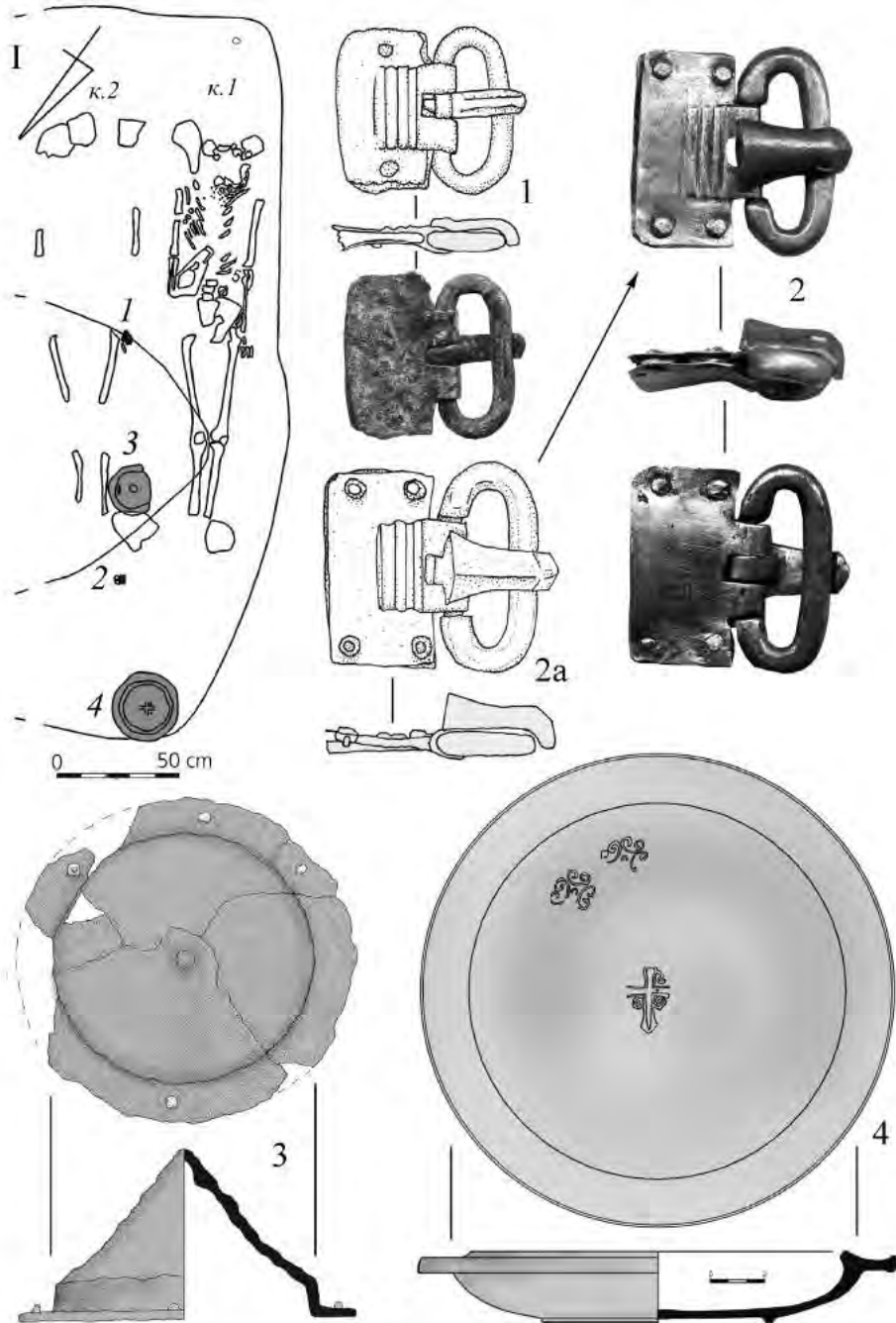

Рис. 111. Мангун, могильник Алмалык-Дере. Склеп 191/2007, погребения 1 и 2.
1 – план погребений; 1-4 – находки из погребений.
[по Мацзыńska и др., 2016, Taf. 333; 338-341; 343, 1]

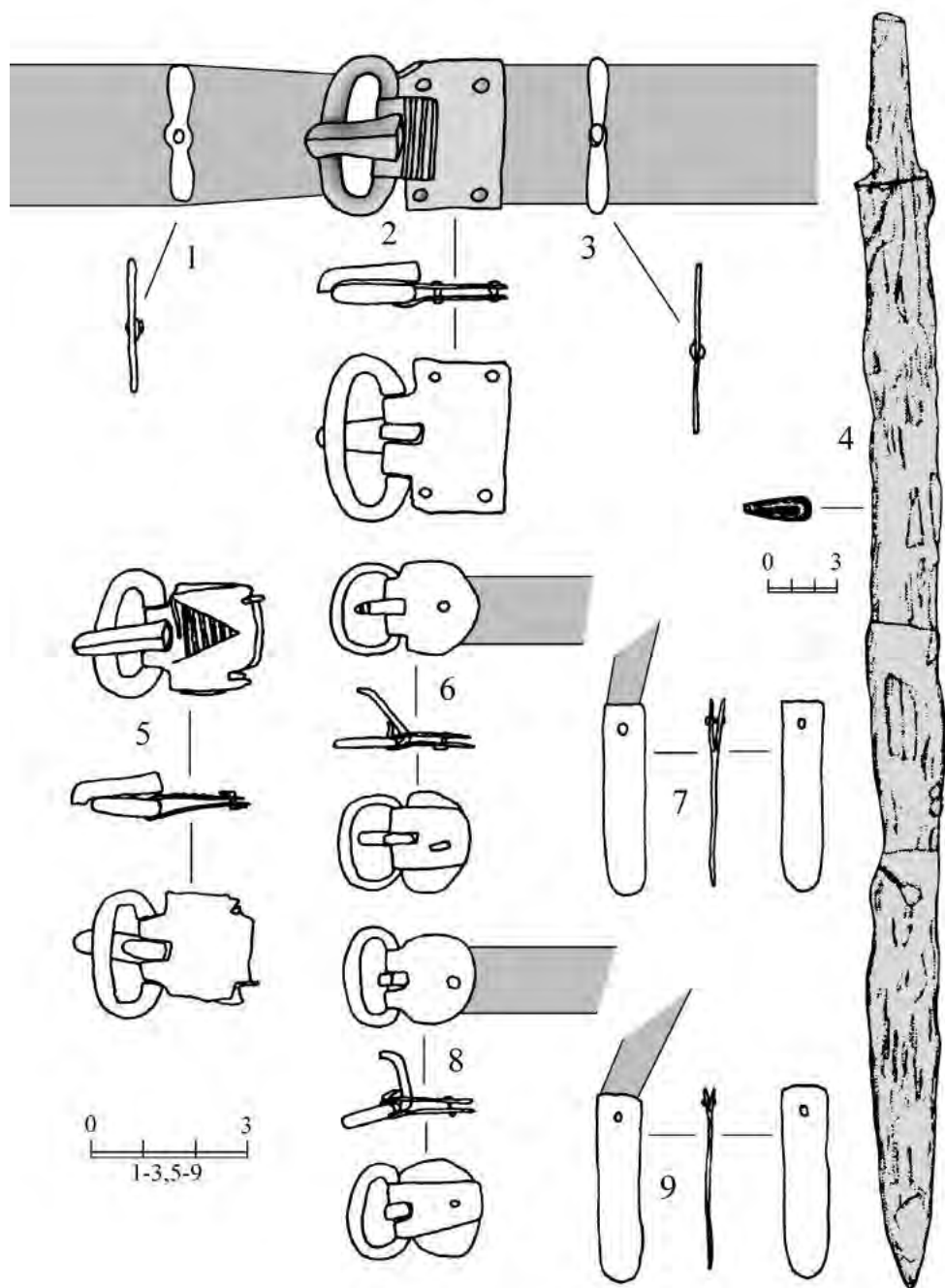

Рис. 112. Могильник Карши-Баир. Склеп 5, находки из погребения 1 и реконструкция воинского пояса (1-3). [по Ушаков, 2010, рис. 73; реконструкция Э. А. Хайрединовой]

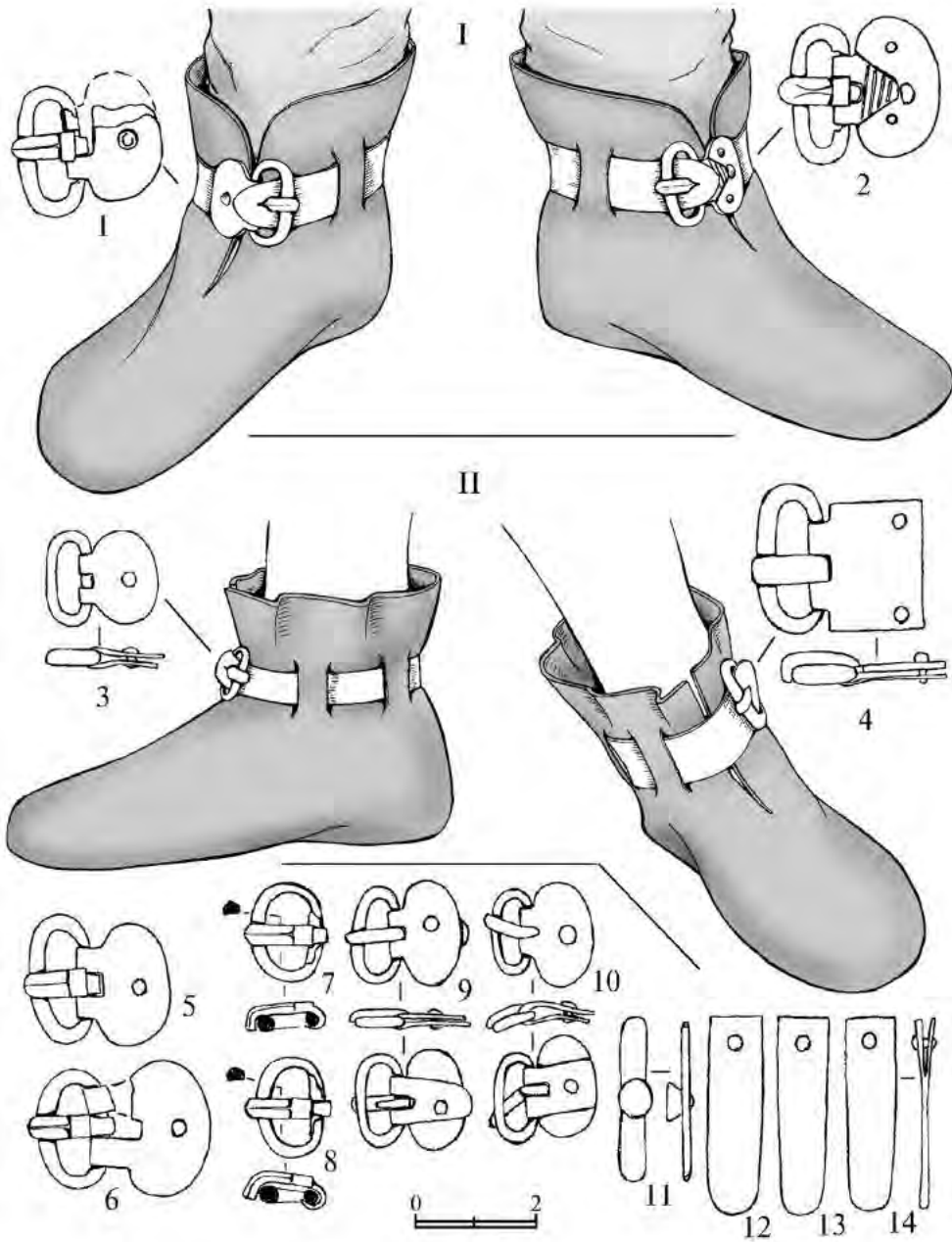

Рис. 113. Обувные наборы первой половины VI в. из Юго-Западного Крыма.

I, II – варианты реконструкции обуви.

- 1,2,5,6,I – Скалистое, склеп 495 (1,2,I – костяк 1; 5,6 – костяк 3);
 3,4,9-14,II – Карши-Баир, склеп 7 (3,4,II – костяк 1; 9-14 – костяк 2);
 7,8 – Лучистое, склеп 211, костяк 2. [по Хайрединова, 2003, рис. 6]

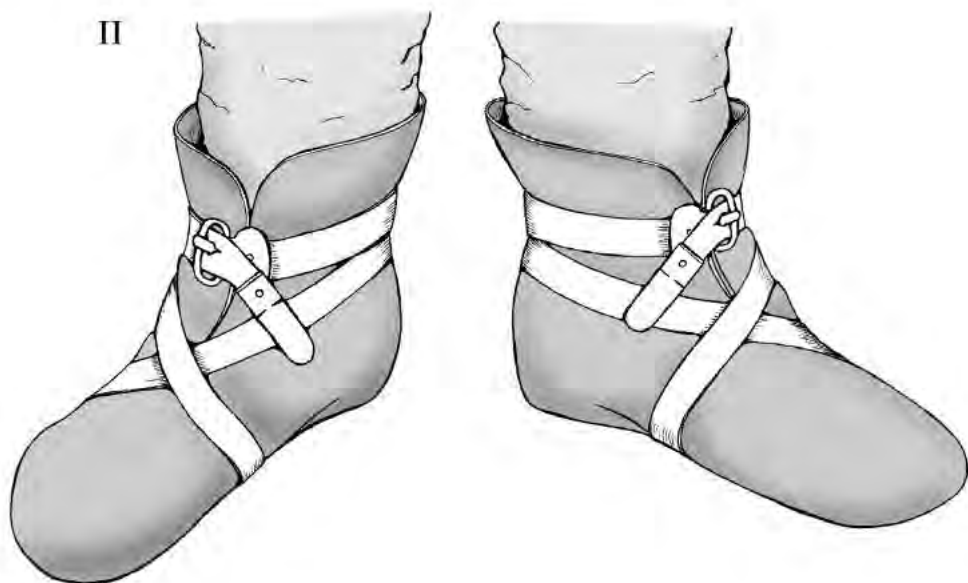
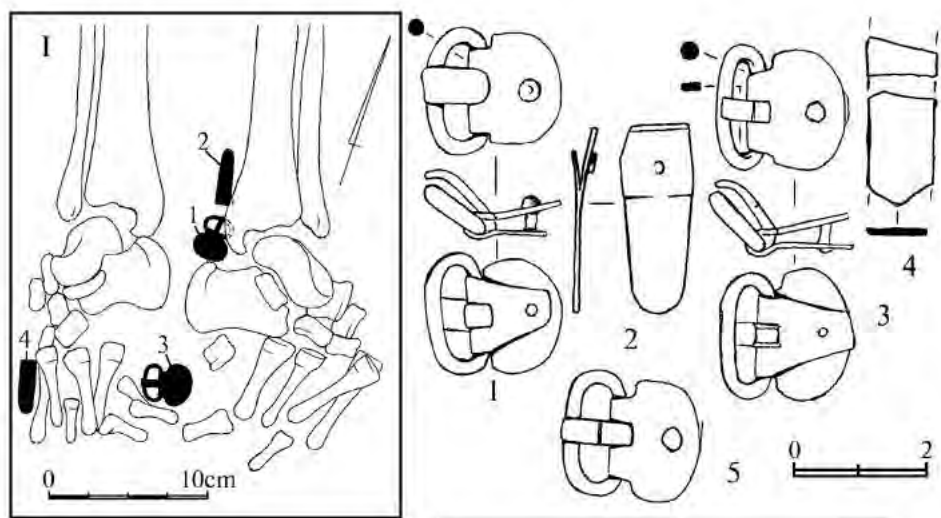

Рис. 114. Обувной набор второй половины VI в.
из Лучистого, из склепа 205, погребения 1.
I – расположение деталей в погребении; II – вариант реконструкции обуви;
1-5 – детали обувного набора. [по Хайрединова, 2003, рис. 7]

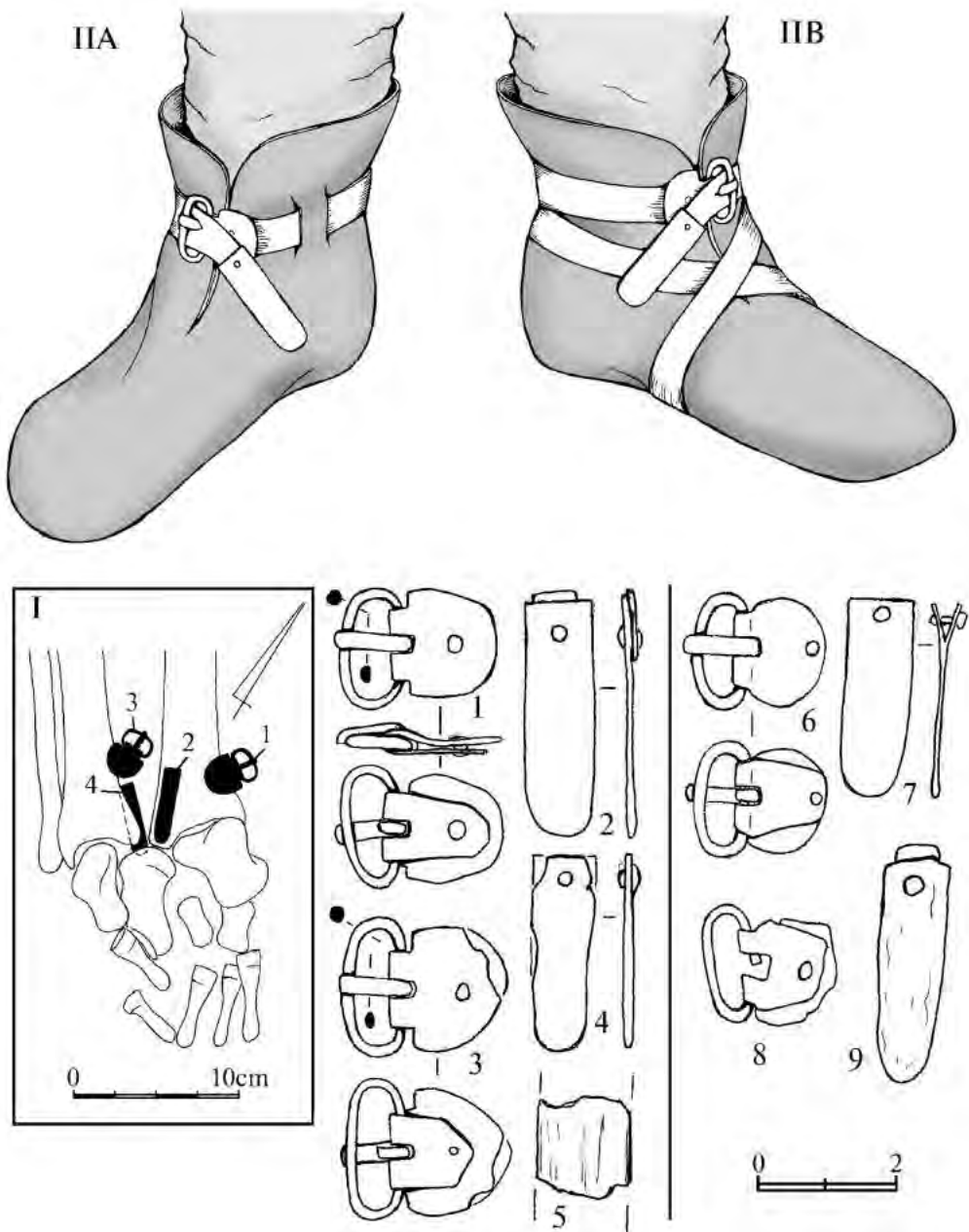

Рис. 115. Обувные наборы типа 2-2 второй половины VI в. (1-5) и первой половины VII в. (6-9) из Юго-Западного Крыма. I - расположение деталей в погребении; IIa,b - варианты реконструкции обуви. 1-5, I, II - Лучистое, подбойная могила 99, костяк 1; 6-9 - Скалистое, склеп 449 [по Хайрединова, 2003, рис. 9]

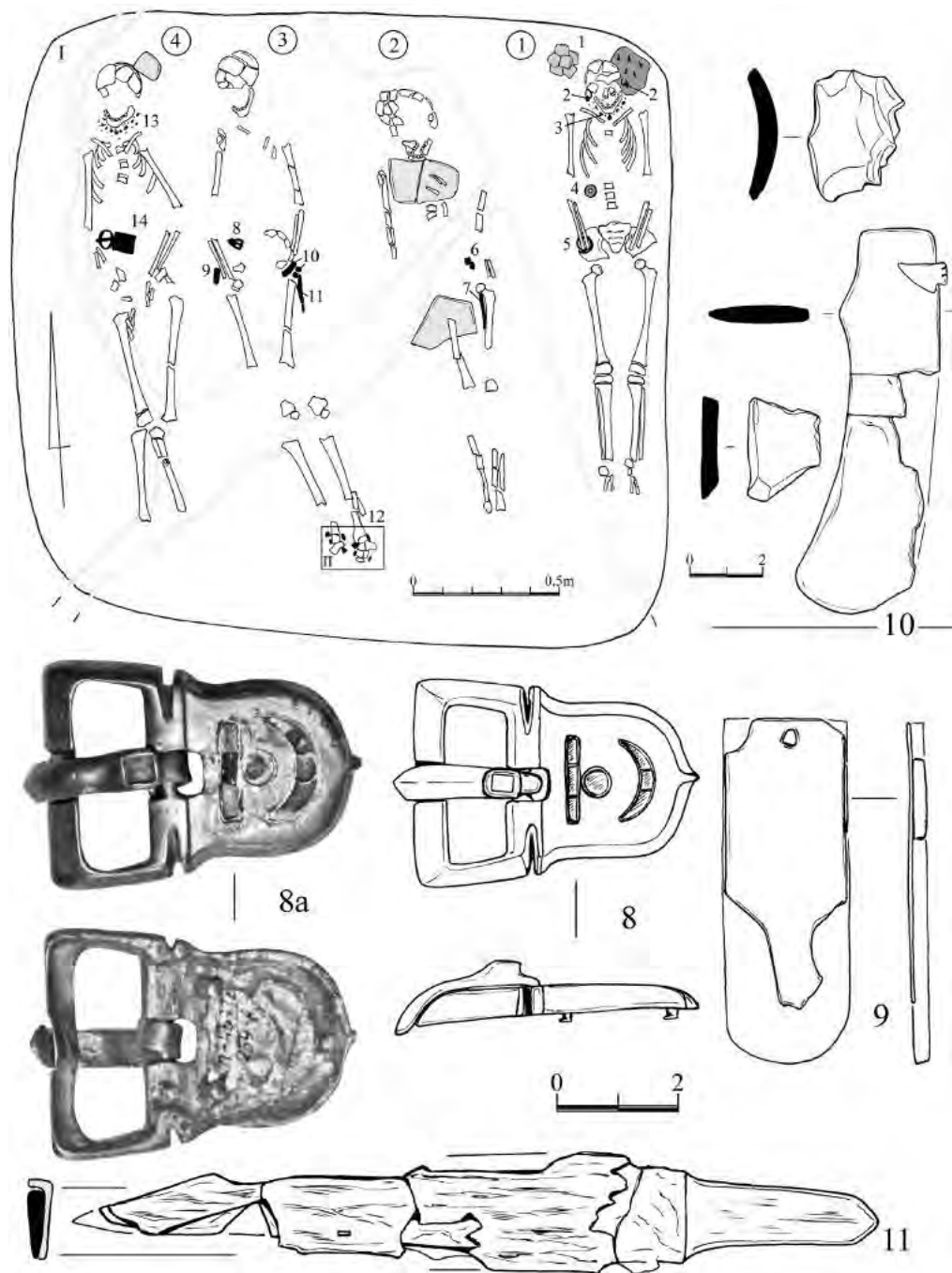

Рис. 116. Могильник у с. Лучистое. Склеп 64 (I).
Инвентарь погребения 3 второй половины VI в. (8-11)

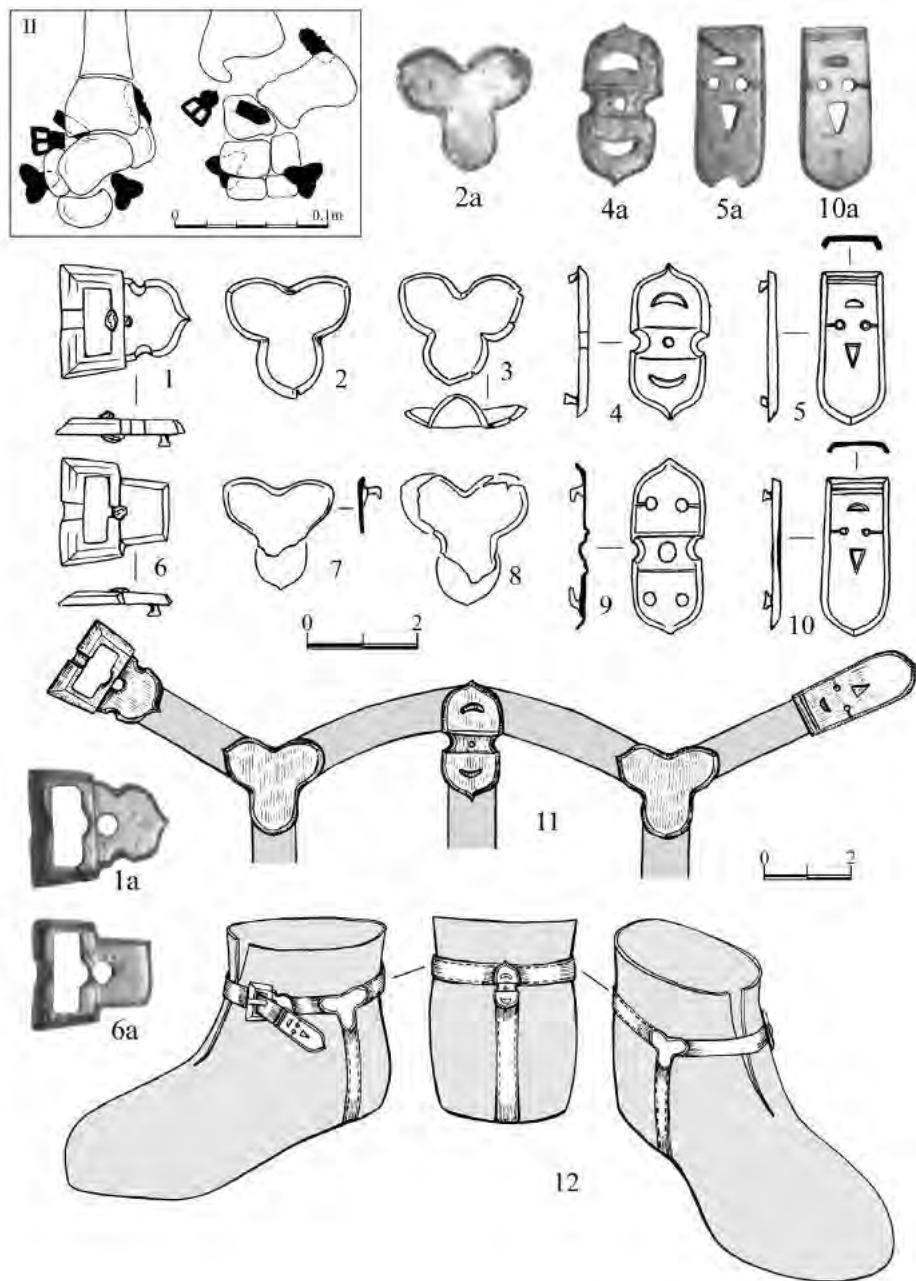

Рис. 117. Могильник у с. Лучистое. Склеп 64.

Обувной набор из погребения 3 второй половины VI в.

II – расположение деталей в погребении; 1-10 – металлические детали обувного набора;

11 – расположение деталей на ремнях; 12 – вариант реконструкции обуви.

[по Хайрединова, 2003, рис. 12]

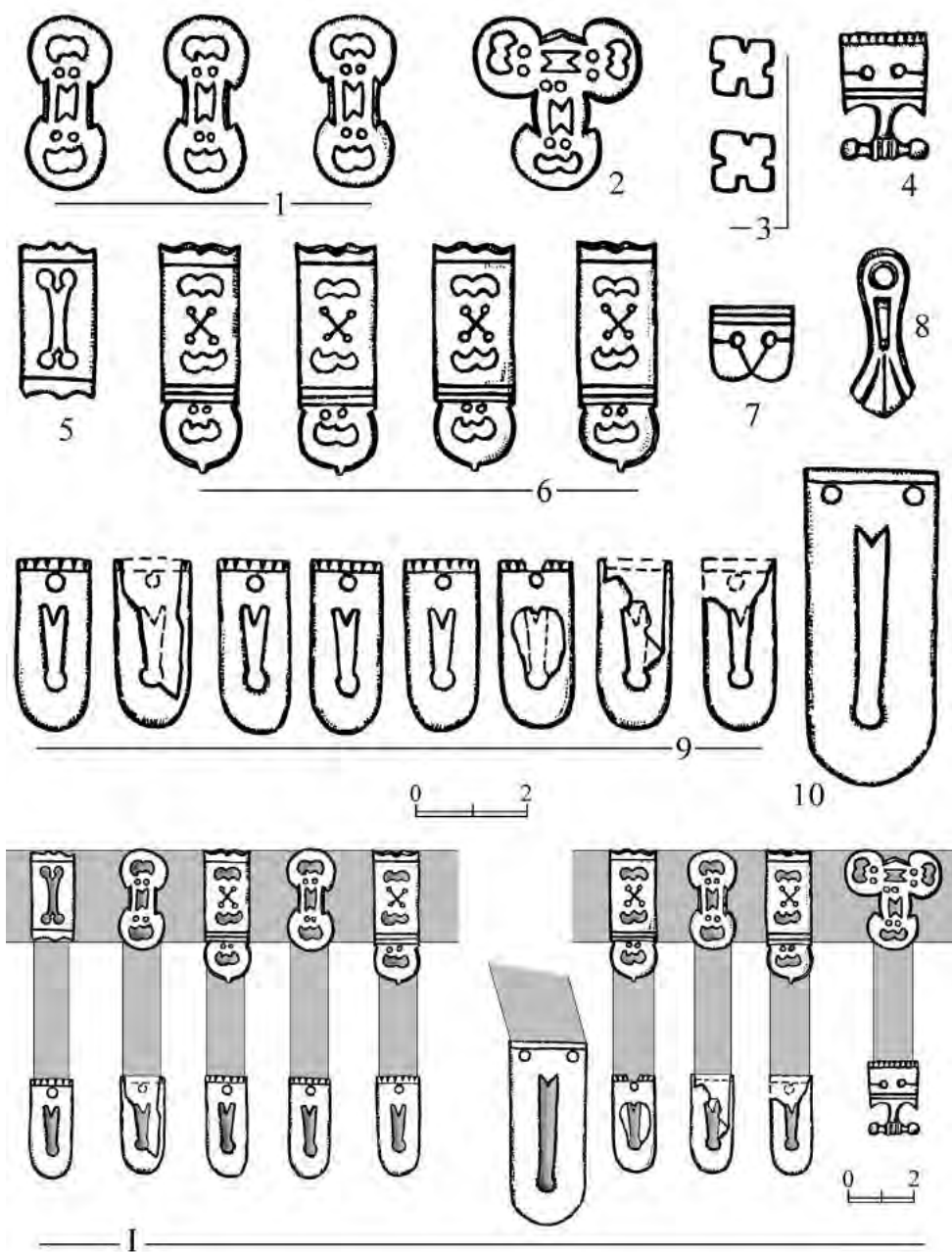

Рис. 118. Могильник Суук-Су. Могила 54.
 Поясной геральдический набор второй половины VI в.
 1-10 – детали поясного набора; I – вариант реконструкции пояса.
 [по Айбабин, 1990, рис. 49; реконструкция Э. А. Хайрединовой]

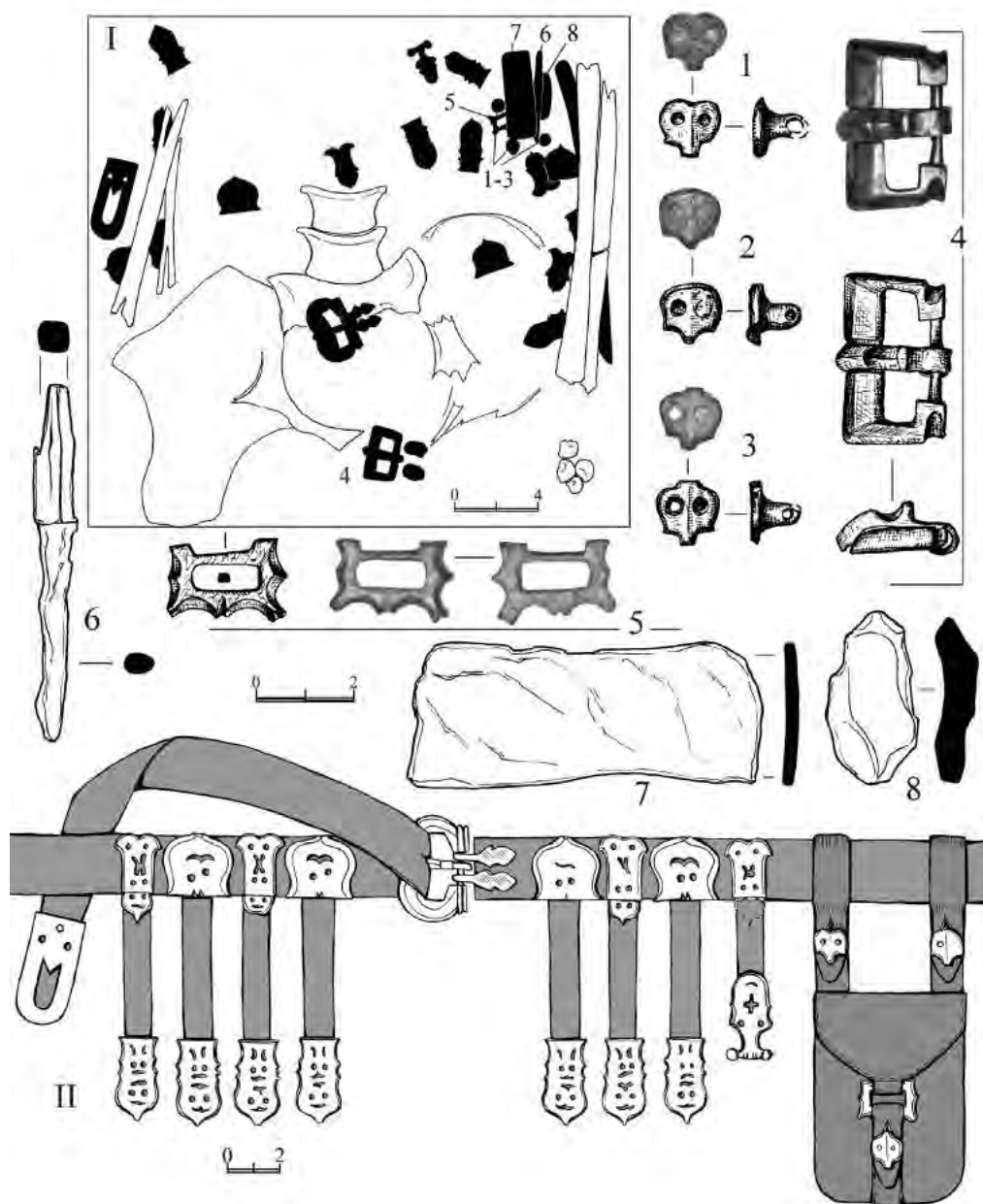

Рис. 119. Могильник у с. Лучистое. Склеп 74.

Поясной геральдический набор из погребения I второй половины VI в.

I – расположение деталей поясного набора в погребении *in situ*;

1-8 – детали поясного набора, шило и кресало с кремнем;

II – вариант реконструкции поясного набора. [реконструкция Э. А. Хайрединовой]

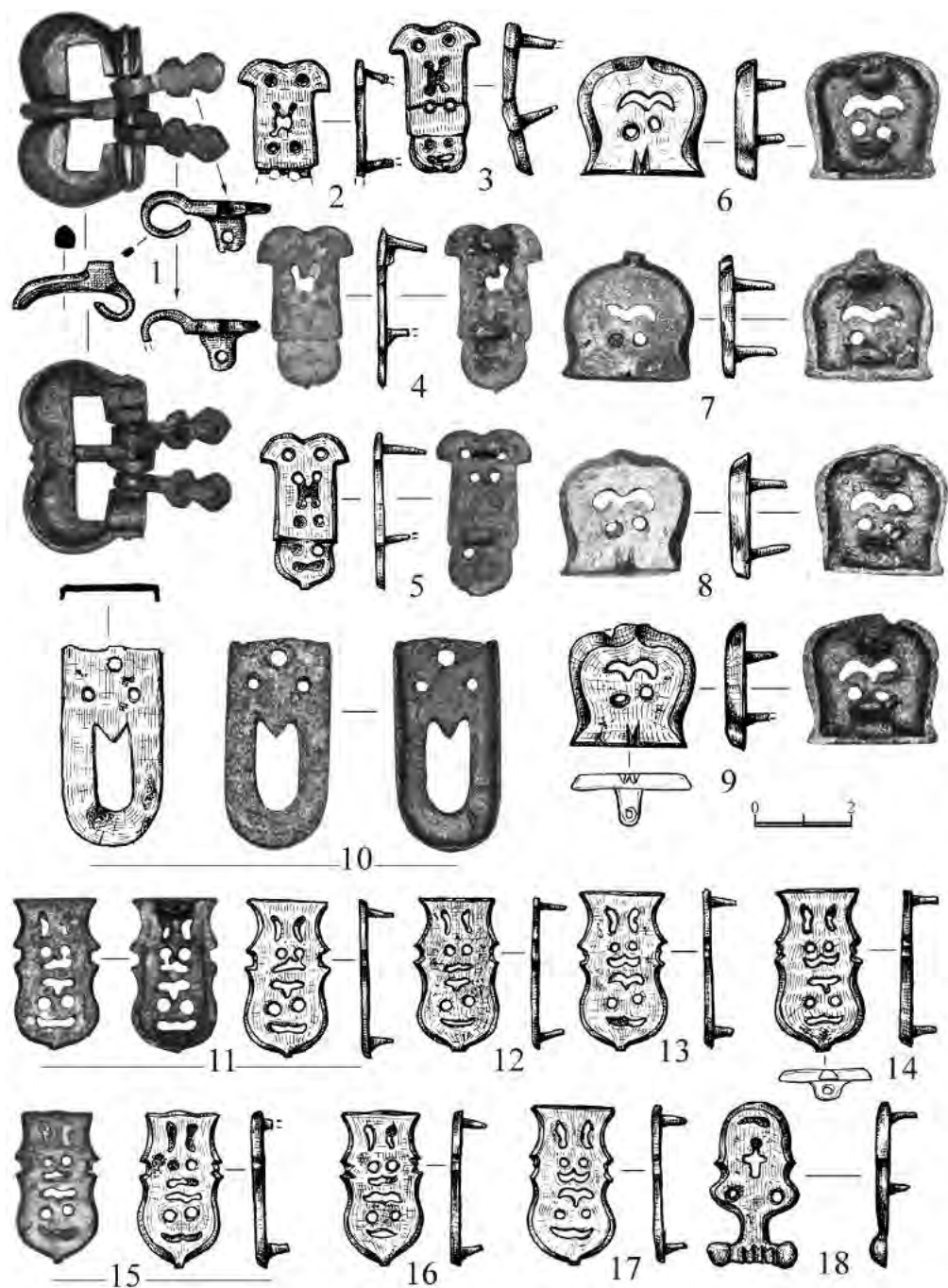

Рис. 120. Могильник у с. Лучистое. Склеп 74.
Поясной геральдический набор из погребения 1 второй половины VI в.

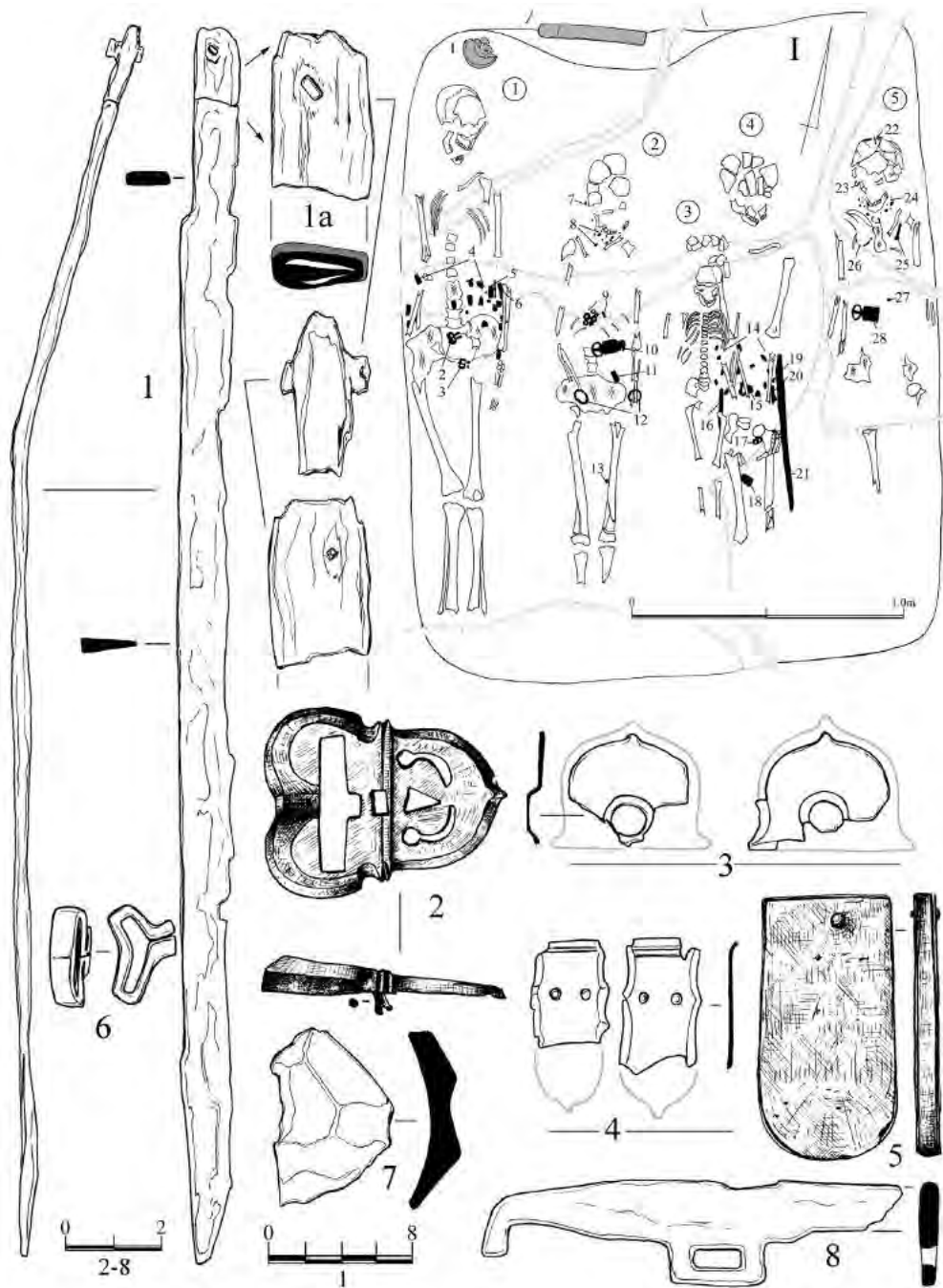

Рис. 121. Могильник у с. Лучистое. Склеп 74 (I).
Инвентарь погребения 4 середины VI в. (1-8)

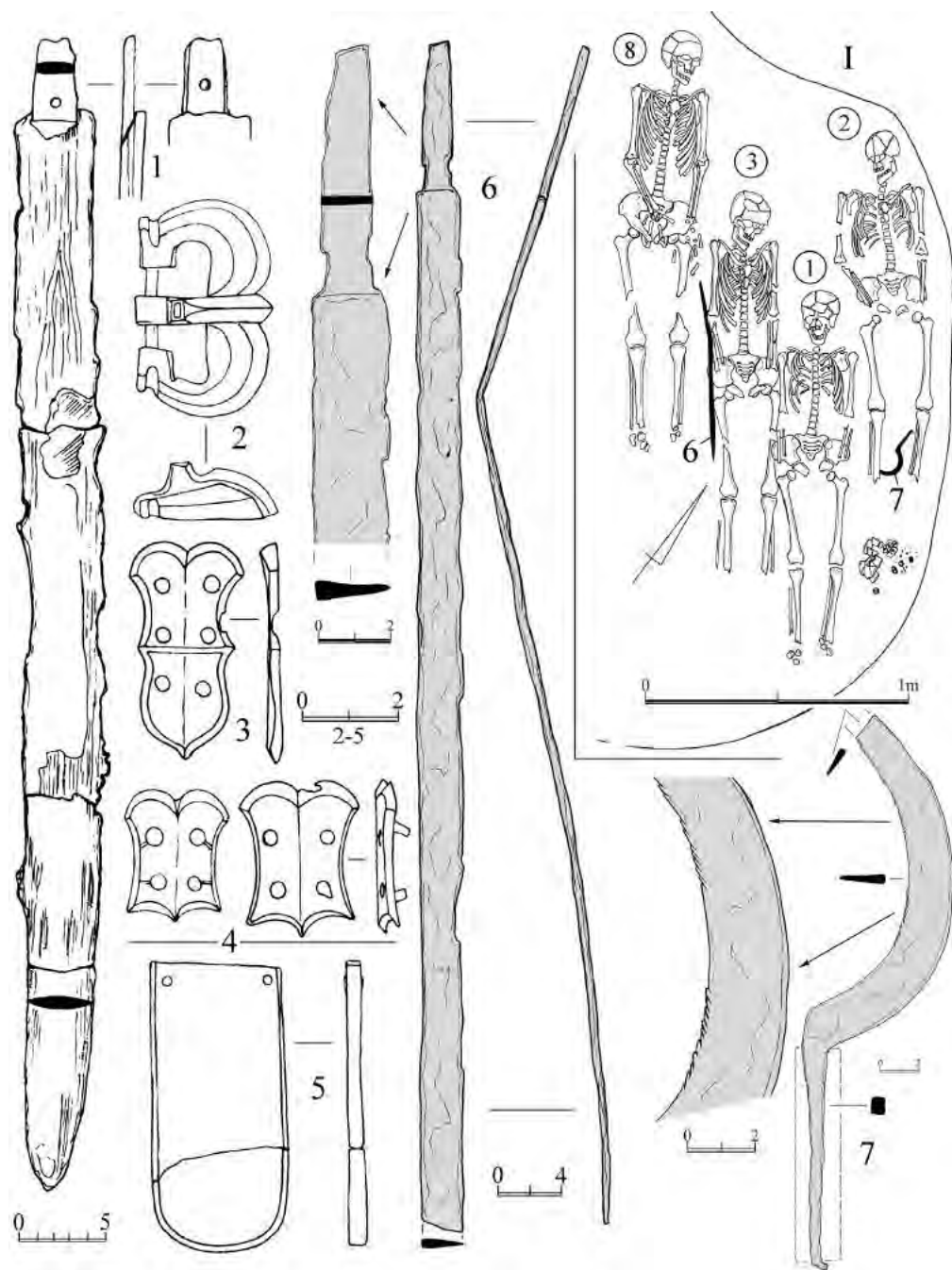

Рис. 122. Могильник у с. Лучистое.
Оружие, детали поясного набора и серп из погребений второй половины VI в.
1-5 – склеп 122а, погребение 21; 6,7 – склеп 46а (6 – погребение 3; 7 – погребение 2)

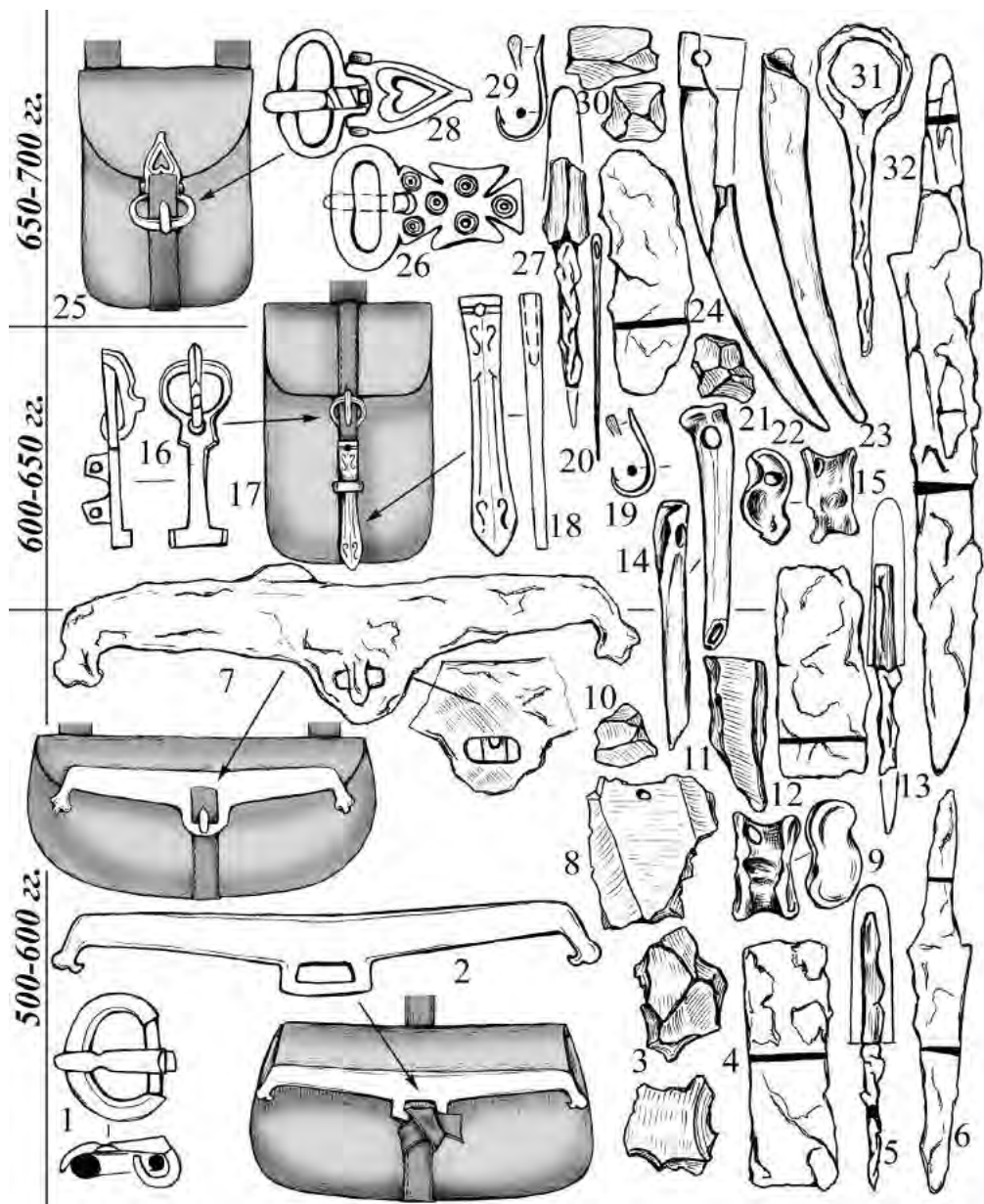

Рис. 123. Мужские поясные сумочки VI-VII вв. и их содержимое.
 1-6,8-25,27-32 – могильник у с. Лучистое (1 – склеп 124; 2 – могила 148; 3 – склеп 74;
 4 – склеп 167; 5,6 – склеп 147; 8,9 – склеп 189; 10,11,20,21,24,27,30 – склеп 108;
 12,13 – склеп 176; 14,15,22,23 – склеп 227; 16-18 – склеп 89; 19,29 – склеп 83/1;
 25,28 – склеп 213; 32 – склеп 185); 7 – Сахарная Головка, могила 2; 26 – Суук-Су, склеп 131.
 [no Khaïrédinova, 2007, fig. 6]

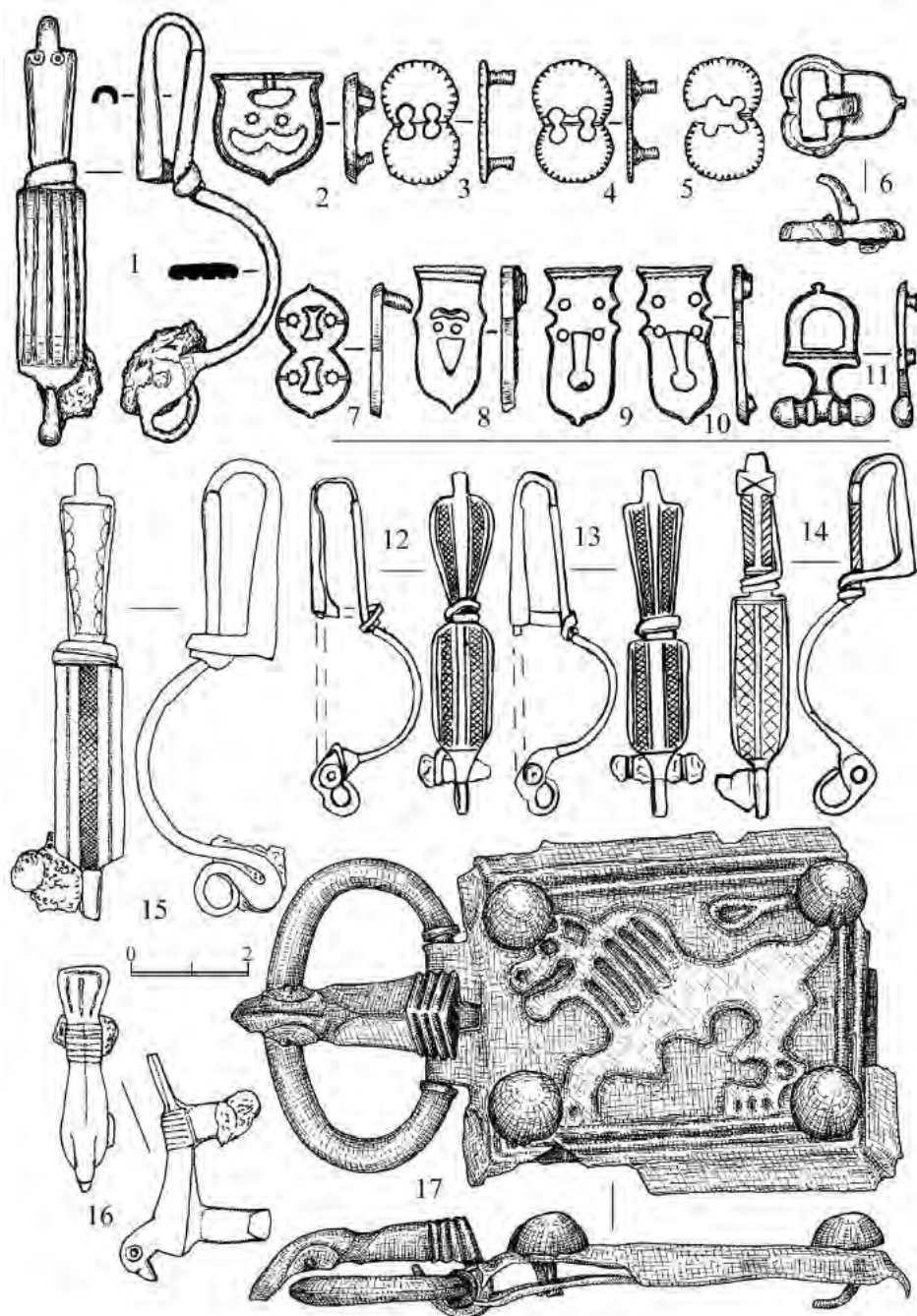

Рис. 124. Могильник у с. Лучистое. Византийские прогнутые подвязные фибулы и сопровождающий инвентарь из погребений. 1-11 – склеп 175; 12,13 – склеп 122а; 14 – склеп 268; 15-17 – склеп 131

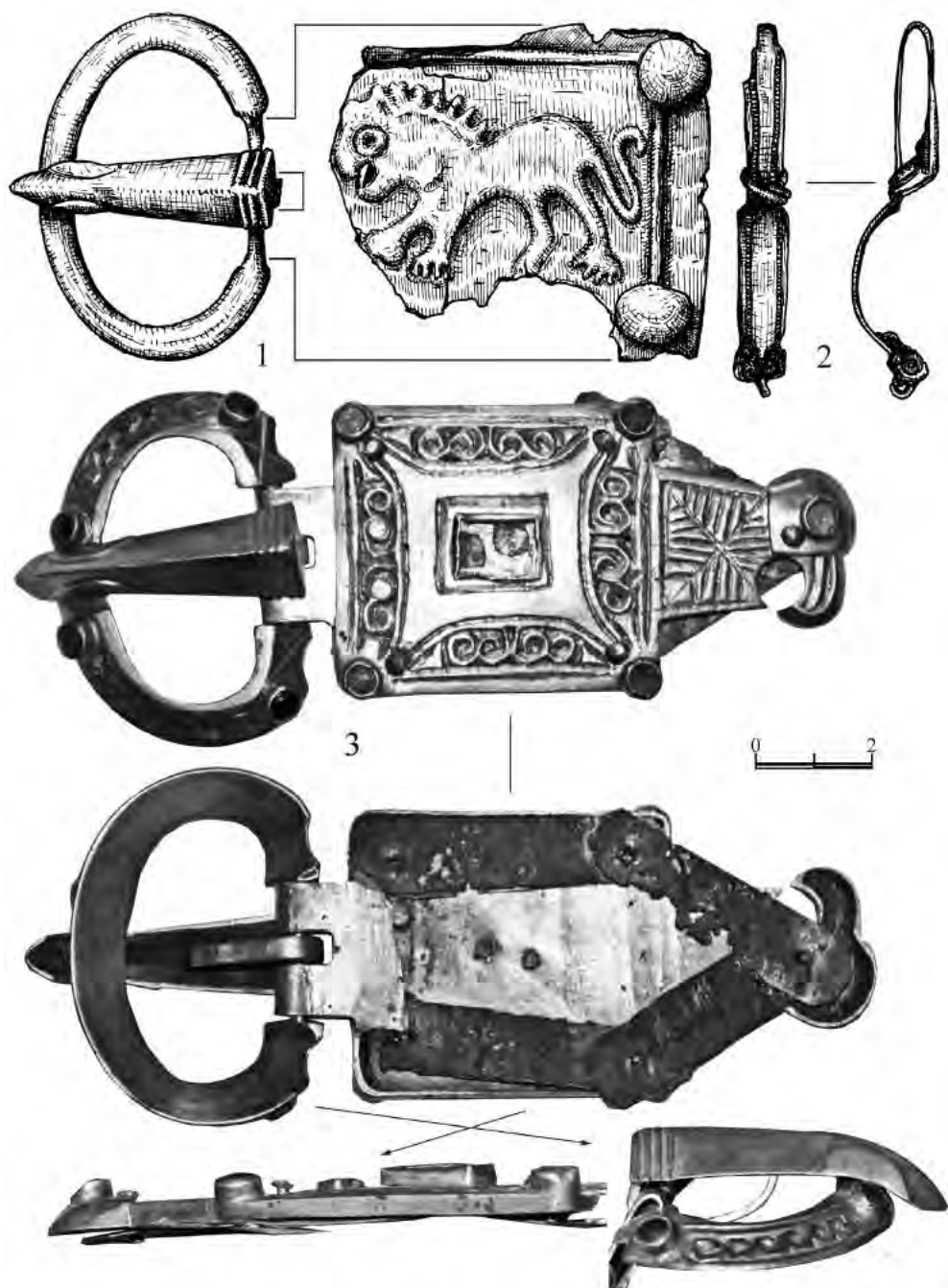

Рис. 125. Могильник у с. Лучистое. Склеп 74.
Находки из женских погребений второй половины VI в.
1,2 – погребение 5; 3 – погребение 2

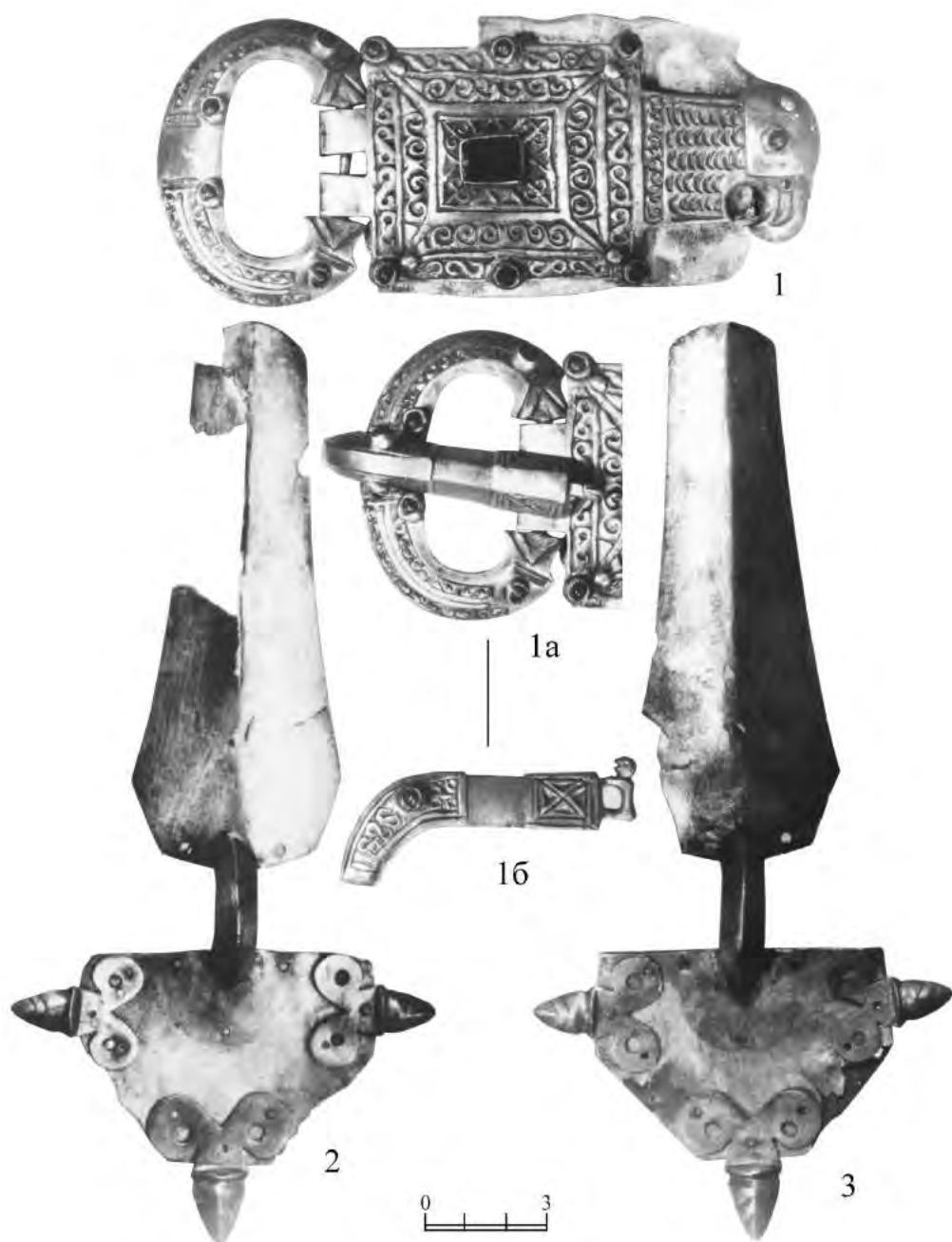

Рис. 126. Могильник Скалистое. Склеп 420, погребение 3.
Детали женского восточногерманского костюма
с большой орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в.

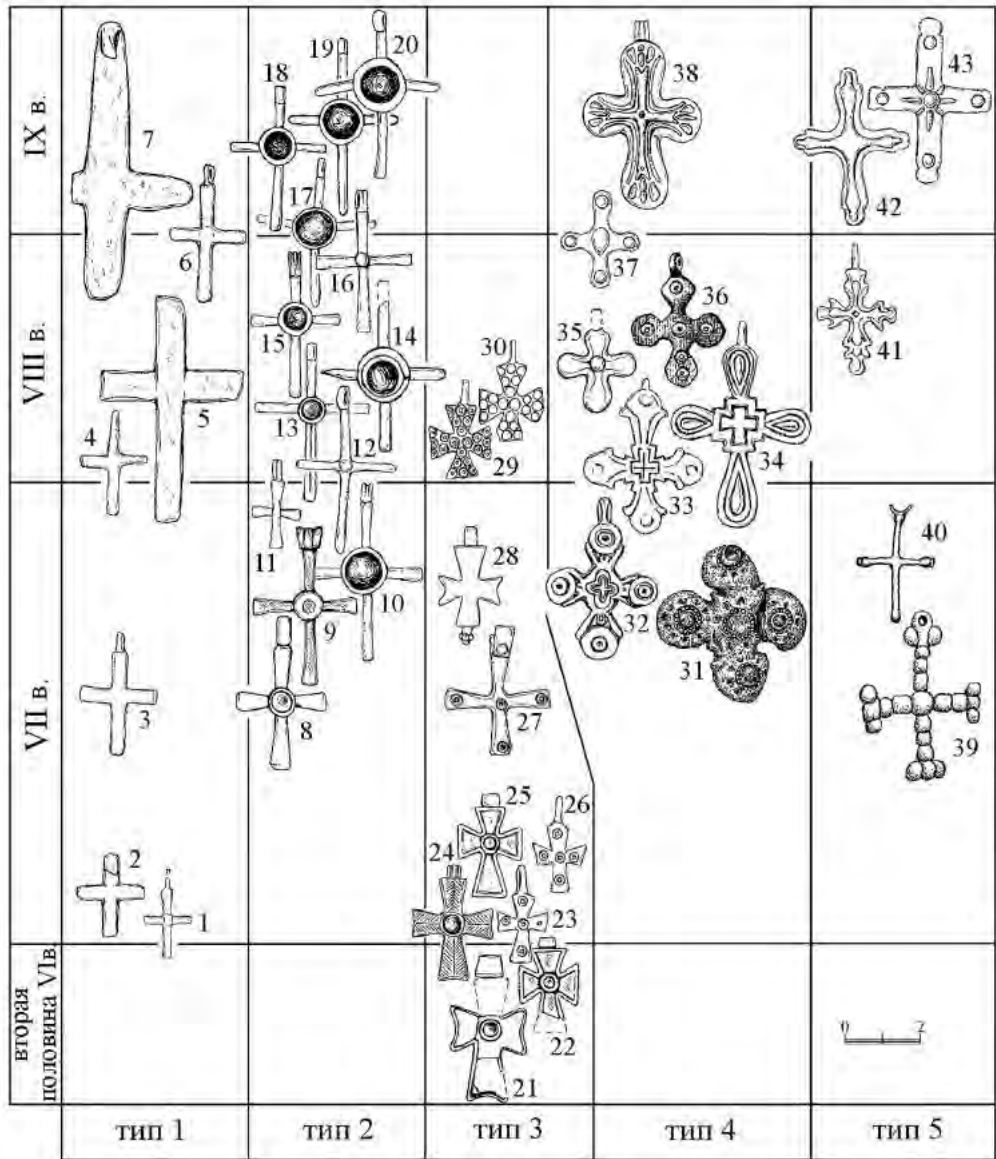

Рис. 127. Типология и хронология раннесредневековых крестов из Юго-Западного Крыма. [по Хайрединовой, 2007]

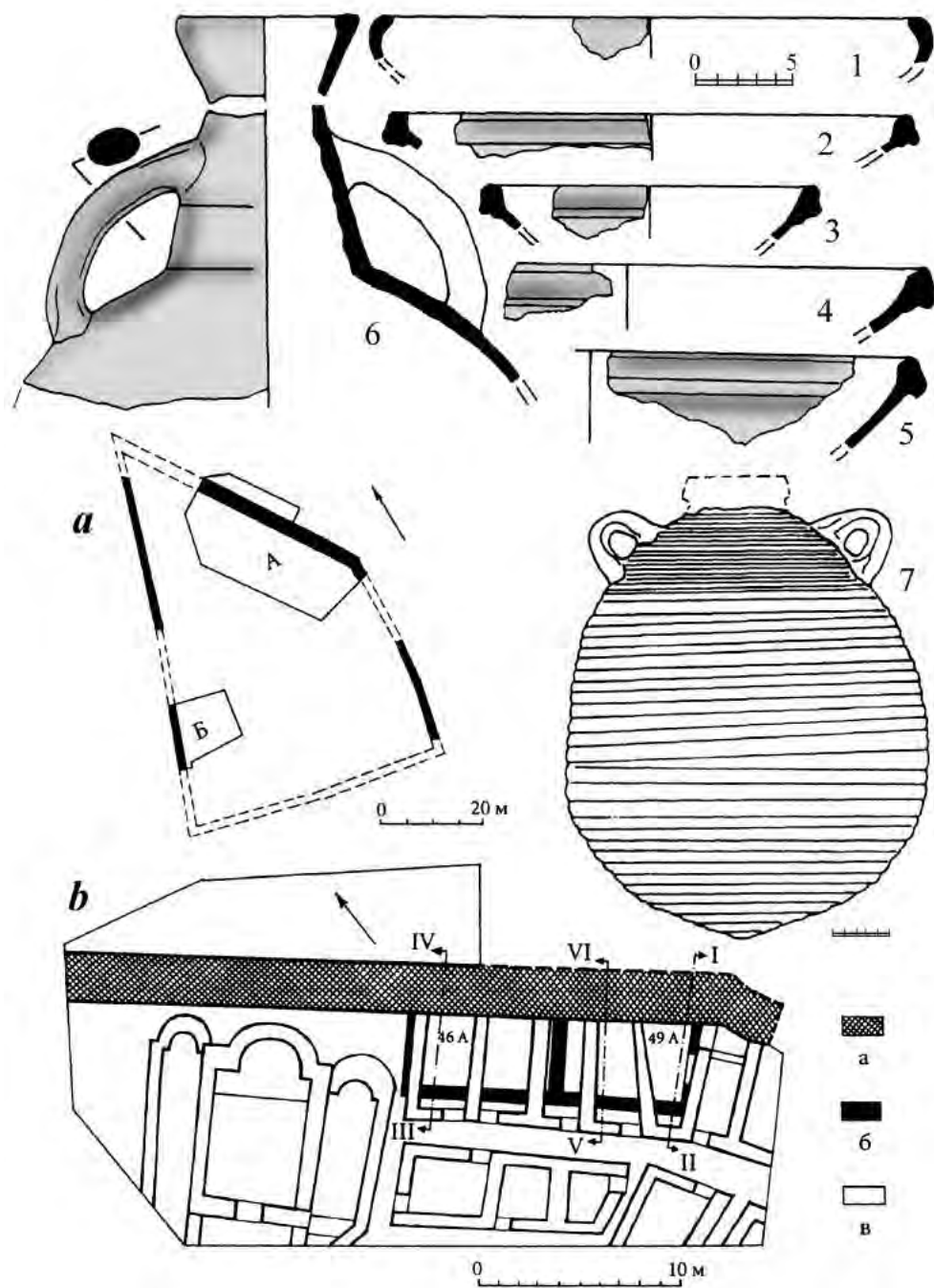

Рис. 128. Крепость Алустон. Участок со строительными остатками ранневизантийского времени. [по Мыц, 1997, табл. 1; 2]

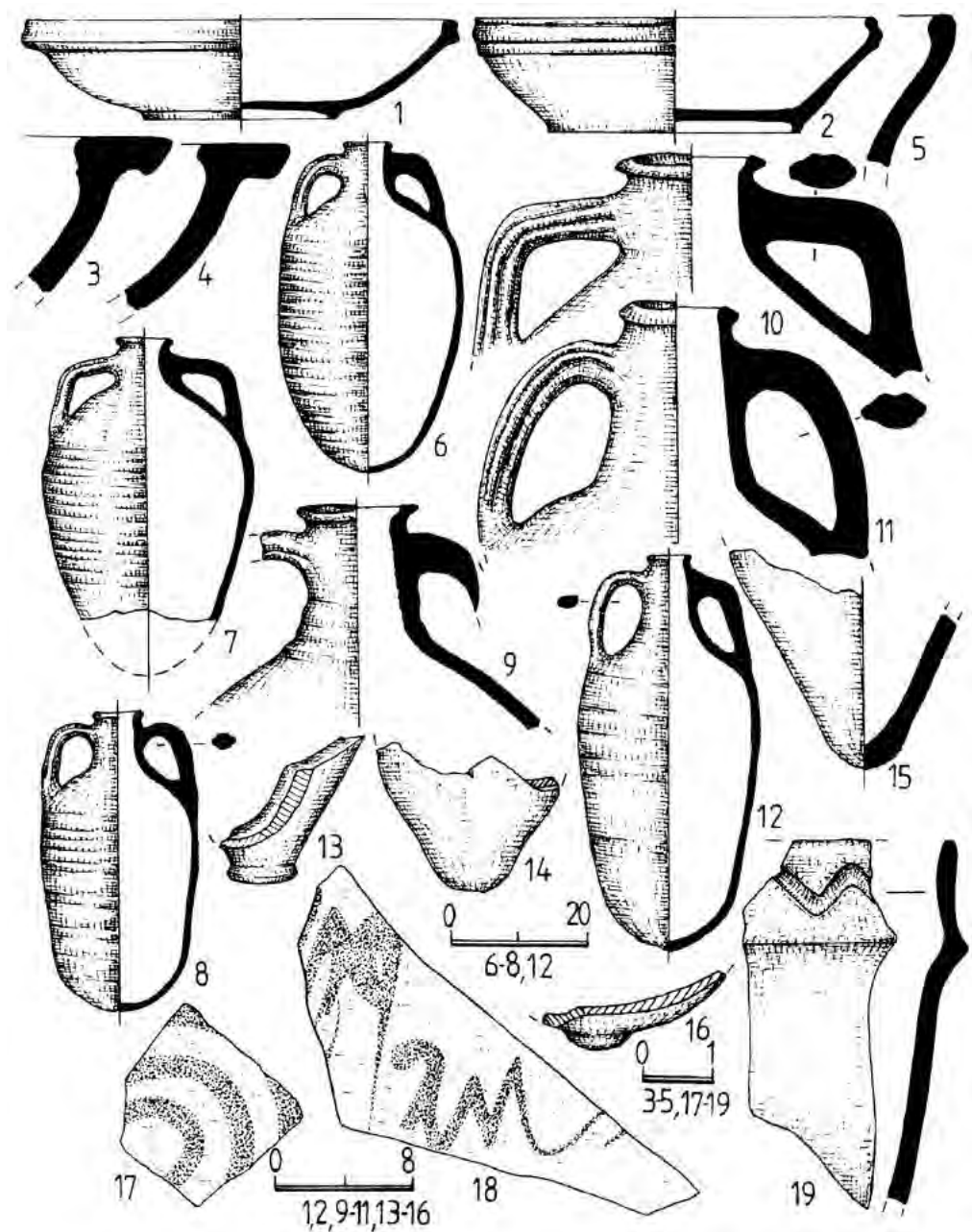

Рис. 129. Бахла. Керамика из раскопок цитадели из «зеленого» слоя
[по Талис, 1982; Айбабин, 1999, рис. 47]

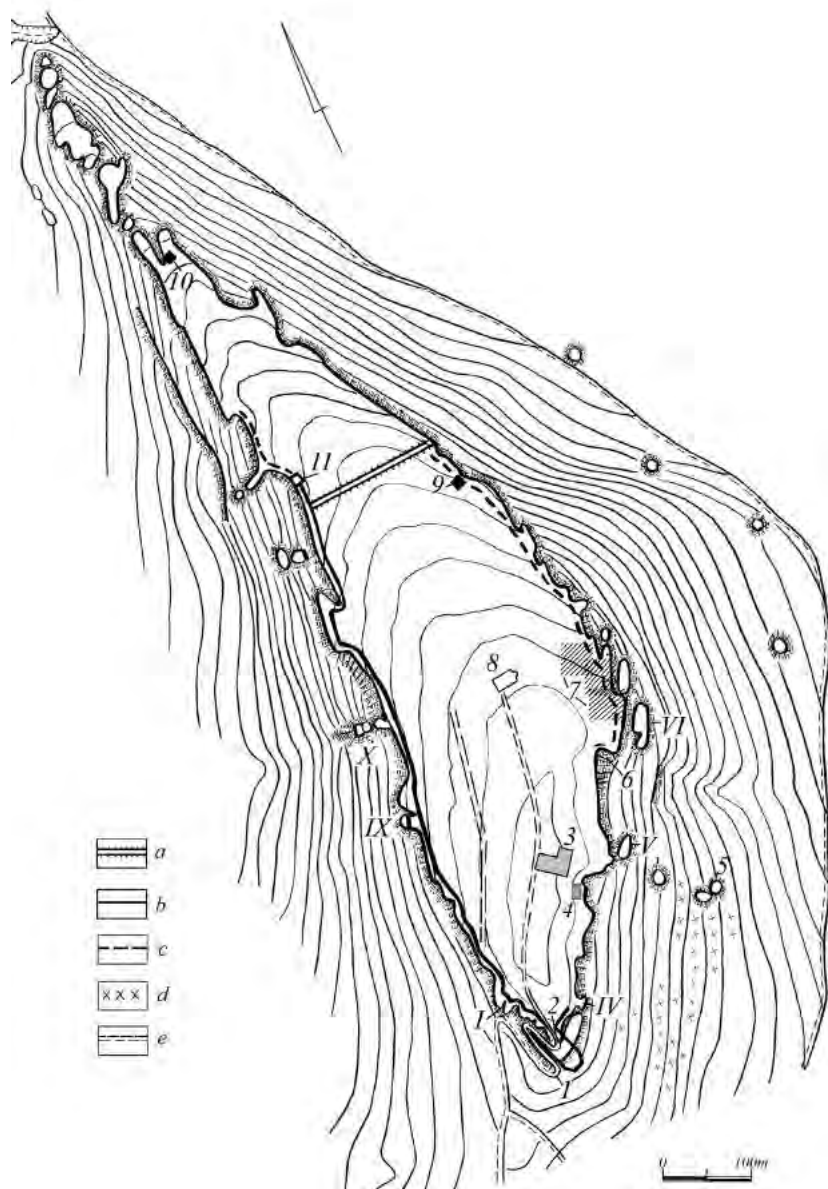

Рис. 130. Крепость на плато Эски-Кермен.

- 1 – Подъемная дорога; 2 – Главные ворота; 3 – Квартал I;
4 – участок оборонительной стены, исследованный в 2005-2007 гг.;
5 – Храм «Трех всадников»; 6 – Восточная калитка; 7 – кварталы, раскопанные в 1936-37 гг.; 8 – Базилика; 9 – «Осадный колодец»; 10 – Северная калитка;
11 – Западная калитка; а – городская стена плато; б,с – остатки оборонительных сооружений; д – могильник; е – главная и параллельная ей улицы; римскими цифрами обозначены номера пещерных башень

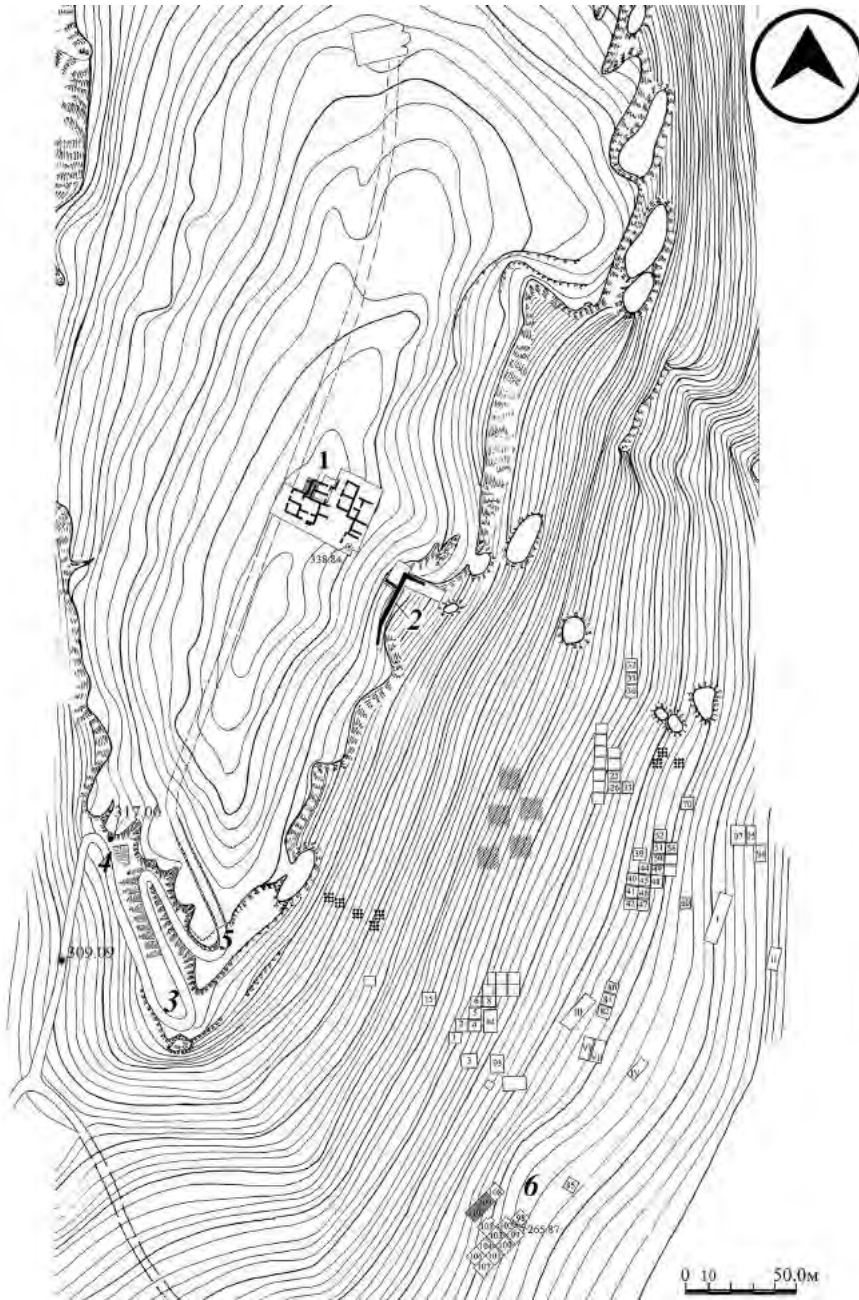
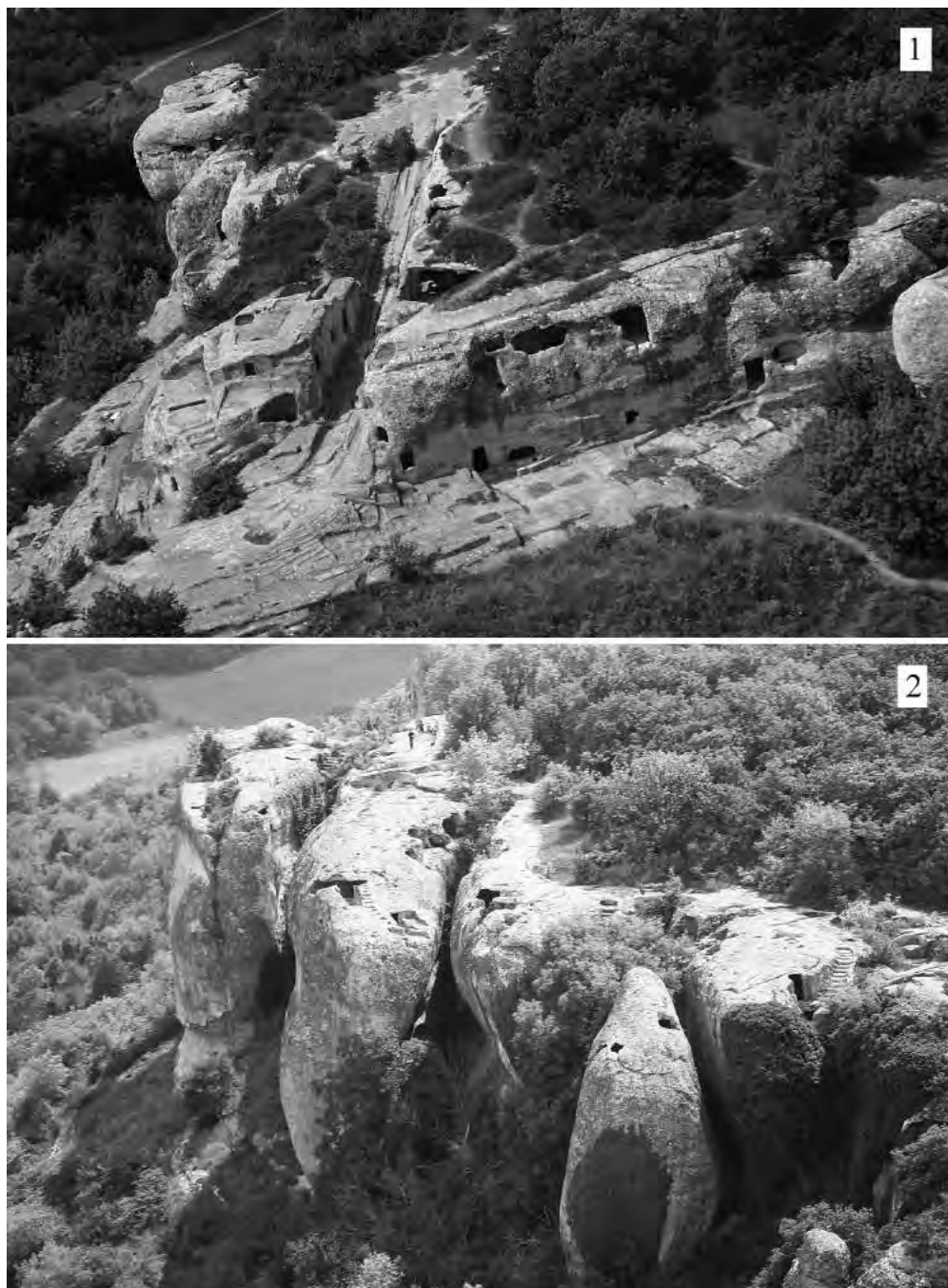

Рис. 131. Крепость на плато Эски-Кермен.
Топографический план южной части плато и его юго-восточного склона.
1 – квартал 1; 2 – участок оборонительной стены, исследованный в 2005-2007 гг.;
3 – подъемная дорога; 4 – участок каменоломни;
5 – Главные ворота; 6 – ранний участок некрополя

*Рис. 132. Крепость на плато Эски-Кермен.
1 – Южный оборонительный комплекс у Главных ворот;
2 – участок восточного обрыва плато
с вырубленными в скальных баинях помещениями. (Аэрофотосъемка)*

*Рис. 133. Крепость на плато Эски-Кермен.
Оборонительный комплекс у Восточной калитки,
раскопки Н. И. Репникова 1937 г.*

*Рис. 134. Крепость на плато Эски-Кермен. Подъемная дорога и Главные ворота.
[Фото А. И. Айбабина]*

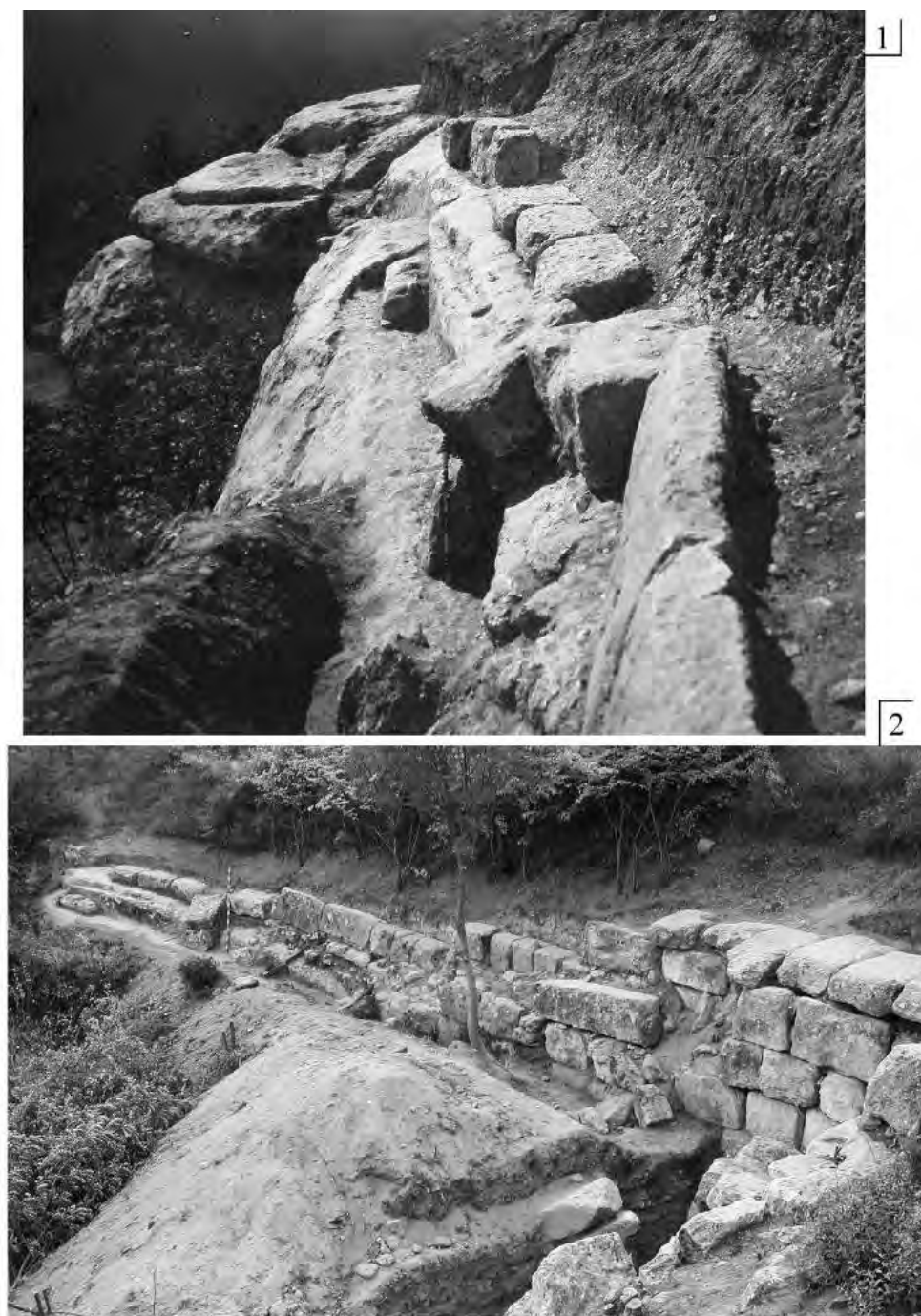

Рис. 135. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены.
1 – раскопки Н. И. Репникова 1928 г., вид с северо-востока;
2 – раскопки А. И. Айбабина 2007 г., вид с востока

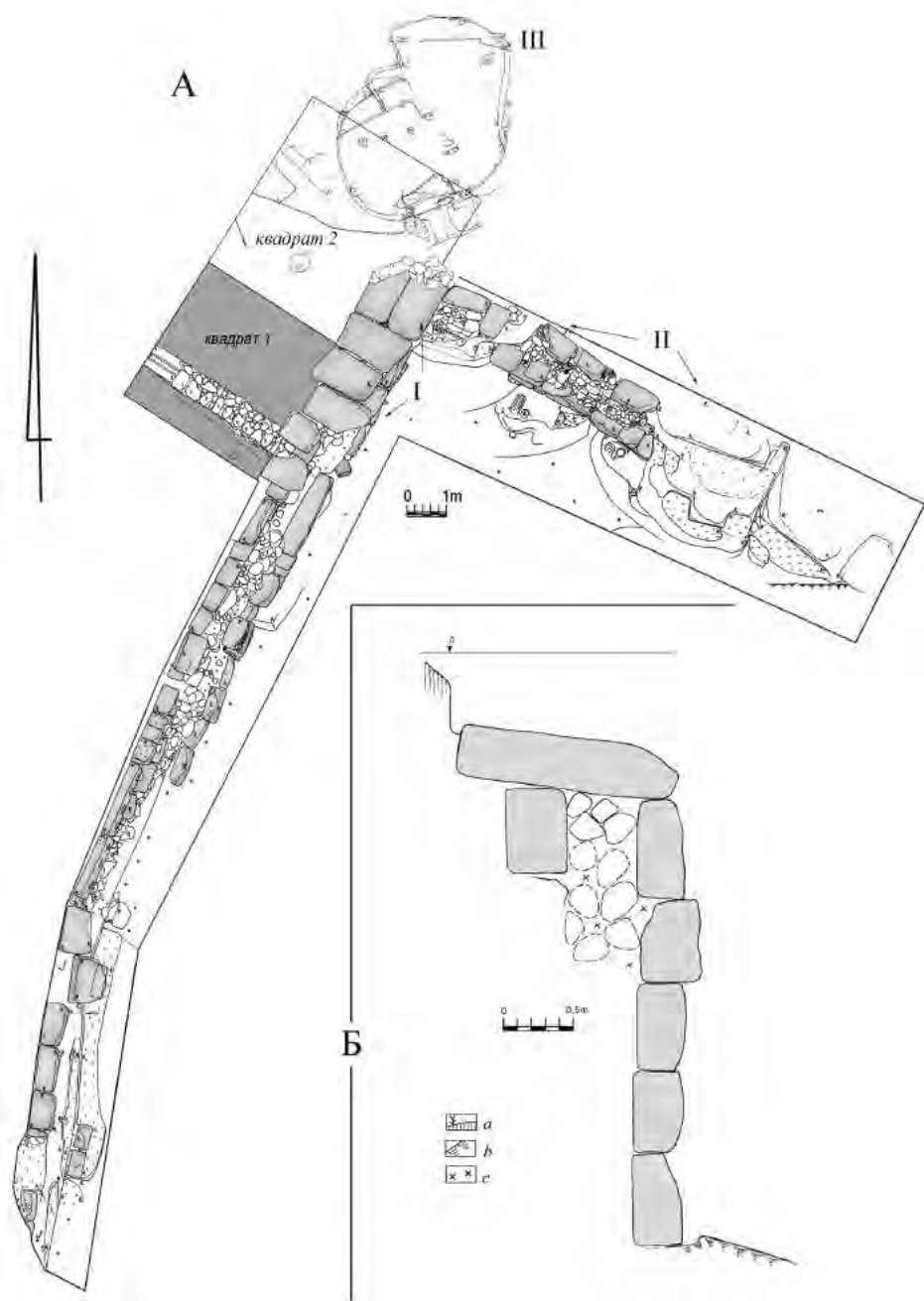

Рис. 136. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены.

А - раскопы у оборонительной стены: *I* – траншея Н. И. Репникова,
II – раскопы 2006-2007 гг.; *Б* – сечение верхней части и внешнего панциря
восточной оборонительной стены

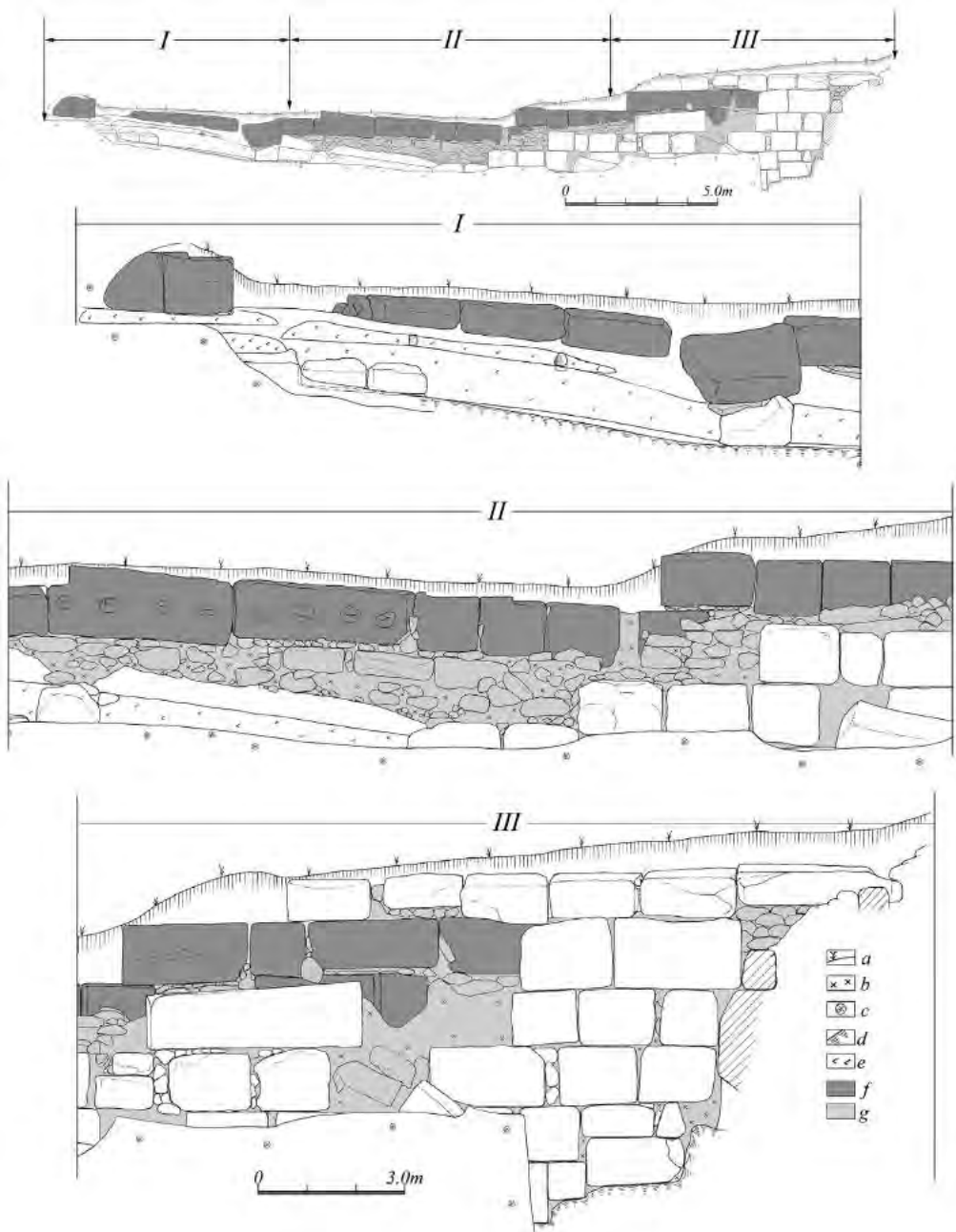

Рис. 137. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены. Фасировка внешней облицовочной кладки стены

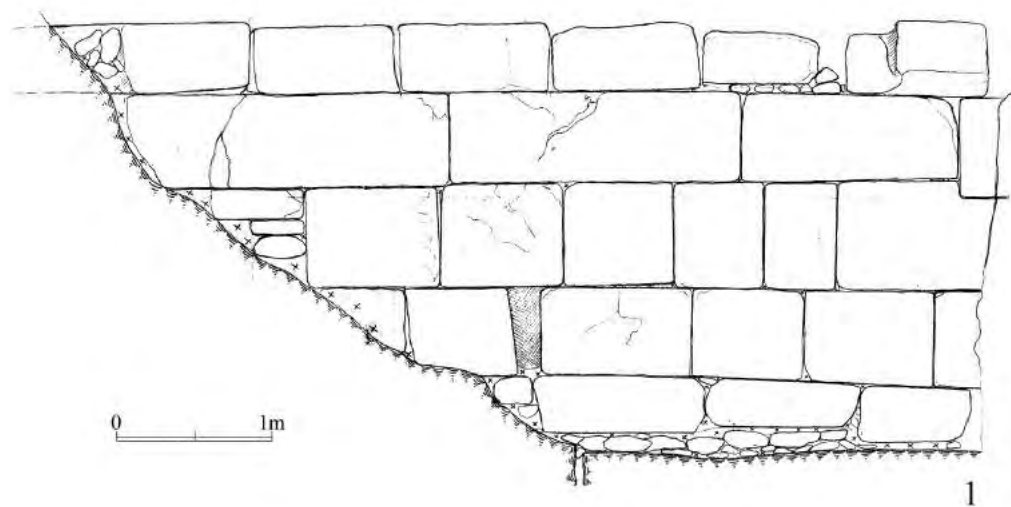

Рис. 138. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены.
1 – Фасировка внутренней облицовочной кладки восточной оборонительной стены.
Раскопки 2006-2007 гг.; 2 – Внутренняя облицовочная кладка
восточной оборонительной стены. Раскопки 2006-2007 гг.; фото, вид с северо-запада

Рис. 139. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены. Раскоп 2007 г. 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с северо-запада. [Фото А. И. Айбабина]

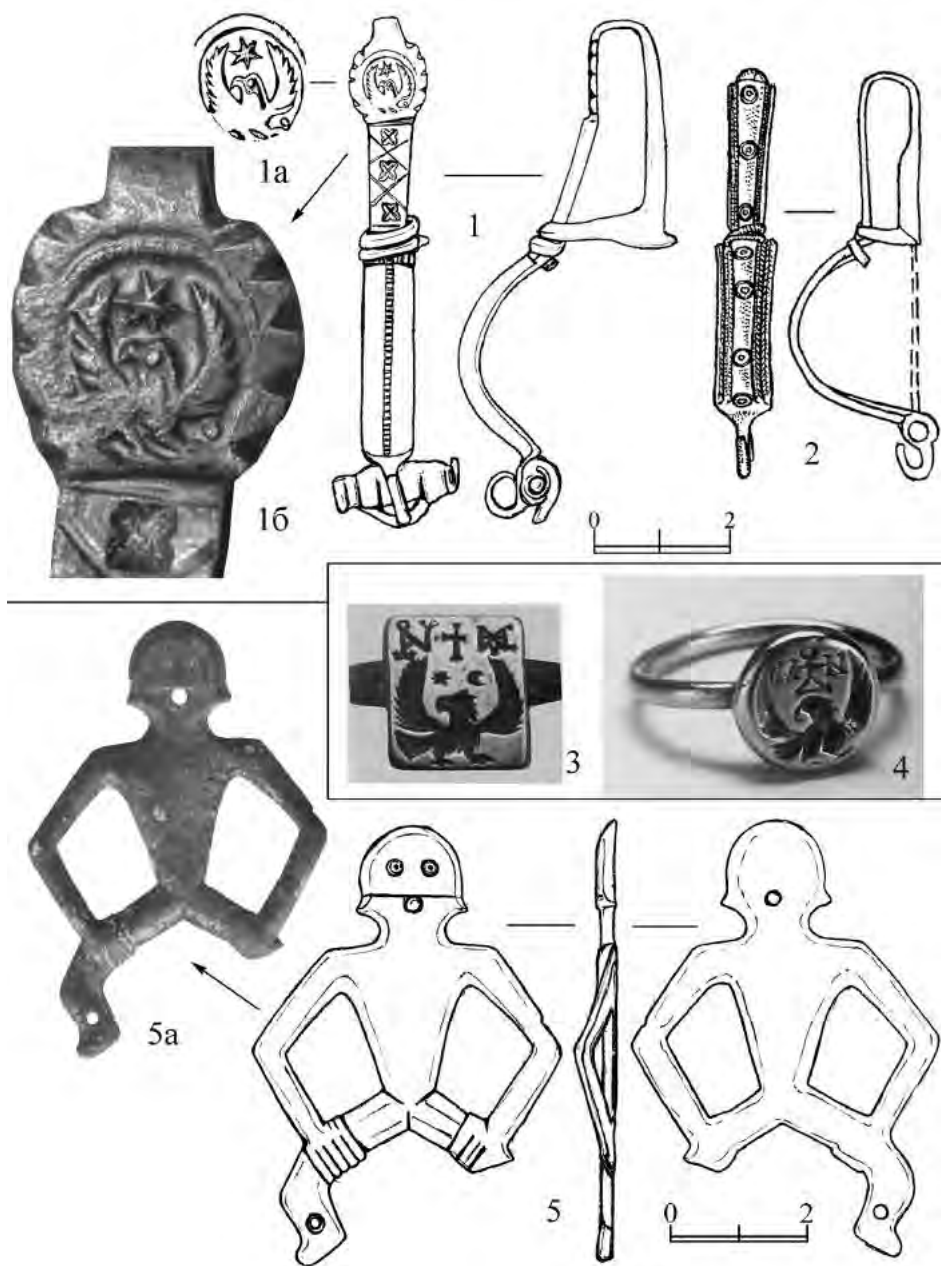

Рис. 140. Крепость на плато Эски-Кермен.

1 – Фибула из траншеи Н. И. Репникова у внешней стороны восточной оборонительной стены; 2 – фибула из склепа 337;

3,4 – византийские перстни конца VI-VII вв. с изображением орла;

5 – бронзовая накладная бляха из раскопа у внутренней стороны оборонительной стены

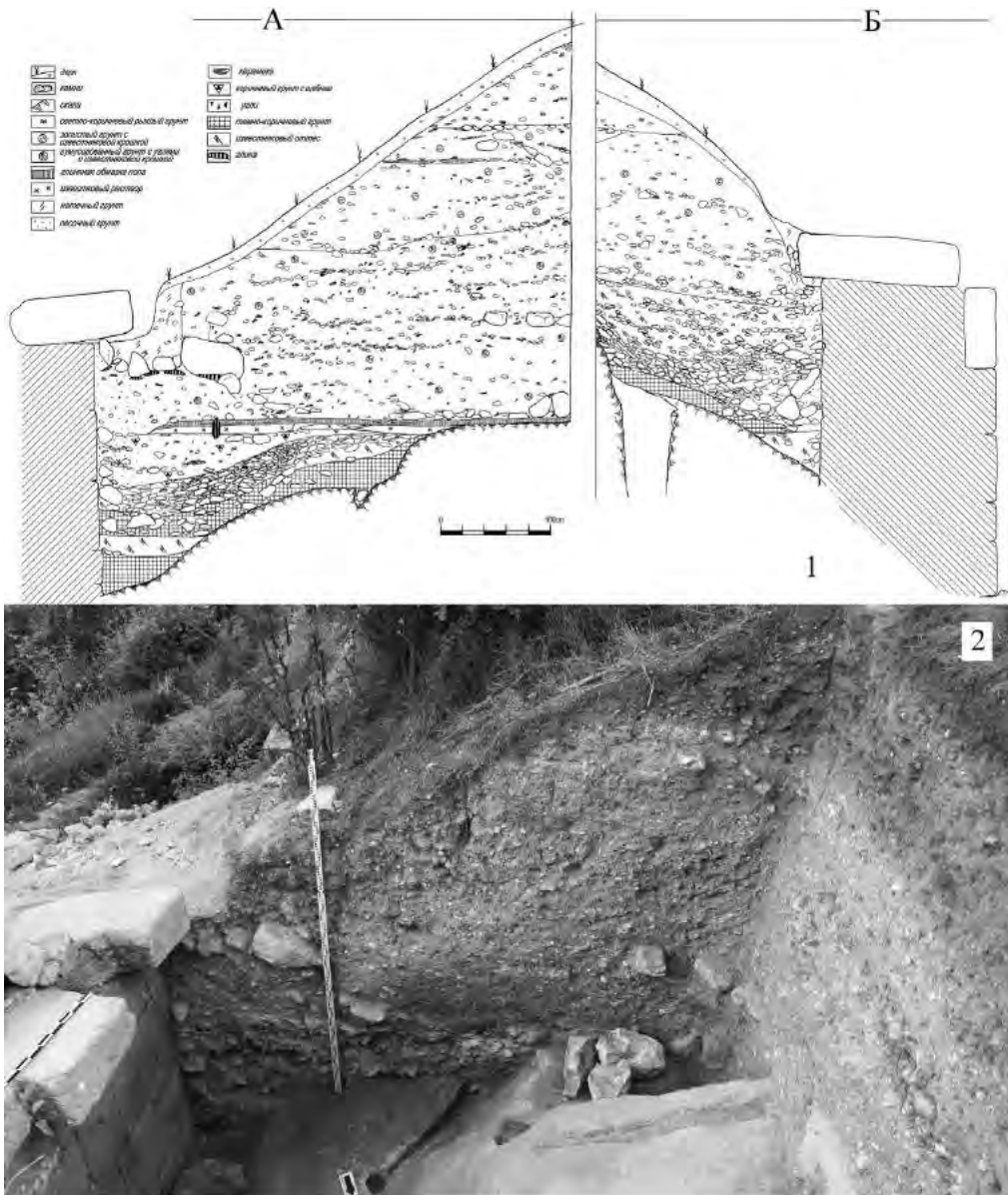

Рис. 141. Крепость на плато Эски-Кермен.
 Участок восточной оборонительной стены. Раскоп 2006-2007 гг.
 1 – стратиграфия юго-западного (А) и части северо-восточного борта (Б);
 2 – стратиграфия юго-западного борта; фото, вид с северо-запада

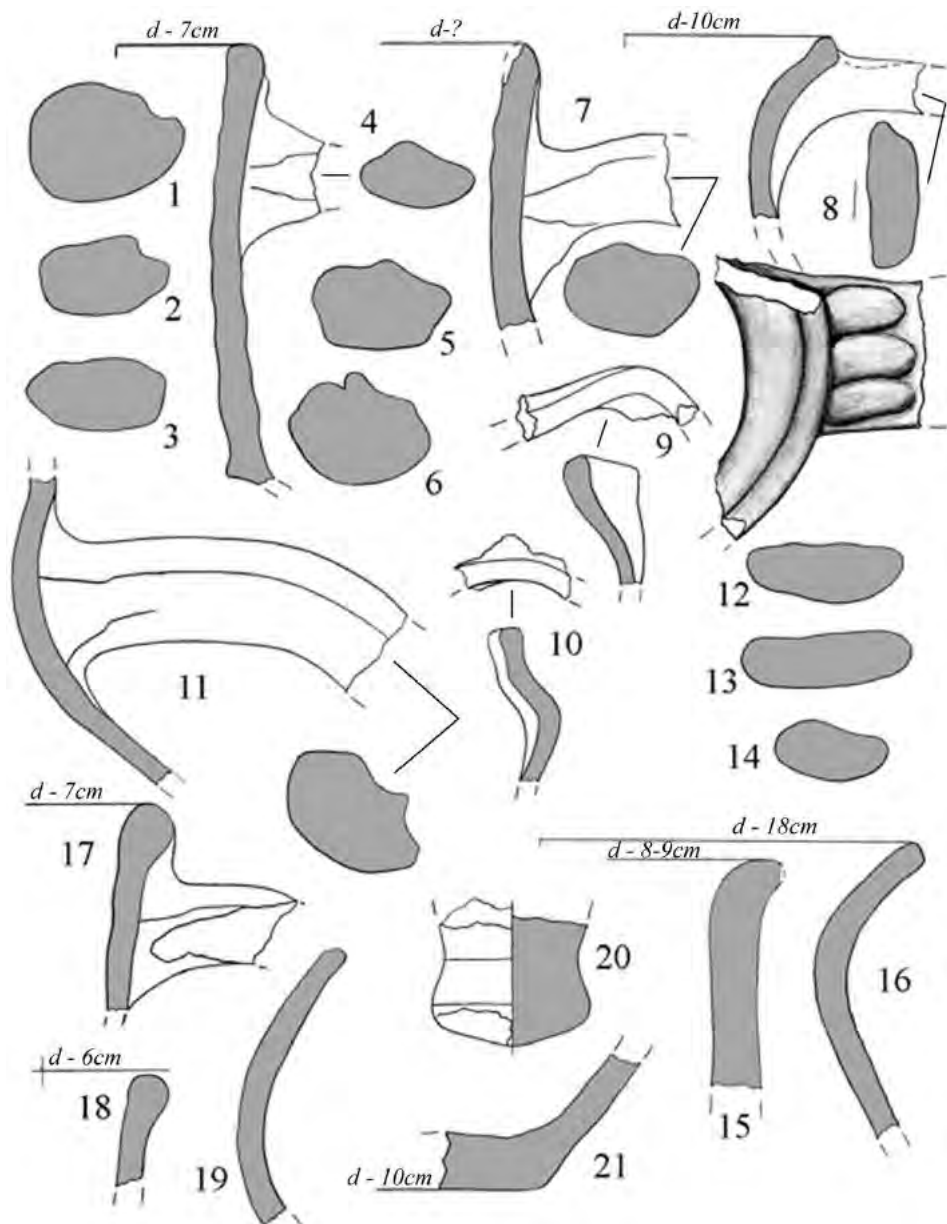

Рис. 142. Крепость на плато Эски-Кермен. Участок восточной оборонительной стены. Раскоп 2006-2007 гг. Керамика из верхнего слоя нивелировочной подсыпки.
 1,6,11,15 – фрагменты амфор типа Якобсон 9 или LR 1; 2-5,7,17 – фрагменты амфор 5 типа по херсонесской классификации; 8 – фрагмент кувшина с воронковидным горлом; 9,10 – фрагменты гончарных ойнохой; 12,13 – фрагменты амфор с сужением корпуса типа Якобсон 7; 14 – фрагмент амфоры типа Зеест 95; 16,19,21 – фрагменты лепных сосудов; 18 – венчик красноглиняного кувшина; 20 – ножка красноглиняной амфоры

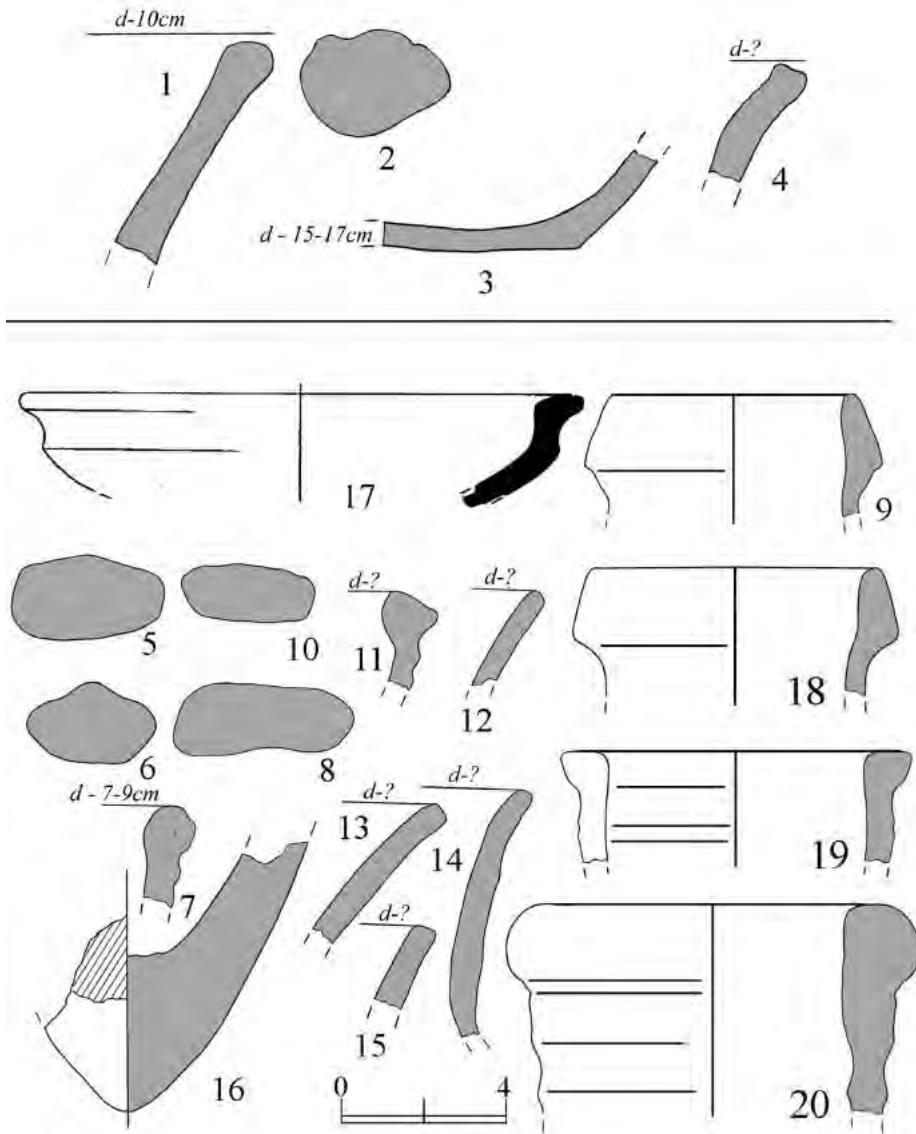

Рис. 143. Крепость на плато Эски-Кермен.

Участок восточной оборонительной стены. Раскоп 2006-2007 гг.

1-4 – керамика из нивелировочного слоя известняковой крошки

(1 – горло амфоры типа Якобсон 9 или LR 1; 2 – ручка амфоры типа Якобсон 1;

3,4 – фрагменты лепных сосудов); 5-20 – керамика из темно-коричневого нивелировочного слоя

(5,20 – фрагменты красноглиняных амфор; 6,7 – фрагменты амфор 5 типа по херсонесской

классификации; 8, 9, 18 – фрагменты амфор с сужением корпуса типа Якобсон 7;

10,11,19 – фрагменты гончарных кувшинов; 12-15 – фрагменты лепных сосудов;

16 – дно амфоры типа Якобсон 1; 17 – фрагменты краснолаковой миски,

покрытой светло-розовым лаком)

*Рис. 144. Крепость на плато Эски-Кермен. Вырубленные в скале зерновые склады.
1 – раскопки Н. И. Репникова 1937 г.; 2 – современный вид, фото А. И. Айбабина*

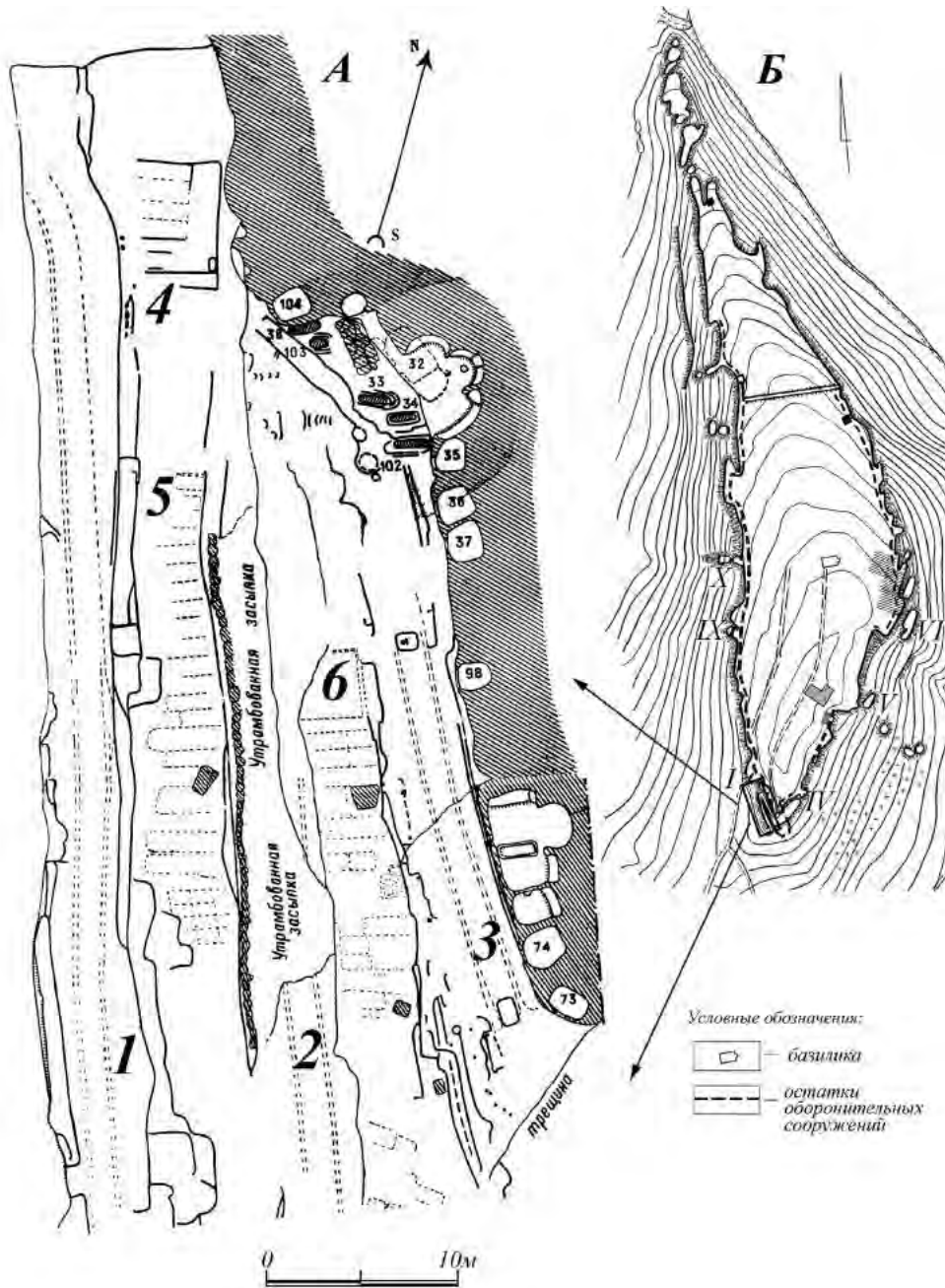

Рис. 145. Крепость на плато Эски-Кермен. А – участок подъемной дороги (1-3 – марши подъемной дороги; 4-6 – участки между маршами, где добывался камень); Б – ситуационный план (римскими цифрами обозначены номера башен)

Рис. 146. Крепость на плато Эски-Кермен. Каменоломня около нижнего (первого) марша подъемной дороги. А – вид с запада, со стороны подъемной дороги; Б – вид с востока, с вершины плато

Рис. 147. Крепость на плато Эски-Кермен. Каменоломня около нижнего (первого) марша подъемной дороги. Общій вид с севера, с вершины плато

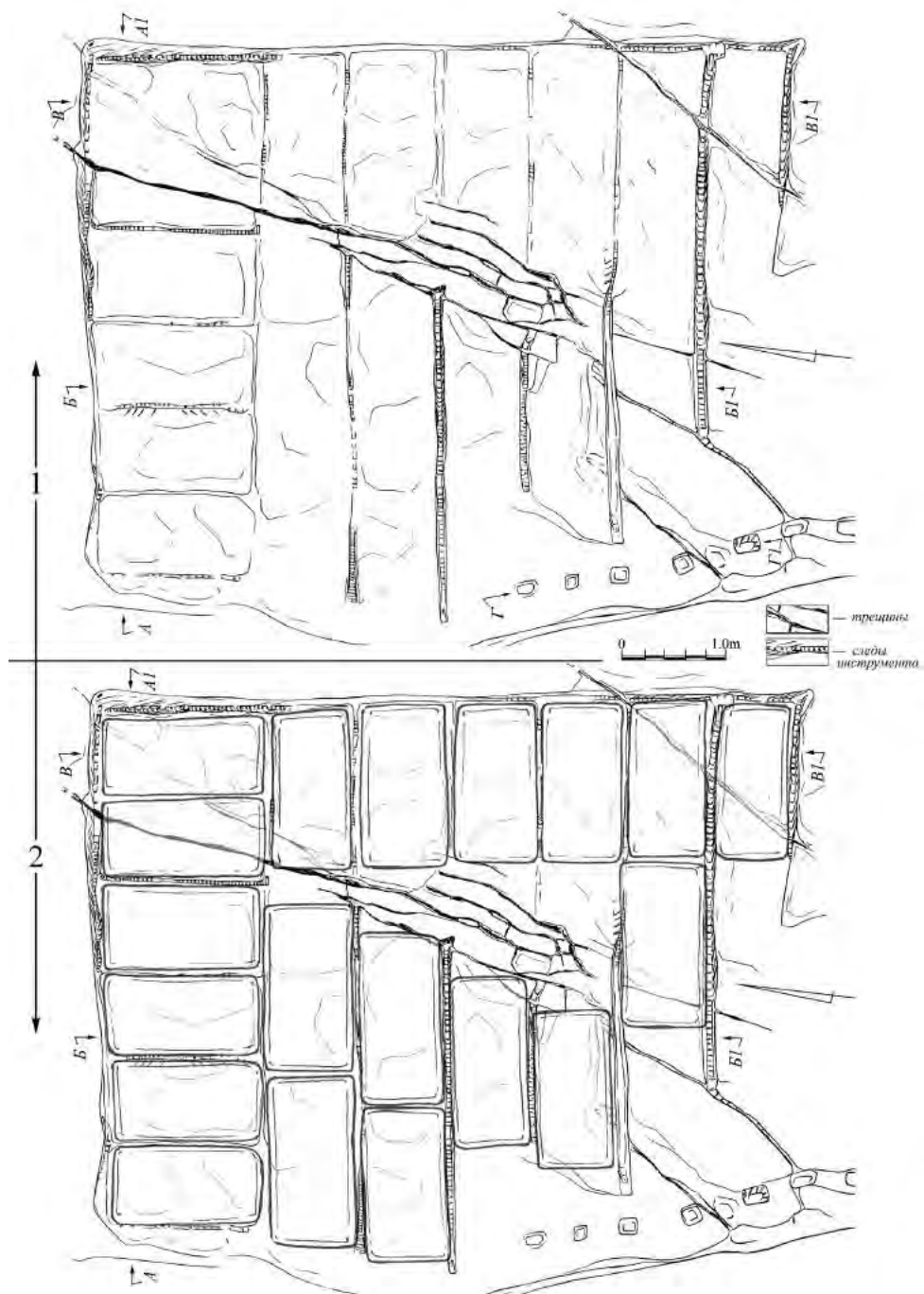

Рис. 148. Крепость на плато Эски-Кермен. Каменоломня. 1 - общий план;
2 - общий план с реконструкцией выбранных блоков

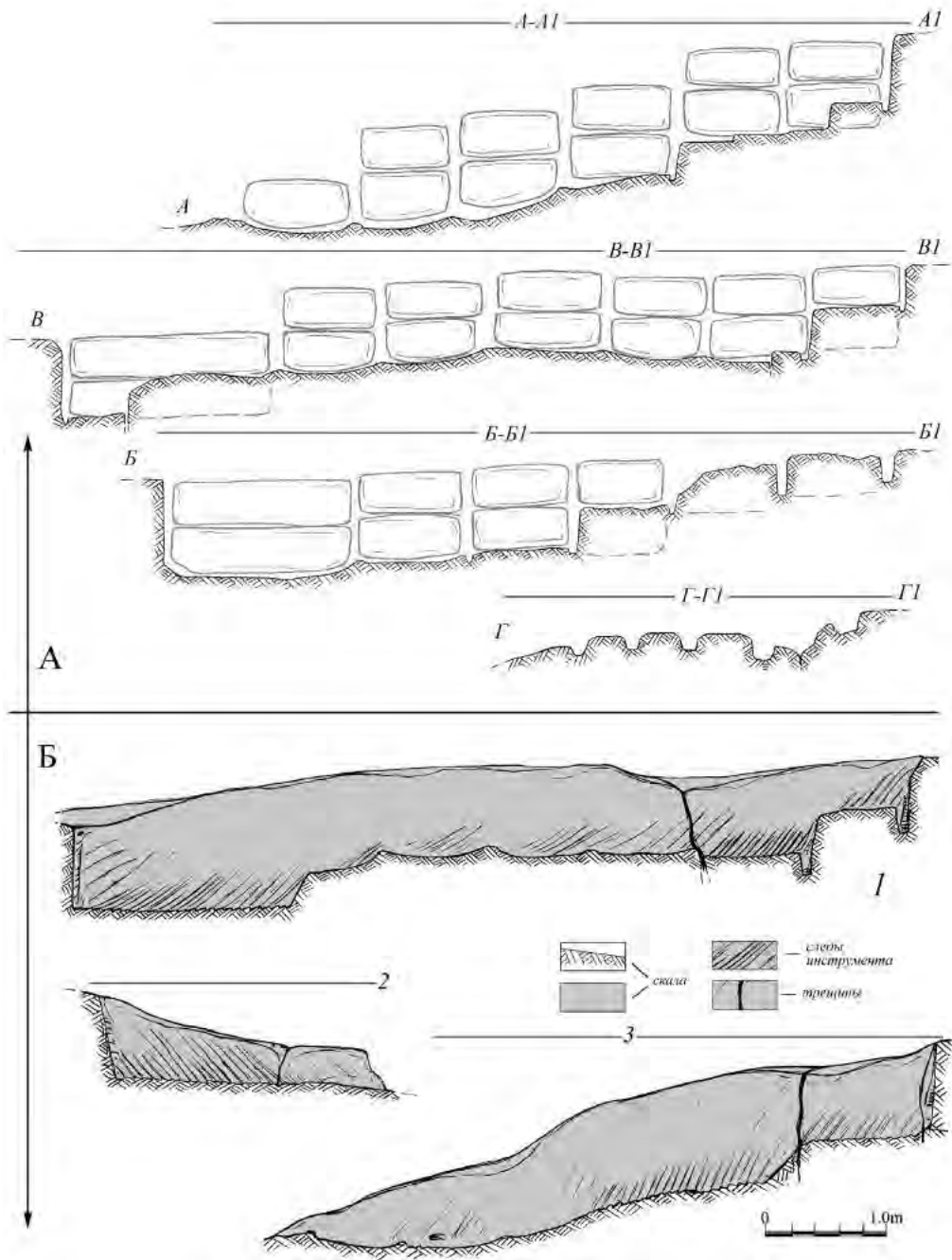

Рис. 149. Крепость на плато Эски-Кермен. Каменоломня.
А – разрезы к общему плану с реконструкцией выбранных блоков;
Б – фасировка бортов (1 – восточный борт; 2 – южный борт; 3 – северный борт)

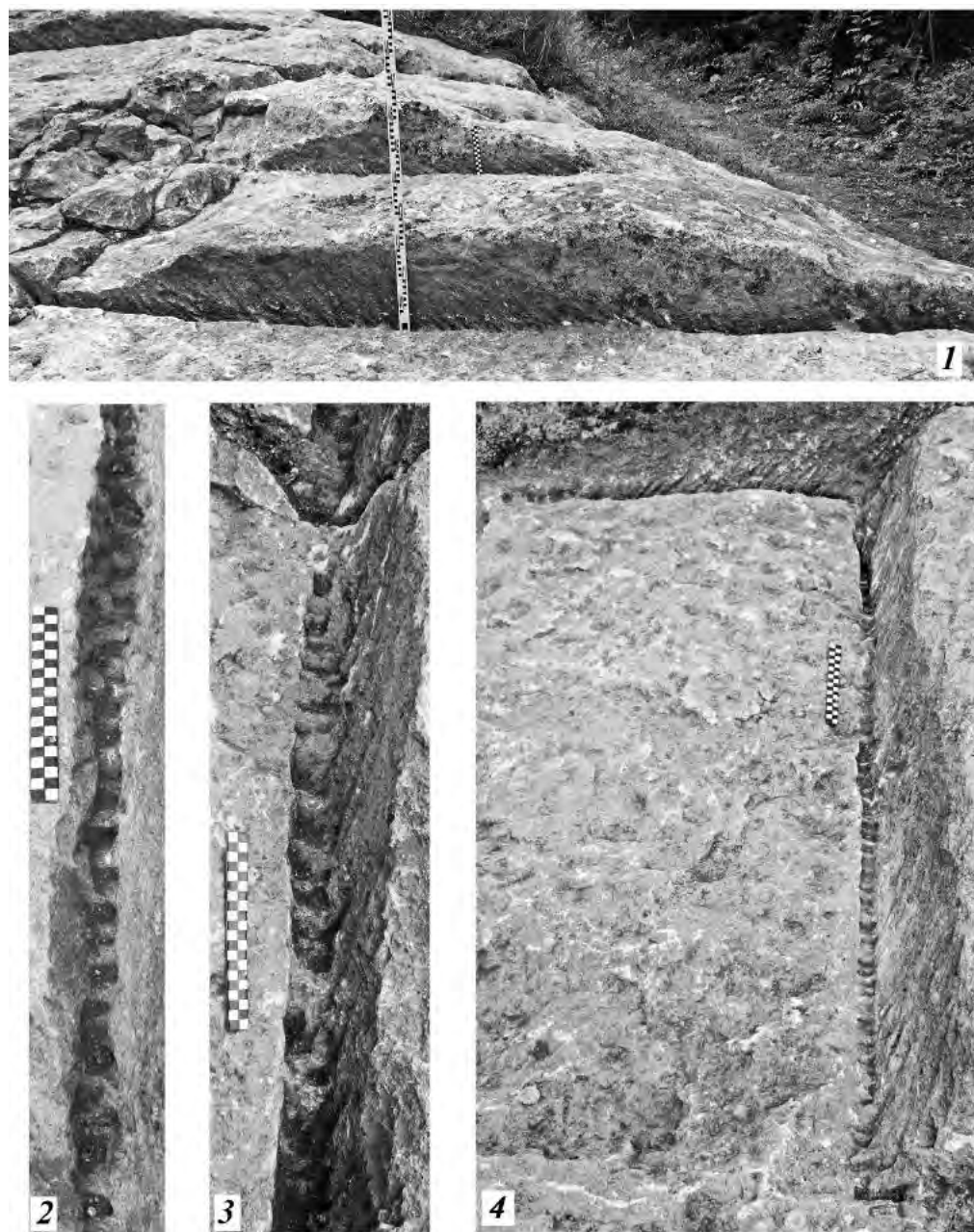

Рис. 150. Крепость на плато Эски-Кермен. Каменоломня. Невыбранные блоки в юго-западной части, вид с северо-запада (1) и следы инструмента на скальной поверхности (2-4)

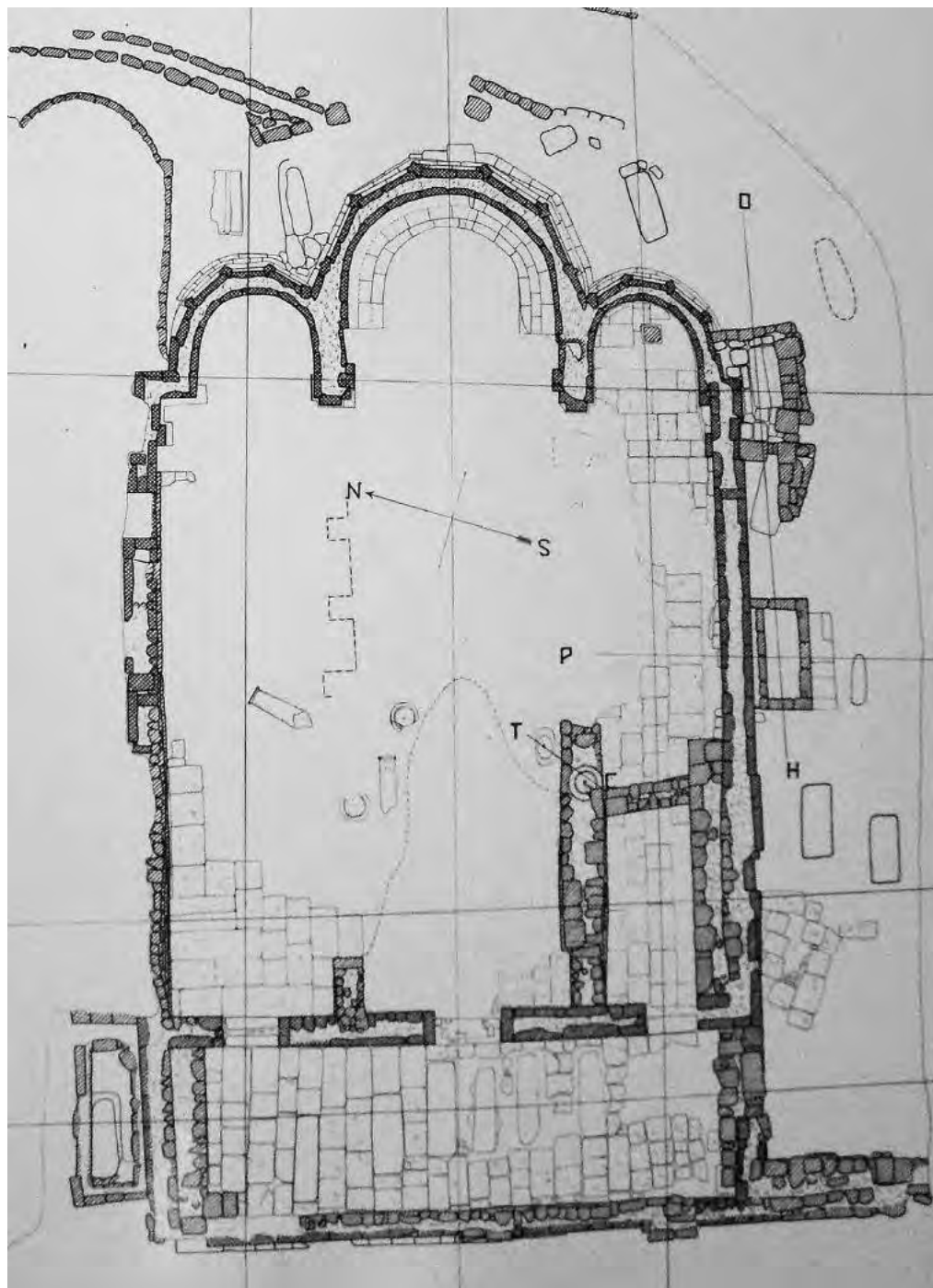

Рис. 151. Крепость на плато Эски-Кермен. План базилики.
[по Шмит, 1932, рис. 56]

*Рис. 152. Крепость на плато Эски-Кермен. Базилика, раскопки Ф. И. Шмита 1930 г.
1 – вид на базилику с запада; 2 – восточная часть базилики, вид с северо-запада*

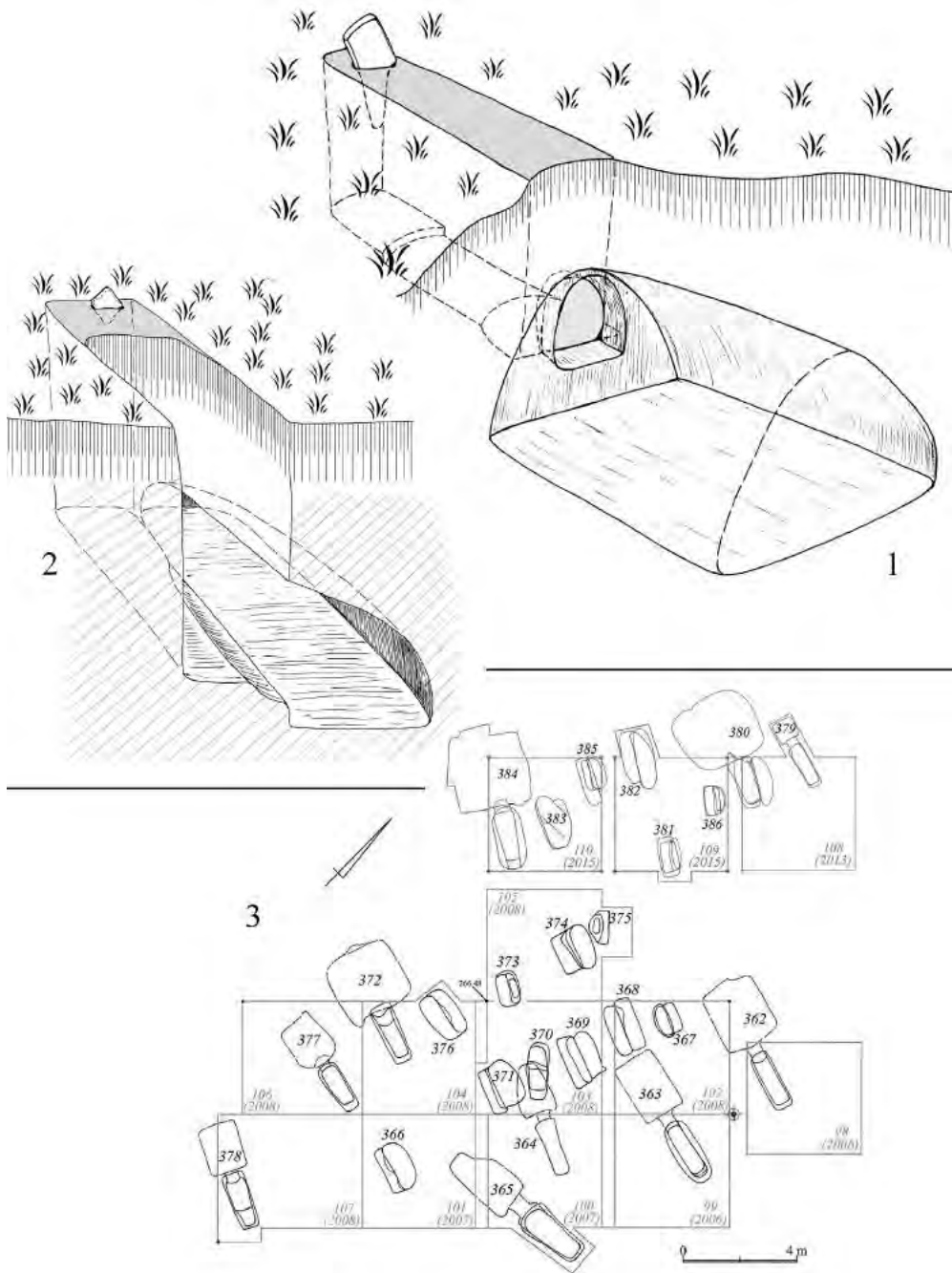

Рис. 153. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. 1,2 – реконструкция погребальных сооружений; 3 – план раннего участка, исследованного в 2006-2008, 2013 и 2015 гг.

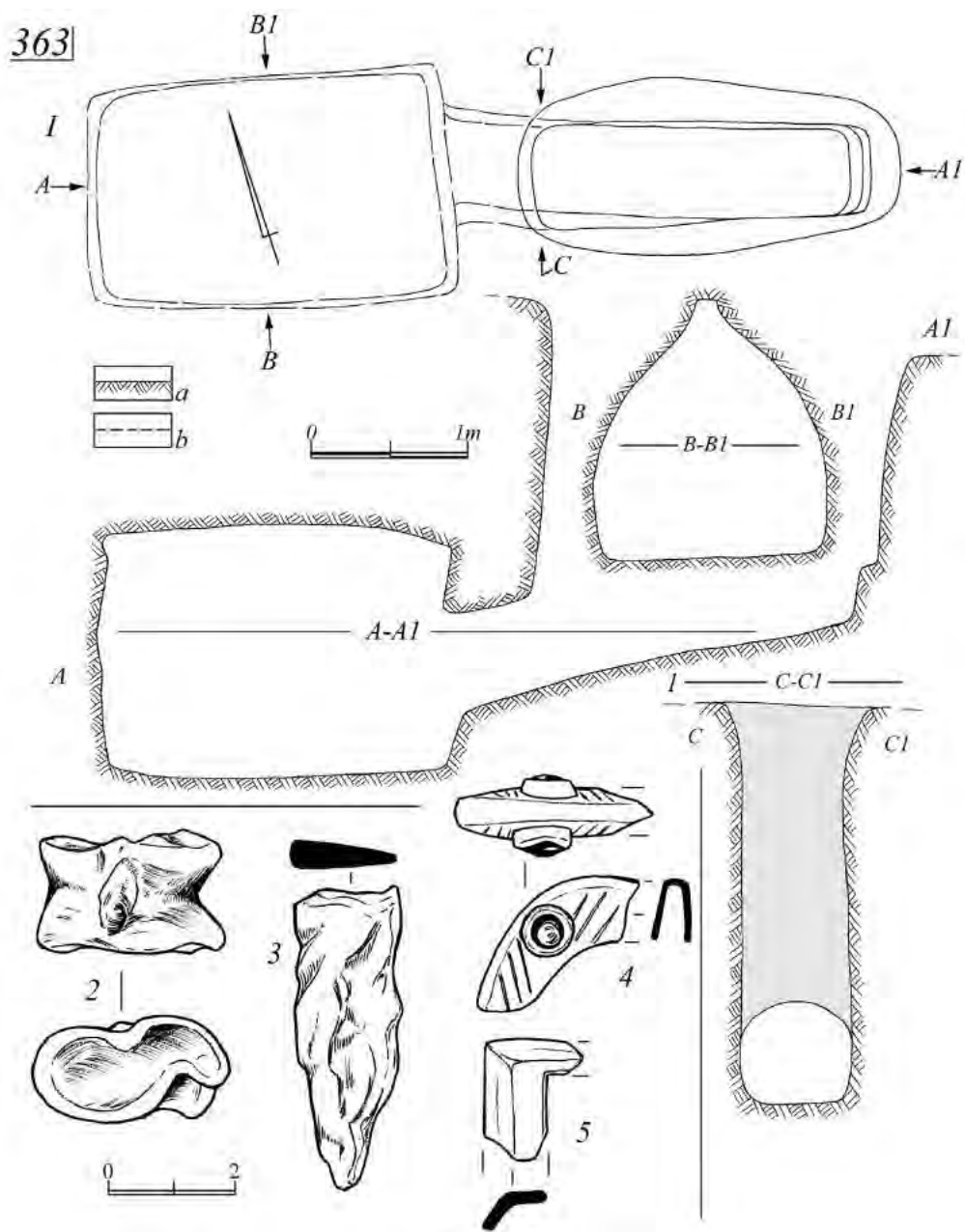

Рис. 154. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Склеп 363.
 I – план склепа, разрезы к плану и фасировка борта дромоса с входом в камеру;
 2-5 – находки из склепа

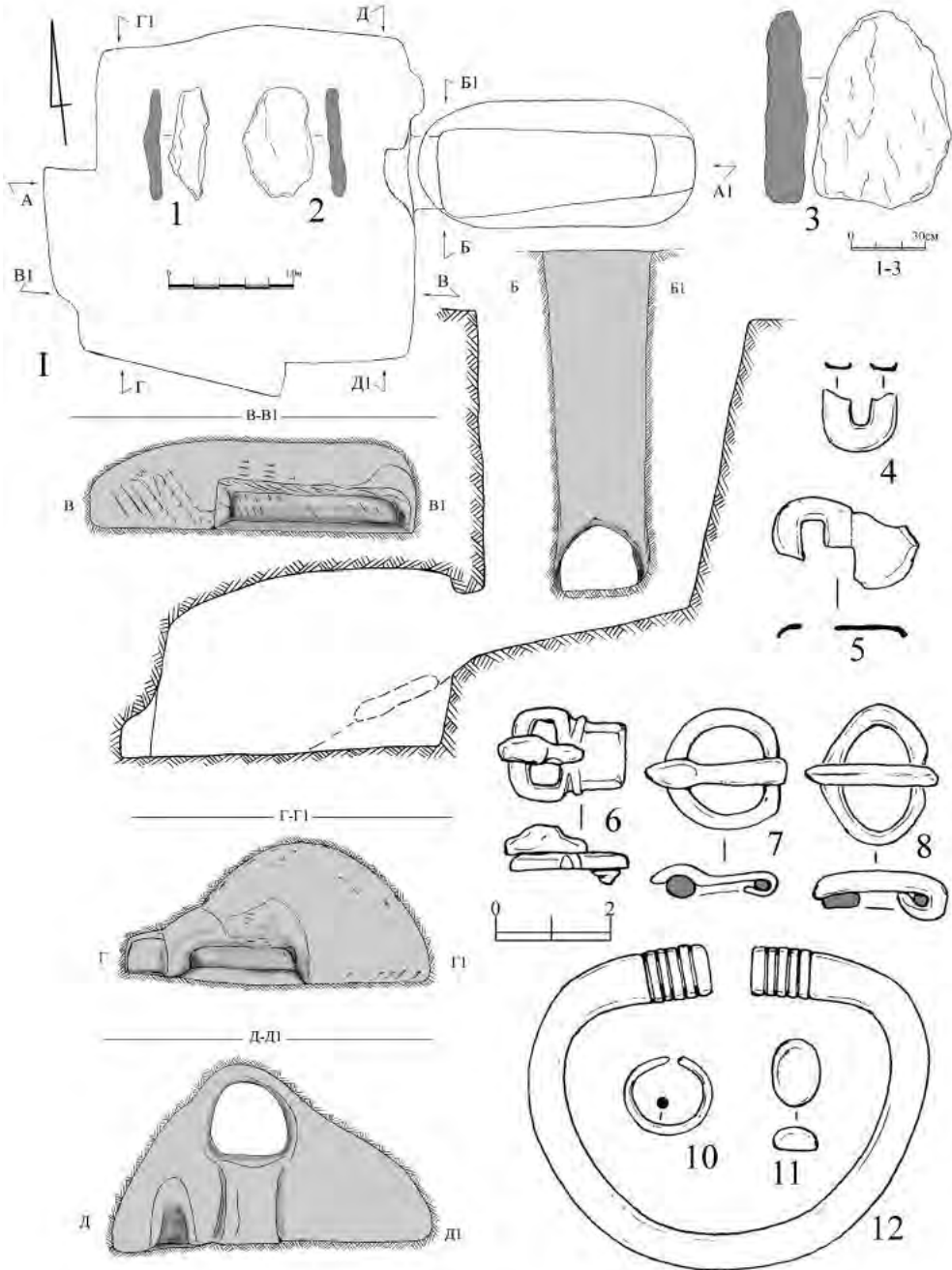

Рис. 155. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Склеп 384. I – план склепа, разрезы к плану, фасировки борта дромоса с входом в камеру и стенок камеры; 1-3 – закладные плиты; 4-12 – находки из склепа

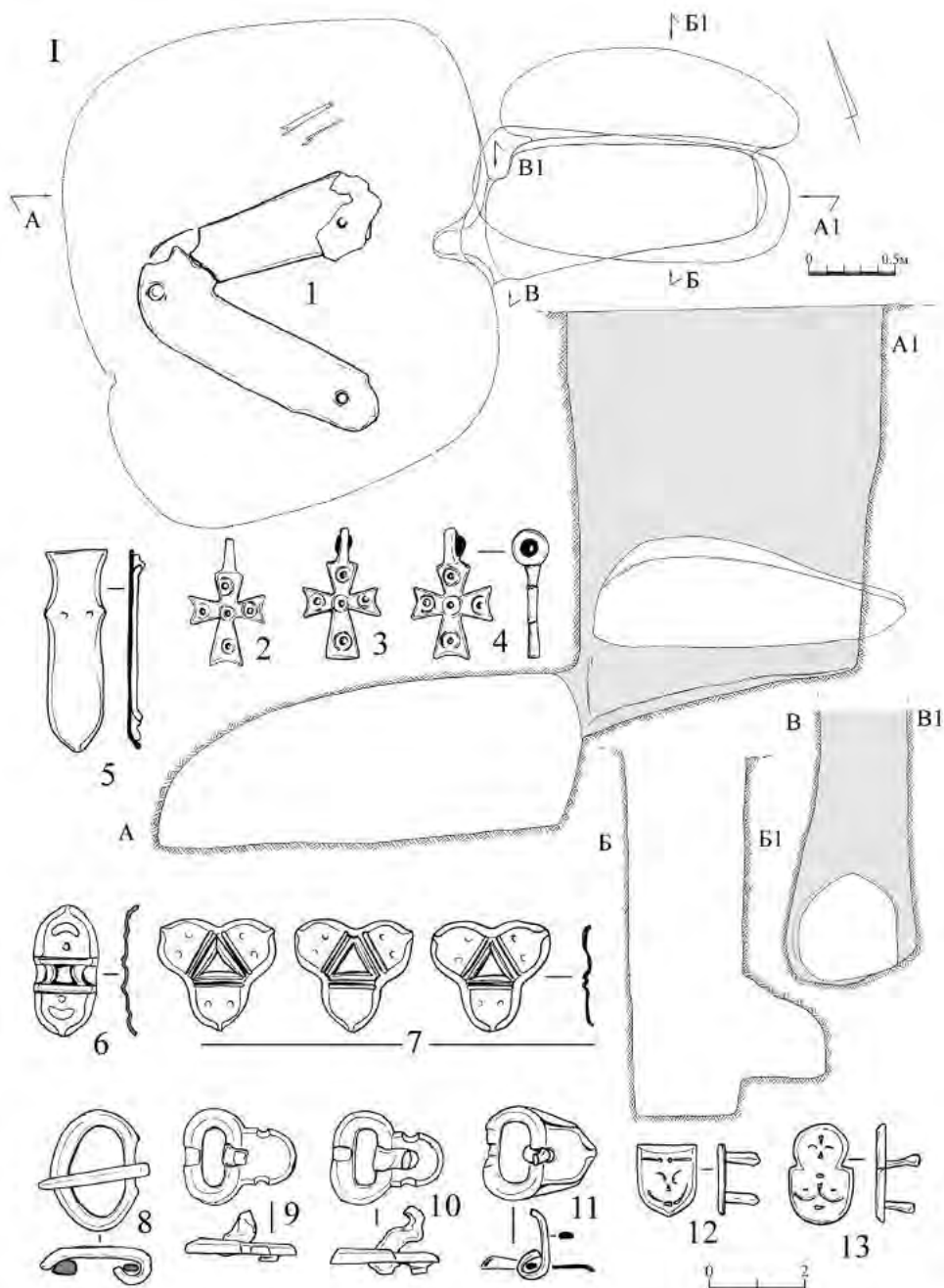

Рис. 156. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Склеп 380. I – план склепа, разрезы к плану, фасировки бортов дромоса с входом в камеру и с нишей - подбоем; 1-13 – находки из склепа

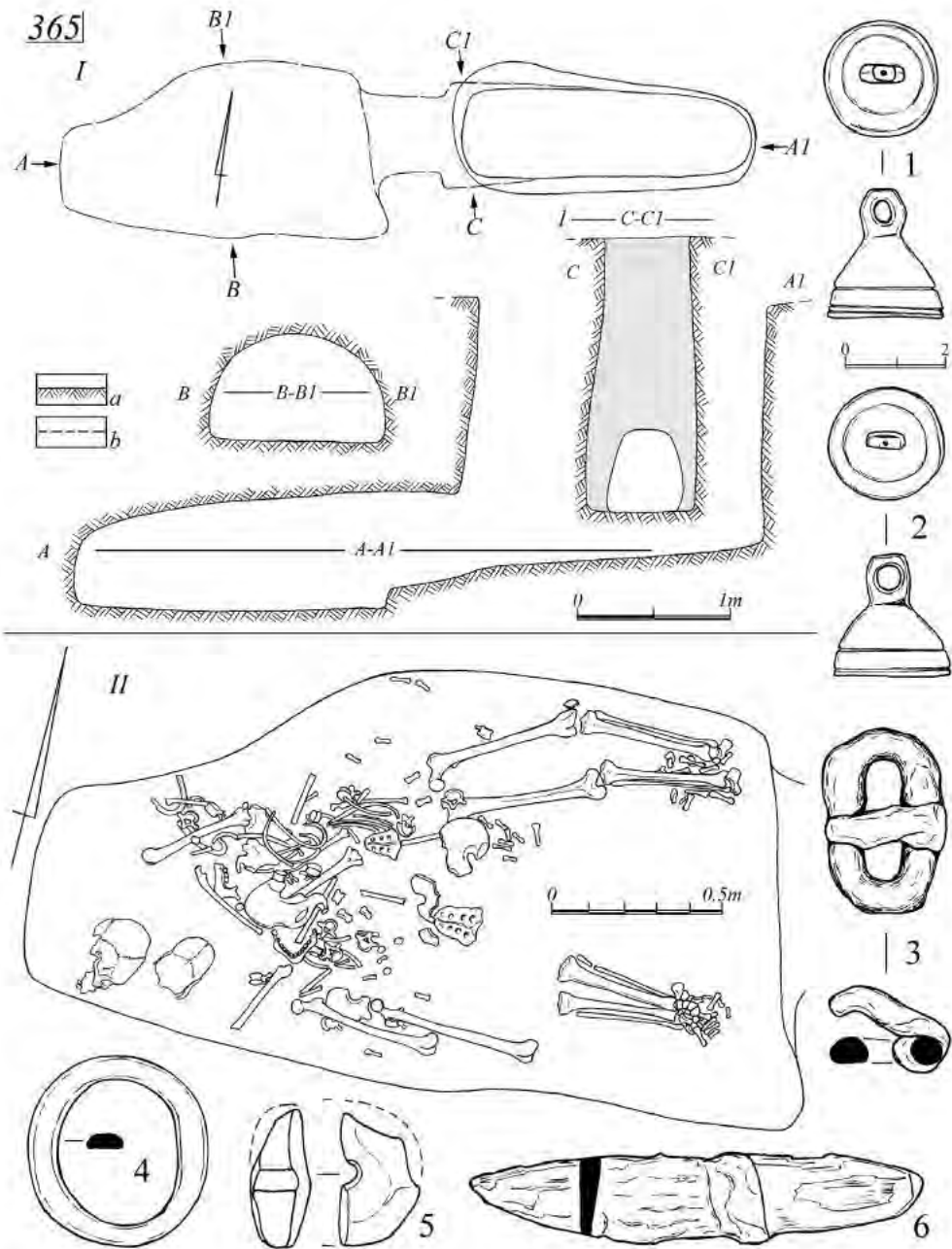

Рис. 157. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Склеп 365.
 I – план склепа, разрезы к плану и фасировка борта дромоса с входом в камеру;
 II – план камеры склепа с погребениями; 1-6 – находки из склепа

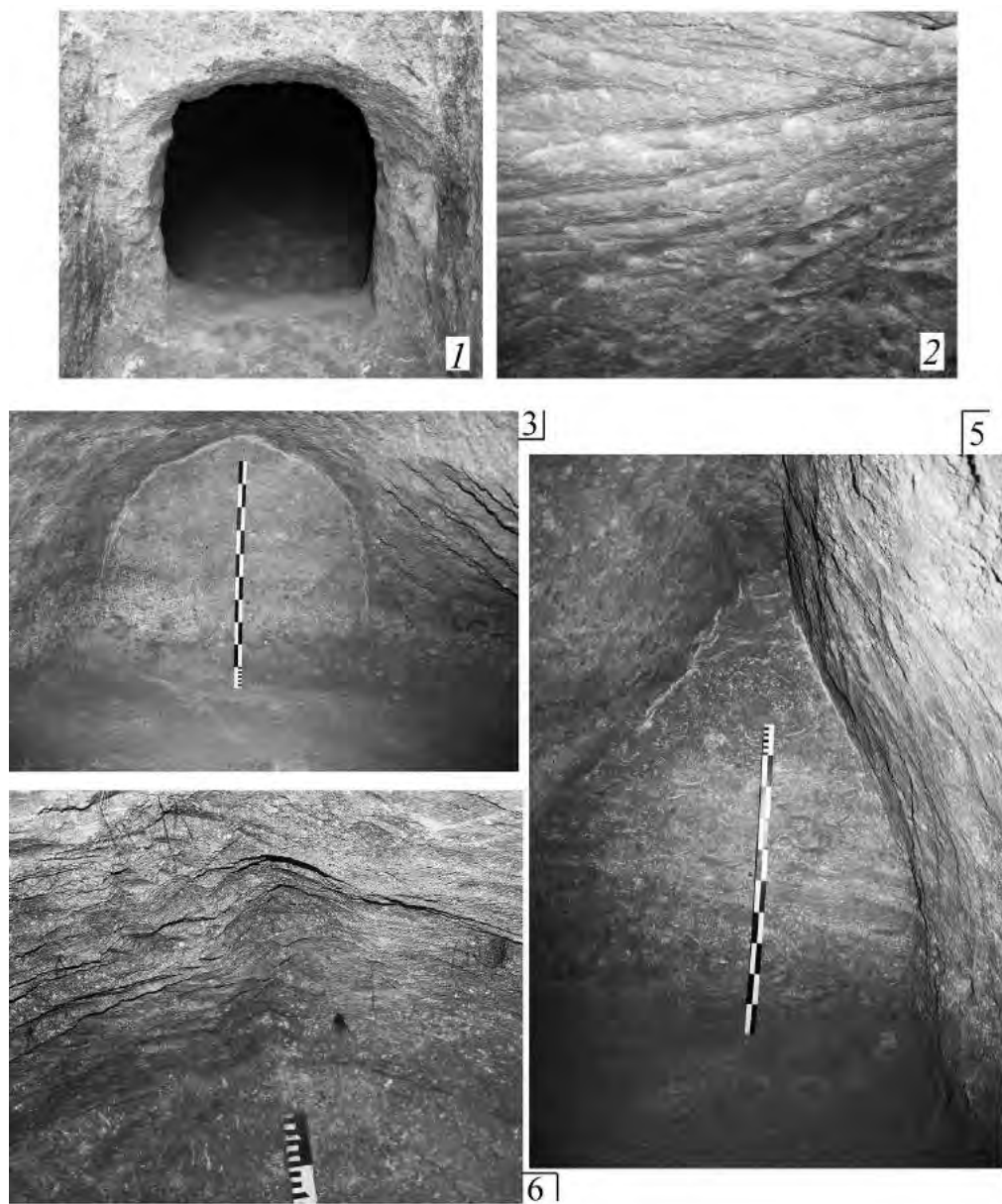

Рис. 158. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Вход в камеру склепа 364 (1), внутренний вид камер 362 и 363 (3,5)
и следы инструментов на стенах и своде камер склепов 364 и 384 (2,6)

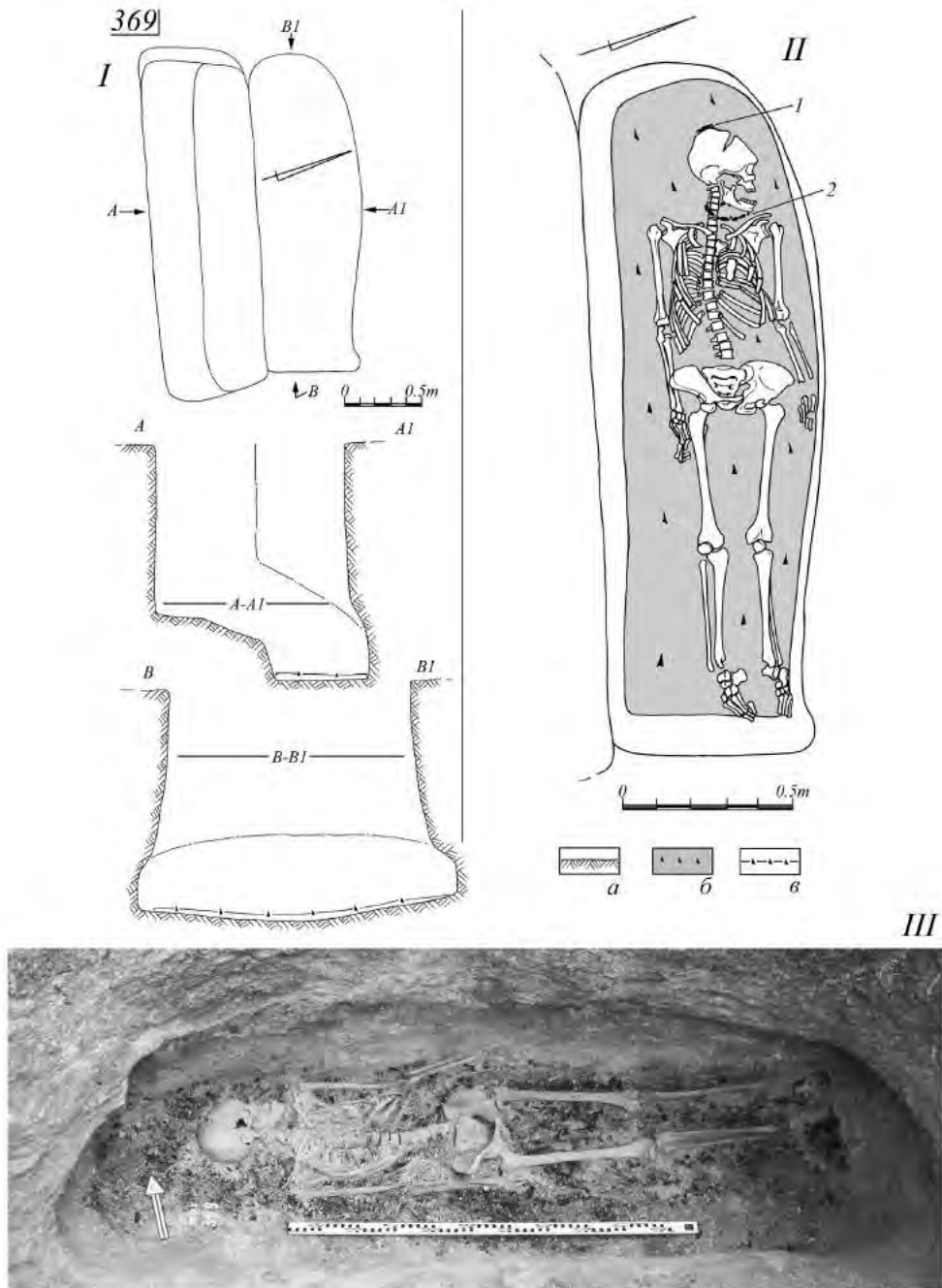

Рис. 159. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Подбойная могила 369. I – план могилы и разрезы к плану; II – план погребения (а – материковая глина; б, в – угольная подсыпка); III – фото погребения, вид с юга

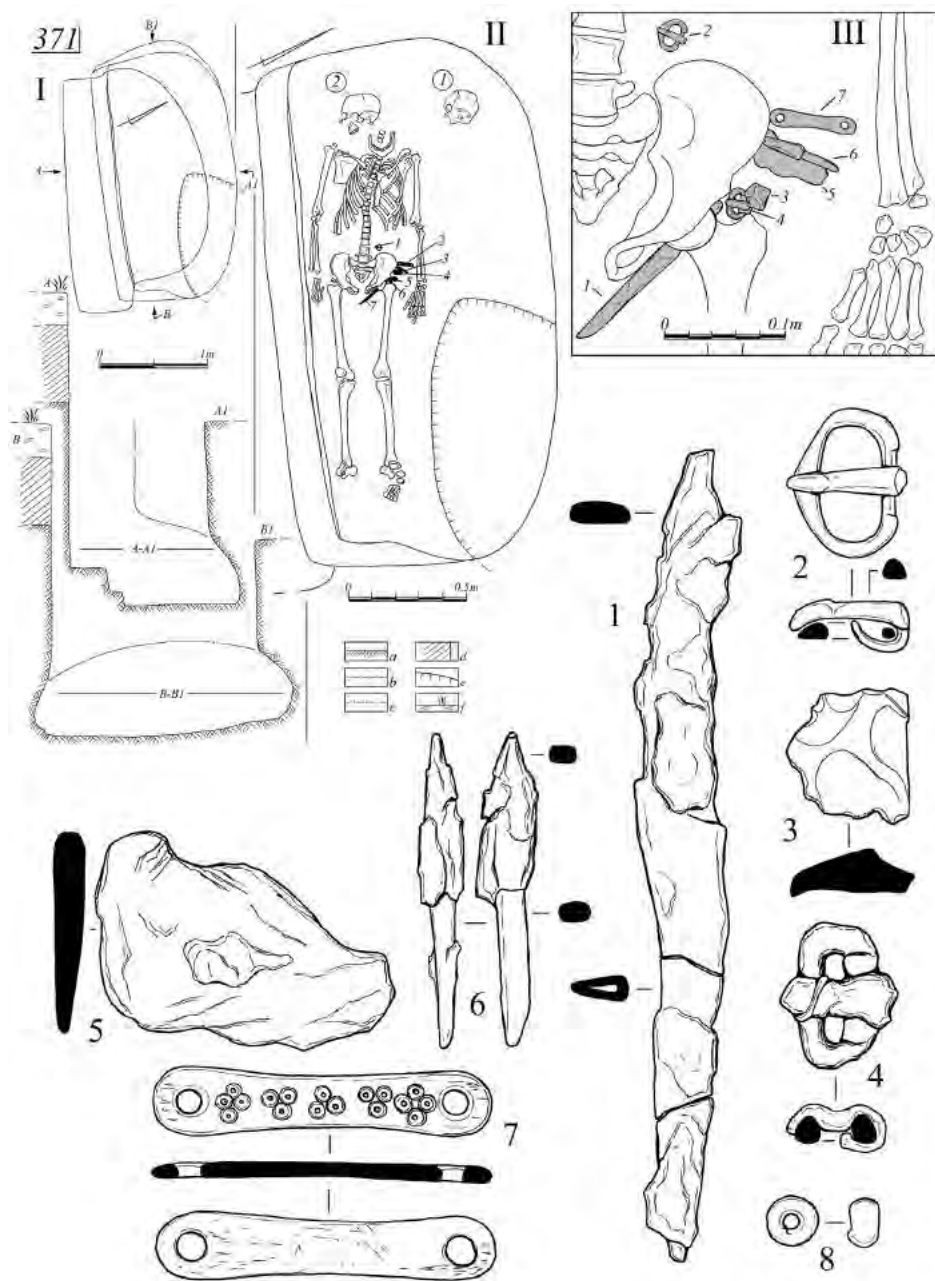

Рис. 160. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
 Подбойная могила 371. I – план могилы и разрезы к плану; II – план погребения
 (а – материковая глина; б, в – угольная подсыпка); III – расположение находок
 в погребении in situ; 1-8 – находки из погребения

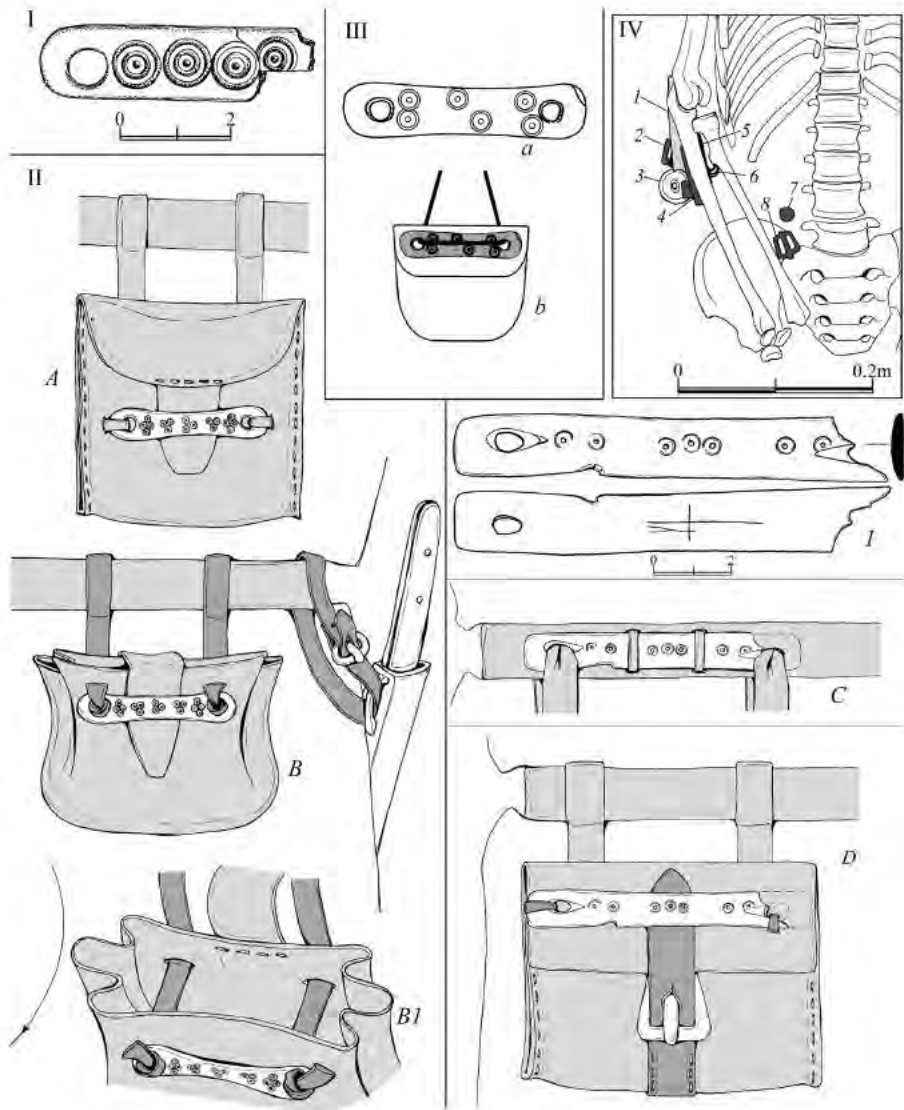

Рис. 161. Костяные пластинчатые накладки из Крыма (I, II, IV) и из Подунавья (III) и возможные варианты их использования.

I – Суук-Су, могила 89 [по Репников, 1906, рис. 65]; II – Эски-Кермен, подобная могила 371 (A, B – варианты реконструкции поясной сумки с использованием пластинчатой костяной накладки); III – Големаново Кале (b – реконструкция поясной сумки с костяной накладкой) [по Uenze, 1992, 195, Abb. 16]; IV – Керчь, Босфорский переулк, могила 63, расположение вещей в погребении (1 – костяная пластинчатая накладка; 2 – железная пряжка; 3 – подставка под ножку стеклянной рюмки; 4 – кресало с кремнем; 5 – шило железное; 6 – бронзовые рыболовные крючки; 7 – монета бронзовая; 8 – пряжка железная, поясная) и варианты реконструкции использования костяной накладки на поясе (C) и на поясной сумке (D)

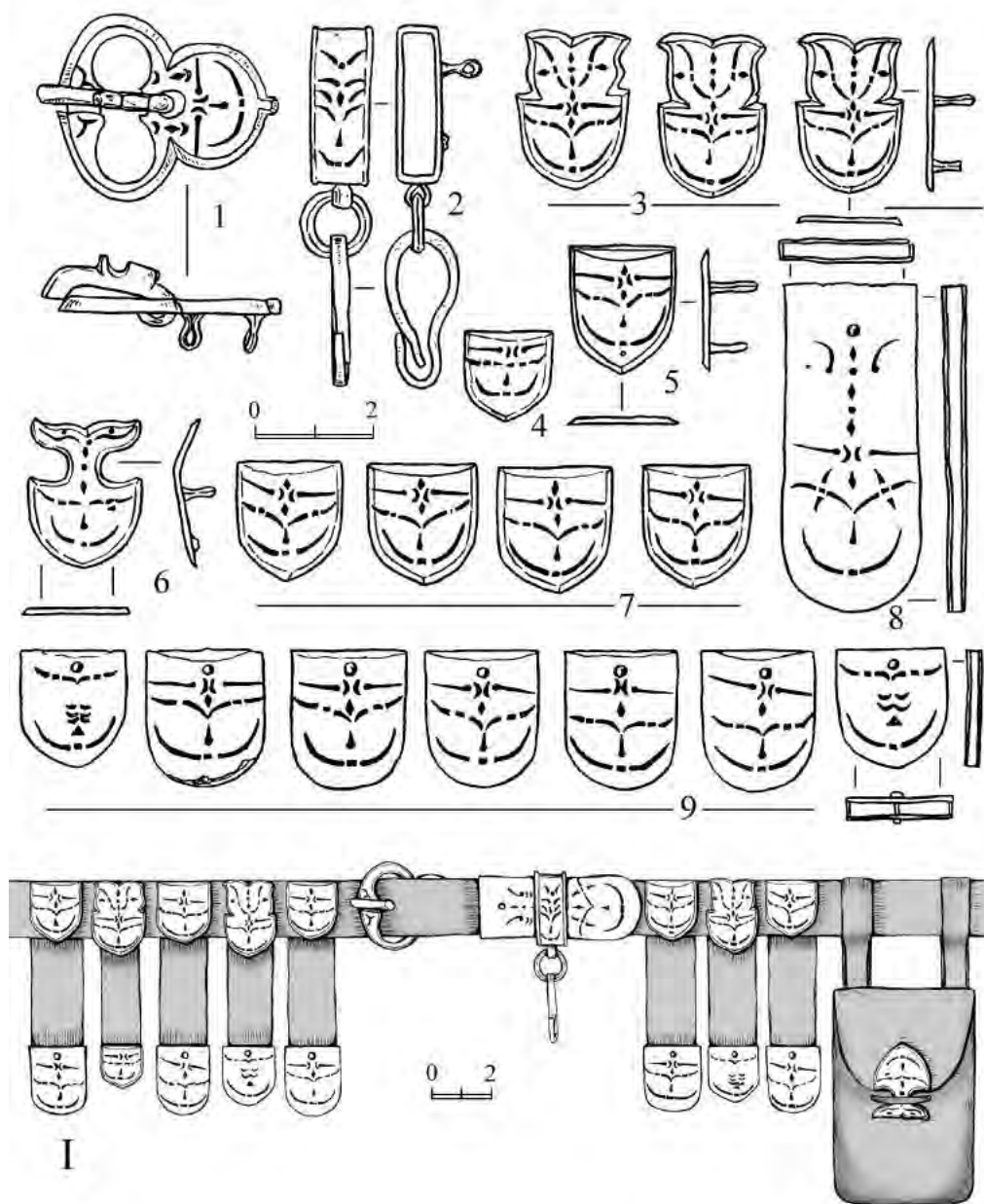

Рис. 162. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Геральдический поясной набор из склепа 273, погребения 1.
1-9 – детали поясного набора; I – вариант реконструкции пояса
(реконструкция Э. А. Хайрединовой)

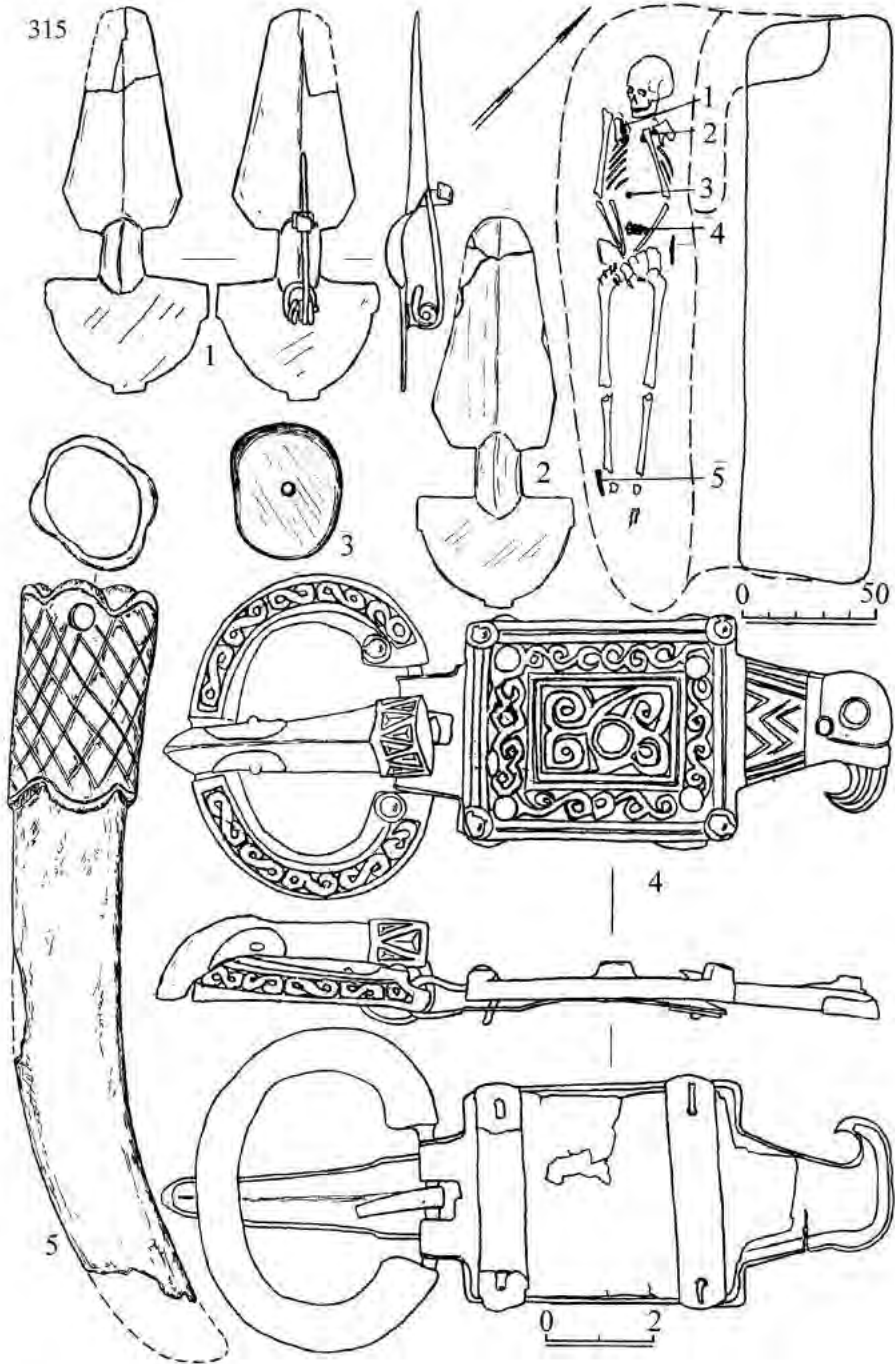

Рис. 163. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Подбойная могила 315. I – план могилы и погребения; 1-5 – находки из погребения

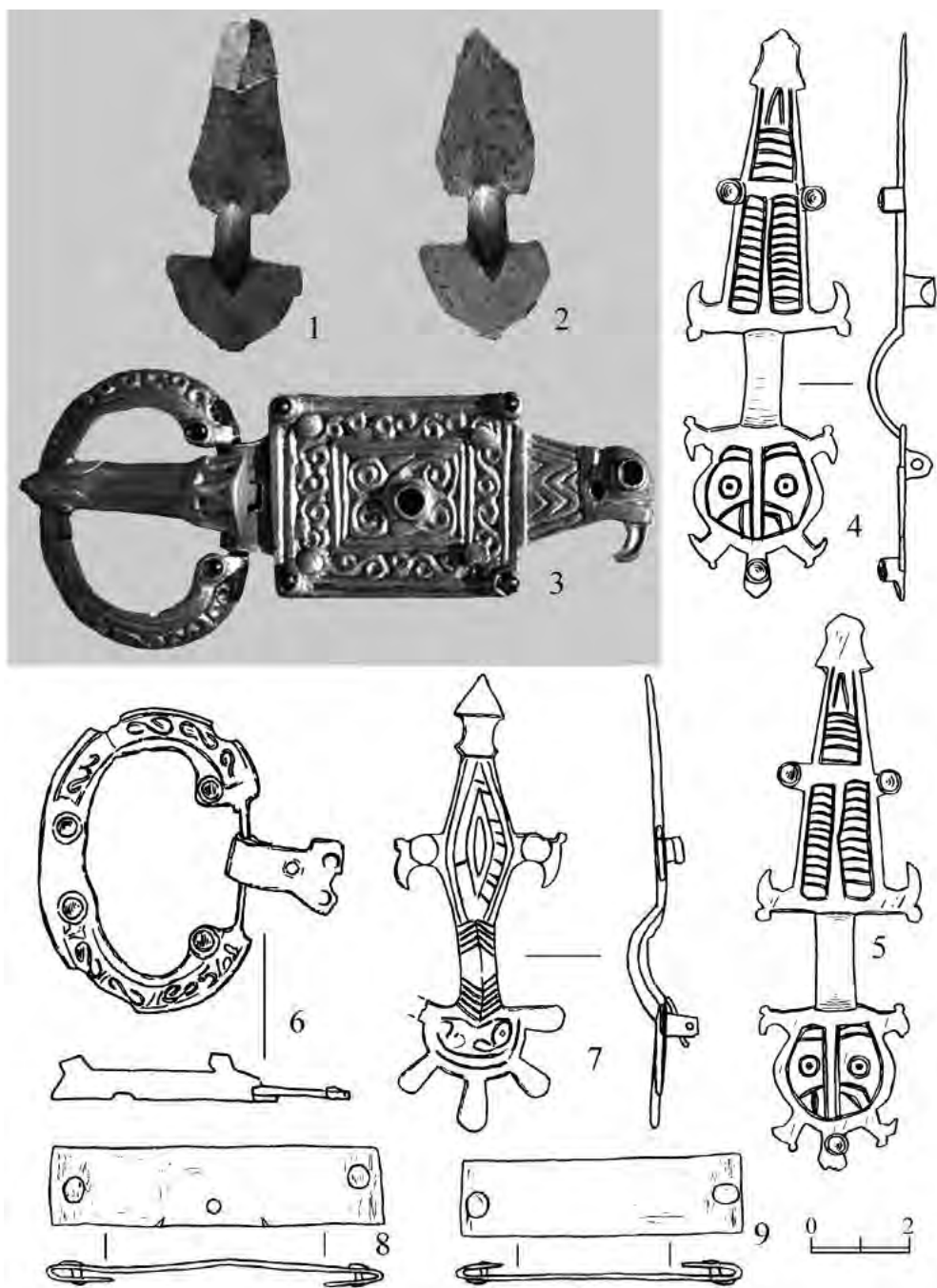

Рис. 164. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Детали женского восточногерманского костюма. 1-3 – подбойная могила 371.
4,5 – склеп 257, погребение 5; 6 – склеп 81; 7 – склеп 299; 8,9 – склеп 259

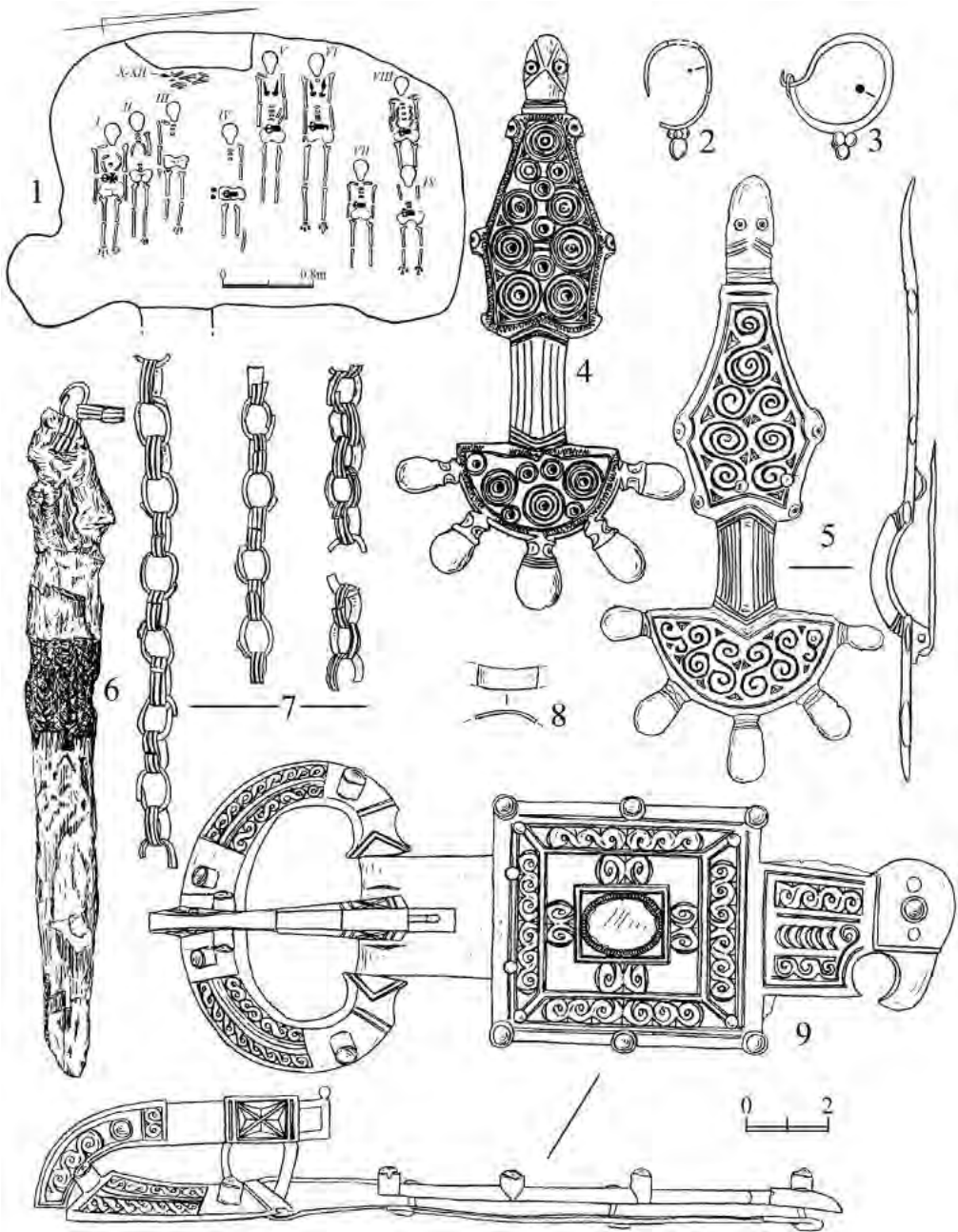

Рис. 165. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Склеп 257. 1 – план камеры склепа с погребениями; 2-9 – находки из женского захоронения 6

Рис. 166. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен.
Склеп 257, женское захоронение б. 1-10 – византийские крест и украшения из ожерелья;
А – реконструкция убора погребенной (реконструкция Э. А. Хайрединовой)

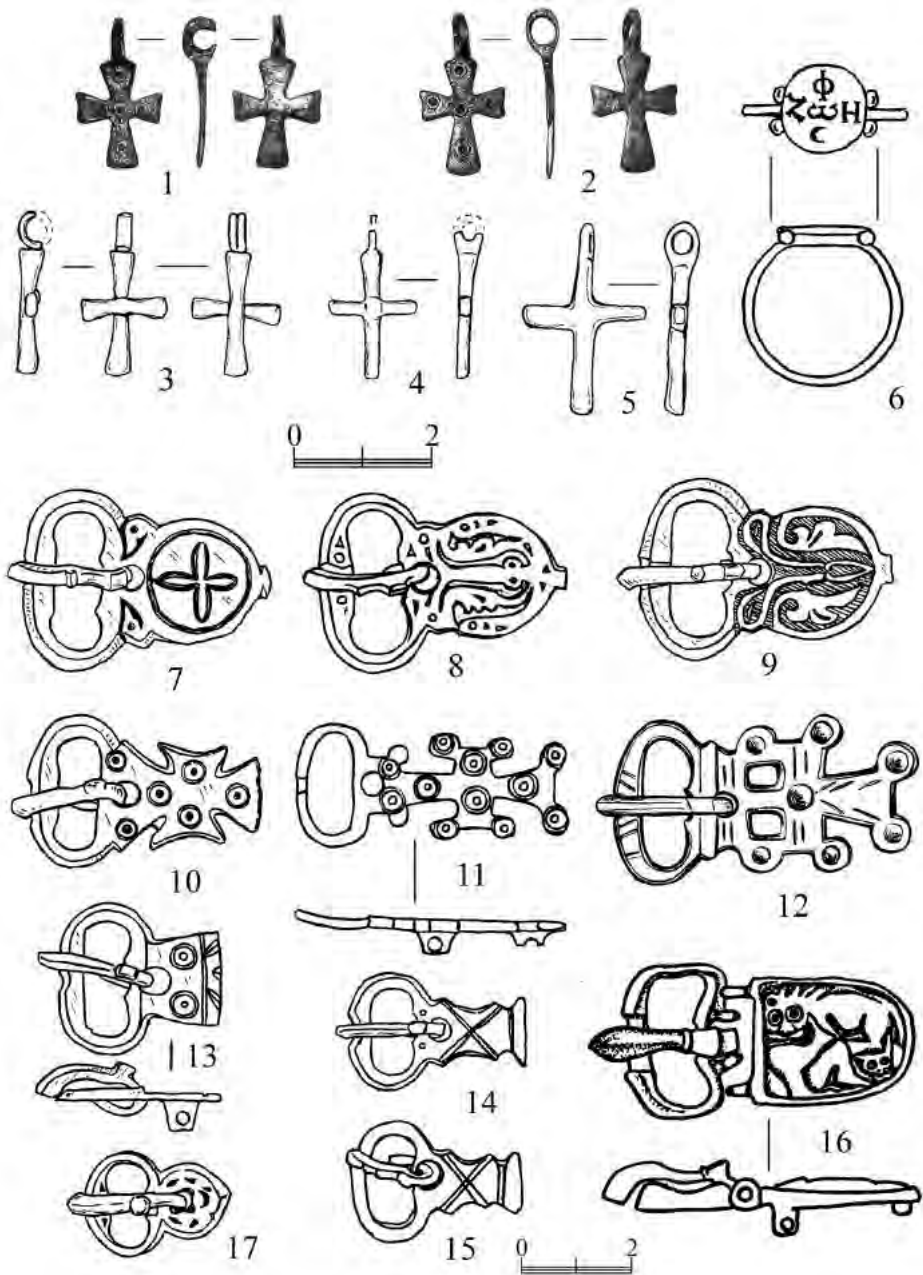

Рис. 167. Некрополь на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен. Византийские кресты (1-5), перстень (6) и пряжки из погребений (7-16). 1,2 – склеп 335; 3 – склеп 224; 4 – склеп 338; 5 – склеп 249; 6 – склеп 273; 7,9,10,12,14,17 – склеп 257; 8 – склеп 307; 11 – склеп 291; 13 – склеп 259; 15 – склеп 310; 16 – склеп 192

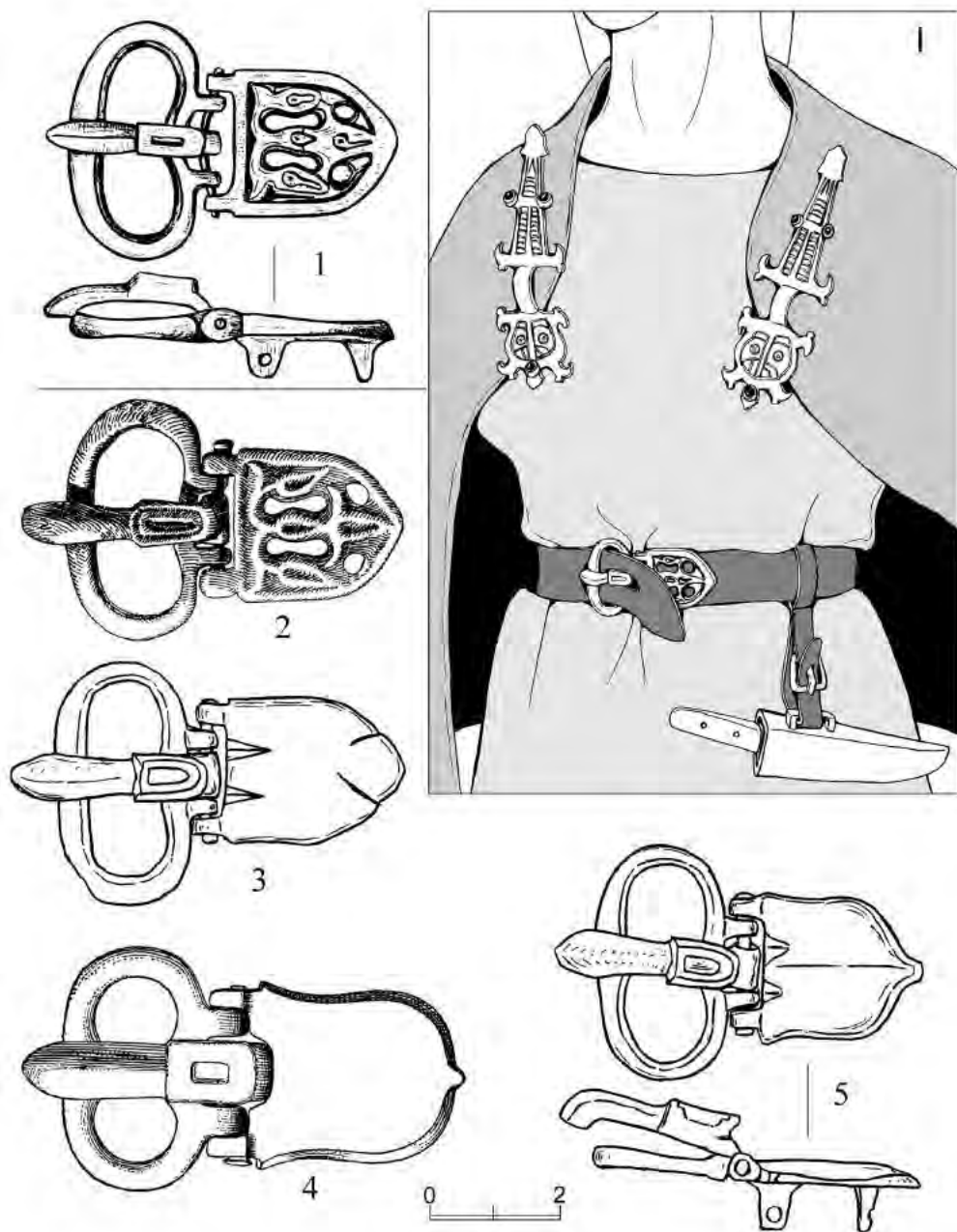

Рис. 168. Византийские шарнирные пряжки из Юго-Западного Крыма.
1,1-3,5 – Эски-Кермен (1,1 – склеп 257, погребение 5,
реконструкция одеяния погребенной; 2 – склеп 41; 3,5 – склеп 257);
4 – Бал-Гота, могила 10

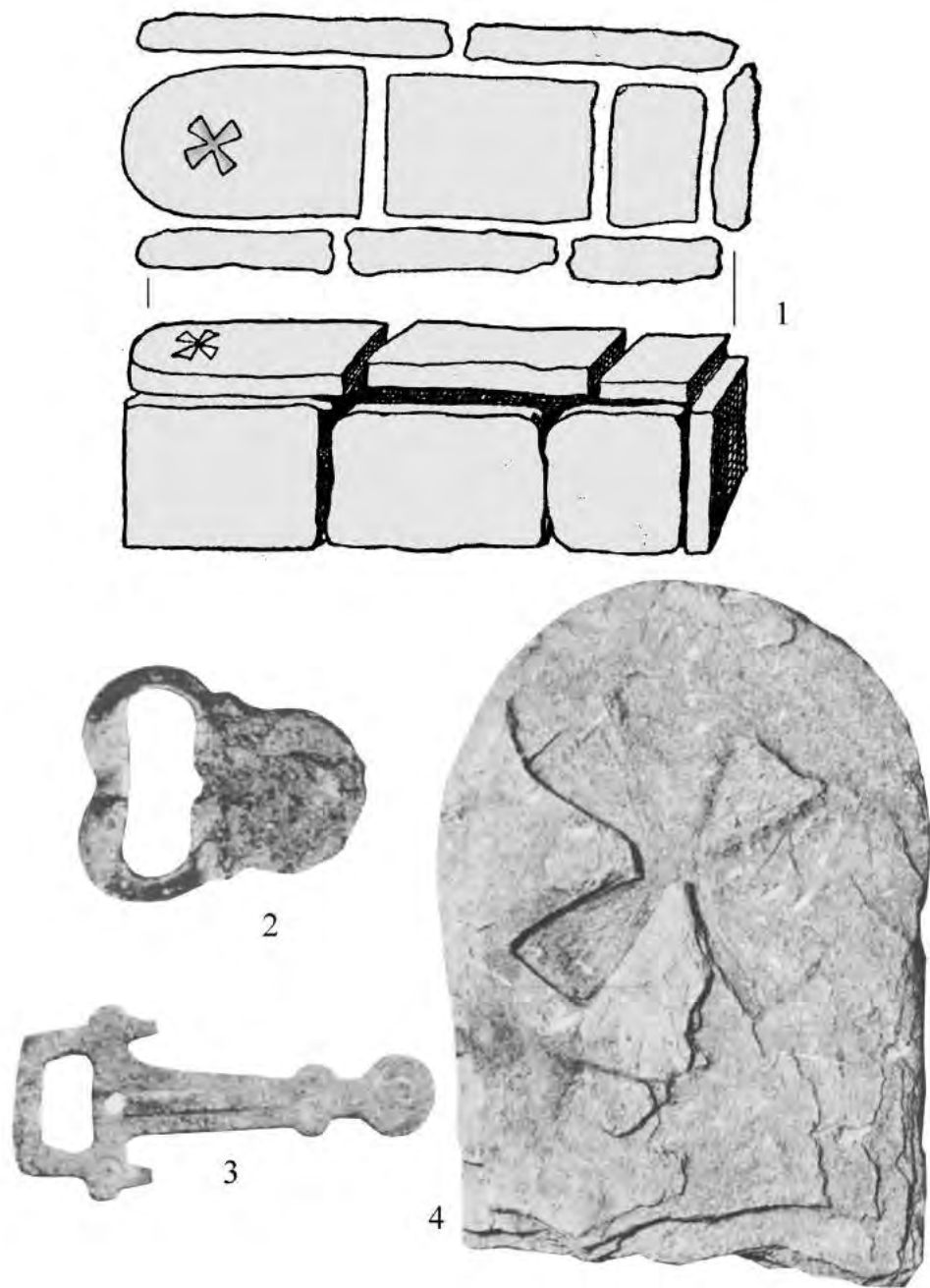

Рис. 169. Могильник Суук-Су. Плитовая могила 2 VII в.
1 – плитовое перекрытие могилы; 2,3 – инвентарь из погребения;
4 – плита с крестом из перекрытия.

[по Репников, 1906, с. 4, рис. 21; 22; табл. IV, 30; XII, 8,12]

Глава 7

Женский костюм с большой пряжкой второй половины VI-VII вв.

Э. А. Хайрединова

Во второй половине VI-VII вв. женщины Юго-Западного Крыма носили парадный костюм, состоявший из подпоясанного широким ремнем с большой пряжкой верхнего платья, наплечной накидки, которую зачастую пристегивали к платью парой одинаковых фибул и специфического набора украшений. Мода на подвязывание платье широким поясом с большой пряжкой и одновременным застегиванием верхней одежды на плечах парой одинаковых фибул возникла в первой половине V в. на Среднем Дунае, под влиянием римской провинциальной моды в среде полиэтничной варварской аристократии, а в VI в. сохранилась только у визиготов, остготов и готов Крыма [Амброз, 1966, с. 91; Bierbrauer, 1975, S. 80-83; Амброз 1994/1995, с. 61].

Как показано ранее (см. Главы 5 и 6), в V – первой половине VI вв. костюм с большой пряжкой и парой фибул не был характерен для жительниц Юго-Западного Крыма. Большая пряжка первой половины V в., найденная в Ялте, представляет собой уникальный аксессуар, относящийся к княжескому костюму горизонта Унтерзибенбрунн. Она явно сделана на заказ в ювелирной мастерской одной из римских провинций и возможно, была привезена в Крым либо одним из германских вождей [Айбабин, 1999, с. 81], либо в качестве военного трофея. Других находок подобного типа в Юго-Западном Крыму не известно. В местном женском костюме этого периода прослеживается преемственность с костюмом аланского населения Юго-Западного Крыма позднеримского времени. В одежде не носили поясных пряжек и использовали одну фибулу для застегивания накидки на плече или в области груди. В соответствии с аланской модой одежду украшали нашивными бляшками. Появившиеся в это время в местном женском костюме из Подунавья двупластинчатые и прогнутые фибулы редко носили в соответствии с новой модой – по две на плечах. В регионе до сих пор не найдены парные двупластинчатые фибулы первой половины V в.

Новый тип одежды, главным компонентом которой стал пояс с пряжкой, распространился в Юго-Западном Крыму во второй половине V в. Среди пряжек того времени преобладали дунайские или сделанные по их образцам экземпляры: провинциальные В-образные и распространенные у остготов и гепидов застежки с овальной или круглой рамкой (рис. 89; 90). Изменился типологический состав фибул, среди которых появились маленькие бронзовые литые двупластинчатые застежки с кербшнитной резьбой, с треугольной или полукруглой головкой (рис. 91). В состав гарнитуров с пряжкой вошли и украшения из Подунавья: парные серьги с многогранником и браслеты с насечками. В первой половине VI в. в Юго-Западном Крыму появились первые большие остготские пряжки с прямоугольным щитком, привезенные из Северной Италии или из Подунавья (рис. 106, 2,3). Судя по находкам из погребений, большинство женщин продолжало носить узкие пояса с небольшой пряжкой.

Ситуация изменилась в середине VI в., когда жители Юго-Западного Крыма стали хоронить всех женщин в одежде, опоясанной ремнем с большой пряжкой, а зачастую еще и с накидкой, пристегнутой на плечах парой одинаковых фибул. Местные ювелиры, взяв за образцы восточногерманские изделия из Подунавья и Северной Италии, выработали свои формы аксессуаров, украшенных в своеобразном стиле. Массовое и одновременное распространение костюма совпадает с активизацией политики Византии в регионе. Как уже отмечалось выше, основным занятием местного населения во второй половине V – начале VI вв. было сельское хозяйство, продукцию которого обменивали в Херсоне на необходимые, сделанные городскими ремесленниками товары [Айбабин, 1999, с. 82, 90], в число которых входили и металлические аксессуары одежды. Натуральный обмен не способствовал накоплению запасов золота и серебра. А ведь для производства одного набора из большой пряжки, пары фибул и браслетов необходимо было от 100 до 200 гр. серебра и еще примерно 10-15 гр. золота для различных украшений. Из письменных источников известно, что в эпоху раннего средневековья ювелиры получали драгоценный материал от своего заказчика, или приобретали его сами в виде старой золотой и серебряной утвари [Рудаков, 1997, с. 154]. Благополучие жителей Юго-Западного Крыма при Юстиниане I, как о том сообщает Прокопий, стало основываться не только на земледелии, но и на военной службе империи. Получение постоянных выплат за воинскую службу давало возможность приобретать дорогие украшения и аксессуары или заказывать их у ювелиров. На их изготовление могли пускать и добытые в ходе военных действий трофеи. Женщины с большими пряжками в склепах часто захоронены рядом с мужчинами – воинами, как о том свидетельствует присутствие воинских поясных наборов и оружия.

1. Основные компоненты женского костюма с большой пряжкой

В состав женского костюма с большой пряжкой входили фибулы, украшения и принадлежности туалета. Типология и хронология пряжек и фибул дана по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990; Айбабин, 1999], уточненная в свете новых находок из могильника у с. Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 2008]. Большие пряжки состоят из овального кольца, язычка и щитка, между пластинами которого вставлялся ремень. Пряжки делали с щитками прямоугольной формы (рис. 170-178), с выступом в виде головы орла на завершении (рис. 179-187) и в виде ромба (рис. 188; 189). По декору большие пряжки с прямоугольным щитком представлены пятью вариантами. Пряжки 1-го варианта второй половины VI в. с геометрическим декором, выполненным в технике литья или штамповки (рис. 170, 3-5,8,9), копируют сложный кербшнитный декор более ранних изделий из Подунавья, Северной Италии и Херсона (рис. 170, 1). Пластинчатые кольца перечисленных пряжек по форме и декору аналогичны кольцам орлиноголовых застёжек.

Щитки пряжек 3-го варианта, датированных второй половиной VI – первой половиной VII вв., орнаментированы схематичным изображением вьющегося стебля и S-видными завитками (рис. 171, 2,6,10-12). Прототипы названных пряжек также были привезены из Подунавья или Северной Италии. К таковым относится остготская пряжка первой половины VI в., найденная, якобы, в Гурзуфе (рис. 106, 3) [Айбабин, 1990, с. 30]. Крымские пряжки отличаются формой и декором кольца, которое сделано сегментовидным в сечении гладким (рис. 171, 2,6,12), либо с изображением двух, обращенных друг к другу голов хищных птиц в тыльной части (рис. 171, 10,11). С такими же кольцами в Юго-Западном Крыму делали пряжки с прямоугольным щитком вариантов 1, 4 и 5.

На щитках пряжек 4-го, 5-го и 6-го вариантов вытиснены христианские символы. Пряжка 4-го варианта из Суук-Су из могилы 90 первой половины VII в. состоит из кольца, отлитого, как и у некоторых застежек 3-го варианта, со стилизованными изображениями птичьих голов, и прямоугольного щитка с вытисненным в центре крестом с ровными концами. По углам щитка сделаны углубления, обозначающие прямоугольную рамку (рис. 172, 18) [Айбабин, 1999, табл. XXXVIII, 25; Репников, 1906, с. 27, рис. 49]. К этому же варианту следует отнести и фрагмент щитка пряжки, найденного в Скалистом, в подбойной могиле 418 второй половины VI – первой половины VII вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 71, 2].

В центре щитка пряжек 5-го варианта вытиснен крест с расширяющимися концами с короткими продольными ветвями (вариант 5-1) (рис. 172, 3,4), либо равноконечный с круглыми углублениями по углам (вариант 5-2) (рис. 172, 7,10,15). Большинство пряжек сделано с сегментовидным в сечении кольцом и полым, треугольным в сечении язычком. Кольцо пряжки из Лучистого из склепа 77 (рис. 172, 7) отлито со стилизованными изображениями смотрящих одна на другую птичьих голов с гранатовыми вставками в цилиндрических гнездах. Кольцо и язычок пряжки позолочены и украшены пуансоном. С такими же кольцами сделаны остготские застежки VI в. из Подунавья, Италии и Херсона [Bierbrauer, 1975, Taf. II,5; Vona, 1976, p. 55-56, pl. 6; Vinski, 1978, S. 39, Taf. XIV, 3; Айбабин, 1979, с. 29-31, рис. 5,6; 6]. Пряжки из Скалисто, из подбойной могилы 433 [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 77, 11] и из Лучистого, из склепов 104 и 216 (рис. 172, 10) отличаются кольцами и язычками, выполненными из тонкой серебряной пластины.

По конструкции и форме язычка, кольца и щитка пряжки 5-го варианта близки остготским и гепидским пряжкам варианта 1, а их декор характерен для византийской продукции. Вероятно, пряжки с крестом на щитке изготавливали в Херсоне [Айбабин, 1990, с. 31]. Именно там, в склепах 620/1896 и 62/1909 и на территории городища обнаружены самые ранние экземпляры описываемых изделий [Залеская, 2006, с. 113, кат.№ 183; 184]. В Алмалик-Дере, в склепе 192/2007 и в Карши-Баире, в склепе 2 пряжки с крестом варианта 5-1 выявлены в погребениях женщин, захороненных рядом с мужчинами, в costume которых присутствовали трехчастные византийские пряжки первой половины VI в. (рис. 97-99). Возможно, пряжки варианта 5-1 начали изготавливать в Юго-Западном Крыму не в середине VI в., а несколько раньше – в начале второй трети VI в. Пряжки с крестом варианта 5-2 найдены в склепах из Лучистого (рис. 173) и Алонии (рис. 174) с инвентарем второй половины VI – первой четверти VII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2014, рис. 10, 1,7].

Пряжки 6-го варианта отличаются от описанных выше большими размерами и декором щитка, на котором вытиснено изображение льва, идущего влево, с поднятым хвостом (рис. 175). На одних застежках лев выполнен реалистично (рис. 175, 22), на других – более схематично, с гривой, переданной параллельными линиями и обозначенными круглыми вдавлениями глазами и пастью (рис. 175, 7,16,24). Изображение идущего льва характерно для многих византийских изделий. Оно встречается на керамической посуде, металлических аксессуарах одежды, личных печатях и особенно часто – на амулетах. В ранневизантийское время это изображение зачастую ассоциировалось с Христом и символизировало оберегающую силу бога. За пределами Юго-Западного Крыма идентичные пряжки пока не известны. Они, безусловно, сделаны местными мастерами, поместившим на восточногерманские застежки типичный для византийских изделий апотропейный сюжет. Пряжки с изображениями льва 6-го варианта преобладают среди застежек с прямоугольным щитком. Они найдены в могильниках Карши-Баир (рис. 100, 11) [Ушаков, Филиппенко, 2004, рис. 2], Черная Речка, Скалистое

[Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 65, 18], в семи захоронениях из Суук-Су [Айбабин, 1990, с. 31-32; Репников, 1906, рис. 44; 46; 47; табл. IX, 4,6], в Алонии, а также в двадцати пяти погребениях из Лучистого [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 54, 56]. Находки последних лет в Лучистом позволили уточнить хронологические рамки бытования названных пряжек и отнести их ко второй половине VI – первой половине VII вв. В склепе 124 пряжка 6-го варианта лежала на костяке, рядом с захоронением с инвентарем первой половины VI в. (рис. 175, 1-3), в подбойной могиле 99 – рядом с костяком с пряжками VI в. (рис. 175, 4,5), в склепах 42, 74, 122А, 207 – в слоях с погребениями с орлиноголовыми пряжками 1-го варианта второй половины VI в., в склепе 186 – с одновременной пряжкой типа Суцидава (рис. 175, 6), в склепе 176 – с фибулами типа Удине-Планис варианта 2 (рис. 175, 8). Самые поздние пряжки этого варианта в Лучистом выявлены в склепах 10 и 228, в слоях с орлиноголовыми пряжками 3-го варианта второй четверти VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 54, рис. 16].

Большие пряжки с щитком, завершающимся выступом в виде головы орла, названы орлиноголовыми (рис. 179-187) [Айбабин, 1990, с. 33, рис. 29-34; Айбабин, 1990, рис. 40, 7; 41, 9; 42; 60; 63, 1]. Это самая многочисленная группа больших застежек – их найдено более 100 экземпляров в могильниках Эски-Кермен [Айбабин, 1982, рис. 10, 1; Репников, 1932в, с. 171], Терновка, Алмалык-Дере [Maćzuyńska и др., 2016, Taf. 384, 3; 385], Баштановка [Веймарн, Чореф, 1976, с. 50], Чуфут-Кале [Кропоткин, 1958, с. 208, рис. 3, 2], Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 103, рис. 73, 1], в Верхней Ореанде, в Симеизе [Сидоренко, 1994, с. 17-18], Алонии (рис. 181; 182; 184), Суук-Су, Артеке и Кореизе [Репников, 1906, табл. VIII, 1,3-5; IX, 5, 7-9; Репников, 1907, табл. XIV, 1-3, 5], у с. Лучистое (рис. 185-187), а также в Херсоне [16, рис. 29, 3; 305, рис. 138, 1,2]. По размерам и декору крымские орлиноголовые пряжки делятся на две, возникшие одновременно и развивавшиеся параллельно, типологические группы: южнокрымские и боспорские [Амброз, 1968, с. 14; Амброз, 1988, с. 5-7; Айбабин, 1990, с. 32]. На Боспоре орлиноголовые пряжки появились, скорее всего, вместе с германцами, присланными в 528 г. имперским командованием из Подунавья для подавления восстания гуннов [Айбабин, 1999, с. 100-101, рис. 36]. Во второй половине VI-VII вв. по привозным дунайским образцам боспорские мастера производили местные орлиноголовые пряжки с треугольной формой выступа с орлиной головкой [Айбабин, 1999, с. 100]. Боспорские пряжки сделаны грубо и многие могли быть отлиты в одной форме или по оттиску с одной модели [Амброз, 1992, с. 81]. В Юго-Западном Крыму найдена только одна боспорская орлиноголовая пряжка – в могильнике на склоне Эски-Кермена, в подбойной могиле 315 (рис. 163, 4).

В Юго-Западном Крыму производство орлиноголовых пряжек начинается в середине VI в. В качестве прототипов местные мастера использовали гепидские и остготские образцы [Айбабин, 1990, с. 35]. Для типологизации южнокрымских орлиноголовых пряжек большое значение имеет удлинение верхней части пластины, соединяющей кольцо и щиток пряжки. По данному признаку пряжки делятся на пять вариантов: 1 – 1-1,4 см, 2 – 1,6-2,2 см, 3 – 2,3-2,6 см, 4 – 2,8-3 см, 5 – 3,1-3,8 см (рис. 179; 180) [Айбабин, 1990, с. 32,33]. Время бытования каждого варианта обосновано находками монет и датированным сопутствующим инвентарем, а также стратиграфией захоронений в многослойных склепах из Лучистого [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52-61]. Пряжки также различаются формой язычка и декором. У многих пряжек 1-го и у некоторых застежек 2-го варианта треугольные в сечении язычки (рис. 3.5, 2) – как у пряжек с прямоугольным щитком. Пряжки 1-го варианта отличаются и разнообразием декора щитков. Среди них есть экземпляры, подобные гепидским и остготским орлиноголовым

пряжкам (рис. 179, 1,2; 181, 6). Орнамент некоторых повторяет декор остгоских пряжек с прямоугольным щитком. На пряжках 3-5-го вариантов разнообразие орнаментальных мотивов уменьшается, декор становится стандартным – почти у всех в центре щитка присутствует крестообразная фигура (рис. 179, 30; 180, 43,50). Вставки в гнездах на многих пряжках 1-го и 2-го вариантов выполнены из красного камня, тогда как на застежках 3-5-го вариантов – из красного, а чаще зеленоватого прозрачного стекла.

Пряжки с ромбическим щитком по конструкции и способу крепления на ремне подобны южнокрымским орлиноголовым пряжкам. По декору щитка они представлены двумя вариантами (рис. 188; 189). В декоре пряжек 1-го варианта из Чуфут-Кале, из склепа 98 [Кропоткин, 1965, рис. 45, 5], из Скалистого, из склепа 288 (рис. 188, 1) [Веймарн, Амброз, 1980, рис. 3], из Лучистого, из склепа 294 (рис. 188, 4), из Суук-Су (рис. 188, 3) [Репников, 1907, табл. XIV, 4; Andrási, Aibabin, 2008, Pl. 43, Cat. No. 82] и Артека (рис. 188, 2) [Репников, 1906, табл. VIII, 2] присутствуют элементы скандинавского I звериного стиля: звериные головы в профиль – у основания щитка и парные фигуры лежащих зверей – по краям заостренной части щитка [Амброз, 1968, с. 17-20]. По мнению, А. К. Амброза, прототипами для них стали пряжки первой половины VI в. из Италии, Венгрии и Польши, сделанные гепидскими мастерами [Веймарн, амброз, 1980, с. 251-260]. Ключющие орлы по сторонам пряжки из Скалистого (рис. 188, 1) не встречаются в композициях I стиля и перенесены крымским мастером с других дунайских пряжек второй половины V в. [Амброз, 1994/1995, с. 52]. Ленты с поперечными насечками, характерные для декора пряжек 1-го варианта и считающиеся неумелой попыткой имитировать трудновыполнимую звериную орнаментику вещей I скандинавского стиля [Амброз, 1968, с. 18], присутствуют и на других изделиях из Юго-Западного Крыма. В качестве примера приведем пальчатые фибулы второй половины VII в. из некрополя Эски-Кермен со стилизованным изображением морды зверя на головке (рис. 164, 4,5).

Прототипами пряжек 2-го варианта с фестонами по краю из Аромата, из склепа 1 (рис. 189, 2) [Лобода, 1976, рис. 4, 1], из Чуфут-Кале, из склепа 7 [Кропоткин, 1958, рис. 3, 1], из Лучистого, из склепа 238 (рис. 189, 3), из Суук-Су и Артека (рис. 189, 1) [Репников, 1906, рис. 42, табл. VIII, 6] являются среднедунайские застежки второй половины V в. с рядами птичьих головок вдоль краев [Амброз, 1968, с. 20; Амброз, 1994/1995, с. 52]. Крымские мастера сильно исказили исходный декор и добавили два человеческих лица у широкого основания щитка: бородатое и безбородое. В центре щитка напаяно крестовидное гнездо, а на завершении – Т-образное с плоскими стеклянными вставками. По аналогии с длинным держателем кольца на орлиноголовых пряжках 5-го варианта, большинство ромбических пряжек отнесено ко второй половине VII в. [Айбабин, 1990, с. 35]. В Лучистом, в склепе 238 пряжка с ромбическим щитком 2-го варианта зачищена в слое 1 второй половины VII в. вместе с орлиноголовой пряжкой 5-го варианта (рис. 180, 51) [Айбабин, Хайрединова, 2005, рис. 10, 2,3; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13, 5,12]. К более раннему периоду относится пряжка с ромбическим щитком 1-го варианта из склепа 294 (рис. 188, 4). Ее ремонтировали: сломанную пластину – держатель кольца заменили новой, длиной 2,5 см. С соединительными пластинами такой же длины сделаны орлиноголовые пряжки 3-го варианта второй четверти VII в. В пользу ранней датировки пряжки свидетельствует также форма кольца и язычка, характерная для орлиноголовых застежек 1-го и 2-го вариантов. Видимо названные пряжки носили и во второй четверти VII в.

Во второй половине VII в. для застегивания поясов женщины использовали не только местные большие орлиноголовые и ромбические пряжки, но и визан-

тийские шарнирные застежки с U-образным щитком с прорезным растительным орнаментом (рис. 168, 1,2), типа Трапезунд с лировидным щитком (рис. 190) и с дисковидным щитком (рис. 191). Шарнирная пряжка с лировидным щитком типа Трапезунд выявлена в Лучистом, в склепе 238, в погребении 12 третьей четверти VII в. (рис. 190, 4) [Айбабин, Хайрединова, 2005, с. 290-294, 298, рис. 2]. Она состоит из бронзовых, покрытых позолотой, литых деталей: овальной рамки, треугольного в сечении язычка с небольшим гнездом на тыльной стороне и из вытянутого, лировидного щитка с изображением распластанной ящерицы, заключенной между извивающимся телом двуглавой змеи. Ящерица и змея в христианской иконографии имели символическое значение [Уваров, 2001, с. 238-240; Werner, 1955, S. 42]. Поясные пряжки этого типа были распространены в Византии во второй половине VII в., а их более дешевые имитации известны у визиготов [Werner, 1955, S. 36-37] и в Юго-Западном Крыму.

Шарнирные пряжки 4-го варианта с дисковидной частью щитка обнаружены в Лучистом в склепе 10 (рис. 191, 4) и на территории могильника Баклинский Овраг (рис. 191, 5). Они сделаны из бронзы и покрыты позолотой. У обеих пряжек литые овальные рамки с фестончатой внешней стороной, массивные язычки и штампованный из пластины щиток в форме коробочки, заполненный изнутри пастой, в которой зафиксированы три проволочные петли для крепления пряжки на ремне. Лицевая поверхность рамки и боковые стороны язычка пряжки из Баклинского Оврага украшены резным растительным орнаментом. Обе пряжки изготовлены во второй половине VII в. византийскими ювелирами, которые в качестве образцов использовали золотые парадные аксессуары знати [Айбабин, Хайрединова, 2005, с. 290]. Тонкая штампованная пластина, заполненная пастой и позолота позволяли, при небольшой затрате средств, создать имитацию дорогих украшений.

В Юго-Западном Крыму во второй половине VI-VII вв. в женском костюме с большой пряжкой носили двупластинчатые и пальчатые фибулы германского круга, во второй половине VI – первой четверти VII вв. – византийские застежки, а в VII в. – еще и фибулы днепровского круга.

Большие двупластинчатые фибулы из Крыма вырезаны из серебряной пластины или из белого металла. По размерам и декору они разделены на три подварианта [Айбабин, 1994/1995а, с. 138-139]. Фибулы подварианта Пв-1 длиной 18-24,5 см второй половины VI-VII вв. сделаны с шестиугольной головкой, длинной многоугольной двускатной ножкой и декорированы золочеными накладками, штампованными из тонкой бронзовой пластины (рис. 175, 11,19; 179, 11,18,25; 186, 46). Фибулы подварианта Пв-2 длиной 15-19,2 см второй половины VI – первой половины VII вв., в отличие от описанных выше, гладкие (рис. 175, 10,23). застежки подварианта Пв-3 одновременны предыдущим, но значительно меньше их размером (длина 7,3-13,9 см) (рис. 172, 11).

Пальчатые фибулы германского круга классифицированы по декору. Фибулы с концентрическими ромбами на ножке бытовали во второй половине VI – первой половине VII вв. Головки названных фибул украшены по-разному: завитками (рис. 172, 12), радиальными линиями (рис. 179, 17) или концентрическими дугами на головке (рис. 179, 16). Фибулы с головкой и ножкой, декорированными завитками, Г. Кюн назвал «керченскими» [Kühn, 1965, S. 92]. Их прототипы второй половины V – первой половины VI вв. известны в Подунавье [Айбабин, 1999, с. 270].

Фибулы, орнаментированные схематизированными изображениями вьюнков на ножке и головке и с выступами с двумя отверстиями на боковых сторонах на ножке, найдены в Артеке [Репников, 1906, табл. VI, 2] и в погребениях второй половины VI в. из Лучистого и Алонии (рис. 170, 6; 172, 8; 179, 8,9). Все фибу-

лы с подобными выступами на ножке и разнообразным орнаментом на головке и ножке Г. Кюн объединил в тип Аквилея [Kühn, 1965, S. 99,100, Taf. 63-65]. Ф. Бирбрауэр фибулы типа Аквилея, украшенные схематизированными изображениями выюнок выделил в тип Удине-Планис [Bierbrauer, 1975, S. 89-91]. Фибулы, отличающиеся от предыдущих более сложной орнаментацией и трапецевидной ножкой с шестью выступами на боковых сторонах, найдены в Артеке [Репников, 1906, табл. VI, 8] и в Лучистом, в склепе 229, в погребении второй половины VI в. (рис. 171, 3). Они являются упрощенным вариантом застежек типа Истрия – Арчар, распространенных в последней четверти V – первой трети VI вв. в Нижнем Подунавье [Хараламбиева, 1984, с. 45-49, Обр. 1-4] и у гепидов в первой половине VI в. [Vinski, 1972-73, Tab. VII, 65; XIII, 73].

Фибулы из Лучистого, из склепов 10 и 124 (рис. 180, 49) и Поднепровья [Приходнюк, 1996, рис. 1,5] отлиты с четырьмя стилизованными птичьими клювами на боковых сторонах ромбовидной ножки. Головка и ножка орнаментированы штихелем. Их края оконтурены линиями, а в центральной части ножки изображен ромб.

К фибулам днепровского круга отнесены пальчатые и антропоморфно-зооморфные застежки. Пальчатые фибулы, бытовавшие на протяжении всего VII в., по декору представлены тремя типам: I – с концентрическими кружками с точками (рис. 180, 40,41), II – с S-видными завитками (рис. 180, 47), III – с бордюром из птичьих голов (рис. 180, 28,29,35) [Айбабин, 1990, с. 22]. Скорее всего, часть фибул «днепровского» круга ввозилась в Крым из Подунавья. находка в склепе 54 пары бракованных фибул типа I позволяет говорить о попытке производства этих фибул на полуострове [Айбабин, 1990, с. 25].

Литые двухпластинчатые антропоморфно-зооморфные фибулы по форме и декору распределены на многоглавые (тип I) и двуглавые (тип II). В свою очередь фибулы обоих типов по форме щитка и головки разделены на два варианта. У многоглавых фибул варианта I-1 из Лучистого (рис. 179, 14) и Суук-Су [Репников, 1906, табл. VI, 5] щитки по форме подобны щиткам пальчатых застежек. У многоглавых фибул варианта I-2 из Лучистого (рис. 179, 12), Скалистого [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 20,22], с территории могильника Чуфут-Кале [Кропоткин, 1965, рис. 44,8] – щитки овальные.

У двуглавых фибул II-1 из Лучистого (рис. 179, 13) и Суук-Су [Лучистое, 1907, рис. 131, 133] – головки треугольные, а щитки грушевидные. У двуглавых фибул варианта II-2 из Скалистого [Веймарн, Айбабин, рис. 66,5], Суук-Су, Алонии (рис. 179, 12а; 184, 3,4) и Лучистого – головки полукруглые, а щитки с прямыми боковыми сторонами и закругленным краем.

Многоглавые и двуглавые зооморфные фибулы в основном известны в Поднепровье и в Крыму. В литературе высказывалось единодушное мнение о производстве данных фибул в Поднепровье [Salin, 1904, S. 124; Werner, 1950, S. 150-172; Амброз 1994/1995, с.47,48]. В Лучистом, в склепе 46а, упомянутая многоглавая фибула лежала на костяке с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта, характерная для первой четверти VII в. (рис. 185, 7,11). Судя по этому комплексу многоглавые фибулы варианта I-1 появились на полуострове в первой половине VII в. Двухпластинчатые двуглавые фибулы варианта II-2, скорее всего, сделаны в Юго-Западном Крыму. Эти фибулы типологически родственны позднему литым двухпластинчатым фибулам из Лучистого из склепа 77 [Айбабин, Хайрединова, рис. 10, 24; табл., 185, 5] и из Суук-Су из склепа 59 [Репников, 1906, табл. VII, 6], а также из Испании, из визиготских могил VI в. [Ripoll López, 1997, fig. 11-2].

Во второй половине VI – первой четверти VII вв. в Юго-Западном Крыму носили византийские наплечные застежки. Самые многочисленные из них – про-

гнутые подвязные фибулы: бронзовые пластинчатые, украшенные резными линиями и с кольцом на головке для прикрепления подвесок (рис. 175, 14, 17, 18; 177, 1, 2), бронзовые литые фибулы с кнопкой на головке, декорированные резными линиями и циркульным орнаментом (рис. 179, 3, 4) и железные, кованые (рис. 179, 15; 186, 1, 2).

Пластинчатые прогнутые подвязные фибулы, выделенные А.К. Амброз включил в средневековый вариант серии 16-4/III подробно описаны в Главе 6 (рис. 124; 125, 2). Литые фибулы найдены в Лучистом, в склепе 189 (рис. 179, 3, 4) в погребении с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. и в склепе 104 в погребении второй половины VI – первой четверти VII вв., а также в Херсоне, в XXV квартале, в заполнении цистерны П/1967 вместе с керамикой второй половины VI – первой половины VII вв. [Голофаост, 2002, с. 141-142]. Фибулы этого типа производились в византийских провинциях Нижнего Подунавья, где они массово встречаются на памятниках, в комплексах 550-610 гг. [Winski, 1974, Tab. XXXII, 9-11; XXXIV; Кондић, 1977, Табл. XIII, 33-35; XIV, 36-38; Хараламбиева, 1986, с. 13-16; табл. IV; Хараламбиева, 1989, с. 36-40, табл. IV-VI; Uense, 1992, S. 154-159, Taf. 3, 7-17; 4, 1-4; Teodor, 1997, p. 75-76, fig. 5; 6; Гавритухин, 2002, с. 229-250]. В Румынии, в Оршове и Дробете-Турну-Северин и в Югославии, в Прахово (Аквис) выявлены мастерские, специализировавшиеся на производстве названных фибул, в которых найдены необработанные после отливки в единой форме экземпляры [Uense, 1974, Taf. 35, 3; Wejan, 1976, fig. 1; pl. 1; 2; Јанковић, 1981, с. 172; Teodor, 1997, p. 75, fig. 4]. Железные прогнутые подвязные фибулы из-за плохой сохранности деформированы. У одних из них – узкие ножки и форма, повторяющая литые застежки; другие – копируют пластинчатые прогнутые подвязные фибулы. По наблюдению Д.Г. Теодора, в карпато-дунайско-понтийском регионе железные фибулы существовали параллельно с пластинчатыми подвязными и литыми и были продукцией местных ремесленников, находившихся под влиянием изделий из византийских центров [Teodor, 1997, p. 77]. Железные византийские фибулы в Лучистом зачищены в женских и детских погребениях второй половины VI – первой четверти VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 153, 1, 2; 154, 1; 157, 1, 2; Айбабин, Хайрединова, 2014, рис. 10, 25; 11, 5, 12].

В Лучистом, в склепе 131, в погребении конца VI – первой четверти VII вв. найдена фибула, отлитая в виде птицы (голубя) с пластинчатым, трапециевидным хвостом (рис. 175, 15). Застежки в виде птицы характерны для позднееримского времени [Werner, 1961, S. 54; Taf. 49, 325-327] и известны в погребениях меровингов 565-590/600 гг. [Seillier, 1992, fig. 19, 4, 5]. Лучистинская фибула отличается от них высоким приемником иглы, а место перехода туловища в хвост птицы обозначено несколькими рельефными валиками – имитацией навивки проволоки, как на литых византийских застежках второй половины VI в. Две подобные фибулы найдены в Садовском Кале; одна из них была застегнута на ножке византийской литой фибулы второй половины VI в. [Uenze, 1992, S. 139, Taf. 1, 6, 7; 122, 14]. Аналогичные фибулы бытовали в Италии в VI-VII вв. [Riemer, 2000, s. 111-113, Taf. 104, 11] и у визиготов в VI в. [Ripoll López, 1993-1994, fig. 20, 216/1; Ebel-Zeppezauer, 2000, S. 41, Abb. 8, 1; Taf. 32, 79]. А. Хараламбиева определяет фибулы в виде голубя как раннехристианские броши – символы Святого Духа [Хараламбиева, 1992, с. 138].

Фибулы всех типов носили головками вниз и зачастую соединяли между собой цепью или низкой бус и различных подвесок, образовывавших своеобразное нагрудное украшение (рис. 15; 16). Чаще всего фибулы соединялись толстой нитью с нанизанными 11-36 крупными бусинами из янтаря, одноцветного и по-

лихромного стекла, меловой породы или горного хрусталя (рис. 183; 192; 193). Концы нити привязывали к пружинам фибул. В «фибульных» ожерельях бусы располагались в определенном порядке: изделия из природных материалов чередовались со стеклянными (рис. 193). Последние представлены крупными экземплярами, среди которых преобладают полихромные с глазчатым или пятнистым орнаментом. видимо, в представлении древних, они считались своеобразными амулетами. По этнографическим данным, на Кавказе женщины хранили в специальной шкатулке 9-10 крупных бус, каждая из которых имела свое назначение: с волнистой полоской вдоль центра – «от змей», желтая с мелкими глазками – «от оспы», синяя глазчатая – «от сглаза» и т.д. [Иерусалимская, 2001, с. 95]. Бусы из природных материалов отличаются крупными размерами и необычной формой. Такие бусы никогда не встречаются в ожерельях, носившихся на шее.

Вместе с бусами на нить, соединявшую фибулы, нередко нанизывали бронзовые конические колокольчики с граненой петелькой и железным язычком внутри (рис. 185, 8; 186, 4; 187, 1). Колокольчики являются одним из самых распространенных видов амулетов-оберегов. Они известны в женских погребениях VI-VII вв. у гепидов, лангобардов и меровингов, в византийских крепостях в Подунавье [Uenze, 1992, S. 197-198] и распространены среди вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье [Корзухина, 1996; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 12]. Они также широко представлены на византийских памятниках Малой Азии, в слоях VI-VII вв. [Waldbaum, 1983, p. 43, Pl. 8, 92, 100; Ferrazzoli, 2012, Pl. 2, 21]. С античного времени колокольчики известны в качестве амулетов. Звон металла, особенно бронзы, считался «отвращением от скверны» (Кагаров, 1913. С. 83). Об апотропейных свойствах колокольчиков свидетельствуют выгравированные на них фразы. В Риме найден колокольчик с греческой надписью «Я защищаю от дурного глаза» [Russell, 1995, p. 42-43]. В древности колокольчики пришивали или подвешивали на цепочке к одежде, использовали в качестве детских игрушек. На византийских колокольчиках прочерчивались кресты и Трисагион – стандартная формула против злого духа, характерная для раннесредневековых христианских амулетов [Хайрединова, 2014, с. 166-167]. В Юго-Западном Крыму колокольчики характерны как для детского костюма, так и для женского парадного убора с большой орлиноголовой пряжкой.

В некоторых «фибульных» украшениях присутствуют перстни и кольца (рис. 192). Один из таких перстней, с вырезанным на щитке изображением Хнубиса, змея с львиной головой в нимбе, относится к группе медицинских магических амулетов, предназначенных для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта [Хайрединова, 2014, с. 69-89]. Женщина, которой принадлежал перстень – амулет, специально носила его в нагрудном ожерелье, на уровне желудка (рис. 192, II,4).

В качестве подвесок к фибулам использовались и уникальные предметы. Так, в могильнике у с. Лучистое, в женском погребении из склепа 154 в низке бус, соединявшей фибулы, присутствовали бронзовая крышка от светильника и ручка стеклянной лампы, а на левой фибуле висело зеркало (рис. 192, II,3,5). Крышка принадлежала бронзовому византийскому светильнику, аналогичному бытовавшим в VI-VII вв. в Египте [Ross, 1962, Pl. XXV, No.30; Залесская, 2006, кат.№ 218, 222, 275]. Судя по находкам, такие светильники поступали и в Херсон, и на Боспор. Крышку использовали в качестве подвески из-за ее формы – она отлита в виде морской раковины. В склепе 122А из этого же некрополя, в одном из погребений первой четверти VII в. найдена фибула, к которой кожаным ремешком привязали вытянутый по всей длине бронзовый шарнирный браслет (рис. 177, II,6). Подобные браслеты известны в Византии [Waldbaum, 1983, Pl. 26, 416].

Видимо, похороненная в названном склепе женщина не знала о назначении предмета и использовала его в качестве подвески.

Пальчатые и железные прогнутые подвязные фибулы соединяли между собой еще и бронзовыми цепочками, образованными восьмерковидными проволочными звеньями (рис. 186, 1-3). Крайние звенья цепей надевали на иглы или крепили на тетиве пружин фибул.

Иногда к каждой фибуле отдельно прикрепляли несколько крупных янтарных бусин или сложносоставную «шумящую» подвеску (рис. 171, 4). Основу такой подвески образует ядро из дерева, либо грецкого ореха или фруктовой косточки, оплетенное бронзовыми узкими пластинами и пронзенное тремя пересекающимися стерженьками с петельками на концах, к которым при помощи кожаных ремешков прикреплены трубочки с трапециевидными подвесками. Подвески – амулеты из орехов, фруктовых косточек, дерева, металла или горного хрусталя, оплетенные бронзовыми лентами известны в женских погребениях германцев в позднеримское время и в эпоху раннего средневековья. Их носили в составе ожерелий, или в качестве подвесок к поясу [Hinz, 1968, Abb. 2; 3; Quast, 2000, S. 279-294; Эпоха, 2007, с. 502, кат. №VII.33; Kasprzycka, 2008, p. 126, Cat.no. I.28k,m]. В Лучистом описанные подвески зафиксированы *in situ* рядом с фибулами. В склепе 228 следы кожаного шнура от подвески зафиксированы на пружинном механизме двухпластинчатой фибулы. Скорее всего, «шумящие» подвески выполняли роль оберега. Их подвешивали к одной или обоим фибулам. При хождении подобные украшения должны были производить много шума, «отгоняя» тем самым злых духов.

Обычай украшать фибулы подвесками известен у различных варваров в эпоху Великого переселения народов. В княжеском погребении из Эрана первой половины V в. цепь сопровождала пару двухпластинчатых инкрустированных фибул [Pilet, 1995, p. 333, fig. 3]. В комплексах VI – первой трети VII вв. из некрополя на р. Дюрсо цепочки служили подвесками к двухпластинчатым фибулам [Дмитриев, 1982, рис. 6, 63; 8, 4; 10, 1]. В качестве украшений для фибул цепи известны у остготов в Италии [Annibaldi, Werner, 1963, S. 362, Abb. 5, 3], лангобардов [Bierbrauer, 1990, p. 122, II.22] и меровингов [Werner, 1961, S. 52, Taf. 47, 304]. Низками бус украшали фибулы аламаны в V в. [Martin, 1995, S. 43, 44, Abb. 22] и гепиды в VI в. [Csallány, 1961, S. 37-38, Abb.6, Taf. XVIII, 4,5,7-9]. В кладках из Среднего Поднепровья в большом количестве найдены цепочки с прикрепленными к ним колокольчиками и различными подвесками [Корзухина, 1996, табл. 44, 4-9; 53, 17,18; 54, 1-12; 57, 1-3; 69, 24-27; 70, 14-16; 75, 18; 78, 3].

В наборе с большой пряжкой женщины носили серьги различных форм. Преобладают серьги с многогранником. Этот тип украшения появился на рубеже IV-V вв. в римских провинциях на Среднем Дунае и впоследствии распространился у многих народов на широкой территории от Испании до Дагестана [Salamon, Barkóczy 1971, S. 63; Bierbrauer 1975, S. 162-167, Abb. 14; Horedt 1979, S. 241; Шаламон, Баркоци 1982, с. 34, 41; Амброз 1980, с. 325; Heinrich 1990, S. 92-94; Амброз 1994/1995, с. 54; Ковалевская 1995, с. 155-156; Harhoiu 1998, S. 62-63]. В первой половине V в. это украшение вошло в моду у жителей Херсона, Юго-Западного Крыма и Боспорского царства, а в VI-VII вв. – стало важным элементом женского парадного костюма готов страны Дори. Происходящие из Крыма серьги по способу изготовления многогранника и его крепления к кольцу разделены нами на шесть типов: 1 – с литым неподвижным многогранником; 2 – с литым подвижным многогранником, насаженным на конец проволочного кольца; 3 – с ажурным литым многогранником, припаянным к одному из концов проволочного кольца; 4 – с ажурным пластинчатым многогранником, насаженным на кольцо; 5 – с полым пластинчатым многогранником; 6 – с многогран-

ником из тонкой золотой пластины, заполненным пастой светло-желтого цвета [Хайрединова 2002, с. 99-102; Хайрединова 2013, с. 187, 195-196; Хайрединова 2014, с. 421-423]. Золотые серьги с многогранником были исключительной принадлежностью костюма с большой пряжкой. Во второй половине VI в. их делали с многогранником в виде куба (рис. 182, 1,2; 184, 8,9). Начиная с VII в. размеры многогранника увеличиваются и меняется форма. Самые поздние экземпляры имеют большой диаметр кольца и многогранник в форме параллелепипеда (рис. 16, 1; 187, 3). Меняется и качество используемого материала: для изготовления ранних экземпляров использовано золото 833°, 900° и 958° пробы, тогда как у поздних, крупных серег проба металла ниже – 750° и 833°. У некоторых золотых серег кольца сделаны из металла более низкой пробы (750°), чем многогранник (833° и 900°). Ранние серьги украшены красным камнем, поздние – стеклянными вставками. Отметим, что ранние золотые серьги с кубическим многогранником встречаются и в поздних комплексах, тогда как серьги с многогранником в форме параллелепипеда не известны в комплексах ранее второй четверти VII в.

Для украшений рук чаще всего использовались серебряные или бронзовые браслеты из круглого или овального стержня с утолщенными гладкими или декорированными концами. Самый распространенный декор на браслетах с утолщенными концами – глубокие резные поперечные параллельные бороздки (рис. 170, 7; 171, 7; 172, 14) или насечки на боковых сторонах (рис. 170, 7; 174, 3; 178, 5). Как уже отмечалось ранее, браслеты этого типа носили остготы в V – начале VI вв., аламаны – в V в. и гепиды – в VI в. В Крыму они появились во второй половине V в., а со второй половины VI в. стали одним из основных украшений в костюме с большой пряжкой. Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму в моду вошли бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки с концами, расплюснутыми штампом с рельефным орнаментом “елочкой” (рис. 176, 4,5). Их носили и на протяжении всего VII в. Подобные браслеты распространены и в Среднем Поднепровье, среди вещей круга “древностей антов” [Корзухина, 1996, табл. 24,3; 22,48; 51,2,3,6-9,11,12; 104,1-6].

Во второй половине VI-VII вв. женщины украшали свои руки перстнями и кольцами (рис. 194). Кольца этого времени немногочисленны, а вот разнообразие перстней увеличивается. Преобладают перстни с проволочной шинкой и напаянным круглым или квадратным плоским щитком. Особенность перстней этого времени – использование в их декоре христианских символов. Щиток перстня из Лучистого, из склепа 43 второй половины VII в. сделан в форме креста и инкрустирован стеклом (рис. 194, 3). На щитках многих перстней выгравирован крест или схематизированное изображение хризмы. На перстнях VII в. из Лучистого и Эски-Кермена прорезана монограмма креста $\Theta\Omega\Sigma Z\Omega\text{H}$ – «Свет, Жизнь» (рис. 167, 6). Формула связана с традицией восхваления креста, несущего в мир жизнь и свет [Grossi, 1990, p. 592-593] и в VI-VIII вв. встречается на металлических подвесных и на каменных крестах [Ross, 1965, p. 135-136, Pl. XCVII, H; Pillinger, 1992, S. 98, Abb. 11], а также на щитках и язычках пряжек [Welt, 2004, S. 281, Kat.N449; Byzanz, 2010, p. 189-190, Kat.N100]. На некоторых перстнях из Юго-Западного Крыма выгравированы монограммы имен собственных, что также было характерно для византийского мира. Перстни и кольца носили по одному на правой или левой руке. В некоторых погребениях выявлено два перстня, носившихся по одному на каждой руке (рис. 194).

В Лучистом, Суук-Су, Скалистом и Алмалык-Дере найдены золотые треугольные бляшки-«городки» (рис. 195, 6-8) [Репников 1906, рис. 5; 6; табл. V, 2,3; Веймарн, Айбабин 1993, рис. 22, 38; 28, 15; 36, 16,17; 72, 22-24; 80, 14; Хайрединова, 1999а, с. 343, рис. 3, 1; Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 5, 13,14;

Maćzyńska 2016, Taf. 13, 4.1-4.4]. Они спаяны из 6-8 трубочек, каждая из которых скручена из тонкой рифленой пластины. В тех случаях, где названные бляшки были зафиксированы *in situ*, они сопровождали погребения с большой пряжкой. Самые ранние бляшки происходят из погребений второй половины VI в. с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта или с пряжкой с прямоугольным щитком 6-го варианта (рис. 175, 9; 179, 10), самые поздние – из захоронения третьей четверти VII в. с орлиноголовой пряжкой 4-го варианта (рис. 16, 2).

Прототипы бляшек-«городков» известны в древностях сармат и алан. В богатых сарматских погребениях I – начала II вв. из Нижнего Подонья найдены аналогичные по форме, но вырезанные из пластины нашивные изделия (рис. 195, 2) [Засецкая, 2008, с. 43, рис. 15]. По мнению И.П. Засецкой, орнамент из «городков», характерный для иранского мира, восходит к древневосточным орнаментам сакрального значения: ритмично повторенный мотив соответствует представлениям о культовом, защитном ограждении [Засецкая, 2008, с. 42, 120]. На серебряном кувшине из сарматского погребения I в. из могильника Высочино VII (около г. Азов) выгравирован пояс из трехступенчатых пирамидок, аналогичных по форме золотым бляшкам-«городкам» (рис. 195, 1). Орнамент на кувшине также считается защитным по значению, ограждающем сакральное пространство [Лукьяшко, 2008, с. 58-59, кат. 43, рис. 2]. Наряду с плоскими, пластинчатыми бляшками существовали и объемные, спаянные из нескольких рифленых трубочек «городки» небольших размеров (рис. 195, 3). Они выявлены в погребениях сармат второй половины I – начала II вв. из Нижнего Поволжья [Мордвинцева, Сергацков, 1995, рис. 4, 2] и сарматизированного варварского населения Юго-Западного Крыма римского времени [Пуздровский, 2007, рис. 109, 10; 113, 8; 119, 17,18].

Нашивные пластинчатые бляшки-«городки» найдены в Тунисе, в женском погребении второй половины V в. из Тубурбона Большого (*Thuburbo Majus*) (рис. 195, 4) [Merlin, 1912, p. 359, fig. 3; Ghalia, 2008, p. 335, Cat.no. IV.12a]. Эта могила, относящаяся к эпохе вандалов, считается аланской именно из-за бляшек, неизвестных в кругу вандалов Карпатского бассейна, но напротив очень популярных в кругу алан [Кишш, 1995, с. 81; Rostovtzeff, 1923, p. 153, fig. 24]. По мнению М. Ростовцева, бляшки из Тубурбона Большого входили в состав колье, поскольку на них отсутствуют отверстия для пришивания [Rostovtzeff, 1923, p. 153]. Однако на обороте пластин напаяны две цилиндрические трубочки (рис. 195, 4а), явно предназначенные для пришивания.

Во второй половине V в. на Боспоре и в Юго-Западном Крыму бывали золотые прямоугольные или трапециевидные бляшки, спаянные из четырех рифленых трубочек, которыми расшивали горловину платья (рис. 89, 1). В конце V-VI вв. небольшими треугольными бляшками, спаянными из пяти рифленых трубочек украшали свою одежду жительницы Боспора и Китея (рис. 195, 5) [Ruxer, Kubczak, 1972, s. 253, Fig. XXXVI, 2;]. В боспорском некрополе на склоне горы Митридат, в плитовой могиле 1/1905 на скелете женщины на шейных позвонках лежали пятнадцать [Шкорпил, 1909, с. 3; Айбабин, 1999, с. 100, рис. 37, 2], а в склепе 78, в погребении 8 – двенадцать золотых бляшек [Засецкая, 1998, табл. XVI, 4; Шкорпил 1910, с. 33]. Набор из 16 золотых бляшек и черного бисера найден в погребении из склепа 40 на некрополе Китея (рис. 195, 5) [Ermolin, 2012, p. 345, fig. 5, 3].

В тех случаях, где положение бляшек было зафиксировано *in situ*, они лежали в области шеи, отдельно от бус, относящихся к ожерелью, но вместе с несколькими сотнями бисерин из черного глухого стекла. Данное обстоятельство позволило нам говорить об использовании бляшек-«городков» в качестве нашивных украшений горловины платья. Треугольные бляшки нашивались вдоль края горлови-

ны платья, вершиной кверху, а пространство между ними заполнялось стеклянным бисером (рис. 14, 4). Получившийся в результате орнамент из чередующихся золотых треугольных бляшек и треугольников черного бисера занимал полосу шириной 1,8-2,5 см и длиной 20 см. Обычно для украшения горловины использовалось 7 или 8 бляшек и около 300 бисерин. В состав тешкли-бурунскогоклада, найденного на плато Мангуп, входило 15 бляшек и более 60 бисерин. Бляшки изклада по размерам делятся на две группы: семь небольших (1,8x1,9 см) (рис. 1, 9) и восемь – более крупных (2,2x2,3 см) (рис. 195, 8). Скорее всего, на горловине платья большие и маленькие бляшки чередовались, при этом одни располагались вершиной вверх, другие – вершиной вниз (рис. 14, 2). Свободное пространство между бляшками расшивалось черным бисером.

Боспорские бляшки по размерам в два раза меньше происходящих из Юго-Западного Крыма, поэтому для украшения горловины их требовалось примерно в два раза больше. В целом, и на Боспоре и в Юго-Западном Крыму в женских платьях нашитые вдоль горловины треугольные золотые бляшки занимали полосу длиной 16-18 см (рис. 8, 1; 9, 4). Несмотря на то, что форма бляшек традиционна для сармато-аланского костюма, украшение горловины в раннесредневековое время больше соответствовало византийской моде. Сарматы и аланы одновременно расшивали разные части одежды, используя при этом наборы бляшек различных форм [Пуздровский, 2007, с. 145-146]. В костюме женщин второй половины VI-VII вв. акцент делался на горловине платья. Она выделялась яркой полосой из черного бисера и крупных золотых бляшек.

В Лучистом, в склепах 228, 238 и 265, в погребениях второй половины VII в. выявлены нашивные бляшки в виде трех объединенных полушарий со спиралевидным орнаментом (рис. 189, 4). Бляшки штампованы из бронзовой пластины, плакированы золотой фольгой и заполнены изнутри белой пастой. Их нашивали на горловину платья и на налобные повязки. Аналогичные бляшки известны в могилах раннеаварского периода [Kovrig, 1963, Taf. II, 29; XLVI, 15; Garam, 1992, p. 186, Taf. 14, 1-22].

2. Типология костюма

В настоящее время известно 158 женских погребений второй половины VI-VII вв. с большими пряжками, в которых расположение всех деталей зафиксировано *in situ*. Судя по ним, каждому типу большой пряжки соответствовал определенный набор фибул и украшений. Выделяется семь типов гарнитуров, в зависимости от варианта присутствующей в них пряжки.

Тип 1. Гарнитуры с большой пряжкой с прямоугольным щитком 1-го варианта с геометрическим декором зафиксированы в погребениях второй половины VI в. в Лучистом, в склепах 64 и 240 (рис. 170, 4-7) и Суук-Су, в могиле 49 (рис. 170, 8). Отдельные пряжки, происходящие из разграбленных склепов Алонии и Скалистого (рис. 106, 1; 170, 3,9) [Турова, Черныш, 2015, рис. 35, 189], позволяют говорить о том, что костюм с этим вариантом поясной застежки имел широкое распространение в Юго-Западном Крыму. Только в одном гарнитуре этого типа выявлены фибулы – парные пальчатые типа Удине-Планис (рис. 170, 6). Серьги в этих наборах редки – они зафиксированы только в Суук-Су. Ожерелья составлены из янтарных бусин и бисера. В гарнитурах 1-го типа присутствуют браслеты с утолщенными гладкими или декорированными бороздками концами, которые носили парой (рис. 170, 7).

Тип 2. Гарнитуры с большой пряжкой с прямоугольным щитком 3-го варианта с растительным декором носили во второй половине VI – первой половине

VII вв. (рис. 171). В трех погребениях из Чуфут-Кале, Суук-Су и Лучистого они выявлены *in situ*; в Скалистом отдельная пряжка лежала в разграбленном склепе. Во второй половине VI в. с этими пряжками носили пальчатые фибулы Истрия-Арчар (рис. 171, 3), в первой половине VII в. – местные двупластинчатые фибулы вариантов Пв-2 и Пв-3 (рис. 171, 5,9). В Чуфут-Кале, в подбойной могиле 21 выявлена одна фибула, лежавшая на правом плече. В Лучистом и Суук-Су застежки были парными. Серьги зафиксированы только в Суук-Су (рис. 171, 8). В пару объединили разные серьги: с литым многогранником и с подвеской из спаянных зернинок. В гарнитурах присутствуют браслеты с утолщенными гладкими или декорированными бороздками концами, которые носили по одному, или парой (рис. 171, 7). Особенно отличается гарнитур из Лучистого, из склепа 229, включавший пару пальчатых фибул типа Арчар – Истрия и пряжку, сделаны в одном стиле, возможно, даже одним мастером. Они отлиты из серебра и покрыты тонким слоем позолоты (рис. 171, 2,3). К каждой фибуле были подвешены составные «шумящие» подвески (рис. 171, 4). Дополняли набор браслет и зеркало с петелькой и двумя рельефными валиками на обороте (рис. 171, 1).

Тип 3. Гарнитуры с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением креста 4-го и 5-го вариантов носили во второй половине VI – первой четверти VII вв. (рис. 172). Они выявлены в Карши-Баире, Алмалык-Дере, Чуфут-Кале, Скалистом, Лучистом, Суук-Су и Алонии. В состав 9 из 14 наборов входили фибулы: пальчатые с ромбами на ножке подварианта 2/1 (рис. 172, 12) и типа Удине-Планис (рис. 172, 8; 173), двупластинчатые фибулы вариантов Пв-2 и Пв-3 (рис. 172, 11,17), а также византийские прогнутые, подвязные. Только в Карши-Баире зафиксирована одна фибула, все остальные застежки – парные. В гарнитурах типа 3 носили только серьги с литым многогранниками, в основном серебряные (рис. 172, 5,9). В состав двух наборов входили серьги с большими полыми многогранниками из золота – в могиле 90 из Суук-Су (рис. 172, 16) и из бронзы – в склепе 268 из Лучистого. Браслеты из этих гарнитуров почти всегда парные, с утолщенными гладкими концами (рис. 172, 6), или украшенными поперечными бороздками (рис. 172, 14). Ожерелья составлены из янтарных бусин (рис. 174, 2), либо из мелкого стеклянного одноцветного бисера (рис. 173, 5), либо из чередующихся янтарных и стеклянных бусин. Зеркало найдено только в одном наборе этого типа из Лучистого, из склепа 268. В нескольких погребениях из Лучистого зафиксированы одинаковые по составу наборы. В склепах 77 и 283 в женских погребениях зачищены по паре серег с литым многогранником, по две фибулы типа Удине-Планис, по паре браслетов с утолщенными, гладкими концами и по ожерелью из мелких стеклянных бусин (рис. 12; 173). В склепах 104 и 216 выявлены идентичные по форме и технике изготовления пряжки и фибулы (рис. 172, 10,11). От однотипных изделий они отличаются маленькими размерами. Кольцо и язычок пряжек выполнены из пластины. Щиток пряжки и фибулы сделаны из тонкого листа серебра. При этом ни пряжка, ни фибулы не укреплены с обратной стороны бронзовыми пластинами, как это сделано у всех подобных застежек. Возможно, два названных гарнитура не предназначались для долгого употребления, а были изготовлены специально для погребения.

Тип 4. Гарнитуры с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта выявлены в 37 погребениях второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 175). В 23 из них лежали еще и фибулы. Самыми популярными фибулами в этих наборах были двупластинчатые застежки вариантов Пв-1 и Пв-2 (рис. 175, 10,11,19,23), присутствующие в 6 и 8 гарнитурах соответственно. В 3 наборах зафиксированы пальчатые фибулы: керченского типа с завитками, с концентрическими ромбами на ножке варианта 2-1 и типа

Удине-Планис (рис. 175, 8). Названные двупластинчатые и пальчатые фибулы носили парой, в которую объединяли только одинаковые застёжки. В 6 погребениях выявлены византийские прогнутые подвязные фибулы (рис. 175, 14, 17, 18), которые использовали по одной или в паре с однотипными, но отличающимися размерами и декором фибулами (рис. 177, 1, 2), либо объединяли с застёжкой другого типа (рис. 175, 14, 15).

В 17 гарнитурах зафиксированы серьги. Преобладают серьги с многогранником – они выявлены в 13 наборах. В 7 из них серьги были золотыми. Отметим, что золотые серьги представлены только ранним вариантом с кубическим многогранником (рис. 175, 13, 21). В состав большинства гарнитуров входили парные браслеты, в основном с расширяющимися концами, украшенными насечками или поперечными бороздками. Последние отмечены в 14 наборах описываемого типа. Ожерелья образованы янтарными и стеклянными одноцветными бусинами. В некоторых ожерельях присутствуют кресты (рис. 14, 3; 176, 3) и линзовидные подвески-буллы (рис. 175, 12). В 3 гарнитурах зафиксированы наборы из восьми золотых бляшек – «городков» (рис. 175, 9, 20). В состав 5 гарнитуров входили зеркала с петелькой и концентрическими валиками на обороте. В Карши-Баире, в склепе 4 найден набор туалетных принадлежностей, включавший зубочистку, ухвертку и ложечку-ситечко (рис. 100, 1, 2). В Лучистом найдено несколько почти одинаковых по составу наборов типа 4. В склепах 102, 181 и 207 зачищены погребения женщин с парой больших двупластинчатых фибул, золотыми серьгами и подвесками-«городками». К этой же группе можно отнести гарнитур из женского погребения из склепа 122а, в котором место бляшек – «городков» занимали шесть золотых линзовидных подвесок (рис. 175, 12).

В целом гарнитуры типов 1-4 очень близки по составу. С пряжкой с прямоугольным щитком, независимо от ее варианта, носили одни и те же фибулы и почти одинаковые украшения. Можно отметить и некоторые особенности. Чаще всего с пряжками с прямоугольным щитком носили двупластинчатые фибулы – они зафиксированы в 19 погребениях. Пальчатые фибулы различных типов и византийские подвязные фибулы найдены поровну: каждые в 8 погребениях. Гарнитуры с двупластинчатыми застёжками самые богатые: только в их составе носили золотые украшения – серьги с многогранником, бляшки – «городки» и линзовидные подвески. Почти во всех этих гарнитурах есть пара серебряных браслетов с утолщенными концами, украшенными поперечными бороздками. Многие пряжки с прямоугольным щитком и двупластинчатые фибулы выполнены в едином стиле. Щиток пряжки и фибулы изготовлены из тонкой серебряной пластины; оба изделия снабжены каркасом из медных пластин для большей прочности. Такие наборы, видимо, полностью делали на заказ. Гарнитуры с пальчатыми и византийскими прогнутыми застёжками намного проще по составу, в них практически отсутствуют золотые украшения. Золотые серьги с многогранником найдены в них только раз. В основном же с ними носили литые серебряные или бронзовые серьги с многогранником, браслеты с утолщенными, не декорированными концами, бронзовые линзовидные подвески. Важной особенностью описанных гарнитуров является присутствие зеркала, которые отмечены в семи случаях.

Тип 5. Гарнитуры с большой орлиноголовой пряжкой – самые многочисленные, они обнаружены в 96 погребениях второй половины VI – VII вв. (рис. 179-187). В 48 из них выявлены фибулы. Преобладают фибулы днепровского круга, зафиксированные в 16 комплексах, вторые по численности – двупластинчатые фибулы, выявленные в 16 погребениях. Византийские прогнутые подвязные фибулы отмечены в пяти гарнитурах; пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке – в четырех, а с завитками керченского типа – только в двух. Для орлиноголовых

пряжек каждого варианта характерен свой набор фибул. Отметим, что византийские подвязные фибулы встречены только в погребениях с орлиноголовыми пряжками 1-го и 2-го вариантов. Видимо, фибулы этого типа, производившиеся в византийских провинциях Подунавья, после захвата последних славянами и аварами, перестали поступать в Юго-Западный Крым. Двупластинчатые фибулы, которые носили почти со всеми вариантами орлиноголовых пряжек, представлены только вариантом Пв-1. Лишь боспорская орлиноголовая пряжка, обнаруженная в подбойной могиле 315 могильника Эски-Кермен, сопровождалась двупластинчатыми фибулами варианта Пв-3 (рис. 163). С пряжками 2-5-го вариантов носили фибулы днепровского круга – пальчатые и антропо-зооморфные. Особенностью использования этих фибул в гарнитурах с орлиноголовыми пряжками является то, что в пару всегда объединяли разнотипные, либо однотипные, но отличающиеся размером и декором застежки. Чаще всего в пару использовали пальчатые фибулы I типа и III типа с бордюром из птичьих голов – такое сочетание отмечено в 4 случаях. По три раза зафиксировано использование в пару двух разных пальчатых фибул типа I и застёжек типов I и II. В двух погребениях зачищено по паре отличающихся декором застёжек типа III. В трех гарнитурах выявлены антропоморфно-зооморфные фибулы, сочетание их типов в пару во всех случаях индивидуально.

Особым разнообразием отличается типологический состав фибул из гарнитуров конца VI – первой половины VII вв. с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта. В них присутствуют практически все типы застёжек, носимых когда-либо в наборе с орлиноголовыми пряжками (рис. 179, II). Фибулы всех типов украшали подвесками из бус или соединяли низками из бусин (рис. 15; 164 183). В VII в. византийские подвязные и пальчатые фибулы часто соединяли еще и цепями (рис. 186). В Лучистом зафиксированы стандартные наборы фибул, соединенных цепью: в склепах 38 и 232 – по паре византийских подвязных (рис. 186), а в склепах 100 и 238 – по паре пальчатых застёжек с концентрическими ромбами на ножке. В гарнитурах с орлиноголовой пряжкой часто присутствуют колокольчики – от 1 до 8, которые подвешивали в ожерелья или в низки бус от фибул.

Серьги выявлены в 64 гарнитуре. Самые распространенные – с многогранником – они зафиксированы в 38 наборе. В 33 из них серьги с многогранником были золотыми. В гарнитурах с пряжками 1-го и 2-го вариантов преобладают серьги с небольшим многогранником в форме куба (рис. 184, 8), а в наборах с пряжками 3-го, 4-го и 5-го вариантов – серьги с массивным, вытянутым многогранником, богато украшенным зернью и сканью (рис. 187, 3). Многочисленны бронзовые серьги в виде проволочного кольца. С пряжками 2-го варианта часто одевали серьги с пирамидальными подвесками – полыми или литыми (рис. 185, 1,2). В основном серьги носили по две. В 14 наборах было по одной сережке. Как правило, одиночными носили бронзовые проволочные серьги. В некоторых гарнитурах с пряжками 3-го, 4-го и 5-го вариантов присутствуют по две и даже по три пары серег.

В состав большинства гарнитуров входили браслеты, среди которых преобладают экземпляры с утолщенными концами, декорированными поперечными бороздками – они отмечены в 30 случаях. В 19 наборах присутствовали браслеты с утолщенными гладкими концами, в 5 – с концами, расплюснутыми штампом с орнаментом в виде елочки, в 3 – с уплощенными концами. Отметим, что браслеты с поперечными бороздками происходят, в основном, из гарнитуров с пряжками 1-го и 2-го вариантов, тогда как браслеты с гладкими утолщенными концами доминируют в наборах с пряжками 3-го, 4-го и 5-го вариантов. В гарнитурах присутствуют ожерелья из 14-36 бусин с одной подвеской, либо с несколькими просверленными зубами животных и раковины каури в центре. Ожерелья составлены из янтарных и стеклянных бусин. Среди последних преобладают одноцветные, синие.

В 6 погребениях с орлиноголовыми пряжками найдено по 7-8 золотых бляшек – «городков». Как и в гарнитурах типа 3-3, в наборах с орлиноголовыми пряжками эти бляшки встречены вместе с двупластинчатыми фибулами и золотыми серьгами с многогранником (рис. 14, 4).

Гарнитуры с орлиноголовыми пряжками бытовали во второй половине VI-VII вв. На протяжении всего периода существования гарнитуры оставались неизменными по наличию компонентов: в них присутствуют фибулы, серьги, браслеты и бусы. Однако типологический состав каждого из перечисленных компонентов менялся. Гарнитуры с пряжками 1-го и 2-го вариантов по составу и набору украшений, в основном, близки одновременным гарнитурам с пряжкой с прямоугольным щитком: для них характерны двупластинчатые фибулы и византийские подвязные застежки, серьги с многогранником, браслеты с утолщенными концами, часто декорированные поперечными бороздками, составленные из янтарных и одноцветных стеклянных бусин ожерелья. В двух наборах зафиксированы зеркала, а в 4 – золотые бляшки – «городки». В наборах с пряжками 4-го и 5-го вариантов преобладают пальчатые фибулы, в основном, днепровского круга. В них нет золотых бляшек – «городков», зато увеличивается размер и масса золотых серег с многогранником. Возрастает количество украшений: часто в наборах этого периода присутствуют по 2-3 пары разных серег и по 3-4 браслета. Среди последних преобладают экземпляры с утолщенными гладкими, часто массивными концами. Наборы с гарнитурами с пряжками 3-го варианта по составляющим компонентам занимают промежуточное положение: по набору фибул и браслетов – они близки поздним гарнитурам. Однако в двух из них присутствуют характерные для более раннего периода бляшки – «городки». находки в Суук-Су и Лучистом позволяют говорить о локальных особенностях гарнитуров, характерных для каждой общины, оставившей могильник. В Суук-Су фибулы отсутствовали только в 3 из 15 погребений с орлиноголовыми пряжками. Представительницы населения, оставившего могильник у с. Лучистое во второй половине VI в. практически не носили фибул в костюме с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта. Фибулы из погребений с орлиноголовыми пряжками из Лучистого отличаются типологическим составом. В могильниках Суук-Су обязательной принадлежностью костюма с орлиноголовыми пряжками 1-го и 2-го вариантов являются большие двупластинчатые фибулы; они также найдены в двух из четырех погребениях с пряжками 3-го варианта. В Лучистом находки двупластинчатых фибул в наборе с орлиноголовой пряжкой единичны.

Существует стереотип об «обеднении» убора с орлиноголовыми пряжками поздних вариантов: «... серебряных украшений остается мало, золото исчезает вовсе» [Фурасьев, 2009, с. 219]. Однако, из статистических данных по составу гарнитуров, явствует, что из 51-го погребения с орлиноголовыми пряжками 1-го и 2-го вариантов золотые серьги найдены только в 12; тогда как в 22 гарнитурах с пряжками 4-го и 5-го варианта эти же серьги встречены 9 раз. То есть в костюме с орлиноголовой пряжкой во второй половине VI – первой четверти VII вв. только каждая четвертая женщина могла носить еще и золотые серьги, а во второй половине VII в. такими украшениями пользовалась каждая вторая. Бляшки – «городки» исчезли, но серьги стали намного массивнее (на их производство уходило 18 гр. золота, ровно столько, сколько уходило на изготовление ранних серег вместе с «городками»). Вместо бляшек – «городков» для украшения горловины во второй половине VII в. использовали бляшки других форм. Пряжки второй половины VII в. стали очень больших размеров и на их производство тратили столько же, или даже чуть больше серебра, чем на изготовление вместе

взятых двупластинчатых фибул и одной пряжки с прямоугольным щитком второй половины VI в. В Лучистом, в погребениях второй половины VII в. из склепов 228 и 270 найдены двупластинчатые фибулы, длиннее (25 см) однотипных застежек более раннего времени. Часто в поздних гарнитурах присутствует по несколько серебряных браслетов, которые стали массивнее. Как видно из приведенных данных, во второй половине VII в. количество драгоценных металлов, тратившихся на изготовление убора, в среднем осталось прежним. В отдельных случаях расход серебра даже увеличился. Поэтому следует говорить не об «обеднении», убора, а об изменении моды на ношение определенных деталей.

Наборы с орлиноголовой пряжкой – единственные, существовавшие на протяжении всего периода бытования женского костюма с большой пряжкой. С орлиноголовыми пряжками носили разные фибулы, но только двупластинчатые застежки с накладками варианта Пв-1 известны в наборах со всеми вариантами этих пряжек. Таким образом, на протяжении всего периода – второй половины VI-VII вв., в Юго-Западном Крыму можно было встретить женщин, чье платье было опоясано широким ремнем с орлиноголовой пряжкой, а накидка пристегнута на плечах двупластинчатыми фибулами.

Тип 6. Гарнитуры с большой пряжкой с ромбическим щитком выявлены *in situ* только в двух погребениях второй четверти и второй половины VII в. из Лучистого (188; 189). Судя по отдельным находкам пряжек, эти гарнитуры были достаточно распространенными. По составу они близки одновременным гарнитурам с орлиноголовой пряжкой. Но, в отличие от последних, гарнитуры типа 3-5 включали пару одинаковых пальчатых днепровских фибул типа I. Вместо бляшек – «городков» в них использованы бляшки другой формы (рис. 189, 4).

Тип 7. Гарнитуры с византийскими шарнирными пряжками зафиксированы в трех погребениях второй половины VII в. (рис. 190; 191). В них присутствуют только пальчатые фибулы. Богатый по составу набор найден в Лучистом, в склепе 238, в захоронении девочки – подростка 10-15 лет (рис. 190). Ее похоронили в типичном для взрослых женщин парадном одеянии, опоясанном ремнем с большой пряжкой, с накидкой, пристегнутой на груди парой одинаковых пальчатых фибул днепровского круга типа I, соединенных между собой нитью с крупными бусами и колокольчиками. На запястьях рукава платья были стянуты парой браслетов. Шею девочки украшало ожерелье из трех низок бус и различных подвесок, уши – серебряные серьги с пирамидальными подвесками, пальцы рук – два бронзовых перстня. Гарнитуры с шарнирными пряжками близки по составу одновременным наборам с большой поясной застежкой. Возможно, шарнирные пряжки из-за их размера и индивидуальности формы воспринимались местным населением как аналог большой пряжке. Эти гарнитуры демонстрируют наметившуюся в costume около середины VII в. тенденцию – постепенное исчезновение варварских пряжек и переход местного населения на византийские поясные застежки.

3. Особенности костюма

Большинство больших пряжек – это продукция местных ювелиров, работавших, скорее на заказ, чем для массового, торгового производства. На изготовление большой пряжки, в зависимости от типа, уходило от 20 до 120 граммов чистого веса серебра 600° или 700° пробы. Большая пряжка была неотъемлемой частью пояса. Конструкция пряжки такова, что заключительным этапом ее изготовления является фиксация на ремне. Верхняя и нижняя пластина щитка, а также укрепляющие нижние пластины скрепляли гвоздиками лишь со вставленным между ними ремнем. Шляпки гвоздиков были составной частью декора щитка. Безусловно, пряжки

ремонтировали – поломанные детали чинили или меняли. Любой ремонт заметен на пряжке, поскольку нарушает первоначальный декор застежки.

Отметим некоторые особенности использования фибул в костюме с большой пряжкой. Самый распространенный тип фибул, встречающийся на протяжении всего времени бытования костюма с большой пряжкой – это местные, двухпластинчатые застежки, они зафиксированы в 36 гарнитурах. Большие фибулы вариантов Пв-1 и Пв-2 можно считать исключительной принадлежностью женского костюма с большой пряжкой – они ни разу не найдены в наборах с маленькими поясными застежками и в детских погребениях (рис. 14, 4; 183). Маленькие двухпластинчатые фибулы варианта Пв-3 известны и в женских погребениях с маленькими поясными застежками (Суук-Су, могилы 5 и 32) и в детском погребении (Лучистое, склеп 104). В 19 захоронениях двухпластинчатые фибулы сопровождали пряжки с прямоугольными щитками, а в 17 – орлиноголовые застежки. При этом все три варианта двухпластинчатых фибул носили только с пряжками с прямоугольным щитком с изображением льва. С пряжками с прямоугольными щитками 1-го и 3-5-го вариантов использовали фибулы без накладок и самые маленькие (варианты Пв-2 и Пв-3), тогда как с орлиноголовыми пряжками – только варианта Пв-1 с накладками. Скорее всего, двухпластинчатые фибулы, а именно их парадные варианты делали сразу с большой пряжкой – поэтому их и нет в детских погребениях.

Остальные фибулы, входившие в состав набора с большой пряжкой, были, в основном, привозными. Они бытовали недолго и использовались в наборе с определенным типом пряжек. Фибулы типа Удине-Планис носили только женщины и всегда парными. Они зафиксированы в трех гарнитурах с пряжками с прямоугольным щитком (рис. 12; 173), и только в одном случае – с орлиноголовой пряжкой (рис. 181). Другие привозные фибулы – пальчатые боспорские и византийские прогнутые подвязные носили и дети, и подростки, и женщины – часто не парными, в наборе с застежкой другого типа. Распространившиеся в первой четверти VII в. в Юго-Западном Крыму пальчатые и антропоморфно-зооморфные фибулы днепровского круга зафиксированы только в гарнитурах типов 5-7. В наборах с орлиноголовой пряжкой днепровские фибулы всегда непарные (рис. 15; 185; 187), а в гарнитурах с большой пряжкой с ромбическим щитком или византийской шарнирной застежкой – парные. Отметим, что в Юго-Западном Крыму парные фибулы днепровского круга найдены, в основном, в детских захоронениях: I типа – в Лучистом, в склепах 54, 65, 223, 268 и в могиле 179, II типа – в Лучистом, в склепе 170, а III типа – в Лучистом, в могиле 181А, в склепе 265 и в Суук-Су в могиле 87 [Репников, 1906, с. 26, табл. VII, 1].

Некоторые наборы с большой пряжкой включают много компонентов, в которых – присутствует только одна пряжка. В состав полного набора входили: большая пряжка, пара фибул, ожерелье, две серьги с многогранником и пара серебряных браслетов с поперечными насечками. Однако не все полные наборы были равноценными. Выделяется «элитарный» костюм, в котором серьги были золотыми, фибулы – серебряные двухпластинчатые с позолоченными накладками, сделанные в одном стиле с большой пряжкой, а горловину украшали золотые нашивные бляшки (рис. 14, 4). В остальных гарнитурах присутствуют серебряные или бронзовые серьги, привозные и непарные фибулы, в основном сделанные из бронзы.

Фибулы не всегда входили в состав женского костюма: они найдены только в 86 из 158 погребений с большой пряжкой. Иначе говоря, 54,4%, или чуть больше половины женщин вместе с большой пряжкой носили фибулы. Чаше фибулы встречаются в наборах с большой пряжкой с прямоугольным щитком

(они зафиксированы в 36 из 60 случаев), реже – с орлиноголовыми пряжками (в 48 из 95 случаев). Фибулы – это свидетельство наличия в одежде дополнительного компонента – накидки из большого отреза ткани, а, следовательно, и показатель имущественного состояния хозяйки. Согласно наблюдениям этнографов, костюмные комплексы имущих в основном включают большее количество компонентов комплекса одежды [Кузнецов, 1995, с. 45]. По письменным свидетельствам, в Византии богатый человек имел многочисленную и разнообразную одежду и мог одевать несколько одеяний даже в жару; простолюдины носили бедную одежду, иногда единственную [Курбатов, 1971, с. 140; Чекалова, 1984, с. 648; Kalamaga, 1995, p. 126-127].

Возможно, присутствие фибул в костюме связано не только с имущественным, но и с социальным положением владелицы, с ее местом в семье или иерархии рода. Так, в Лучистом в восьми склепах (№№ 38, 42, 46а, 54, 122а, 227, 228, 270) в одном слое рядом с костяком с большой пряжкой и соответствующим полным набором находилось погребение, содержавшее одновременную, однотипную пряжку и лишь некоторые элементы гарнитура. В склепе 10, в слое 4, рядом зачищены три женских костяка – два с орлиноголовыми пряжками 3-го варианта, один – с парой двупластинчатых фибул и пряжкой со львом [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 31]. По количеству израсходованного серебра все три костюма примерно равноценны: на производство пары двупластинчатых фибул и одной пряжки уходило примерно столько же серебра, сколько на одну орлиноголовую пряжку. В данном случае, при выборе костюма, скорее всего, руководствовались не имущественным, а социальным положением женщины.

Разные по составу гарнитуры как синхронные, так и разновременные происходят из одних могильников, а часто – и из одного погребального сооружения. В Лучистом, в девяти склепах (№№ 10; 42; 74; 102; 122А; 207; 228; 240; 268) погребения с пряжкой с изображением льва на щитке и с синхронными орлиноголовыми пряжками 1-го, 2-го или 3-го вариантов находились в одном слое, зачастую даже рядом [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 31; 173]. Также в одних склепах и на захороненных рядом женщинах встречаются пряжки и других типов: орлиноголовые и ромбические (Лучистое, склеп 238), орлиноголовые и византийские шарнирные (Лучистое, склеп 238; Эски-Кермен, склеп 257). В склепах с многослойными захоронениями ранние гарнитуры выявлены в нижних слоях, а поздние – в верхних. Погребения с гарнитурами всех типов совершены по одному обряду. Склепы служили семейными усыпальницами [Айбабин, 1987, с. 192] и вряд ли бы в них хоронили представительниц разных этносов. У многих носительниц разных гарнитуров одинаково деформированы черепа, в соответствии с обычаем, принятым у местного населения. Учитывая вышесказанное, различия в гарнитурах не стоит связывать с разной этнической принадлежностью их носительниц, или с миграцией нового населения, как это делают некоторые исследователи [Kazanski, 1996, с. 336-337; Фурасев, 2009, с. 232]. Мы также не склонны делить население Юго-Западного Крыма на этнические группы, в зависимости от типа носимой ими пряжки.

Костюм с большой пряжкой был парадным одеянием. Серьги с многогранником и бляшки – «городки», являющиеся основными золотыми украшениями в погребениях второй половины VI-VII вв., сопровождают только захоронения с большими пряжками. Только с большой пряжкой носили крупные двупластинчатые фибулы и многочисленные украшения из серебра. Судя по антропологическим данным, такой костюм был принадлежностью взрослых женщин. Костюм не передавался по наследству. Его делали на заказ для женщины при достижении определенного возраста или получении некоего социального статуса (замужество,

рождение ребенка). Ювелиры предлагали определенный ассортимент пряжек, фибул и украшений. На рынке можно было приобрести различные бронзовые фибулы и украшения, привозившиеся из Византии, Боспора или Поднепровья. При выборе костюма учитывались мода, социальное или имущественное положение, а также личный вкус. Женщины из более состоятельных семей заказывали у ювелира полный гарнитур – пряжку и пару двупластинчатых фибул, изготовленные из серебра и декорированные в едином стиле, а также набор украшений, включавший пару серебряных браслетов, золотые серьги с многогранником и бляшки – «городки», нашивавшиеся вместе с черным бисером на горловину платья. Большинство жительниц региона заказывали у ювелиров большую серебряную пряжку и отдельные украшения (только серьги или одни браслеты), а в качестве наплечных застежек приобретали привозные бронзовые фибулы в соответствии со своим вкусом и возможностями. Некоторые ограничивались одной пряжкой. Металлические аксессуары носили на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют следы изношенности и ремонта на пряжках, фибулах и серьгах. При изменении моды отдельные детали костюма подновлялись. Прижизненный парадный костюм становился погребальным одеянием после смерти хозяйки.

Жительницы Юго-Западного Крыма ухаживали за своей внешностью. Для этого они использовали косметические средства – румяна и белила, а также специальные туалетные принадлежности: зеркала, инструменты по уходу за ушами и ногтями. Особый облик некоторым представительницам местного населения придавала вытянутая форма головы, вызванная искусственной деформацией черепа.

В костюме с большой пряжкой из Юго-Западного Крыма смешены разные этнокультурные традиции. На протяжении всего его существования наиболее ярко выражен восточногерманский компонент. Прототипами для всех типов больших пряжек и многих фибул из Юго-Западного Крыма послужили застежки остготов и гепидов. Традиция ношения фибул парами, на плечах и головкой вниз в середине VI в., когда костюм массово распространился в Юго-Западном Крыму, была характерна только для остготов в Северной Италии, везиготов в Испании и для готов, живших на Боспоре и в Херсоне.

Характерные для костюма на всем периоде его существования украшения – серьги с многогранником и браслеты с утолщенными, декорированными концами во второй половине V-VI вв. были популярны у многих народов Европы. Золотые бляшки – «городки», украшавшие горловину платья – восходят к сармато-аланской традиции расширять одежду нашивными золотыми бляшками. В Юго-Западном Крыму известны отдельные детали боспорского костюма – пряжки и фибулы, что вполне объяснимо торговыми связями между двумя регионами, но в целом характерный для боспорян костюм не найден. Привозные боспорские аксессуары носили в составе местного костюма. Торговыми контактами с Поднепровьем можно объяснить и появление в местном костюме бронзовых пальчатых и антропоморфно-зооморфных фибул, которые, как и другие привозные наплечные застежки, приспособляли под местный костюм и часто носили непарными.

В костюме с большой пряжкой прослежено и влияние византийской моды. Во второй половине VI в. встречаются привезенные из византийских провинций Подунавья фибулы и отдельные типы украшений. В первой половине VII в. к ним добавились еще и малые византийские пряжки, которые использовали как вспомогательные: ими застегивали сумочки или ремешки для ножей. Во второй половине VII в. влияние византийской моды возрастает настолько, что в некоторых гарнитурах место больших пряжек заменили шарнирные застежки (рис. 190; 191). Под влиянием христианства в костюме появились личные предметы культа (кресты, филиakterии, медальоны), которые носили в ожерельях как под-

вески (рис. 14), перстни с христианской символикой. Христианская символика появляется также на фибулах и пряжках.

Несмотря на различные влияния и заимствования, костюм с большой пряжкой настолько специфичен и своеобразен, что носившую его женщину и за пределами региона можно было определить как жительницу страны Дори.

К концу VII в., когда большие поясные застежки вышли из моды, их место в женском костюме заняли цельнолитые и шарнирные византийские пряжки. Изменение моды наглядно демонстрируют находки из склепов с многослойными погребениями из Лучистого. В склепах 38, 122А и 232, в женских погребениях из нижних слоев лежали большие пряжки (рис. 11), а в перекрывавших их верхних слоях женские захоронения сопровождалась только пряжками типа Сиракузы (рис. 197). Бронзовые византийские цельнолитые пряжки отличались от больших поясных застёжек крымских готок дешевизной и практичностью. Они представлены распространенными, стандартными типами, производившимися в литейных мастерских по всему византийскому миру. Пряжки были предметом массового производства, рассчитанные на торговлю. Изготавливались они без ремня. Легкость, с какой пряжку укрепляли на ремне, позволяла потребителю самому выбирать, в каком качестве использовать застёжку. В итоге, византийские пряжки стали универсальными застёжками, которые носили и мужчины, и женщины, и дети. К концу VII в. византийские застёжки полностью вытеснили из женского костюма большие пряжки, лишив его этнического своеобразия. К этому времени из костюма женщин и девочек исчезают и фибулы. В конце VII – первой половине VIII вв. по одежде крымских готок нельзя было отличить от жительницы любой византийской провинции.

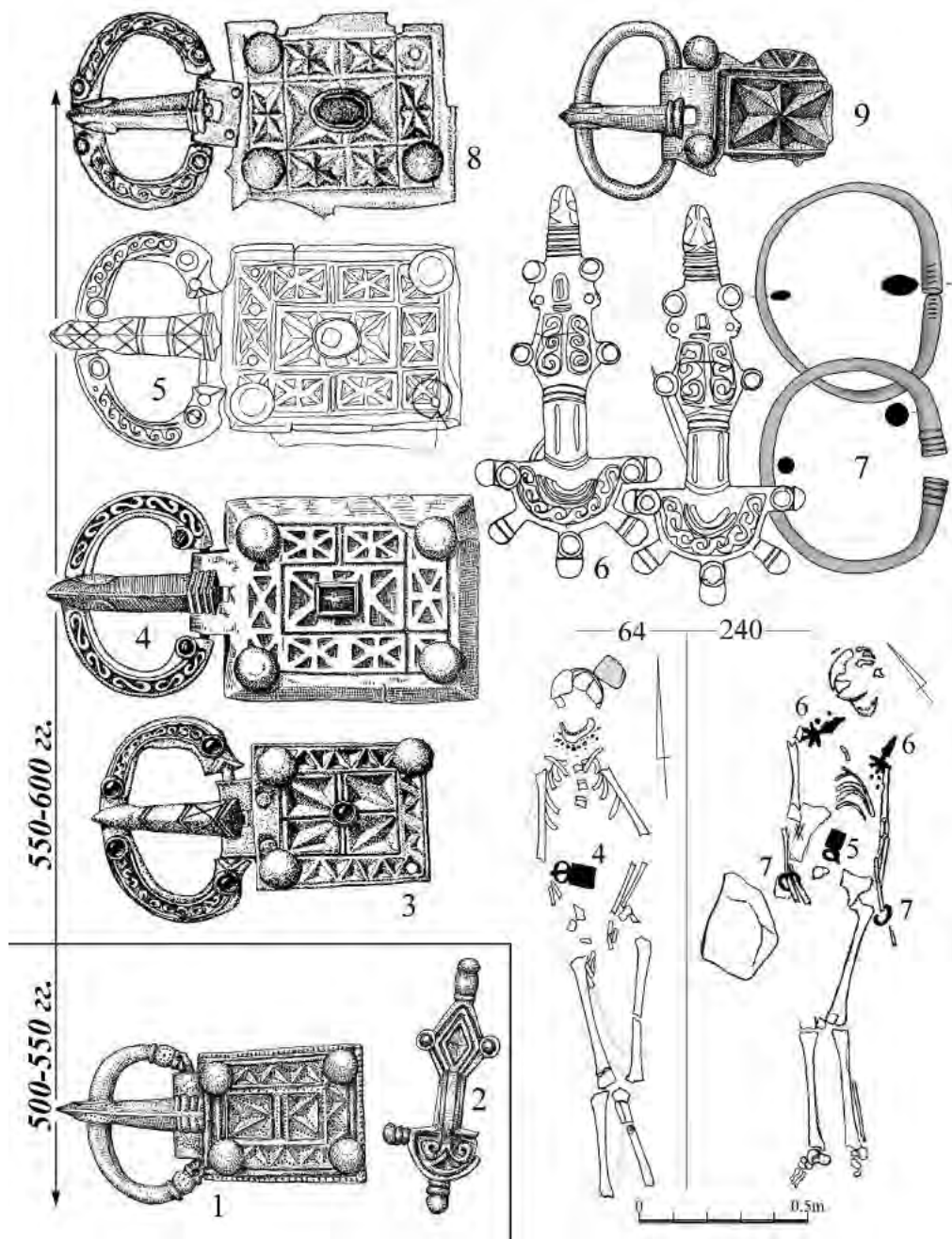

Рис. 170. Женский костюм с большой пряжкой с прямоугольным щитком 1-го варианта из Юго-Западного Крыма.
 1,2 – Херсон, склеп 14/1914; 3 – Скалистое, склеп 138; 4,64 – Лучистое, склеп 64, погребение 4; 5-7,240 – Лучистое, склеп 240, погребение 32;
 8 – Суук-Су, могила 49; 9 – Скалистое, склеп 5

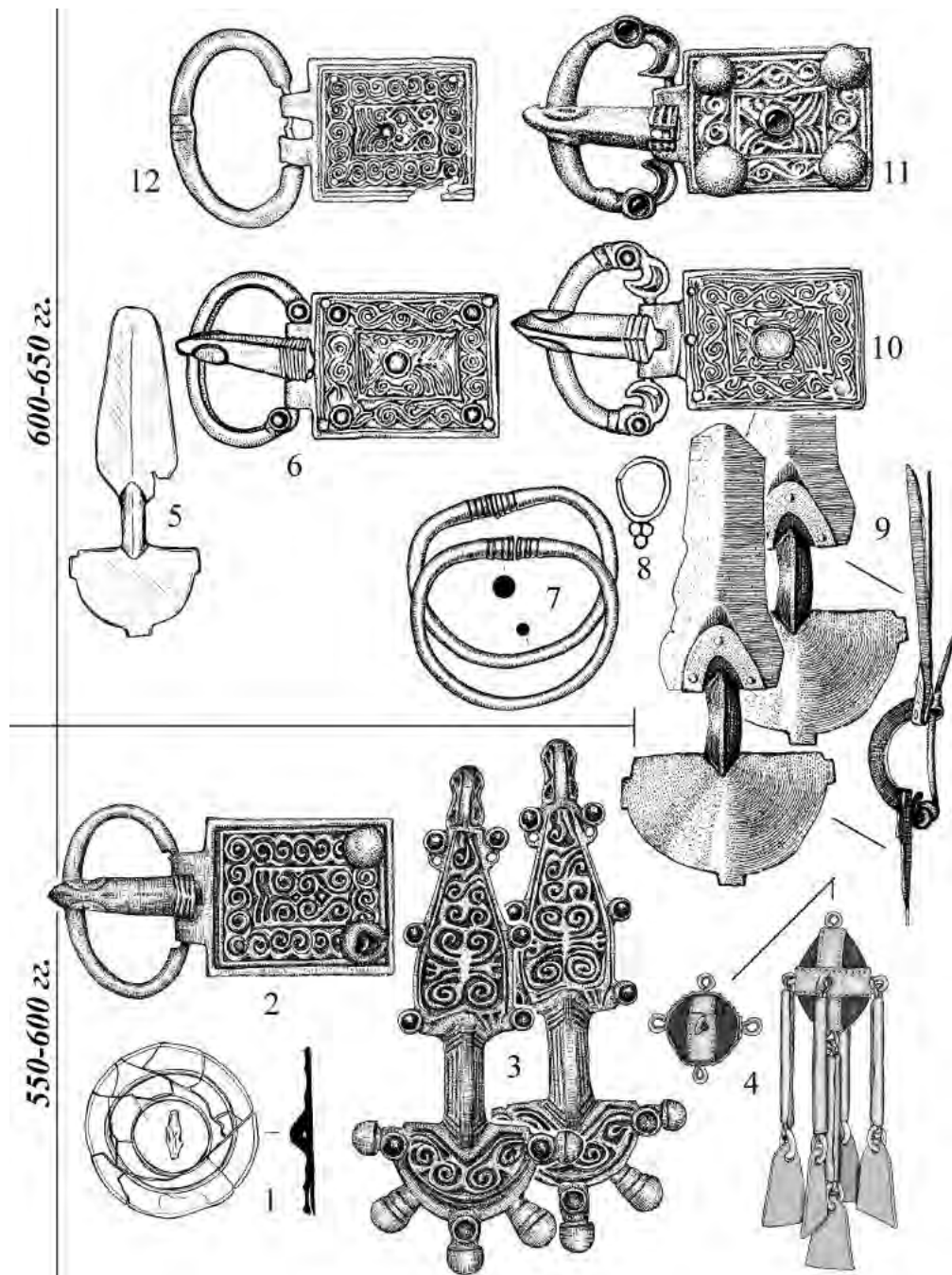

Рис. 171. Женский костюм с большой пряжкой
с прямоугольным щитком 3-го варианта из Юго-Западного Крыма.
1-4 – Лучистое, склеп 229; 5,6 – Чуфут-Кале, подбойная могила 21;
7-10 – Суук-Су, склеп 169; 11 – Скалистое, склеп 683; 12 – Суук-Су, случайная находка

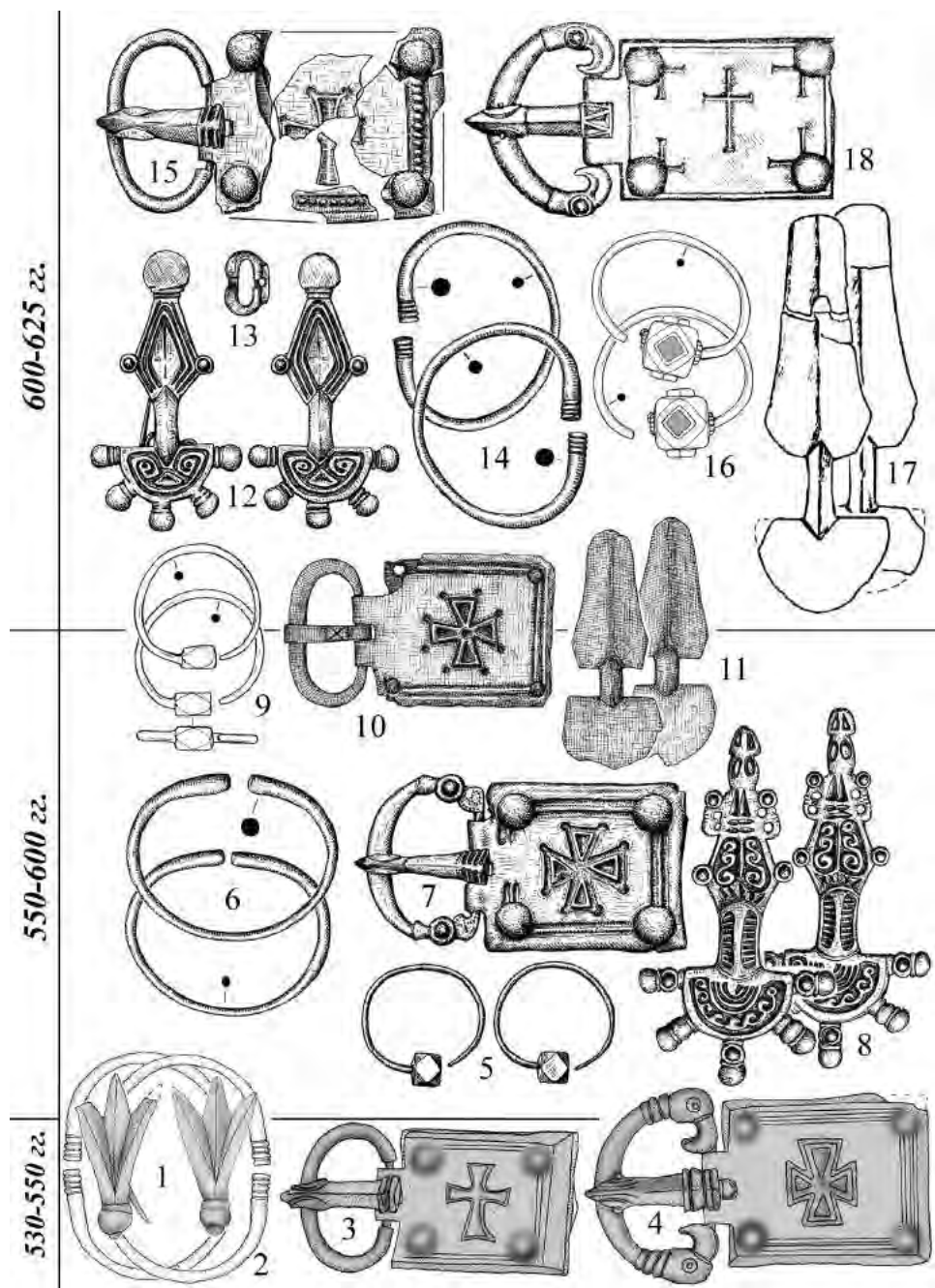

Рис. 172. Женский костюм с большой пряжкой и прямоугольным щитком 4-го и 5-го вариантов из Юго-Западного Крыма.
 1-4 – Алмалык-Дере, склеп 192/2007; 5-8,12-15 – Лучистое, склеп 77
 (5-8 – погребение 1; 12-15 – погребение 7);
 9-11 – Лучистое, склеп 104; 16-18 – Суук-Су, могила 90

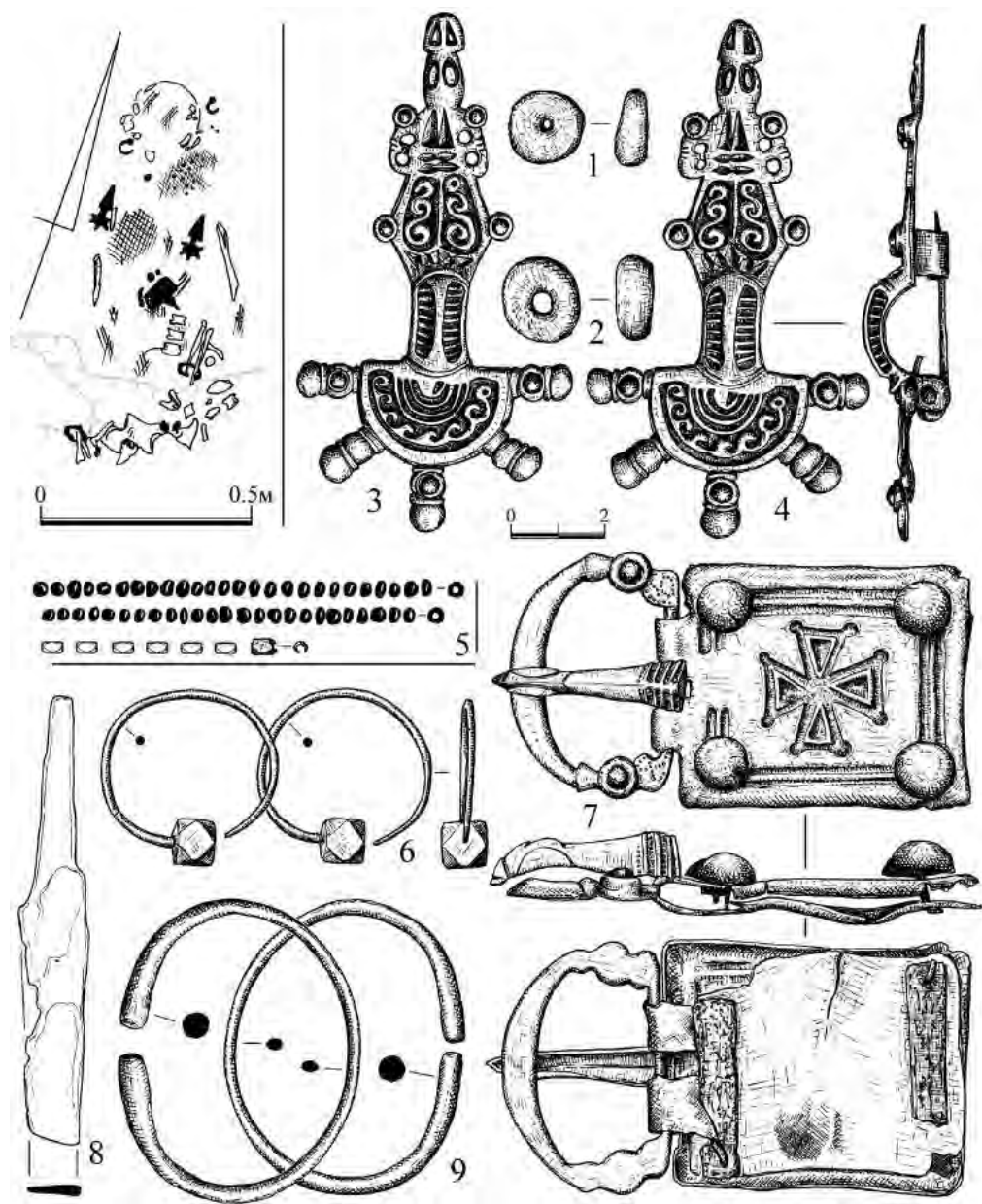

Рис. 173. Могильник у с. Лучистое, склеп 77.
Женское погребение 1 второй половины VI в.
I – план погребения; 1-9 – находки из погребения

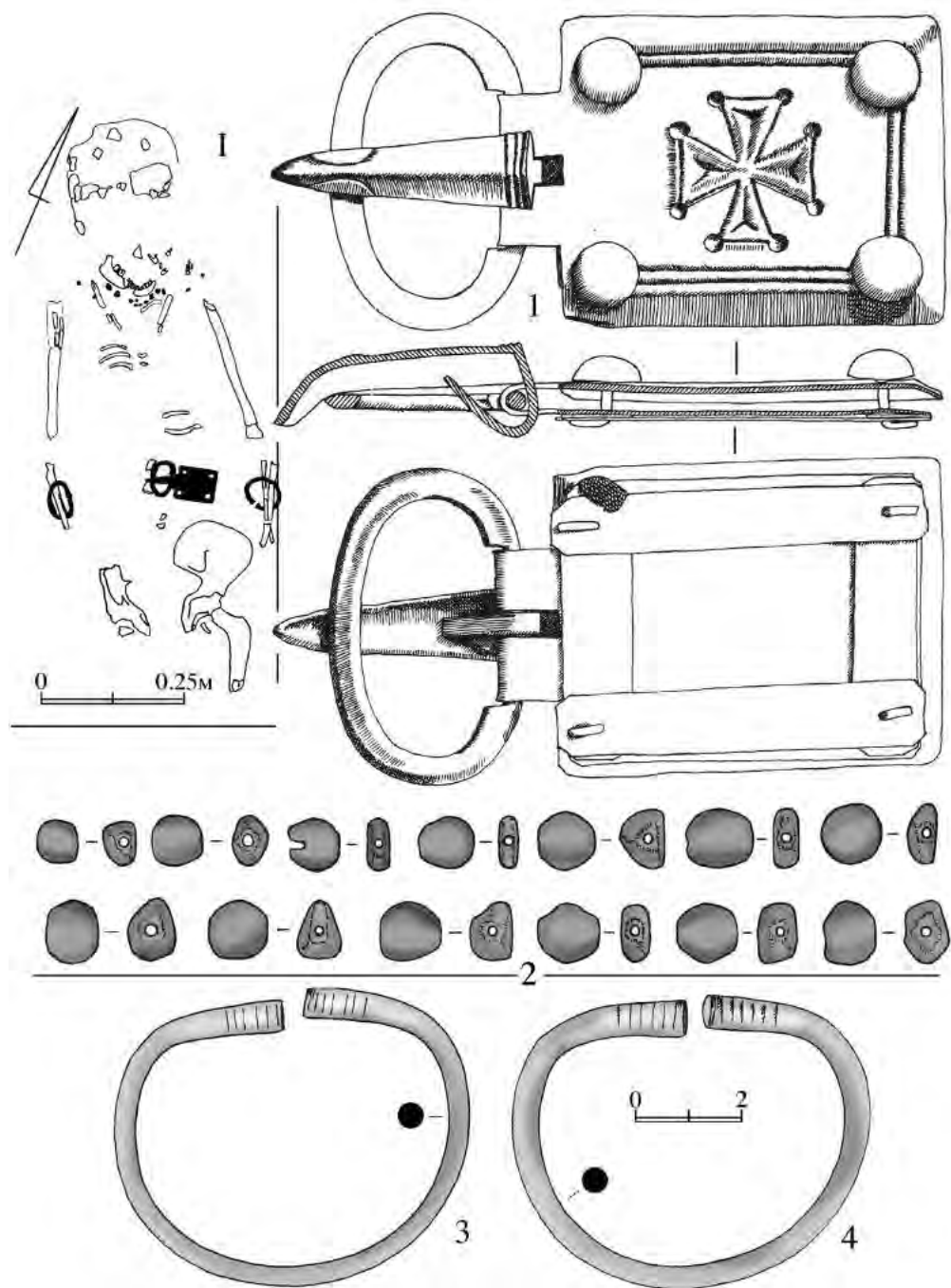

Рис. 174. Могильник Алония, склеп 1. Женское погребение 4 второй половины VI в.
I – план погребения; 1-4 – находки из погребения

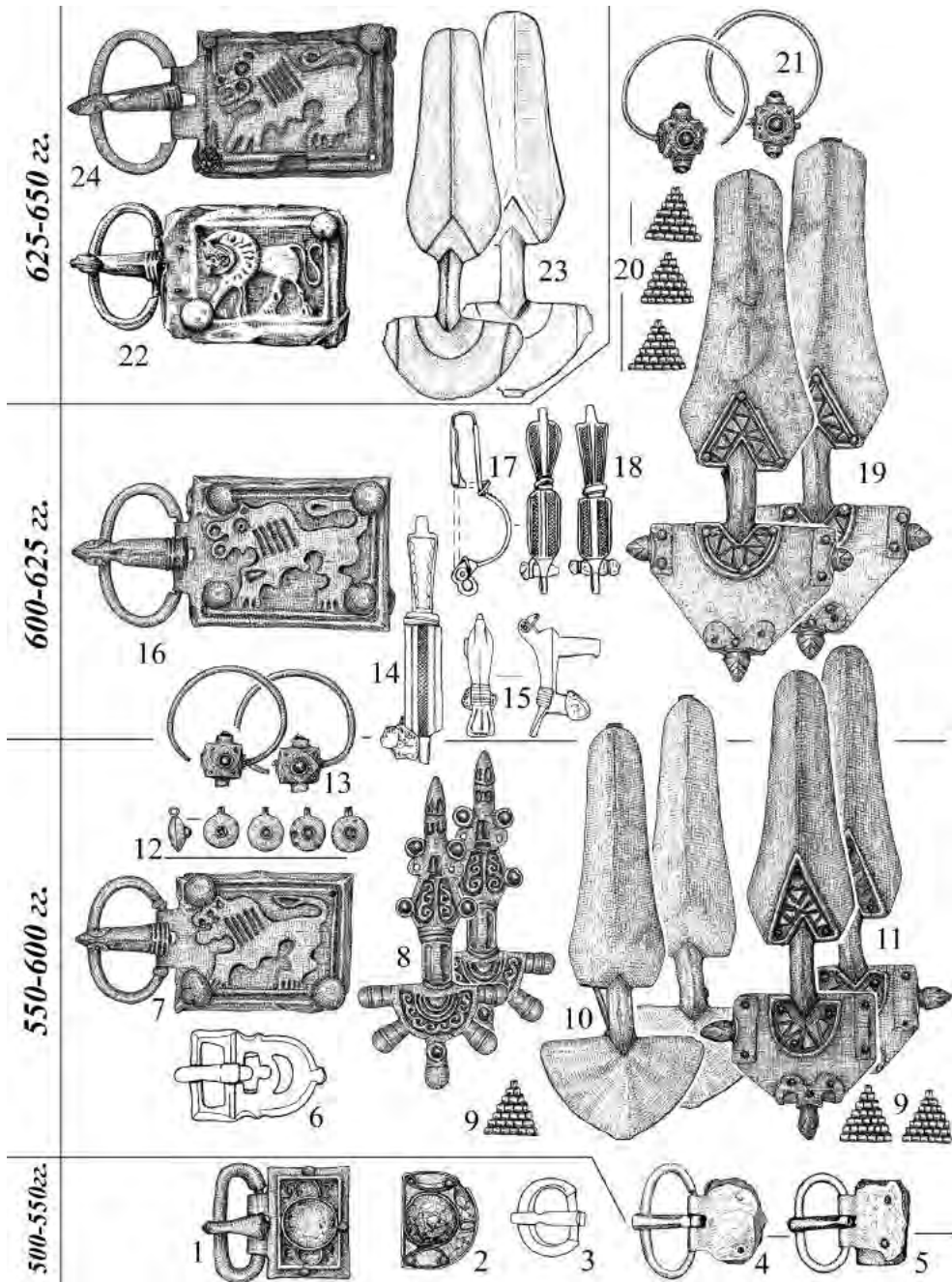

Рис. 175. Женский костюм с большой пряжкой
с прямоугольным щитком 6-го варианта по материалам могильника у с. Лучистое.
1-3 – склеп 124; 4,5 – могила 99; 6 – склеп 186; 7,8 – склеп 176; 9,11 – склеп 207;
10,16,19 – склеп 181; 12,13,17,18 – склеп 122А;
20,21 – склеп 102; 22,23 – склеп 10; 24 – склеп 228

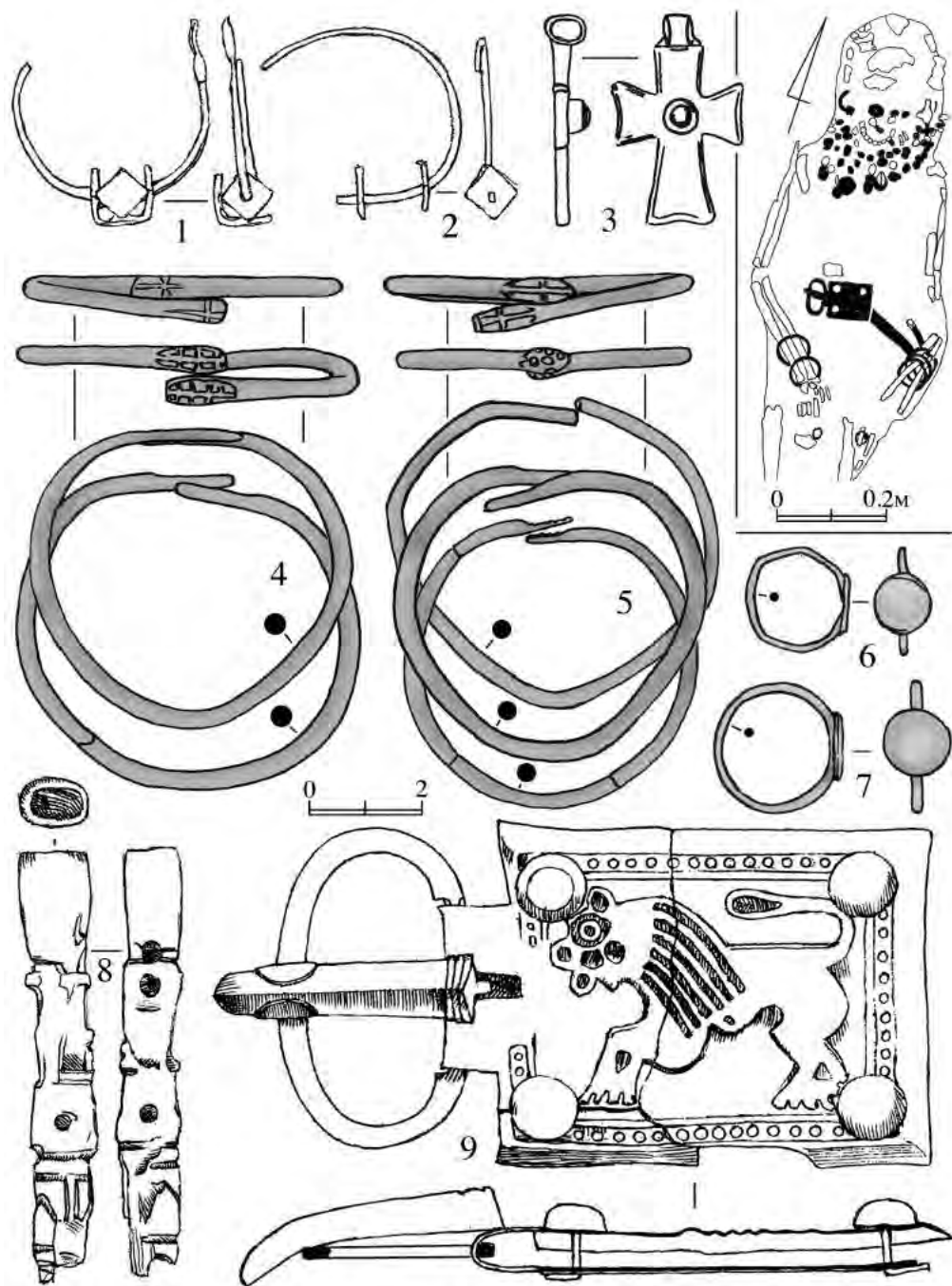

Рис. 176. Могильник Алонья, склеп 2. Женское погребение 3 второй половины VI в.
1 – план погребения; 1-9 – находки из погребения

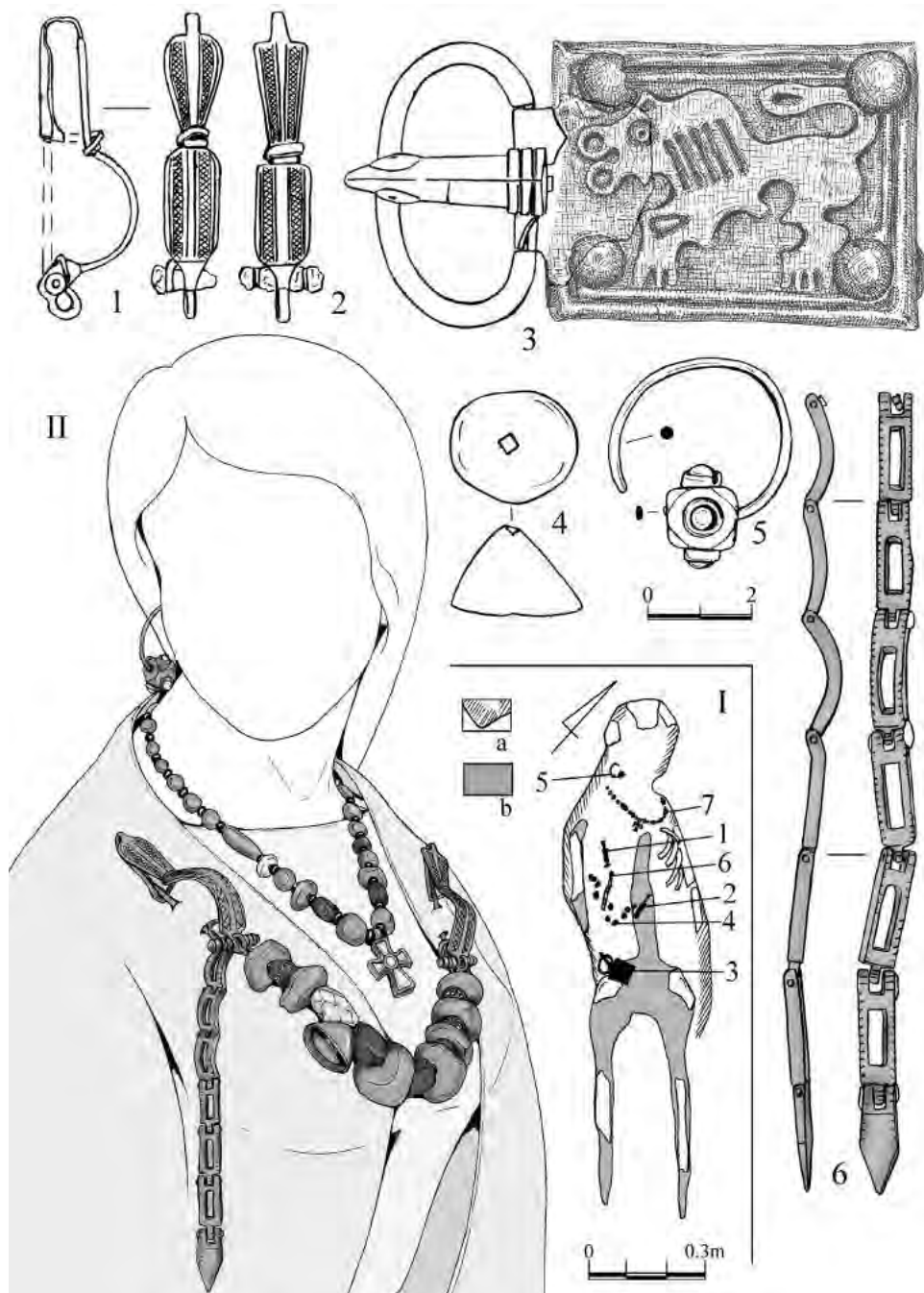

Рис. 177. Могильник у с. Лучистое, склеп 122а.
 Женское погребение 17 конца VI – первой четверти VII вв.
 I – план погребения; II – реконструкция парадного убора погребенной
 [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]; 1-6 – находки из погребения

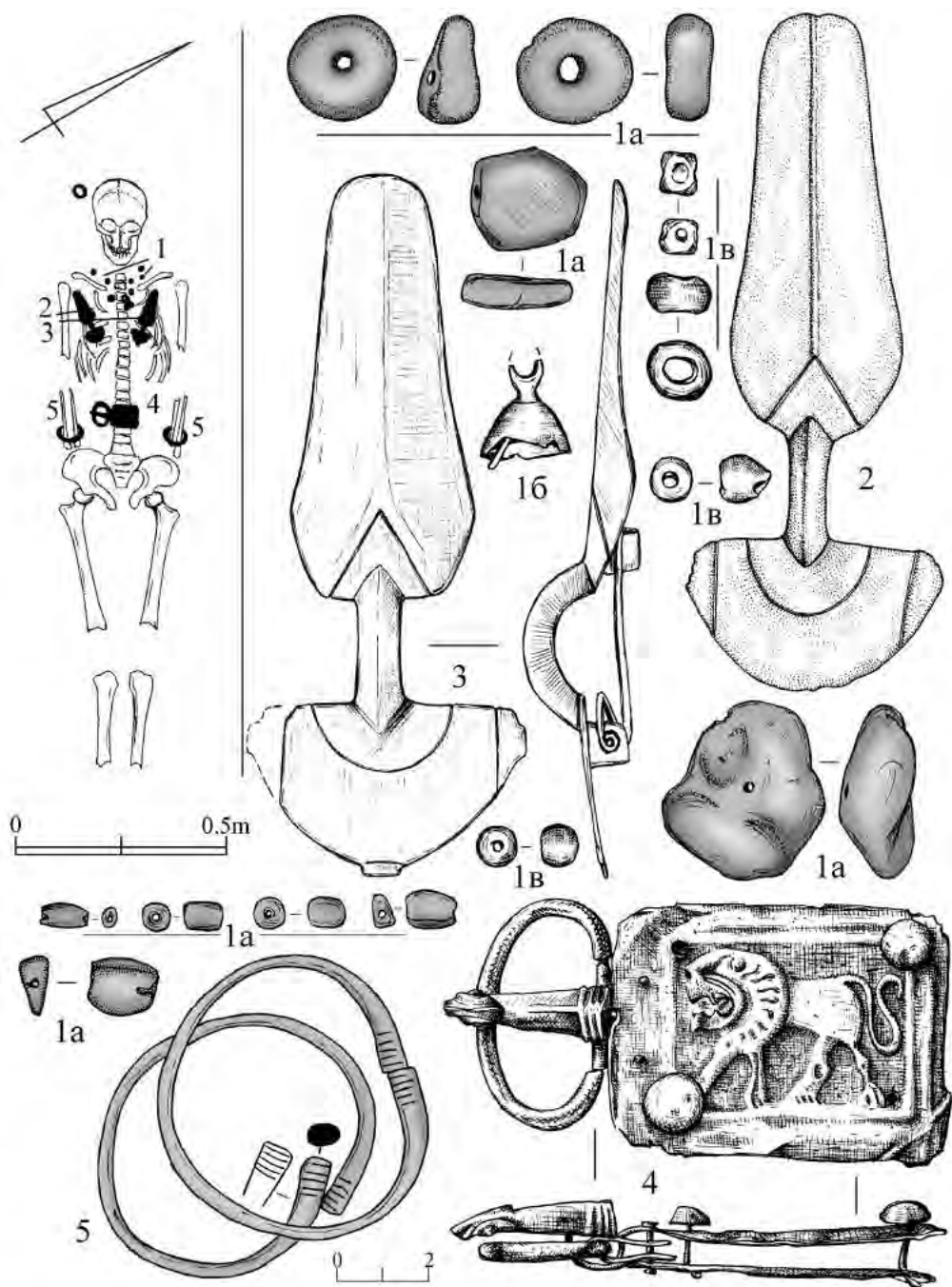

Рис. 178. Могильник у с. Лучистое, склеп 10.
Женское погребение 14 второй четверти VII в.
1 – план погребения; 1-4 – находки из погребения

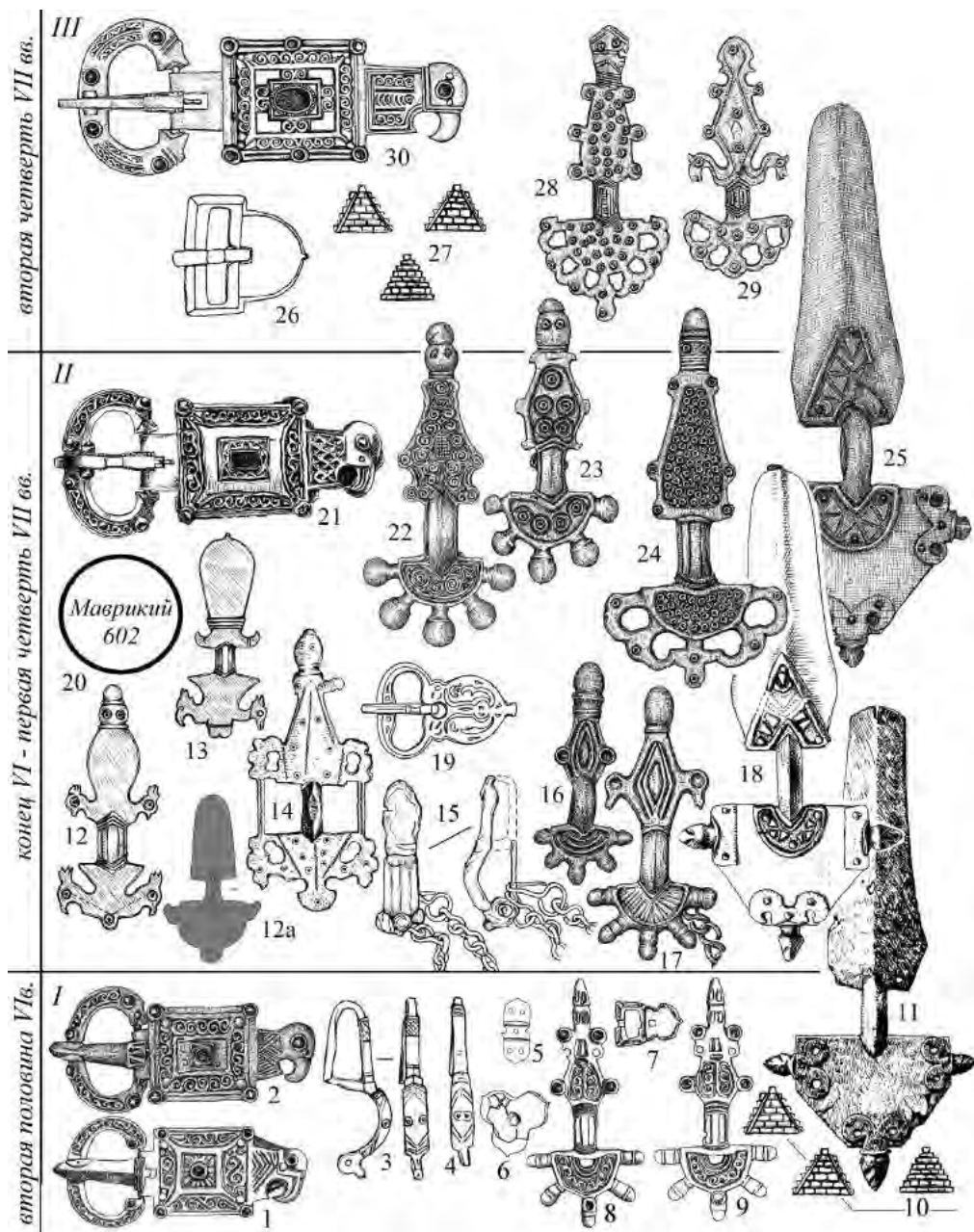

Рис. 179. Хронология орлиноголовых пряжек из Юго-Западного Крыма.

Пряжки 1-го, 2-го и 3-го вариантов.

1,8,9,12a – Алония; 2-6,12-19,21-26,28-30 – Лучистое;

10,20,27 – Суук-Су; 7,11 – Скалистое

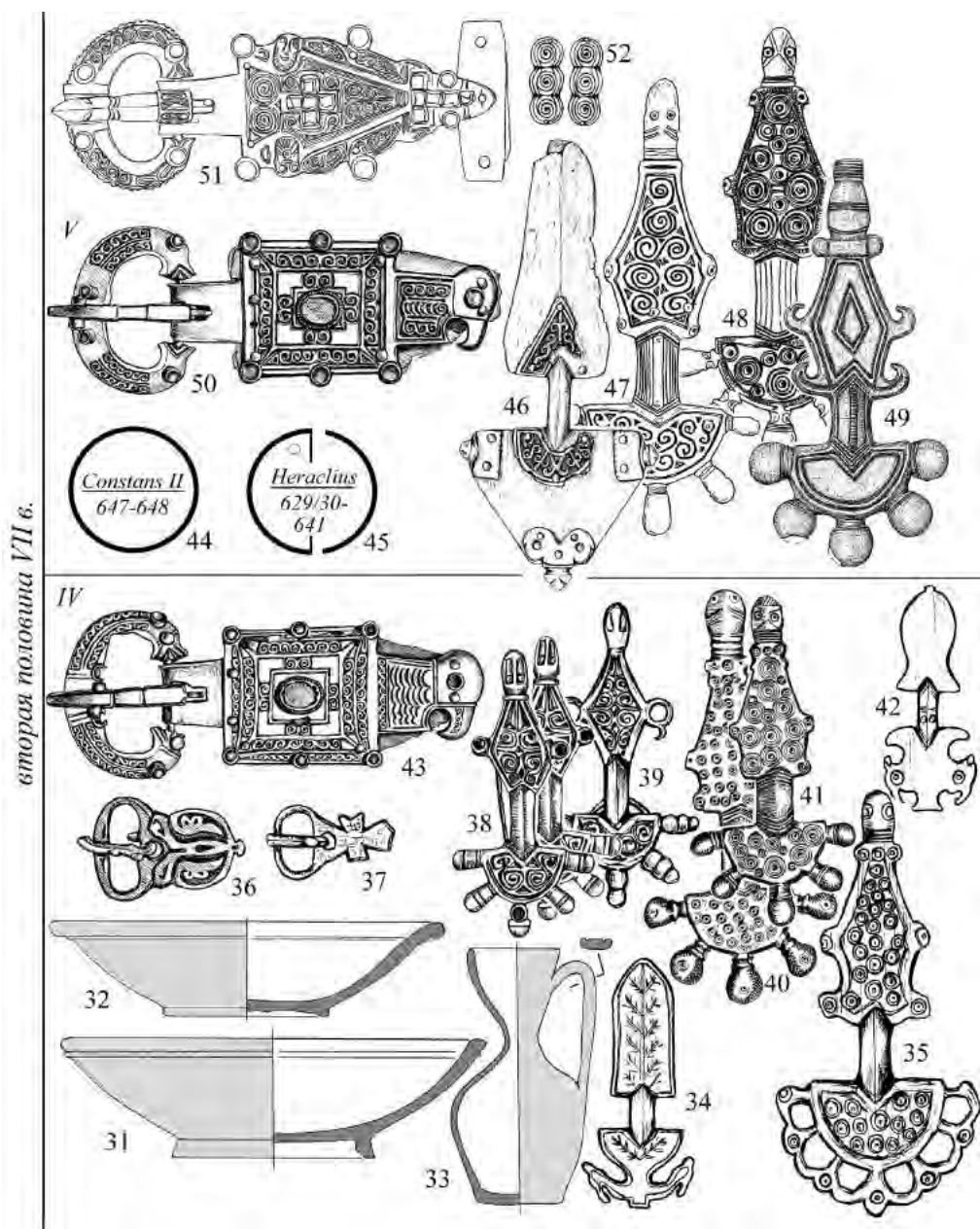

Рис. 180. Хронология орлиноголовых пряжек из Юго-Западного Крыма.

Пряжки 4-го и 5-го вариантов.
 36-38,40,41,43,44,46,49,50,51,52 – Лучистое;
 31-34,39,42 – Суук-Су; 45,47,48 – Эски-Кермен

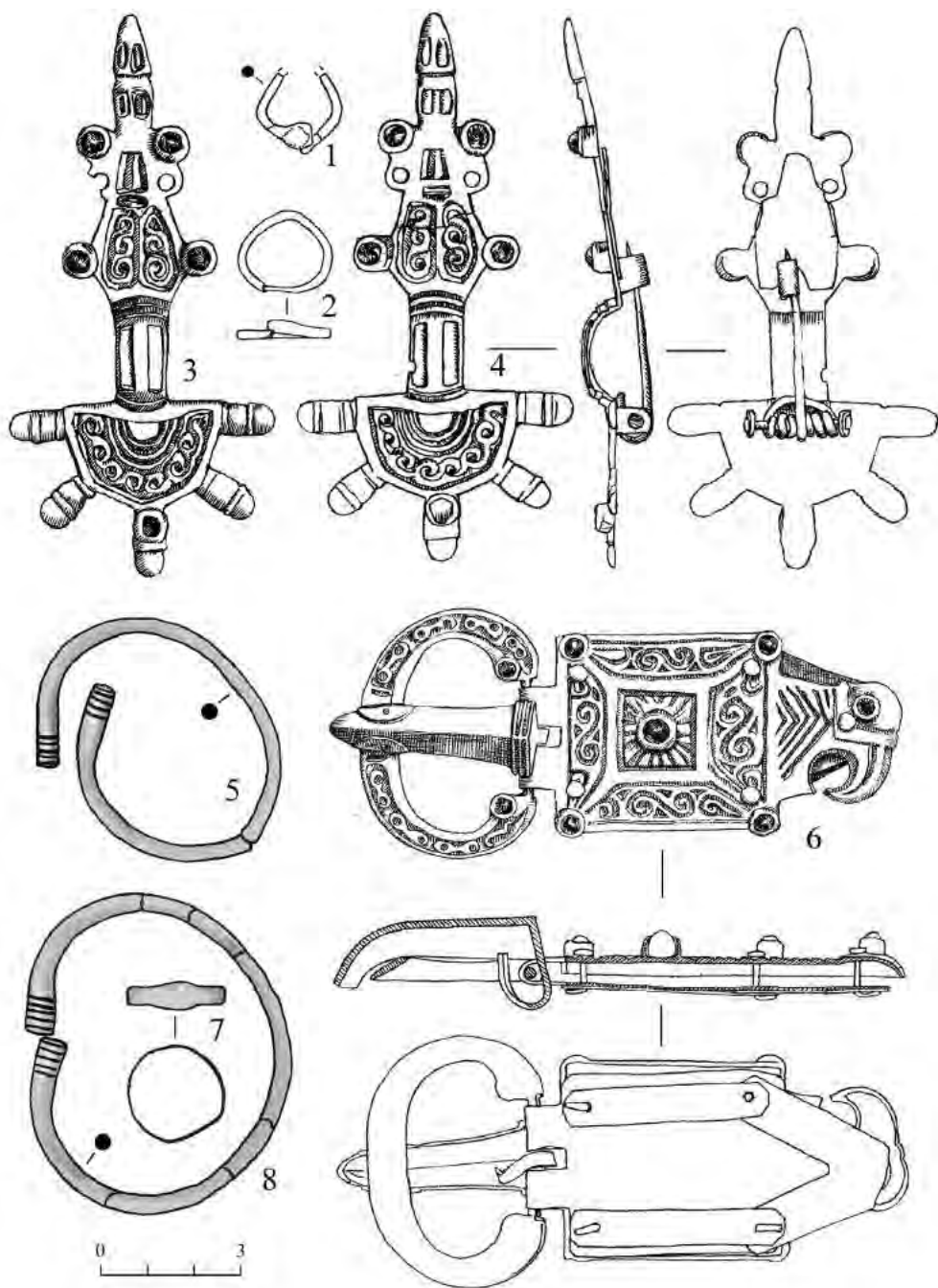

Рис. 181. Могильник Алония, подбойная могила 3 второй половины VI в.

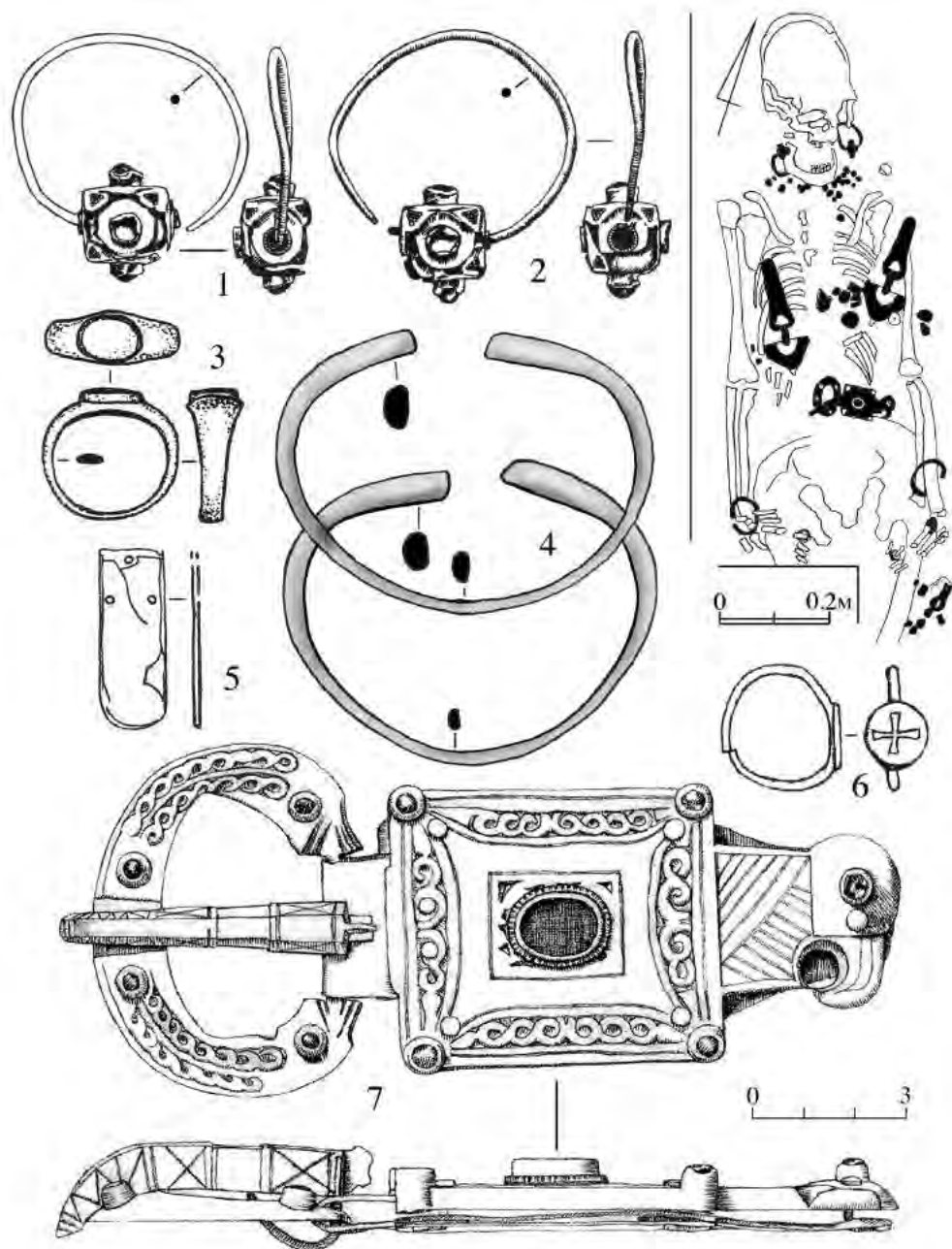

Рис. 182. Могильник Алония, скел. 2. Женское погребение 2 второй половины VI в.
I – план погребения; 1-7 – находки из погребения

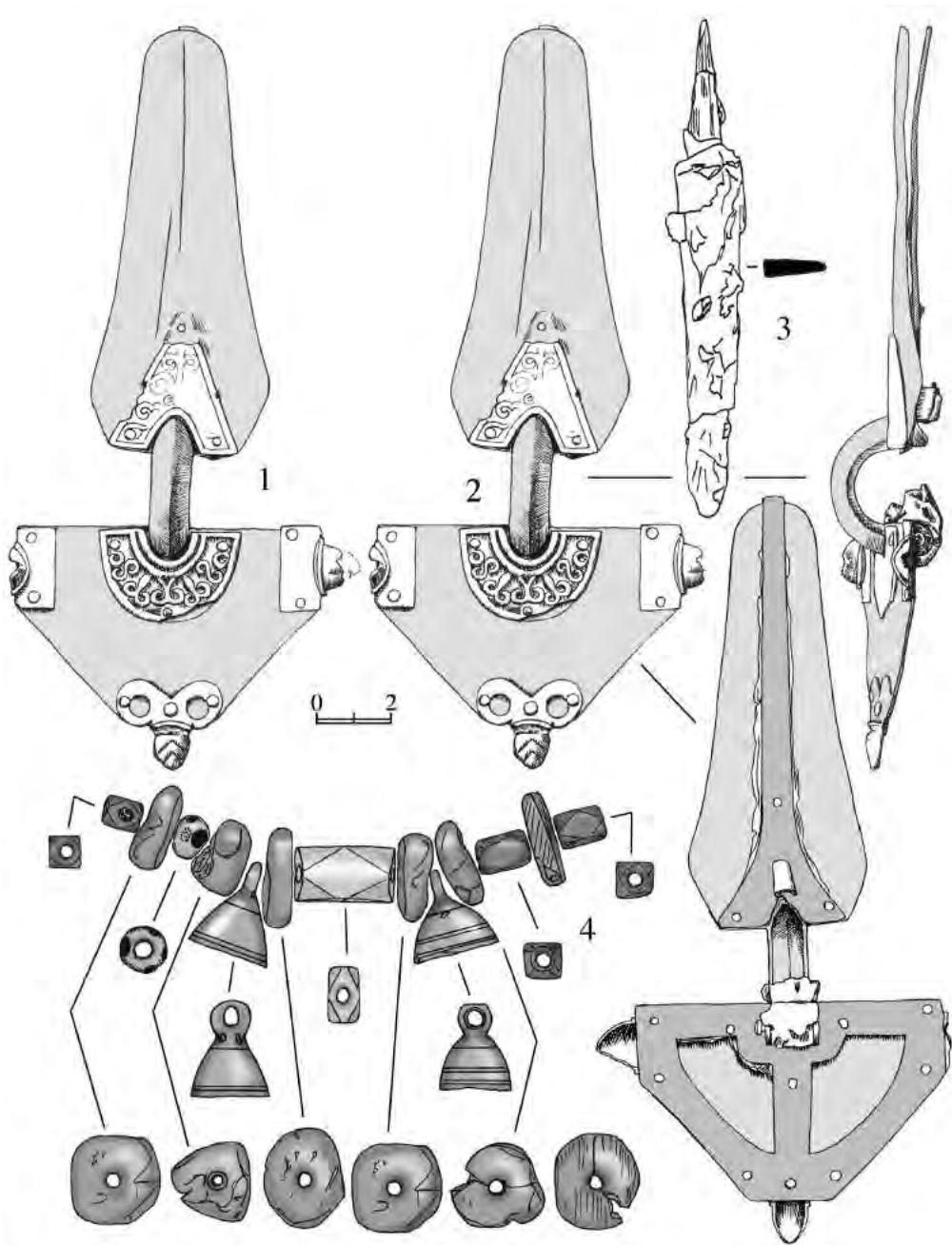

Рис. 183. Могильник Алония, склеп 2. Женское погребение 2 второй половины VI в.
1-2 – двупластинчатые фибулы; 4 – реконструкция ожерелья, соединявшего фибулы
[реконструкция Э. А. Хайрединовой]

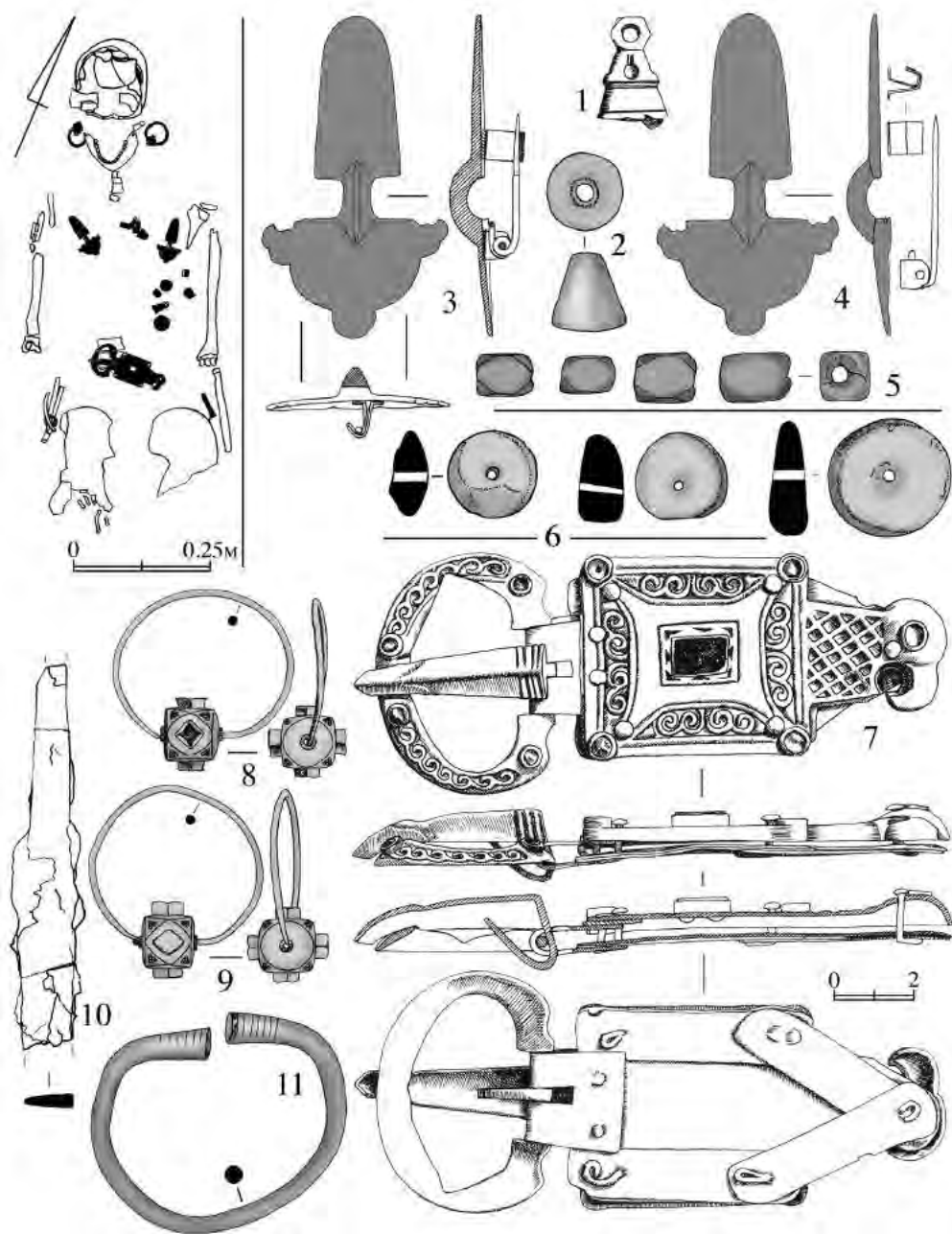

Рис. 184. Могильник Алония, склеп 1.
Женское погребение 3 конца VI – первой четверти VII вв.
1 – план погребения; 1-11 – находки из погребения

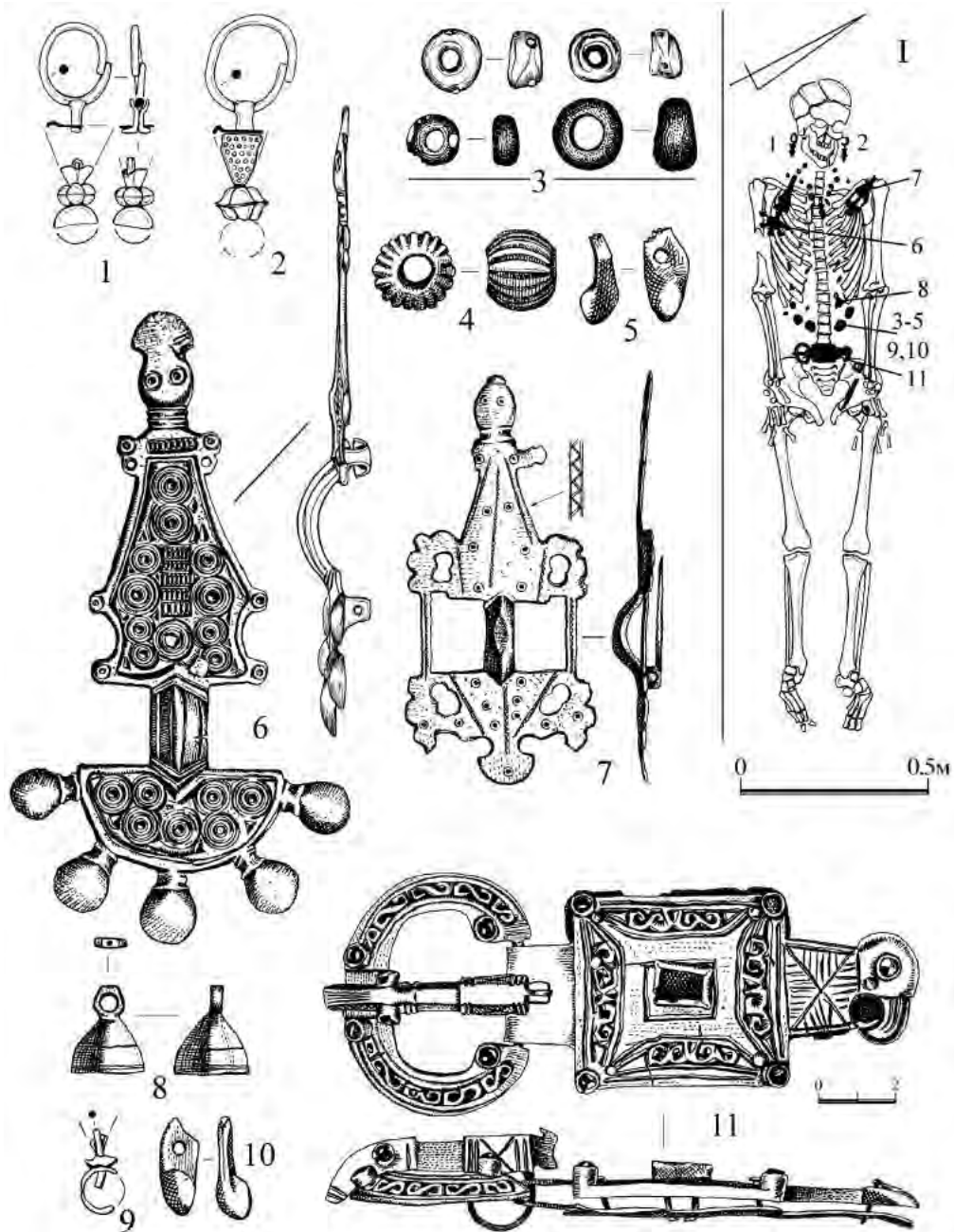

Рис. 185. Могильник у с. Лучистое, склеп 46а.
Женское погребение 4 конца VI – первой четверти VII вв.
I – план погребения; I-II – находки из погребения

Рис. 186. Могильник у с. Лучистое, склеп 38.
 Женское погребение 17 конца VI – первой четверти VII вв.
 I – план погребения; II – реконструкция парадного убора погребенной
 [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]; 1-5 – находки из погребения

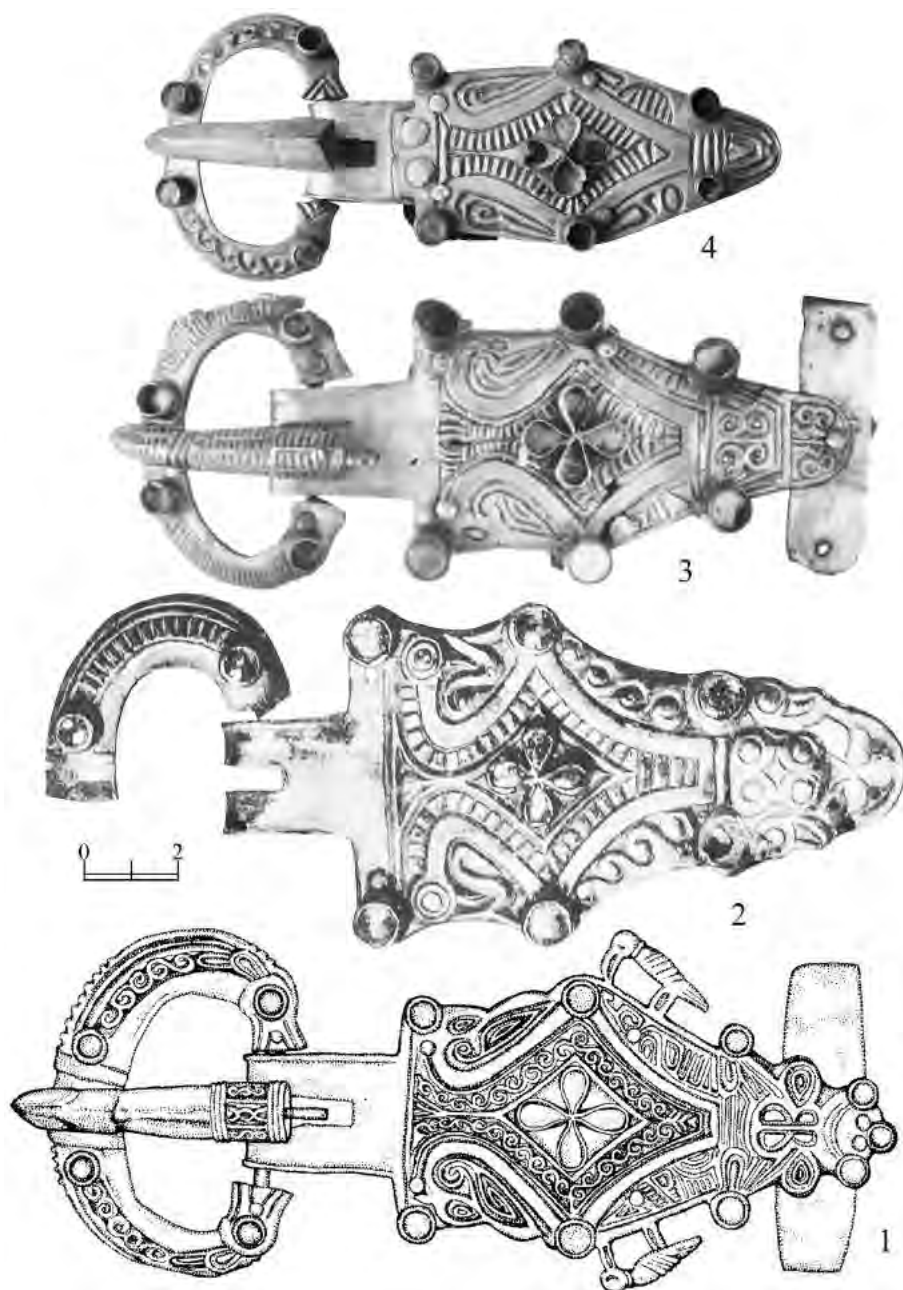

Рис. 188. Большие пряжки с ромбическим щитком
1-го варианта из Юго-Западного Крыма.
1 – Скалистое, склеп 288; 2 – Артек; 3 – Суук-Су,
коллекция А. Л. Бертье-Делагарда; 4 – Лучистое, склеп 294.
[1 – по Айбабин, 1990, рис. 36, 1; 2 – по Репников, 1906, табл. VIII, 2;
3 – no Andrási, Aibabin, 2008, pl. 43, Cat.No.82]

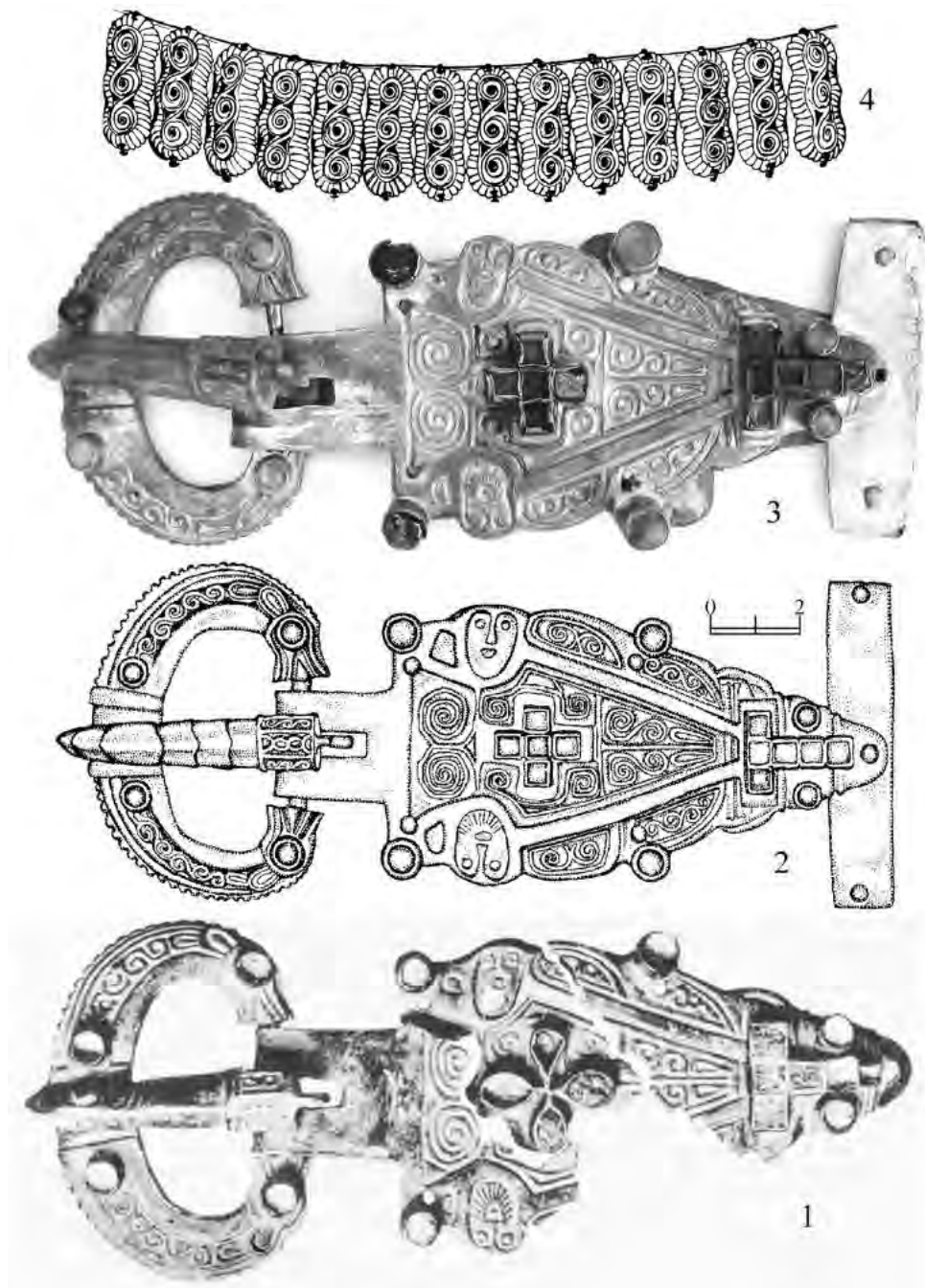

Рис. 189. Большие пряжки с ромбическим щитком
2-го варианта из Юго-Западного Крыма и украшение горловины второй половины VII в.
1 – Артек; 2 – Аромат, склеп 1; 3,4 – Лучистое, склеп 238.
[1 – по Репников, 1906, табл. VIII, 6; 2 – по Айбабин, 1990, рис. 36, 2]

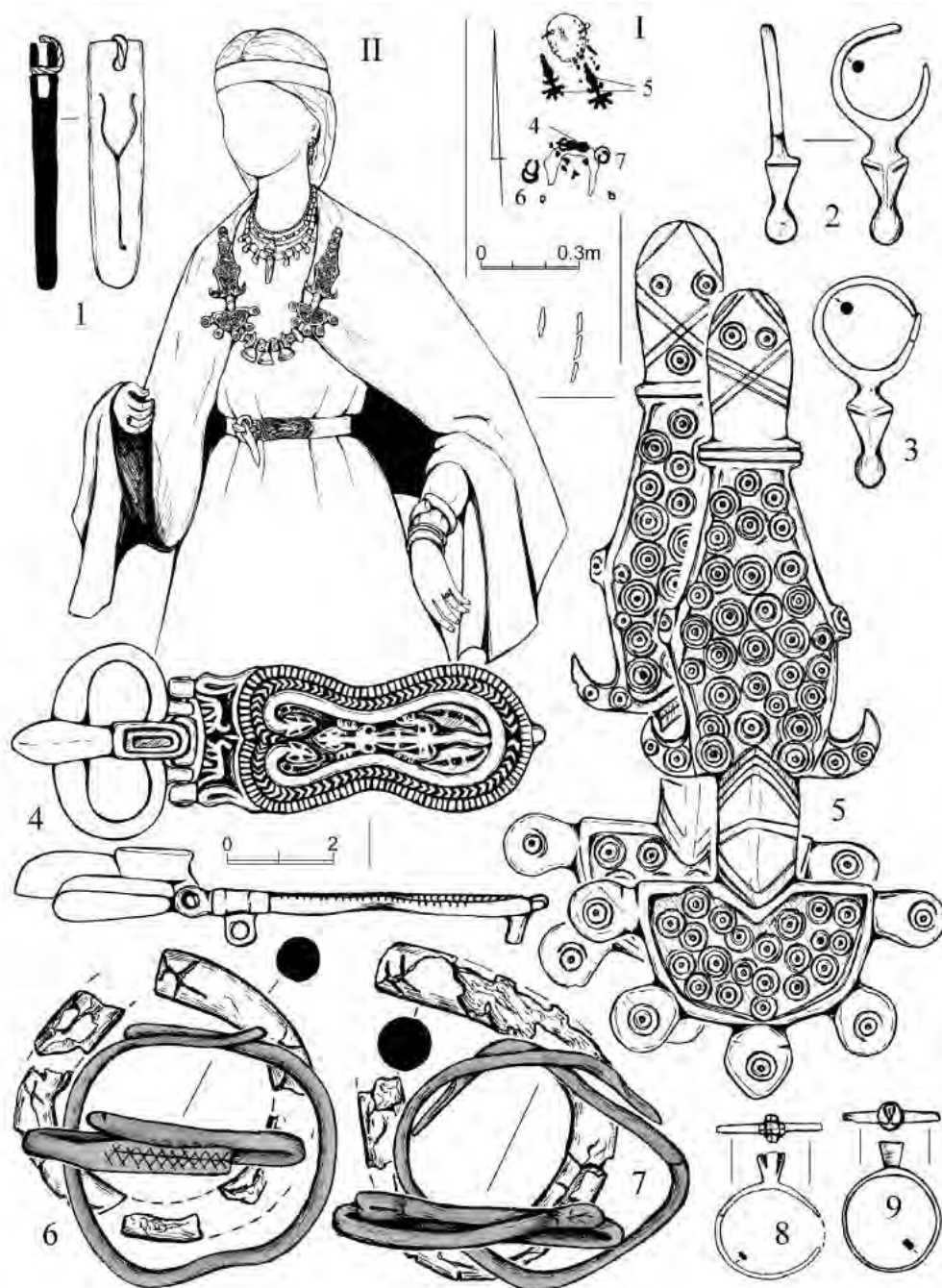

Рис. 190. Могильник у с. Лучистое, склеп 238.
 Погребение девочки-подростка третьей четверти VII в.
 I – план погребения; II – реконструкция парадного убора погребенной
 [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]; 1-9 – находки из погребения

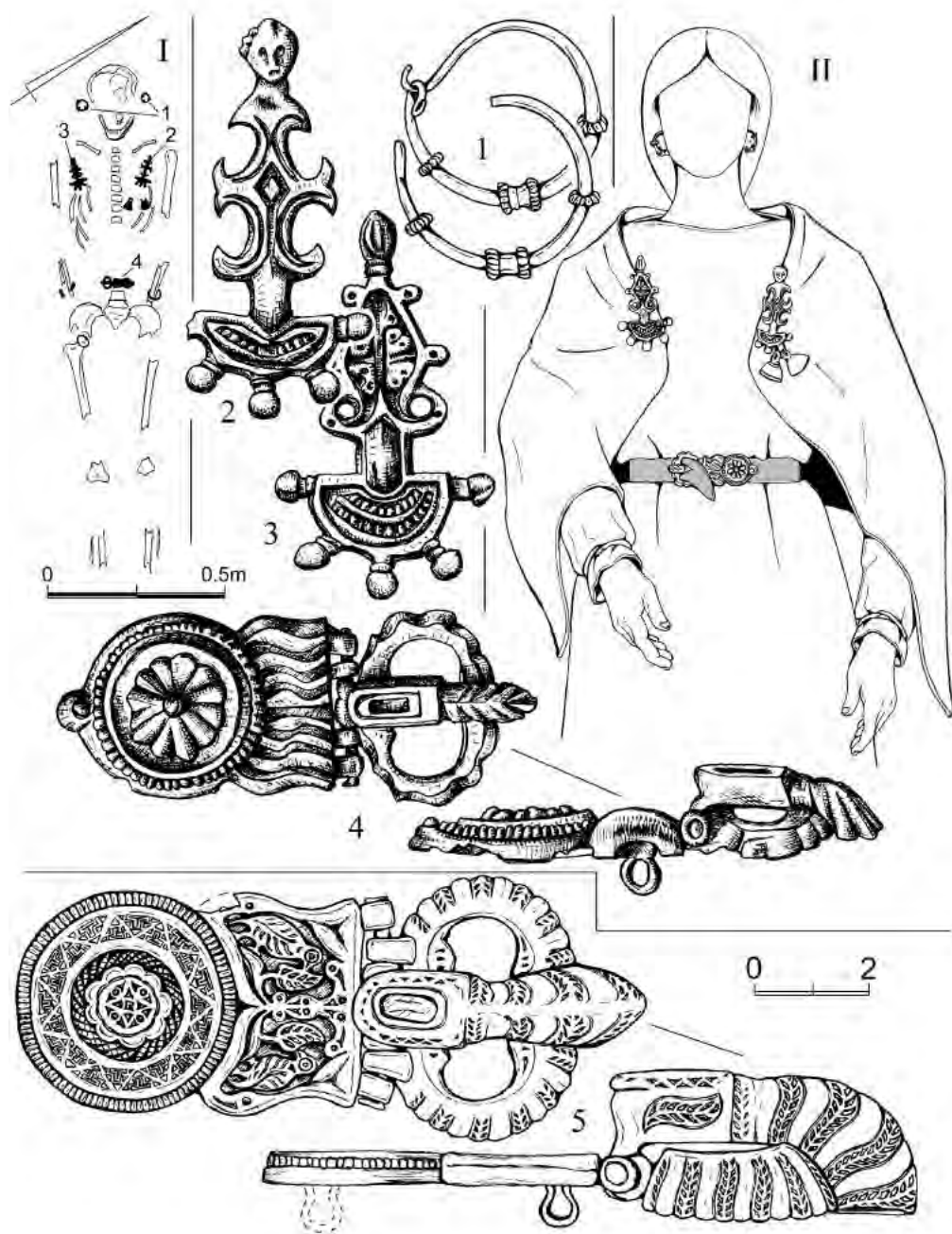

Рис. 191. Могильник у с. Лучистое, склеп 10. Погребение женщины второй половины VII в. (1-4) и византийская шарнирная пряжка из Баклы (5).

I – план погребения; II – реконструкция парадного убора погребенной [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]; 1-4 – находки из погребения

Рис. 192. Украшения фибул конца VI – первой четверти VII вв. по материалам могильника у с. Лучистое. I,1,2 – склеп 42; II,3-5 – склеп 154. I,II – реконструкция парадного убора погребенных [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]

Рис. 193. Ожерелья для фибул конца VI – первой четверти VII вв.
по материалам могильника у с. Лучистое.
1, 2 – склеп 122а; 3 – склеп 228; 4 – склеп 212

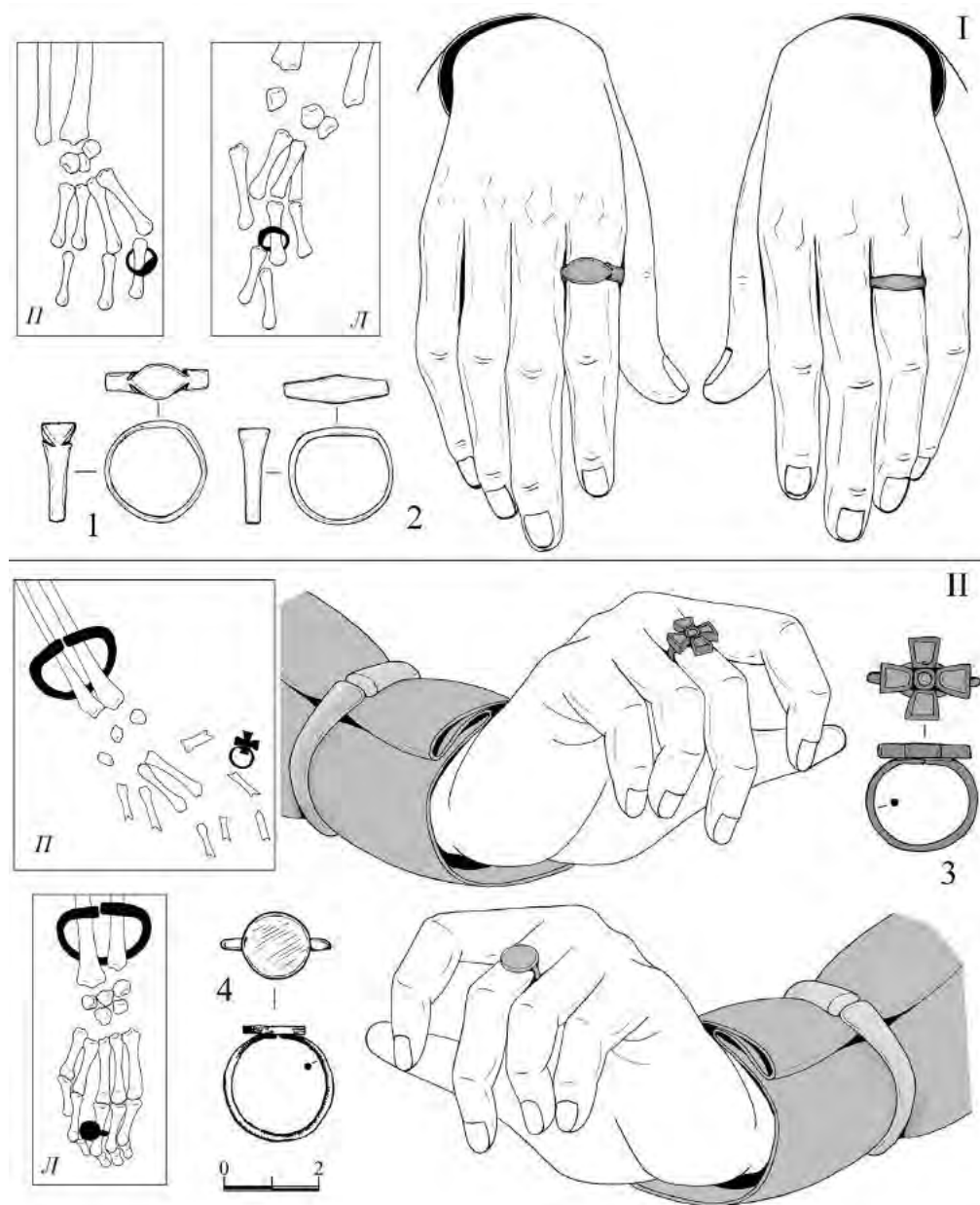

Рис. 194. Моги́льник у с. Лучистое. Перстни из погребений VII в.
I – склеп 131; II – склеп 43 [реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]

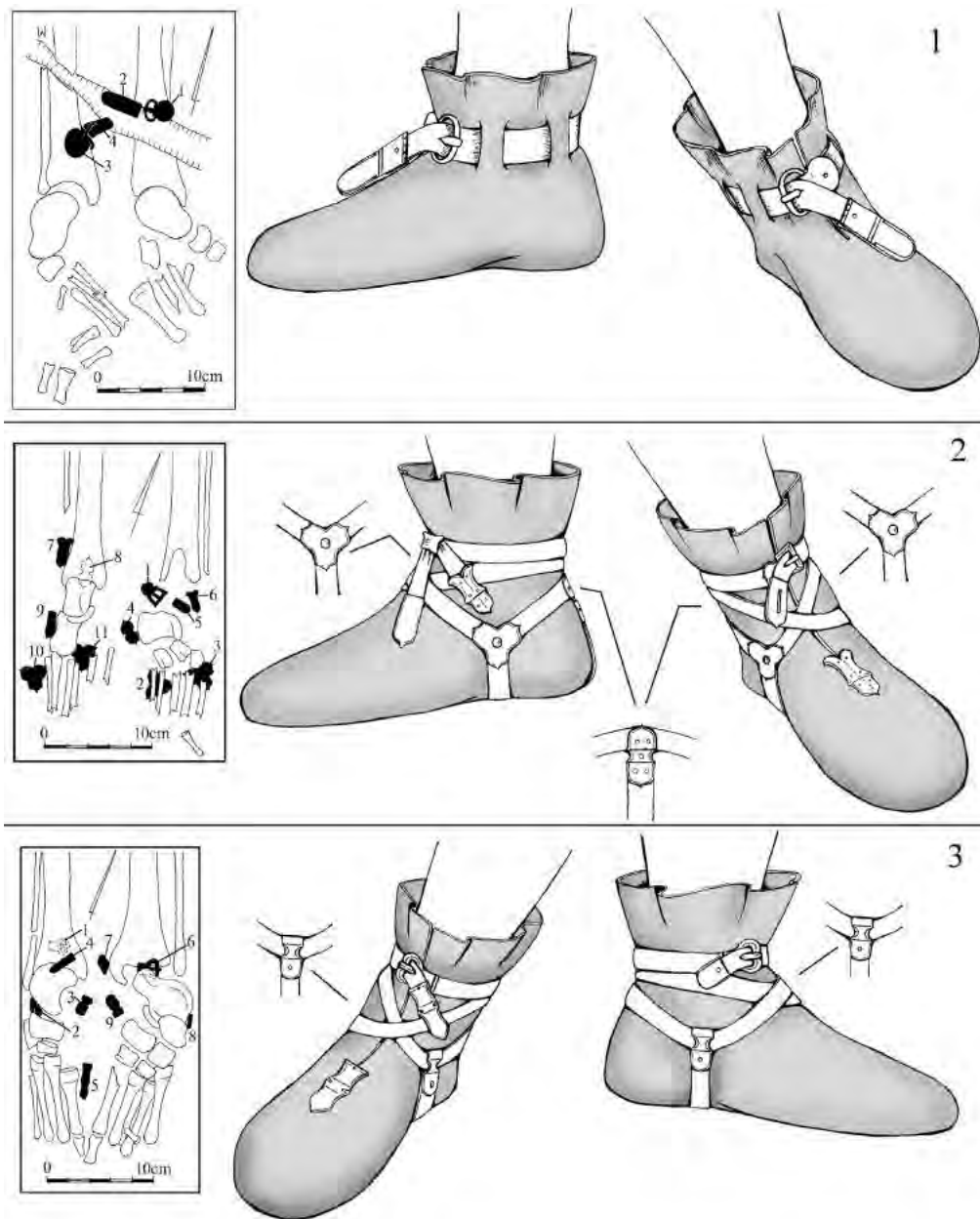

Рис. 196. Могильник у с. Лучистое.
Обувь из погребений с женскими большими пряжками второй половины VI в.

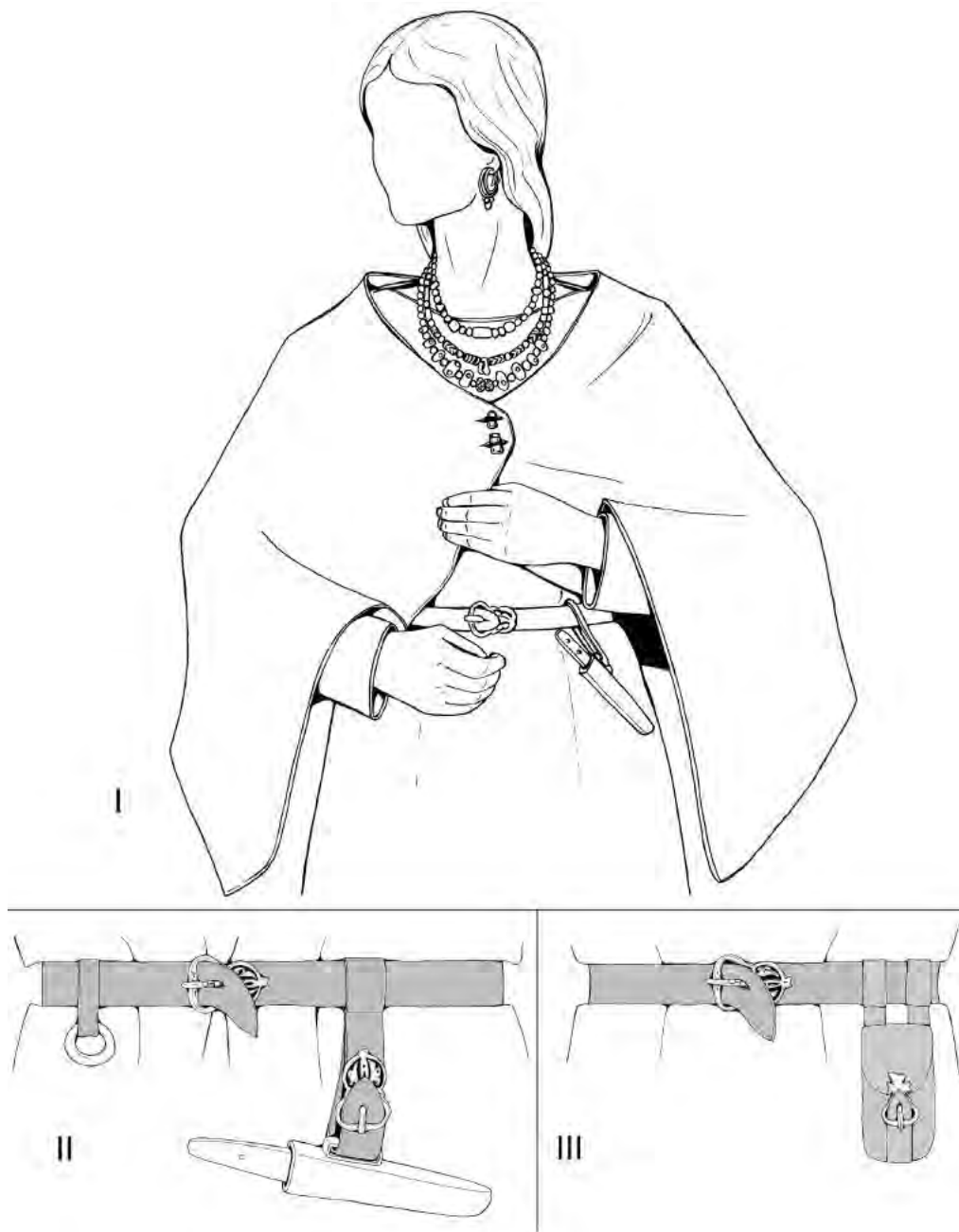

Рис. 197. Могильник у с. Лучистое. Склеп 232.
Женский костюм с византийской пряжкой типа «Сиракузы» второй половины VII в.
[реконструкция и рисунок Э. А. Хайрединовой]

Глава 8

Область Дори в VI-VII вв.

А. И. Айбабин

В цитированном выше труде Прокопия область (*χώρα*) Дори локализована между Херсоном и Боспором в том же прибрежном регионе, где Юстиниан I повелел возвести крепости Алушта (*Ἀλούστου*) и в Горзувитах (*Γορζουβίταις*) [Procopius. On Buildings III, VII, 10-15]. Судя по упомянутым Прокопием деталям ландшафта (возвышенности с плодородной почвой и τὰς εἰσόδους – проходы через ущелья в горах) [Procopius. On Buildings, III, VII, 17; Соломоник, Домбровский, 1968, с. 17-19] область Дори находилась в гористой местности. Как справедливо отметил Л. В. Фирсов, на узкой полоске (2,5-3 км) Южного берега невозможно найти место для многочисленного населения плодородной страны Дори. Вся территория Южного берега от Ласпи до Судака составляет не больше 1% от площади Крыма. Его круто наклоненный и пересеченный оврагами склон с несколькими маленькими речушками и щебенистыми почвами отличается от упомянутой Прокопием плодородной равнины, пригодной для интенсивного земледелия и пропитания готов [Фирсов, 1979, с. 107-113]. Для определения местонахождения области Дори необходимо принимать во внимание соответствие ландшафта описанию Прокопия. Ему близок ландшафт местности между Внутренней и Главной грядами, пересеченной плодородными черноземными долинами малых горнокрымских рек Черная, Бельбек, Кача, Альма, Салгир, их притоками и множеством источников. Уточнить границы области Дори позволяет археологическая культура, выявленная на территории между Внешней и Главной грядами (от устья Черной речки и Балаклавы до склонов Демерджи и Чатыр-Дага) и на южных склонах Главной гряды (в окрестностях Алустана, близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) [Айбабин, 2015, с. 315].

По Прокопию в Дори «готы жили с древних времен (*ῥῆκηνται*), а именно те, кто не последовали за Теодорихом, когда он ушел в Италию, но остались здесь по их собственному согласию» [Procopius. On Buildings, III, VII, 13]. То есть готы Дори являлись подданными короля остготов Теодориха, который в 488 г. [Wolfram, 1990, S. 293-296; Barnwell, 1992, p. 134-135] начал завоевание Северной Италии. Г. Б. Дьюинг глагол обитания *ῥῆκηνται* (perf. от *οἰκέω*) перевел как «...have lived from ancient times – жили с древних времен». В. А. Сидоренко, некорректно ссылаясь на статью Л. А. Гиндина о глаголах обитания у Прокопия, предложил иное значение глагола – «...живут искони». На этом основании он доказывал автохтонность населения Дори [Сидоренко, 1991, с. 110]. Рассуждения Л. А. Гиндина не дают оснований для изменения предложенного Г. Б. Дьюингом, а еще раньше П. И. Кеппеном [Кеппен, 1837, с. 54, 57] и другими специалистами, перевода глагола *ῥῆκηνται*. В данной статье Л. А. Гиндин приводит примеры двойного значения глагола *οἰκέω* в сочинениях Прокопия по отношению к различным племенам, независимо от их образа жизни: они могли быть автохтонными или их должны считать давно переселившимися в те области, где их застал Прокопий. Причем, автохтонными названы и мигрировавшие к Меотиде гунны [Гиндин, 1988, с. 177]. Поскольку готы поселились в области Дори около середины III в., то Прокопий вполне обосновано писал об их появлении в регионе «в древние» времена.

Согласно Прокопию в Дори жили только готы. Правда, готами он именовал и других варваров. Например, в трактате «О войнах» Прокопий писал о готском

племени алан [Procopius. De Bello Vandalico, III, III,1; De Bello Gotico, V, I,3]. Выявленную в Дори археологическую культуру создали аланы и готы, мигрировавшие в этот регион около середины III в., а также аланские племена, перекочевавшие в конце IV в.

По мнению А. А. Васильева, в книге Прокопия «De Aedificiis» идет речь об учреждении Юстинианом I в Крыму *limes Tauricus* [Vasiliev, 1936, p. 71-73]. Термином *limes* (лимес) в Римской Империи обозначали систему приграничных укреплений [The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 1229]. По словам А. А. Васильева, новый таврический *limes* в миниатюре напоминал другие *limites*, устроенные Юстинианом на границах государства. Приморские крепости, укрепления на расположенном в горах Мангупе и длинные стены *Limes Tauricus* предназначались для защиты от гуннов имперских владений на полуострове и «союзно-вассальных горных готов». А. А. Васильев принимал за длинные стены, перекрывавшие с севера проходы в готскую область, остаток оград на перевалах Главной гряды [Vasiliev, 1936, p. 71-73]. А. А. Васильев, ознакомившись с «Готским сборником», с оговоркой принял вывод Н. И. Репникова о возведении готами в V в. крепости Дори (Дорос) на плато Эски-Кермен [Vasiliev, 1936, p. 51-52,72].

Утверждения А. А. Васильева противоречат сочинению Прокопия и опровергаются материалами археологических раскопок. В процитированном в главе 1 тексте сказано о восстановлении по приказу Юстиниана I разрушенных стен Херсона и Боспора, но нет ни слова о реформе имперской администрации на полуострове и об образовании лимеса. Херсон, также как включенный в состав империи Боспор [Айбабин, 2017, с. 140] и готы области Дори рассматривались как самостоятельные субъекты имперской политики на полуострове [Procopius. On Buildings, III, VII,10-17]. Строительством крепостей Алушта и в Горзувитах византийцы установили свой контроль за каботажным плаванием вдоль Южного берега.

Как отмечалось в главе 2, сохранившиеся на перевалах Главной гряды остатки оград, сложенных без раствора из бутовых камней, не имеют ни чего общего с византийскими оборонительными стенами [Фирсов, 1979, с. 110-113]. Открытие византийской оборонительной стены, перегородившей ущелье под плато Мангуп, позволяет поставить точку в приведенной в главе 2 дискуссии о длинных стенах области Дори. Она в соответствии с текстом Прокопия [Procopius. On Buildings, III, VII,17] защищала проход через ущелье к плато с севера, со стороны равнины.

В результате новых раскопок оборонительных стен Эски-Кермена доказано возведение крепости на плато в конце VI в. Поэтому известный Присциану опидум или *civitatium Dory* [Prisciani Grammatici, Libri XVIII, VI,1, S. 195; VII,1, S. 283], построенный еще до начала правления Юстиниана I, необходимо локализовать не на плато Эски-Кермен, а на Мангупе. В процессе археологических исследований на Мангупе выявлены материалы, аргументирующие местонахождение на плато раннего Дороса [Тиханова, 1953, с. 320; Якобсон, 1964, с. 11; Герцен, 1990, с. 135-137; Айбабин, 1999, с. 111, 114, 117, 119].

Империя осуществляла контакты с областью Дори через Херсон. Отношения с крымскими готами не ограничивались только военной сферой и имели длительный постоянный характер. По мнению Д. Оболенского, византийские дипломаты стремились заключить союз с приграничными варварами. При Юстиниане I союзным варварам регулярно выплачивали деньги за охрану границ [Obolensky, 1964, p. 56-58]. В IV и V веках союзные племена называли федератами (*φαιδερᾶτοι*) [The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 794]. В VI в. при Юстиниане I византийские историки в рассказах о союзных племенах термин федераты заменили на аналогичные по значению. В частности Прокопий, име-

новал гуннов, кочевавших между Херсоном и Боспором *κατήκοι* (подвластными) [Procopius, De Bello Gotico VIII, V, 26; 27; 28], тогда как готов Дори – энспондами (*ἐνσπονδοί* – союзниками), воинами, готовыми выступить с римлянами против ее врагов по приказу императора [Procopius. On Buildings, III, VII, 13]. На оставленных аланами и готами некрополях многочисленны захоронения мужчин с византийскими воинскими геральдическими поясными наборами, которые возникли около середины VI в. в византийских владениях по Нижнему Дунаю [Айбабин, 1999, с. 107-108; Хайрединова, 2000, с. 91-133; Хайрединова, 2006, с. 585-601; Chajredinowa, 1999, S. 84-93; 2010, S. 59-94]. В Лучистом, около трети мужских погребений второй половины VI-VII вв. содержали поясные наборы или их отдельные элементы, а в Суук-Су 12 захоронений из 44 [Амброз, 1994/1995, с. 50; Khaïredinova, 2007, P. 14]. О вооружении воинов можно судить по коротким двухлезвийным мечам и однолезвийным палашам из захоронений первой половины VI в. (рис. 121; 122).

Представление о мужском костюме воина дают круглые бронзовые бляхи, отлитые с тремя выступами на внешней стороне, из Лучистого из захоронений первой половины VII в., зачищенных в склепах 65 и 113 (рис. 198, 1-2). Внутри кольца каждой бляхи исполнена фигура мужчины с разведенными в стороны согнутыми в локтях руками и расставленными согнутыми в коленях ногами. На лице видны брови, углубленные слегка раскосые глаза, широкий приплюснутый нос, рот и подбородок. На бляхе из склепа 113 глаза обозначены кружками с точкой. Мужчина одет в короткую рубашку или куртку и штаны, заправленные в короткие сапоги. На куртке острием процарапаны линии, обозначающие портупейные ремни. На голове шапка, похожая на треуголку. Ее загнутые края украшены височными подвесками со вставками. Бляха лежала обратной стороной вверх, а головой человека вниз на плечевых костях между двумя днепровскими пальчатыми фибулами I типа. Две довольно похожие бляхи с фигурками человека в круге происходят из Поднепровья и Венгрии [Бобринский, 1911, рис. 19; Garam, 1995, S. 328, Taf. 71, 5; 225, 5]. Подвески меньшего размера со схематизированными антропоморфными фигурками в круге многочисленны в аланских погребениях Северного Кавказа [Ковалевская, 1983, рис. 1, 10-16].

Прокопий отмечал, что число готов «достигает до трех тысяч» [Procopius. On Buildings, Book III, VII, 13, 14]. По справедливому замечанию М. А. Тихановой и Э. И. Соломоник, цифра 3000 обозначает не численность всех готов, а количество воинов [Тиханова, 1953, с. 324; Соломоник, Домбровский, 1968, с. 17, прим. 14]. По расчету Л. В. Фирсова, в середине VI в. население Дори могло достигать 60000 человек [Фирсов, 1979, с. 109]. Многочисленность населения Дори в период правления Юстиниана I (527-565 гг.) подтверждается функционировавшими на ее территории во второй половине VI в. некрополями Черная Речка, Сахарная Головка, Карши-Баир, Красный Мак, Каралез, Алмалык-Дере, Скалистое, Баклинский овраг, Лучистое, Алония, Симеиз, Ореанда, Артек, Суук-Су.

Прокопий писал о готах как об искусных земледельцах, возделывающих плодородную почву, производящую лучшие зерновые [Procopius. On Buildings, III, VII, 14, 16]. В захоронениях готов Дори, например, в Лучистом в склепе 46а второй половины VI в. лежали серпы (рис. 122, 7). В Скалистом в подбойной могиле 190 второй половины V в. найдена темноглиняная лепная миска, заполненная зернами злаков.

В материалах некрополей отсутствуют признаки большой имущественной и социальной дифференциации. Вероятно, не случайно Прокопий в описании крымских готов не выделяет вождей, как это он делал в разделе о дунайских готах.

При Юстиниане I также, как и во второй половине V в. Херсон оставался основным экономическим партнером для населения Дори. На ее территории обращались херсоно-византийские монеты VI в. [Сидоренко, 2003, с. 367, 368].

Две надписи из Херсона и Тамани позволяют высказать предположение о проведении в последней четверти VI в. реформы системы управления владениями Византии в Крыму

Фрагменты первой строительной надписи найдены в Херсонесе в раскопе у южной оборонительной стены. На одном из фрагментов В. В. Латышев прочитал вырезанные в генетиве имя жены Юстина II Софии – *Σοφίας*, наименование должности *δουκός*, титул *λαμπρότατος* и имя *Θ[εαγ]ένου[ς]?*. По словам В. В. Латышева, на камне «...сделана запись о каком-то сооружении, произведенном под руководством дука в царствование Юстина II» [Латышев, 1906, с. 121-123]. В результате изучения второго фрагмента плиты Э. И. Соломоник дополнила текст надписи: «Была построена стена (или башня) ... при благочестивейших наших владыках Юстине и Софии ... и при деятельности ... дука Херсона ... светлейшего Феагена (*δουκός [Χερσώνος ... τοῦ] ... λαμπρ[ότατος] ... Θεαγ[ένου]?*)» [Соломоник, 1986, с. 213-214]. По утверждению К. Цукермана, в надписи впервые зафиксирован дука Херсона [Цукермана, 1994/1995, с. 560]. Однако В. А. Сидоренко считает, что выпуск монет в 549–565 гг. с монограммами «*π[ό]λις Χερσώνος*» подтверждает сообщение Прокопия о предпринятой Юстинианом I реформе имперской администрации на полуострове, в результате которой в Херсоне учредили должность дуки, построили «длинные стены», а для охраны города привлекли готов – федератов, проживавших в стране Дори [Сидоренко, 2003, с. 363]. Правда, в цитированном тексте Прокопия сказано только о восстановлении по повелению Юстиниана I разрушенных стен Херсона [Procopius. On Buildings, III, VII, 10; Айбабин, 2015, с. 311-313].

Дука (*δοῦξ*, лат. Dux) со времени Диоклетиана командовал приграничными войсками и функционировал независимо от гражданской администрации [The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 659; Treadgold, 1995, p. 9, 97, 98, 240; Храпунов, 2011, с. 44-45]. В VI в. в некоторых приграничных регионах, например, в Исавии и Египте, дуки командовали местными войсками и возглавляли гражданскую администрацию [The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 659; Jones, 1995, p. 281, 282]. После должности *δοῦξ* помещен титул *λαμπρότατος* (греческий вариант титула *clarissimus* – клариссим). Если при Константине I титул *vir clarissimus* носили все лица сенаторского звания, то при Юстиниане I этот титул давали и вновь назначенным провинциальным чиновникам. Согласно Р. Гийану, в конце VI в. эпитет *λαμπρότατος* (светлейший или сиятельный) применяли по отношению к архонтам, отцам города и другим чиновникам [Гийан, 1964, с. 42-48]. В новеллах и надписях титул чиновника помещали до наименования должности. По мнению А. Ю. Виноградова, в рассматриваемой надписи между титулом *λαμπρ[ότατος]* и именем *Θεαγ[ένου]* был союз *καί* (и) [Виноградов, 2015]. Титул *λαμπρότατος* мог принадлежать отцу города Херсона. Вероятно, в надписи сообщалось о восстановлении куртины или башни на южном участке обороны города дукой Херсона вместе с имевшим титул *λαμπρότατος* городским чиновником (отцом города?) и исполнителем работ Феогеном.

В. В. Латышев датировал надпись временем соправительства Юстина II и Софии – 565-578 гг. [Латышев, 1906, с. 123]. События, происходившие в последние годы правления Юстина II, позволяют уточнить эту дату. В 571 г. [Гадло, 1979, с. 96; Кляшторный, 2005, с. 95] или после 572 г. [Blockley, 1985, p. 179, 276] граничившие с азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказскими горами захватили тюрки, подчинив утигуров и алан [Айбабин, 1999, с. 132-133;

Ajbbabin, 2011, S. 118-120, 122]. Каган тюрков Истеми (Сильзибул в византийских и Синджибу в арабских источниках) [Moravcsik, 1958, S. 275, 276; Кляшторный, 2005, с. 93] назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тяньхань-хана в китайских источниках) [Blockley, 1985, Fr. 19, 1, p. 171-177; Гумилев, 2003, с. 70]. Очевидно, Юстин II приказал отремонтировать оборонительные сооружения Херсона в ответ на возникшую угрозу нападения тюрков. В конце 574 г. больной Юстин II фактически устранился от управления государством. Он 7 декабря усыновил и провозгласил кесарем и соправителем Тиберия, который стал реальным правителем империи и от своего имени издавал эдикты [Кулаковский, 1996, с. 306, 307; Jones, 1992, p. 306]. Например, в первый год соправительства в апреле 575 г. Тиберий подписал эдикт, обязавший префектуру возместить жителям Херсонеса и Боспора стоимость поставлявшихся в счет налога *плоймы* (*tà plōîμα*) изделий или продукции для флота [Corpus juris civilis, CLXIII, p. 751]. Поэтому дату рассматриваемой надписи следует ограничить периодом между захватом тюрками Приазовья в 571 или 572 гг. и 574 г.

Вторая надпись найдена в сооружённой А. В. Суворовым в Тамани земляной крепости. Судя по приведенному В. В. Латышевым со слов П. И. Сумарокова описанию условий находки надписи, камень лежал в траве на земле [Латышев, 1894, с. 671, 672; Латышев, 1896, № 99, с. 108-109]. Его могли привезти для использования при постройке Суворовской крепости как из близлежащей Гермонассы, так и из города Боспор. Надпись издал В. В. Латышев:

«Πρὸς τοῖς λοιποῖς
μεγάλοις κ(αὶ) θαυμαστοῖς
κατορθ(ώ)μασι κ(αὶ) τότε το
λαμπρόν ἐν Βοοσπόρῳ
κ(αὶ)σάριον ἀνεπέωσεν
[Μαυρί]κις ὁ εἶ>[σ]εβ(έστατος) κ(αὶ) θεοφύλακ(τος) ημών
δεσπότης δια του γνησίου αὐτοῦ
δούλου Εὐπατερίου, του ενδοξότατου
στρατηλάτου καὶ δουκός Χερσώνος. Ἰνδ(ικτιώνος) η'.

– *Средь прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го*. По В. В. Латышеву, 8-ой индикт приходится на 590 г. [Латышев, 1894, с. 663]. А. Е. Виноградов предложил вместо «...на Боспоре кесарское здание» читать «г. Кесарион в Боспоре» [Виноградов, 2015, V 330]. В надписи, безусловно, идет речь не о регионе, а о городе Боспор. Во-первых, в письменных источниках нет упоминания города Кесариона на территории, принадлежавшей до конца V в. Боспорскому царству. Во-вторых, уже Зосим, повествуя о набегах германцев, именовал Боспором столицу царства [Zosime, 1971, Tom I, XXXI. 3, XXXII, 3, p. 30, 31]. Стефан Византийский (527-565 гг.) использовал два имени – Боспор и Пантикапей [Латышев, 1890, с. 256, 257, 264], тогда как другие византийские авторы (Прокопий, Малала и др.) именовали город Боспором [Айбабин, 2016, с. 190].

Обе надписи иллюстрируют два этапа реформы системы управления владениями Византии в Крыму.

Вначале Юстин II, реагируя на активность племен тюркского каганата в близлежащих степях и в Крыму, учредил в регионе новый приграничный дукат, подчинив дуге Херсона гражданскую администрацию и византийские войска на полуострове. Аналогичную систему управления Юстиниан I в 535 г. создавал в нуждавшихся в сильной военной охране Африканских провинциях, в том числе

и в дукате в Ливии [Успенский, 1996, с. 358-362]. Херсон стал главным византийским городом на полуострове. Видимо, в новый херсонский дукат включили Боспор. Косвенно на это указывает цитированный выше эдикт Тиберия, который в 575 г. был издан для Херсона и Боспора. Эдикт свидетельствует о базировании в VI-VII вв. военных эскадр в гаванях названных городов [Ahrweiler, 1966, p. 12].

В 576 г. Тиберий, стремясь получить помощь тюрков в возобновившейся с 573 г. войне с Персией, направил к ним посольство во главе с мечником Валентином [Blockley, 1985, Fr. 19, p. 171; Кулаковский, 1996, с. 323; Артамонов, 1962, с. 137; Айбабин, 1999, с. 134; Ajbabin, 2011, S. 122; Кляшторный, 2005, с. 95-96]. По тексту Менандра довольно сложно восстановить маршрут передвижения посольства по Крыму. По его словам, посольство «на кораблях направилось через Синопу в Херсон и к Апатуре (в район Фанагории, где в античности находилось святилище Афродиты Апатуры), ... еще и через племена (...*ἔτι τε καὶ διὰ φύλων*), пройдя пески..., он (Валентин) пересек горы Таврики, которые тянутся к югу. Валентин и его компаньоны через равнину, покрытую камышом, кустарниками и болотами, прибыли в регион, находившийся под властью вождя скифов, женщины по имени Аккага, которую назначил вождь племени утигуров Анагей» [Blockley, 1985, Fr. 19,1, p. 170-172; Айбабин, 1999, с. 134; Ajbabin, 2011, S. 122]. Пройдя трудными дорогами, Валентин достиг ставки только что умершего Сильзибула и встретился с его преемником и сыном Турксанфом [Frendo, 2017, p. 5]. На переговорах Турксанф грубо упрекал ромеев союзом императора с врагами тюрков, а после завершения встречи отправил Валентина к своему брату Тарду. В то же самое время Турксанф приказал Анагею начать военные действия против византийских владений в Таврике и осадить город Боспор, который был захвачен с помощью тюркских войск Бохана [Blockley, 1985, Fr. 19,1,2, p. 178, 179; Кулаковский, 1996, с. 324]. Тюрки и их союзники сожгли и разрушили городские кварталы на холме Митридат и в приморской части. При раскопках в Керчи в Кооперативном переулке и в Босфорском переулке рядом с музеем зафиксирован слой пожара, содержащий керамику, позволяющую его синхронизировать с нападением тюрков в 576 году [Айбабин, 1999, с. 134-137; Ajbabin, 2011, S. 123-124, Abb. 54, A]. Слои пожаров, связанных с тем же набегом тюрков, обнаружены и на малых городах и поселениях Европейского Боспора [Гайдукевич, 1952, с. 119-125, рис. 149,1, 150, 151, 157; Зинько, Зинько, 2008, с. 93].

В 579 г. на переговорах с аварскими послами император Тиберий сообщил им о том, что тюрки встали лагерем в местности, из которой виден Херсон [Blockley, 1985, Fr. 25,2, p. 223-225]. Очевидно, они совершили переход из Боспора по равнине Северо-Западного Крыма и остановились на берегу севастопольской Северной бухты, с которого хорошо просматриваются стены Херсона. В Горном Крыму не обнаружены какие-либо произведенные тюрками разрушения.

В 581 г. скончался каган тюрков Арслан Тобохан, которого византийцы именовали Арсила [Blockley, 1985, Fr. 19,1, p. 172,173; 31; Moravcsik, 1958, S. 72]. Между членами правившего в каганате рода началась борьба за власть [Артамонов, 1962, с. 138; Гумилев, 2003, с. 71]. Очевидно, тогда же тюрки покинули Крым. Победивший в междоусобице каган тюрков являлся союзником империи и направил в 598 г. посольство в Константинополь с письмом императору Маврикию (582-602 гг.) [Кулаковский, 1996, с. 373].

После ухода тюрков император воспользовался благоприятной ситуацией и продолжил реформирование Херсонского дуката. Текст таманской надписи 590 г. дает основания говорить о возвращении в состав дуката города Боспор и городов на азиатском берегу одноименного пролива [Айбабин, 1999, с. 132,141; Ajbabin, 2011, S. 128]. Возможно, административное подчинение Боспора Херсону от-

разилось и в монетной чеканке. С 590 г. в Боспоре чеканили монеты, обратная сторона которых была скопирована с херсонских [Сидоренко, 2003, с. 376].

Сведения об изменении системы управления владениями Византии в регионе дополняют материалы археологических раскопок в горном Крыму, датирующие концом VI в. возведение крепостей на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале [Ajbabın, 2011, S. 130]. Хронология строительства новых крепостей согласуется с датой строительной надписи из Тамани. Несомненно, византийцы присоединили к своим владениям населенную аланами и готами союзную область Дори и подчинили ее дукке Херсона. Под его руководством и строились новые крепости.

Территорию области Дори византийцы разделили на районы – архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла [Айбабин, 1999, с. 111, 114, 117, 119; Айбабин, 2007, с. 137-138]. Архонты не только командовали местными войсками, но и возглавляли византийскую гражданскую администрацию своего региона. Находка на плато Мангуп печати императорского лагофета геникона патрикия Дорофея первой половины VII в. [Герцен, Алексеенко, 2002, с. 61-64] указывает на существование переписки между налоговым чиновником и архонтом Дороса. Очевидно, архонты названных крепостей организовывали сбор имперских налогов. На территории крепостей все еще не найдены остатки цитадели ранневизантийского времени. На Мангупе [Герцен, 2003, с. 101-102], Эски-Кермене [Ajbabın, 2013, S. 183] и, возможно, Чуфут-Кале в центре плато одновременно с укреплениями построили крупные базилики. Согласно новелле Юстиниана I, в церкви могли проходить собрания горожан и храниться весовые и метрические стандарты [Bouras, 1981, P. 645; Ousterhout, 1997, p. 196]. Очевидно, также использовали и названные базилики. Сооружение новых храмов в конце VI – VII вв. свидетельствовало об упорочении положения христианской церкви в Юго-Западном Крыму. Подпись участвовавшего в 692 г. в Трулльском Вселенском соборе Георгия епископа «... ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» [Ohme, 1990, S. 151], говорит о подчинении приходов Дори Херсонской епархии [Ajbabın, 2011, S. 141]. Судя по наименованию епархии *Χερσῶνος τῆς Δόραντος* (род. от *Δόρας*), готскую область, по крайней мере, в церковных документах называли Дорос. В «Космографии» конца VII в. близ Херсона помещен город: «...*Dori, Chersona...*» [Ravennatis anonymi, p. 172-174].

Крепости области Дори отмечены в Collectanea Анастасия Библиотекаря IX в. в схолии о кратком житии Феодора (умер около 667 г.) и Евпрепия (умер около 655 г.), сосланных при Ираклии (610—641 гг.) в Херсон и в «крепости, принадлежавшие соседним племенам» [Vasiliev, 1936, p. 78; Migne, 1864, p. 129, 684]. Согласно Феофану, во второй половине VII в. граничившие с Херсоном архонтии также именовали климатами Херсона [The Chronicle of Theophanes, 1997, p. 462-463, 491]. Греческое *τά κλίματα* – множественное число от *τό κλίμα* – район, область, административный округ. На латинский *κλίμα* переводилась как *regio* [The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 1133].

Повествования Феофана и Никифора свидетельствуют об обострении в регионе византийско-хазарского соперничества, принимавшего различные и своеобразные формы. В начале VIII в. хазары, воспользовавшись своим военным превосходством в регионе, захватили климаты Херсона. В 704 г. сосланный в Херсон Юстиниан II оказался вне досягаемости византийской администрации «... в крепости, называемой Дорос и лежащей в стране готов - *εἰς τὸ φρούριον λεγόμενον τὸ Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν*» [Nikephoros, 1990, 42,6-8, p. 100, 101], но получил возможность обратиться к кагану Хазарии. В 711 г. Юстиниана II предпринял попытку силой возвратить соседние с Херсоном ар-

хонтии (климаты). Вряд ли каратели нападали на все крепости Дори и дошли до Боспора. Археологические данные указывают только на разгром в начале VIII в. цитадели Баклы. Правда, каратели не уничтожили жителей посада и поселения у подножия Баклы. Для борьбы с карателями Юстиниана II архонты крепостей (климатов) вместе с архонтом Херсона дважды обращались за военной помощью к хазарам [Nikephoros, 1990, 42,6-8, p. 106-109; Айбабин, 1999, с. 185,187-189; Ajbabin, 2011, S. 170-183]. Феофан также писал о бегстве в 704 г. ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (*Δαρᾶς*), расположенный между городом и Фанагорией, а в отображении событий 711 гг. фигурируют «Херсон, Боспор и другие климаты», а также «жители Херсона и других крепостей» [The Chronicle of Theophanes, 1997, p. 520, 527, 528].

Вероятно, каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую «проявацию» Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорас и поручил ему сбор дани для каганата [Айбабин, 1999, с. 210,211].

Самые ранние упоминания топонима Готии (*Γοθία*) содержатся в церковных источниках второй половины VIII–IX в. Протоколы VII Вселенского (II Никейского) собора 787 г. подписаны монахом Кириллом по поручению епископа Готии (*ἐπίσκοπον Γοθίας*) [Lamberz, 2004, S. 31.46f; Ajbabin, 2011, S. 196]. В Notitia (Нотии) 3 свода Жана Даррузеса содержится роспись епархий Константинопольского патриархата, в которой под номером 37 названа епархия Готии (*ἐπαρχία Γοθίας*) с резиденцией в Доросе [Dargouzès, 1981, p. 31,241, 245]. В «Житии Святого Иоанна Готского» говорится об участии в иконоборческом соборе 754 гг. неназванного епископа Готии (*Γοθίας ἐπίσκοπος*), упомянуты страна Готов (*χώρας τῶν Γότθων*), господин Готии (*κύριος τῆς Γοθίας*) и архонты крепостей, горные ущелья (клисуры - *τῆς κλεισοῦρας*) и крепость, называемая Дорос (*τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος*) [Auzéry, 2006, p. 78-81; Айбабин, 2006, с. 617-618]. В написанном в 808 г. письме Феодор Студит возмущался распутным поведением нарушившего церковные правила архонта Готии и ее климатов (*Γουθία καὶ τοῖς κλίμασιν αὐτῆς*) [Migne, 1860, p. 1013; Studitae, MCMXCII. I-II, S. 88; Vasiliev, 1936, p. 106]. В тексте XIV в. «Чудеса святого Евгения Трапезунтского» говорится о Херсоне и тамошних климатах Готии [Fontes Trapezuntini, 1965, p. 117-118].

Судя по цитированным текстам, в VIII в. Готией византийцы называли область Дори, в которую входили расположенные в Таврических (Крымских) горах климаты или архонтии. Область Дори и Готию населяли аланы и готы, которым принадлежала единая археологическая культура. В VIII в. под влиянием христианства жители Дори переходят на более аскетический обряд захоронения. Жизнедеятельность христианских православных общин способствовала распространения греческого языка среди алан и готов. Греческие эпитафии и граффити на керамике и архитектурных деталях из Горного Крыма свидетельствуют о повсеместном применении жителями Климатов греческой письменности.

Как отметила в «Приложении» Д. А. Шалыга, письменные источники свидетельствуют о длительном сохранении у крымских готов своего языка и фиксируют его ограниченные функции и начало вымирания в XVI в.

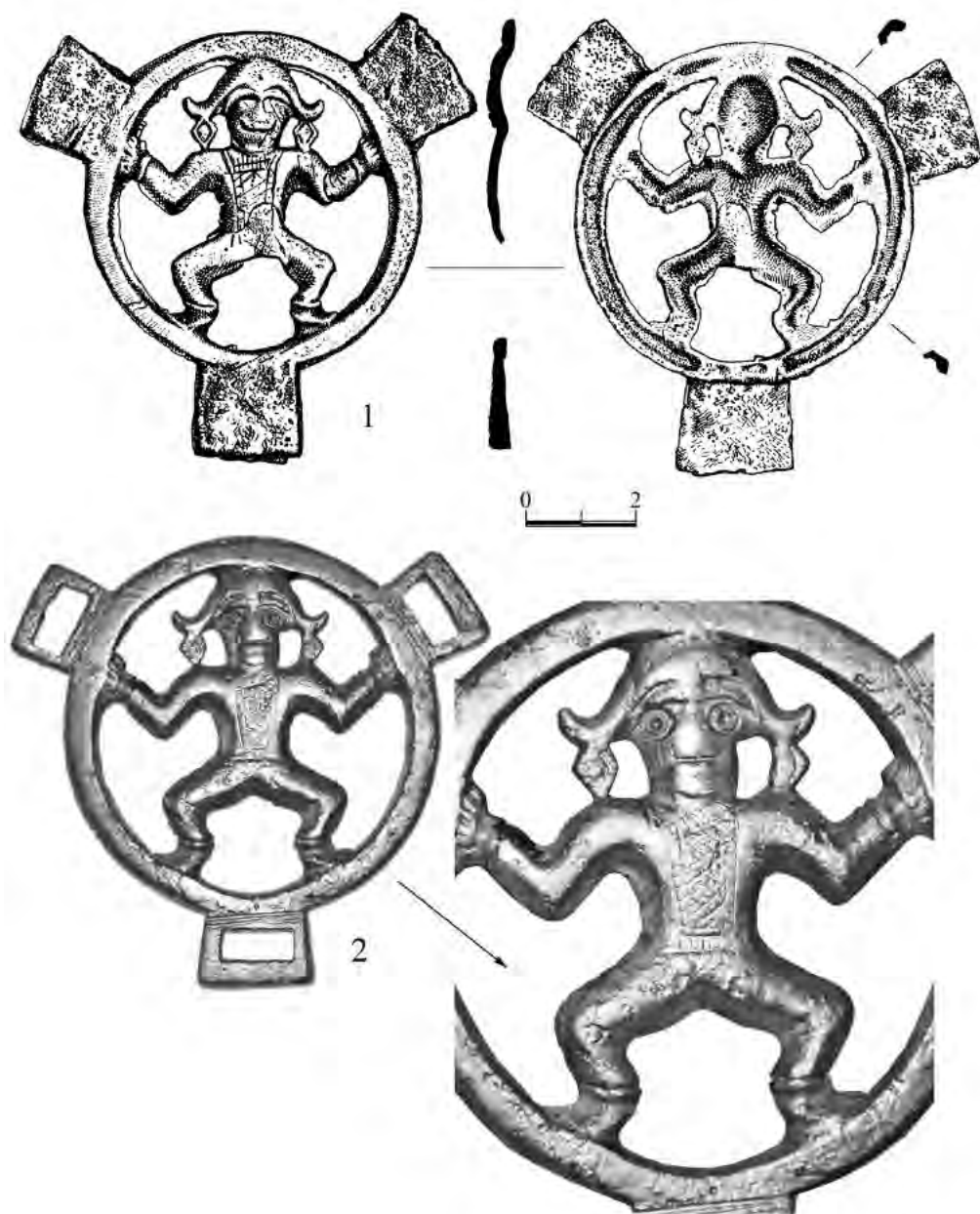

Рис. 198. Могильник у с. Лучистое.
Бляхи с изображением мужской фигуры из погребений VII в.
1 – склеп 65; 2 – склеп 113

Заключение

Современник Юстиниана I (527-565 гг.) Прокопий Кесарийский помешал область Дори в горной местности между Херсоном и Боспором, на том же берегу Понта, что и крепости Алуста и Горзувиты. Всех жителей Дори он считал готами. На территории между Внутренней и Главной грядами (от устья Чёрной речки и Балаклавы до склонов Демирджи и Чатыр-Дага) и на Южном берегу (в окрестностях Алустона, и на южных склонах Главной гряды близ Гурзуфа, Ялты, Ореанды и Симеиза) выявлена археологическая культура, существовавшая как во время правления короля остготов Теодориха Великого (470-526 гг.), так и в период царствования Юстиниана I.

Комплексный анализ материалов многолетних археологических раскопок в названном регионе позволил определить дату возникновения культуры, проследить ее эволюцию, а также обосновать этническую принадлежность ее носителей.

Ранние некрополи этой культуры возникли в Юго-Западном Крыму на незаселенной территории в результате миграции аланских и германских племен около середины III в. На некрополях с ингумациями хоронили в Т-образных в плане склепах и подбойных могилах, типичных для алан Предкавказья и Приазовья. Германцы умерших кремировали. Т-образные склепы по конструкции и обряду захоронения в них отличаются от известных в Крыму скифских склепов I - первой половины III вв. Поэтому нет никаких оснований искать у нового населения скифские и тем более таврские корни.

Около середины V в., видимо, после принятия христианства германцы прекращают кремировать умерших и начинают практиковать обряд ингумации в Т-образных в плане склепах.

При Юстиниане I готы области Дори были экспондами (*ἑσπονδοί* - союзниками) империи.

В 576 г. тюрки захватили Боспор, а в 580 г. угрожали Херсону. В конце VI в. в ответ на экспансию тюрков в Крым византийцы возвели для населявших страну Дори готов и алан крепости на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале. Строительство новых крепостей согласуется с данными эпиграфики, свидетельствующими о реформировании системы управления Византийскими владениями на полуострове. Как явствует из текста фрагмента надписи, найденной в Херсоне у южной оборонительной стены, реформа началась в период правления Юстина II (565-578 гг.) с назначения в город дуки (*dux*) — командира всех византийских войск в Крыму. В опубликованной В.В. Латышевым надписи из Тамани сказано, что в 590 г. стратилат и дука Херсона Евпатерий восстановил «кесарское здание» на Боспоре. Надпись свидетельствует о создании во владениях империи на полуострове единой администрации, которой руководил дука Херсона. В процессе реформы византийцы присоединили к своим владениям и подчинили дуке Херсона союзную область Дори. Вполне вероятно, под руководством дуки строились и новые крепости. Дори разделили на районы — архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла. Архонты архонтий не только командовали местными войсками, но и возглавляли византийскую гражданскую администрацию своего региона.

Во второй половине VII в. византийцы называли архонтии Дори климатами Херсона. Согласно церковным источникам, до конца VII в. приходы Дори подчинялись епископу Херсона, а во второй половине VIII в. Дорос назван центром Готской епархии и крепостью Готии.

В начале VIII в. хазары, воспользовавшись своим военным превосходством в регионе, захватили климаты Херсона. Вероятно, каган объединил климаты (архонтии) Горного Крыма в новую «провинцию» Готию со столицей в Доросе для облегчения сбора дани. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климата Дорос и поручил ему сбор дани для каганата.

Как мы видим, населённый аланами и готами Юго-Западный Крым в VI-VII вв. именовали топонимом Дори, а с VIII в. — топонимом Готия.

Приложение

Язык крымских готов

Д. А. Шалыга

До сих пор единственным крупным источником крымско-готских реликтов служит языковой материал, записанный ученым и дипломатом, послом императора Фердинанта I в Османской империи Ожье Гисленом де Бусбеком (1522–1592). В Константинополе со слов двух информантов – послов из Крыма, гота, не знавшего своего языка, и грека, знавшего крымско-готский – Бусбек, помимо некоторых сведений о самих готах, впервые записал крымско-готско-латинский глоссарий, числительные, отдельные фразы и образец кантилены. Этот уникальный языковой материал ученый изложил в четвертом из «Турецких писем», написанных им в период между 01.09.1555 г. и 16.12.1562 г. [Schröder, 1910, S. 2] и впервые изданных в Париже в 1589 г. [Busbequius, 1589].

С текстом «Турецких писем» можно ознакомиться на сайте проекта TITUS, Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien (Тезаурус индогерманских текстовых и языковых материалов) [Busbequius TITUS] и на сайте проекта «Krimgotisch» (Крымско-готский язык) [Busbequius gotica]. В первом случае текст воспроизводится по изданию «Augerii Gisleinii Busbequii. Omnia quae extant. Basel: Jo. Brandmüller, 1740 (Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968)», во втором – по «Loewe R. Die Reste der Germanen am schwarzen Meere - eine ethnologische Untersuchung.

Halle: Niemeyer, 1896, S. 127ff.». Н.А. Ганина приводит факсимиле первого издания «Четвёртого турецкого письма», используя в качестве источника таблицы соответствующих страниц, опубликованные МкД. Стернсом [Ганина, 2011, с. 92 и сл.; Stearns, 1978, pl. I, IV - V].

Бусбек [Busbequius gotica] пишет: «*Non possum hoc loco praeterire, quae de gente accepi, quae etiamnum incolit Tauricam Chersonesum, quam saepe audiveram sermone, moribus, ore denique ipso et corporis habitu, originem Germanicam referre. Itaque me diu cupiditas tenuit videndi ab ea gente aliquem, et si fieri posset inde eruendi aliquid quod ea lingua scriptum esset, sed hoc consequi non potui. Casus tamen utcunq̄ue desiderio meo satisfecit. Cum essent duo huc illinc delegati, qui nescio quas querelas nomine eius gentis ad principem deferrent, meique interpretes in eos incidissent, memores quid eis mandasset si id usu veniret, ad prandium illos ad me adduxerunt. Alter erat procerior, toto ore ingenuam quandam simplicitatem praeferens, ut Flander videretur aut Batavus: alter erat brevior, compactiore corpore, colore fusco, ortu et sermone Graecus, sed qui frequenti commercio non contemnendum eius linguae usum haberet, nam superior vicinitate, et frequenti Graecorum consuetudine sic eorum sermonem imbiberat, ut popularis sui esset oblitus, interrogatus de natura et moribus illorum populorum, congruentia respondebat. Aiebat gentem esse bellicosam, quae complures pagos hodieque incoleret, ex quibus Tartarorum regulus, cum expediret, octingentos pedites sclopetarios scriberet, praecipuum suarum copiarum firmamentum: primarias eorum urbes, alteram Mancup vocari, alteram Sciuarin. Ad haec multa de Tartaris eorumque barbarie: in quibus tamen singulari sapientia non paucos reperiri memorabat. Nam de rebus gravissimis interrogatus, breviter atque apposite respondere. Ea de caussa non temere dicitare Turcas, reliquas quidem nationes scriptam in libris habere sapientiam, Tartaros libros suos devorasse, ideo in peccatoribus eam habere reconditam, quam promat cum opus sit, et veluti divina fundant oracula. Eisdem esse perquam immundis moribus: si iurulentum aliquid apponatur in mensa, nulla requirere coclearia, sed ius vola manus haurire. Enectorum equorum*

carnem devorare, nullo foco admotam, offas tantum sub equestri sella explicare, quibus equino calore tepefactis tanquam opipare conditis vesci. Gentis regulum e mensa argentea cibum capere, primum inferri ferculum caput equi, ut et postremum, quemadmodum apud nos primo novissimoque loco honos habetur butyro. Nunc adscribam pauca vocabula de multis quae Germanica reddebat, nam haud minus multorum plane diversa a nostris erat forma: sive quod eius linguae natura id ferat, sive quod eum fugiebat memoria et peregrina cum vernaculis mutabat: omnibus vero dictionibus praeponere articulum tho aut the. Nostratia aut parum differentia haec erant.

<i>Broe.</i>	<i>Panis.</i>	<i>Tag.</i>	<i>Dies.</i>
<i>Plut.</i>	<i>Sanguis.</i>	<i>Oeghene.</i>	<i>Oculi.</i>
<i>Stul.</i>	<i>Sedes.</i>	<i>Bars.</i>	<i>Barba.</i>
<i>Hus.</i>	<i>Domus.</i>	<i>Handa.</i>	<i>Manus.</i>
<i>Wingart.</i>	<i>Vitis.</i>	<i>Boga.</i>	<i>Arcus.</i>
<i>Reghen.</i>	<i>Pluvia.</i>	<i>Miera.</i>	<i>Formica.</i>
<i>Bruder.</i>	<i>Frater.</i>	<i>Rinck.</i>	<i>sive[.]</i>
<i>Schuuester.</i>	<i>Soror.</i>	<i>Ringo.</i>	<i>Annulus.</i>
<i>Alt.</i>	<i>Senex.</i>	<i>Brunna.</i>	<i>Fons.</i>
<i>Wintch.</i>	<i>Ventus.</i>	<i>Waghen.</i>	<i>Currus.</i>
<i>Siluir.</i>	<i>Argentum.</i>	<i>Apel.</i>	<i>Pomum.</i>
<i>Goltz.</i>	<i>Aurum.</i>	<i>Schieten.</i>	<i>Mittere sagittam.</i>
<i>Kor.</i>	<i>Triticum.</i>	<i>Schlipen.</i>	<i>Dormire.</i>
<i>Salt.</i>	<i>Sal.</i>	<i>Kommen.</i>	<i>Venire</i>
<i>Fisct.</i>	<i>Piscis.</i>	<i>Singhen.</i>	<i>Canere.</i>
<i>Hoef.</i>	<i>Caput.</i>	<i>Lachen.</i>	<i>Ridere.</i>
<i>Thurn.</i>	<i>Porta.</i>	<i>Eriten.</i>	<i>Flere.</i>
<i>Stein.</i>	<i>Stella.</i>	<i>Geen.</i>	<i>Ire.</i>
<i>Sune.</i>	<i>Sol.</i>	<i>Breen.</i>	<i>Assare.</i>
<i>Mine.</i>	<i>Luna.</i>	<i>Schuualth.</i>	<i>Mors.</i>

Knauen tag erat illi Bonus dies: Knauen bonum dicebat et pleraque alia cum nostra lingua non satis congruentia usurpabat, ut

<i>Iel.</i>	<i>Vita sive sanitas.</i>	<i>Baar.</i>	<i>Puer.</i>
<i>Ieltsch.</i>	<i>Vivus sive sanus.</i>	<i>Ael.</i>	<i>Lapis.</i>
<i>Iel vburt.</i>	<i>Sit sanum.</i>	<i>Menus.</i>	<i>Caro.</i>
<i>Marzus.</i>	<i>Nuptiae.</i>	<i>Rintsch.</i>	<i>Mons.</i>
<i>Schuos.</i>	<i>Sponsa.</i>	<i>Fers.</i>	<i>Vir.</i>
<i>Statz.</i>	<i>Terra.</i>	<i>Lista.</i>	<i>Parum.</i>
<i>Ada.</i>	<i>Ovum.</i>	<i>Schediit.</i>	<i>Lux.</i>

Ano.	Gallina.	Borrotsch.	Voluntas.
Telich.	Stultus.	Cadariou.	Miles.
Stap.	Capra.	Kilemschkop.	Ebibe calicem.
Gadeltha.	Pulchrum.	Tzo Warthata.	Tu fecisti.
Atochta.	Malum.	Ies Varthata.	Ille fecit.
Wichtgata.	Album.	Ich malthata.	Ego dico.
Mycha.	Ensis.		

Jussus ita numerabat. Ita, tua, tria, fyder, fyuf, seis, sevene, prorsus, ut nos Flandri. Nam vos Brabanti, qui vos Germanice loqui facitis, hic magnifice vos efferre, et nos soletis habere derisui, ac si istam vocem pronunciemus rancidius, quam vos Seuen effertis. Prosequatur delude Athe, nyne, thiine, thiinita, thunetua, thunetria etc. Viginti dicebat stega, triginta treithyen, quadraginta furdeithien, centum sada, hazer mille. Quin etiam cantilenam eius linguae recitabat, cuius initium erat huiusmodi:

*Wara wara ingdolou
Seu te gira Galtzou
Hoemisclep dorbiza ea.*

Hi Gothi an Saxones sint, non possum diiudicare. Si Saxones, arbitror eo deductos tempore Caroli magni, qui eam gentem per varias orbis terrarum regiones dissipavit. Cui rei testimonio sunt urbes Transilvaniae hodieque Saxonibus incolis habitatae. Atque ex iis ferocissimos fortasse longius etiam summoveri placuit in Tauricam usque Chersonesum, ubi quidem inter hostes religionem adhuc retinent Christianam. Quod si Gothi sunt, arbitror iam olim eas sibi sedes tenuisse Getis proximas. Nec erratum fortasse, qui sentiat maiorem partem eius intervalli, quod est inter Gothiam insulam et Procopiam, quam hodie vocant, a Gothis aliquando inessam. Hinc diversa Gothorum, Westgothorum et Ostrogothorum nomina: hinc peragratus orbis victoriis et seminarium ingens barbaricae multitudinis. Habes quae de Taurica Chersoneso ex his Procopiensibus didici. »

В таблице I представлены результаты сравнительного анализа указанных выше изданий, в ходе которого выявлены незначительные расхождения в орфографии отдельных слов, в основном латинского текста и в редких случаях крымско-готских форм, а также пунктуации.

По мнению МкД. Стернса, наиболее авторитетным является первое издание писем [Stearns, 1978, p. 41-42]. Н. А. Ганина, вслед за Э. Шрёдером [Schröder, 1910, S. 11], отмечает идентичность первого и следующего франкфуртского издания 1595 г. и предлагает рассматривать их как равноценные источники [Ганина, 2011, с. 92, с. 100 и сл.]. Несмотря на то, что записанный Бусбеком языковой материал оценивался неоднозначно, уже начиная с конца XVI в., язык крымских готов относят к готскому языку [Rousseau, 1991, p. 155]. Т. фон Гринбергер [Grienberger, 1898] и Р. Мух [Much, 1898], а также МкД. Стернс [Stearns, 1978, S. 119] указали на его восточногерманские черты. Рассмотрев предыдущие этимологические интерпретации и вновь выполнив этимологический анализ крымско-готских реликтов, Н. А. Ганина приходит к выводу о принадлежности крымско-готского диалекта к восточногерманскому ареалу [Ганина, 2011, с. 250]. Наличие у крымских готов собственного языка, относившегося к германским языкам, по мнению А. Руссо [Rousseau, 1991,

р. 143-144], подтверждают многочисленные письменные источники, регулярно появляющиеся начиная с раннего средневековья. Большая часть кратких упоминаний историков или сообщений путешественников о существовании крымских готв и их языка рассматривается еще в трудах В. Томашека [Tomaschek, 1881], Ф. Брауна [Braun, 1890], Р. Лёве [Loewe 1896] и А. А. Васильева [Vasiliev, 1936]. Среди наиболее важных в этом отношении источников следует назвать известное и часто цитируемое свидетельство фламандского монаха-францисканца Вильгельма Рубрука (ок. 1220 – ок. 1293), посетившего Крым в 1253 г. и ассоциировавшего язык местных готв с немецким: «*между Керсоной и Солдаией существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готв, язык которых немецкий*» [Путешествие ..., гл. 1; Loewe, 1896, с. 114; Равдоникас, 1932, с. 7; Vasiliev, 1936, с. 172; Stearns, 1978, р. 5-6; Rousseau, 1991, с. 151; Ганина, 2011, с. 76].

Исследователи называют ряд факторов, которые могли привести к искажению крымско-готских форм в первом издании «Четвертого турецкого письма». Э. Шрёдер исключает личное участие в публикации писем как автора [Schröder, 1910, S. 5], так и их адресата, ученого и друга Бусбека Никола Мишо [Schröder, 1910, S. 6]. По его мнению, инициатива их издания принадлежала книготорговцу, который, видимо, располагал одним из списков, циркулировавших среди филологов и дипломатов [Schröder, 1910, S. 6]. Кроме того, ошибки в крымско-готских словах могли появиться по вине наборщика-француза [Schröder, 1910, S. 15]. МкД. Стернс, О. Грёнвик, вслед за М. Х. Еллинеком, принимают во внимание и то обстоятельство, что Бусбек, записывая готские слова, опирался на свой языковой опыт человека, разговаривающего на фламандском языке XVI в. [Rousseau, 1991, р. 155; Stearns, 1978; Grønvik, 1983].

Исследователи обращают также внимание на условия общения Бусбека с информантами через переводчиков, местных греков, владевших греческим, турецким и итальянским языками. Как полагает МкД. Стернс [Stearns, 1978, р. 68], Бусбек задавал вопросы на итальянском, их переводили на греческий и затем ответы информантов с греческого снова переводили на итальянский язык, неродной ни для Бусбека, ни для его переводчиков.

Некоторыми авторами поднимается вопрос о степени доверия к информанту-греку, со слов которого и были записаны крымско-готские языковые реликты [Rousseau, 1991, р. 155; Stearns, 1978; Grønvik, 1983]. В его устах некоторые готские слова могли претерпеть определенные трансформации. Однако в целом владение греком хоть в какой-то мере языком крымских готв вполне соответствует ситуации сосуществования, соседства и тесных контактов в Юго-Западном Крыму разных этносов. И грек, и гот были представителями «единой горно-крымской народности», сложившейся уже в X в. [Айбабин, 1999, с. 229].

Э. Шрёдер обобщает исправления крымско-готских форм в разных изданиях и предыдущих исследованиях текста, и предлагает следующие конъектуры: *Kriten* вместо *Eriten*, *Fisc* вместо *Fisct*, *fyuf* вместо *fyuf*, *Hoef* вместо *Hoef*, *Korn* вместо *Kor*, *Schnos* вместо *Schuos*, *Stern* вместо *Stein*, *thiinetua* вместо *thunetua*, *thiinetria* вместо *thunetria*, *Thur* вместо *Thurn/Timm*, *VVinsch* вместо *VVintch* [Schröder, 1910, S. 11-15]. Данный список можно дополнить конъектурой, предложенной МкД. Стернсом: единообразно написанной формой *VVarthata* и в случае *Tzo VVarthata*, и в случае *Ies VVarthata* [Ганина, 2011, с. 104; Stearns, 1978, р. 44].

Первую попытку классификации крымско-готской лексики предпринял сам Бусбек, разделив ее на слова, «*мало отличающиеся от наших*» и «*не вполне совпадающие с нашим языком*» [Ганина, 2011, с. 93, 96 и сл.]. Этимологический анализ Н. А. Ганиной показывает, что около 70% лексических единиц из списков Бусбека можно отнести к готскому языковому материалу [Ганина, 2011, с. 107-163]. Происхождение остальных форм интерпретируется неоднозначно.

Числительное *sada* (сто) предположительно заимствовано из иранского языка [Ганина, 2011, с. 144]. Числительного *hazer* (тысяча), вероятно, проникает в крымско-готский из персидского языка через турецкий [Ганина, 2011, с. 125]. Исследователи также обращают внимание на отличие образовательной модели числительных 11–13 от германской [Stearns, 1978, с. 104 и сл.; Ганина, 2011, с. 222]. Н. А. Ганина [Ганина, 2011, с. 144] подчеркивает, что заимствования этой устойчивой группы лексики свидетельствует об особом развитии крымско-готского диалекта. Таким образом, Бусбек зафиксировал процесс «разрушения реликтового языка», результат ассимиляционных процессов.

О близости языка крымских готов и немецкого языка и об ассимиляции готов и алан сообщается в известном сочинении «Путешествие в Тану» (1436–1452) венецианского купца Иосафато Барбаро (1413–1494): *«Далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней - Алания, которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро, как мы уже сказали выше. Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга-немец; они с ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фурианец и флорентинец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесь»* [Барбаро, §51; Tomaschek, 1881, с. 49; Vasiliev, 1936, с. 219; Rousseau, 1991, с. 151; Ганина, 2011, с. 78 и сл.]. Результаты многолетних археологических исследований позволяют А. И. Айбабину использовать для обозначения народности, сформировавшейся в средние века в Юго-Западном Крыму, термин «аланоготы» [Айбабин, 1999, с. 230].

Незнание готом языка своего народа, зафиксированное Бусбеком, также отражает процесс ассимиляции крымских готов. Очевидно, в XVI в. крымско-готский диалект уже не обслуживает всех представителей этноса в регионе. Собеседник Бусбека еще отождествляет себя с готами, но язык крымских готов уже потерял свое этнодифференцирующее значение. Видимо, в это время он уже утратил свою престижность в глазах молодого поколения.

О билингвизме крымских готов, свойственном жителям полиэтнических регионов, сообщает теолог и историк Георг (Гальсбанд) Торкват (1513–1575). О готах, оставшихся в горах близ Херсонеса Таврического, в своем труде «Лейпцигские и кведлинбургские анналы» (1561–1574) он пишет, что между собой и дома они говорят на диалекте, близком саксонскому, а с представителями других народов используют или греческий, или татарский, или венгерский [Loewe, 1896, с. 47–48; Vasiliev, 1936, с. 274; Stearns, 1978, р. 9; Rousseau, 1991, с. 152; Ганина, 2011, с. 82]. Одним из источников информации о готах в Крыму послужило сообщение Виллибальда Пиркгеймера, патриция из Нюнберга, известного разносторонними научными интересами. Его рассказ о встрече нюрнбергских купцов, потерпевших кораблекрушение и оказавшихся на берегу близ Боспора Фракийского, и крымского гота датируют временем до 1518 г. [Loewe, 1896, с. 116–125; Vasiliev, 1936, с. 274; Stearns, 1978, р. 7; Rousseau, 1991, с. 152; Ганина, 2011, с. 81].

О том, что крымские готы разговаривают на своем языке в кругу семьи, сообщает также в середине XVI в. немецкий теолог, математик, астроном, географ и гуманист Якоб Циглер (1480–1549): *«Et hodie in Thaurica Chersonesso multa milia patrum foris Graeca et Tartarica lingua, domi Germana utuntur»* [Loewe, 1896, с. 566–567; Vasiliev, 1936, с. 252; Stearns, 1978, р. 8; Rousseau, 1991, с. 152; Ганина, 2011, с. 82]. Таким образом, и материал Бусбека, и письменные источники фиксируют ограниченные функции крымско-готского диалекта в XVI веке и начало его вымирания.

Одним из важнейших факторов, способствующих сохранению этнического языка, является письменность. В последнее время вновь развернулась дискуссия о наличии у крымских готв письменности и использовании ими алфавита Вульфилы (341–383). Традиционно язык крымских готв считается бесписьменным. В 2015 г. А. Ю. Виноградов и М. И. Коробов публикуют граффити на двух частях карниза, некогда принадлежавшего мангупской базилике и найденного М. А. Тихановой в 1938 г. [Тиханова, 1953а], прочитанные авторами как готские [Виноградов, Коробов, 2015].

В другой работе один из соавторов называет два возможных письменных источника, сообщающие об использовании крымскими готами перевода Библии Вульфилы [Виноградов, 2016]. В первую очередь речь идет о тексте «Жития Константина», составленном в конце IX в., трактровку которого сам исследователь оценивает как «довольно произвольную» [Виноградов, 2016, с. 31]. В VIII главе сообщается, что Константин Философ (827–869) *«нашел же здесь [в Херсоне] Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога»* [Житие, VIII]. Вопрос о том, что подразумевается под русскими письменами, хотя согласно одной из гипотез имеется в виду готская письменность, остается открытым [Ганина, 2011, с. 63; Rousseau 1991, p. 145]. Г. А. Хабургаев [Хабургаев, 1994] подчеркивает сомнительность принадлежности этого пассажа первоначальному тексту «Жития». Автор, подробно рассматривая сирийскую версию, предполагает его появление в тексте «Жития» одновременно с перекликающимся «Сказанием о русской грамоте» примерно в XII в. или позже на русской почве [Хабургаев, 1994, с. 119].

В XVI главе «Жития» готы упомянуты среди народов, имеющих свою письменность и перевод Библии: *«Мы же народ много знаем, книги оумеюще, и Богу славою въздающе кждо своимъ езыхомъ. Яве же соуть си: армены, перси, авазгы, иверы, соугды, готфи, обри, турьси, козари, аравльяне, египты и инымнози»* [Хабургаев, 1994, с. 119; Ганина, 2011, с. 62]. *«...Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие»* [Житие, XVI]. Крымско-готская версия основывается на двух главных аргументах. Первым служит ареал проживания перечисленных в этом пассаже народов. По мнению Н. А. Ганиной, контекст полемики о возможности перевода Библии предполагает наличие такового у названных Константином народов, адептов православной традиции [Ганина, 2011, с. 62]. В примечании 189 к своему переводу Б. Н. Флоря, анализируя этот перечень народов, высказывает мнение, что сведения о готской письменности Константин мог получить из сочинений Иоанна Златоуста (ок. 347–407), присутствовавшего на богослужении на готском языке в готской православной церкви Константинополя [Житие, прим. 189; Головина, 2013, с. 178]. Феодорит Кирский (ок. 393 – ок. 458) пишет о непримиримом отношении Иоанна Златоуста к арианам и о его покровительстве готской православной церкви: *«Видя, что и скифский народ опутан сетью арианства, Иоанн употребил хитрость против хитрости и сам намыслил средство уловить добычу. Поставив единоплеменных им пресвитеров, дьяконов и чтецов священного Писания, он уделил им одну церковь и через них уловил многих заблудших, ибо и сам весьма часто хаживал туда беседовать, употребляя при этом разумевшего тот и другой язык толмача, да и умевших говорить по-готски побуждал делать это же. Все сие совершая внутри города, он уловил многих оболыщенных и показал им истину апостольской проповеди»* [Феодорит Кирский, V, 30]. Знакомство Константина Философа с крымскими готами могло произойти также во время возглавляемой им миссии в 860–861 гг., отправленной из

Константинополя через Херсон к хазарскому кагану [Ганина, 2011, с. 62]. Прямого указания именно на крымских готов текст «Жития Константина» все же не содержит.

Вторым свидетельством, по мнению А. Ю. Виноградова [Виноградов, 2016, с. 31] «единственным независимым», служит сообщение французского гуманиста, филолога и историка, современника Бусбека Жозефа-Жюста Скалигера (1540–1609): «*и поныне готы живут в этой местности [Крым] под князем татарского племени, и читают они и Ветхий, и Новый Завет в том же написании, как Вульфилла это сочинил*» [Maßmann, 1891, S. 355; Rousseau, 1991, p. 153; Скардильи, 2012, с. 246]. Источник сведений Скалигера неизвестен, поэтому достоверность этого сообщения ставится под сомнение большинством исследователей [Maßmann 1891, S. 355; Rousseau, 1991, p. 153; Скардильи 2012, с. 252; Байер, 2001, с. 243]. А. Руссо считает, что Скалигер мог это написать только после путешествия Бусбека, с которым был связан дружбой [Rousseau, 1991, p. 153]. Однако сам Бусбек жалеет, что ему не удалось ничего узнать о каких-либо памятниках письменности, имеющих у крымских готов: «*Itaque me diu cupiditas tenuit videndi ab ea gente aliquem, et si fieri posset inde eruendi aliquid quod ea lingua scriptum esset, sed hoc consequi non potui*» [Ганина, 2011, с. 92]. «*Поэтому мне уже давно хотелось видеть кого-нибудь из этого народа, и, если возможно, узнать что-нибудь, что было бы записано на их языке, но не мог этого исполнить*» [Ганина, 2011, с. 95]. Бусбек собирал памятники эпиграфики и, как сообщает А. Руссо, привез из Константинополя около 240 греческих, латинских и арабских манускриптов [Rousseau, 1991, p. 154]. Истоки интереса Бусбека к крымским готам и их языку А. Руссо видит в предшествовавшем его поезде в Константинополь всплеске внимания европейских гуманистов к большому фрагменту Серебряного кодекса, сохранившемуся в Верденском аббатстве близ Эссена [Rousseau, 1991, p. 154]. Х. Ф. Байер полагает, что в основу сообщения Скалигера также легли сведения о находке Codex Argenteus, соединенные ученым со сведениями о крымских готах [Байер, 2001, с. 243]. Г. Ф. Массманн рассматривает возможность использования перевода Библии, осуществленного арианским епископом Вульфиллой, крымскими готами, лишь как гипотезу, а не как исторический факт [Maßmann, 1841, S. 355]. Выводы А. Ю. Виноградова и М. И. Коробова о крымско-готской письменности и богослужении на готском языке в Юго-Западном Крыму, сделанные на основании граффити на карнизе из Мангупской базилики, не находят подтверждения в надежных письменных источниках. На наш взгляд, они являются поспешными, что косвенно подкрепляется уточнениями самих авторов в последующих публикациях [Виноградов, 2016; Виноградов, Коробов, 2017]. Граффити на карнизе из Мангупской базилики вызывают ряд вопросов.

Крупный фрагмент фриза из местного серого известняка, украшенный двойным рядом листьев аканфа изначально обнаружила М. А. Тиханова [Тиханова, 1953а] во время раскопок базилики на Мангупе в 1938 г. на вымостке в южной части крещальни у стены б над гробницей IV. На обратной стороне камня «сохранился ряд мелких неразборчиво нацарапанных скорописью надписей и различных геометрических фигур (концентрические круги с пересекающимися их линиями, рисунок лабиринта, изображение корабля и т. д.)» [Тиханова, 1953а, с. 386, 340, 373, рис. 4; 42, в]. Автор отмечает плохую сохранность фриза. Рядом с ним в земле найдены как более мелкие обломки [Тиханова, 1953а, с. 386, 370, рис. 39, г], так и крупный обломок с надписями на сглаженной обратной стороне [Тиханова, 1953а, с. 386] (рис. 199, 1). М. А. Тиханова публикует центральную трехстрочную надпись, выполненную «уническим письмом V–VI вв.» [Тиханова, 1953а, с. 386]. А. И. Айбабин датирует надпись XI в., обратив внимание на употребление в тексте обозначения «поп» по отношению к церковному чтецу [Айбабин, 1999, с. 123 и сл.]. Соглашаясь с этим замечанием, А. Ю. Виноградов обосновывает более широкую датировку надписи IX–XI вв. особенностями палеографии [Виноградов IOSPEV, 183].

Окружающие ее мелкие надписи охарактеризованы М. А. Тихановой, равно как и на основном фрагменте фриза, как выполненные скорописью, неразборчивые и процарапанные [Тиханова, 1953а, с. 386]. Однако автор не высказывает никаких сомнений, атрибутируя их как греческие [Тиханова, 1953а, с. 386].

А. Ю. Виноградов и М. И. Коробов предполагают, что карниз, изначально выполнявший функцию декоративного элемента около середины VI в., к IX – X в. вторично использовали при перестройке базилики в кладке стены верхней стороной наружу [Виноградов, Коробов, 2015, с. 63; Виноградов, 2016, с. 31]. Возможно также, что верхняя сторона декоративного элемента размещалась горизонтально на высоте, удобной для нанесения на нее надписей и рисунков; он мог служить карнизом под окном базилики. Все надписи и рисунки имеют одинаковую ориентацию.

«Совершенно аналогичный» обломок фриза из местного серого известняка с острозубчатым аканфом найден и в северной галерее базилики [Тиханова, 1953а, с. 372, 340, 370, рис. 4; 39, а]. Утверждение А. Ю. Виноградова и М. И. Коробова [Виноградов IOSPEV, 183; Виноградов, Коробов, 2015, с. 63], что фрагменты фриза с надписями в дальнейшем применили для вымостки пола крещальни, не соответствуют описанию и фотографиям места находки М. А. Тихановой [Тиханова, 1953а, с. 378 и сл., 386]. Видимо, в какой-то поздний период после обрушения обломки попали на вымостку крещальни, где и были найдены в ходе раскопок.

Одним из аргументов в защиту подлинности готских граффити считается отдельное хранение обломком с надписями в фондах музея [Виноградов, Коробов, 2015, с. 63]. Однако с какого времени один фрагмент (инв. № 1246/1577) находился в лапидарии музея, а другой с надписью, опубликованной М. А. Тихановой, без инвентарного номера хранился в фонде мангупских экспедиций, не уточняется. Материалы раскопок были опубликованы в 1953 г. К этому времени, судя по примечанию М. А. Тихановой [Тиханова, 1953а, с. 386], второй обломок фриза был уже «утрачен». Вероятнее всего, из-за того, что артефакты оставались в Бахчисарае во время боевых действий и оккупации Крыма в 1941–1944 гг. Немецким исследователям, проявлявшим особый интерес к наследию готов и побывавшим в это время на Мангупе, Эски-Кермене и других памятниках Юго-Западного Крыма, обнаружить следы готской письменности не удалось. В публикациях такой факт отражения не находит [см. например: Тоерфер 1942].

Как полагают А. Ю. Виноградов и М. И. Коробов, готские граффити появились на камнях раньше греческих, поскольку занимают более удобное для их нанесения положение и частично перекрываются греческими [Виноградов, Коробов, 2015, с. 63]. Летом этого года мы получили возможность осмотреть обломки карниза, за что выражаем благодарность руководству и сотрудникам фондов Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника и лично заведующей отделом фондов О. Н. Алпашкиной. Первый крупный фрагмент карниза сегодня имеет меньшие размеры, чем на фотографии его лицевой стороны в отчете М. А. Тихановой [Тиханова, 1953а, рис. 42, в]. Вероятно, его современный верхний край, вдоль которого высечено граффито I. 2 (здесь и далее нумерация надписей приводится по А. Ю. Виноградову и М. И. Коробову), таковым изначально не являлся. Надпись не повторяет его изгибы (рис. 199, 2). Судя по обрывающимся надписям I. 2 и I. 3, правый край тоже обломан (рис. 200, 3). На сохранившейся поверхности доминируют рисунки. Многострочная надпись I. 1 сохранилась гораздо хуже, чем пересекающие ее изображения (рис. 200, 4). Тонкие неглубокие буквы местами почти стерты, при этом 4 строка разрывается, уступая место четкому изображению вписанного в круг креста. Справа, между надписью I. 1 и крупным изображением креста в двойном круге, помещена еще одна плохо сохранившаяся надпись. Вероятно, ее строка пересекается с почти стертой нижней строкой надписи I. 1. Под надписью I. 1. находится еще несколько практически стертых строк. Почти стерта и надпись I. 4. В сравнении

с этим можно говорить об относительно хорошей сохранности надписи I. 2 на первом фрагменте и надписи II. 1, расположенной вдоль верхнего края второго фрагмента. На втором камне наиболее удобное центральное положение занимает греческая надпись, опубликованная М. А. Тихановой. Визуально определить, нанесены отдельные надписи и рисунки позже или раньше других, на основании степени сохранности и их местоположения можно только гипотетически.

Единичность находки обуславливает гипотетический характер каких-либо выводов. Большой корпус греческих эпиграфических памятников из Юго-Западного Крыма, начиная от строительных надписей и заканчивая клеймами на черепице, свидетельствует об официальном использовании греческого языка и повсеместном применении в регионе греческой письменности. Использование греческого языка тесно связано с жизнедеятельностью христианской православной общины. То, что местные клирики были носителями греческого языка, подтверждают и надписи, найденные на Мангупе, и надписи с Эски-Кермена. В 2007 г. на Эски-Кермене найдено однострочное греческое граффито, вырезанное на обломке окна часовни: «Господи, помоги монах...» [Ajbabin, 2013, S. 210]. Христианство в Юго-Западном Крыму во второй половине V в. распространилось из Херсона, важнейшего торгового партнера и центра, оказывающего влияние на политику, культуру и экономику региона [Айбабин, 1999, с. 83 и сл.]. Православие крымских готтов, видимо, препятствует распространению в регионе готского письма, традиционно ассоциировавшегося с арианством. Единичная находка готских граффити, при условии признания их аутентичности, могла бы свидетельствовать о деятельности, возможно, в ранневизантийский период отдельного православного клирика, знавшего готское письмо. Согласно чтению А. Ю. Виноградова и М. И. Коробова, часть надписей представляет собой формулу типичную для византийской эпиграфики [Виноградов, Коробов, 2015; Виноградов, Коробов, 2017]. Датировка готских граффити серединой IX – началом X вв., предложенная исследователями [Виноградов, Коробов, 2015], предполагает отражение в инвокациях отдельного развития крымско-готского диалекта. Такая поздняя дата, как и вывод авторов о литургии на готском языке, вступает в определенные противоречия с общим историческим контекстом.

Таким образом, письменные источники свидетельствуют о длительном сохранении у крымских готтов своего языка и фиксируют его ограниченные функции и начало вымирания в XVI в.

*Сравнительный анализ изданий текста
«Четвертого турецкого письма» Ожье Гислена де Бусбека*

1	2	3	4
303/14	quæ etiamnum incolis Tauricam Cher/lonofum	incolit	incolit
303/20	quod ea lingua scriptum effet fed	esset sed hoc	esset, sed hoc
304/3	fermone Græcus, fd qui frequenti com/mercio	sed	sed
304/5	ufum haberet, nam superior vicinitate	usum haberet. nam superior	usum haberet, nam superior
304/8	fui effet oblitus, interrogatus de natura	oblitus, interrogatus	oblitus, interrogatus
304/10	respondabat. Aiebat gentem effe	respondebat	respondebat
304/13	cum expediret, octingentos peditos felo/petarios	pedites	pedites
304/26	reconditam, quam promant cum opus	promant	promat
304/30	nulla requirere coclearia, fed ius volâ	vola	vola
305/5	conditis vesci. Gentis regulum è menfa	e mensa	e mensa
305/17	aut <i>the</i> , nostratia aut parum differentia	<i>the. nostratia</i> aut parum differentia. haec	<i>the. Nostratia</i> aut parum differentia haec
305/24	<i>Reghen.</i> Pluvia.	Pluua.	Pluvia.
305/26	Schwvester. Soror.	Schuuvester.	<i>Schuuvester</i>
306/15	<i>Rinck.</i> siue.	Rinck siue	<i>Rinck sive[.]</i>
306/20	Schietê. Mittere <i>sagittâ.</i>	Schieten. Mittere sagittam.	<i>Schieten.</i> Mittere sagittam.
306/28	Schwvalth. Mors.	Schuualth.	<i>Schuualth.</i>
307/3	<i>Iel.</i> Vita siue fanitas.	Vita siue sanitas.	Vita siue sanitas.
307/4	<i>Ieltfch.</i> Vivus siue fanus.	Viuus siue sanus	Vivus siue sanus.
307/5	<i>Iel uburt.</i> Sit fanum.	vburt	<i>vburt</i>
307/9	<i>Ada.</i> Ovum.	Ouum	Ovum.
307/14	<i>Atochta.</i> Maum.	Malum.	Malum.
307/24	Borratfch. Voluntas.	Borrotsch.	<i>Borrotsch.</i>
307/26	<i>Kilemschkop.</i> ebibe calicem.	Kilemschkop. Ebibe calicem.	<i>Kilimschkop.</i> Ebibe calicem.

1	2	3	4
307/27	<i>Tzo Warthata. tu</i> fecifti.	Tzo Warthata. tu fecisti.	<i>Tzo Warthata.</i> <i>Tu fecisti.</i>
307/28	<i>Ies Wathata.</i> Ille fecit.	Varthata	<i>Varthata</i>
308/1	Iulfus ita numerabat. Ita, tua, tria,	Iussus ita numerabat.	Jussus ita numerabat.
308/2	<i>fyder, fyuf, feis, feune,</i> profus, ut nos	seuene	sevene
308/4	loqui factis, hic magnifice vos ef/ferre,	factis	facitis
308/7	vos Seuenffertis. Profequebatur deinde,	vos Seuen effertis. Prosequebatur deinde	vos <i>Seuen</i> effertis. Prosequebatur delude
308/8	Athenyne, thiine, thiinita, thunetua, thu/netria,	Athe, nyne,	<i>Athe, nyne,</i>
308/11	<i>fada, hazer</i> mille. Quin etiam cantilenam	Quinetiam	Quin etiam
308/13	hujufmodi:	huiusmodi	huiusmodi
308/14	<i>Wara Wara ingdolou:</i>	Wara Wara ingdolou	<i>Wara Wara ingdolou</i>
308/15	<i>Scu te gira Galizu.</i>	Scu te gira Galtzou	<i>Seu te gira Galtzou</i>
308/17	Hi Gothi an Saxones fint, non pollum di/judicare.	diiudicare	diiudicare
308/27	Quod fi Gothi sunt, arbitror jam olim eas	iam	iam
308/29	erraturum fortaffe, qui fentiat majorem	maiozem	maiozem

1 – Page of edition / Line of edition (Страница издания / строка издания)

2 – TITUS [по Augerii Gislenii Busbequii. Omnia quæ extant, Basel: Jo. Brandmüller, 1740 / Reprint Graz: Akademische Druck - und Verlagsanstalt, 1968]

3 – Факсимиле у Н.А. Ганиной [по McD. Jr. Stearns]

4 – www.gotica.de [по R. Loewe. Die Reste der Germanen am schwarzen Meere - eine ethnologische Untersuchung; Halle: Niemeyer, 1896, S. 127ff.]

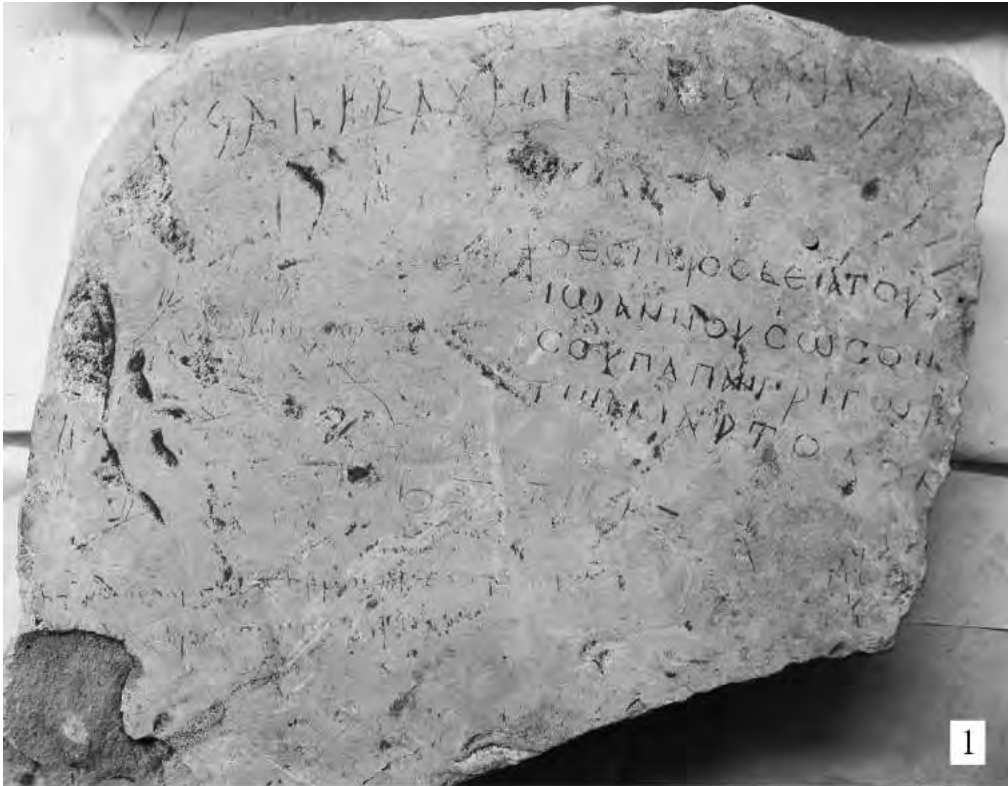

Рис. 199. 1 – второй фрагмент карниза с надписью, опубликованной М. А. Тихановой, и надписью П.1; 2 – верхний край первого фрагмента карниза с надписью I.2
 [Фото Д. А. Шалыги]

*Рис. 200. 1 – правый край первого фрагмента карниза;
2 – многострочная надпись I.1 [Фото Д. А. Шальги]*

Summary

A contemporary of Justinian I (527–565 AD) Procopius of Caesarea located the land of Dory in the mountainous area between Cherson and Bosporos, on the same shore of the Pontos with the forts of Aloustou and in Gorzoubita. He considered that all the residents of Dory were Goths. Archaeological excavations in the area between the Inner Ridge and the Main Ridge of the Crimean mountains (from the Chernaia river estuary and Balaklava to the slopes of Demirdzhi and Chatyr-Dag mountains) and in the Southern Coast of the Crimea (in vicinity of Aloustou and on the southern slopes of the Main Ridge near Gurzuf, Yalta, Oreanda, and Simeiz) discovered the archaeological culture which existed from the age of Ostrogothic King Theodoric the Great (470–526 AD) to the age of Justinian I of Byzantium.

The complex analysis of the materials of many-year-long archaeological excavations in the area under analysis allows us to determine the date when the culture shaped, to trace its evolution, and to attribute the ethnicity of its people.

Early cemeteries of this culture developed in the South-Western Crimea, in previously not populated area, in result of the migration of Germanic and Alanic tribes about the middle of the third century. In the inhumation cemeteries, they buried into T-shaped burial vaults and undercut graves typical of the Alans in Transcaucasia and the Azov Sea area. The Germans cremated their dead. The construction and the rituals used in the T-shaped burial vaults differed from the Scythian vaults known in the Crimea from the first to the first half of the third century. This is why there is no reason to look for Scythian and the more so Taurian roots of the new population.

About the middle of the fifth century, perhaps after the conversion to Christianity, the Germans ceased to bury their dead by cremation and started the ritual of inhumation in T-shaped burial vaults.

In the age of Justinian I, the Goths in the land of Dory were the *enspondoi* (ἔνσπονδοί, the allies) of the Empire.

In 576, the Turks took possession of Bosporos, and in 580 they menaced Cherson. In the late sixth century, responding the Turkic expansion into the Crimea, the Byzantines constructed for the Gothic and Alanic residents of the land of Dory the forts on the plateaus of Eski-Kermen, Bakla, and Chufut-Kale. The building of new forts corresponded to epigraphical account of the reformation of the administrative system in Byzantine possessions in the Crimea peninsula. The text of fragmented inscription discovered near the southern defensive wall of Cherson informs that the reform started under Justin II (565–578) with the appointment of *doux* (*dux*) to Cherson as the commander of all Byzantine troops in the Crimea. V. V. Latshev published inscription from Taman stating that in 590 AD *stratelates* and *doux* of Cherson constructed a “kaisar’s house” in Bosporos. This inscription testifies to the creation in the imperial possessions in the peninsula of united administration headed by the *doux* of Cherson. During this reform the Byzantines added to their possessions and subordinated to the *doux* of Cherson their allied land of Dory. Quite probably, the *doux* headed the construction of new forts. The Dory was divided into regions, or *archontiai*, with their *archontes* residing in forts atop the plateaux of Mangup (Doros), Eski-Kermen, Chufut-Kale, and Bakla. The *archontes* of these *archontiai* commanded local troops and headed Byzantine civil administration of their region.

In the second half of the seventh century, the Byzantines called the *archontiai* of Dory the “Klimata of Cherson.” According to primary sources, as long as the late seventh century the parishes of Dory were subordinated to the bishop of Cherson, and in the second half of the eight century Doros was titled the centre of the Gothic eparchy and the fort of Gothia.

In the early eighth century, the Khazars used their military advantage in the region to take possession of the Klimata of Cherson. Perhaps the *khagan* united the Klimata (*archontiai*) in the mountainous Crimea into the new “province” of Gothia with its capital in Doros to improve the collection of tributes. Plausibly the *archon* of the Klima of Doros was appointed the ruler of Gothia and entrusted with the tribute collections.

As we have seen, the south-western Crimea with its Gothic and Alanic population in the sixth and seventh century was called Dory, and from the eighth century on, it was titled Gothia.

Литература

- Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М.: АРХЭ, 1993. Вып. 3. С. 4-135.
- Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э. - I в. н. э. // СА. 1959. №1. С. 52-71.
- Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. - I в. н. э. // СА. 1961. №1. С. 91-110.
- Абрамова М. П.* Исследования Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 88-95.
- Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972. 76 с.
- Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV-V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. 1975. №1. С. 213-233.
- Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Москва, 1982. С. 9-19.
- Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М.: «Наука», 1987. 184 с.
- Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). М., 1993. 240 с.
- Абрамова М. П.* Катакомбные могильники III-IV вв. н. э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы: история и культура. Аланика. III. Владикавказ, 1995. С. 65-78.
- Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М.: Изд-во РАН, 1997. 165 с.
- Азбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М.: Наука, 1987. 156 с.
- Айбабин А. И.* Погребения второй половины V - первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 22-34.
- Айбабин А. И.* Погребения конца VII - первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 165-192.
- Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. №1. С. 104-122.
- Айбабин А. И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. н. э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 164-198.
- Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С. 3-86.
- Айбабин А. И.* Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1993. Вып. III. С. 121-133, 365-383.
- Айбабин А. И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV. С. 89-131.
- Айбабин А. И.* Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1994/1995а. Вып. IV. С. 132-172.
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Изд-во «Дар», 1999. 352 с.
- Айбабин А. И.* О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999а. С. 244-246.
- Айбабин А. И.* Склеп эпохи «великого переселения народов» на могильнике близ села Лучистое в Крыму // Средневековые древности еurasийских степей. Воронеж, 2001. С. 24-31.
- Айбабин А. И.* Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 37-52.
- Айбабин А. И.* Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. С. 615-626.
- Айбабин А. И.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 129-150.
- Айбабин А. И.* О времени сооружения оборонительных стен городища Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство ГЭ, 2008. Вып. XLII. С. 314-328.

- Айбабин А. И.* Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 60-70.
- Айбабин А. И.* Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. Симферополь – Керчь, 2014. Вып. XIX. С. 240-277.
- Айбабин А. И.* О локализации области Дори // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 311-332.
- Айбабин А. И.* Византийские порты в Крыму в IV-VII вв. // БИ. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 186-209.
- Айбабин А. И.* Ранневизантийский Боспор // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство ГЭ, 2017. Вып. LXXXIX. С. 140-150.
- Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 211-221.
- Айбабин А. И., Пиле К.* Варвары на границах Римской империи в Нормандии и Крыму в эпоху Великого переселения народов // БИ. Керчь, 2002. Вып. II. С. 5-18.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 74-90.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Новые ранние комплексы из могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 274-311.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Новые византийские пряжки из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XII. С. 289-313.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Supplementum 4. 336 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Римская воинская пряжка из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 15-25.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь – Керчь, 2011. Вып. XVII. С. 422-457.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 гг. // Боспорские исследования. Симферополь – Керчь, 2014. Supplementum 12. 400 с.
- Айбабина Е. А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 194-205.
- Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II-IV вв. н. э. // САИ. М.: Наука, 1966. Вып. Д1-30. 111с.
- Амброз А. К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв) // КСИА. М.: Наука, 1968. №113. С. 10-23.
- Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв. Дис. . . . докт. ист. наук. Москва, 1974 // Научный архив Института археологии РАН. Р. 2. №2441. 486 с.
- Амброз А. К.* Рец. на кн.: Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto. 1975 // СА. 1980. № 1. С. 321-326.
- Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10-23.
- Амброз А. К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 5-12.
- Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.: Наука, 1989. 132 с.
- Амброз А. К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М.: «Архэ», 1992. Вып. 1. С. 6-108.
- Амброз А. К.* Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1994/1995. Вып. IV. С. 31-88.
- Аммиан Марцелин.* Римская история / Пер. Кулаковский Ю. А., Сонни А. И. СПб.: Алетейя, 1996. 568 с.
- Анисимов А. И.* О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 128.
- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с.

- Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81-101.
- Анфимов Н. В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. 273 с.
- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. МИА. М., 1969. №154. С. 173-219.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 275 с.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Издательство ГЭ, 1962. 523 с.
- Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 29-69.
- Ахмедов И. Р., Гуцини И. И., Журавлев Д. В.* Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 175-186.
- Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // АП УРСР. К.: Видавництво АН УРСР, 1963. Т. XIII. С. 90-123.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. 498 с.
- Барабанов Н. Д.* Византийские филактерии. Специфика арсенала // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 214-227.
- Баранов И. А.* Раннесредневековая пряжка из Ялты // СА. 1975. №1. С. 271-275.
- Баранов И. А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. Том 3. Киев: Наукова думка, 1986. С. 231-249.
- Барбаро И.* Путешествие в Тану // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL:<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frameset1.htm> (дата обращения: 08. 07. 2017).
- Бармина Н. И.* Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 307-318.
- Безуглов С. И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80-87.
- Безуглов С. И.* О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В. В. Чалого 1975 года) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1991 г. Азов, 1993. Вып. 11. С. 121-130.
- Безуглов С. И., Захаров А. В.* Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 5-28.
- Безуглов С. И., Захаров А. В.* Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6. С. 42-66.
- Безуглов С. И., Копылов В. П.* Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171-183.
- Беляев Н. М.* Очерки по Византийской археологии. I. Фибула в Византии // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1929. III. С. 49-101.
- Берлизов Н. И., Каминский В. Н.* Аланы, кангюй и давань // ПАВ. 1993. №7. С. 94-112.
- Бич О. И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея // Некрополи Боспорских городов. МИА. М. -Л., 1969. № 69.
- Блаватский В. Д.* Харакс // Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. М., 1951. №19. С. 250-291.
- Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. 277 с.
- Бобринский А. А.* Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // ИАК. СПб., 1911. Вып. 40. С. 43-61.
- Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Завітне Бахчисарайського району // Археологія. 1963. №XV. С. 95-109.
- Богданова Н. А.* Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54. Ч. 2. М., 1982. С. 31-39.
- Богданова Н. А.* Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М., 1989. С. 17-70.

- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.** Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121-152.
- Богуш-Сестренцевич С.** История о Таврии. СПб., 1806. Т. I. –II.
- Борисова В. В.** Могильник у высоты “Сахарная головка” // ХСБ. Симферополь: Крымиздат, 1959. Вып. V. С. 169-190.
- Бородин О. Р.** «Космография» Равеннского анонима (к вопросу о её месте в истории географической науки) // ВВ. 1982. Т. 43. С. 54-63.
- Бородин О. Р.** Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173-190.
- Брун Ф. К.** Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Черноморье. Ч. II. Одесса, 1880. С. 189-241.
- Васильев А. А.** Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 265-344.
- Васильев А. А.** Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. V. С. 179-282.
- Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского // Труды. Том II. Вып. 2. СПб., 1912.
- Васильевский В. Г.** Труды. Т. III. Петроград, 1915.
- Вегезий Флавий Ренат.** Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Вегезий / Пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996.
- Веймарн Е. В.,** Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. 1952. № 4. С. 94–99.
- Веймарн Е. В.** «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. 1958. №1. С. 71-79.
- Веймарн Е. В.** Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958а. С. 7-54.
- Веймарн Э. В.** Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. Киев: Видавництво АН УРСР, 1963. Т. XIII. С. 15-89.
- Веймарн Е. В.** О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 45-82.
- Веймарн Е. В.** От кого могли защищать готов в Крыму “длинные стены” // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 19-33.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И.** Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
- Веймарн Е. В., Амброз А. К.** Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. 1980. №3. С. 247-261.
- Веймарн Е. В., Чорев М.** «Корабль» на Каче. Симферополь: Таврия, 1976. 85 с.
- Вернадский Г. В.** Древняя Русь. Тверь – Москва: Леан-Аграф, 2000. 447 с.
- Виноградов А. Ю.** Письменность у «варваров»-христиан на северной периферии Византии: статус языка алан и крымских готов в свете новых открытий // VIII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь, 2016. С. 29-33.
- Виноградов А. Ю.** Византийские надписи Северного Причерноморья // Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. V. Лондон. 2015. <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Procopius/Buildings/home.html> (дата обращения: 3 мая 2017).
- Виноградов А. Ю.** Феодоро. Прошение Агапия, Григория и Иоанна, IX – XIв. // Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). V. №183. URL: <https://iospe.cch.kcl.ac.uk/5.183-ru.html> (дата обращения: 02. 07. 2017).
- Виноградов А. Ю., Коробов М. И.** Готские граффиты из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3-4. С. 57-75.
- Виноградов А. Ю., Коробов М. И.** Corrigenda. Готские граффиты из Мангупской базилики // Средние века. 2017. Т. 78. № 1-2. С. 323-325.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.** Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 2009. 332 с.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.** Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42-44.
- Власов В. П.** Лепная керамика из некрополя III-IV вв. Дружное в Крыму // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999. С. 322-371.
- Власов В. П.** Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 98-124.

- Внуков С. Ю.** Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.
- Вознесенская Г. А., Левада М. Е.** Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999. С. 252-276.
- Воронов Ю. Н., Бгашба О. Х.** Крепость Цибилиум – один из узлов кавказского лимеса Юстиниановской эпохи // ВВ. 1987. Т. 48. С. 116-132.
- Воронов Ю. Н., Шинкао Н. К.** Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121-165.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А.** Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. №1. С. 171-191.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А.** Ранний горизонт (II-IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. №1. С. 181-198.
- Высотская Т. Н.** Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.
- Высотская Т. Н.** Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка. 206 с.
- Высотская Т. Н.** Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова думка, 1987. С. 40-66.
- Высотская Т. Н.** Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. 206 с.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А.** Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка, 1983. С. 66-80.
- Вязьмитина М. И.** Золотобалковский могильник. Киев: Наукова Думка, 1972. 190 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.** Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 466 с.
- Гавритухин И. О.** Фибулы византийского круга в Восточной Европе (литые дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 229-250.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3. М., 1996. 296 с.
- Гадло А. В.** Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Гайдукевич В. Ф.** Боспорское царство. М. -Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 579 с.
- Гайдукевич В. Ф.** Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // Боспорские города. I – Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. Под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовай. МИА. №25. М. - Л., 1952. С. 15-134.
- Гайдукевич В. Ф.** Илурат // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946-1953 гг. МИА. № 85. М. –Л., 1958. С. 9-148.
- Ганина Н. А.** Крымско-готский язык // Славяно-германские исследования. Т. V. СПб.: Алетей, 2011. 288 с.
- Герасимова М. М.** К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса // Советская этнография. 1971. № 4. С. 131-140.
- Герцен А. Г.** История изучения оборонительного комплекса Мангупа // АДСВ. Вып. 20. Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. С. 88-104.
- Герцен А. Г.** Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С. 88-166.
- Герцен А. Г.** Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 94-112.
- Герцен А. Г., Алексеенко Н. А.** Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-кале // АДСВ. 2002. Вып. 33. С. 59-65.
- Герцен А. Г., Мозаричев Ю. М.** Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 182-193.
- Герцен А. Г., Манаев А. Ю.** Демир-Капу (укрепление А. XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 314-345.
- Гийан Р.** Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 35-48.
- Гиндин Л. А.** Проблема славянизации карпато-балканского пространства в свете семантического анализа глаголов обитания у Прокопия Кесарийского // ВДИ. 1988. № 2. С. 173-182.

- Гмыря Л. Б.** Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала: Дагестанский научный центр, 1993. 365 с.
- Голенко К. В.** Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 87-99.
- Головина О. В.** Готы в Константинополе: мятеж Гайны 339-340 гг. // Метаморфозы истории. 2013. №4. С. 173-181.
- Голофаст Л. А.** Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 2001. Вып. VIII. С. 97-260.
- Голофаст Л. А.** Штампы V – VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 135-216.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.** Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, XА и X-Б) // МАИЭТ. Симферополь, 2013. Вып. XIII. С. 49-161.
- Гонкало О. В.** Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008. 250 с.
- Горнчаровский В. А.** Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003. 224 с.
- Греков Б. Д., Бромлей Ю. В.** Изучение истории Крыма // Вестник АН СССР. 1952. № 8. С. 71-76.
- Гречанова Л.** Раннесредневековое погребение из Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 58-65.
- Грушевой А. Г.** К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии // Васильев А. А. История Византийской империи Т. 1: От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб.: Алетей, 1998.
- Грязнов М. П.** Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь М. И. Артамонова. Л., 1961. С. 139-144.
- Гущина И. И.** Памятник позднесарматской культуры в Поднепровье // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 74-79.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. М.: Кристалл, 2003.
- Гущина И. И.** О сарматах в Юго-Западном Крыму // СА. 1967. №1. С. 40-50.
- Гущина И. И.** Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. С. 32-64.
- Гущина И. И.** О погребальном обряде населения Бельбекской долины (по материалам могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. М., 1997. С. 29-37.
- Гущина И. И., Засецкая И. П.** Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1989. Вып. 70. С. 71-141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П.** «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 171 с.
- Даньшин Д. И.** Танаиты и Танаисцы во II-III вв. н. э. // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 51-56.
- Дмитриев А. В.** Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков: [сб. научн. трудов / отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели]. М.: Наука, 1982. С. 69-107.
- Домбровский О. И.** Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5-55.
- Житие Константина** [Электронный ресурс] // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/IX/Slav_pis/fragment1.htm (дата обращения 09. 09. 2017).
- Журавлев Д. В.** Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н. э. (по материалам позднескифских могильников Бельбекской долины) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 9. Симферополь, 2010. 318 с.
- Зайцев Ю. П.** Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь: Сонат, 1997. С. 102-116.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.** Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 57-77.

- Залеская В. Н.** Перстни-печати в ранней Византии // Новое в византийской сфрагистике. Тезисы докладов. СПб., 2002.
- Залеская В. Н.** Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Издательство ГЭ, 2006. 271 с.
- Засецкая И. П.** Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1993. Вып. III. С. 23-105.
- Засецкая И. П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994. 222 с.
- Засецкая И. П.** Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи (конец IV-V вв. н. э.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): материалы международной научной конференции. Самара, 2001. Т. I. С. 32-56.
- Засецкая И. П.** Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI-VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. Симферополь – Керчь, 2008. Вып. XX. 222 с.
- Засецкая И. П.** Золотые украшения из кургана Хохлач – классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н. э. // Сокровища сармат: каталог выставки. СПб. -Азов: Издательство Азовского музея – заповедника, 2008. С. 29-43.
- Зеест И. Б.** Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83. 177 с.
- Зинько В. Н., Зинько А. В.** Тиритака в V-VI вв. н. э. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 93-104.
- Зубарев В. Г., Ярцев С. В.** К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2007. № 17. С. 329-338.
- Зубарь В. М.** Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев: Институт археологии НАНУ, 1994. 180 с.
- Зубарь В. М.** Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 142 с.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б.** Новый погребальный комплекс II-IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. Ред. В. А. Анохин. Киев; наукова Думка, 1986. С. 101-129.
- Иванов С. А.** Понятия “союза” и “подчинения” у Прокопия Кессарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 27-33.
- Иванчик А. И.** Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 59-77.
- Иерусалимская А. А.** Кавказ на Шелковом пути. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1992. 70 с.
- Иерусалимская А. А.** Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII-IX вв.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001. Т. I. С. 87-105.
- Ильяшенко С. М.** Стандартные *dirinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III-IV вв. н. э. // БИ. Вып. XXIX. Симферополь – Керчь, 2013. 286 с.
- Иордан.** О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Пер. и ком. Е. Ч. Скржинской. М., 1997.
- Искусство Византии** в собраниях СССР, в 3-х томах: каталог выставки / под ред. А. В. Банк, О. С. Попова. М.: Советский художник, 1977. Т. 1. 192 с.
- Кагаров Е. Г.** Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.
- Казанский М.** Могилы алано-сарматских вождей в. IV в Понтийских степях // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV. С. 238-256.
- Казанский М.** Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 26-41.
- Казанский М. М.** Пути проникновения на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // БИ. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 137-162.
- Казарицкий А. А.** Антропологическая экспертиза скелетных материалов из позднеантичного могильника Сувлу-Кая (Юго-Западный Крым) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 203-218.
- Каменецкий И. С., Кропоткин В. В.** Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. №3. С. 235-240.

- Каминский В. Н.** Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 94 – 101.
- Караулов Г.** Древнее Стореньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь на 1871 г. Одесса, 1870.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А.** К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ. 1993. №7. С. 113–122.
- Кастанаян Е. Г.** Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. 1951. XV. С. 247–255.
- Кастанаян Е. Г.** Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981.
- Кеппен П. И.** О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837.
- Кеферов Б. М.** Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
- Кишиш А.** Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III: [сб. научн. трудов / отв. ред. В. Х. Тменов]. Владикавказ, 1995. С. 79–98.
- Кленина Е. Ю., Созник В. В.** Керамические сосуды II–III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Познань, 2004. 113 с.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.** Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 9–182.
- Кобылина М. М.** Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. 1941. №4. С. 75–84.
- Ковалевская В. Б.** Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 43–50.
- Ковалевская В. Б.** Хронология древностей Северокавказских алан / В. Б. Ковалевская // Аланы: история и культура. Alanica III. Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 123–183.
- Ковпаненко Г. Т.** Сарматское погребение в Соколовой Могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова Думка, 1980. С. 168–183.
- Ковпаненко Г. Т.** Сарматська жриця із Соколової Могили // Золото степу. Археологія України. Киев–Шлезвіг, 1991. С. 221–225.
- Контны Б., Савеля Д. Ю.** Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. С. 129–160.
- Корзухина Г. Ф.** Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Симферополь: Таврика, 1996. Вып. V. С. 352–435.
- Королькова Е. Ф.** Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36. С. 28–59.
- Корпус Боспорских надписей.** М. -Л., 1965.
- Корпусова В. М.** Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. Вип. 8. С. 27–45.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.** Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1891 г. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 1. Д. 20.
- Косьяненко В. М.** Зооморфная керамика некрополя Кобякова городища: искусство и магия // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 167–178.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.** Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. Москва, 1980. С. 43–61.
- Кравченко Н. М., Корпусова В. М.** Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. Київ, 1975. Вип. 18. С. 20–42.
- Кропоткин В. В.** Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат дисс. . . . канд. ист. наук. М., 1953.
- Кропоткин В. В.** Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII. С. 198–218.
- Кропоткин В. В.** Могильник Суук-Су и его культурно-археологическое значение: по данным погребального обряда // СА. 1959. № 1. С. 181–194.
- Кропоткин В. В.** Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108–115.
- Кропоткин В. В.** Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. - V в. н. э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1–27. 227 с.
- Кропоткин В. В.** Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 147–163.

- Кругликова И. Т.** О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения этнического состава населения этого города // *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* МИА. 1954. № 33. С. 78-113.
- Кругликова И. Т.** Боспор в позднеантичное время. Москва, 1966.
- Кругликова И. Т.** Раскопки поселения у дер. Семеновка // *Поселения и могильники керченского полуострова начала н. э.* МИА. М., 1970. №155. С. 4-81.
- Кузманов Г.** Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) // *Разкопки и проучвания.* Кн. XIII. София, 1985.
- Кузнецов В. А.** Новое исследование по истории западноевропейских алан // *Аланы: история и культура.* Alanica III / отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ, 1995. С. 98-100.
- Кузнецов В. А.** Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // *СА.* 1973. №3. С. 60-74.
- Кузнецов И. В.** Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 294 с.
- Кулаковский Ю. А.** Керченская христианская катакомба 491 г. // *МАР.* СПб., 1891. Вып. 6. С. 1-30.
- Кулаковский Ю. А.** К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // *ЖМНП.* Санкт-Петербург, 1898. 2. С. 173-202.
- Кулаковский Ю. А.** Прошлое Тавриды. Киев, 1914. 155 с.
- Кулаковский Ю. А.** История Византии. Т. II. 518–602 гг. СПб., 1996.
- Кулаковский Ю. А.** Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб.: Алетей, 2000.
- Куник А. А.** О записке готского топарха // *Записки императорской Академии наук.* СПб., 1874. Т. XXIV. С. 61-160.
- Курбатов Г. А.** Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. 220 с.
- Кухаренко Ю. В.** Могильник Брест-Тишин // *КСИА.* 1965. Вып. 100.
- Кухаренко Ю. В.** Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
- Кухаренко Ю. В.** О Качинской находке V в. // *Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели.* М.: Наука, 1982. С. 234-244.
- Лавров В. В.** Готы и Боспор в III в. н. э. // *Античный полис: проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества.* СПб., 1995. С. 112-122.
- Латышев В. В.** Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1890.
- Латышев В. В.** Этюды по византийской эпиграфике // *ВВ.* 1894. Т. I. С. 657-672.
- Латышев В. В.** Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб. 1896.
- Латышев В. В.** Эпиграфические новости из южной России // *ИАК.* СПб., 1906. Вып. 18. С. 95-137.
- Левина Л. М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Левченко М. В.** Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии // *ВВ.* 1956. Т. VIII. С. 7-25.
- Лепер Р. Х.** Археологические расследования в Мангупе в 1912 г. // *ИАК.* СПб., 1913. Вып. 47. С. 73-79, 146-154.
- Лепер Р. Х.** Протоколы // *ИТУАК.* 1914. № 51. С. 297.
- Лобода И. И.** Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // *СА.* 1976. №2. С. 135-147.
- Лобода И. И.** Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // *СА.* 1977. № 4. С. 236-252.
- Лобода И. И.** Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // *Проблемы истории «Пещерных городов» в Крыму.* Симферополь: Таврия, 1992. С. 210-215.
- Лобода И. И.** Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // *МАИЭТ.* Симферополь, 2005. Вып. XI. С. 192-251.
- Лукьяшко С. И.** Древнеиранский космологический сюжет на серебряном кувшине из сарматского погребения у г. Азова // *Сокровища сармат: каталог выставки.* СПб. -Азов: Издательство Азовского музея – заповедника, 2008. С. 58-61.
- Магомедов Б. В.** Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.

- Магомедов Б. В.** Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.
- Магомедов Б. В.** Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев: Стилос, 2006. С. 52-59.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е.** Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 304-323.
- Макарова Т. И.** Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991. С. 139-140.
- Масленников А. А.** Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
- Масленников А. А.** Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: Институт археологии РАН, 1997. 108 с.
- Масленников А. А.** Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // Древности Боспора. М.: Институт археологии РАН, 2000. Вып. 3. С. 136-200.
- Мастыкова А. В.** О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-кавказском регионе // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. Кишинев, 2016. № 4. С. 173-189.
- Мастыкова А. В., Земигов Г. Л.** «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. № 234. С. 200-222.
- Масякин В. В., Волошинов А. А., Неневоля И. И.** Склепы начала эпохи Великого переселения народов из некрополя Сувлу-Кая // II Бахчисарайские научные чтения Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 2013. С. 31-32.
- Мацулевич Л. А.** Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи // ИГАИМК. 1934. Вып. 112. 132 с.
- Медведев А. П.** Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / науч. ред. А. Г. Фурасев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 167-182.
- Медведев А. П.** Позднеантичный некрополь Фанагории 4-5 вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 330-402.
- Медведев И. П.** К вопросу о не подлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160-172.
- Минаева Т. М.** К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- Мосберг Г. И.** К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. 1948. VIII. С. 113-119.
- Мордвинцева В. И., Сергацков И. В.** Богатое сарматское погребение у станции Бердия // СА. 1995. №4. С. 114-124.
- Мошкова В. Г.** Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10-54. М., 1963.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю.** Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // А. С. Скрипкин (ред.), Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 172-212.
- Мульд С. А.** Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 37-75.
- Мыц В. Л.** Алустон в VI-VII вв. // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 170-180.
- Мыц В. Л.** Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 187-203.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б., Щукин М. Б.** Исследования Чатырдагского некрополя // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь: Сонат, 1997. С. 211-221.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В.** Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Издательство СПбИИ РАН «Нестор – История», 2006. 208 с.
- Надинский П. Н.** Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь. Крымиздат, 1951.
- Неневоля И. И., Волошинов А. А.** Два комплекса в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 141-146.

- Никитина Г. Ф.** Погребальный обряд культур полей погребения Средней Европы в I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 1974.
- Никитина Г. Ф.** Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
- Никитина Г. Ф.** Могильник у села Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 5-97.
- Орлов К. К.** Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова Думка, 1987. С. 106-133.
- Оустерхаут Р.** Византийские строители. Киев – Москва, 2005. 331 с.
- Отчет** Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб., 1893.
- Охонько Н. А., Отюцкий И. В.** Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // СА. 1982. № 4. С. 235-242.
- Ошибкина С. В.** Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 71-79.
- Паришина Е. А.** Эски-Керменская базилика // С. Н. Бибилов (ответ. ред.) Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова Думка, 1988. С. 36-59.
- Пигулевская Н. В.** Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Института востоковедения АН СССР. 1941. ХLI.
- Пиоро І. С.** Етнічна належність Ай-Тодорського могильника // Вісник Київ. ун-ту. Серія історії. Київ. 1973. № 15.
- Пиоро И. С.** Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990.
- Подосинов А. В.** Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.
- Попов М. А., Ганчар А. И.** Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.). Гродно. 2012.
- Приходнюк О. М.** Пеньковская культура. Воронеж, 1998.
- Протоколы** заседания Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 49.
- Протоколы** заседания Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51.
- Пуздровский А. Е.** Могильник III-IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Тезисы докладов международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье». Симферополь, 1994.
- Пуздровский А. Е.** Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.** Новые памятники III-IV вв. н. э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 32-50.
- Путешествие** в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253. Послание Вильгельма де Рубрук Людовикоу IX, королю французскому // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL:<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm> (дата обращения: 17. 07. 2017).
- Равдоникас В. И.** Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII. С. 5-106.
- Радочин В. Ю.** Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX. С. 88-117.
- Репников Н. И.** Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1-80.
- Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Т. XXVII. С. 101-148.
- Репников Н. И.** Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 99-126.
- Репников Н. И.** Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932а. Вып. XII. С. 107-152.
- Репников Н. И.** Остатки укреплений Эски-Кермена // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932б. Вып. XII. С. 181-212.

- Репников Н. И.** Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Готский сборник. ИГАИМК. Л., 1932в. Вып. XII. С. 153-180.
- Репников Н. И.** Подъемная дорога Эски-Кермена (извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1831 и 1933 гг.) // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 117. С. 18-42.
- Репников Н. И.** Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Москва-Ленинград, 1941.
- Романчук А. И.** Слои VII-VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 11. С. 3-13.
- Романчук А. И., Сазанов А. В.** Средневековый Херсон. Свердловск, 1991.
- Романько О. В.** Генеральный округ «Крым»: планы и реальность // Исаев А. В., Глухарев Н. Н., Романько О. В., Хазанов Д. Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. М.: Эксмо, 2016.
- Ростовцев М. И.** Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. СПб., 1900. С. 140-158.
- Ростовцев М. И.** Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. СПб., 1913. Вып. 49. С. 1-62.
- Ростовцев М. И.** Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Ростовцев М. И.** Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Российская Академия истории материальной культуры, 1925. 622 с.
- Рудаков А. П.** Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб.: Алтейя, 1997. 295 с.
- Рудаков В. Е.** Бакла – малый городской центр Юго-Западного Крыма // Античный и средневековый город. АДСВ. Свердловск, 1981. Вып. 18. С. 73-83.
- Рыжов С. Г.** Керамический комплекс III–IV вв. из Северо-Восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / Отв. Ред. В. А. Анохин. Киев; наукова Думка, 1986. С. 130-139.
- Савеля О. Я.** Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черная в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 1994.
- Савенко С. Н.** Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Савовський І. П.** Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. Київ, 1977. Вип. 23.
- Сапрыкин С. Ю.** Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45-51.
- Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н.** ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // ВДИ. 2012. № 1. С. 163-182.
- Седикова Л. В.** Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 1. С. 170-177.
- Сидоренко В. А.** К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV - начала V вв. с подражаниями “лучистого типа” // Материалы к этнической истории Крыма. Киев: Наукова думка, 1987. С. 133-143.
- Сидоренко В. А.** “Готы” области Дори Прокопия Кесарийского и “длинные стены” в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. II. С. 105-118.
- Сидоренко В. А.** Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III- начало VIII вв.). Автореферат канд. дисс. СПб., 1994. 21 с.
- Сидоренко В. А.** Медная чеканка византийского Боспора (590-688 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 355-392.
- Сидоренко В. А.** Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. Симферополь, 2011. Вып. XVII. С.
- Скардильи П.** Готы: язык и культура / перев. с нем. А. Д. Сыщикова; науч. ред. перев. Г. А. Баева, П. В. Шувалов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 2012. 388 с.
- Скалон К. М.** Изображение животных на керамике сарматского периода // Труды отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. С. 173-218.
- Скалон К. М.** О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 114-140.

- Скржинская М. В.* Перипл Понта Евксинского анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1980. С. 115-125.
- Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов А. П.* К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ, 1953, №3. С. 31-41.
- Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // Древности Нижнего Поволжья. Т. II. МИА. 1960. №78.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 380 с.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
- Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. М., 1954. №33. С. 123-196.
- Сокровища сарматов.* Каталог выставки / Научн. Ред. И. П. Засецкая. СПб. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. 175 с.
- Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Соломоник Е. І.* Про значення терміну “тавроскіфи” // Археологічні пам’ятки УРСР. Київ, 1962. Том 11. С. 153-158.
- Соломоник Э. И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 210-218.
- Соломоник Е. І.* Написи на кримських амфорах перших століть нашої ери // Археологія. 1993. №2. С. 102-116.
- Соломоник Э. И.* Две группы надписей на керамических сосудах из Крыма первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь: Таврия, 1995. С. 38-46.
- Соломоник Э. И., Домбровский О. И.* О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968.
- Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.
- Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4. С. 85-101.
- Стоянова А. А.* Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Симферополь, 2011. Вып. XVII. С. 116-140.
- Стоянова А. А.* Подвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). Симферополь, 2016. Т. II. С. 122-165.
- Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. IX. С. 283-302.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum Plus. 2003-2004. №4. СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2005. С. 27-277.
- Струков Д.* О доисторических памятниках Тавриды. Антропологическая Выставка. 1879 // Известия Императорского общества любителей естествознания. Т. XXXV. Ч. I. Вып. 1-3.
- Сымонович Э. А., Кравченко Н. М.* Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. М.: Наука, 1983. Вып. Д1-22. 150 с.
- Талис Д. Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 89-113, 153-168.
- Талис Д. Л.* Городище Тепе-Кермен // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 98-104.
- Талис Д. Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV-IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 57-62.
- Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА. М., 1953. № 34. С. 319-333.
- Тиханова М. А.* Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА. М., 1953а. № 34. С. 334-389.
- Тиханова М. А.* Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // КСИА. 1970. Вып. 121. С. 89-94.
- Тихонов И. Л.* В поисках следов готов: археологические исследования Ф. А. Брауна // Stratum plus. 2016. №4. С. 335-347.
- Труфанов А. А.* К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 71-77.
- Труфанов А. А.* Склеп IV в. н. э. из некрополя у с. Курское в Крыму // РА. 2012. № 2. С. 34-41.

- Тунманн И.** Крымское Ханство / Пер. Эрнст Н. Л., Белявская С. Л., примечания, предисловие и приложения Эрнст Н. Л. Симферополь, 1936.
- Тункина И. В.** К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3. С. 249-251.
- Турова Н. П., Черныш С. А.** Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 133-146.
- Уваров А. С.** Материалы для биографий и статьи по теории археологии: в 3-х т. СПб., 1910. Т. 3. 386 с.
- Уваров А. С.** Христианская символика. Часть I. Символика древнехристианского периода. М. -СПб., 2001. 255 с.
- Успенский Ф. И.** Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. II. С. 272-341.
- Успенский Ф. И.** История Византийской империи. VI–IX вв. М.: Мысль, 1996.
- Ушаков С. В.** Варвары Горной Таврики на рубеже эпох. Археологический альманах. №23. Донецк: «Донбасс», 2010. 180 с.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А.** Об аланах – христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам раскопок могильника Карши-Баир) // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: [сб. научн. трудов / Гл. ред. Ю. А. Бабинов]. Севастополь, 2001. С. 20-24, 216-219.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А.** Аланский склеп в могильнике Карши-Баир в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции, часть 2. СПб.: Издательство ГЭ, 2004. С. 306-311.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А.** Могильник Карши-Баир. О типах погребальных сооружений и хронологии // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной. Труды ГИМ. Т. 191. М., 2012. С. 252-258.
- Федосеев Н. Ф.** О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. Київ, 2010. № 1. С. 127-128.
- Фирсов Л. В.** О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т. 40. С. 104-113.
- Фролова Н. А.** История правления Рискупорида V (242-276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 58-76.
- Феодорит Кирский.** Церковная история / переиздание с примеч. М. А. Тимофеева. М.: Росспэн, 1993. 240 с.
- Фурасьев А. Г.** Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI-VII вв. н. э. (по материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 190-235.
- Хабургаев Г. А.** Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М.: МГУ, 1994. 224 с.
- Хазанов А. М.** Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 58-71.
- Хазанов А. М.** Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Хайрединова Э. А.** Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред. -сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 59-87.
- Хайрединова Э. А.** Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV. С. 517-529.
- Хайрединова Э. А.** Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 203-231.
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. Севастополь: «Каламо», 1999а. Вып. X. С. 334-348
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 91-133.
- Хайрединова Э. А.** Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 125-160.
- Хайрединова Э. А.** Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 2002. Вып. IX. С. 53-118.

- Хайрединова Э. А.* О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V-VII вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 585-601.
- Хайрединова Э. А.* Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 151-182.
- Хайрединова Э. А.* Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь, 2008. С. 161-183.
- Хайрединова Э. А.* Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 140-213.
- Хайрединова Э. А.* Костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // БИ. Симферополь - Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 286-317.
- Хайрединова Э. А.* Перстень – амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. Вып. 42. Екатеринбург, 2014. С. 69-89.
- Хайрединова Э. А.* Медальоны с изображением святого всадника // МАИЭТ. Симферополь, 2014а. Вып. XIX. С. 147-210.
- Хайрединова Э. А.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. Керчь, 2014б. Вып. XXX. С. 442-460.
- Хайрединова Э. А.* Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2015. Вып. XX. С. 95-132
- Хайрединова Э. А.* Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь, 2016. Вып. XXI. С. 193-207.
- Хайрединова Э. А.* Ожерелья с крестами последней четверти VI-VII вв. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник. Материалы международных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград: издательский дом Рос-Доафк, 2016а. С. 280-299.
- Хайрединова Э. А.* Византийское ожерелье второй половины VII в. из некрополя Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. LXXXIX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 62-75.
- Ханутина З. В., Христановский В. А.* Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский Феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор – История, 2009. С. 58-69.
- Хараламбиева А.* Дъговидни фибули от епохата на Великото преселение на народите // Археология. 1984. Книга 1. С. 45-52.
- Хараламбиева А.* Два типа късноантични фибули във Варненския музей // Известия на народния музей Варна. 1989. 25 (40). С. 29-40.
- Хараламбиева А.* Фибули от I-VII в. в Добричкия музей // Добруджа. 1992. 9. С. 127-140.
- Хараламбиева А., Иванов Д.* Късноантични фибули от Музея в Русе // Годишник на музеите от Северна България. 1986. Кн. XII. С. 9-20.
- Харузин А.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша на Южном берегу Крыма // ИИОЛЕАЭ. М. 1890. Т. LXIV.
- Храпунов И. Н.* Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
- Храпунов И. Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь: Таврия, 1995. 83 с.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III-IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Симферополь – Керчь. 2004. Вып. VI. 240 с.
- Храпунов И. Н.* Последние погребения в могильнике Нейзац // 2005.
- Храпунов И. Н.* Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2006. № 16. С. 104-118.
- Храпунов И. Н.* Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. №1. С. 167-175.
- Храпунов И. Н.* Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica / Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina. Т. II. Lodz-Warszawa: Drukarnia J. Bieszczad, 2010. С. 535-556.
- Храпунов И. Н.* Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 13-114.

- Храпунов И. Н.** Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118-134.
- Храпунов И. Н.** Исследования могильника Нейзац в 2011-2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). Симферополь, 2016а. Т. II. С. 11-36.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.** Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // БИ. Симферополь – Керчь, 2004. Вып. VII. С. 299-326.
- Храпунов И. Н., Казанский М. М.** Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.). Симферополь, 2016. Т. II. С. 194-199.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.** Могила №9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016. № 244. С. 166-194.
- Храпунов И. И.** О надписи с именем императора Гонория из Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 365-375.
- Храпунов И. И.** К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. 2011. Т. 70. С. 37-50.
- Чекалова А. А.** Быт и нравы византийского общества // Культура Византии. IV – первая половина VI вв. М.: «Наука», 1984. С. 632-667.
- Цветаева Г. А.** Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. I. МИА. М., 1951. № 19.
- Цветаева Г. А.** Грунтовый некрополь Пантикапея // Некрополи Боспорских городов. МИА. М. -Л., 1959. № 69.
- Цветаева Г. А.** Боспор и Рим. М., 1979. 136 с.
- Цукерман К.** Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV. С. 545-561.
- Цукерман К.** Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 399-435.
- Чичуров И. С.** Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М.: Наука, 1980.
- Шаламон А., Баркоци Л.** Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 31-49.
- Шалыга Д. А.** Об атрибуции «рунической» надписи на стеле с горы Опук // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 205-207.
- Шелов Д. Б.** Некрополь Танаиса. Раскопки 1955-1958 гг. // МИА. М., 1961. №98. 94 с.
- Шелов Д. Б.** Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. 350 с.
- Шелов Д. Б.** Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 81-88.
- Шелов Д. Б.** Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978а. Вып. 156. С. 16-21.
- Шестаков С. П.** Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 3. М., 1908.
- Шкорпил В. В.** Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1-66.
- Шкорпил В. В.** Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1-50.
- Шкорпил В. В.** Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // ИАК. 1909а. Вып. 30. С. 51-98.
- Шкорпил В. В.** Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12-47.
- Шмит Ф. И.** Эски-Керменская базилика // Готский сборник. ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8. С. 213-253.
- Шульц П. Н.** Исследования Неаполя Скифского (1945-1950 гг.) // История и археология Древнего Крыма / Отв. Ред. П. Н. Шульц. Киев: Издательство Академии наук УССР, 1957. С. 61-93.
- Эпоха меровингов.** Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. / Ред. В. Менгин. München, 2007. 592 с.
- Эрдели И.** Новый могильник V в. в Кестхей-Фенекпесте // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 64-697.

Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. III. Симферополь 1929, с. 15-43.

Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Мангупская базилика. II // СА. 1940. VI. С. 205-226.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА. М., 1950. №17. 255.

Якобсон А. Л. Византия в истории средневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21. С. 148-163.

Якобсон А. Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954а. Вып. 53. С. 109-120.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес (очерки истории материальной культуры) // МИА. М., 1959. №63. 364 с.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М. -Л.: Наука, 1964. 232 с.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. Л., 1970. №168. 223 с.

Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИИМК. 1974. Вып. 140. С. 110-114.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 163 с.

Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н. э. // Стратум Плюс. Петербургский археологический вестник. СПб. -Кишнев, 1997. С. 154-163.

Abadie-Reynal C. Les amphores romaines en Mer Noire (Ier – IVe siècle) // Garlan Y. (Ed.) Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 255-263.

Abadie-Reynal C., Sodini J. -P. La céramique paléochrétienne de Thasos // Études Thasiennes. XIII. Paris, 1992.

Agathias. The Histories / Translated by J. D. Frendo // Corpus fontium historiae Byzantinae. Berlin, New York, 1975. Vol. II A.

Ahrweiler H. Byzance et la mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècles. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.

Aïbabine A. Population de Crimée au milieu du IIIe et au IVe siècle // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes, Sophia Antipolis, 1996. P. 13-40.

Aïbabin A. On Byzantium's Northern border: the rural population of the mountainous Crimes in the 6th to 9th centuries // Les Villages dans l'Empire byzantine (IVe-XVe siècle). Paris, 2005. P. 415-424.

Aïbabin A. I. Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // C. Zuckerman (Ed.) La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 31-65.

Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit // Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums. Band 98. Mainz, 2011.

Ajbabin A. I. Die Mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Eski-Kermen // S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. (Hrsg.). Die Höhsiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113. Mainz, 2013. S. 165-231.

Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania. 1963. 41. S. 356-373.

Andrási J., Aïbabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008. 169 p.

Anonimi Ravennatis de Geographia a Placido Porcherone edita. Parisiis, 1688.

Arrhenius B. Childéric et la Méditerranée // Les Francs. Dossiers d'archéologie. 1997. №223. P. 64-69

Arthur P. Aspects of Byzantine economy: an evaluation of amphora evidence from Italy // Bulletin de correspondance hellénique. Paris, 1989. XVIII.

Auzépy M. -F. La vie de Jean de Gothie (BHG 891) // C. Zuckerman (Ed.) La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. Paris, 2006. P. 69-88.

Bachrach B. S. A history of the Alans in the West. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973.

- Baldini-Lippolis I.** L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999. 283 p.
- Ballance M., Boardman J., Corbett S., Hood S.** Excavations in Chios. 1952-1955. Byzantine Emporio. Oxford, 1989.
- Barnwell P. S.** Emperor, Prefects and Kings. The Roman West, 395-565. London, 1992.
- Bass G.** The pottery // Yassi Ada. 1982. Vol. I.
- Baye J.** Les bijoux gothiques de Kertch // Revue archéologique. Paris, 1888. P. 1-10.
- Baye J.** De l'influence de l'art des Goths en Occident. Communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (août 1890). Paris, 1891. P. 1-12.
- Baye J.** La bijouterie des Goths en Russie // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1892. T. LI. P. 1-16.
- Baye J.** Les oiseaux employés dans l'ornementation à l'époque des invasions barbares // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1899. T. X. P. 1-25.
- Baye J.** Les tombeaux des Goths en Crimée // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1908. T. LXVII. P. 72-114.
- Bejan A.** Un atelier metalurgic din sec. VI. e. n. de la Drobeta – Turnu Severin // Acta musei Napocensis. Cluj, 1976. XIII. P. 257-278.
- Bierbrauer V.** Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975. 378 S.
- Bierbrauer V.** Il ducato di Tridentum // I Longobardi. Milano, 1990. P. 113-129.
- Blockley R. C.** The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire Eunapius, Olimpiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983.
- Blockley R. C.** The history of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985.
- Blockley R. C.** East Roman foreign policy. Leeds, 1992.
- Böhme H. W.** Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. Münchner Beitr. Vor- und Frühgesch. 19. München, 1974. 384 S.
- Bohusz-Siestrzeńciewicz S.** Histoire de la Tauride. Brunswick, 1800. Vol. 1-2.
- Bona I.** The dawn of the dark ages. The Gepids and the Lombards in the Carpatian Basin. Budapest: Corvin Press, 1976. 120 p.
- Bona I.** Das Hunnenreich. Budapest–Stuttgart, 1991. 294 s.
- Bonifay M., Pelletier J-P.** Éléments d'évolution des céramiques de l'Antiquité tardive à Marseille d'après les fouilles de la Bourse // Revue archéologique de Narbonnaise. 1983. T. 16. P. 285-346.
- Böttger B.** Die Gefasskeramik aus dem Kastel Iatrus // Iatrus-Krivina. Berlin, 1982. II.
- Bouras Ch.** Cityand Village: Urban Designand Architecture // Jahrbuchder Österreichischen Byzantinistik. 31/2. XVI Internationaler Byzantinisten kongress. Acten. 1/2. Wien, 1981.
- Braun F.** Die letzten Schicksaale der Krimgoten // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St. Petersburg. St. Petersburg, 1890. S. 3-80.
- Bruun Ph.** Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie // Mémoires de l'Academie des sciences de St. Pétersbugr. 1866. 7-e serie. T. 10. № 9.
- Bullinger H.** Spätantike Gürtelbeschläge. Brugge, 1969.
- Busbequius A. G. de.** Legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re military contra Turcam instituenda consilium. Parisiis: Beys, 1589.
- Busbequius gotica:** Die Nachricht Busbecks über das Krimgotische // Projekte zur gotischen Schrift und Literatur. „Krimgotisch“. Available at: <http://www.gotica.de/taurica.html> (accessed: 19. 07. 2017).
- Busbequius TITUS:** Augerii Gislenii Busbequii Omnia quae extant. Basel: Jo. Brandmüller, 1740 / Reprint Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968 // TITUS. The Account of Crimean Gothic contained in Busbecq's letter. Available at: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/got/krimgot/krimg.htm?krimg001.htm> (accessed: 12. 06. 2017).
- Byzanz.** Pracht und Alltag. Bonn - München, 2010. 408 p.
- Byzantine Emporio** // British School at Athens. Suppl. 20. Oxford, 1989.
- Cameron A.** Procopius and the Sixth Century. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Cameron A.** The Mediterranean world in late antiquity (AD 395-600). London, New York, 1996.
- Corpus juris civilis.** Vol. III. Novellae. Berolini, 1895.
- Chajredinova E. A.** Necropoli sul Fiume Cernaja // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. P. 187.

- Chajredinowa E.** Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert. // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 84-93.
- Chajredinowa E.** Byzantinische Elemente in der Frauenracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // F. Daim, J. Drauschke (Hrsg.). Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Monographien der Römischen-Germanischen Zentralmuseums. Band 84,3. Mainz, 2010. S. 59-94.
- Chrapunow I. N.** Tauren, Skyten, Sarmaten und Alanen // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999. S. 20-33.
- Csallány D.** Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u. Z.). Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961. 406 s.
- The Chronography** of George Synkellos / Translated with Introduction and Notes by Adler W. and Tuffin P. Oxford, 2002.
- Damm I. G.** Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Band 21. S. 65-210.
- Darrouzès J.** Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
- Decaens J., Dastudue J., Torre S., Lecacheux B., Pigeat G., Lafaurie J.** Un nouveau cimetière du haut moyen âge en Normandie: Hérouvillette // Archéologie médiévale. 1971. I. P. 1-187.
- Dewing H. B.** Introduction // Procopius. Volume VII. On Buildings Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940.
- Diller A.** The tradition of the minor Greek geographers. New York-Lancaster-Oxford: American Philological Association, 1952.
- Dubois de Montpéroux F.** Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. VI. Paris, 1843.
- Ebel-Zepezauer W.** Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5. -7. Jh. n. Chr. Mainz am Rhein, 2000. 365 S.
- Eggers H.** Der römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Ermolin A.** Džurga-Oba – a cemetery of the Great migration period in the Cimmerian Bosphorus // V. Ivanišević, M. Kazanski (Eds.). The Pontic-Danubian realm in the period of the Great migration. Paris – Beograd: ACHByz, 2012. P. 339-348.
- Evans J. A. S.** The Dates of Procopius' Works : a Recapitulation of the Evidence // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Cambridge Mass., 1996. T. 37. C. 301-313.
- Exner K.** Die provinziäl-römischen Emailfibeln der Rheinländer // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1941. Bd. 39.
- Ferrazzoli A. F.** Byzantine Small Finds from Elaiussa Sebaste // Byzas. 2012. N15. P. 289-307.
- Feugère M.** Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J. -C. // 12e supplément à la Revue Archéologique de Narbonnaise. Paris, 1985. 509 p.
- Frendo D.** The Turkish Factor in Byzantine-Iranian Relations (558-628). http://turkcleronline.net/turkler/makaleler/turkish_factor_iran_bizans.htm. (3 мая 2017)
- Fontes Trapezuntini** / Ed. A. Papadopulos-Kerameus. Reprint. Amsterdam, 1965.
- Foss C., Winfield D.** Byzantine fortifications. An introduction. Pretoria, 1986.
- Foy D.** Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France méditerranéenne, premier essai de typo-chronologie. // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen age. Guiry-en-Vexin 1995. P. 187-242.
- Frova A.** Il tesoretto aureo e il reliquiario // Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965. P. 235-246.
- Fulford M. G.** The red-slipped wares // Fulford M. G. and Peacock D. P. S. Excavations at Carthage: the British Mission Vol. I, 2. Sheffield, 1984.
- Gajdukevič V. F.** Das Bosphoranische Reich. Berlin-Amsterdam, 1971.
- Garam É.** Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awarenforschungen. Wien, 1992. Bd. 1. P. 135-250.
- Garam É.** Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred. Budapest, 1995. 436 S.
- Garam É.** Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. N5. 432 S.
- Gertsen A.** A Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // Byzantine and Rus' Seals. Kyiv, 2015. P. 25-35.
- Ghalia T.** The Grave Goods of Thuburbo Maius // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. Milano, 2008. P. 334-336.

- Giesler U.** Volker am Hochrhein. Das Basler Land im frühen Mittelalter // Die Alamannen. Stuttgart: Archäologisches Landesmuseum, 1997. S. 209-218.
- Godlowsky K.** Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992.
- Götze A.** Gotische Schnallen. Berlin 1907. 35 S.
- Gregorii Thaumaturgi.** Epistola canonica // Patrologiae Graecae / Ed. J. -P. Migne. Tomus X. Canon V.
- Grienberger Th. von.** [Rez.] Loewe R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1898. Bd. 30. S. 123-136.
- Grønvik O.** Die dialektgeographische Stellung des Krimgotischen und die krimgotische „cantilena“. Oslo, Bergen, 1983.
- Grossi V.** Croix, Crucifix // Dictionnaire Encyclopédique du Christianisme ancien. Rome, 1990. T. 1. P. 592-594.
- Hayes J. W.** A seventh-century Pottery group // DOP. Washington, 1968. Vol. 22.
- Hayes J. W.** Late Roman pottery. London, 1972.
- Hayes J. W.** The Villa Dionysos excavations Knossos: the pottery // The Annual of the British School at Athens. London, 1983. 78.
- Hayes J. W.** The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2, The pottery. Princeton, 1992.
- Harhoiu R.** Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998. 268 S.
- Heinrich A.** Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // Archaeologia Austriaca. Wien, 1990. N74. S. 85-104.
- Hercen A. G.** Il tesoro di Dolinnoe // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995. P. 178-179.
- Hermiae Sozomeni.** Historia ecclesiastica / Ed. J. -P. Migne // PG. Paris, 1859.
- Hinz H.** Am langen Band getragene Bergkristallanhänger der Merowingerzeit // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz, 1968. 13/1966. S. 212-230.
- Histoire Auguste.** Les empereurs romains des IIe et IIIe siècles / Traduction et commentaires d'A. Chastagnol. Paris: Robert Laffont, 1994. 1244 p.
- Horedt K.** Die Polyederohrringe des 5. – 6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // ZfA. 1979. №13. S. 241-250.
- Høst G.** Spuren der Goten im Osten // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1971. Bd. 25. S. 45-90.
- Isings C.** Roman Glass from dated finds // Archaeologica Traiectina, 2. Groningen: J. B. Wolters, 1957. 185 p.
- Istvánovits E.** A szarmaták és a kos. Adatok a Kárpát-medence szarmatáinak hitvilágához // A Nyíregyházi Jósza András Múzeum évkönyve. V. 39-40/ 1997-1998. Nyíregyháza, 1998. S. 135-171.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.** Les nécropoles de Vimincium à l'époque des Grandes Migrations. Paris. 2006. 351 p.
- Jacobi F., Stecher M., Zesch St., Radochin V., Alt K. W.** Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim // S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. (Hrsg.). Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 113. Mainz, 2013. S. 335-359.
- Janjokuh B.** Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд, 1981. 254 с.
- Jerome.** Select letters / Translated by F. A. Wright // Loeb classical library, 262. London, New York, 1933.
- Jones A. H. M.** The Later Roman Empire, vol. I-II. Baltimore, 1992.
- Johnson B. L.** The pottery. Excavations at Jalame. Columbia, 1988.
- Kalamara P.** Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle. Thèse du Nouveau Doctorat. Paris, 1995. T. I. 305 p.
- Kasprzycka M., Stasielowicz G.** The Necropolis of Weklice (Poland) // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. Milano, 2008. P. 124-127.
- Kazanski M.** Contribution à l'histoire de la défense de la frontière Pontique au bas-empire // Travaux et mémoires. Paris, 1991. Vol. 11.

- Kazanski M.** Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // Archéologie médiévale. Caen, 1994. T. XXIV. P. 137-198.
- Kazanski M.** Les Germains orientaux au Nord de la Mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // МАИЭТ. Симферополь: Таврика, 1996. Вып. V. С. 324-337.
- Kazanski M.** Les antiques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov // G. Tsetskhladze (Ed.) Ancient West and East 1. No. 2. Leiden-Boston. 2002.
- Kazanski M., Périn P.** Les « fibules-mouches » de l'époque des Grandes Migrations découvertes en Gaules // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. Vol. 5. P. 15-28.
- Khairédinova E.** Le costume des barbares aux confins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 11-44.
- Keay S. J.** Late Roman amphorae in the Western Mediterranean. Part I // British Archaeological Reports. International Series (i). London, 1984.
- Kelemen M. H.** Roman amphorae in Pannonia IV // Acta Arch. Acad. Sien. Hungaricae. 1993. XLV. S. 45-73.
- Keller E.** Das spätrömische Grabfund in Südbayern. München, 1971.
- Kidd D., Ager B. -M.** Herpes, commune de Courbillac (Charente). Collections du British Museum, Londres // Les Barbares et la Mer. Publication du Musée de Normandie. Caen, Toulouse, 1992. N10. P. 83-96.
- Kiss A.** Archeologia degli Ostrogoti in Pannonia (456-473) // I Goti. Milano: Electa Lombardia, 1994. P. 164-169.
- Kiss A.** Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und des ostgotische Fundstoff in Pannonien // Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit. Archäologische Konferenz des Komitates Zala und Niederösterreichs IV. Zala Múzeum. 1996. N6. S. 53-86.
- Koch U.** Besiegt, beraubt, vertrieben. Die Folgen der Niederlagen von 497/97 und 506 // Die Alamannen. Stuttgart, 1997. S. 191-203.
- Кондух В., Поповух В.** Царичин Град. Београд. 1977. 427 p.
- Kovrig I.** Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyan. Budapest, 1963. 267 s.
- Kozelj T., Wurch-Kozelj M.** Les carrières de marbre à Thasos à l'époque proto-byzantine. Extraction et production // Mélanges Jean-Pierre Sodini. Travaux et Mémoires. 15. Paris, 2005. P. 465-486.
- Kühn H.** Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Graz, 1965. T. I. 490 s.
- Kuznecov V.** A propos des Alains et des Sarmates en Europe Occidentale à l'époque des Grandes Migrations / V. Kuznecov // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. Vol. 5. P. 4-14.
- Lamberz E.** Die Bischoflisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II). München, 2004.
- Lassus J.** Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938-1956. Paris, 1981. I.
- Lauffray J.** Halabiyya-Zenobia place forte du limes oriental et la Haute-Mésopotamie au VIe siècle. Paris, 1983.
- Lawrence A. W.** A skeletal history of Byzantine fortification // The Annual of the British School at Athens. London, 1983. P. 171-227.
- Leonis Diaconi** Caloënsis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes / Ed. C. B. Hase. Parisiis: Regia, 1819. P. 254-259.
- Loewe R.** Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle, Niemeyer, 1896.
- Maćczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I.** The early mediaeval cemetery of Almalyk-Dere near the foot of Mangup // Inter ambo maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand, Simferopol: Dolya Publ., 2011. P. 154-172.
- Maćczyńska M., Gercen A., Ivanova O., u. a.** Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-Dere am Fusse des Mangu auf der Südwestkrim // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 115. Mainz, 2016. 214 S.
- Madyda-Legutko R.** Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // British Archaeological Reports. International Series 360. – Oxford, 1986. – 232 s.
- Maioli M. G.** Ravenna e la Romagna in epoca gota // I Goti. Milano, 1994.

- Manière-Lévêque A. -M.** L'évolution des bijoux « aristocratiques » féminins à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // *Revue Archéologique*, 1997. N1. P. 79-106.
- Mango C.** *The Oxford History of Byzantium*. Oxford, 2002.
- Maraval P.** La Passion inédite de S. Athénogène de Pédachthoé en Cappadoce (BHG 197b) // *Subsidia hagiographica*. Bruxelles, 1990. N 75.
- Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I.** Die Nekropole von Suvlu-Kaja // *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer*. Bonn, 1993. S. 372-379.
- Maßmann H. F.** *Gothica Minora* // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 1841. N1. S. 345-366.
- Martin M.** Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // *Frühe Baiern im Straubinger Land*. Straubing, 1995. S. 40-71.
- Mcpherson D.** *Antiquities of Kertch and researches in Cimmerian Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea*. London, 1857.
- Menghin W.** *Die Langobarden. Archäologie und Geschichte*. Stuttgart, 1985. 236 s.
- Merlin A.** Découvertes à Thurburbo Majus // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 56e année, N. 5. 1912. P. 347-360.
- Migne J. P.** *Patrologie Cursus Completus. Series Graeca*. XCIX. Paris, 1860.
- Migne J. P.** *Patrologie Cursus Completus. Series Latina*. CXXIX. Paris, 1864.
- Mould S. A.** *Nécropoles de la population barbare de Crimée du Ier au Ve siècle de notre ère // L'identité des populations archéologiques*. Sophia Antipolis : Edition APDCA, 1996. P. 41-60.
- Moravcsik Gy.** *Byzantinoturcica*. Bd. II. Berlin, 1958.
- Much R.** [Rez.] Loewe R. *Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere* // *Anzeiger. Indogermanische Forschungen*. 1898. Bd. 9. S. 193-209.
- Nikephoros patriarch of Constantinople.** *Short history*. Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
- Νυσταζοπούλου Μ. Γ.** Η εν Τῇ Ταυρικῇ Χερσονησῷ Πολις Σουγδαία. Αθηνάι, 1965. № 61, 62.
- Obolensky D.** *The principles and methods of Byzantine Diplomacy* // *Actes du XIIe congrès International d'Etudes byzantines*. Belgrade, 1964. I.
- Ohme H.** *Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692* // *Arbeiten zur Kirchengeschichte*. 56. Berlin-New York, 1990.
- Ousterhout R. G.** *Secular Architecture* // *The Glory of Byzantium* / Eds. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York, 1997.
- Opait A.** Einige Betrachtungen zur spätrömischen Keramik mit rotem Überzug // *Dacia*. Bucarest, 1985. N. S. XXIX, 1-2.
- Paroli L, Ricci M.** La necropoli altomedievale di Castel Trosino // *Ricerche di archeologia altomedievale e medievale*. 32-33. Borgo San Lorenzo, 2007. 384 p.
- Paschoud F.** *Introduction* // *Zosime. Histoire nouvelle*. Tome I. Paris, 1971.
- Patek E.** *Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien*. Budapest, 1942.
- Peacock D. P. S.** *The amphorae and chronology* // *Fulford M. G. and Peacock D. P. S. Excavations at Carthage: the British Mission Vol. I, 2*. Sheffield, 1984.
- Pekarskaja L. V., Kidd D.** *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert* // *Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. Herausgegeben von F. Daim. Innsbruck, 1994.
- Périn P.** Les tombes de « chefs » du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle: Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne*. Saint-Germain-en-Laye, 1995. T. IX. P. 247-301.
- Pilet Ch.** Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVE-IXe siècles) // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle: Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne*. Saint-Germain-en-Laye, 1995. T. IX. P. 327-334.
- Pilet Ch.** Du «Trésor d'Airan» à la tombe de la «Princesse de Mout» // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno, 2007. P. 219-248.
- Pillinger R.** Ein frühchristliches Grab mit Psalmenzitaten in Mangalia / Kallatis (Rumänien) // *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*. Wien, 1992. S. 97-102.
- Preda C.** *Callatis. Necropola romano-bizantina*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980. 224 p.

- Pringle D.** The defense of Byzantine Africa from Justinian to the Arab conquest: an account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries. – BAR. International Series 99. Oxford, 1981. 700 p.
- Prisciani Grammatici Caesariensis.** Institutionum Grammaticarum / Ed. M. Hertzii. Leipzig. 1855. Libri XVIII.
- Priscian latin grammarian.** <http://www.britannica.com/biography/Priscian>. (28 October 2017)
- Procopius.** History of the Wars. The Persiaan War. Books I / Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1914.
- Procopius.** History of the Wars. The Vandalic Wars. Books III, / Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library. London, 1916.
- Procopius.** History of the Wars. Gothic War. Books VII (continued) – VIII / Translated by H. B. Dewing. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. Vol. V. Book VIII.
- Procopius.** De Aedificiis // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae ex recensione Dindorfus G., C. Maltretus, Pars II. Vol. 3. Bonnae, 1838.
- Procopii Caesariensis.** De aedificiis // Procopii Caesariensis opera omnia. Ed. J. Haury, G Wirth. Vol. 4. Verlag B. G. Teubner. Lipsiae, 1913.
- Procopius.** Volume VII. On Buildings / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. P. 3-363.
- Pröttel P. M.** Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jahrgang 35, 1988, 1. Mainz, 1991.
- Quast D.** Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen // Forschungen und berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart, 1993. Bd. 52. 162 s.
- Quast D.** Opferplätze und heidnische Götter // Die Alamannen. – Stuttgart: Archäologisches Landesmuseum, 1997. S. 433-440.
- Quast D.** Amulett ? Heilmittel ? Schmuck ? Unauffällige Funde aus Oberflacht // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2000. 30. Heft 2. S. 279-294.
- Ravennatis anonymi** cosmographia et Guidonis geographica: ex libris manu scriptis by Geographus Ravennas; Guido, geographical writer / Ed. G. Parthey, M. Pinder. Berolini, 1860.
- Rau G.** Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. Berlin, 1972. Nr. 3.
- Rau G.** Zur Proveniensiensfrage spätantiker Gläser // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jahrgang 4. Mainz am Rhein, 1974. 4.
- Riley J. A.** The coarse pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Tripoli, 1979. Vol. II.
- Riley J. A.** New light on relations between the Eastern Mediterranean and Carthage in the vandal and byzantine periods: the evidence from the University of Michigan excavations // Actes colloque sur la céramique antique Carthage 1980. Carthage, 1982.
- Riemer E.** Romanische Grabfunde des 5. -8. Jahrhunderts in Italien // Internationale Archäologie. Rahden/Westf., 2000. 57. 485 p.
- Ripoll López G.** La necropolis visigoda de El Carpio de Tajo. Una nueva lectura a partir de la topocronología y los adornos personales // Butlleti de la Reial Academia Catalana de Belles Arts de Sant Jordi. Barcelona, 1993-1994. VII-VIII. P. 187-250.
- Ripoll López G.** Symbolic life and signs of identity in visigothic times // The Visigoths from the Migration period to the Seventh century an Ethnographic perspective. Studies in Historical Archaeoethnology. San Marino, 1997. Vol. 4. P. 403-446.
- Robinson H. S.** Pottery of the Roman period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. Vol. V.
- Robert J., Robert L.** Asie Mineure // Bulletin épigraphique. Revue des Études Grecques. 1958. T. 71.
- Rostovcev M. M.** Le porte-épée des iraniens et des chinois // L'art byzantin chez les slaves et les balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. T. I. Paris, 1930.
- Rostovtzeff M.** Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris: Editions Ernest Leroux, 1923. T. XXVI. P. 99-163.
- Rostovtzeff M. I.** The Sarmatae and Parthians // The Cambridge Ancient History XI. Cambridge, 1936.
- Ross M.** Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington: Harvard University, 1962. Vol. I. 115 p.

- Ross M. C.** Catalog of the Byzantine and early mediaeval antiquities in the Dumbarton Oaks collection. V. II. Washington, 1965. 144 p.
- Rousseau A.** Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le role de Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du gotique. Lille, 1991. p. 143-166.
- Russell J.** The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period // Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Washington: Dumbarton Oaks Research Library, 1995. P. 35-50.
- Ruxer M. S., Kubczak J.** Naszyjnik grecki w okresie hellenistycznym i rzymskim. Warszawa – Poznan, 1972. 274 c.
- Salamon M.** The chronology of Gothic incursions into Asia Minor in the III Century A. D. // Eos. 1971. Vol. 59.
- Salin B.** Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904.
- Schilbach E.** Byzantinische Metrologie. München, 1970. 291 S.
- Schulze-Dörrlamm M.** Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 2002. 258 S.
- Schröder E.** Busbecq's kringgotisches Vokabular // Nachrichten der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse aus dem Jahre 1910. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1910. S 1-16.
- Schwarz A.** Die gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts. Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter. Wien, 1992.
- Seillier C.** Les tombes de transition du cimetière germanique de Vron (Somme) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz, 1992. 36/1982, Teil 2. P. 599-634.
- Ševčenko I.** The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25.
- Scorpan C.** Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. Bucarest, 1977. T. XXI. P. 269-297.
- Šćukin M. B.** A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // Actes de colloque International l'Armée romaine et les Barbares du IVe–VIIe siècle. Paris, 1993.
- Sodini J. -P., Villeneuve E.** La passage de la céramique byzantine à la céramique omeyyade // La Syrie de Byzance à l'islam VIIe-VIIIe siècles. Damas, 1992.
- Salamon A., Barkóczy L.** Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // Alba Regia. XI/1970. Székesfehérvár, 1971. S. 35-80.
- Soupault V.** A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoche // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V. С. 60-76.
- Stadler P.** Ostgermanische Gräber // Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987. S. 340-348.
- Sternini M.** Il vetro in Italia tra V e X secoli // La verre de l'Antiquité tardive et du haut moyen age. Typologie-Chronologie-Diffusion. Guiry-en-Vexin, 1995.
- Stearns McD. Jr.** Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Saratoga, California: Amna Libri & Co., 1978.
- Tejral J.** Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // AA. 1988. 72. S. 223-304.
- Tejral J.** Neue Aspekte der frühvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 321-392.
- Tempelmann-Mączyska M.** Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricum in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität, 1989. 180 s.
- Thomas S.** Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Leipzig, 1960. S. 54-215.
- The Chronicle** of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.
- The Oxford Dictionary** of Byzantium / Ed. A. P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. I - III.
- Theodori Studitae.** Epistulae // edit. Beck H. -G., Kambylis A., Keydell R. Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Berolini, MCMXCH. I-II.
- Thompson E. A.** A history of Attila and the Huns. Oxford, 1948.
- Teodor D. Gh.** Fibules byzantines des Ve-VIIe siècles dans l'espace Carpat-Danubiano-Pontique // Etudes byzantines et post-byzantines. București, 1997. III. P. 69-91.
- Toepfer V.** Die Gotenfestung Eski-Kermen auf der Krim // Germania. 1942. Bd. 26. Nr. 4. S. 195-200.

- Tomaschek W.** Die Goten in Taurien. Ethnologische Forschungen über Ost-Europa und Nordasien I. Wien. 1881.
- Treadgold W.** Byzantium and Its Army, 284-1081. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Tunmann J. E.** Der Krimische Staat // Büsching A. F. Grosse Erdbescheibug. Das Asiatische Russland und die Krimische Tartarei. 1784.
- Uense S.** Gegossene Fibeln mit Scheinumwicklung des Bügels in den Östlichen Balkanprovinzen // Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. München, 1974. II. S. 483-494.
- Uense S.** Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 43. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1992. 600 s.
- Vaday A. H.** Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // Antaeus. Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1989. N17-18. 290 s.
- Vágó E. B., Bóna I.** Die Gräberfelder von Intercisa. Der spätrömische Südostfriedhof. Budapest, 1976. 243 S.
- Vasiliev A. A.** The Goths in the Crimea (Monographs of the Medieval Academy of America, No 11). The Medieval Academy of America, Cambridge, Mass., 1936.
- Vernadsky G.** Ancient Russia. New Haven: Yale University Press; London: Humprey Milford, Oxford University Press, 1943. 425 p.
- Vinski Z.** Zikadenschmuck aus Jugoslawien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1957. N. 4. S. 136-160.
- Vinski Z.** O rovašenim fibulama Ostrogota i Tirinzana povodom rijetkog tirinškog nalaza u Saloni // Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb, 1972-73. №3. VI-VII. P. 177-227.
- Vinski Z.** Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. LXIX/1967, Split, 1974. C. 5-86.
- Vinski Z.** Archäologische spuren ostgotischer anwesenheit im heutigen bereicht Jugoslawiens // Problemi seobe naroda u Karpatskoj kotlini. Novi Sad, 1978. C. 33-47.
- Waldbaum J. C.** Metalwork from Sardis. London, Cambridge, 1983. 216 p.
- Wamser L.** (Hrg.) Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe. Munchen, 2004. 475 S.
- Weitzmann K.** (Ed.) Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. New-York, 1979. 736 p.
- Welkov I.** Eine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien) // Germania. 19. 1935. S. 149-158.
- Williams C.** Anemurium: The Roman and Early Byzantine Pottery // Subsidia Mediaevalia 16. Toronto, 1989.
- Die Welt von Byzanz.** Europas Östliches Erbe. München, 2004. 475 s.
- Werner J.** Slawische Bügelfibeln des VII. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150-172.
- Werner J.** Waage und Geld in der Merowingerzeit // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1954. Heft 1.
- Werner J.** Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1955. N1. S. 36-43.
- Werner J.** Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
- Werner J.** Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. 1. Die Fibeln. Berlin, 1961. 68 S.
- Werner J.** Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel // Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt. Zurich, 1966. S. 283-292.
- Wolfram H.** Histoire des Goths. Paris: Albin Michel, 1990. 574 p.
- Yeroulanou A.** Diatria. Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens: Benaki Museum, 1999. 320 p.
- Zieling N.** Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien I. British Archaeological Reports. International Series 505(i). Oxford, 1989.
- Zonaras Ioannes.** Annales. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Tomus II. Bonn, MDCCCXLIV.
- Zosime.** Histoire nouvelle. Tome I / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971.
- Zosime.** Histoire nouvelle. Tome II / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1979.

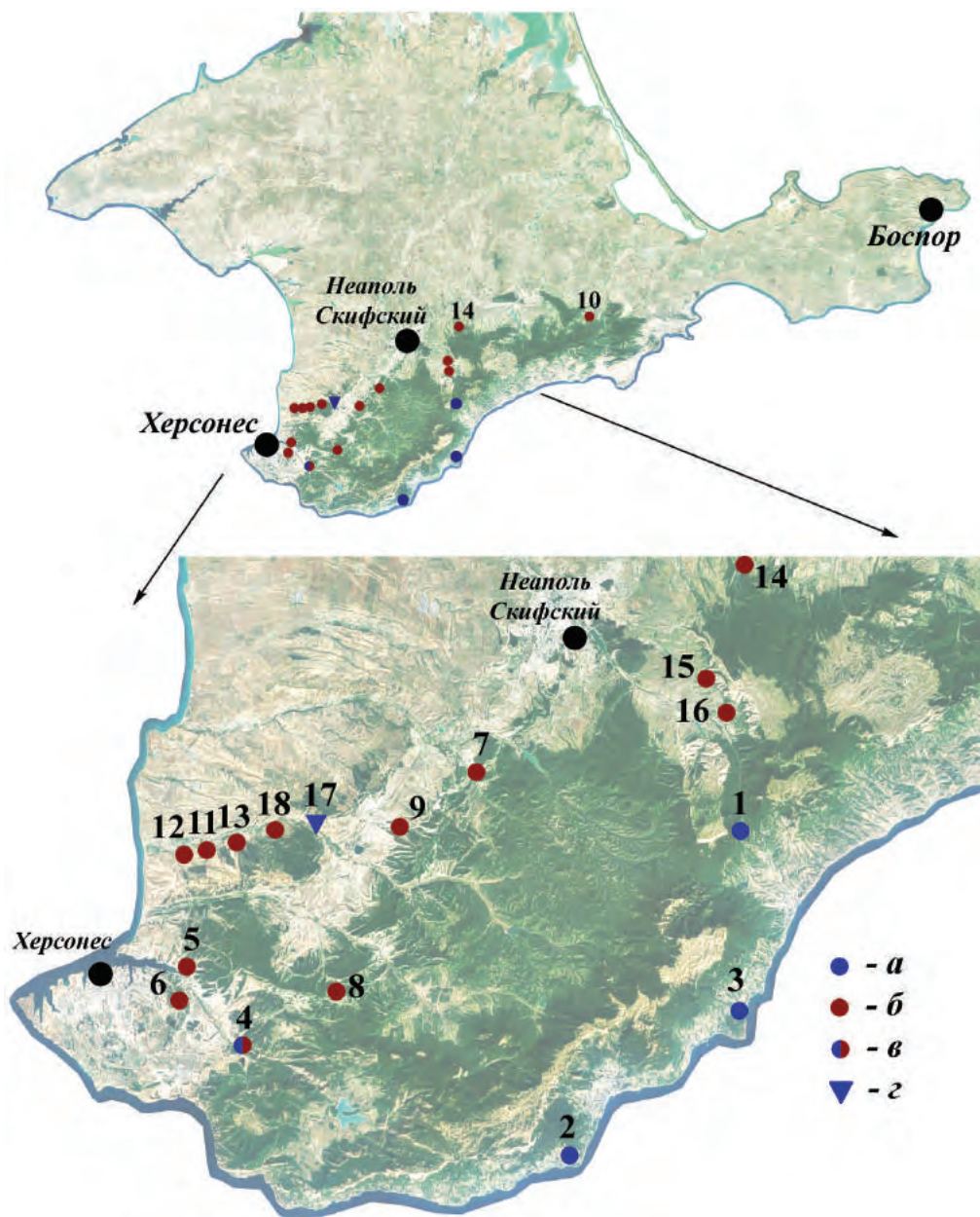

Рис. 1. Юго-Западный Крым в середине III-IV вв.

а – могильники с кремациями; *б* – могильники с ингумациями;

в – биритуальный могильник; *г* – клад монет; 1 – Чатыр-Даг; 2 – Харакс; 3 – Партемит; 4 – Черная Речка; 5 – Инкерман; 6 – Килен-Балка; 7 – Озерное; 8 – Мангун; 9 – Сувлу-Кая; 10 – Курское; 11 – Суворово; 12 – Вишиное; 13 – поселение и некрополь в Тенистом (Тас-Тепе); 14 – Нейзац; 15 – Дружное; 16 – Перевальное; 17 – Долинное; 18 – Красная Заря

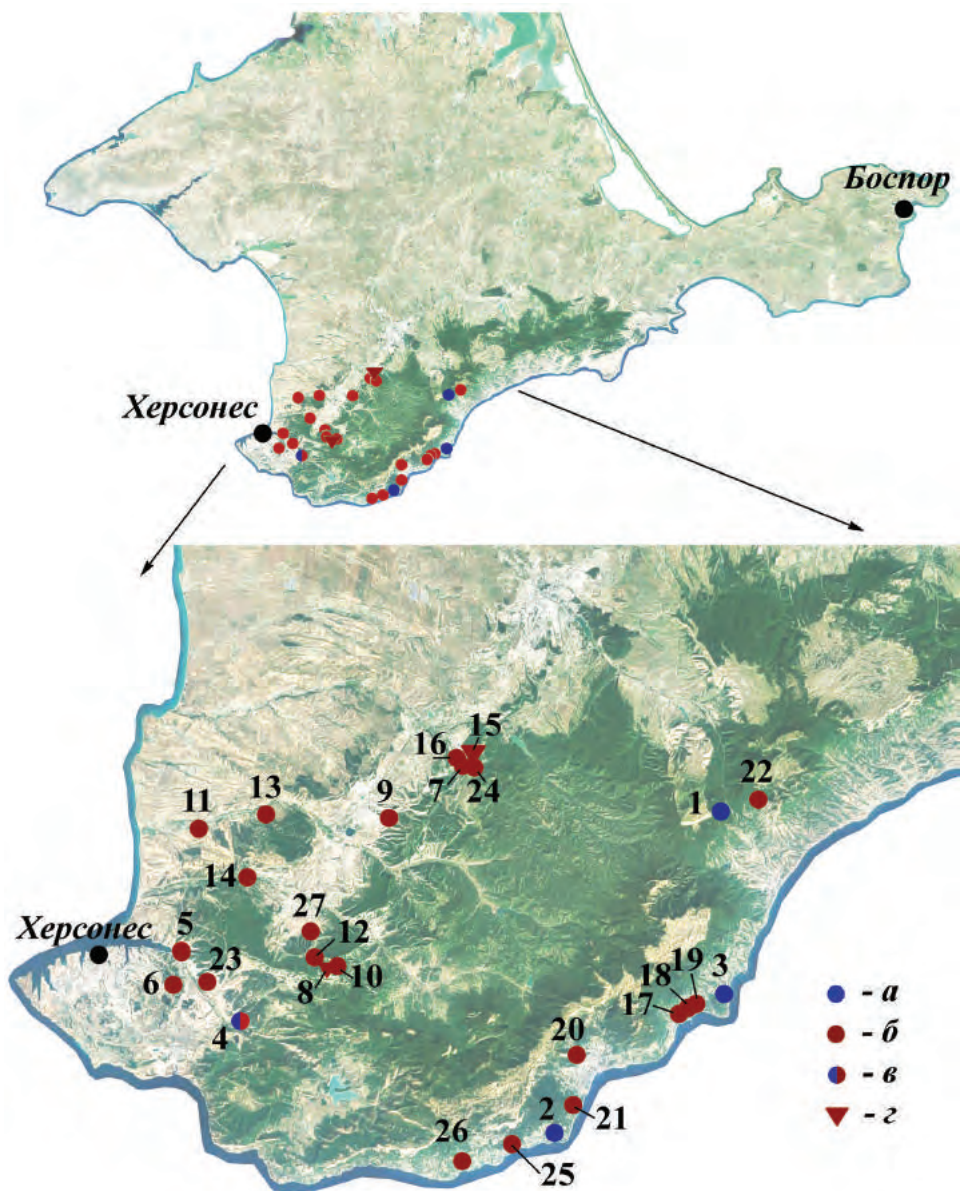

Рис. 2. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов.
а – могильники с кремациями; *б* – могильники с ингумациями;
в – биритуальный могильник; *г* – поселения на плато; 1 – Чатыр-Даг; 2 – Харакс;
 3 – Партенит; 4 – Черная Речка; 5 – Инкерман; 6 – Килен-Балка; 7 – Озерное;
 8 – Мангун; 9 – Сувлу-Кая; 10 – Алмалык-Дере; 11 – Суворово; 12 – Каралез;
 13 – Красная Заря; 14 – Карши-Баир; 15 – Бакла; 16 – Скалистое; 17 – Гурзуф;
 18 – Суук-Су; 19 – Артек; 20 – Алония; 21 – Ореанда; 22 – Лучистое;
 23 – Сахарная Головка; 24 – Баклинский Овраг; 25 – Кореиз; 26 – Симеиз; 27 – Красный Мак

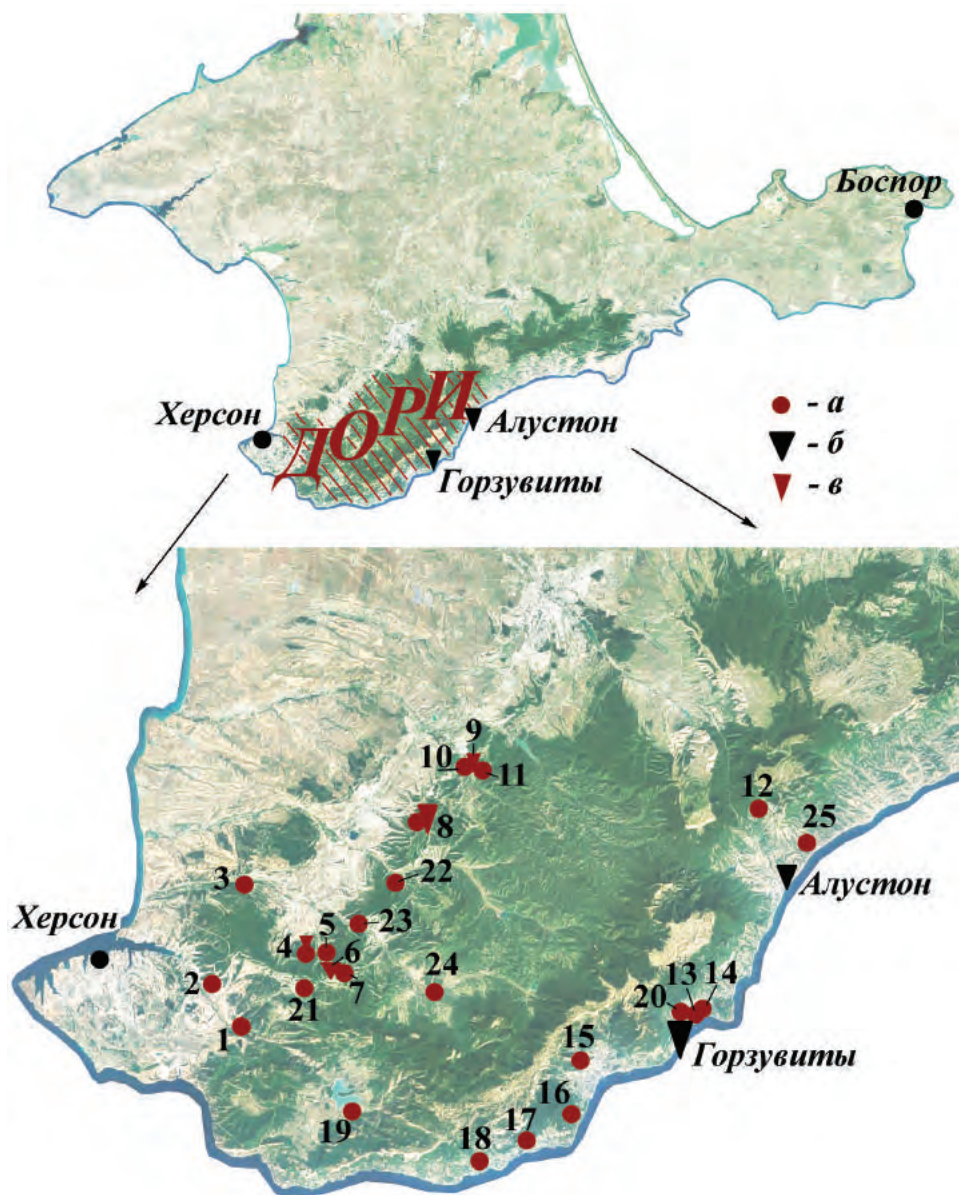

Рис. 3. Юго-Западный Крым в VI-VII вв.

- а* – могильники; *б* – крепости, построенные при Юстиниане I;
в – крепости, построенные в постюстиниановское время; 1 – Черная Речка;
 2 – Сахарная Головка; 3 – Карши-Баир; 4 – Эски-Кермен; 5 – Каралез; 6 – Мангун
 (Дорос); 7 – Алмалык-Дере; 8 – Чуфут-Кале; 9 – Бакла; 10 – Скалистое;
 11 – Баклинский Овраг; 12 – Лучистое; 13 – Суук-Су; 14 – Артек; 15 – Алония;
 16 – Ореанда; 17 – Кореиз; 18 – Симеиз; 19 – Узень-Баи (Скеля); 20 – Бал-Гота;
 21 – Терновка; 22 – Баиштановка; 23 – Малое Садовое; 24 – Аромат; 25 – Семидворье

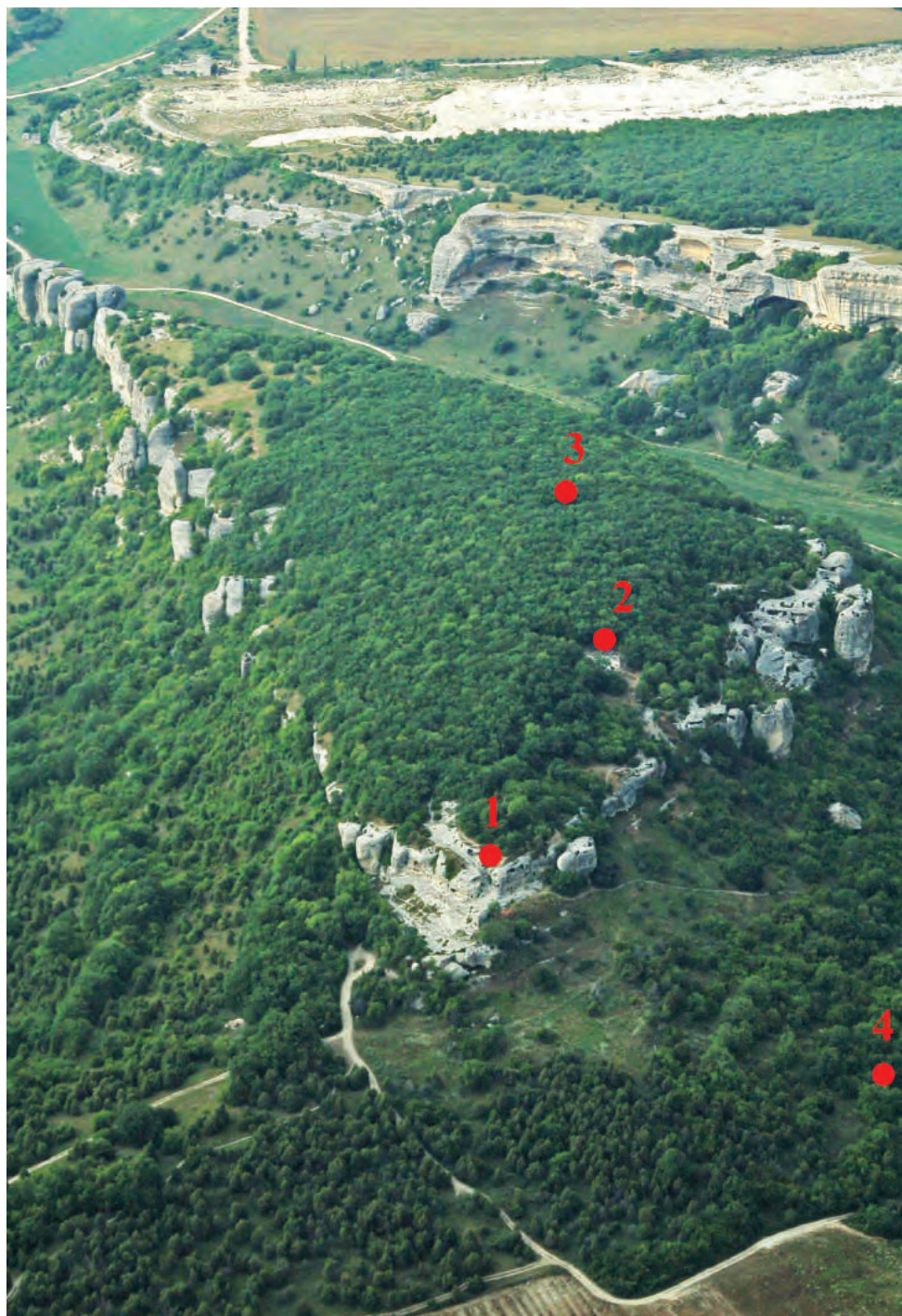

-1|Г2-

*Рис. 4. «Пещерные города» Юго-Западного Крыма.
1 – Мангун; 2 – Бакла [фото А. И. Айбабина]*

*Рис. 5. Крепость на плато Эски-Кермен.
1 – Главные ворота; 2 – Квартал 1; 3 – Базилика; 4 – ранний участок некрополя*

*Рис. 6. Могильник у с. Лучистое, склеп 126 первой половины V в. Вид с юго-востока.
[фото А. И. Айбабина]*

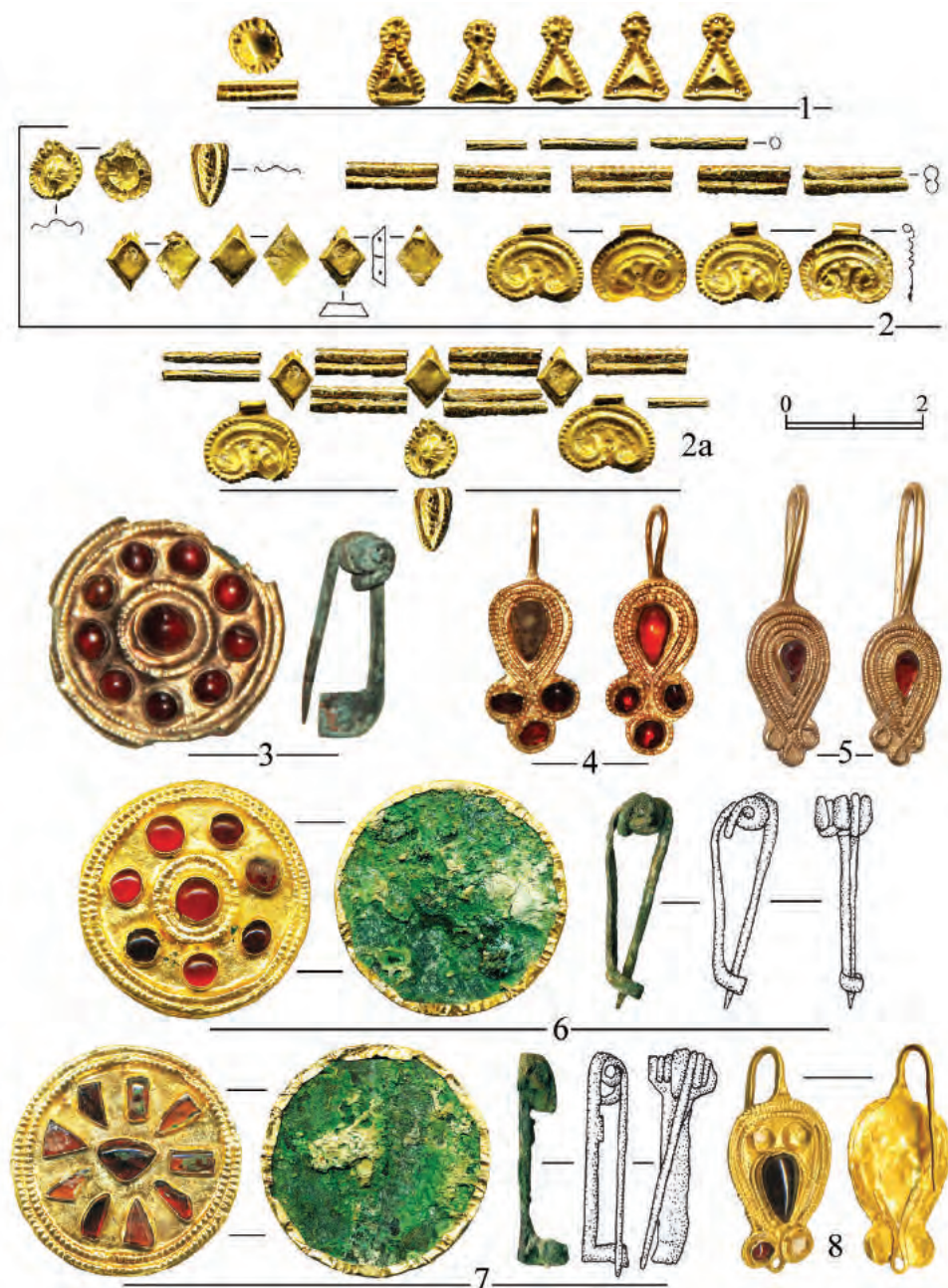

Рис. 7. Женские фибулы и украшения эпохи
 великого переселения народов из могильников Юго-западного Крыма.
 1,2,6-8 – Алмалык-Дере (1,2 – склеп 189/2007; 2а – вариант реконструкции
 нашивного украшения; 6-8 – склеп 65/1998); 3-5 – Лучистое, склеп 126.
 [1,2,6-8 – по Мацзыńska 2016, Taf. 34; 37, 4; 315;
 2а – реконструкция Э. А. Хайрединовой; 3-5 – фото Э. А. Хайрединовой]

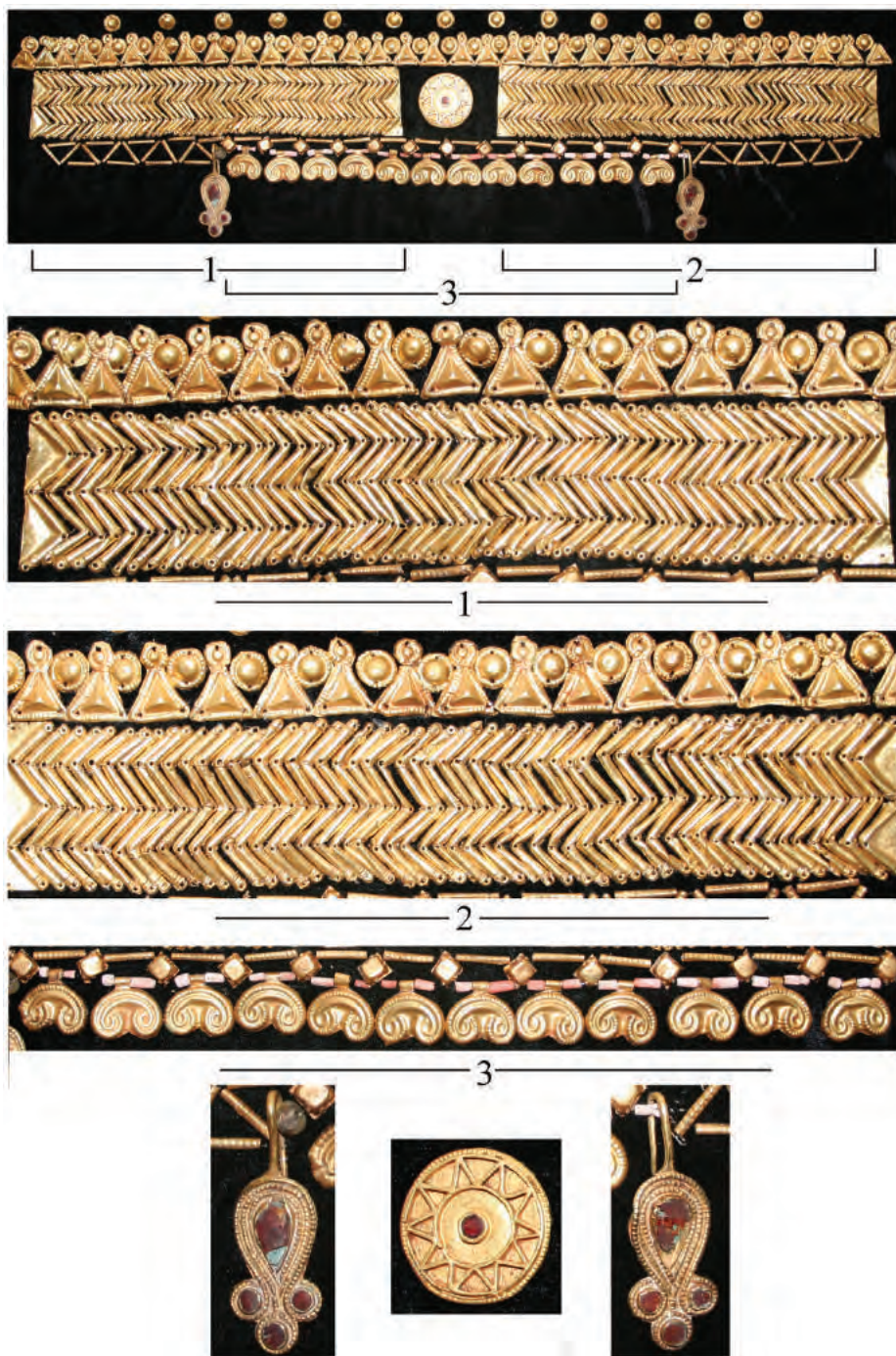
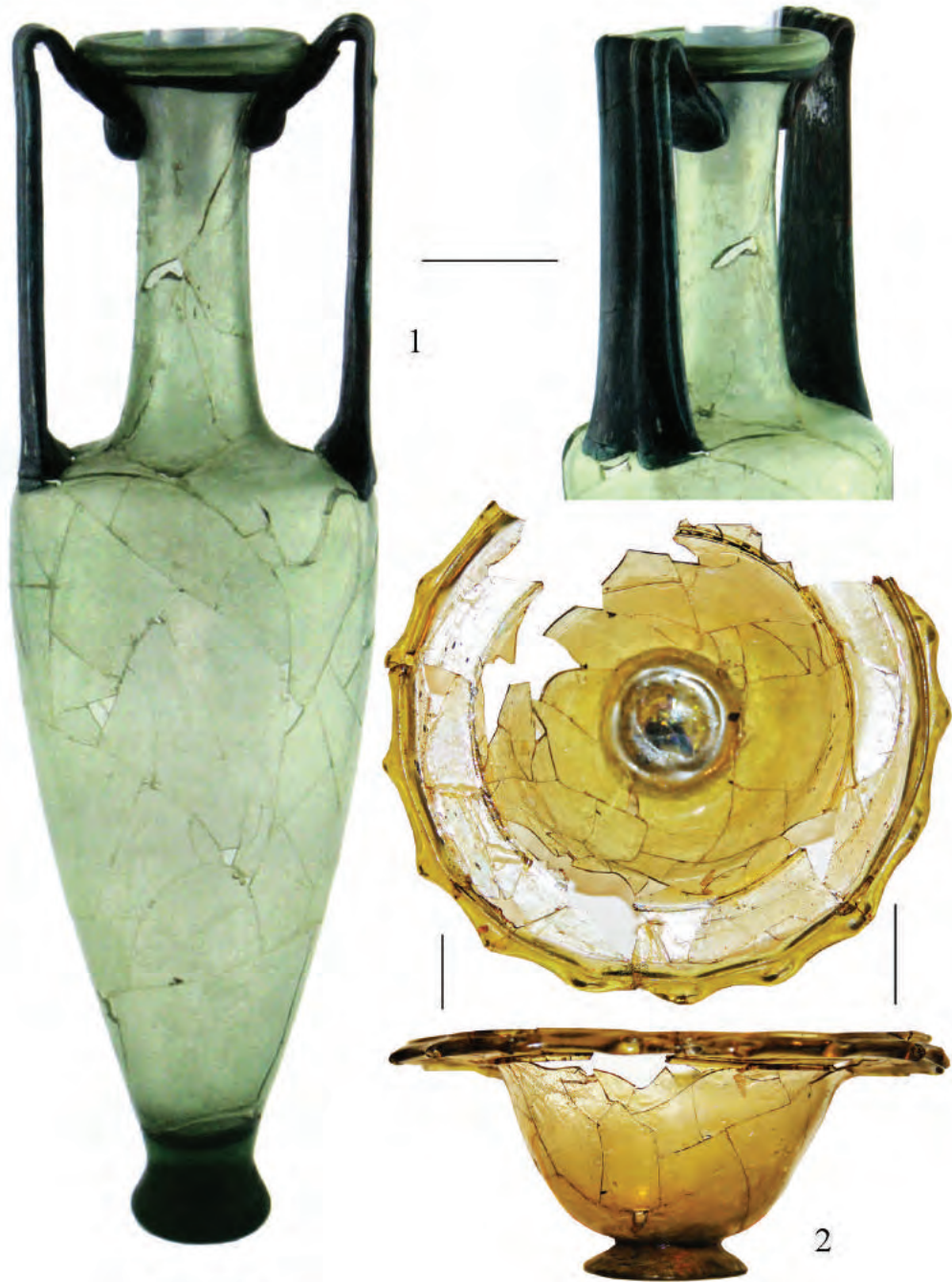

Рис. 8. Могильник у с. Лучистое, могила 82. Женская налобная повязка, расшитая золотыми бляшками и серьги эпохи Великого переселения народов.
 [Реконструкция и фото Э. А. Хайрединовой]

Рис. 9. Могильник у с. Лучистое. Стеклянная посуда из склепов первой половины V в.
[Фото Э. А. Хайрединовой]

*Рис. 10. Могильник у с. Лучистое. Стеклянная посуда из склепов первой половины V в.
[Фото Э. А. Хайрединовой]*

Рис. 11. Могильник у с. Лучистое, склеп 232, погребения нижнего слоя конца VI – первой половины VII вв. [фото А. И. Айбабина]

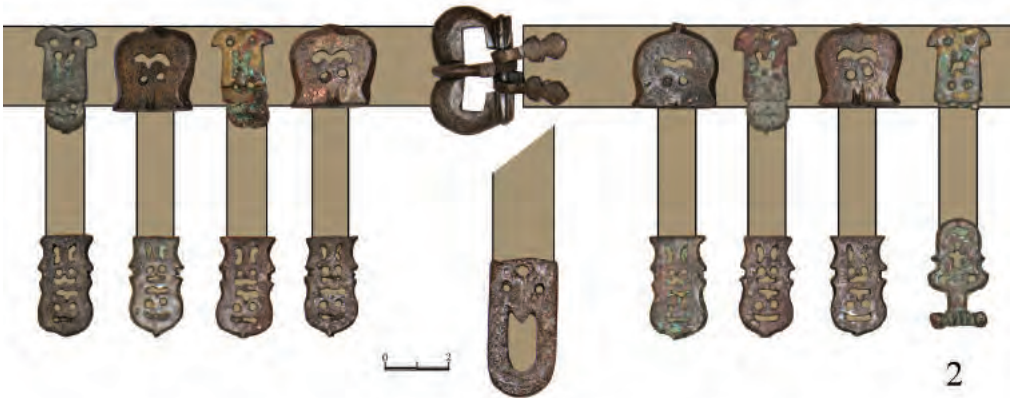

Рис. 12. Могильник у с. Лучистое. Склеп 77, погребение 1.
 Детали женского парадного убора второй половины VI в. [Фото Э. А. Хайрединовой]

1

2

Рис. 13. Византийский воинский геральдический пояс второй половины VI в. из могильника у с. Лучистое, из склепа 74 (2) и изображение воина на ранневизантийской фреске из Киссуфима (Израиль)

Рис. 14. Реконструкции женского парадного убора крымских готов с ожерельями второй половины VI – начала VII вв.
 1,4 – Лучистое (1 – склеп 207, погребение 5; 4 – склеп 268, погребение 8);
 3 – Мангуп, тешкли-бурунский клад; 4 – Алония, склеп 2, погребение 3.
 [Реконструкции и рисунок Э. А. Хайрединовой]

Рис. 15. Могильник у с. Лучистое, склеп 46а.
 Женское погребение конца VI – первой четверти VII вв.
 I – реконструкция убора погребенной; 1-4 – находки из захоронения.
 [Реконструкция, рисунок и фото Э. А. Хайрединовой]

Рис. 16. Могильник у с. Лучистое, склеп 43. Женское погребение второй половины VII вв.
 I – реконструкция убора погребенной; 1-4 – находки из захоронения.
 [Реконструкция, рисунок и фото Э. А. Хайрединовой]

Список сокращений

- АДСВ** – Античная древность и средние века
АП – Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ – Боспорские исследования
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИОЛЕАЭ – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии
КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПАВ – Петербургский археологический вестник
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия Наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ХСб – Херсонесский сборник
ДОР – Dumbarton Oaks Papers
IOSPE – Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini

Научное издание

АЙБАБИН Александр Ильич
ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна

КРЫМСКИЕ ГОТЫ
страны Дори
(середина III–VII в.)

Перевод
на английский *Н. И. Храпунов*

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка и дизайн *В. А. Бибик*
Корректор *Т. Н. Юкало*

Подписано в печать 09.12.2017
Формат 70 × 100/16
Усл. печ. л. 29,7
Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908